16.934

Библіотека П. Г. Гуцнаго
№ 540 1898

ПРОПИЛЕИ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Ф. ЛЕОНТЬЕВЫМЪ.

Книга II.

Изданіе второе.

МОСКВА.
Въ Типографіи Каткова и К°.
1857.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Октября 24 дня 1856 года.

Цензоръ Н. Гиляровъ-Платоновъ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ПЕРЕВОДЫ, РАЗБОРЫ И ОПИСАНІЯ ПАМЯТНИКОВЪ, ИЗСЛѢДОВАНІЯ, ХАРАКТЕРИСТИКИ, ОЧЕРКИ.

Державний музей Т.Г.Шевченка БІБЛІОТЕКА ІНВ. №
17509,

ЭДИПЪ ЦАРЬ

ТРАГЕДІЯ СОФОКЛА

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

С. ШЕСТАКОВЪ.

(Посвящается П. П. Кудрявцеву.)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Эдипъ.

Жрецъ.

Креонтъ.

Тиресій.

Іокаста.

Вѣстникъ изъ Коринѳа.

Пастухъ Лаевъ.

Слуга изъ дома Эдипа.

Хоръ ѳивскихъ старцевъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Ѳивахъ въ миѳическое время.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ самой трагедіи преданіе объ Эдипѣ передается слѣдующимъ образомъ: Царю ѳивскому Лаю, сыну Лабдака, женатому на Іокастѣ, дочери Менекея, сестрѣ Креонта, было предсказано оракуломъ, что ему опредѣлено судьбою умереть отъ сына, который родится отъ Іокасты. Когда родился этотъ сынъ, Лай связалъ ему ноги и велѣлъ его забросить. Іокаста отдала ребенка пастуху, который пасъ стада Лаевы въ окрестностяхъ Киѳерона, съ тѣмъ, чтобы онъ бросилъ его въ пустынѣ. Но пастухъ сжалился надъ невиннымъ ребенкомъ и отдалъ его другому пастуху, пасшему тамъ же стада коринѳскаго царя, Полиба. Коринѳскій пастухъ отнесъ ребенка къ своему царю, который, не имѣя дѣтей, и усыновилъ его. Найденышъ названъ Эдипомъ. Онъ выросъ въ той увѣренности, что онъ сынъ Полиба; но разъ какой-то пьяный на пиру попрекнулъ его тѣмъ, что онъ найденышъ. Напрасно старались успокоить его Полибъ съ женой своей, Меропой: Эдипъ ушелъ безъ ихъ вѣдома къ Дельфійскому оракулу спросить о своемъ происхожденіи. Но оракулъ не далъ ему прямаго отвѣта и предсказалъ, что онъ, убивъ отца своего, будетъ мужемъ матери и приживетъ съ ней дѣтей. Все еще считая своимъ отцемъ Полиба, Эдипъ боится, послѣ этого предсказанія, воротиться въ Коринѳъ и отправляется странствовать. Разъ на дорогѣ встрѣчаетъ онъ ѣдущаго на колесницѣ старика въ сопровожденіи нѣсколькихъ рабовъ. Этотъ старикъ былъ Лай. Завязалась ссора,

и Эдипъ убилъ и Лая, и всѣхъ рабовъ, кромѣ одного, того самаго пастуха, которому онъ былъ отданъ когда-то своею матерью, который спасъ его отъ смерти. Пастухъ возвращается въ Ѳивы и доноситъ о смерти Лая. Въ это время поселяется близь Ѳивъ на скалѣ чудовищный Сфинксъ. Это чудовище — крылатое, съ головой и руками женщины, съ туловищемъ собаки, съ хвостомъ дракона, съ когтями львиными, съ голосомъ человѣческимъ. Оно предлагаетъ Ѳивянамъ загадки и терзаетъ тѣхъ, которые не умѣютъ рѣшить ихъ. Стономъ и плачемъ наполнились Ѳивы. И вотъ является туда Эдипъ, рѣшаетъ предложенную ему Сфинксомъ загадку и освобождаетъ Ѳивы отъ страшнаго врага. Сфинксъ бросается въ море. Эдипъ въ награду получаетъ руку Іокасты и съ нею царство. Уже нѣсколько лѣтъ живетъ онъ, какъ мужъ, съ матерью, уже прижилъ онъ съ ней четверыхъ дѣтей; но не забыли боги страшнаго преступленья. Никому неизвѣстно оно, но хотятъ боги, чтобы оно было открыто, и вотъ насылаютъ они на ѳивскую землю страшный моръ. И снова плачетъ и стонетъ земля. Но здѣсь начинается трагедія.

—

Переводчикъ считаетъ нужнымъ замѣтить, что онъ старался быть, сколько можно, ближе къ подлиннику. Въ хорахъ онъ держался по возможности размѣровъ Софокловыхъ и сохранилъ ихъ разнообразіе, чтобы не нарушить соотвѣтствія между содержаніемъ и метромъ, составляющаго такую важную принадлежность греческой поэзіи.

Сцена представляетъ мѣсто передъ дворцомъ Эдипа, въ который ведутъ три двери. Передъ дворцомъ на жерственникахъ курятся ѳиміамы, и на ступеняхъ жертвенниковъ сидятъ разнаго возраста Ѳиванe съ молитвенными вѣтвями въ рукахъ и обнимаютъ жертвенники, какъ просящіе у боговъ защиты. Со сцены ведетъ лѣстница въ орхестру, по срединѣ которой стоитъ увѣнчанный и курящійся жертвеникъ Діониса, *ѳимела*. Въ орхестрѣ нѣтъ никого.

ЭДИПЪ.

О дѣти, Кадма древняго потомки,
Зачѣмъ сошлись вы къ симъ мѣстамъ и съ вѣтвью
Молитвенной садитесь къ алтарямъ,*)
А городъ нашъ и жертвеннымъ куреньемъ
И вмѣстѣ пѣньемъ и стенаньемъ полонъ?
Отъ вѣстниковъ узнать я не хотѣлъ
И самъ пришелъ сюда, о дѣти, я,
Извѣстный всѣмъ, прославленный Эдипъ.
Но ты, старикъ, скажи (тебѣ прилично
Всѣхъ прежде слово молвить), вы зачѣмъ
Собрались здѣсь? иль вы чего боитесь,
Иль просите? Скажи, и я исполню.
Безъ сердца былъ бы я, когдабъ не тронулъ
Меня сей видъ молящихся людей.

ЖРЕЦЪ.

Земли моей властитель, царь Эдипъ,
Ты видишь насъ, какіе мы собрались
У алтарей твоихъ. Вотъ здѣсь птенцы,
Еще безсильные летать далеко,
А тамъ лѣтами отягченный старецъ,
Жрецы, и я, жрецъ Зевса, и толпа
Отборныхъ юношей. Народъ же прочій

*) Тѣ, которые приходили молить боговъ о защитѣ и избавленіи отъ несчастій, держали въ рукахъ масличныя вѣтви, обвитыя бѣлою шерстью. Садясь у жертвенниковъ, они клали возлѣ себя эти вѣтви и уносили ихъ, если получали просимую помощь; въ противномъ случаѣ оставляли эти вѣтви у жертвенниковъ и уходили.

Увѣнчанный, Паллады оба храма
И пеплъ пророческій Исмена бога,*)
На площадяхъ, толпами окружилъ.
Какъ видишь самъ, взволнованъ городъ весь;
Не можетъ онъ главы поднять изъ безднъ
Волны кровавой; гибнетъ плодъ земной,
И мрутъ стада, и роды женъ безплодны.
Огнемъ палящій богъ, ужасный моръ,
На городъ нашъ стремительно низвергся.
Пустѣетъ Кадма домъ, а черный адъ
Стенаньями и плачемъ богатѣетъ.
Ни юноши, которыхъ видишь здѣсь,
Ни я, не съ тѣмъ пришли мы къ алтарямъ,
Чтобы равнять тебя съ богами, нѣтъ,
Но изъ людей тебя считаемъ первымъ,
Въ дѣлахъ людскихъ и въ томъ, что боги шлютъ.**)
И прежде ужь, пришедши въ Кадмовъ городъ,
Отъ подати ты насъ освободилъ,
Которую платили мы пѣвицѣ.***)
Безъ наставленья нашего ты самъ
Лишь съ помощью боговъ намъ жизнь исправилъ:
Такимъ тебя считаютъ всѣ у насъ.
Теперь, о дорогой намъ всѣмъ Эдипъ,
Пришли къ тебѣ мы съ просьбой и мольбою:
Найди намъ средство, гласу ль бога внявъ,
Иль знаешь какъ-нибудь отъ человѣка:
Затѣмъ что много-опытнаго мужа
Совѣтъ и слово живы, знаю я.
Иди, о лучшій изъ людей, иди,
Заботою своей воздвигни городъ.
Хотя тебя за прежнюю услугу
Спасителемъ земля сія зоветъ;

---

*) *Пророческій пеплъ* Исмена бога — храмъ Аполлона на рѣкѣ Исменѣ. Пеплъ, потому что предсказанія дѣлались по сжигаемымъ жертвамъ.

**) Въ подлинникѣ: *ἔν τε συμφοραῖς βίου, ἔν τε δαιμόνων ξυναλλαγαῖς.* Первымъ разумѣются обыкновенные случаи жизни; второе означаетъ болѣе рѣдкіе, выходящіе изъ обычнаго порядка жизни, случаи жизни, случаи, какъ напримѣръ, появленіе Сфинкса, моръ.

***) Пѣвица — Сфинксъ.

Но не желали бъ такъ тебя мы помнить,
Что, чрезъ тебя поднявшися однажды,
Потомъ опять упали при тебѣ.
Итакъ спаси отъ бѣдъ ты городъ нашъ!
Какъ прежде ты счастливою судьбой
Далъ счастье намъ, такимъ же будь теперь!
И если, какъ теперь, царемъ ты будешь
Надъ этою землей, то лучше быть
Царемъ людей, а не страны пустой.
Вѣдь если нѣтъ живаго человѣка,
Къ чему корабль, къ чему пустыя башни?

ЭДИПЪ.

О дѣти бѣдныя, извѣстно мнѣ,
Не безъизвѣстно все, за чѣмъ пришли вы.
Я знаю, что вы всѣ больны, но, дѣти,
Никто изъ васъ не боленъ такъ, какъ я:
Лишь за себя страдаетъ каждый въ васъ,
Душа жь моя и за меня страдаетъ,
И за тебя, за весь народъ болитъ.
Не спящаго отъ сна вы разбудили,
Нѣтъ, знайте, много я скорбѣлъ и плакалъ
И путь большой заботы ужь прошелъ.
Что могъ одно придумать въ долгой думѣ,
То сдѣлалъ я, и сына Менекея,
Креонта, зятя моего, въ пиѳійскій
Домъ Феба я послалъ, чтобъ онъ спросилъ,
Какимъ я словомъ или дѣломъ городъ
Изъ этой бездны золъ могу извлечь.
Пора бъ ему уже назадъ прибыть;
Крушитъ меня забота, что съ нимъ сталось;
Отсутствуетъ онъ больше, чѣмъ бы нужно.
Когда жь воротится, что богъ прикажетъ,
Я былъ бы злой, когдабъ все не исполнилъ.

(Юноши указываютъ въ лѣвую отъ зрителя сторону, откуда всегда приходили на сцену люди, прибывающіе изъ чужбины.)

ЖРЕЦЪ.

Какъ кстати ты сказалъ! Ужь вотъ они
Мнѣ возвѣщаютъ, что Креонтъ идетъ.

ЭДИПЪ.

О Аполлонъ! когдабъ спасенья свѣтъ
Принесъ онъ такъ, какъ свѣтелъ онъ очами.

ЖРЕЦЪ.

Какъ кажется, онъ съ радостью идетъ;
Когдабъ не такъ, вѣнчать главу свою
Не сталъ бы онъ лавровыми вѣтвями.*)

ЭДИПЪ.

Узнаемъ скоро. Близко онъ, и рѣчь
Его мы можемъ ужь внимать. О князь,
Мой родственникъ, сынъ Менекея славный,
Какое слово бога намъ несешь ты?

КРЕОНТЪ.

Хорошее: когда конецъ счастливъ,
Тогда и тяжкое ведетъ ко счастью.

ЭДИПЪ.

Какое жь это слово? Изъ того,
Что ты сказалъ, нельзя вѣдь мнѣ пока
Ни смѣлымъ быть, ни ощущать боязнь.

КРЕОНТЪ.

Сказать готовъ. При всемъ ли здѣсь народѣ
Сказать велишь, или войдти намъ въ домъ?

ЭДИПЪ.

Скажи при всѣхъ. За нихъ вѣдь я страдаю
Сильнѣй и больше, чѣмъ за жизнь свою.

КРЕОНТЪ.

Такъ я скажу, что слышалъ я отъ бога.
Велѣлъ намъ ясно Фебъ, о царь, изгнать
Страны позоръ, воспитанный въ самой
Странѣ, а не питать неизлечимый.

ЭДИПЪ.

Какое жь зло? И какъ его очистить?

---

*) Возвращавшіеся отъ Дельфійскаго оракула съ благопріятнымъ отвѣтомъ украшали свою голову лавровыми вѣнками.

КРЕОНТЪ.

Изгнать, иль кровью кровь омыть опять,
За тѣмъ, что кровь волнуетъ городъ нашъ.

ЭДИПЪ.

Судьбу какого мужа богъ вѣщаетъ?

КРЕОНТЪ.

О царь, у насъ до твоего прихода
Былъ прежде Лай властитель сей земли.

ЭДИПЪ.

По слуху знаю, не видалъ его.

КРЕОНТЪ.

Теперь намъ ясно богъ велитъ казнить
Людей, которые его убили.

ЭДИПЪ.

Но гдѣ жь они? И какъ найдемъ теперь
Слѣдъ тайный давняго ужь преступленья?

КРЕОНТЪ.

Въ странѣ самой, такъ богъ сказалъ. Что ищешь,
Найдти легко; лишь то сокрыться можетъ,
О чемъ заботы мы не прилагаемъ.

ЭДИПЪ.

Въ домахъ ли здѣсь, иль въ полѣ гдѣ-нибудь,
Или въ странѣ чужой убитъ былъ Лай?

КРЕОНТЪ.

Пошелъ онъ въ Дельфы, богъ сказалъ, и къ дому
Съ тѣхъ самыхъ поръ ужь онъ не возвращался.

ЭДИПЪ.

Съ нимъ спутникъ не былъ ли какой, иль вѣстникъ,
Чтобъ отъ него узнать намъ можно было?

КРЕОНТЪ.

Погибли всѣ, одинъ лишь спасся бѣгствомъ,
И тотъ не могъ намъ ничего сказать
О томъ, что видѣлъ онъ; одно лишь только....

ЭДИПЪ.

Что жь это? вѣдь одно ужь можетъ насъ
Ко многому вести, малѣйшій только бъ
Надежды слѣдъ намъ удалось найдти.

КРЕОНТЪ.

Онъ говорилъ, что не одной рукой,
А цѣлою толпой воровъ былъ Лай
Убитъ.

ЭДИПЪ.

Но какъ могъ воръ столь дерзкимъ быть,
Когдабъ отсюда онъ подкупленъ не былъ?

КРЕОНТЪ.

Такъ думали. Но Лай когда погибъ,
Въ бѣдахъ никто защитой не былъ намъ.

ЭДИПЪ.

Какая же бѣда мѣшала вамъ,
Когда вашъ царь погибъ, узнать все дѣло?

КРЕОНТЪ.

Загадочныя пѣсни Сфинкса намъ
На близкую бѣду смотрѣть велѣли,
А не искать того, что далеко.

ЭДИПЪ.

Но я все самъ раскрою это снова.
Достойно Фебъ, и ты равно достойно
Заботу приняли объ томъ убитомъ.
Соратникомъ меня узрите вы
И за страну, и вмѣстѣ съ тѣмъ за бога.
И не друзей далекихъ только тѣмъ,
Но и себя я отъ бѣды спасу.
Вѣдь кто убилъ его, тотъ также скоро
Меня убить захочетъ той рукой.
Его убійцѣ мстя, себя спасаю.
Скорѣй же, дѣти, встаньте вы съ ступеней,
Молитвы вѣтви поднимите вверхъ.
Одинъ изъ васъ пусть соберетъ народъ.
Я волю бога совершить готовъ:
Иль счастье богъ намъ шлетъ или погибель!

ЖРЕЦЪ.

Такъ встанемъ, дѣти! Мы за чѣмъ пришли,
То намъ обѣщано. Да придетъ Фебъ,
Пророчество сіе пославшій богъ,
Спасти и отъ болѣзни насъ избавить.

(Всѣ уходятъ. Хоръ старцевъ, представляющій собою вѣче ѳивское, входитъ въ орхестру справа, приближается къ ѳимелѣ и дѣлаетъ около нея разныя движенія.)

ХОРЪ.

О сладкогласное Зевсово слово! въ свѣтлыя Ѳивы
Изъ золотаго что принесло ты Пиѳона? *)
Страшною мыслью смущенъ я и въ трепетъ повергнутъ боязнью,
О исцѣлитель, Делосскій Пеанъ! **)
Въ ужасѣ благоговѣйномъ смотрю я,
Дѣло какое мнѣ съ бѣгомъ часовъ или нынѣ свершишь ты.
Слово безсмертное, чадо Надежды златой, мнѣ повѣдай!
Прежде тебя призываю, богиня Аѳина, дочь Зевса,
И Артемиду, держащую землю,
Что возсѣдаетъ на славномъ престолѣ на площади ѳивской, ***)
Также тебя, далеко попадающій Фебъ,
Іо! Іо!
Три защиты отъ смерти явитесь!
Если и прежде на городъ низвергшейся пагубы пламя
Вы удалили, придите и нынѣ!

* * *

Моимъ страданьямъ нѣтъ числа,
Народъ мой весь, о боги, боленъ,
И не вижу я въ мысли копья на защиту.
Славной земли ужь не множится плодъ,
Женщины наши не сносятъ ужь больше
Мукъ, вынуждающихъ вопли въ родахъ.
Еслибъ ты посмотрѣлъ,
Какъ одинъ за однимъ, что крылатыя птицы,
Все стремятся они къ брегу мрачнаго бога, ****)
Быстрѣй необоримаго огня.

---

*) Пиѳонъ — древнее названіе Дельфъ. Золотой — по богатству своего храма.

**) Пеаномъ называется Аполлонъ въ томъ же смыслѣ, какъ и цѣлителемъ болѣзней.

***) Храмъ Артемиды былъ на площади ѳивской.

****) Ада.

Потерямъ нашимъ нѣтъ числа;
Отъ нихъ нашъ городъ погибаетъ.
Смертоносные трупы лежатъ безъ призора.
Съ разныхъ сторонъ собрались къ алтарямъ
Всѣ сѣдовласыя матери, жены,
Съ воплемъ отъ бѣдъ избавленія просятъ.
Слышенъ громкій пеанъ,
Вмѣстѣ съ нимъ раздаются согласно рыданья.
Зевса дочь золотая! пошли намъ
Отъ бѣдъ защиту и спасенье.

*
* *

Арей губитель безъ оружья
Напалъ на насъ и жжетъ огнемъ.*)
И стоцъ вокругъ.... О Зевса дочь,
Поворотн назадъ его стремленье!
Отъ нашихъ странъ пусть онъ бѣжитъ, —
Въ ложе бѣжитъ Амфитриты,
Иль къ берегамъ непривѣтнымъ
Ѳракіи дальней.
Пощадитъ ли ночь кого,
День беретъ за ней идущій.
Ты, владѣющій громами,
Зевсъ, огнемъ своихъ перуновъ,
Погуби его, отецъ!
Ликійскій царь**), о еслибъ ты
Свои послалъ на помощь стрѣлы
Съ златокрученой тетивы,
И свѣточи послала Артемида,
Что свѣтятъ ей, когда богиня
Ликіи горы обходитъ;
Митрой вѣнчаннаго бога
Вакха зову я,

---

*) Здѣсь разумѣется Арей, первоначально богъ не только войны, но и всего страшнаго и разрушительнаго. Софоклъ и здѣсь, и въ прологѣ изображаетъ его, какъ бога ненавистнаго, враждебнаго людямъ.

**) Ликійскій царь — Аполлонъ. Имя это получилъ онъ, по однимъ, отъ своего оракула въ Ликіи, по другимъ, отъ истребленія волковъ (λύκος) въ Сикіонѣ.

Нашей родинѣ родного, *)
Предводителя Менадъ,
Вдохновляющаго бога!
На безславнаго въ богахъ,
Вакхъ, съ огнемъ своимъ приди!

(При послѣднихъ словахъ выходитъ Эдипъ. Хоръ, окончивъ пѣніе, располагается у ѳимелы. Выше другихъ, на ступеняхъ ѳимелы, стоитъ корифей хора, который отъ лица хора разговариваетъ съ Эдипомъ.)

ЭДИПЪ.

Ты просишь силы и отъ бѣдъ спасенья;
И получить, что просишь, можешь ты,
Когда словамъ моимъ захочешь внять
И сдѣлать то, что требуетъ болѣзнь.
Но я скажу, хотя не знаю я
Ни дѣла, ни молвы; а, слѣда не имѣя,
Открыть я могъ бы самъ немного.
Теперь, въ числѣ гражданъ недавно числясь,
Я всѣмъ потомкамъ Кадма объявляю:
Чтобъ тотъ изъ васъ, кто знаетъ, отъ кого
Погибъ Лабдаковъ сынъ, мнѣ все сказалъ.
И если самъ себя кто обвинить
Боится, избѣгая наказанья,
Пусть знаетъ тотъ: бѣды другой терпѣть
Не будетъ онъ, но невредимъ страну
Оставитъ. Если жь кто убійцу знаетъ,
Пусть не молчитъ, укажетъ пусть, и я
Награду дамъ и буду благодаренъ.
Когда жь молчать вы будете, и слово
Никто не скажетъ изъ боязни мнѣ
За друга, за себя ль, вотъ что тогда
Я сдѣлаю, вы выслушать должны.
Кто бъ ни былъ этотъ человѣкъ, его
Во всей странѣ, которой я владѣю,
Я запрещаю принимать; пусть съ нимъ
Никто не молвитъ слова, пусть къ молитвѣ
Общественной его не доспускаютъ,
Ни къ жертвамъ, ни къ чистительной водѣ;
И отъ домовъ его пусть гонятъ всѣ,

---

*) Вакхъ есть родной ѳивскій богъ, по матери своей Семелѣ, дочери ѳивскаго царя, Кадма.

За тѣмъ что въ немъ заразы вся причина,
Какъ мнѣ пиѳійскій богъ сказалъ недавно.
А я за бога и за Лая смерть
Такъ ратовать готовъ. Я проклинаю
Того, который совершилъ убійство,
Одинъ ли былъ и скрылся, иль съ другими;
Пусть злой злосчастно жизнь окончитъ онъ.
Обѣтъ даю и самъ снести все то,
Чѣмъ имъ грозилъ недавно, еслибъ онъ
Въ дому моемъ жильцомъ открылся такъ,
Чтобъ зналъ я самъ. А васъ прошу все сдѣлать
Для бога, для меня и для страны,
Которая въ безплодьи гибнетъ вся,
Оставлена богами. Дѣло это
О смерти человѣка и царя
Не слѣдовало вамъ оставить такъ
Безъ очищенья, еслибъ даже богъ
Къ тому не побудилъ, но разузнать.
Теперь, когда я власть имѣю ту,
Что прежде онъ имѣлъ, когда владѣю
Его женой и ложемъ, и за тѣмъ
Дѣтей имѣли бъ общее рожденье,
Когда бы посчастливилось ему
Имѣть дѣтей; теперь, когда судьба
Ударила въ его главу, я долженъ
Такъ ратовать, какъ-будто за отца,
И все испробовать, чтобъ отыскать
Виновника убійства, отъ кого
Погибъ Лабдака сынъ и Полидора,
И Кадма древняго, и Агенора. *)
Молю боговъ, чтобъ отняли у тѣхъ,
Которые исполнить не хотятъ,
Плодъ жатвы и дѣтей, чтобъ имъ ни поле,
Ни жены не родили; пусть погибнутъ
Отъ смерти злой, теперь народъ губящей,
Иль ихъ еще страшнѣй постигнетъ гибель.
Вамъ всѣмъ другимъ потомкамъ Кадма въ помощь
Пусть Правда будетъ и боговъ всѣхъ милость,
Когда согласны вы съ моею рѣчью.

*) Родословная ѳивскихъ царей: Белъ, Агеноръ, Кадмъ, основатель Ѳивъ, Лабдакъ, Лай, Эдипъ.

ХОРЪ *(за хоръ говоритъ Корифей).*

Когда меня связалъ проклятьемъ ты,
Такъ, царь, скажу: и самъ я не убилъ,
И показать убійцу не могу.
Оракулъ намъ пославшій Фебъ былъ долженъ
Рѣшить вопросъ, кто совершилъ убійство.

ЭДИПЪ.

Сказалъ ты правду; но боговъ принудить,
Имъ вопреки, не можетъ человѣкъ.

ХОРЪ.

И вовторыхъ еще бъ одно сказалъ я....

ЭДИПЪ.

Когдабъ и третье было, не смолчи.

ХОРЪ.

Извѣстно мнѣ, что царственному Фебу
Всѣхъ ближе знаньемъ царственный Тиресій *).
Его бъ спросить: узнали бъ дѣло ясно.

ЭДИПЪ.

Я это по словамъ Креонта сдѣлалъ;
Ужь двухъ пословъ за нимъ отправилъ я;
Дивлюсь, что-онъ давно уже не здѣсь.

ХОРЪ.

А всѣ преданья стары и темны.

ЭДИПЪ.

Какія жь это? Надо всѣ мнѣ знать.

ХОРЪ.

Онъ умеръ отъ прохожихъ, говорили.

ЭДИПЪ.

И я то слышалъ, но никто не видитъ
Свидѣтеля.

ХОРЪ.

Но если хоть частичку
Имѣетъ страха онъ, твои проклятья
Услышавъ, медлить онъ не станетъ больше.

---

*) Тиресій, сынъ нимфы Харикло, былъ пораженъ слѣпотой, по обыкновенному сказанію, за то, что видѣлъ Палладу купающуюся, но въ вознагражденіе получилъ даръ пророчества.

ЭДИПЪ.

Кому не страшно дѣло, тотъ предъ словомъ
Не содрогнется.

ХОРЪ.

[redacted] Вотъ и обличитель.
Ведутъ сюда пророка вѣщуна;
Ему лишь изъ людей открыта правда.

ЭДИПЪ.

О ты, который знаешь все, Тиресій,
И то, изрѣчь что можно, и чего
Изрѣчь нельзя, небесное, земное;
Хотя не видишь ты, но мыслью знаешь,
Какой болѣзнію страдаетъ городъ.
Въ тебѣ, о князь, одномъ спасенье видимъ.
Царь Фебъ, хоть вѣстниковъ не слышалъ ты,
На нашъ вопросъ прислалъ отвѣтъ такой,
Что лишь одно отъ мора избавленье —
Открывъ убившихъ Лая, наказать
Ихъ смертью иль изгнаньемъ изъ земли.
А ты не откажись намъ все повѣдать,
Что птицы скажутъ, иль другой гаданья
Ты знаешь путь. Спаси себя и городъ,
Спаси меня, и казнь за мертваго
Ты отврати отъ города роднаго.
Въ тебѣ мы всѣ: помочь же человѣку,
Чѣмъ можетъ кто, прекрасный плодъ труда.

ТИРЕСІЙ.

Увы, увы! Когда нѣтъ пользы въ знаньи,
Какъ непріятно знать. Вѣдь зналъ я это....
Забылъ, а то бъ сюда я не пришелъ.

ЭДИПЪ.

За чѣмъ печаленъ ты? Что это значитъ?

ТИРЕСІЙ.

Домой пусти меня: свою судьбу
И ты, и я, мы легче понесемъ,
Когда меня послушаешься ты.

ЭДИПЪ.

Не хорошо, что ты сказать не хочешь
Того, что городу полезно бъ было,
Который воспиталъ тебя.

ТИРЕСІЙ.

Увы!
Твои слова тебѣ не будутъ въ пользу,
Я вижу, — и боюсь того жь себѣ.

ЭДИПЪ.

Нѣтъ, именемъ боговъ тебя всѣ молимъ
Не скрыть отъ насъ того, что знаешь самъ.

ТИРЕСІЙ.

Безумны вы! Нѣтъ! слова моего
Сказать я не рѣшусь, чтобы тебѣ
Твоихъ злосчастныхъ дѣлъ не обнаружить.

ЭДИПЪ.

Что молвилъ ты? Не скажешь ты, что знаешь?
Такъ хочешь насъ и городъ погубить?

ТИРЕСІЙ.

Тебя спасти хочу отъ огорченья
И вмѣстѣ съ тѣмъ себя; зачѣмъ еще
Толкуешь ты? Сказать — я не скажу.

ЭДИПЪ.

Не скажешь ты, негодный изъ негодныхъ, —
И камень могъ бы ты подвигнуть къ гнѣву, —
Неумолимъ и непреклоненъ будешь?

ТИРЕСІЙ.

Меня ты въ страсти упрекнулъ, а самъ
Не видишь страсть, которая въ тебѣ.

ЭДИПЪ.

Кто бъ воздержаться могъ отъ гнѣва, слыша,
Какъ мало ты родной свой городъ чтишь?

ТИРЕСІЙ.

Хоть я молчу, но выйдетъ все само.

ЭДИПЪ.

Ну, такъ ты долженъ мнѣ сказать, что выйдетъ.

ТИРЕСІЙ.

Ни слова больше не скажу, пылай,
Пожалуй, самымъ дикимъ гнѣвомъ ты.

ЭДИПЪ.

Свой гнѣвъ удерживать не буду я,
Затѣмъ что вижу все. Такъ знай, что ты
Мнѣ кажешься участникомъ злодѣйства,
Хотя не самъ своей рукой убилъ.
Когдабъ ты зрячій былъ, сказалъ бы я,
Что дѣло одного тебя то было.

ТИРЕСІЙ.

Да, да! Такъ я велю тебѣ стоять
На томъ, что объявилъ, и съ дня сего
Не говорить ни съ ними, ни со мной,
Затѣмъ что ты нечестьемъ осквернилъ
Страну, и бѣдъ ея ты всѣхъ причина.

ЭДИПЪ.

Безстыдно такъ, какъ могъ ты слово бросить?
Куда спасешься ты?

ТИРЕСІЙ.

Но я спасенъ:
Я силу истины въ себѣ ношу.

ЭДИПЪ.

Виною словъ твоихъ, конечно, не искусство.
По чьимъ же говорилъ внушеньямъ ты?

ТИРЕСІЙ.

По твоему я говорилъ внушенью:
Ты самъ меня принудилъ.

ЭДИПЪ.

Что жь сказалъ ты?
Скажи еще, чтобъ лучше мнѣ узнать.

ТИРЕСІЙ.

Не понялъ прежде ты? Иль искушаешь?

ЭДИПЪ.

Не съ тѣмъ, чтобы извѣстное услышать;
Я повторить прошу.

ТИРЕСІЙ.

Я повторю,
Что ты убійца тотъ, кого ты ищешь.

ЭДИПЪ.

Но даромъ дважды скорбнаго не скажешь.

ТИРЕСІЙ.

Сказать еще, чтобъ больше разсердить?

ЭДИПЪ.

Что хочешь, говори; все будетъ тщетно.

ТИРЕСІЙ.

Скажу, что ты не знаешь, какъ сквернишь
То, что тебѣ всего на свѣтѣ ближе,
Что ты не видишь, какъ велико зло.

ЭДИПЪ.

Что жь думаешь? Всегда такія вещи
Себѣ на радость будешь говорить?

ТИРЕСІЙ.

Когда есть сила въ истинѣ, конечно.

ЭДИПЪ.

Конечно, есть, но ты ея лишенъ.
Въ тебѣ той силы нѣтъ, затѣмъ что слѣпъ
Глазами ты, и ухомъ, и умомъ.

ТИРЕСІЙ.

Несчастный! Оскорблять все хочешь ты,
А скоро, скоро ни одинъ изъ этихъ
Тебя безъ оскорбленья не оставитъ.

ЭДИПЪ.

Питаетъ-ночь тебя, такъ ты безвреденъ
И мнѣ, и всякому, кто видитъ свѣтъ.

ТИРЕСІЙ.

И не судьба тебѣ пасть отъ меня,
Достаточно заботы Аполлона.

ЭДИПЪ.

Креонтъ придумалъ это, или ты?

ТИРЕСІЙ.

Ты самъ себѣ бѣды свои создалъ,
А не Креонтъ.

ЭДИПЪ.

Богатство, власть и умъ
Побѣдоносный въ жизненной борьбѣ,
Какую возбуждаете вы зависть,
Когда Креонтъ, сначала вѣрный другъ,
Той власти ради, что мнѣ городъ далъ
Безъ всякаго желанья моего,
Тайкомъ меня столкнуть, подкравшись, хочетъ!
Кудесника для цѣли сей онъ выслалъ,
Способнаго къ обманамъ и злодѣйствамъ,
Который видитъ выгоду одну,
Въ искусствѣ жь слѣпъ; скажи, пожалуй, мнѣ,
Какъ можешь ты волхвомъ назваться вѣщимъ?
За чѣмъ, какъ шла пѣсни здѣсь собака,*)
Къ спасенью средствъ гражданамъ не открылъ?
А разрѣшить загадку ту легко
Не всякій могъ; тутъ нужны были чары.
Не ты, узнавъ отъ птицъ иль отъ боговъ,
Раскрылъ ее, но я, Эдипъ не вѣщій,
Прибывъ сюда, ее молчать заставилъ;
Умомъ дошелъ, а не отъ птицъ узналъ.
И ты меня изгнать отсюда хочешь,
Надѣясь близко стать къ Креонта трону....
Поплатитесь, какъ кажется, слезами,
И ты, и тотъ, кто это приготовилъ;
Когдабъ не старикомъ тебя я видѣлъ,
То съ болью бъ понялъ ты, что ты задумалъ.

ХОРЪ.

Его слова, равно какъ и твои,
Намъ кажется, вамъ гнѣвомъ внушены.
Въ нихъ нѣтъ нужды, а нужно посмотрѣть,
Велѣнье бога какъ исполнить лучше.

---

*) Сфинксъ: см. Введеніе.

ТИРЕСІЙ.

Хоть ты и царь, но тѣмъ же отвѣчать
Имѣю я одно съ тобою право.
Я Локсію *) служу, а не тебѣ;
Защиты мнѣ Креонтовой не нужно.
Скажу тебѣ, затѣмъ что слѣпотой
Меня ты попрекнулъ: хоть ты и смотришь,
Но бѣдъ твоихъ всей мѣры ты не видишь,
Ни гдѣ живешь, ни съ кѣмъ живешь, не знаешь.
Хоть знаешь ли, кто твой отецъ, кто мать?
Своимъ ты врагъ безъ вѣдома, безъ воли,
И тѣмъ, что тамъ, и тѣмъ, что на землѣ.
Отца и матери изъ сей земли
Проклятье страшное тебя погонитъ.
И скоро свѣтъ твоихъ очей затмится,
И огласятся берега стенаньемъ,
На Киѳеронѣ крикъ отдастся твой,
Когда поймешь, въ какой вступилъ ты бракъ.
Пловецъ, счастливо море переплывъ,
Напрасно ты искалъ въ семъ домѣ мѣста,
Гдѣ бъ твой корабль поставить безопасно.
Не чувствуешь другихъ ты бѣдъ толпу,
Которыя тебя съ тобой сравняютъ
И равнымъ сдѣлаютъ дѣтямъ твоимъ.
Теперь лицо Креонта и мое
Ты оскорбляй; изъ смертныхъ вѣдь никто
Не будетъ страшно такъ казненъ, какъ ты.

ЭДИПЪ.

Отъ этого ль такія вещи слушать?
Чтобъ ты пропалъ! Иди скорѣй отъ дома!
Ступай назадъ, откуда ты пришелъ!

ТИРЕСІЙ.

Я не пришелъ бы, еслибъ ты не звалъ.

ЭДИПЪ.

Вѣдь я не зналъ, что ты безумье скажешь;
Иначе бъ я тебя къ себѣ не звалъ.

---

*) Аполлону; имя Локсій относятъ къ таинственной двусмысленности оракуловъ

ТИРЕСІЙ.

Безуменъ я, такъ кажется тебѣ;
Родителямъ твоимъ всегда казалось,
Что полонъ я ума.

ЭДИПЪ.

Какимъ? Постой!
Скажи же мнѣ, я отъ кого родился?

ТИРЕСІЙ.

Вотъ этотъ день тебя родитъ и сгубитъ.

ЭДИПЪ.

Слова твои загадочны, неясны.

ТИРЕСІЙ.

Вѣдь мастеръ ты загадки разрѣшать.

ЭДИПЪ.

Брани меня за то, чѣмъ я великъ.

ТИРЕСІЙ.

Удача та тебя и погубила.

ЭДИПЪ.

Пусть такъ. За то я городъ этотъ спасъ.

ТИРЕСІЙ.

Я ухожу; веди меня, ты, мальчикъ.

ЭДИПЪ.

Пусть уведетъ; ты только здѣсь смущаешь,
Вдали жь не будешь больше раздражать.

ТИРЕСІЙ.

Я ухожу, но то, за чѣмъ пришелъ,
Безъ страха предъ твоимъ лицомъ скажу;
Меня вѣдь погубить не властенъ ты.
Такъ слушай же: тебѣ я говорю,
Что человѣкъ, котораго ты ищешь
Давно съ угрозой, какъ убійцу Лая,
Онъ здѣсь, — и, по словамъ, чужой пришлецъ,
Окажется Ѳиванцемъ онъ природнымъ;
Но радость не сулитъ ему судьба.
Изъ зрячаго слѣпой и изъ богатства

Пойдетъ онъ бѣднякомъ въ чужую землю,
И путь свой посохомъ искать онъ станетъ.
Окажется, что дѣтямъ онъ своимъ
Отецъ и братъ, а матери своей
И сынъ и мужъ, что, умертвивъ отца,
На ложе брачное его взошелъ.
Иди теперь домой, обдумай это,
И если ты найдешь, что я солгалъ,
Тогда скажи, что нѣтъ во мнѣ искусства.

(Тиресій и Эдипъ уходятъ. Хоръ начинаетъ опять двигаться около θимелы и поетъ свою пѣснь.)

ХОРЪ.

Кто кровожадной рукой совершилъ несказанное дѣло?
Назвалъ кого пророческій камень дельфійскій?*)
Коней бурныхъ быстрѣе
Время ему ужь теперь
Бѣгству отдать свои ноги.
Вотъ съ оружьемъ огня и перуновъ идетъ
На него Зевса сынъ.**)
Вмѣстѣ страшныя идутъ
Неизбѣжныя Керы.***)
Свѣтло недавно блеснуло съ снѣжнаго слово Парнасса,†)
Всѣ чтобъ слѣдили того неизвѣстнаго мужа.
Робкой ногой одинокій,
Жалкій, ступаетъ, какъ волъ,
Онъ по дикимъ лѣсамъ, по пещерамъ, скаламъ.
И пророчество то, что изъ сердца земли,††)
Отвратить онъ все хочетъ,
Но живое оно съ нимъ летаетъ.

*
* *

---

*) Камень дельфійскій лежалъ не далеко отъ треножника въ храмѣ Аполлона. Это, по преданію, былъ тотъ камень, который данъ былъ Сатурну Реей проглотить вмѣсто Зевса. Зевсъ, послѣ побѣды надъ Сатурномъ, когда послѣдній извергъ изъ себя этотъ камень, положилъ его въ Дельфахъ. Камень этотъ назывался также пупомъ земли (γῆς ὄμφαλος)

**) Аполлонъ.

***) Керы, неизбѣжныя богини судьбы.

†) Дельфы лежали на склонѣ Парнасса.

††) Сердце земли, въ подлинникѣ: γῆς ὄμφαλος, собственно пупъ земли, средина земли. Такъ назывался дельфійскій храмъ Аполлона, потому что онъ считался средоточіемъ земли.

Страшно меня, страшно смутилъ мудрый пророкъ.
Вѣрить ему? или не вѣрить?
Что мнѣ сказать, я не знаю.
Что теперь, и что было, не вижу
И надежды невѣрной боюсь.
Сынъ Полиба имѣлъ ли когда
Съ Лабдакидами ссору какую,
Ни теперь я, ни прежде, не слышалъ.
И нельзя, основанья мнѣ нѣтъ
Противъ славы народной Эдипа идти,
Чтобъ потомкамъ Лабдаковымъ быть
Мнѣ помощникомъ въ мести за смерть,
О которой ничто неизвѣстно.

Мудръ отецъ Зевсъ, мудръ Аполлонъ, вѣрю я въ то.
Смертныхъ дѣла — знаютъ они.
Но изъ людей, больше ль пророкъ
Значитъ, чѣмъ я, трудно рѣшить.
Побѣждаетъ хоть мудростью мудрость иной,
Но не прежде я буду согласенъ съ упрекомъ,
Какъ увижу, что онъ справедливъ.
При всѣхъ вышла къ нему та крылатая дѣва,
И призналъ его городъ весь мудрымъ
И полезнымъ на дѣлѣ на самомъ.
Нѣтъ, по мыслямъ моимъ, никогда, никогда
Онъ причастенъ не будетъ винѣ.

*(**Креонтъ** входитъ изъ лѣвой боковой двери дворца.)*

КРЕОНТЪ.

Узнавъ, о граждане, что царь Эдипъ
Словами сильными меня поноситъ,
Не могъ я вынесть и сюда пришелъ.
Когда при нынѣшнихъ несчастьяхъ нашихъ,
Онъ думаетъ, что словомъ или дѣломъ
Я вредъ и скорбь ему хотѣлъ нанесть;
То жизнь не можетъ быть ужь мнѣ пріятна,
Когда съ такой мнѣ славой жить придется.
Отъ этихъ словъ не мало скорби мнѣ,
Но много впереди, когда и ты,
И всѣ друзья дурнымъ меня сочтутъ.

ХОРЪ.

Намъ кажется, что это оскорбленье
Скорѣе гнѣвомъ внушено, чѣмъ мыслью.

КРЕОНТЪ.

И онъ сказалъ, что по моимъ совѣтамъ
Пророкъ здѣсь лживыя слова промолвилъ?

ХОРЪ.

Сказалъ; съ какою мыслью, я не знаю.

КРЕОНТЪ.

Смотрѣлъ ли прямо онъ и прямо ль думалъ,
Когда онъ мнѣ упрекъ подобный дѣлалъ?

ХОРЪ.

Не знаю. Не сужу дѣла царей...
Но вотъ и самъ выходитъ онъ изъ дома.

(Эдипъ выходитъ изъ главной двери дворца.)

ЭДИПЪ.

Ты здѣсь! Какъ ты осмѣлился придти?
Уже ли такъ твое лицо безстыдно,
Что можешь ты въ мой домъ войдти,
Убійцей человѣка оказавшись,
И посягателемъ на власть мою?
Скажи, пожалуста, глупцомъ иль трусомъ
Меня считалъ, когда задумалъ это?
Что я узнать змѣиный замыслъ твой
Иль отразить, узнавъ, не въ состояньи?
Не глупо ль безъ народа и друзей
Искать задумалъ ты высокой власти?
Ее приверженцы даютъ да деньги.

КРЕОНТЪ.

А знаешь ли, тебѣ что нужно сдѣлать?
Ты выслушай за то, что ты сказалъ.
Потомъ ужь самъ, узнавши все, суди.

ЭДИПЪ.

Ты мастеръ говорить, я знаю это,
Но слушать мнѣ тебя охоты нѣтъ,
Когда нашелъ себѣ врагомъ тебя.

КРЕОНТЪ.

Но выслушай сначала, что скажу.

ЭДИПЪ.

Не говори лишь то, что ты хорошъ.

КРЕОНТЪ.

Ошибочно въ упрямствѣ неразумномъ
Ты пользу думаешь себѣ найдти.

ЭДИПЪ.

Ошибочно ты думаешь, что тотъ,
Кто зло родному человѣку строитъ,
Отъ наказанья и суда спасется.

КРЕОНТЪ.

Согласенъ я, что правду ты сказалъ.
Какое жь зло ты терпишь отъ меня,
Скажи.

ЭДИПЪ.

Совѣтывалъ ты мнѣ иль нѣтъ
Послать кого-нибудь за тѣмъ пророкомъ?

КРЕОНТЪ.

Совѣтъ такой готовъ я дать теперь.

ЭДИПЪ.

Давно ли Лай....

КРЕОНТЪ.

Не понимаю, кончи.

ЭДИПЪ.

Погибъ насильственною смертью тайно?

КРЕОНТЪ.

Ужь много времени прошло съ тѣхъ поръ.

ЭДИПЪ.

Что жь? и тогда пророкъ искусство зналъ?

КРЕОНТЪ.

Равно былъ мудръ, равно былъ всѣми чтимъ.

ЭДИПЪ.

Въ то время онъ сказалъ ли обо мнѣ?

КРЕОНТЪ.

Не говорилъ, при мнѣ, по крайней мѣрѣ.

ЭДИПЪ.

Но розыскъ дѣлали о смерти Лая?

КРЕОНТЪ.

Не дѣлать не могли, но не узнали.

ЭДИПЪ.

Такъ какъ же не сказалъ мудрецъ тогда?

КРЕОНТЪ.

Не знаю, и люблю молчать о томъ,
Чего понять — не въ силахъ я.

ЭДИПЪ.

Согласенъ.
Скажи жь, когда уменъ, что знаешь ты.

КРЕОНТЪ.

Что знаю я, сказать не откажусь.

ЭДИПЪ.

Когдабъ съ тобой не встрѣтился пророкъ,
Убійство Лая мнѣ не приписалъ бы.

КРЕОНТЪ.

Самъ знаешь, если онъ такъ говоритъ;
А я тебя теперь спросить хочу,
Какъ ты меня.

ЭДИПЪ.

Спроси. Меня убійцей
Ты не найдешь.

КРЕОНТЪ.

Скажи мнѣ вотъ что ты.
Вѣдь ты женился на сестрѣ моей?

ЭДИПЪ.

Ну, этого отвергнуть мнѣ нельзя.

КРЕОНТЪ.

И власть ты съ ней и землю дѣлишь ровно?

ЭДИПЪ.

Когда захочетъ, отъ меня назадъ
Все можетъ взять.

КРЕОНТЪ.

Не равенъ ли я вамъ?

ЭДИПЪ.

Вотъ тутъ-то ты плохой ужь другъ.

КРЕОНТЪ.

Нисколько,
Когда, какъ я, себѣ отдашь отчетъ.
Сперва ты обрати на то вниманье,
Какъ можетъ быть, чтобы кто предпочелъ
Со страхомъ властвовать, чѣмъ спать безъ страха,
Имѣя ту же власть. По-царски жить
Съ моей природою согласно больше,
Чѣмъ быть царемъ; такъ думать долженъ всякій,
Кто только разсуждать умѣетъ здраво.
Теперь вѣдь я, безъ страха, отъ тебя
Могу все получить. Имѣя жь власть,
Я долженъ многое невольно дѣлать.
Такъ можетъ ли мнѣ царство быть пріятнѣй,
Когда безъ горя силу я имѣю?
Не такъ еще недальновиденъ я,
Чтобы желать не то, въ чемъ польза есть.
Теперь доволенъ всѣми я, и всѣ
Меня теперь привѣтствуютъ, ласкаютъ.
Нужда ль въ тебѣ, меня всѣ вызываютъ;
Имъ получить надежда вся во мнѣ.
Зачѣмъ же стану я того искать,
Чтобъ это потерять? Вѣдь здравый умъ
Не такъ легко рѣшится на дурное.
Такія мысли не люблю я самъ
И не легко бъ ихъ потерпѣлъ въ другихъ.
Чтобъ въ этомъ убѣдиться легче было,
Къ пиѳійскому оракулу отправься,
И тамъ узнаешь, что его отвѣтъ
Тебѣ я ясно, вѣрно передалъ.
Потомъ, когда найдешь, что вмѣстѣ я

Съ кудесникомъ хоть что-либо замыслилъ,
Тогда на казнь меня не только твой,
Но вмѣстѣ мой осудитъ приговоръ.
А такъ не обвиняй по подозрѣнью.
Дурныхъ хорошими и добрыхъ злыми
Считать равно несправедливо будетъ.
Вѣдь друга кто хорошаго теряетъ,
Все то же, что теряетъ жизнь свою,
Которая ему всего дороже.
Современемъ узнаешь ясно все:
Одно лишь время честность человѣка
Намъ можетъ показать, а зло и ложь
Въ одинъ ужь даже день узнать ты можешь.

ХОРЪ.

Для всякаго, кто пасть боится, царь,
Онъ хорошо сказалъ; кто скоръ на мысль,
Тотъ безопасенъ быть всегда не можетъ.

ЭДИПЪ.

Когда тайкомъ мнѣ козни строятъ скоро,
То долженъ я быть скоръ въ моихъ рѣшеньяхъ.
Спокойно жь если ждать, ему успѣхъ,
А мнѣ напрасный трудъ.

КРЕОНТЪ.

Что жь хочешь ты?
Ужели выгнать изъ страны меня?

ЭДИПЪ.

О нѣтъ! Я не хочу, чтобъ ты бѣжалъ,
Хочу, чтобъ умеръ ты.

КРЕОНТЪ.

Согласенъ я,
Когда покажешь мнѣ ты преступленье.

ЭДИПЪ.

Ты уступить и вѣрить мнѣ не хочешь?

КРЕОНТЪ.

Не хорошо, я вижу, мыслишь ты.

ЭДИПЪ.

Вѣдь для себя.

КРЕОНТЪ.

И для меня бы нужно.

ЭДИПЪ.

Но ты-то не хорошъ.

КРЕОНТЪ.

Не знаешь ты.

ЭДИПЪ.

Повиноваться долженъ ты всегда.

КРЕОНТЪ.

Но не тому, кто властвовать не знаетъ.

ЭДИПЪ.

О городъ, городъ!

КРЕОНТЪ.

Въ городѣ и я
Имѣю часть свою, не ты одинъ.

ХОРЪ.

Пора ужь кончить вамъ, князья; вотъ кстати
Идущую сюда Іокасту вижу,
Которая вашъ споръ должна уладить.

ІОКАСТА *(выходитъ изъ правой двери дворца).*

Зачѣмъ, несчастные, раздоръ безумный
Вы начали? Какъ вамъ теперь не стыдно
О частномъ злѣ вопросы поднимать,
Когда земля страдаетъ? Что, Эдипъ,
Домой нейдешь, а ты, Креонтъ, къ себѣ,
Скорбь мелкую чтобы большой не сдѣлать.

КРЕОНТЪ.

Сестра, готовитъ мнѣ твой мужъ Эдипъ
Изъ двухъ ужасныхъ золъ одно, иль смерть,
Или изгнанье изъ земли родной.

ЭДИПЪ.

Да, точно такъ. На жизнь мою, жена,
Я замыселъ его открылъ ужасный.

КРЕОНТЪ.

Пусть добраго не вижу я, съ проклятьемъ
Погибну пусть, когда хоть что-нибудь
Я сдѣлалъ, въ чемъ меня ты обвиняешь.

ІОКАСТА.

О именемъ боговъ молю тебя, Эдипъ,
Повѣрь словамъ, почти его ты клятву,
Потомъ меня, и тѣхъ, что здѣсь стоятъ.

ХОРЪ *(поетъ)*.

Внемли умомъ и сердцемъ
Совѣту, царь, молю.

ЭДИПЪ.

Въ чемъ уступить тебѣ?

ХОРЪ *(поетъ)*.

Неразумнымъ и прежде не бывшаго,
Нынѣ же клятвой великаго
Ты, царь почти.

ЭДИПЪ.

Ты знаешь ли, что просишь?

ХОРЪ *(говоритъ корифей)*.

Знаю.

ЭДИПЪ.

Такъ говори, что хочешь ты?

ХОРЪ. *(поетъ)*.

Безъ явной причины ты берегись
Винить друга, давшаго клятву, царь.*)

ЭДИПЪ.

Такъ знай: когда ты этого желаешь,
Ты мнѣ желаешь смерти иль изгнанья.

---

*) Метръ употребленный въ этомъ хорѣ, есть дохмій. Его правильная форма слѣдующая: ⏑ ∪ ⏑ ∪ ⏑. Въ греческомъ она, смотря по содержанію, разнообразится до безконечности. По русски дохмію наиболѣе соотвѣтствуютъ анапестоямбъ и ямбоанапестъ.

ХОРЪ *(поетъ.)*

Нѣтъ, пусть Геліосъ, изъ боговъ крайній богъ,*)
Пусть свидѣтелемъ будетъ Геліосъ:
Не имѣлъ въ себѣ этой мысли я.
Пусть погибну я, смертью злой умру,
Отъ боговъ забытъ, отъ людей забытъ,
Если я въ себѣ помышлялъ о томъ.
Я несчастный скорблю объ отчизнѣ,
Если къ старому злу еще новое
Прибавится отъ васъ.

ЭДИПЪ.

Пусть онъ идетъ, хотя бъ мнѣ должно было
Навѣрно умереть, или безчестно
Быть выгнану изъ сей страны навѣкъ.
Твои слова внушили жалость мнѣ,
Не онъ; его вездѣ, гдѣ бъ ни былъ онъ,
Всѣ будутъ ненавидѣть.

КРЕОНТЪ.

Вижу я,
Съ досадой уступаешь ты, но тяжко
Тебѣ же будетъ, гнѣвъ когда пройдетъ.
Самимъ себѣ бываютъ тяжелы
Съ такимъ несчастнымъ нравомъ люди.

ЭДИПЪ.

Какъ!
Меня ты не оставишь, не уйдешь?

КРЕОНТЪ.

Иду, иду, непонятый тобою,
Для нихъ все тотъ же я, что прежде былъ.

ХОРЪ *(поетъ)*.

Что медлишь ты, жена,
Домой его увесть?

ІОКАСТА.

Хочу узнать, въ чемъ споръ?

---

*) Крайній, собственно передній изъ боговъ, *θεὸς πρόμος*.

ХОРЪ *(поетъ)*.

Было слово неясное брошено;
Сердце жь и тѣмъ уязвляется,
Въ чемъ правды нѣтъ.

ІОКАСТА.

Отъ нихъ обоихъ?

ХОРЪ *(говоритъ корифей)*.

Да!

ІОКАСТА.

Какое жь слово?

ХОРЪ *(поетъ)*.

Довольно, молю! Когда гибнетъ земля,
На чемъ споръ ихъ сталъ, на томъ пусть стоитъ.

ЭДИПЪ.

Смотри, куда идешь, хоть ты разуменъ,
Когда мой духъ стараешься смягчить.

ХОРЪ *(поетъ)*.

Ужь не разъ, о царь, я сказалъ тебѣ:
Отъ тебя отпасть невозможно мнѣ.
Безуменъ бы я и безсмысленъ былъ,
Когда бы рѣшился выдать тебя.
Когда дорогая гибла отчизна
Въ трудахъ и страданьяхъ, изъ бѣдъ ты извелъ.
По попутному вѣтру счастливо
Ты направилъ земли моей плаванье.
И нынѣ кормчимъ будь.

ІОКАСТА.

Скажи и мнѣ, о царь, молю богами,
Что такъ тебя озлобило теперь.

ЭДИПЪ.

Скажу; тебя, жена, я больше чту,
Чѣмъ ихъ. Креонтъ причина озлобленья:
Недоброе вѣдь онъ замыслилъ мнѣ.

ІОКАСТА.

Скажи, созналъ ли ясно ты причину?

ЭДИПЪ.

Меня убійцей Лая называетъ.

ІОКАСТА.

То знаетъ самъ, или отъ другихъ онъ слышалъ?

ЭДИПЪ.

Онъ подослалъ гадателя злодѣя,
А самъ съ себя отвѣтственность слагаетъ.

ІОКАСТА.

Теперь, оставивъ, что сказать хотѣлъ,
Послушай ты меня, и научись,
Что мудрости пророческой родъ смертныхъ
Причастенъ мало. Силу словъ моихъ
Признаешь самъ. Вотъ выслушай меня:
Когда-то Лаю было предсказанье,
Я не скажу—отъ Феба самого,
Но отъ служителей его то было,
Отъ сына будто бы ему роднаго,
Который отъ меня ему родится,
Судьба опредѣлила умереть.
И вотъ чужіе воры на распутьи,
Гдѣ три дороги разныя сошлись,
Его убили, какъ молва гласитъ.
А сынъ его не росъ у насъ трехъ дней!
Связавъ ребенку ноги, онъ отдалъ
Чужой рукѣ его въ пустынѣ бросить.
Не сдѣлалъ богъ его отцеубійцей,
И Лаю смерть послалъ не черезъ сына,
Чего боялся онъ по предсказанью.
Вотъ что слова пророковъ назначали,
А ты на нихъ не обращай вниманья.
Легко откроетъ самъ, что богъ захочетъ.

ЭДИПЪ.

Что отъ тебя, жена, теперь я слышалъ.
Волнуетъ сердце мнѣ и мысль смущаетъ.

ІОКАСТА.

Что такъ могло твою встревожить душу?

ЭДИПЪ.

Вѣдь такъ, мнѣ кажется, сказала ты,
Что Лай на мѣстѣ былъ такомъ убитъ,
Гдѣ три дороги разныя сходились?

ІОКАСТА.

Тогда такъ говорили, и потомъ
Молва нисколько здѣсь не измѣнялась.

ЭДИПЪ.

Но гдѣ жь, гдѣ мѣсто это, мнѣ скажи,
Въ какой странѣ несчастье совершилось?

ІОКАСТА.

Страна Фокидою зовется та;
Изъ Дельфъ и Давліи идутъ дороги,
Которыя распутье образуютъ.

ЭДИПЪ.

А сколько времени тому прошло?

ІОКАСТА.

Немного прежде въ городъ вѣсть пришла,
Чѣмъ ты земли властителемъ явился.

ЭДИПЪ.

О Зевсъ! Что хочешь ты со мною сдѣлать?

ІОКАСТА.

Что такъ встревожило твой духъ, Эдипъ?

ЭДИПЪ.

Не спрашивай. Скажи объ Лаѣ мнѣ,
Какихъ онъ лѣтъ, каковъ онъ видомъ былъ?

ІОКАСТА.

Онъ ростомъ былъ великъ; его глава
Сѣдинами лишь стала покрываться;
Лицемъ же онъ и станомъ отъ тебя
Не много отличался.

ЭДИПЪ.

О несчастный!
Какъ вижу, я не зналъ, что самъ себя
Ужасному проклятью предалъ я.

ІОКАСТА.

Что молвилъ ты? Какъ страшно мнѣ, о царь!
Я на тебя боюсь теперь взглянуть.

ЭДИПЪ.

Боюсь, чтобы пророкъ тотъ зрячій не былъ. . .
Сказавъ еще одно, ясиѣй покажешь.

ІОКАСТА.

Боюсь и я; но, спросишь что, скажу.

ЭДИПЪ.

Пошелъ ли онъ съ немногими, иль многихъ
Сопутниковъ имѣлъ, какъ мужъ властитель?

ІОКАСТА.

Всѣхъ было пять, и въ томъ числѣ глашатай;
Но колесницу Лай имѣлъ одну.

ЭДИПЪ.

О горе мнѣ! Теперь все ясно стало;
Кто жь вамъ все это разсказалъ, жена?

ІОКАСТА.

Слуга, который лишь одинъ и спасся.

ЭДИПЪ.

Не въ домѣ ли, не здѣсь ли онъ теперь?

ІОКАСТА.

Давно ужь нѣтъ. Какъ воротился онъ,
И видѣлъ, что имѣешь власть ужь ты,
А Лай погибъ; онъ, руку взявъ мою,
Молилъ послать его въ поля къ стадамъ,
Чтобъ быть ему отъ города подальше.
Его послала я. Какъ рабъ, онъ былъ достоинъ
И большую награду получить.

ЭДИПЪ.

Когда бъ онъ къ намъ сюда пришелъ скорѣй!

ІОКАСТА.

Не трудно сдѣлать то. Но для чего?

ЭДИПЪ.

Боюсь, жена, не слишкомъ ли ужь много
Мнѣ сказано о томъ, за чѣмъ его
Хочу я видѣть.

ІОКАСТА.

Онъ придетъ сейчасъ.
Но мнѣ прилично тоже, царь, узнать,
Что мучитъ такъ тебя и безпокоитъ.

ЭДИПЪ.

Когда къ такой надеждѣ я пришелъ,
Тебѣ все надо знать. Въ такой бѣдѣ
Кому жь скорѣй сказать, какъ не тебѣ?
Отецъ мой былъ Коринѳянинъ Полибъ,
Дорійка мать Меропа, и считался
Изъ гражданъ тамошнихъ знатнѣйшимъ я
До той поры, когда со мной былъ случай
Достойный правда удивленья всѣхъ,
Но недостойный ревности моей.*)
За пиромъ разъ какой-то опьянѣвшій
Сказалъ, что я отцу не сынъ родной.
Хоть разсердился я, но снесъ въ тотъ день;
Назавтра я отца и мать спросилъ.
Они сердились на того, кто слово
Неосторожно обронилъ. Ихъ рѣчью
Тогда я былъ утѣшенъ, но глубоко
Запало слово и меня смущало.
Тайкомъ отъ матери и отъ отца
Къ пиѳійскому оракулу пошелъ,
Но Фебъ меня отвѣтомъ не почтилъ
На мой вопросъ, но многія страданья,
Несчастья страшныя мнѣ провѣщалъ,
Что ложе съ матерью я раздѣлю,
Что людямъ ненавистное потомство
Увидѣть дамъ, и что убійцей буду
Отца, родившаго меня. И я,

---

*) Случай, который долженъ былъ предостеречь Эдипа, онъ называетъ не заслуживающимъ и той ревности, которая когда-то была имъ вызвана. Это одно изъ тѣхъ мѣстъ трагедіи, въ которыхъ иронія поэта высказывается съ особенною силою.

Услышавъ то, бѣжалъ земли Коринѳской,
Туда свой путь по звѣздамъ направляя,
Гдѣ бъ исполненья страшныхъ предсказаній
Не могъ я видѣть, мнѣ вѣщавшихъ горе.
Такъ на пути зашелъ я въ тѣ мѣста,
Въ которыхъ, говоришь, убитъ былъ Лай;
И я тебѣ, жена, скажу всю правду.
Когда былъ близко я того распутья,
Тутъ встрѣтился глашатай мнѣ и мужъ,
На колесницѣ конной онъ сидѣлъ,
Точь въ точь такой, какъ ты мнѣ описала,
Съ дороги гналъ меня его возница
И самъ старикъ. Съ сердцовъ ударилъ я
Возницу, что меня съ дороги гналъ;
Старикъ же, видя то, минуту выждалъ,
Когда я мимо проходилъ, и прямо
Бичемъ двойнымъ меня по головѣ
Ударилъ съ колесницы, но не такъ
Самъ заплатилъ; однимъ ударомъ палки
Вотъ этою рукою пораженный,
Скатился навзничь съ колесницы онъ.
Я всѣхъ убилъ. И если незнакомецъ
Тоть съ Лаемъ какъ нибудь имѣетъ связь;
То есть ли кто несчастнѣе меня.
Богамъ кто бъ больше ненавистенъ былъ?
Согражданинъ меня въ свой домъ не приметъ,
Чужой не станетъ говорить со мной,
Но отъ порога гнать меня всѣ будутъ.
Никто другой, а самъ я на себя
Проклятье это наложилъ, я самъ.
Умершаго я ложе осквернилъ
Рукою той, которой онъ убитъ.
Не злой ли я? не вовсе ль я нечистый?
Бѣжать я долженъ и своихъ не видѣть,
Въ родную землю не входить, иль въ бракъ
Мнѣ съ матерью вступить, убить отца,
Полиба, кѣмъ рожденъ и вскормленъ я.
Не правъ ли будетъ тотъ, кто объяснить
Суровымъ гнѣвомъ божества все это?
Нѣтъ, нѣтъ, о всѣхъ боговъ святая сила,

Не дай ты мнѣ увидѣть этотъ день!
Пусть прежде я отъ глазъ людей сокроюсь,
Чѣмъ видѣть на себѣ такой позоръ!

ХОРЪ.

Намъ это, царь, все кажется печальнымъ,
Но не теряй еще надежды ты,
Пока услышишь отъ него ты лично.

ЭДИПЪ.

Вотъ только и надежды у меня
Дождаться человѣка пастуха.

IОКАСТА.

Когда жь придетъ, какая мысль твоя?

ЭДИПЪ.

Скажу тебѣ: когда его слова
Съ твоими сходны будутъ, я спасенъ.

IОКАСТА.

Но что жь особеннаго отъ меня
Услышалъ ты?

ЭДИПЪ.

Ты говорила мнѣ,
Что онъ донесъ, что Лай убитъ ворами;
Когда онъ и теперь все то же скажетъ
О шайкѣ, значитъ, что убилъ не я.
Нельзя, чтобы одинъ былъ равенъ многимъ.
Когда жь онъ скажетъ, что одинъ тутъ былъ,
То ясно на меня падетъ ужь дѣло.

IОКАСТА.

Но знай: свои слова ужь онъ сказалъ,
Ему нельзя назадъ ихъ взять теперь.
Не я одна, но городъ слышалъ то же.
И если онъ хоть въ чемъ-нибудь отступитъ
Отъ прежнихъ словъ, то все жь онъ царь, не скажетъ
О смерти Лая то, что вѣрно бъ было.
Сказалъ вѣдь Локсій, *) что ему погибнуть

---

*) Аполлонъ.

Отъ сына суждено, а сынъ несчастный
Его убить не могъ, когда онъ самъ
Погибъ давно. Теперь меня гаданье
И повернуть глаза ужь не заставитъ.

ЭДИПЪ.

Ты разсудила хорошо. Но все жь
Пошли кого-нибудь призвать слугу,
Ты не забудь.

ІОКАСТА.

Я поспѣшу послать;
А между тѣмъ войдемъ пока мы въ домъ.
Вѣдь ничего я сдѣлать не рѣшусь,
Тебѣ что было бъ неугодно.

(Всѣ уходятъ).

ХОРЪ *(поетъ)*.

Когда бы удѣлъ мнѣ достался такой,
Въ дѣлахъ чтобы святость хранить и словахъ,
Какъ высокоходящій законъ положилъ,
Въ небесномъ эфирѣ рожденный,
Олимпомъ рожденный однимъ!
Не родъ произвелъ его смертныхъ людей,
Его не схоронитъ забвенье;
Богъ вѣчный великъ въ немъ.
Умъ гордый рождаетъ насилье,
Умъ гордый, когда черезъ мѣру онъ полонъ
Тѣхъ мыслей, въ которыхъ нѣтъ пользы.
Все выше подняться онъ хочетъ
И падаетъ въ пропасть крутую,
Гдѣ твердой ногою нельзя уже стать.
Стремленье жь полезное городу
Чтобъ богъ не прервалъ, я прошу.

* * *

Кто же надменно, словомъ иль дѣломъ,
Презритъ законъ, безъ страха предъ правдой,
Не уважая святость боговъ,
Злая пусть доля схватитъ его
За злосчастную гордость.
Если неправдой ищетъ онъ прибыли,

И нечестиво онъ поступаетъ,
Если святыни нагло касается,
Можетъ ли стрѣлы боговъ отвратить?
Если подобныя чтимы дѣла,
Что мои пляски, къ чему мои хоры?
Нѣтъ, не пойду ужь къ сердцу земли, *)
Къ храму Абасскому я не пойду,**)
Къ Зевсу въ Олимпію я не пойду,
Если все ясно всѣмъ не откроется.
Міра властитель, когда не напрасно,
Зевсъ, ты зовешься владыкою міра
Скрыться ты дѣлу не дай отъ тебя,
Ни отъ безсмертной власти твоей.
Данное богомъ Лаю пророчество
Вотъ ужь считаютъ пустымъ,
Честью не свѣтелъ прежнею Фебъ,
Гибнетъ къ святынѣ все уваженье.

ІОКАСТА, *выходя изъ правой двери двора, съ ѳиміамомъ и молитвенной вѣтвью въ рукахъ.*

Князья земли, ***) родилась мысль во мнѣ
Идти съ вѣнками и куреньемъ къ храмамъ —
Молитъ боговъ. Рой цѣлый скорбныхъ мыслей
Эдипа духъ несчастно возмутилъ.
Изъ прежнихъ дѣлъ онъ новыя выводитъ,
Не какъ разумный мужъ, но лишь тому,
Чья рѣчь страшна ему, онъ отдается.
Когда мои безсильны убѣжденья,
Къ тебѣ, Ликійскій Аполлонъ, къ тебѣ,
Ты ближе всѣхъ, иду съ молитвой я,
Чтобъ ты сомнѣнье намъ рѣшилъ счастливо.
Мы въ страхѣ всѣ, за тѣмъ что въ страхѣ видимъ
Его, который правитъ кораблемъ.

---

*) Къ дельфійскому оракулу. Въ подлинникѣ: Нѣтъ не пойду ужь къ пупу земли.

**) Въ Абахъ (*Ἄβαι*), въ Ликіи, былъ знаменитый храмъ Аполлона, въ Олимпіи — храмъ Зевса.

***) *Князья земли*—старики, которые въ древнихъ греческихъ государствахъ, какъ первые изъ народа, составляли думу царя.

ВѢСТНИКЪ *входитъ на сцену съ лѣвой отъ зрителя стороны, гдѣ лежитъ дорога, ведущая изъ чужбины.*

Нельзя ли мнѣ отъ васъ узнать, друзья,
Гдѣ домъ царя Эдипа, гдѣ онъ самъ?

ХОРЪ *(за хоръ говоритъ корифей).*

Вотъ домъ, а самъ онъ, чужестранецъ, въ немъ.
А вотъ жена и мать его дѣтей.

ВѢСТНИКЪ.

Счастлива будь, съ счастливыми всегда
Живи, когда ему супруга ты.

ІОКАСТА.

И ты будь счастливъ, гость; достоинъ счастья
За доброе желанье ты; теперь скажи,
Зачѣмъ пришелъ, что хочешь возвѣстить?

ВѢСТНИКЪ.

И дому, и супругу твоему
Вѣсть добрую принесъ, жена.

ІОКАСТА.

Какую жъ?

И отъ кого пришелъ?

ВѢСТНИКЪ.

Я изъ Коринѳа.

А что скажу, тебѣ пріятно будетъ,
А можетъ быть, и огорчитъ тебя.

ІОКАСТА.

Что жь это, мнѣ скажи, и отъ чего
Двойную силу вѣсть твоя имѣетъ?

ВѢСТНИКЪ.

Тамъ говорили, что его царемъ
Земли Исѳмійской*) жители поставятъ.

ІОКАСТА.

Старикъ Полибъ не царствуетъ ужь больше?

---

*) Исѳмійская земля или Коринѳская, на Исѳмійскомъ перешейкѣ, соединяющемъ Гелладу съ Пелопоннесомъ.

ВѢСТНИКЪ.

Нѣтъ, имъ уже во гробѣ смерть владѣетъ.

ІОКАСТА.

Что ты сказалъ, старикъ? Полибъ ужь умеръ?

ВѢСТНИКЪ.

Пусть я умру, когда сказалъ неправду.

ІОКАСТА.

Что жь ты, раба, скорѣе господину
Нейдешь сказать? Пророчества боговъ!
Что вы теперь! Боясь его убить,
Эдипъ съ нимъ встрѣчи избѣгалъ. А онъ
Не отъ него, но отъ судьбы погибъ.

ЭДИПЪ.

О милая моя жена, Іокаста,
Зачѣмъ меня сюда призвала ты?

ІОКАСТА.

Послушай вотъ его, и ты увидишь,
Почтенныя пророчества боговъ
Къ чему пришли.

ЭДИПЪ.

Кто жъ онъ? Что скажетъ мнѣ?

ІОКАСТА.

Онъ изъ Коринѳа и пришелъ съ извѣстьемъ,
Что твой отецъ, Полибъ, не существуетъ.

ЭДИПЪ.

Что ты сказалъ? Самъ мнѣ еще скажи.

ВѢСТНИКЪ.

Да, знай, что умеръ онъ, когда сперва*)
Я долженъ ясно это объявить.

ЭДИПЪ.

Отъ злаго умысла, иль отъ болѣзни?

---

*) Древніе боялись начинать свои извѣстія съ непріятнаго.

ВѢСТНИКЪ.

И легкій вѣдь ударъ довольно силенъ,
Чтобъ тѣло ветхое свалить.

ЭДИПЪ.

Несчастный,
Онъ умеръ отъ болѣзни, стало быть.

ВѢСТНИКЪ.

Пропелъ не малое онъ жизни поле.

ЭДИПЪ.

Увы! И кто жъ теперь, жена, посмотритъ
Не жертвенникъ пиѳійскій иль на птицъ,
Кричащихъ въ высотѣ? Вотъ я былъ долженъ,
По предвѣщанью ихъ, убить отца.
Его ужь мертваго земля покрыла,
А я вотъ здѣсь, не тронувши меча.
Такъ развѣ скорбь по мнѣ его убила;
Лишь такъ причиной смерти могъ я быть.
Лежитъ Полибъ въ землѣ и взялъ съ собой
Пророчества ничтожныя, пустыя.

IОКАСТА.

Не говорила ль я тебѣ и прежде?

ЭДИПЪ.

Такъ, такъ! Но страхъ меня совсѣмъ сбилъ съ толку.

IОКАСТА.

Теперь не думай больше ты объ этомъ.

ЭДИПЪ.

Но ложа матери какъ не бояться?

IОКАСТА.

Какая польза въ страхѣ человѣку,
Когда судьба сильнѣй всего надъ нимъ.
Когда ума предвѣденье не ясно?
На счастье лучше жить, какъ можетъ кто. . . .
И съ матерью не бойся ты союза:
Неразъ такіе браки снились людямъ;
Но тотъ лишь жизнь легко несетъ свою,
Кому видѣнья ничего не значатъ.

ЭДИПЪ.

Прекрасно было бъ все, что ты сказала,
Когдабъ ужъ не было въ живыхъ родившей;
Теперь, хоть ты прекрасно говоришь,
Нельзя безъ страха быть, когда жива.

ІОКАСТА.

Но смерть отца большой вѣдь свѣтъ тебѣ.

ЭДИПЪ.

Большой, согласенъ я; но мать жива.
Отъ страха мнѣ нельзя свободнымъ быть.

ВѢСТНИКЪ.

Какая женщина вамъ страхъ внушаетъ?

ЭДИПЪ.

Меропа та, съ которой жилъ Полибъ.

ВѢСТНИКЪ.

Какой же можетъ быть вамъ страхъ отъ ней?

ЭДИПЪ.

Есть страшное пророчество отъ бога.

ВѢСТНИКЪ.

Его мнѣ можно ль знать, или нельзя?

ЭДИПЪ.

И очень. Локсій*) мнѣ сказалъ когда-то,
Что мнѣ судьба отца роднаго кровь
Пролить моей рукой, что мать моя
Со мной раздѣлитъ ложе. Изъ Коринѳа
Далеко я бѣжалъ по сей причинѣ.
То къ счастью было мнѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ
Родившихъ очи зрѣть — большая сладость.

ВѢСТНИКЪ.

Такъ, этого страшась, ты жилъ въ чужбинѣ?

ЭДИПЪ.

Чтобъ мнѣ не быть, старикъ, отцеубійцей.

---

*) Аполлонъ Дельфійской.

ВѢСТНИКЪ.

Что жь медлю я отъ страха, царь, тебя
Освободить, когда пришелъ я другомъ?

ЭДИПЪ.

Ты благодарность отъ меня получишь.

ВѢСТНИКЪ.

За тѣмъ я и пришелъ, чтобъ быть счастливымъ,
Когда домой къ себѣ ты возвратишься.

ЭДИПЪ.

Но я къ родителямъ не возвращусь.

ВѢСТНИКЪ.

Дитя, я вижу ясно, ты не знаешь,
Что дѣлаешь.

ЭДИПЪ.

Какъ такъ, старикъ, скажи.

ВѢСТНИКЪ.

Когда домой не хочешь возвратиться
По той причинѣ ты.

ЭДИПЪ.

Но я боюсь,
Чтобъ слово Феба истиннымъ не вышло.

ВѢСТНИКЪ.

Чтобъ ложа съ матерью не раздѣлить?

ЭДИПЪ.

Вотъ это самое, старикъ, всегда
Меня приводитъ въ страхъ.

ВѢСТНИКЪ.

Не знаешь ты,
Что страху твоему нѣтъ основанья.

ЭДИПЪ.

Какъ нѣтъ, когда отъ нихъ родился я?

ВѢСТНИКЪ.

Въ родствѣ съ тобой Полибъ нисколько не былъ.

ЭДИПЪ.

Что ты сказалъ? Такъ я не сынъ Полиба?

ВѢСТНИКЪ.

Не болѣе, но столько же, какъ мой.

ЭДИПЪ.

Но какъ родившій равенъ можетъ быть
Тому, который не родилъ?

ВѢСТНИКЪ.

Да такъ!
Такой же онъ тебѣ отецъ, какъ я.

ЭДИПЪ.

За чѣмъ же звалъ меня всегда онъ сыномъ!

ВѢСТНИКЪ.

Такъ знай, что принялъ онъ тебя въ подарокъ
Изъ рукъ моихъ.

ЭДИПЪ.

Но могъ ли бъ такъ любить,
Когдабъ изъ рукъ чужихъ меня онъ принялъ?

ВѢСТНИКЪ.

Причиною была его бездѣтность.

ЭДИПЪ.

А ты купилъ меня, или нашелъ?

ВѢСТНИКЪ.

Нашелъ въ лѣсныхъ долинахъ Киѳерона.

ЭДИПЪ.

Зачѣмъ пришелъ ты въ тѣ мѣста?

ВѢСТНИКЪ.

Надзоръ имѣлъ я тамъ въ горахъ за стадомъ.

ЭДИПЪ.

Такъ пастухомъ ты тамъ наемнымъ былъ?

ВѢСТНИКЪ.

Я твой, дитя, спаситель былъ тогда.

ЭДИПЪ.

Въ какомъ же ты меня нашелъ страданьи?

ВѢСТНИКЪ.

Суставы ногъ твоихъ могли бъ сказать.

ЭДИПЪ.

Зло старое зачѣмъ напоминать?

ВѢСТНИКЪ.

Проколоты твои вѣдь были ноги:
Я развязалъ тебя.

ЭДИПЪ.

Я страшный знакъ
Пеленокъ этихъ сохранилъ доселѣ.

ВѢСТНИКЪ.

И имя ты отъ этого имѣешь,
Которымъ названъ.*)

ЭДИПЪ.

О молю тебя,
Скажи, отецъ иль мать назвала такъ?

ВѢСТНИКЪ.

Не знаю я. Тебя кто отдалъ мнѣ,
Тотъ лучше долженъ знать, чѣмъ я.

ЭДИПЪ.

Такъ развѣ ты меня взялъ отъ другаго,
Не самъ нашелъ?

ВѢСТНИКЪ.

Другой пастухъ мнѣ далъ

ЭДИПЪ.

Кто жь онъ? не можешь ли назватъ его?

ВѢСТНИКЪ.

Рабомъ онъ Лая называлъ себя.

ЭДИПЪ.

Царя ли прежняго земли сей самой?

---

*) Эдипъ значитъ человѣкъ съ распухшими, больными ногами.

ВѢСТНИКЪ

Да, именно; его онъ былъ пастухъ.

ЭДИПЪ.

Но живъ ли онъ еще, чтобъ видѣть мнѣ?

ВѢСТНИКЪ.

Вамъ лучше это можно знать, туземцамъ.

ЭДИПЪ.

Не знаетъ ли изъ васъ кто пастуха,
О комъ онъ говоритъ, изъ предстоящихъ,
Не видѣлъ ли его въ поляхъ иль здѣсь?
Скажите, время ужь всему открыться.

ХОРЪ *(говоритъ корифей)*.

Тотъ самый, мнится мнѣ, никто другой,
Котораго искалъ ты видѣтъ прежде.
Іокаста впрочемъ лучше всѣхъ то знаетъ.

ЭДИПЪ.

Скажи, жена, не думаешь ли ты,
Что вѣстникъ намъ о томъ и говоритъ,
За кѣмъ послали мы, чтобъ онъ пришелъ?

ІОКАСТА.

Кто говоритъ? о комъ? Не безпокойся.
Забудь, что̀ сказано напрасно было.

ЭДИПЪ.

Того не будетъ, чтобы я свой родъ
Найдти не могъ по признакамъ такимъ.

ІОКАСТА.

Молю тебя, оставь ты розыскъ этотъ,
Когда своей ты жизнью дорожишь!
Довольно и того, что я страдаю.

ЭДИПЪ.

Не бойся ты. Когда тройнымъ рабомъ
Отъ третьей матери я окажусь,
Достоинство твое все будетъ то же.

ІОКАСТА.

Но я прошу, послушайся меня,
Не дѣлай этого.

ЭДИПЪ.

Я не могу;
Я долженъ это ясно все узнать.

ІОКАСТА.

Я говорю тебѣ, что лучше будетъ.

ЭДИПЪ.

Но лучшее давно меня ужь мучитъ.

ІОКАСТА.

О еслибъ ты не могъ узнать, кто ты!

ЭДИПЪ.

Пусть приведутъ сюда мнѣ пастуха.
Ее оставьте утѣшать себя
Своимъ богатымъ родомъ.

ІОКАСТА.

О несчастный!
Лишь такъ тебя могу теперь я звать,
Другаго имени тебѣ не будетъ.

(Уходитъ.)

ХОРЪ *(говоритъ корифей)*.

Что значитъ, что жена ушла, Эдипъ,
Въ столь страшномъ горѣ? Я боюсь теперь,
Чтобъ изъ ея молчанья бѣдъ не вышло.

ЭДИПЪ.

Пусть будутъ бѣды изъ того, но я
Хочу узнать свое происхожденье,
Какъ ни было бъ оно ничтожно, низко.
Какъ женщина, она высокомѣрна;
Мой низкій родъ ее приводитъ въ стыдъ.
А я себя Судьбы считаю сыномъ:
Пока она со мной, не буду презрѣнъ.
Судьба мнѣ мать, а мѣсяцы родные*)

---

*) Эдипъ называетъ тѣ мѣсяцы родными себѣ, которые онъ прожилъ.

Величія черту и униженья
Мнѣ провели. Таковъ родился я,
И никогда не выйду я другимъ,
Чтобъ мнѣ не знать свое происхожденье.

ХОРЪ *(поетъ)*.

Когда пророкъ искусный я,
О Киѳеронъ, клянусь Олимпомъ,
Что завтра полная луна
Не озаритъ еще небесъ,
Какъ мы тебя роднымъ найдемъ
Эдипу и отцомъ кормильцемъ;
И пѣсню въ честь твою споемъ:
Моимъ царямъ несешь ты радость.
Цѣлитель Фебъ! Надежда наша
Да будетъ и тебѣ угодна!

Дитя мое! кто твой отецъ?
Изъ вѣчныхъ кто далъ жизнь тебѣ?
Сошлась ли съ Паномъ горнымъ Нимфа,
Иль съ Локсіемъ сошлася гдѣ?
Елу всѣ горъ вершины — милы.
Киллены ль царь*) иль Вакхъ то былъ,
На высяхъ горъ живущій богъ?
Отъ Нимфы ль онъ тебя родилъ,
Изъ Геликонскихъ Нимфъ одной,
Съ которыми играетъ часто?

ЭДИПЪ.

Мнѣ кажется, я вижу пастуха,
Котораго давно мы ищемъ, старцы,
Когда возможно, не видавши прежде,
Догадываться мнѣ. Онъ къ вѣстнику
Такъ старостью глубокою подходитъ,
А въ тѣхъ, которые ведутъ его,
Я узнаю служителей своихъ.
Но ты узнать однакожь можешь лучше,
Когда видалъ ты прежде пастуха.

---

*) Киллена, гора въ Аркадіи, на которой Майя родила Зевсу Гермія, который называется здѣсь царемъ Киллены.

ХОРЪ *(говоритъ корифей).*

Узналъ. Рабомъ онъ вѣрнымъ Лаю былъ,
Какъ можетъ рабъ пастухъ быть вѣрнымъ.

(Пастухъ показывается съ правой отъ зрителей стороны.)

ЭДИПЪ.

Тебя, коринѳскій гость, спрошу всѣхъ прежде,
Объ немъ ли ты намъ говорилъ?

ВѢСТНИКЪ.

Объ немъ.

ЭДИПЪ *(къ пастуху).*

Такъ ты, старикъ, въ лицо смотри мнѣ прямо
И отвѣчай на то, о чемъ спрошу.
Ты Лаевъ былъ?

ПАСТУХЪ.

Его я былъ рабомъ;
Родился въ домѣ я, не купленъ былъ.

ЭДИПЪ.

Чтò дѣлалъ ты? Какая жизнь была?

ПАСТУХЪ.

Ходилъ за стадомъ я по большей части.

ЭДИПЪ.

Въ какихъ мѣстахъ ты больше обращался?

ПАСТУХЪ.

У Киѳерона и въ мѣстахъ окружныхъ.

ЭДИПЪ *(указывая на вѣстника).*

Ты не знакомъ ли съ этимъ какъ нибудь?

ПАСТУХЪ.

О комъ ты говоришь? И чтò за дѣло?

ЭДИПЪ.

Объ этомъ вотъ, чтò здѣсь. Встрѣчалъ его?

ПАСТУХЪ.

Я въ скорости припомнить не могу.

ВѢСТНИКЪ.

Тутъ чуда нѣтъ, о царь, что онъ забылъ,
Но я сейчасъ ему напомню ясно.
Навѣрно знаю я, что помнитъ онъ,
Какъ мы у Киѳерона, я съ однимъ,
Съ двумя стадами онъ, три цѣлыхъ лѣта
Тамъ отъ весны и до арктура*) вплоть
Сходились вмѣстѣ мы. Къ зимѣ я гналъ
Свои стада домой, а онъ свои
На скотный Лаевъ дворъ. Вѣдь было такъ,
Какъ говорю, иль нѣтъ?

ПАСТУХЪ.

Все правда это,
Хоть много времени прошло съ тѣхъ поръ.

ВѢСТНИКЪ.

Скажи теперь, ты помнишь ли, что тамъ
Ты далъ дитя на воспитанье мнѣ?

ПАСТУХЪ.

Что тамъ? Къ чему объ этомъ говорить?

ВѢСТНИКЪ *(указывая на Эдипа)*.

Вотъ тотъ, который былъ тогда ребенкомъ.

ПАСТУХЪ.

Чтобъ ты пропалъ! Не будешь ты молчать?

ЭДИПЪ.

Нѣтъ не брани, старикъ, его; не онъ,
Твои слова достойны больше брани.

ПАСТУХЪ.

Чѣмъ я грѣшу, о лучшій изъ царей?

ЭДИПЪ.

О мальчикѣ не говоришь ни слова,
Что спрашиваетъ онъ.

---

*) До арктура, т. е. до восхожденія арктура осенью. Арктуръ — звѣзда въ созвѣздіи Боата.

ПАСТУХЪ.

Не знаетъ онъ,
Что̀ говоритъ, хлопочетъ понапрасну.

ЭДИПЪ.

Когда изъ ласки ты сказать не хочешь,
Такъ съ плачемъ скажешь.

ПАСТУХЪ.

Нѣтъ, прошу тебя,
Ты зла не дѣлай старику, оставь.

ЭДИПЪ.

Но чтожь ему назадъ не вяжутъ руки?

ПАСТУХЪ.

Несчастный я! За что̀? Что̀ хочешь знать?

ЭДИПЪ.

Ты далъ ему дитя, какъ онъ сказалъ?

ПАСТУХЪ.

Да, далъ. О еслибъ умеръ я въ тотъ день!

ЭДИПЪ.

Но къ этому прійдешь, когда неправду
Ты будешь говорить.

ПАСТУХЪ.

Еще скорѣй
Погибну я, когда скажу всю правду.

ЭДИПЪ.

Какъ кажется, онъ ищетъ проволочки.

ПАСТУХЪ.

О нѣтъ! Вѣдь я сказалъ давно, что далъ.

ЭДИПЪ.

Откуда взялъ? Твое или чужое?

ПАСТУХЪ.

Нѣтъ, не мое; я отъ другаго взялъ.

ЭДИПЪ.

Изъ гражданъ отъ кого, и въ чьемъ же домѣ?

ПАСТУХЪ.

Молю тебя, не спрашивай, царь, больше.

ЭДИПЪ.

Бѣда тебѣ, когда еще спрошу.

ПАСТУХЪ.

Изъ дома Лаева онъ былъ.

ЭДИПЪ.

Но рабъ,
Иль Лаевой семьѣ онъ былъ родной?

ПАСТУХЪ.

О горе мнѣ! Я долженъ то сказать,
Что̀ мнѣ всего страшнѣй.

ЭДИПЪ.

Мнѣ слышать страшно,
Но все жь я долженъ слышать.

ПАСТУХЪ.

Мальчикъ тотъ
Считался сыномъ Лая. Правда ль это,
Твоя жена могла бъ сказать всѣхъ лучше.

ЭДИПЪ.

Она дала тебѣ дитя?

ПАСТУХЪ.

Она.

ЭДИПЪ.

Зачѣмъ?

ПАСТУХЪ.

Убить.

ЭДИПЪ.

О мать несчастная!

ПАСТУХЪ.

Отъ страха бѣдъ, предсказанныхъ богами.

ЭДИПЪ.

Какихъ же бѣдъ?

ПАСТУХЪ.

Отъ бога былъ оракулъ,
Что онъ убьетъ родителей своихъ.

ЭДИПЪ.

За чѣмъ же отдалъ-ты ему ребенка?

ПАСТУХЪ.

Я пожалѣлъ, о царь, и далъ я съ тѣмъ,
Чтобъ онъ унесъ его въ чужую землю,
Откуда самъ онъ былъ. Онъ спасъ ребенка
Для страшныхъ бѣдъ. И если ты тотъ самый,
Какъ онъ сказалъ: несчастнымъ ты родился!

ЭДИПЪ.

Увы, увы! выходитъ все наружу!
О свѣтъ, въ послѣдній разъ тебя я вижу!
Вотъ оказалося, что я родился
Отъ тѣхъ, родиться отъ которыхъ мнѣ
Не должно бъ было, съ тѣми жилъ, съ кѣмъ жить
Не могъ, и тѣхъ убилъ, кого бъ не смѣлъ.

(Уходитъ съ воплемъ, Вѣстникъ и пастухъ также уходятъ.)

ХОРЪ.

Увы! Смертныхъ родъ людей!
Какъ вашу я жизнь не высоко цѣню!
И кто тотъ человѣкъ, и гдѣ онъ,
Кто бы болѣе счастливымъ былъ,
Чѣмъ на столько, чтобъ счастьемъ блеснуть
И, блеснувши, упасть съ высоты?
Твой когда предъ глазами примѣръ,
Твою видя судьбу, о злосчастный Эдипъ,
Никого изъ людей не сочту я счастливымъ.

О Зевсъ! Въ цѣль удачно попалъ
И достигъ онъ блаженства вполнѣ,
Когда пѣвчую дѣву сгубилъ,
Что съ кривыми когтями была,
И стѣной намъ отъ смерти онъ сталъ.
Съ той поры, царь великихъ Ѳивъ,
Ты всѣхъ бо̀льшую почесть имѣлъ.

*
* *

А послушать теперь, кто несчастнѣй?
Кто въ трудахъ, кто въ бѣдахъ столь ужасныхъ?
И ему также жизнь измѣнила.
Увы! о славный нашъ Эдипъ!
Одни тебя, одни
Объятья обширныя
Держали сына и супруга!
Какъ это, какъ отцовское ложе, несчастный, тебя,
Не сказавшись, терпѣло такъ долго?

И безъ воли твоей тебя время открыло,
Отъ котораго скрыться не можетъ ничто,
И тотъ бракъ не признаетъ ужь Правда,
По которому вышелъ рожденный родившимъ.
Увы! несчастный Лаевъ сынъ!
О лучше бъ, лучше бы
Совсѣмъ мнѣ не знать тебя!
Теперь же громкій плачъ и вопль
Съ устъ все бѣжитъ. Но правду сказать, чрезъ тебя я вздохнулъ;
Чрезъ тебя мои очи сомкнулися сномъ.

СЛУГА *(выходитъ изъ боковой двери дворца Эдипова).*

О вы, которыхъ въ сей землѣ всегда
Всѣхъ больше чтутъ, ужасныя дѣла
Вамъ предстоитъ услышать и увидѣть.
Какая скорбь васъ ждетъ, когда сердечно
Вы преданы еще Лабдака дому!
Тѣхъ золъ. которыя скрываетъ онъ,
Не смоетъ, думаю, ни Истръ, ни Фасисъ *);
И скоро выйдетъ все наружу зло,
Которое свободно, не невольно;
А бѣдствія приносятъ больше горя,
Когда причиной ихъ бываемъ сами.

ХОРЪ *(говоритъ корифей).*

Довольно слезъ и въ томъ, что знали прежде;
Ты что̀ еще намъ новаго принесъ?

---

*) Истръ—Дунай, и Фасисъ—въ Колхидѣ—нынѣ Ріонъ, раздѣляющій Мингрелію и Имеретію.

СЛУГА.

Сказать и выслушать скорѣй что̀ можно,
Скажу: погибла голова Іокасты.

ХОРЪ.

Несчастная! Но отъ какой причины?

СЛУГА.

Своей рукой себя она убила.
Избавленъ ты отъ скорби самой страшной,
Не бывъ свидѣтелемъ того, что̀ было.
Но, сколько памяти во мнѣ достанетъ,
Услышишь ты страданія несчастной.
Съ отчаяньемъ прошла она лишь сѣни,
Къ постели брачной прямо подошла,
Терзая волосы себѣ руками.
Вошла и, двери за собой заперши,
Звала давно умершаго ужь Лая,
Рожденье прежнее воспоминала,
Отъ коего онъ самъ погибъ, а мать
Оставилъ сыну, чтобъ дѣтей злосчастно
Родила съ нимъ. И плакала она
Надъ ложемъ тѣмъ, отъ мужа мужа гдѣ
И отъ дѣтей дѣтей опять родила.
За тѣмъ не знаю, какъ она погибла.
Эдипъ вбѣжалъ тутъ съ крикомъ, и за нимъ
Нельзя ужь было видѣть смерть ея;
Смотрѣли мы теперь, какъ онъ метался.
Вбѣжалъ и требовалъ отъ насъ копья,
И гдѣ найдти жену, что̀ не жена,
И чрево матери, что̀ дало плодъ
Двойной: его и отъ него дѣтей?
Никто изъ насъ, которые тутъ были,
Не молвилъ слова; видно духъ какой
Въ неистовствѣ его ему открылъ.
Какъ будто кто его увлекъ, онъ вскрикнулъ,
Къ двойнымъ дверямъ онъ подскочилъ, сорвалъ
Запоръ и быстро въ горницу вбѣжалъ.
Тутъ видимъ мы висящую жену;
Опутала себя снуркомъ плетенымъ.

Ее увидѣвъ такъ, ужасный крикъ
Несчастный испустилъ и развязалъ
Снурокъ висящій; и когда она
Ужь на полу лежала, страшно было
Намъ видѣть то, что̀ было съ нимъ потомъ.
Сорвалъ онъ съ платья пряжки золотыя,
Которыми украшена была,
Схватилъ и билъ глаза свои онъ ими,
Такъ говоря: за то, чтобъ не видали,
Ни что̀ терпѣлъ, ни что̀ онъ сдѣлалъ зла,
Чтобы впередъ во мракѣ тѣхъ смотрѣли,
Кого не должно было видѣть имъ,
Не узнавали бъ тѣхъ, кого желали бъ.
Такъ причитая много разъ, не разъ
Глаза онъ билъ свои, поднявши вѣки.
Кровавые зрачки мочили щеки,
И кровь не каплями, ручьемъ лилась.
Причиной бѣдствій были оба вмѣстѣ,
На мужа и жену страданье пало.
И счастье прежнее, — то было счастье;
Теперь проклятье, стонъ, и смерть, и стыдъ,
И всѣ, какія есть названья золъ.

ХОРЪ.

Теперь въ какой порѣ несчастный зла?

СЛУГА.

Кричитъ, чтобъ двери дома отворили,
Чтобъ кто-нибудь потомкамъ Кадма всѣмъ
Отцеубійцу показалъ, который....
Онъ слово нечестивое сказалъ,
Которое не смѣю повторить.
Себя онъ гонитъ изъ земли, и въ домѣ,
Проклявши самъ себя, не остается.
Вожакъ ему теперь и помощь нужны;
Не можетъ онъ одинъ нести страданье.
Но скоро самъ увидишь ты его;
Вотъ отпираются дверей запоры,
И зрѣлище такое ты увидишь,
Что врагъ почувствовалъ бы состраданье.

ХОРЪ *(поетъ)*.

Страшныя муки взору людскому,
Всѣхъ что страшнѣе видѣнныхъ мною!
Что̀ за безумье тобой овладѣло,
Бѣдный страдалецъ? Злобный какой духъ
Новыя бѣды къ долѣ злосчастной
Придалъ твоей. Увы, несчастливецъ!
Много спросить бы, многое слышать,
Многое видѣть мнѣ бы хотѣлось;
Но на тебя взглянуть я не смѣю:
Ты мнѣ внушаешь трепетъ и ужасъ.

ЭДИПЪ *(поетъ)*.

Увы, увы! Несчастный я!
Въ какой землѣ я нахожусь?
Куда стремится голосъ мой?
Судьба, судьба, къ чему вела!

ХОРЪ *(говоритъ корифей)*.

Къ ужасному несчастью привела.
И видѣть то, и слышать страшно будетъ.

ЭДИПЪ *(поетъ)*.

О страшный мракъ,
Ужасный мой мракъ, несказанный мракъ!
Неизбѣжный мракъ, безконечный мракъ!
О горе мнѣ! вторично горе мнѣ!
Какъ жало боли той вошло въ меня
И вмѣстѣ съ нимъ ужасныхъ память золъ!

ХОРЪ *(говоритъ корифей)*.

Тутъ чуда нѣтъ, когда въ такихъ несчастьяхъ
Вдвойнѣ страдаешь ты, вдвойнѣ несешь.

ЭДИПЪ *(поетъ)*.

О другъ! Увы!
Одинъ вѣрный другъ мнѣ остался ты,
Слѣпаго меня ты не бросилъ, другъ.
Увы, увы! Ты отъ меня не скрылся:
Хоть въ мракѣ я, но голосъ твой
Все жь ясно узнаю.

ХОРЪ *(говоритъ корифей)*.

Что̀ сдѣлалъ ты!
Какъ могъ свои ты очи погасить?
Какое божество тебя подвигло!

ЭДИПЪ *(поетъ)*.

Аполлонъ то былъ! Аполлонъ, друзья,
Страданій моихъ строитель и бѣдъ.
Глаза жь мои, я самъ несчастный билъ...
И что̀ было смотрѣть,
Когда ничто не сладко было видѣть?

ХОРЪ *(говоритъ корифей)*.

Такъ точно, было такъ, какъ ты сказалъ.

ЭДИПЪ *(поетъ)*.

Что̀ мнѣ видѣть еще, что̀ любить, друзья?
Съ кѣмъ говорить, кого слушать мнѣ?
Скорѣе меня, изъ сихъ мѣстъ скорѣй
Гоните, друзья, великое зло,
Проклятаго прочь гоните, друзья,
Всѣхъ людей богамъ ненавистнѣй онъ.

ХОРЪ *(говоритъ корифей)*.

Равно несчастенъ ты своей судьбой
И жалокъ тѣмъ, что есть въ тебѣ сознанье!
О какъ бы я желалъ не знать тебя!

ЭДИПЪ *(поетъ)*.

Проклятье тому, кто изъ страшныхъ путъ
Развязалъ меня и отъ смерти спасъ.
Отъ смерти спасъ меня, но не къ добру...
Еслибъ умеръ я тамъ,
Не пали бъ на меня такія бѣды,
Друзья мои не знали бъ страшной скорби.

ХОРЪ *(говоритъ корифей)*.

И я бъ былъ радъ, когда бы такъ случилось.

ЭДИПЪ *(поетъ)*

И убійцей отца не пришелъ бы я,
И женихомъ не звали бъ меня

Родной матери; а нынѣ вотъ я
Безбожный и самъ, и преступныхъ сынъ;
Я дѣтей имѣлъ, ахъ, отъ матери.
Что̀ есть въ мірѣ зла, все Эдипъ ужь взялъ.

ХОРЪ *(говоритъ корифей).*

Какъ мнѣ сказать о томъ, что̀ сдѣлалъ ты?
Ужь лучше бы не жить, чѣмъ жить слѣпымъ.

ЭДИПЪ *(говоритъ).*

Не говорите мнѣ, совѣтъ не въ пору,
Что я недоброе съ собою сдѣлалъ.
Сошедши въ адъ, какими бы глазами
Увидѣлъ я отца и мать свою,
Которымъ сдѣлалъ я дѣла такія,
Что петлею загладить ихъ нельзя?
И видъ дѣтей мнѣ могъ ли быть желаннымъ,
Дѣтей родившихся, какъ родились?
Моимъ глазамъ, конечно, никогда!
Ни башни города не видѣть мнѣ,
Не видѣть и боговъ святыхъ кумировъ!
Я самъ несчастный, самъ лишилъ себя
Всего, одинъ изъ всѣхъ вскормленныхъ въ Ѳивахъ,
Я самъ себя всѣмъ отгонять велѣлъ,
Безбожнаго, котораго явили
Убійцею и сыномъ Лая боги.
Какъ могъ бы прямо вамъ въ глаза смотрѣть,
Пятно такое на себѣ открывши?
Нѣтъ, нѣтъ! Когдабъ я могъ найти плотину,
Чтобъ уши мнѣ отъ звука оградить,
Презрѣнное не усумнился бъ я
Все тѣло запереть, чтобъ быть слѣпымъ
И ничего не слышать мнѣ. Пріятно
Отъ ощущенья золъ себя избавить....
О Киѳеронъ! За чѣмъ меня принялъ?
За чѣмъ не погубилъ меня тотчасъ,
Чтобъ людямъ родъ свой я не могъ открыть?
Полибъ, Коринѳъ и ты, о древній домъ,
Который я считалъ отцовскимъ домомъ,

Какой красивый плодъ во мнѣ вскормили,
Который страшный ядъ въ себѣ скрывалъ!
О три дороги тѣ и долъ сокрытый,
И лѣсъ, и трехъ дорогъ проходъ стѣсненный!
Вы кровь, пролитую рукой моей,
Отца кровь пили моего когда-то.
Вы помните ль, что сдѣлалъ я у васъ,
И что потомъ, сюда пришедши, сдѣлалъ?
О бракъ, меня родившій и потомъ
Принявшій то же сѣмя и смѣшавшій
Отцовъ, дѣтей и братьевъ, кровь одну,
Невѣстъ, и женъ, и матерей, и все,
Что есть позорнаго между людей!...
И говорить объ томъ ужь неприлично,
Что дѣлать непристойно и позорно.
Скорѣй меня, скорѣй сокройте гдѣ нибудь,
Молю богами васъ, или убейте,
Иль въ море бросьте, чтобъ не видѣть больше.
Идите же, не погнушайтесь вы
Несчастнаго коснуться человѣка;
Послушайтесь, не бойтесь, зло мое
Изъ смертныхъ не раздѣлитъ ни одинъ.

ХОРЪ *(говоритъ корифей).*

Чтобы обдумать и устроить то,
О чемъ ты просишь, вотъ Креонтъ здѣсь кстати:
Вѣдь онъ одинъ земли остался стражемъ.

ЭДИПЪ.

О горе мнѣ! Что мнѣ сказать ему?
Надѣяться имѣю ль право я,
Когда съ нимъ прежде я былъ такъ не правъ?

КРЕОНТЪ.

Не съ тѣмъ, чтобъ посмѣяться, я пришелъ,
И не бранить за то, что прежде было.
Но если вамъ передъ людьми не стыдно,
Почтите вы хоть царственное солнце,
Которое все грѣетъ и питаетъ,
И на показъ не выставляйте всѣмъ

1926
1923

Такую страсть, какую ни земля,
Ни свѣтъ не стерпитъ, ни святая влага.
Но поскорѣй его введите въ домъ:
Несчастья близкихъ намъ смотрѣть и слушать
Всего приличнѣе однимъ роднымъ.

ЭДИПЪ.

Когда мой страхъ ты обманулъ, Креонтъ,
Участьемъ благороднымъ въ человѣкѣ
Негоднѣйшемъ изъ всѣхъ, молю тебя,
Послушайся меня: то, что скажу,
Я для тебя скажу, не для себя.

КРЕОНТЪ.

Что хочешь ты? О чемъ меня ты просишь?

ЭДИПЪ.

Изъ сей земли меня скорѣе выкинь,
Гдѣ общества людей бѣжать я долженъ.

КРЕОНТЪ.

Скажу тебѣ, давно бъ я сдѣлалъ это,
Когда бы не хотѣлъ узнать отъ бога,
Что дѣлать мнѣ велитъ своимъ онъ словомъ.

ЭДИПЪ.

Но вѣдь его давно извѣстно слово:
Погибнуть мнѣ, отцеубійцѣ, должно.

КРЕОНТЪ.

Такъ онъ сказалъ; но въ нашемъ положеньи,
Что дѣлать намъ, спросить все жь лучше будетъ.

ЭДИПЪ.

Ты будешь спрашивать о *мнѣ* несчастномъ?

КРЕОНТЪ.

Но ты теперь даешь намъ вѣру въ бога.

ЭДИПЪ.

А я прошу тебя и заклинаю,
Какъ хочешь, той, которая тамъ въ домѣ,
Устрой ты погребенье (для своихъ
Тебѣ прилично вѣдь устроить все);
Меня жь пусть городъ мой родной достойнымъ
Не признаетъ, чтобъ жилъ я въ немъ живой;
Но жить меня пусти въ горахъ, туда,
Гдѣ Кивероиъ, тотъ самый Кивероиъ,
Который мать съ отцомъ живому мнѣ
Могилой собственной опредѣлили,
Чтобъ умеръ я согласно съ волей тѣхъ,
Которые меня хотѣли погубить.
И знаю я, что отъ болѣзни не умру,
Ни отъ другой естественной причины.
Когдабъ для страшныхъ бѣдъ не назначался,
То не былъ бы спасенъ я умиравшій.
Но пусть мой рокъ идетъ, куда идетъ:
Хочу тебѣ сказать, Креонтъ, о дѣтяхъ.
О сыновьяхъ не прилагай заботы;
Они мужчины и лишеній въ жизни
Не будутъ знать, гдѣбъ ни были они.
О дочеряхъ моихъ несчастныхъ, жалкихъ,
Ты позаботься мнѣ; имъ никогда
Не ставили обѣда безъ меня,
Но что ѣлъ самъ, все то дѣлилъ я съ ними....
Позволь ты мнѣ коснуться ихъ руками,
Поплакать вмѣстѣ съ ними о несчастьяхъ.
Иди, о царь,
Иди, потомокъ благородной крови!
Когда коснусь руками дочерей,
Казаться будетъ мнѣ, что ихъ держу,
Какъ прежде было то, когда я видѣлъ. *(Антигона и Исмена входятъ).*
Что говорю?
Не слышу ль я, богами васъ молю,
Слезами плачущихъ моихъ любезныхъ?
Не ты ль изъ жалости прислалъ, Креонтъ,
Тѣхъ, что милѣе мнѣ изъ всѣхъ дѣтей?
Не правда ли?

КРЕОНТЪ.

Да, правда. Я тебѣ устроилъ это,
Я зналъ ужь напередъ, какъ радъ ты будешь.

ЭДИПЪ.

Будь счастливъ и за этотъ шагъ одинъ;
Пусть богъ хранитъ тебя, не какъ меня!
О дѣти, гдѣ вы, гдѣ? Сюда, ко мнѣ,
Къ рукамъ моимъ, какъ брата, подойдите!
Родившаго отца взоръ прежде свѣтлый
Вотъ какъ онѣ вамъ нынѣ дали видѣть!
Отца, который васъ родилъ, не зная,
Отъ той, которою былъ самъ рожденъ!
Не вижу васъ, но плачу я объ васъ,
Когда подумаю, какъ вамъ придется
Прожить съ людьми остатокъ горькой жизни.
Въ какое общество пойдете гражданъ?
На праздники какіе вы пойдете,
Чтобъ съ праздникомъ, не съ плачемъ въ домъ вернуться?
Когда жь достигнете вы лѣтъ замужства,
Найдется ль, дѣти, человѣкъ такой,
Который бы сталъ выше предразсудка
И принялъ бы сей пагубный позоръ,
Приросшій къ тѣмъ, которые меня,
И къ тѣмъ, которые родили васъ.
Какого зла не достаетъ еще?
Отца убилъ отецъ вашъ и потомъ
Онъ съ матерью своей прижилъ дѣтей.
Упреки въ томъ придется слушать вамъ.
И кто жь возьметъ васъ за себя? Никто.
Безъ брака, безъ дѣтей умрете вы.
О Менекея сынъ! Когда мы оба,
Которые родили ихъ, погибли,
И ты одинъ отецъ имъ остаешься:
Не брось ты ихъ — онѣ тебѣ родны —
Безъ мужа, въ бѣдности чтобъ не скитались,
И не сравняй съ моей и ихъ судьбу,
Но пожалѣй, въ такихъ ихъ видя лѣтахъ,

Всего лишенныхъ, лишь въ тебѣ одномъ
Имѣющихъ надежду всю. О дѣти!
Когда бъ имѣли вы и смыслъ и разумъ,
Я много бъ вамъ сказалъ. Теперь одно
Мнѣ остается пожелать, чтобъ вамъ
Досталась лучше жизнь, чѣмъ жизнь отца.

КРЕОНТЪ.

Довольно слезъ. Иди теперь въ свой домъ.

ЭДИПЪ.

Я повинуюсь, хоть не сладко мнѣ.

КРЕОНТЪ.

Все въ пору хорошо.

ЭДИПЪ.

Но знай же ты,
Съ чѣмъ я пойду.

КРЕОНТЪ.

Скажи, и буду знать.

ЭДИПЪ.

Съ тѣмъ, чтобъ меня ты выслалъ изъ земли.

КРЕОНТЪ.

Ты требуешь того, что въ волѣ бога.

ЭДИПЪ.

Вѣдь ненавистенъ я богамъ, то видно.

КРЕОНТЪ.

Такъ тѣмъ скорѣй исполнится желанье.

ЭДИПЪ.

Ты думаешь?

КРЕОНТЪ.

Чего не думаю,
Я не люблю напрасно говорить.

ЭДИПЪ.

Такъ уведи меня теперь отсюда.

КРЕОНТЪ.

Иди, но отпусти дѣтей.

ЭДИПЪ.

Молю,

Не отнимай ихъ у меня.

КРЕОНТЪ.

Нельзя.

Всего не требуй ты. И то, чѣмъ ты
Уже владѣлъ, не вѣкъ съ тобой осталось. *(Всѣ уходятъ).*

ХОРЪ *(поетъ, обращаясь къ зрителямъ и удаляясь изъ оркестры).*

О сограждане Ѳивяне, вы смотрите, какъ Эдипъ
Унесенъ потокомъ бурнымъ страшной, бѣдственной волны!
А умѣлъ рѣшать загадки, былъ онъ высшій изъ людей,
И на счастье гражданъ нашихъ онъ безъ ревности смотрѣлъ.
Потому когда помыслишь ты о томъ послѣднемъ днѣ,
То не прежде звать счастливымъ смертнаго рѣшишься ты,
Какъ пройдетъ границу жизни, не извѣдавъ скорбныхъ бѣдъ!

(Занавѣсъ поднимается.)

ОБЪ ЭДИПѢ ЦАРѢ СОФОКЛА

ОПЫТЪ АНАЛИЗА

Давно признано въ исторіи искусства высоко-художественное достоинство произведеній Софокла. Драматическая идея впервые нашла въ нихъ себѣ самое полное выраженіе. Искусство въ лицѣ Софокла коснулось крайней степени своего изящнаго совершенства. Эстетически образованная мысль человѣка новаго времени едва находитъ себѣ въ цѣлой поэтической литературѣ древнихъ другой рядъ произведеній, на которыхъ она могла бы остановиться и отдохнуть съ равнымъ удовлетвореніемъ. Трагическая муза Софокла опытнѣе Эсхиловой въ томъ отношеніи, что лучше ея знаетъ тайну настоящихъ пропорцій художественнаго развитія, но въ то же время несравненно наивнѣе Эврипидовой, которой сколько же знакома страсть въ разныхъ ея видахъ, сколько и эффектъ, производимый ею на зрителя. Въ рукахъ Софокла искусство возмужало, но еще не утратило своей цѣломудренности.

Многое можетъ быть сказано о формѣ художественнаго произведенія, объ ея достоинствахъ и недостаткахъ, но самымъ неистощимымъ предметомъ для мысли всегда останется самое содержаніе. Важность содержанія Софокловыхъ трагедій также давно не тайна для всѣхъ, знакомыхъ съ драматическою поэзіею древности. Изящество формы не закрыло ему собственно принадлежащихъ достоинствъ отъ новаго анализа. И въ наше время, несмотря на обиліе современнаго матеріяла, критическая мысль любитъ возвращаться къ древней трагедіи, къ Софоклу преимущественно, съ цѣлію повѣрить прежнія наблюденія надъ идеями, которыя положены ей въ основаніе, и достигнуть новой степени ясности въ раскрытіи ихъ внутренняго смысла. Она сама тѣмъ больше питается, чѣмъ больше углубляется въ нихъ. Зрѣя вмѣстѣ съ современнымъ сознаніемъ, она часто мѣняетъ точку зрѣнія на предметъ и всегда почти

открываетъ въ немъ новую сторону, болѣе или менѣе соотвѣтствующую ея послѣднему воззрѣнію. Рѣшивъ вопросъ о формѣ, критика долго еще не истощитъ внутренняго содержанія Софокла.

Русскій переводъ «Эдипа царя» даетъ намъ поводъ сказать нѣсколько словъ объ этой трагедіи. Художественное ея достоинство стоитъ выше всѣхъ противорѣчій. Мы могли бы сказать даже болѣе: по нашему крайнему разумѣнію, геній искусства въ древности не простирался далѣе въ тонкости и послѣдовательности художественнаго развитія. Сравните начало и конецъ трагедіи. Гдѣ больше чувства самоувѣренности, основаннаго на глубокомъ сознаніи личнаго достоинства, чѣмъ въ началѣ, и однако какое внутреннее паденіе можетъ сравниться съ тѣмъ, которымъ оканчивается трагедія, хотя главное дѣйствующее лицо остается одно и то же? Художникъ взялъ на себя одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ, какія только представляются въ искусствѣ: не просто изобразить, но представить въ самомъ дѣйствіи переходъ одного и того же лица отъ глубокаго чувства самой безукоризненной невинности къ полному и притомъ добровольному сознанію вины въ смыслѣ нарушенія самыхъ первыхъ и священныхъ обязанностей человѣка. Сравнительно даже невинный Макбетъ при первомъ своемъ появленіи на сценѣ гораздо ближе къ мысли о томъ злодѣйствѣ, которымъ онъ въ послѣдствіи погубилъ себя, чѣмъ Эдипъ, хотя уже и преступникъ, къ малѣйшему предчувствію того ужаснаго сознанія прошедшей вины, которое должно было отравить все остальное время его жизни. Чтобы удовлетворительно рѣшить задачу, надобно было съ величайшею постепенностію провести Эдипа черезъ нѣсколько психическихъ состояній, вовсе не похожихъ одно на другое, такъ, чтобы вниманіе зрителя въ отношеніи къ нему ни разу не раздѣлялось между искреннимъ участіемъ къ его положенію и сомнѣніемъ въ возможности его. Тамъ, гдѣ эти необходимые переходы не даны напередъ и даже не указаны самою легендою, которая составляетъ зерно произведенія, ихъ должно создать собственное воображеніе художника. Въ этомъ неподражаемомъ искусствѣ (ибо оно можетъ быть только самородное) Софоклъ не имѣетъ равнаго себѣ между драматургами древности. Мало того, чтобы создать характеръ, вдохнуть въ него жизнь, наполнить его паѳосомъ, Софоклъ сверхъ того знаетъ тайну тѣхъ внутреннихъ паденій и возвышеній, которыми непремѣнно сопровождается всякое чрезвычайное душевное движеніе въ человѣкѣ, и съ рѣдкою тонкостію кисти оттѣняетъ всѣ малѣйшіе переходы изъ одного нравственнаго состоянія въ другое. Вопросъ зрителя предупрежденъ самымъ ходомъ дѣйствія, и никакая ре-

флексія не нарушаетъ его вниманія: увлеченное послѣдовательностію развитія, оно отдается на волю художника и неослабно остается за нимъ не только въ минуту рѣшительнаго кризиса, но даже и послѣ, до послѣдняго вздоха страсти, до того крайняго предѣла, на который дѣйствіе болѣе не простирается, и гдѣ для него начинается уже прошедшее. Всякій, кто возьметъ на себя трудъ всмотрѣться во внутреннюю архитектонику «Эдипа царя» и отдать себѣ отчетъ во всѣхъ душевныхъ движеніяхъ главнаго дѣйствующаго лица, легко можетъ повѣрить эти замѣчанія своимъ собственнымъ опытомъ.

Поколѣнія, которыхъ эстетическій вкусъ образовался на чтеніи первостепенныхъ художниковъ новаго времени, какъ Гёте и Вальтеръ-Скоттъ, едвали могутъ быть менѣе самыхъ современниковъ Софокла чувствительны къ художественнымъ красотамъ его трагедіи. Художественность до такой степени вошла въ обычаи нашего эстетическаго пониманія, что иногда, злоупотребляя этимъ именемъ, мы готовы бываемъ пропустить мимо глазъ и ушей многіе существенные недостатки произведенія: доказательство неопытности вкуса, который, схвативъ внѣшнимъ образомъ одно изъ главныхъ современныхъ опредѣленій изящнаго, никакъ не можетъ перейдти этой первой черты и равнодушно останавливается у самаго порога содержанія. Но по счастію есть въ современной критикѣ другой элементъ, собственно гуманическій, который освобождаетъ ее отъ односторонности чисто формальнаго воззрѣнія. Оставляя пока въ сторонѣ прямо художественныя достоинства «Эдипа царя», попробуемъ и мы войдти въ кругъ тѣхъ идей, на которыхъ главнымъ образомъ держится какъ нравственный характеръ самаго Эдипа, такъ и существенный интересъ всего дѣйствія. Быть можетъ, намъ удастся такимъ образомъ показать на этомъ произведеніи, сверхъ прогресса чисто художественнаго, и успѣхи нравственнаго сознанія между современниками величайшаго изъ трагиковъ классической древности.

Поражаетъ прежде всего своими особенностями характеръ главнаго дѣйствующаго лица. Возвратившись къ нему еще разъ послѣ внимательнаго чтенія, мысль читателя напрасно ищетъ другаго, параллельнаго ему явленія во всей предшествующей литературѣ. Эдипъ не знаетъ себѣ предшественника въ греческой поэзіи. Герои, которые были передъ нимъ, и бо́льшая часть послѣдовавшихъ занимъ въ области гелленскаго искусства, блистали юностью, красотою, необоримою силою, быстротою и ловкостію движеній; если же въ комъ лѣта и сокрушили первоначальную отвагу, тотъ нахо-

дилъ еще много новыхъ средствъ для своей предпріимчивости въ изгибахъ своего многоопытнаго и изворотливаго ума. Или наконецъ онъ носилъ въ груди, какъ искру небеснаго огня, какъ залогъ высшаго бытія, неробкій духъ, который посмѣвался надъ всѣми усиліями судьбы связать его свободную волю и, даже находясь въ узахъ, гордо, самонадѣянно продолжалъ вызывать на бой сверхъестественныя силы. Въ одномъ Эдипѣ нѣтъ никакого внѣшняго блеска, да недолго приходится ему хвалиться и внутренними достоинствами. Поднявшись въ образѣ Промеѳея до самаго высокаго идеала, греческое искусство какъ-будто вдругъ потеряло равновѣсіе и пало въ лицѣ его ниже своихъ первыхъ зачатковъ. Посмотрите на Эдипа, какимъ знаетъ его трагическая муза; всмотритесь особенно въ его внѣшнюю постановку: онъ ужь давно изжилъ лучшіе годы своей жизни; онъ не только мужъ, но и отецъ довольно значительной семьи; съ самаго зарожденія отмѣченный рукою судьбы, онъ испыталъ на себѣ много превратностей, но не вынесъ изъ нихъ ни тонкости ума Улисса и его знанія людей, ни Пріамова благодушія. До тѣхъ поръ, пока ему не открыли глазъ, онъ не подозрѣваетъ ни своего преступленія, ни своего несчастія. Когда бы надобно было оправдывать себя, онъ нагло, безъ всякихъ доказательствъ, обвиняетъ другихъ. Удостовѣрившись потомъ изъ непреложныхъ свидѣтельствъ, что сама истина говорила устами его мнимыхъ клеветниковъ, онъ не находитъ въ себѣ довольно мужества и спокойствія, чтобы терпѣливо перенести тяжелое испытаніе, и самъ налагаетъ на себя руки. Есть на памяти Ѳивянъ одно славное дѣло Эдипа, которое доставило ему и самую власть надъ ними: это былъ подвигъ не столько физической силы, сколько ума прозорливаго, которому Ѳивы одолжены были спасеніемъ отъ злаго и безпощаднаго чудовища; но та счастливая прозорливость какъ-будто прошла вмѣстѣ съ лѣтами Эдипа и оставила по себѣ мѣсто въ душѣ его лишь ложной самонадѣянности. Трагедія очевидно знала Эдипа цвѣтущаго молодостію и душевными силами, но она предпочла Эдипа въ половину уже отжившаго и неспособнаго болѣе спасти не только свой народъ, но и самого себя отъ отяготѣвшей надъ нимъ судьбы. За чѣмъ такое предпочтеніе?

Еще больше поражаетъ выборъ самого дѣйствія, составляющаго главное содержаніе трагедіи и, такъ сказать, ея душу. Софоклъ не изобрѣлъ его самъ, какъ вообще греческіе художники не выдумывали изъ своей головы сюжета для своихъ произведеній, но взялъ, или, лучше сказать, выбралъ его изъ мѣстныхъ преданій полумиѳическаго свойства. Что же на этотъ разъ привлекло къ себѣ его вообра-

женіе? Это не подвигъ юнаго, предпріимчиваго героизма, ищущаго себѣ славы или добычи, какихъ не мало въ древнихъ преданіяхъ о героическихъ временахъ Греціи; это и не высокій гражданскій подвигъ, направленный на защиту родной страны, ея правъ и самостоятельности и требующій отъ подвижниковъ личнаго самоотверженія; это наконецъ и не одно изъ тѣхъ кровавыхъ дѣлъ семейной вражды и мести, которыя узаконены были почти всею древностію не только какъ право, но и какъ одна изъ первыхъ обязанностей человѣка, и долгое время занимали самое видное мѣсто между любимыми темами греческой драматической поэзіи. Въ нашей трагедіи, напротивъ, все дѣйствіе основано на такомъ событіи, въ которомъ, вольно или невольно, попраны самыя священныя права, нарушены и оскорблены самыя первыя обязанности человѣка, напечатлѣнныя въ немъ самою природою и навсегда утвержденныя его же разумомъ, однимъ словомъ, на себытіи, которое оставляло на совѣсти дѣйствующаго лица самую тяжелую нравственную отвѣтственность, какъ самое непотребное изъ человѣческихъ преступленій. По древнему преданію, Эдипъ при первой встрѣчѣ убилъ собственною рукою неузнаннаго имъ отца и потомъ еще на вѣки запятналъ себя кровосмѣшеніемъ съ своею матерью, имъ также неузнанною. Если миѳическое сознаніе и могло вмѣстить въ себѣ подобные вымыслы, то какое наслажденіе они могли доставить поэтической фантазіи? Между тѣмъ весь «Эдипъ-царь», отъ перваго явленія и до послѣдняго, есть не что иное, какъ художественное развитіе фатальныхъ слѣдствій несчастнаго и ничѣмъ неизгладимаго преступленія. Къ дѣйствію, уже совершившемуся, здѣсь присоединяется другое равно неотвратимое, которое мало по малу вскрывается въ душѣ, въ самомъ сознаніи невольнаго преступника: вина сама ведетъ за собою свои неизбѣжныя слѣдствія. Еще не касаясь лично виновника, они сначала подходятъ къ нему только издали, проступаютъ въ его окруженіи. По винѣ Эдипа, городъ Ѳивы постигнутъ страшною язвою. Религіозное изслѣдованіе причины общенароднаго бѣдствія скоро наводитъ слѣдователей на ужасное подозрѣніе. Напрасно душа Эдипа возмущается при мысли о томъ, что есть дерзкіе языки, которые позволяютъ себѣ выражать сомнѣніе въ его чистотѣ и невинности: ему не уйдти отъ роковаго сознанія, какъ не ушелъ онъ прежде отъ предназначеннаго ему преступленія. Чѣмъ больше онъ усиливается, передъ самимъ собою и передъ глазами страдающаго за него народа, освободиться отъ чернаго подозрѣнія, способнаго убить всякое душевное спокойствіе, тѣмъ съ большею силою вторгается оно во внутреннія убѣжища его совѣсти и навязываетъ ей

себя какъ ничѣмъ неизмѣнимое убѣжденіе. Напрасно Эдипъ, поколебавшись въ своихъ собственныхъ мысляхъ, ищетъ себѣ послѣдней опоры въ показаніяхъ очевидцевъ преступленія или его современниковъ. Чѣмъ больше онъ выпытываетъ отъ нихъ, тѣмъ поразительнѣе возстаетъ предъ нимъ образъ преступника, и всматриваясь въ него, онъ все больше и больше распознаетъ въ немъ свои собственныя черты. Переживъ съ Эдипомъ всѣ его сомнѣнія, зритель долженъ еще присутствовать при раздражающемъ сердце зрѣлищѣ, какъ погибаетъ, подъ неизбѣжнымъ давленіемъ рока, самое глубокое чувство невинности, и вмѣстѣ съ нимъ рушится вѣра во внутреннее достоинство человѣка. Хаоса чувствъ, наступающаго послѣ такой страшной катастрофы, не въ состояніи вынести никакая личность, хотя бы и много уже испытанная жизнію, — и зритель, прошедши одно за другимъ всѣ потрясенія Эдиповой души, въ заключеніи долженъ узнать, что преступникъ, разбитый внутренними терзаніями, наконецъ объявляетъ вражду самъ противъ себя и казнитъ себя лишеніемъ дневнаго свѣта, какъ если бы душевный мракъ былъ при немъ еще невыносимѣе. Жизнь остается Эдипу, тяжелая, страдальческая жизнь, лишенная всякой отрады; но и зритель, присутствовавшій при всемъ дѣйствіи, что выноситъ изъ него, кромѣ этого несчастнаго образа, неумолимо преслѣдуемаго рокомъ, во враждѣ съ самимъ собою, разорвавшаго почти взѣ связи съ обществомъ людей, съ природою, и погруженнаго лишь въ безъисходный мракъ своего отчаянія? Что еще, кромѣ самыхъ тяжелыхъ впечатлѣній, можетъ оставить въ душѣ его подобное драматическое представленіе?

Художникъ воленъ былъ избрать тотъ или другой предметъ въ обширной области миѳическихъ и историческихъ преданій, которая была открыта его воображенію. Почему было ему не остановиться на предметѣ, если не болѣе увлекательномъ, по крайней мѣрѣ болѣе возвышающемъ душу, болѣе способномъ поддержать въ ней вѣру въ нравственное достоинство человѣка? Примѣромъ почти всѣхъ предшествующихъ художниковъ могъ бы, кажется, служить ему прекраснымъ поощреніемъ. Далеко не истощивши всего поэтическаго матеріяла, они однако открыли дорогу своимъ послѣдователямъ и установили образцы. Хотѣлъ ли Софоклъ тѣмъ сильнѣе впечатлѣть въ воображеніи зрителей идею неумолимой судьбы и показать имъ хотя на одномъ разительномъ примѣрѣ, что съ нею не въ силахъ бороться никакая человѣческая рѣшимость? Болѣе чѣмъ сомнительно. Идея судьбы и безъ Софокла довольно прочно заложена была въ религіозномъ сознаніи Грековъ. Она-то произвела мрачное ска-

заніе о безсознательныхъ преступленіяхъ Эдипа, гораздо прежде чѣмъ оно сдѣлалось предметомъ художественной обработки. Притомъ же не оно само составляетъ главный предметъ дѣйствія, а его отдаленныя слѣдствія. Въ Гамлетѣ тоже довольно подробно разказывается смерть его отца, но никто конечно не смѣшаетъ этого разказа съ самымъ дѣйствіемъ, которому онъ служитъ лишь необходимымъ драматическимъ поводомъ, или основаніемъ для завязки. Чтобы изобразить неотвратимую силу рока (если ужь это было непремѣнно нужно) Софоклъ не могъ ничего лучше сдѣлать, какъ представить въ дѣйствіи первую и самую важную часть сказанія. Здѣсь въ очію совершается то, что послѣдующая часть подразумѣваетъ какъ давно прошедшее. Въ трагедіи также есть внѣшнее дѣйствіе, но надъ нимъ беретъ рѣшительный перевѣсъ внутреннее, которое въ то же самое время происходитъ въ сознаніи главнаго дѣйствующаго лица. Взявши въ соображеніе послѣднее, и ту катастрофу, которою оно разрѣшается, нетрудно удостовѣриться, что результатъ этого дѣйствія совсѣмъ иной, нежели тотъ, какого мы вправѣ были бы ожидать отъ трагедіи, еслибы она выражала собою идею судьбы. Убѣдившись въ неумолимости рока, въ неотмѣнимости его предопредѣленій, зачѣмъ бы было Эдипу такъ терзать себя? Если бы въ немъ не брало перевѣсъ иное чувство, иное сознаніе, онъ могъ бы сослаться на ту же самую неумолимость рока и успокоиться. Итакъ позволительно думать, что побужденія совсѣмъ инаго рода руководили художникомъ древности, когда онъ избралъ Эдипа темою для одного изъ своихъ драматическихъ произведеній.

Новые примѣры нерѣдко могутъ быть употреблены съ пользою для объясненія древнихъ. Мы воспользуемся этимъ правиломъ въ приложеніи къ искусству. Говоря вообще, было бы очень странно думать, что искусство, заимствуя свой матеріялъ отъ преданія, удерживаетъ и его воззрѣніе на предметъ, не видитъ ничего далѣе ни въ лицахъ, ни въ событіяхъ. Такое понятіе отнимаетъ у искусства всякую внутреннюю самостоятельность, и оставляя за нимъ привилегію техническаго превосходства, пластики, въ нравственномъ отношэніи впрочемъ ставитъ его совершенно на одной степени съ младенчествующимъ преданіемъ. Всякій, знакомый съ старымъ преданіемъ о Гамлетѣ, хорошо знаетъ, какъ далеко ушелъ отъ него извѣстный художественный типъ, также носящій имя Гамлета, несмотря на то, что внѣшнія черты событія остались почти однѣ и тѣ же въ разказѣ и въ драмѣ. Тамъ, гдѣ преданіе болѣе всего занимала мысль о кровавой мести, поэтъ, предупреждая самое время,

первый замѣтилъ неясныя черты весьма важнаго и въ высокой степени интереснаго психическаго явленія, на которое до него едва существовали темные намеки, и которое гораздо позже, вслѣдствіе особенныхъ условій историческаго развитія, сдѣлалось довольно обыкновенною нравственною болѣзнію въ европейскомъ обществѣ. Нисколько не касаясь вопроса объ исторической вѣроятности, или невѣроятности событія, Шекспиръ взялъ его для себя, какъ положительный фактъ, и подъ широкою тканію внѣшняго дѣйствія психическими чертами изобразилъ то глубокое внутреннее распаденіе между сознаніемъ и волею человѣка, котораго онъ же уловилъ самые первые признаки. Однажды понявши Гамлета, мы поняли лучше всѣхъ философическихъ опредѣленій одно изъ самыхъ оригинальныхъ явленій нравственной человѣческой природы. Никто, безъ сомнѣнія, не будетъ оспаривать, что Гамлетъ, какъ герой драмы, лишенъ всякаго блеска; но кто же не согласится и въ томъ, что даже во всей области новаго искусства не много еще можно указать типовъ, которые бы равнялись съ нимъ во внутренней занимательности?

Время кладетъ свою печать на все — на искусство столько же, сколько и на самую жизнь. Отсюда то глубокое различіе, которое проходитъ въ характерѣ древняго и новаго искусства. Въ сущности впрочемъ натура искусства неизмѣнно остается одна и та же. Что сказали мы объ отношеніи его къ преданію въ новое время, то же самое безъ труда можетъ быть приложено и къ древнему художнику. Софоклъ не былъ бы художникомъ въ лучшемъ и истинномъ смыслѣ слова, если бы не умѣлъ стать — своею мыслію и всѣмъ созерцаніемъ — выше преданія, которое доставляло ему первый грубый матеріялъ для его поэтической производительности. Эдипъ преданія и Эдипъ трагедіи конечно одно и то же лице; между тѣмъ не надобно имѣть много особенно тонкаго смысла, чтобы узнать въ послѣднемъ собственное созданіе Софокла. Безспорно, что выборъ сдѣланъ былъ художникомъ внѣ обыкновенныхъ условій, такъ что съ перваго раза можетъ показаться довольно своенравнымъ. Эдипъ преданія, какъ и Гамлетъ, не блеститъ никакими внѣшними качествами; не видно также, чтобы оно приписывало ему и высокія доблести душевныя; наконецъ, что касается до его положенія, оно также не можетъ быть названо привлекательнымъ. Нельзя не сознаться и въ томъ, что искусство Софокла, избравши себѣ такой предметъ, тоже ничего не сдѣлало съ своей стороны, чтобы поднять Эдипа въ этомъ отношеніи: трагедія не позволила себѣ съ нимъ никакого превращенія, напримѣръ хоть бы въ родѣ того, какому под-

верглось лице Эгмонта подъ руками новаго поэта. Пройдя черезъ мастерскую древняго художника, Эдипъ вышелъ изъ нея безъ всякихъ прикрасъ. Пусть такъ, — и мы готовы со всею силою настаивать на это положеніе; но что отсюда слѣдуетъ? То, очевидно, что художникъ вовсе и не думалъ о прикрасахъ, нисколько не заботился придать внѣшній блескъ герою своей трагедіи, что слѣдовательно мысль его работала надъ иного рода задачею: потому что никто же конечно не подумаетъ, что работа его не была проникнута никакою особенною мыслію. Возьмемъ героя трагедіи такъ, какъ онъ есть — безъ внѣшняго блеска, безъ высокихъ душевныхъ доблестей, безъ всякихъ преувеличеній: неужели въ немъ не останется ничего такого, что бы могло привязать къ нему интересъ мыслящаго человѣка? Нельзя поручиться за современниковъ не только Гомера, но даже и Геродота: другіе идеалы занимали ихъ воображеніе; несчастія Эдипа могли возбудить ихъ любопытство, но личный характеръ его едва ли могъ удовлетворить требованіямъ ихъ вкуса. Рѣдкій успѣхъ Софокла между *его* современниками доказываетъ, напротивъ, что они уже достаточно созрѣли для того, чтобы прямо наслаждаться его оригинальными поэтическими созданіями и можетъ-быть даже отдавать имъ предпочтеніе передъ прежними. Интересъ, который привязывалъ автора къ лицу, имъ созданному, живо отзывался и въ нихъ. Эдипъ не могъ занять ихъ тѣмъ, чего въ немъ не было, — что не вложено было въ него ни преданіемъ, ни искусствомъ художника: итакъ Эдипъ долженъ былъ привязать къ себѣ ихъ интересъ именно тою стороною, которой мы не находимъ близкой параллели, во всемъ предшествующемъ искусствѣ. Это сторона нравственная, иначе говоря, Эдипъ могъ занять ихъ воображеніе развѣ только какъ нравственный характеръ. Съ этой точки зрѣнія удивительно какъ оправдывается выборъ художника. Для подобной мысли въ самомъ дѣлѣ трудно было найдти другое лицо, которое бы по самой натурѣ своей было больше способно служить ей полнымъ и яснымъ выраженіемъ. Если бы зритель и старался отыскать въ наличности Эдипа другую сторону, которою бы могъ занять свое воображеніе, онъ не достигъ бы своей цѣли безъ обмана передъ самимъ собою, безъ натяжекъ во вредъ истинѣ: Эдипа какъ ни поворотни, но послѣ того какъ совершено его безсознательное преступленіе, онъ занимателенъ лишь тѣми сильными потрясеніями и переворотами, которые происходятъ въ самой душѣ его, въ рѣшеніяхъ его воли, однимъ словомъ, въ нравственномъ его состояніи. Кто не почувствовалъ интереса къ этимъ явленіямъ въ духовной природѣ Эдипа, тотъ далекъ еще отъ того, чтобы войдти въ мысль поэта и понять истинныя красоты трагедіи.

Путемъ весьма естественнаго развитія геллеиское сознаніе дошло до той высокой точки, на которой явленія внутренней природы человѣка получаютъ гораздо болѣе цѣны для испытующей мысли, чѣмъ блестящія дѣла внѣшнія, и становятся на первомъ планѣ въ искусствѣ. Софоклу принадлежитъ честь перваго производителя, который усвоилъ искусству это важное направленіе, впервые отыскавъ вполнѣ соотвѣтствующій ему образъ. На той же самой дорогѣ находился и его ближайшій предшественникъ; но, увлекаемый высокимъ полетомъ своей мысли, Эсхилъ иногда уносился слишкомъ далеко отъ земли; величайшій образъ, созданный его исполинскимъ воображеніемъ, не только своимъ происхожденіемъ, но и своими наклонностями скорѣе обличаетъ въ себѣ натуру титана, нежели человѣка. Искусство слишкомъ долго пребывало въ сферѣ боговъ и боговидныхъ героевъ; пора было ему наконецъ низойдти до обыкновенной человѣческой дѣятельности и въ ней поискать новаго матеріяла, достойнаго занять мысль художника и вдохновить трудъ его. Никто не перешелъ этой черты съ такою рѣшимостью, какъ авторъ Эдипа. Только глубокій поэтическій тактъ могъ навести его на предметъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовавшій умственнымъ потребностямъ его современниковъ, и внушить ему смѣлость подобнаго выбора. Говоря, что Софоклъ нашелъ въ лицѣ Эдипа образъ, который могъ бы служить для его мысли самымъ полнымъ выраженіемъ, мы можетъ-быть не совсѣмъ точно выразили нашу собственную мысль. Мы вовсе не хотѣли сказать, употребляя этотъ столько обыкновенный оборотъ рѣчи, что Софоклъ дошелъ до своего выбора посредствомъ яснаго сознанія одной изъ важнѣйшихъ цѣлей искусства; наша мысль была только та, что въ Эдипѣ, какимъ представляетъ его преданіе, Софоклъ съ удивительною мѣткоскію взгляда угадалъ возможность того характера, который онъ потомъ съ такимъ совершенствомъ воспроизвелъ въ своей трагедіи: процессъ совершенно однородный съ тѣмъ, посредствомъ котораго творческій геній Шекспира открылъ своего Гамлета въ убогомъ преданіи, съ которымъ онъ познакомился, прежде чѣмъ замыслилъ свое безсмертное произведеніе. Дѣлаемъ эту оговорку, чтобы кто не подумалъ, что въ произведеніяхъ Софокла мы видимъ плодъ дѣятельности столько же философической, сколько и поэтической. Наше убѣжденіе то, что натура Софокла, какъ и вся его дѣятельность, есть чисто художническая, безъ всякой посторонней примѣси.

Нравственный характеръ, какъ и героическій, узнается въ дѣйствіи. Не то лицо называемъ мы нравственнымъ, которое имѣетъ прекрасныя правила и гласно ихъ высказываетъ, но то, которое въ по-

веденіи своемъ прежде всего руководствуется нравственными побужденіями, хотя бы впрочемъ они и не были ясно выговорены. Побужденія будутъ нравственны, когда внушены чувствомъ истины, добра и правды. Тотъ особенно достигаетъ въ нашихъ глазахъ идеала житейской нравственности, въ комъ потребность истины и правды беретъ перевѣсъ надъ всѣми другими чувствами, кто въ рѣшительныя минуты жизни не задумается пожертвовать ей своими собственными интересами, ни даже своею личною безопасностью. Впрочемъ, какъ отказать въ нравственномъ характерѣ и тому, въ комъ первая мысль, слѣдующая за сознаніемъ вины, есть необходимость добровольнаго очищенія (экспіаціи), хотя бы оно сопряжено было съ тяжкими и ничѣмъ не вознаградимыми лишеніями? Древніе какъ ни превратны были во многомъ ихъ понятія, также знали нравственные инстинкты, и нельзя сказать, чтобы эти инстинкты оставались совершенно безплодны между ними. Не все страсть къ пріобрѣтенію, любовь къ славѣ, жажда мщенія: имъ знакомы были и другія, высшія и благороднѣйшія побужденія, какъ то патріотизмъ, гражданская честь, наконецъ любовь къ истинѣ. Въ древнемъ греческомъ искусствѣ никто столько, какъ Софоклъ, не былъ чувствителенъ къ этимъ струнамъ практической жизни, никто не ввелъ этого элемента въ такомъ широкомъ объемѣ въ свои поэтическія произведенія. Здѣсь получаетъ свое полное значеніе и то дѣйствіе, которое составляетъ главное содержаніе нашей трагедіи. Ничего нельзя было лучше придумать, чтобы, остановившись на извѣстномъ лицѣ, дать несомнѣнную пробу его нравственнаго характера, если не въ смыслѣ высокаго идеальнаго совершенства, то въ смыслѣ духовной природы, которой врождены нравственные инстинкты. Герой трагедіи, даже взятый со внутренней своей стороны, дѣйствительно человѣкъ не безъ слабости и недостатковъ. Если онъ по природѣ своей чуждъ несправедливости, то не чуждъ самонадѣянности, которая почти не менѣе первой ведетъ къ разнымъ излишествамъ; если онъ отечески любитъ свой народъ и вполнѣ сочувствуетъ ему въ бѣдствіи, то онъ также подверженъ самолюбію, и нѣтъ для него оскорбленія чувствительнѣе того, которое устремлено противъ него лично: въ такомъ случаѣ онъ способенъ увлечься до несправедливаго гнѣва, до забвенія всякой умѣренности и благоразумія. Вообще, въ немъ есть мѣсто страсти и ея увлеченіямъ. Нельзя быть чувствительнѣе Эдипа къ собственной чести, нетерпѣливѣе въ желаніи сбросить всякую тѣнь подозрѣнія съ своего добраго имени: онъ не довольствуется внутреннимъ чувствомъ своей правоты, но болѣзненно раздражается всякій разъ, какъ только слы-

шить упрекъ или нареканіе себѣ со стороны, и не успокоиваясь, идетъ до послѣднихъ предѣловъ возможной повѣрки, такъ что наконецъ самъ съ ужасомъ видитъ себя въ самомъ безвыходномъ положеніи — лицомъ къ лицу съ преступленіемъ. Но этимъ самымъ онъ и впадаетъ въ настоящую трагическую коллизію; здѣсь-то собственно и должно раскрыться, въ какой степени онъ владѣетъ нравственными силами. Дѣло тутъ не столько въ самомъ преступленіи, которое, когда еще открывается дѣйствіе, есть уже достояніе минувшаго, сколько въ томъ, какъ относится къ нему совѣсть преступника: коллизія совершенно внутренняя. Внѣшняя же постановка Эдипа не такова, чтобы, совершивъ преступленіе, онъ, волею или неволею, но неизбѣжно принужденъ былъ понести на себѣ и всю тяжесть наказанія. Важно то, что въ немъ самомъ есть голосъ, который, сильнѣе всѣхъ внѣшнихъ понужденій, требуетъ отъ него, по сознаніи вины, и строжайшаго возмездія за нее. Это голосъ, заложенный въ самой природѣ человѣка, не подавленный и самою страстію. Въ немъ-то заключалось главное побужденіе для Эдипа— подвергнуть себя тому ужасному лишенію, которое должно было отравить всю остальную жизнь его. Можно бы даже утверждать, что та же самая сила, хотя косвенно, участвовала и въ предыдущемъ непреклонномъ рѣшеніи Эдипа — во чтобы то ни стало разогнать всякую тѣнь сомнѣній относительно своего добраго имени, дойдти до самаго источника обвиненій—рѣшенія, которое такъ много способствовало къ тому, чтобы приблизить катастрофу. Что̀ же такое была эта сила? неумолимый ли рокъ, который постоянно увлекалъ Эдипа въ одномъ направленіи къ назначенной наперед̀ъ развязкѣ, или другая, равно неотступная, но болѣе внутренняя и потому гораздо болѣе близкая человѣческому сознанію, какова напримѣръ, сила нравственнаго чувства? Отвѣтъ могъ бы быть сомнителенъ, если бы мы имѣли дѣло съ чистымъ миѳическимъ сказаніемъ; но какъ скоро оно прошло черезъ руки художника и пропиталось его собственною мыслію, едва ли мы будемъ вправѣ отказаться въ нашемъ толкованіи отъ разумнаго, что̀ одинаково доступно и нашей мысли и нашему внутреннему чувству, и отдать свой голосъ въ пользу слѣпаго и случайнаго, въ томъ предположеніи, что оно управляетъ извнѣ самою волею человѣка. Или, въ нашемъ пониманіи искусства, поэтическая дѣятельность ограничивалась бы только одною внѣшнею обработкою даннаго матеріяла, безъ всякаго отношенія къ внутреннему его смыслу. Весьма замѣчательно, что древнее сказаніе, которое послужило основою « Эдипу », вовсе не знало той страшной развязки, которою оканчивается трагедія: такъ въ «Эди-

подіи», одномъ эпическомъ произведеніи древности, которое все было посвящено дѣламъ Эдипа, разказывалось, что онъ не только пережилъ безъ особенныхъ потрясеній смерть первой своей жены, но еще женился на другой, отъ которой имѣлъ четырехъ дѣтей; тотъ же образъ представленія усвоила себѣ и греческая живопись (см. Grote, 1, гл. XIV). Неизбѣжныя послѣдствія преступнаго сознанія въ главномъ дѣйствующемъ лицѣ въ подробности развиты только драматическою поэзіею. Ясно, что эпическое, равно какъ и миѳическое сознаніе занято было преимущественно внѣшнимъ дѣйствіемъ и оставалось довольно равнодушнымъ къ тому, что̀ въ то же самое время происходило въ самой душѣ героя легенды, между тѣмъ какъ трагическая муза обратила главное свое вниманіе на нравственныя явленія: мы не иначе могли бы объяснить себѣ, почему художникъ рѣшился на такое значительное измѣненіе въ первоначальномъ сказаніи и позволилъ себѣ развить несчастныя послѣдствія преступленія совершенно по-своему. Вообще трагедія въ Греціи предполагаетъ новую важную степень въ развитіи гелленскаго сознанія: герой древней легенды только и могъ имѣть для него занимательность, какъ лицо нравственное. Здѣсь же, по нашему мнѣнію, и тайна того участія, которое судьба его, хотя и преступника, возбуждаетъ даже въ зрителѣ новаго времени. Эдипъ, дѣйствующій въ счастіи и несчастіи лишь какъ слѣпое орудіе судьбы, теряетъ всякую цѣну, не заслуживаетъ даже простаго состраданія; только какъ человѣкъ, до послѣдней минуты движимый побужденіями болѣе или менѣе нравственными, имѣетъ онъ полное право на сочувствіе зрителей въ своихъ дѣйствіяхъ и еще болѣе въ своемъ добровольномъ наказаніи. Пусть впечатлѣніе отъ безпримѣрныхъ несчастій Эдипа и будетъ подавляющее: въ глубинѣ души зрителя тѣмъ не менѣе остается возвышающее чувство, что въ природѣ человѣка живутъ ничѣмъ неизгладимые инстинкты истины и правды, которыхъ не заглушатъ никакія несчастія, ни даже самые жестокіе удары судьбы.

Взглянемъ на подробности.

Ничего не можетъ быть умилительнѣе первой сцены, которою открывается дѣйствіе въ нашей трагедіи. Поэтическое воображеніе рѣдко было счастливѣе на изобрѣтеніе. Постигнутый роковымъ бѣдствіемъ, цѣлый городъ курится умилостивительными жертвами. Въ храмахъ поютъ священные гимны, но ихъ часто нарушаютъ жалобные вопли. На площади, передъ царскимъ домомъ, собралась вмѣстѣ съ жрецами и старцами цѣлая толпа дѣтей и юношей. Это лучшій цвѣтъ народа, но они сошлись сюда не для торжества; съ масличными вѣтвями въ рукахъ стоятъ они вокругъ алтарей, многіе сидятъ на

ступеняхъ ихъ, въ ожиденіи Эдипа. Юныя сердца ихъ исполнены глубокаго унынія. Ни откуда не видя спасенія, они пришли повѣрить свою скорбь и свое отчаяніе тому, кто уже былъ однажды спасителемъ города, и услышать отъ него утѣшительное слово. Никто изъ смертныхъ не пользовался между Ѳивянами равною довѣренностію, ни равнымъ уваженіемъ; къ нему привыкли они прибѣгать въ трудныя минуты народнаго бѣдствія, укрываться подъ его покровомъ отъ ударовъ судьбы. Онъ не измѣнитъ имъ и теперь. Стоны и жалобы въ самомъ дѣлѣ вызываютъ его изъ глубины дома. Эдипъ выходитъ къ народу, привѣтствуетъ въ немъ дѣтей своихъ и съ нѣжнымъ участіемъ отца освѣдомляется о томъ, какія нужды привели ихъ къ его порогу. Сердце его открыто состраданію и жалости; онъ готовъ помогать тѣмъ, кого признаетъ наравнѣ съ своими дѣтьми, во всѣхъ обстоятельствахъ ихъ жизни, лишь бы это было въ его силахъ и въ его волѣ. Бо́льшаго доброжелательства въ свою пользу Ѳивяне ни отъ кого не могли требовать. Впрочемъ не въ эту только минуту, — Эдипъ давно уже тронутъ бѣдствіями своего народа. Не даромъ устремлены были на него взоры Ѳивянъ, привязаны къ нему послѣднія ихъ надежды. Прежде чѣмъ народъ позаботился самъ о себѣ, Эдипъ уже думалъ объ его страданіяхъ, втайнѣ плакалъ надъ его язвами. Въ широкомъ сердцѣ его нашлось довольно мѣста для общей печали; только умъ его долго не находилъ средствъ, чтобы отвратить карающую руку судьбы. Наконецъ чувство собственнаго безсилія заставило его прибѣгнуть къ дельфійскому оракулу, и когда народъ, собравшійся на площади, передалъ ему устами Зевсова жреца исторію своего бѣдствія, Эдипъ, изливши передъ нимъ свое доброе сердце, могъ по крайней кѣрѣ сказать ему въ утѣшеніе, что уже истекло время, необходимое для возвращенія вѣстника, и недалекъ тотъ срокъ, когда имъ будетъ извѣстна мысль Аполлона. Едва только Эдипъ кончилъ свою рѣчь въ отвѣтъ на жалобы народа, какъ желаемый вѣстникъ дѣйствительно показывается вдали. Въ ожиданіи его, всѣ присутствующіе раздѣлены между страхомъ и надеждою. Наконецъ должны разрѣшиться всѣ тяжелыя сомнѣнія; но кто знаетъ, какова будетъ воля боговъ, возвѣщенная оракуломъ?

Въ цѣломъ драматическомъ искусствѣ трудно указать другую вступительную сцену, которая бы такъ скоро вводила въ дѣйствіе и съ перваго же раза привязывала участіе зрителя къ главному дѣйствующему лицу. Интересъ вдругъ возбужденъ и общею картиною города, пораженнаго страшнымъ бѣдствіемъ, и тѣми почти нѣжными отношеніями, которыя, несмотря на неблагопріятныя обстоятельства, остаются между народомъ и его повелителемъ, наконецъ

самою неизвѣстностію выхода, котораго никто не въ состояніи предусмотрѣть. Всѣ подробности положенія выбраны такъ счастливо, что каждая изъ нихъ, дѣйствуя на воображеніе, еще больше говоритъ сердцу зрителя, затрогиваетъ его съ самой чувствительной стороны. Поэтъ какъ-будто имѣлъ въ виду гораздо позднѣйшее развитіе: всѣ интересы, пущенные здѣсь въ ходъ, суть интересы глубокс-человѣчественные. Надобно быть вовсе безъ сердца, чтобы не тронуться ни положеніемъ Ѳивянъ, ни тѣми отношеніями, которыя при этомъ случаѣ вскрываются во всей силѣ между Эдипомъ и его подданными. Интересныя сами по себѣ, они бросаютъ еще много свѣта на личный характеръ Эдипа. Какъ мы уже замѣтили и прежде, онъ точно не блеститъ никакими внѣшними качествами; не видно также въ немъ и того адамантоваго духа, который не гнется ни подъ какимъ испытаніемъ и только закаляется въ несчастіяхъ. Сердце Эдипа слишкомъ мягко, чтобы противустоять давленію внѣшнихъ обстоятельствъ; одинъ видъ человѣческихъ страданій приводитъ его въ безпокойство и смущеніе. Не по одному только долгу правителя, онъ сочувствуетъ своимъ подданнымъ въ несчастіи еще болѣе по своему доброму сердцу. Это его слабость, но она могла бы быть и предметомъ гордости. Уже съ перваго раза любишь Эдипа, если не какъ героя, то какъ человѣка. Онъ плачетъ не за себя, но за участь города, чувствуя свое безсиліе облегчить его бѣдствія. Что бы съ нимъ ни случилось впередъ, но за это сердце можно поручиться заранѣе, что и при другихъ, можетъ-быть еще болѣе трудныхъ испытаніяхъ, онъ не измѣнитъ своимъ превосходныхъ инстинктамъ и всегда сохранитъ право на нашу симпатію, хотя бы въ послѣдствіи, по какимъ ни есть причинамъ,-и поколебалось наше уваженіе къ лицу. Впрочемъ, узнавши Эдипа по первой сценѣ его съ Ѳивянами, нельзя, кажется, не отвергнуть напередъ, какъ клевету, всякое брошенное на него подозрѣніе. Не вѣрится, чтобы человѣкъ съ такимъ сердцемъ могъ когда-нибудь сдѣлаться преступникомъ.

Во всей первой сценѣ поэтъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго намека на дѣйствительное преступленіе Эдипа. Если непосвященный зритель далекъ отъ подобной мысли, то самъ Эдипъ остается еще далѣе отъ малѣйшаго подозрѣнія о своей винѣ. Весьма тонкій и вѣрный художественный разсчетъ. Допустимъ на минуту, что герой нашей трагедіи съ самаго начала носитъ въ душѣ подозрѣніе о своемъ, хотя и невольномъ преступленіи: художественная задача потеряла бы по крайней мѣрѣ половину своей цѣны, по той простой причинѣ, что самая перспектива, на разстояніи которой должно происходить драматическое дѣйствіе, сократилась бы вдвое. Какая разница для кисти

художника — сдѣлать ли ровный переходъ отъ перваго подозрѣнія въ душѣ преступника до полнаго сознанія имъ своей вины, или пройдти черезъ всѣ неуловимые оттѣнки внутреннихъ состояній, которыя лежатъ въ промежуткѣ между невозмущаемою душевною ясностію, свойственною невинности, и глубокимъ внутреннимъ раздоромъ, болѣе извѣстнымъ подъ именемъ терзаній совѣсти! Само собою разумѣется, что зритель потерялъ бы всего болѣе отъ этого ущерба психологическаго интереса. Но онъ потерялъ бы много еще и въ другомъ отношеніи. Лицо, которому съ самаго начала недостаетъ чистоты совѣсти, можетъ быть очень важно, иногда даже необходимо въ драматическомъ дѣйствіи, какъ орудіе интриги, но ни въ какомъ случаѣ не годится быть героемъ трагедіи. Тамъ нѣтъ мѣста симпатіи, гдѣ не находится самаго перваго условія для нея. При чемъ бы остался зритель, если бы ему съ перваго раза дали понятіе объ Эдипѣ, какъ о человѣкѣ, который боится за свою невинность, или что̀ еще хуже, утратилъ самое чувство ея? Равнодушный къ лицу, онъ конечно не тронулся бы много и самою его судьбою.

Но съ самаго появленія Эдипа на сценѣ ему уже обезпечена симпатія зрителя. Впередъ онъ охотно послѣдуетъ за своимъ любимымъ героемъ, каковы бы ни были перемѣны въ судьбѣ его. До сихъ поръ онъ знаетъ только, что Эдипъ любимъ народомъ и дѣйствительно заслуживаетъ этой любви по добрымъ качествамъ своего сердца: тѣмъ интереснѣе будетъ ему узнать другія свойства Эдипа и наблюдать за нимъ въ разныхъ обстоятельствахъ его жизни. Но пока его интересуетъ больше всего, вмѣстѣ съ Эдипомъ, воля оракула, которую долженъ возвѣстить возвратившійся посланный. Сообразно съ важностію дѣла, Эдипъ поручилъ эту миссію самому близкому и довѣренному человѣку между всѣми его окружавшими: это шуринъ его Креонтъ, который, какъ по своему личному характеру, такъ еще болѣе по своему близкому родству съ царемъ, пользуется почти равнымъ почетомъ и уваженіемъ въ народѣ. Отъ него нельзя ожидать обмана. Радостное лицо его прежде словъ возвѣщаетъ благопріятный исходъ совѣщанія съ оракуломъ. Лучъ надежды загорается въ смущенной душѣ Эдипа. На нетерпѣливые вопросы его вѣстникъ въ самомъ дѣлѣ даетъ благопріятный отвѣтъ: не напрасно страшное бѣдствіе отяготѣло надъ Ѳивами; томупричиною невинная кровь Лаія, прежняго царя Ѳивъ, пролитая злодѣйскимъ образомъ и требующая себѣ отмщенія; Ѳивы не будутъ спасены, пока кровавая месть не постигнетъ преступника, и земля не будетъ очищена отъ преступленія. Имя тайнаго злодѣя не произнесено, но если усердіе людей поможетъ открыть доселѣ не-

замѣченный слѣдъ его, то спасеніе Ѳивянъ болѣе несомнѣнно. Съ горячностію правителя, хорошо знающаго свои обязанности въ отношеніи къ подданнымъ, берется Эдипъ за путеводную нить, указанную ему оракуломъ. Освѣдомившись о главныхъ обстоятельствахъ убійства, онъ съ чувствомъ глубокаго омерзенія къ преступному дѣлу, публично произноситъ свое неизмѣнное рѣшеніе быть мстителемъ за невинно пролитую кровь Лаія. Пока останется хотя слабая тѣнь надежды, онъ не перестанетъ отыскивать слѣды злодѣевъ, отъ которыхъ, какъ увѣряетъ молва, палъ его предшественникъ, застигнутый ими на распутіи. Еще живъ одинъ человѣкъ, который сопровождалъ Лаія въ пути и спасся бѣгствомъ, и Эдипъ не отчаявается, что показанія очевидца, какъ бы они ни были скудны, помогутъ ему открыть истину. Между тѣмъ извѣстіе о томъ, что Лаій погибъ отъ руки обыкновенныхъ разбойниковъ, прибавляетъ еще новый мотивъ къ его ревности: онъ долженъ позаботиться столько же для народа, сколько и для самого себя. Никто конечно не осудитъ Эдипа за то, что онъ, при мысли объ общемъ благѣ, думаетъ также и о своей личной безопасности: какъ человѣкъ онъ не можетъ оставаться равнодушенъ къ своей собственной участи. Не въ упрекъ герою нашей трагедіи, замѣтимъ однако эту черту между его личными свойствами; при всемъ своемъ усердіи на общую пользу, онъ въ то же самое время не врагъ и себѣ; онъ человѣкъ, и ему доступны всѣ человѣческія побужденія. Народъ, успокоенный твердою рѣшимостію царя, еще разъ ввѣряетъ свою участь его добросовѣстной заботливости и мирно расходится по домамъ.

До сихъ поръ мы знаемъ только намѣреніе Эдипа. Теперь посмотримъ его въ самомъ дѣйствіи. Хоръ, взывающій къ богамъ о спасеніи, вновь открываетъ сцену и вызываетъ Эдипа изъ внутри дворца *). Съ первыхъ же словъ его чувствуется значительная перемѣна въ немъ самомъ. Онъ является уже не тѣмъ страдающимъ лицомъ, какимъ мы видѣли его въ первыя минуты. Прежнія чувства какъ-будто опустились на дно его души. Онъ смотритъ и говоритъ неумолимымъ судіею, строгимъ блюстителемъ правды, котораго вся мысль устремлена на то, чтобы преступное дѣло не осталось безъ наказа-

*) Хоръ въ древней трагедіи имѣлъ, какъ извѣстно, свое особое значеніе и свой чрезвычайно оригинальный характеръ, который нельзя объяснить лишь нѣсколькими словами. Такъ какъ подробное объясненіе того и другаго повело бы слишкомъ далеко, то авторъ этой статьи, чтобы не прерывать нити анализа, принужденъ былъ ограничиться лишь упоминаніемъ тѣхъ чувствъ и мыслей, которыя здѣсь выражаются хоромъ въ связи съ общимъ дѣйствіемъ трагедіи.

нія. Воля его непреклонна; видно, что никакія препятствія не въ состояніи будудъ измѣнить его рѣшенія. Пусть пока молчитъ самое состраданіе. Уже не для обмѣна чувствъ, — Эдипъ обращается къ народу, чтобы объявить ему свою неизмѣнную волю: да не укроется преступникъ отъ преслѣдующаго его правосудія, гдѣ бы онъ ни находился. Проклятіе на голову всякаго, кто скрылъ бы его или его убѣжище. Достойная награда и царская милость тому, кто откроетъ слѣды злодѣя, который своимъ преступленіемъ накликалъ на Ѳивы страшный гнѣвъ боговъ. Онъ, виновникъ общенароднаго бѣдствія, неотмѣнно долженъ быть въ рукахъ правосудія, и пусть съ этой самой минуты проклятіе отяготѣетъ надъ его преступною головою и преслѣдуетъ его въ самыхъ сокровенныхъ убѣжищахъ. И если — заключаетъ Эдипъ — онъ окажется подъ кровомъ моего дома, укрытый въ немъ съ моего вѣдома, то пусть оно падетъ и на меня всею своею тяжестію. Не одно только глубокое чувство невинности, недоступное никакому подозрѣнію — въ этихъ словахъ сказалась еще и та внутренняя потребность правды, которая одна способна возвысить человѣка надъ эгостическими разсчетами. Едва лишь неясное предчувствіе говоритъ Эдипу, что ему предстоитъ какая-то тяжелая борьба; но онъ готовъ на все, онъ обѣщаетъ — и слово его звучитъ какъ металлъ — не успокоиться до тѣхъ поръ, пока неутомимыя усилія не приведутъ его къ самой цѣли, пока личина не спадетъ съ лица преступника. Народъ тронутъ благородною рѣшимостію царя, но съ своей стороны онъ можетъ только увѣрить его въ своей совершенной неприкосновенности къ преступному дѣлу и въ рѣшительномъ невѣдѣніи относительно всего, что̀ касается до убіцы. Слыхалъ онъ, правда, что убійцами Лаія были какіе-то странники; Эдипъ признается, что до него ужь и прежде доходилъ этотъ слухъ, — но гдѣ найдти свидѣтеля, который бы поручился въ истинѣ такого показанія? Также мало полезенъ Эдипу и совѣтъ, который даютъ ему старцы ѳивскіе, обратиться къ проницательности Тиресія, котораго вѣщій взоръ провидитъ даже будущее: по совѣту Креонта, онъ уже рѣшился на эту мѣру и ждетъ только появленія прорицателя.

Тиресій не заставляетъ долго ждать себя. Эдипъ тотчасъ обращаетъ къ нему свое привѣтливое слово. Нельзя быть внимательнѣе его къ чужимъ достоинствамъ, нельзя сказать болѣе лестнаго въ одномъ привѣтствіи. Онъ какъ-будто боится, чтобы прорицатель не оскорбился недостаткомъ уваженія къ нему и не отказался отвѣчать на предложенные вопросы. Каково же изумленіе Эдипа, когда Тиресій, несмотря на оказанное ему вниманіе, проситъ, вмѣсто вся-

каго отвѣта, чтобы ему позволенно было возвратиться домой! Напрасно царь и народъ заклинаютъ его именемъ отечества, которому угрожаетъ конечная гибель, подать имъ спасительный совѣтъ. Тиресій продолжаетъ упорствовать. Но Эдипъ не менѣе твердъ въ своемъ рѣшеніи. Тамъ, гдѣ не помогаетъ простое убѣжденіе, онъ готовъ дѣйствовать хоть силою своей власти. Оставить въ покоѣ прорицателя, уступая его странному упорству, не значитъ ли отступиться отъ самаго вѣрнаго средства открыть истину? И это необъяснимое упорство не въ состояніи ли уже само по себѣ возбудить подозрѣніе? Угроза, которою Тиресій прикрываетъ свое молчаніе, говоря, что излишняя пытливость можетъ быть очень пагубна въ этомъ случаѣ, лишь еще болѣе раздражаетъ любопытство. Эдипъ не въ состояніи болѣе удержать своего гнѣва; негодованіе начинаетъ говорить языкомъ его. Въ душѣ прорицателя затронуты самыя чувствительныя струны; не снося несправедливыхъ нареканій, онъ наконецъ также даетъ свободу своему языку. Образъ выраженія его становится все опредѣленнѣе и опредѣленнѣе; вмѣсто прежнихъ неясныхъ намековъ, онъ прямо обращаетъ мысль Эдипа на его собственную жизнь, указывая на нее, какъ на предметъ, вполнѣ достойный его негодованія. Тому, кто незнаетъ въ своей жизни ни одного пятна, можно ли не возмутиться подобною дерзостію? Ему тотчасъ представляется, что за нею должно скрываться чувство виновности, которое, боясь быть выведеннымъ наружу, заблаговременно старается отвести вниманіе свидѣтелей въ другую сторону. Съ запальчивостію человѣка, который чувствуетъ себя глубоко оскорбленнымъ, Эдипъ открыто высказываетъ свое подозрѣніе: если Тиресій не самъ убійца, то, навѣрное, онъ соумышленникъ убійства. Понятно, какъ могло родиться такое подозрѣніе; но не было бы еще достаточной причины дѣлать изъ него формальное обвиненіе. Здѣсь впервые открывается зрителю слабая сторона Эдипа: въ припадкѣ страсти онъ не замѣчаетъ, что, отыскивая правду, въ то же время самъ нарушаетъ ее своею несправедливостію къ другимъ; взявшись быть безпристрастнымъ судьею, онъ вмѣсто того становится обвинителемъ. Съ этой минуты зритель, какъ бы ни былъ убѣжденъ въ невинности Эдипа, начинаетъ терять увѣренность въ томъ, чтобы онъ могъ выйдти чистъ изъ дѣла, къ которому приступилъ съ такою самонадѣянностію. И въ самомъ дѣлѣ, судьба какъ-будто только ждала этого фальшиваго шага съ его стороны. Какъ громъ раздается вещій голосъ прорицателя, повторяющій надъ головою самого Эдипа то проклятіе, которому онъ такъ торжественно обрекъ убійцу своего предшественника. Царь не

вѣритъ своему слуху; мысль его, которой ясно все его прошедшее, не можетъ вмѣстить въ себѣ подобнаго безсмыслія. Нѣсколько разъ онъ повторяетъ свой вопросъ прорицателю: напрасный трудъ, — Тиресій не только не беретъ назадъ ни одного своего слова, — къ первому обвиненію онъ прибавляетъ еще новое. Въ мысли его нѣтъ болѣе ничего неопредѣленнаго или двусмысленнаго: безъ всякихъ околичностей, онъ уже положительно называетъ Эдипа цареубійцею и сверхъ того укоряетъ его въ преступныхъ связяхъ съ людьми кровными. Впрочемъ, что же до этого Эдипу, въ душѣ котораго ясно, какъ день, кромѣ негодованія, возбужденнаго въ немъ наглою клеветою лжепрорицателя? Какія еще нужны доказательства, что онъ имѣетъ дѣло съ безстыднымъ лжецомъ, который подъ личиною убожества скрываетъ самыя черныя намѣренія? Эдипъ презрѣлъ бы его безсильную дерзость, посмѣялся бы надъ его угрозами; но кто знаетъ, что за Тиресіемъ не скрывается другой болѣе предпріимчивый и болѣе опасный врагъ? Злосчастная встрѣча! Безъ вины теряется спокойствіе Эдипа, онъ становится все подозрительнѣе, и вотъ уже мысль его обращается на Креонта. Этотъ безчестный нищій, безъ сомнѣнія, служитъ только орудіемъ его властолюбивыхъ видовъ; самъ же доволенъ будетъ и золотомъ, которое получитъ въ награду за свою низкую услугу. Но какова же сила зависти и любостяжанія надъ людьми, когда даже такой вѣрный и испытанный другъ, какъ Креонтъ, не устоялъ противъ искушенія и рѣшился повести подкопъ подъ благосостояніе ближайшаго и довѣреннѣйшаго къ нему человѣка! И негодованіе, которымъ за минуту передъ тѣмъ былъ полонъ Эдипъ, уступаетъ весьма грустному чувству, внушаемому мыслію о непостоянствѣ всѣхъ человѣческихъ привязанностей. Человѣкъ онъ, какъ это видитъ всякій, и ничто человѣческое не чуждо ему: если онъ легко приходитъ въ гнѣвъ отъ незаслуженнаго упрека себѣ, то онъ же не можетъ безъ сожалѣнія подумать и о томъ, что другіе могутъ измѣнить своимъ человѣческимъ чувствамъ. Между тѣмъ новое соображеніе представляется Эдипу. Было же время, когда прорицатель — если только онъ не напрасно носилъ это имя — могъ съ пользою употребить свой даръ и избавить народъ отъ бѣдствія, разрѣшивши загадку чудовища: однако онъ тогда молчалъ и ничѣмъ не обнаружилъ своей прозорливости. Откуда же теперь взялось въ немъ такое вдохновеніе? Не ясный ли это знакъ, что подъ именемъ прорицателя скрывается злонамѣренный обманщикъ, который служитъ орудіемъ не менѣе злонамѣреннаго честолюбца? Въ послѣдній разъ, именемъ боговъ, Эдипъ заклинаетъ Тиресія показать передъ цѣлымъ народомъ, что онъ не ложно приписываетъ себѣ

даръ провидѣнія, и къ своему ужасу и еще большему негодованію слышитъ въ отвѣтъ новое прорицаніе, которое предвозвѣщаетъ ему злосчастную участь слѣпца и изгнаніе. Темно происхожденіе Эдипа: еще продолжая испытаніе , онъ требуетъ отъ прорицателя , чтобы тотъ по крайней мѣрѣ назвалъ ему по именамъ родившихъ его; но Тиресій, уклоняясь отъ прямаго отвѣта , говоритъ загадками и къ дерзости прибавляетъ еще насмѣшку, напоминая Эдипу, что когда-то онъ былъ такой мастеръ разгадывать самыя трудныя загадки. Тогда истощается терпѣніе царя ; не возвращаясь болѣе къ своимъ обвиненіямъ , онъ приказываетъ только Тиресію немедленно удалиться съ глазъ своихъ и нисколько при этомъ не сомнѣвается въ умѣренности своего образа дѣйствій.

Зритель остается странно раздѣленнымъ между участіемъ къ судьбѣ Эдипа и недоумѣніемъ относительно его невинности. Это чувство высказывается слѣдующимъ за тѣмъ хоромъ. Съ одной стороны зритель все больше и больше привязывается къ герою трагедіи, въ сердцѣ котораго замѣчаетъ столько истинно-человѣческихъ движеній; съ другой же—не можетъ онъ не задуматься и надъ странными предвѣщаніями Тиресія, который пользуется всеобщимъ уваженіемъ въ народѣ , и котораго вѣщій голосъ никогда еще не раздавался даромъ. Только будущее можетъ разрѣшить сомнѣнія ; но оно еще закрыто темною ночью. Слѣдующая встрѣча (между Эдипомъ и Креонтомъ) лишь увеличиваетъ мракъ недоумѣнія. Креонтъ выходитъ на площадь, вызванный слухомъ о тѣхъ нареканіяхъ, которыхъ предметомъ онъ не ожиданно сдѣлался во время разговора царя съ прорицателемъ. Креонтъ честенъ и прямъ ; онъ такъ же, какъ и Эдипъ, не потерпитъ незаслуженнаго упрека на своемъ добромъ имени, душа его такъ же возмущается при мысли о обвиненіи, неподтвержденномъ никакими доказательствами. Исполненный сознанія своей невинности , Эдипъ не боится никакого вызова ; но въ немъ еще осталось раздраженіе отъ встрѣчи съ Тиресіемъ ; онъ сталъ подверженъ страсти и не способенъ разобрать дѣло съ холоднымъ безпристрастіемъ. Предубѣжденіе Эдипа противъ Креонта такъ сильно, что при одномъ его видѣ онъ выходитъ изъ себя и встрѣчаетъ его враждебными рѣчами. Напрасно Креонтъ противопоставляетъ ему свою правдивость, свою умѣренность, свою прежнюю жизнь и любовь къ независимости, напрасно, подавивъ въ себѣ чувство оскорбленія, избѣгаетъ всякаго повода къ новому раздраженію и проситъ только, чтобы его выслушали. Эдипъ не въ состояніи заглушить въ себѣ голоса страсти, ни перемѣнить своего мнѣнія. Самая эта осторожность, съ которою Креонтъ отвѣчаетъ на его

вопросы, возбуждаетъ въ немъ новыя подозрѣнія. И когда потомъ, получивъ свободу говорить, Креонтъ въ истинныхъ чертахъ изобразилъ Эдипу свое настоящее положеніе въ государствѣ, какъ человѣка, пользующагося почти равнымъ съ нимъ почетомъ и любовію со стороны народа, когда наконецъ онъ напомнилъ своему царственному родственнику, какъ недостойно его званія и характера дѣлать произвольныя обвиненія, и присутствующіе не нашли излишнимъ сдѣланнаго имъ предостереженія, Эдипъ, вопреки всѣмъ, упорствуетъ въ своемъ несчастномъ убѣжденіи и продолжаетъ видѣть въ Креонтѣ только соумышленника Тиресію, взявшагося мнимымъ прямодушіемъ и чистосердечіемъ усыпить его подозрѣнія. Онъ какъ-будто боится снять свое обвиненіе съ другаго, чтобы не дать мѣста чувству вины въ своемъ собственномъ сердцѣ, и, пока еще силенъ чувствомъ своей невинности, считаетъ для себя долгомъ позаботиться о своей личной безопасности и скорымъ приговоромъ предупредить ковы тайныхъ злодѣевъ. Противорѣчія Креонта лишь ускоряютъ рѣшимость Эдипа; онъ не хочетъ больше слышать никакихъ возраженій и изрекаетъ «смерть», опираясь на свою волю. Присутствующій при этомъ спорѣ зритель видитъ, что Эдипъ въ своемъ увлеченіи преступаетъ черту правды относительно Креонта, но относительно его самого онъ не находитъ себя вправѣ отказать ему въ своемъ сочувствіи, еще менѣе осудить его въ томъ, что̀, несмотря на всѣ обвиненія, остается однако по-прежнему недоказаннымъ. Онъ ждетъ съ нетерпѣніемъ, что можетъ-быть вновь приходящая Іокаста принесетъ съ собою что-нибудь, могущее пролить нѣкоторый свѣтъ въ этомъ хаосѣ одно другому противорѣчащихъ обвиненій.

Іокаста является, вызванная любопытствомъ. Въ Іокастѣ художникъ изобразилъ женскую привязанность и женскую преданность, безъ особенной страсти и энергіи, но и внѣ всякихъ разсчетовъ. Іокаста — женщина по преимуществу: она живетъ болѣе чувстомъ, нежели мыслію. Ей не такъ дорога истина, сколько дорого домашнее спокойствіе. Она охотно осталась бы въ заблужденіи, лишь бы не вносить никакой тревоги въ свое мирное счастіе. По своей женственной природѣ Іокаста составляетъ такой рѣзкій контрастъ съ своимъ мужемъ. Видно что счастіе ея жизни было уже возмущено не разъ, и потому она особенно дорожитъ своимъ покоемъ и боится всякаго повода къ новому нарушенію его. Заставши своего мужа въ ссорѣ съ другимъ столько близкимъ ей человѣкомъ, она приходитъ въ ужасъ и заклинаетъ ихъ кончить вражду во-время и мирно разойдтись по домамъ. Миролюбивый хоръ также беретъ ея сто-

рону, и уступая ихъ настояніямъ, Эдипъ соглашается отпустить Креонта безъ вреда и насилія. Но тревожная мысль Эдипа далека отъ того, чтобы успокоиться потому только, что внѣшнимъ образомъ устранены причины его неудовольствія. Она не замолчитъ въ немъ до тѣхъ поръ, пока такъ или иначе не разрѣшатся его сомнѣнія, пока на совѣсти его будетъ оставаться хотя одно темное подозрѣніе. Напрасно Іокаста думаетъ подѣйствовать на него своими кроткими рѣчами, своимъ наивнымъ убѣжденіемъ въ совершенной невинности мужа; ея слова, ея разказъ, особенно о томъ, какъ Лаій, вопреки предсказанію оракула, вмѣсто того чтобы погибнуть отъ руки сына, погибъ на распутіи отъ руки неизвѣстныхъ разбойниковъ, лишь поднимаютъ въ Эдипѣ новую бурю сомнѣній. Страшно слышатся ему слова — «на распутіи, гдѣ сходятся вмѣстѣ три дороги»: они открываютъ входъ прямо въ его душу подозрѣнію, которое до сего времени носилось только передъ его воображеніемъ и возбуждало его негодованіе. Еще нѣтъ ничего опредѣленнаго, жребій можетъ выпасть въ ту и другую сторону, еще есть время остановиться и не искушать судьбы. Но Эдипъ не хочетъ болѣе оставлять ничего сомнительнаго, ничего двусмысленнаго; онъ хочетъ прямо взглянуть въ лицо истинѣ, хотя бы она готовила ему самый страшный приговоръ. Кто скажетъ, что его завлекаетъ одно праздное любопытство, что въ немъ не говоритъ другая, болѣе сильная внутренняя потребность? Вопросъ за вопросомъ, Эдипъ заставляетъ Іокасту пересказать одно за другимъ всѣ обстоятельства злосчастнаго убійства Лаія, какъ они въ свое время были переданы летучею молвою, и чѣмъ больше узнаетъ подробностей, тѣмъ больше разсѣевается мракъ неопредѣленности, тѣмъ ближе становится подозрѣніе къ его совѣсти. Эдипъ узнаетъ мѣсто убійства, не можетъ онъ не признать, по описанію жены, и внѣшняго вида убитаго. Изъ глубины души вырывывается у него вопль, что можетъ-быть и не напрасно приписываютъ Тиресію даръ прозорливости! Чувство невинности, которымъ Эдипъ былъ такъ силенъ противъ всѣхъ нареканій, поколебалось; въ немъ является уже предчувствіе преступленія, хотя онъ самъ не можетъ еще сказать — какого. Если не вотще было сказано слово прорицателя, назвавшаго Эдипа цареубійцею (убійцею Лаія), то почему не могутъ оправдаться и другія еще болѣе зловѣщія его предсказанія? Передавая свои опасенія Іокастѣ, Эдипъ мало находитъ для себя утѣшенія въ томъ, что отецъ его, какимъ онъ считаетъ Полиба, еще царствуетъ въ Коринѳѣ, и мать его находится тамъ же: нравственная природа его возмущается даже при мысли о будещемъ преступленіи какъ скоро оно пере-

стало ему казаться невозможнымъ. Пусть лучше исчезну я съ лица земли, говоритъ онъ, чѣмъ испытать на себѣ такую крайность человѣческаго паденія. Что̀ же должно быть съ этимъ человѣкомъ, когда чаемое преступленіе сознается какъ уже прошедшее, болѣе чѣмъ только неотвратимое? Еще и теперь нѣтъ ничего вполнѣ достовѣрнаго, неизвѣстность господствуетъ по прежнему, и хоръ сохранившій всю вѣру въ чистоту Эдипа, не перестаетъ увѣрять его въ своей непоколибимой преданности. Эдипу стоило бы только укрыться за этою неизвѣстностію и воздержаться отъ дальнѣйшаго изслѣдованія, чтобы спасти свое чувство невинности, сколько еще въ немъ осталось его, и соединенное съ нимъ спокойствіе; никто еще не разрѣшилъ послѣдняго очень важнаго сомнѣнія: погибъ ли Лаій отъ руки одного человѣка, или на него дѣйствительно напала цѣлая толпа разбойниковъ. Іокаста и съ нею всѣ присутствующіе нисколько не прочь держаться послѣдняго столько выгоднаго для Эдипа извѣстія, потому что оно было засвидѣтельствовано въ свое время показаніемъ единственнаго спутника Лаія. Кто заставляетъ Эдипа добиваться повѣрки прежняго показанія? Но онъ не хочетъ оставить ни одной тѣни сомнѣнія, онъ хочетъ самъ видѣть и допросить свидѣтеля, если только можно отыскать его, и когда Іокаста, въ горькомъ предчувствіи и какъ бы въ тайномъ страхѣ передъ могущею открыться истиною, спрашиваетъ мужа, какого же утѣшенія ждетъ онъ себѣ отъ этихъ распросовъ, Эдипъ отвѣчаетъ, что онъ не надѣется иначе подавить въ себѣ душевное волненіе, какъ услышавъ подтвержденіе сказаннаго прямо отъ очевидца. Тутъ есть еще слабый лучъ надежды, но за нимъ, непосредственно за нимъ — цѣлая пропасть отчаянія. Іокаста, какъ женщина, остановилась бы передъ такою страшною дилеммою; Эдипъ съ истинно мужескою рѣшимостію идетъ до самаго крайняго предѣла испытанія. Іокаста съ своимъ женскимъ сердцемъ подъ конецъ должна уступить его твердымъ настояніямъ и соглашается сдѣлать нужныя распоряженія, чтобы отыскать свидѣтеля, такъ привыкла она согласовать свои дѣйствія съ желаніями мужа.

Сердце зрителя приготовлено къ самымъ тяжелымъ ощущеніямъ. Сердце древняго зрителя было приготовлено къ нимъ еще болѣе; стараясь разсѣять мрачныя сомнѣнія Эдипа, Іокаста позволила себѣ слишкомъ легкомысленно отозваться о предсказаніяхъ оракула и показала такое неуваженіе къ божественному дару прорицателей, подобныхъ Тиресію. Древній художникъ, сохранившій вѣру въ отеческихъ боговъ, не можетъ оставить въ своей драмѣ вовсе безъ значенія подобное оскорбленіе народныхъ вѣрованій. Но и совре-

менный намъ зритель предчувствуетъ, послѣ сцены Эдипа съ Іокастой, что надъ царственнымъ домомъ должно совершиться что-то недоброе. Еще нѣтъ рѣшенія сомнѣніямъ, а между тѣмъ Іоакаста снова выходитъ изъ дому и спѣшитъ вѣнками и куреніями умилостивить оскорбленнаго ею Аполлона; въ ожиданіи свидѣтеля, который долженъ принести рѣшеніе, Эдипъ все больше и больше предается душевному безпокойству, какъ если бы уже въ немъ начинало дѣйствовать сознаніе преступника. Передъ закатомъ всѣхъ надеждъ, незнакомый вѣстникъ приходитъ бросить еще одинъ лучъ свѣта въ смущенную душу Іоакасты. Вѣсть его правда больше печальнаго, нежели радостнаго свойства: не стало Полиба, и народъ въ Коринѳѣ провозгласилъ Эдипа своимъ царемъ, какъ прямаго его наслѣдника. Но для Іокасты, которая болѣе всего дорожитъ спокойствіемъ своего мужа, не можетъ быть вѣсти пріятнѣе: не потому чтобы она въ самомъ дѣлѣ была рада смерти Полиба, но потому что смертію его почти упраздняется сила предсказанія, которое грозою виситъ надъ головою Эдипа. Это извѣстіе она спѣшитъ передать своему мужу. Нѣсколько иначе отзывается тотъ же самый слухъ въ сердцѣ Эдипа: въ немъ — какъ и слѣдовало ожидать отъ человѣка его свойствъ — прежде всего сказывается сыновнее чувство, и только за нимъ выходитъ наружу болѣе радостное ощущеніе человѣка, чувствующаго себя освободившимся отъ злой напасти, которая уже казалась неотвратимою. Ни онъ, ни жена его не выражаютъ при этомъ никакого удовольствія по случаю увеличенія ихъ власти: мысль объ этомъ какъ-будто вовсе не приходитъ имъ въ голову. Іокаста готова уже возвратиться къ прежней безпечности; но многозаботный умъ Эдипа питаетъ въ себѣ еще одно опасеніе: умеръ отецъ, но кто поручится, что предсказаніе не исполнится на матери? — Какъ же велико изумленіе Эдипа, и какъ понятно вновь возбужденное въ немъ нетерпѣливое чувство, когда онъ узнаетъ отъ того же самаго вѣстника, что Полибъ вовсе не отецъ ему, и Меропа—не мать, и что онъ былъ только ихъ счастливымъ пріемышемъ! При этомъ вѣстникъ сообщаетъ ему и всѣ подробности, какимъ образомъ онъ найденъ имъ и переданъ съ рукъ на руки Полибу. Сомнѣніямъ нѣтъ болѣе мѣста, и Эдипъ до такой степени увлекается этимъ нечаяннымъ оборотомъ дѣла, что вовсе не замѣчаетъ вытекающей отсюда для него новой опасности — узнать настоящую мать въ лицѣ болѣе близкомъ, чѣмъ Меропа, живущая въ Коринѳѣ. Въ его представленіи, предсказанія оракула относятся только къ Меропѣ, и ни къ кому болѣе. Любя знать правду и отвращаясь неизвѣстности, Эдипъ и здѣсь хочетъ добраться до корня, чтобы

окончательно устранить всѣ сомнѣнія о своемъ происхожденіи. Какое дѣло, если оно покажется темно и низко: по крайней мѣрѣ оно будетъ истинно и не послужитъ поводомъ ни къ какому опасному самообольщенію. Пусть даже раба будетъ его матерью: онъ чувствуетъ въ себѣ довольно человѣческаго достоинства, чтобы не унизиться самому и не унизить жены своимъ незнатнымъ происхожденіемъ. Это гордое сознаніе показываетъ лучше всего, что въ Эдипѣ уже возродилась довѣренность къ самому себѣ, и что никакая тяжесть не давитъ болѣе его совѣсти.

Такова послѣдняя перипетія, какъ-будто назначенная для того, чтобы тѣмъ чувствительнѣе сдѣлать для зрителя имѣющую за тѣмъ послѣдовать развязку всего дѣйствія. Уже то самое, что Іокаста подъ конецъ нисколько не раздѣляетъ гордыхъ чувствъ своего мужа и уклоняется отъ прямыхъ отвѣтовъ, достаточно показываетъ, что Эдипъ сдѣлалъ ошибку, что заключенія его были слишкомъ поспѣшны. Чѣмъ больше онъ настаиваетъ на своемъ желаніи—видѣть того стараго служителя Лаія, который нѣкогда передалъ его съ рукъ на руки коринѳскому вѣстнику, тѣмъ больше Іокаста, именемъ своихъ внутреннихъ страданій, заклинаетъ его воздержаться отъ дальнѣйшей пытливости и не дѣлать еще ни одного шага впередъ. Эдипъ понимаетъ это какъ порывъ женскаго тщеславія, онъ смѣется надъ Іокастою, которая, по его мнѣнію, готова вмѣнить себѣ въ безчестіе, если бы открылось незнатное происхожденіе ея мужа. Но Іокаста, какъ была, такъ и осталась чужда тщеславію; въ сердце ея закралось даже и не предчувствіе, а самое сознаніе того, о чемъ одна мысль едва не убила разсудка въ Эдипѣ. Какъ женщина, она можетъ-быть успѣла бы еще — для спокойствія своего мужа — подавить въ себѣ это мучительное сознаніе: только бы ей удалось оставить *его* въ счастливомъ невѣдѣніи. Однако Эдипъ непреклоненъ, и она скрывается, унося сердце, полное безъисходнаго отчаянія, и какъ-бы избѣгая гласнаго признанія того, что̀ тяготитъ ее и безъ словъ.

Но Эдипъ съ нетерпѣніемъ ждетъ приближающагося стараго служителя Лаія, который долженъ сказать ему всю истину его происхожденія. Во что бы то ни стало, онъ хочетъ вырвать у него послѣднюю тайну, которою должны разрѣшиться всѣ сомнѣнія. Для Эдипа не дорога болѣе самая знаменитость рода: онъ легко пожертвуетъ ею, чтобы только утвердить въ себѣ возрождающееся чувство невинности, онъ охотно промѣняетъ ее на увѣренность, что обольщеніе кончилось, и что никто болѣе не въ правѣ будетъ упрекнуть его во *лжи*. Близка развязка: одно слово Форбаса (имя стараго

служителя), и все дѣло разъяснится само собою. Посмотрите, съ какою самоувѣренностію приступаетъ Эдипъ къ допросу, какъ онъ твердъ и рѣшителенъ, когда Форбасъ, неизвѣстно почему, упрямится дать положительный отвѣтъ. Упрекнетъ ли кто его, что онъ такъ дорожитъ истиною, такъ усильно добивается очистить свое имя отъ всѣхъ нареканій? Неизлишнимъ можетъ-быть и здѣсь былъ бы упрекъ въ неумѣстной самонадѣянности: но какъ понятна эта слабость въ человѣкѣ, котораго сознаніе не допускало ни одной тяжелой вины за собою. Форбасъ противится, упрямо хочетъ удержать за собою тайну, которая должна разрѣшить для Эдипа много сомнѣній—онъ, простой человѣкъ, упорствуетъ передъ властителемъ Ѳивъ въ такомъ дѣлѣ, которое касается его чести, его добраго имени. Мудрено ли, что Эдипъ выходитъ изъ себя, встрѣчаясь съ противорѣчіемъ тамъ, гдѣ, казалось, всего менѣе можно было ожидать его? Еще не задолго передъ тѣмъ, онъ не пощадилъ за подобное упорство даже Тиресія, несмотря на его нѣкоторымъ образомъ священный характеръ: какого же снисхожденія вправѣ ожидать отъ него Форбасъ, который ничего не можетъ привести въ извиненіе своего упорнаго молчанія и между тѣмъ, какъ если бы онъ былъ въ заговорѣ съ Тиресіемъ, также смѣетъ грозить какими-то бѣдствіями? Передъ такимъ безсмысленнымъ упорствомъ у Эдипа исчезаетъ жалость: онъ готовъ на жестокія мѣры, чтобы только вынудить признаніе; онъ выслушаетъ его, хотя бы оно было сказано съ горькими слезами на глазахъ. Подкрѣпляемое угрозою, твердое слово Эдипа производитъ свое дѣйствіе; языкъ упорнаго раба развязывается.... Но съ первыхъ же словъ его, какъ они ни мало опредѣленны, тайный ужасъ снова проникаетъ въ душу Эдипа. Передъ нимъ открывается цѣлая пропасть отчаянія; онъ видитъ ее, онъ уже понялъ, чего надобно ожидать отъ слѣдующихъ отвѣтовъ Форбаса, и хотѣлъ бы больше не слышать ихъ.... Еще въ его власти было бы остановить роковое признаніе: ни кѣмъ не понуждаемый, кромѣ внутренняго голоса, онъ однако рѣшаетъ, что долженъ выслушать все до конца. Такъ уже направлены послѣдніе вопросы Эдипа, что, отвѣчая на нихъ, старому служителю остается только подтверждать его мрачныя подозрѣнія. Эта часть сцены проведена художникомъ съ особеннымъ искусствомъ. Ничье имя не названо, но зритель не менѣе самого Эдипа хорошо понимаетъ, въ чемъ дѣло. Напрасно Эдипъ думалъ найдти спасеніе для погибающаго чувства своей невинности въ низкомъ происхожденіи: дитя злосчастія, онъ не можетъ отвратить отъ себя руки судьбы, онъ узнаетъ въ себѣ сына Лаія. Отнынѣ все ясно ему, ясно и то, что правда была не на

его сторонѣ, когда онъ возставалъ противъ своихъ обвинителей, какъ противъ злонамѣренныхъ клеветниковъ!

Внимательный свидѣтель всѣхъ этихъ сценъ, хоръ совершенно вправѣ заключить, что земное счастіе лишь пустой призракъ, но что никто изъ живущихъ не можетъ похвалиться его постоянствомъ. Но поэтъ не останавливается на общемъ нравственномъ изрѣченіи и простираетъ дѣйствіе далѣе. Для него не довольно было обозначить художественными чертами переходъ отъ невозмущаемаго чувства невинности къ полному сознанію виновности въ одномъ и томъ же лицѣ и со всѣми неизбѣжными перипетіями: онъ хочетъ еще показать дѣйствіе этого сознанія на нравственномъ субъектѣ. Какимъ бы путемъ оно ни пришло къ Эдипу, но оно уже въ немъ, и человѣку надобно бы было переродиться, чтобы совершенно отрѣшиться отъ него. Іокаста, соучастница вины, тоже не ушла отъ подобнаго сознанія. Оба они, какъ нравственныя существа, должны испытать на себѣ силу извѣстнаго закона. Въ какомъ же видѣ и въ какой степени отразится на каждомъ изъ нихъ дѣйствіе этой силы? Оба они удаляются со сцены съ разбитымъ сердцемъ, оба уносятъ съ собою полный раздоръ съ жизнію, съ самими собою, но не одинаковы тѣ явленія, которыми сопровождается въ нихъ этотъ нравственный кризисъ. Іокаста и здѣсь остается вѣрна себѣ, или тому типу, который изображенъ въ ней художникомъ: ея кроткая женская природа, не привыкшая къ сильнымъ потрясеніямъ, не выдерживаетъ внутренней бури, которая внезапно поднимается въ ней съ такою страшною силою; слабая духомъ, она не находитъ въ себѣ никакой крѣпкой опоры противъ своего отчаянія, и какъ тонкій сосудъ подъ несоразмѣрнымъ давленіемъ, разбивается въ прахъ подъ тяжестію гнетущихъ ее безотрадныхъ ощущеній. Иное сталось съ Эдипомъ. Для него наступившее испытаніе еще тяжеле: оно приходитъ къ нему сверхъ всякаго ожиданія и застаетъ его среди непоколебимаго убѣжденія въ правотѣ своей совѣсти; его мужскому сознанію еще яснѣе представляется весь ужасъ совершеннаго (хотя и невѣдомо) преступленія; душа его возмущалась даже при той мысли, что на нее можетъ пасть несправедливое подозрѣніе: что же должна почувствовать она теперь, когда въ ней явилось убѣжденіе въ своей собственной вопіющей несправедливости? И однако духъ Эдипа крѣпче самаго тяжелаго испытанія. Подъ тяжестію вины неотвратимой и ничѣмъ неизгладимой, разорвавъ связи со всѣми надеждами, даже съ самою мыслію о какомъ-либо счастіи, или хотя бы только покоѣ въ жизни, онъ сохраняетъ столько самообладанія, столько воли надъ самимъ собою, что переживаетъ смерть жены и остается жить одинъ, не имѣя даже отрады подѣлиться ви-

новнымъ сознаніемъ съ единственною соучастницею своей вины: онъ оставляетъ себѣ эту жизнь въ очищеніе отъ прежней. Но живущая въ немъ Немесида требуетъ себѣ скорѣйшаго, немедленнаго удовлетворенія, и Эдипъ собственными руками лишаетъ себя дневнаго свѣта, какъ-бы желая, чтобы та же ночь, которая объяла его внутреннее существо, покрыла для него и самую природу. Чувство вины глубоко западаетъ въ нравственной натурѣ: ощутивъ его въ себѣ, она не успокоивается, пока не найдетъ ему противуядія въ сознаніи исполненнаго долга, хотя бы это сознаніе нужно было пріобрѣсти тяжелыми лишеніями.

По обычаямъ греческой сцены, кровавая развязка драматическаго дѣйствія могла произойдти не иначе. какъ за сценою. Лишь черезъ вѣстника знаетъ зритель о томъ, что̀ сталось съ Эдипомъ и Іокастою послѣ того, какъ оба они сознали свое преступленіе. Но художникъ не довольствуется однимъ только извѣщеніемъ объ участи, постигшей виновнаго Эдипа. Нравственныя перемѣны, совершающіяся въ самой душѣ дѣйствующаго лица, для него гораздо важнѣе, чѣмъ всѣ превращенія во внѣшнемъ его положеніи. Онъ хочетъ, чтобы зритель, знавшій Эдипа въ состояніи невинности, видѣлъ его и въ состояніи моральнаго паденія, которое слѣдуетъ за сознаннымъ преступленіемъ. Эдипъ снова выходитъ на сцену, нося на своемъ лицѣ слѣды жестокаго, хотя и добровольнаго лишенія, и издавая жалостные вопли. Какой страшный переворотъ совершился въ немъ съ того времени, какъ онъ узналъ въ себѣ преступника, по винѣ котораго боги послали тяжкую казнь на Ѳивы! Съ трудомъ можно узнать въ немъ прежняго Эдипа, не имѣвшаго другой заботы, кромѣ желанія облегчить страданія своего народа. Не осталось и слѣдовъ той гордой самоувѣренности, съ которою онъ прежде приступалъ къ изслѣдованію всѣхъ своихъ отношеній и отражалъ, какъ вопіющую несправедливость, всякое покушеніе на свое доброе имя. Каждое душевное движеніе въ Эдипѣ проникнуто чувствомъ его неизгладимой виновности; каждая мысль его есть внутренній вопль и страданіе. Бремя, которое онъ несетъ на душѣ своей, такъ велико, что никакое состраданіе не въ силахъ облегчить его. Недавно еще въ этой душѣ вмѣщалось столько добрыхъ заботъ объ участи цѣлаго народа: теперь же въ ней есть мѣсто только горькому убѣжденію, что для него самого не существуетъ никакая посторонняя помощь. Никогда до Софокла древняя драма не изображала въ такихъ поразительныхъ чертахъ дѣйствія живущей въ человѣкѣ внутренней силы, которая проявляется въ его нравственномъ сознаніи. Замѣчательно также, что дѣйствіе этой силы есть не только отрица-

тельное, но и положительное. Исчезлагордая самонадѣянность Эдипа, и на мѣсто ея явилась удивительная покорность, очевидно условленная лишь внутреннимъ состояніемъ его духа, безъ всякихъ внѣшнихъ понужденій. Нѣтъ больше помина о власти, какъ еслибы Эдипъ уже пересталъ быть царемъ. Кротко, не прекословя, принимаетъ онъ легкіе упреки соболѣзнующаго ему народа. Чувство величія и личнаго достоинства погибли невозвратно въ сознаніи виновности, но Эдипъ сталъ еще ближе къ Оивянамъ, какъ человѣкъ, и они тѣснятся около него, привлеченные самыми его несчастіями. Новому духовному состоянію, въ которомъ находится Эдипъ, предстоитъ еще одно и послѣднее испытаніе: онъ встрѣчается лицомъ къ лицу съ Креонтомъ. Болѣе чѣмъ кто-нибудь Креонтъ вправѣ сказать ему много самой горькой правды; ничье появленіе не могло бы возбудить въ немъ болѣе непріятныхъ ощущеній для самолюбія. Съ тяжелымъ чувствомъ слышитъ Эдипъ его приближеніе, но въ самомъ этомъ чувствѣ есть уже вѣрный задатокъ того, что самообольщенію нѣтъ больше мѣста. Въ Креонтѣ живетъ правдивое сердце: онъ не привыкъ ругаться надъ несчастіемъ; самъ свободный отъ упрековъ совѣсти, онъ не хочетъ отяготить и совѣсти другаго ненужнымъ болѣе обличеніемъ. При миролюбивыхъ словахъ Креонта, Эдипъ начинаетъ дышать спокойнѣе; онъ не старается оправдать себя въ глазахъ человѣка, въ которомъ такъ несправедливо думалъ найдти себѣ опаснаго совмѣстника, но во всѣхъ словахъ своихъ даетъ чувствовать, что считаетъ позднее оправданіе столько же излишнимъ, какъ и позднее обличеніе. Довольно, что онъ самъ напоминаетъ объ изгнаніи, какъ о неизмѣнной участи, ожидающей его по приговору оракула. Но здѣсь Креонтъ останавливаетъ его, находя, что онъ еще не довольно научился покорять себя волѣ боговъ. По его мнѣнію, Эдипъ, хотя уже и обрѣченный судьбѣ, не вправѣ распоряжаться своею участію, не посовѣтовавшись снова съ оракуломъ. Въ этой глубокой и ненарушимой преданности волѣ боговъ — залогъ спокойствія и счастія Креонта и выгодное отличіе его отъ Эдипа, который слишкомъ привыкъ полагаться на самого себя. Однако и Эдипъ наконецъ вразумленъ своимъ несчастіемъ и болѣе не противорѣчитъ Креонту: онъ какъ-бы отрекается отъ самого себя, говоря, что будетъ терпѣть, что̀ бы ни назначила ему судьба. Но тогда вся нѣжная его заботливость тѣмъ съ большею силою обращается на тѣхъ, которые особенно дороги его любящему сердцу: ничего не требуя, онъ лишь умоляетъ Креонта — отдать послѣдній долгъ Іокастѣ, если не ради ея самой, то хотя изъ уваженія къ тому роду, которому она принадлежала. За

тѣмъ раскрывается и другая глубокая рана Эдипа: какъ ни велики его собственныя страданія, но онъ не можетъ безъ тяжелаго чувства подумать о своихъ дочеряхъ; до сихъ поръ онѣ, безпомощныя, не разлучались съ своимъ отцомъ, дѣлили съ нимъ всякую радость: за нихъ послѣднія горячія просьбы его Креонту, чтобы онъ не оставилъ ихъ безъ защиты и покровительства. Такъ неизмѣнно сердце Эдипа: въ счастіи или несчастіи, онъ одинаково любитъ тѣхъ, которые близки ему. Если зритель и имѣлъ что̀ на душѣ противъ Эдипа, то мирится съ нимъ въ эти прекрасныя минуты. Онъ видитъ въ немъ человѣка, вовсе не чуждаго человѣческихъ слабостей, но въ которомъ добро, или точнѣе доброжелательность, переживаетъ всѣ внутреннія перемѣны и даже самыя тяжелыя испытанія. Послѣдняя сцена, въ которой Эдипъ прощается съ своими дочерьми, располагаетъ въ его пользу даже самаго равнодушнаго зрителя. Кто бы не тронулся, видя отца, который, въ послѣдній разъ обнимая своихъ дѣтей, не можетъ посулить имъ никакого счастія въ жизни, не можетъ даже оставить имъ въ наслѣдство своего добраго имени! Но Эдипъ не свободенъ болѣе даже въ сердечныхъ изліяніяхъ: строгое слово Креонта полагаетъ имъ скорый конецъ, и несчастный царь, не подобровольному побужденію, но по волѣ того же неумолимаго блюстителя правды, долженъ немедленно удалиться во внутренность дома и тамъ, въ уединеніи отъ всѣхъ, ожидать себѣ послѣдняго рѣшенія. Уходя, онъ выражаетъ лишь одно желаніе, чтобы дочери его также могли послѣдовать за нимъ въ изгнаніе; но Креонтъ провожаетъ его совѣтомъ — воздержаться даже отъ самыхъ желаній, ибо не въ нихъ заключено счастіе человѣка.

Неотступный свидѣтель всѣхъ превратностей, испытанныхъ Эдипомъ отъ перваго появленія его на сценѣ и до конца, хоръ, съ свойственному ему наблюдательностію и практическимъ взглядомъ на жизнь, дѣлаетъ отсюда для себя общій выводъ, что ни одинъ смертный, кто бы впрочемъ онъ ни былъ, не можетъ похвалиться постоянствомъ счастія, пока не достигнетъ мирно послѣдняго предѣла жизни. Отъ этого простаго и естественнаго заключенія, въ которомъ такъ ясно сказалось одно изъ твердыхъ убѣжденій древняго религіознаго человѣка, конечно не прочь будетъ и мысль новаго наблюдателя. Но общій нравственный выводъ еще не исчерпываетъ всего впечатлѣнія, которое постепенно слагается въ душѣ каждаго зрителя изъ всѣхъ подробностей, составляющихъ послѣдовательное развитіе трагическаго дѣйствія. Это впечатлѣніе не можетъ быть не тяжело и грустно въ самой сильной степени: ибо въ глазахъ зрителя совершается цѣ-

лая судьба человѣка, разбиваются его надежды, невозвратно погибаетъ все счастіе жизни. Послѣдняя катастрофа не оставляетъ ничего надѣяться для Эдипа даже отъ всеисцѣляющаго времени: лишивъ себя самаго чувствительнаго органа для сообщенія съ внѣшнею природою, онъ осудилъ себя на вѣчную ночь, на безисходное пребываніе въ чувствѣ своей виновности. Что̀ можетъ быть безотраднѣе въ судьбѣ человѣка, неутѣшительнѣе для всѣхъ, принимающихъ въ немъ живое участіе? Но сожалѣніе, съ которымъ зритель провожаетъ несчастнаго слѣпца, когда онъ въ послѣдній разъ уходитъ со сцены, свидѣтельствуетъ болѣе всего о великости той симпатіи, которую онъ питаетъ къ нему. Что̀ же ему такъ дорого въ Эдипѣ, что онъ не перестаетъ сочувствовать въ немъ даже преступнику? Дорогъ, вопервыхъ, тотъ истинно человѣчный характеръ, съ свойственными ему какъ достоинствами такъ и слабостями, который Эдипъ сохраняетъ отъ начала до конца дѣйствія: если въ счастіи онъ и забывается до излишней самонадѣянности, то въ случаѣ паденія, никто болѣе его не тяготится внутреннимъ сознаніемъ своей виновности; дорога̀ потомъ эта ничѣмъ неизгладимая сила нравственнаго чувства, живущаго въ Эдипѣ, которое заставляетъ его подвергнуться добровольной экспіаціи, въ видѣ ужаснаго лишенія, и однако не позволяетъ ему наложить руки на самого себя; дорого наконецъ любящее сердце Эдипа, всегда согрѣтое жаромъ истиннаго участія къ другимъ, неизмѣнное въ несчастіи, какъ и въ счастіи. Если нельзя освободиться отъ тяжелаго впечатлѣнія при видѣ безисходныхъ страданій Эдипа, то въ мысли о твердой нравственной основѣ въ его характерѣ, которой не могутъ стереть никакія превратности, есть много успокоивающаго и даже возвышающаго душу зрителя, неравнодушнаго къ судьбамъ человѣчества.

Возвращаясь еще разъ къ нашей первоначальной мысли, мы не можемъ не повторить послѣ всего сказаннаго, что главное содержаніе трагедіи составляютъ явленія внутренняго человѣческаго міра, что дѣйтвіе происходитъ преимущественно на психологической основѣ, и что герой трагедіи занимаетъ насъ всего болѣе, какъ нравственное лице, подверженное различнымъ своеобразнымъ перемѣнамъ. Отсюда художническому генію открывался уже свободный взглядъ и на многія другія стороны внутренней жизни человѣка, какъ на матеріялъ для творчества. Авторъ Эдипа съ свойственнымъ ему искусствомъ воспользовался этимъ матеріяломъ и въ другихъ своихъ произведеніяхъ, — и мы можемъ прибавить, что надѣемся современемъ читать ихъ — также въ русскомъ переводѣ.

П. Кудрявцевъ.

СОФОКЛЪ

И ЕГО ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ГРЕЧЕСКОЙ ТРАГЕДІИ.

Рано начали собирать въ Греціи матеріялы для исторіи литературы. Уже великій Аристотель вмѣстѣ съ стремленіемъ ко всестороннему знанію передалъ своимъ ученикамъ и ревность къ собиранію этихъ матеріяловъ. Такъ извѣстно намъ, что, кромѣ самого Аристотеля, о трагикахъ и искусствѣ трагическомъ писали непосредственные его ученики: Аристоксенъ изъ Тарента, Дикеархъ изъ Мессены, Лесбосскій Фаній, Гераклеецъ Хамелеонъ, и позднѣе: Гіеронимъ Родосскій, Сатиръ и другіе. Историческое направленіе господствовало также въ ораторской школѣ Исократа,— и вышедшій изъ этой школы, Неанѳъ изъ Кизика, приложилъ это направленіе къ изученію знаменитыхъ писателей, между другими и Софокла. По слѣдамъ этихъ предшественниковъ шла ученая критика Александринцевъ, Александра Этолійскаго, Каллимаха Киренскаго, его ученика Истра и знаменитаго Аристофана Византійскаго, которые занимались учеными изслѣдованіями твореній трагическихъ поэтовъ во всѣхъ отношеніяхъ. Они обращали вниманіе и на жизнь поэтовъ и ихъ отношенія къ современникамъ, и на число ихъ произведеній, и на время, когда они были писаны, когда и съ какимъ успѣхомъ были поставлены на сцену. Къ сожалѣнію ни одно изъ этихъ сочиненій не дошло до насъ въ цѣлости. Мы имѣемъ только отрывочныя мѣста изъ этихъ книгъ, сохранившіяся у римскихъ или греческихъ, жившихъ во времена римскихъ императоровъ, ученыхъ, и потомъ въ глоссахъ и примѣчаніяхъ византійскихъ грамматиковъ. При этомъ разобщеніи извѣстій, даже и то, что̀ могло быть взято изъ достовѣрнаго древнѣйшаго источника, теряетъ свою цѣну.

До насъ дошли два жизнеописанія Софокла изъ позднѣйшаго времени: одно принадлежитъ Свидѣ, очень коротенькое и безъ ссылокъ; другое писано неизвѣстнымъ схоліастомъ, болѣе подробное, ссылающееся часто на древнихъ, выше названныхъ писателей, но неясное и сбивчивое. Не мало труда стоило новымъ ученымъ составить что-нибудь изъ этихъ бѣдныхъ данныхъ.

Софоклъ былъ Аѳинянинъ изъ дома Колонскаго. Годъ его рожденія опредѣляется различно древними, дошедшими до насъ извѣстіями. Болѣе вѣрно опредѣленіе года его смерти, который Діодоръ относитъ къ 3-му году 93-й олимпіады (— $40^5/_6$ до Р. Хр.). Софоклъ умеръ, по словамъ Діодора, имѣя 90 лѣтъ отъ роду. Такимъ образомъ, по опредѣленію Діодора, онъ родился въ $49^5/_6$ г. до Р. Х., съ чѣмъ согласно опредѣленіе года рожденія его у неизвѣстнаго схоліаста, который называетъ 2-й годъ 71-й олимпіады.

Отецъ Софокла, Софиллъ, имѣлъ мастерскую мѣдныхъ вещей, особенно оружія. Былъ ли онъ самъ работникомъ или былъ хозяинъ мастерской, въ которой работали рабы, это рѣшить трудно. Выше упомянутый неизвѣстный схоліастъ приводитъ въ началѣ написанной имъ жизни Софокла свидѣтельство древнихъ, которые отца Софоклова называютъ мастеровымъ, но самъ не соглашается съ этими извѣстіями. Онъ признаетъ только возможность допустить, что Софокловъ отецъ былъ хозяинъ фабрики, — и въ опроверженіе древнихъ свидѣтельствъ приводитъ двѣ причины. Онъ думаетъ во-первыхъ, что если бы Софоклъ былъ такого низкаго происхожденія, то не былъ бы въ послѣдствіи избранъ въ стратеги. Вторая причина неизвѣстнаго схоліаста — молчаніе объ этомъ древнихъ комиковъ. Послѣдняя причина кажется вѣрною и Лессингу, который кромѣ примѣра Ѳемистокла, приведеннаго схоліастомъ, указываетъ еще на примѣръ Эврипида, который долженъ былъ много вытерпѣть отъ Аристофана за то, что имѣлъ несчастіе родиться отъ торговки зеленью. Лессингъ не хочетъ допустить и догадку схоліаста, но, основываясь на одномъ мѣстѣ Плинія, принимаетъ, что Софоклъ происходилъ изъ богатой и знатной фамиліи *). Шёлль напротивъ допускаетъ истину того и другаго древняго извѣстія и указываетъ на то, что во многихъ твореніяхъ Софокла ремесло мѣдника или кузнеца играетъ роль. Такъ въ сатирической драмѣ его «Пандора» выводится хоръ кузнецовъ; въ другой выводится гномъ Кедаліонъ, который, по преданію, былъ

*) Lessing's Leben des Sophocles, herausg. von Eschenburg. Berlin 1790 S. 24 ff.

учителемъ Гефеста въ искусствѣ кованія; не разъ являлся у Софокла и миѳическій Дедалъ *).

Но эти доказательства Шёлля едвали могутъ кому показаться сильными. Почему же, для того, чтобъ имѣть право вывесть въ драмѣ какое нибудь ремесло, надо родиться отъ человѣка, занимавшагося этимъ ремесломъ? Происхожденіе мнѣнія о ремеслѣ отца Софоклова объясняетъ Лессингъ тѣмъ, что писатели, отъ которыхъ вышло это мнѣніе, смѣшали слово «*Κολωνίτης*», означавшее поденщиковъ, собиравшихся обыкновенно на холмѣ около площади (*κόλωνος ἀγοραῖος*), съ *Κολωνιάτης*, означавшимъ жителя *τοῦ Κολώνου*, т. е. Колона, одного изъ ближайшихъ къ Аѳинамъ домовъ Аттики.

Какъ бы то ни было, но Софоклъ получилъ отличное, по тому времени, воспитаніе. Греческое воспитаніе извѣстно: грамматика, музыка, гимнастика. Учителемъ музыки Софокла былъ извѣстный Лампросъ, котораго ученый теоретикъ Аристоксенъ ставитъ въ числѣ замѣчательнѣйшихъ лириковъ стараго высокаго стиля. Въ доказательство успѣшнаго ученія Софокла приводится то, что онъ въ первыхъ лѣтахъ юности пѣлъ съ лирою и танцовалъ, при торжественномъ воздвиженіи трофея въ память саламинской побѣды **). Въ тѣ времена невозможно было избрать путь трагическаго поэта, не зная музыки и танцованія. Поэтъ долженъ былъ не только написать хоры, но и положить ихъ на музыку и научить хористовъ тѣмъ движеніямъ, которыя сопровождали исполненіе хора. Поэтъ былъ слѣдовательно въ одно и то же время и композиторъ, и балетмейстеръ. Софоклъ былъ и отличнымъ исполнителемъ на струнныхъ инструментахъ, если вѣрить словамъ неизвѣстнаго біографа, который говоритъ, что Софоклъ игралъ на киѳарѣ, при представленіи одной изъ его трагедій. Онъ былъ искусенъ и въ танцахъ, показавъ это искусство въ одной изъ своихъ драмъ «Навсикая», гдѣ онъ игралъ на сценѣ въ мячъ. Игра же въ мячъ была у древнихъ искусствомъ, въ которомъ выказывалась грація тѣлодвиженій.

Съ этимъ ученіемъ искусствамъ соединено было и нравственное образованіе того времени. При ученіи гимнастическимъ упражне-

---

*) Sophocles, sein Leben und Wirken. Nach den Quellen dargestellt von Adolph Schoell. SS. 20—21.

**) По греческому обычаю воздвигать на мѣстѣ битвы трофей, т. е. столпъ, на которомъ вѣшалось полное вооруженіе греческаго тяжеловооруженнаго воина.

ніямъ учились въ то же время покорности и приличію, а съ ученіемъ музыки связано было изученіе всѣхъ родовъ стихотвореній извѣстнѣйшихъ поэтовъ. На праздникахъ боговъ и другихъ торжествахъ мальчики должны были говорить и пѣть, что̀ могли и знали, изъ древнѣйшихъ поэтическихъ твореній. Такимъ образомъ съ раннихъ лѣтъ знакомилась юность съ духомъ преданій своего народа, съ подвигами и страданіями своихъ отцовъ. Это воспитаніе много могло дать будущему драматическому поэту. Въ его памяти и воображеніи рано напечатлѣвались образы изъ того великаго цикла героическихъ преданій, который долженъ былъ быть основаніемъ его драматическихъ созданій. Рано привыкалъ будущій драматикъ къ разнообразію формъ въ поэзіи, къ діалектическимъ различіямъ языка. Съ большимъ запасомъ знанія и съ большимъ опытомъ вступалъ онъ на поприще писателя.

Изъ того, что̀ сказано выше, можно объяснить смыслъ словъ неизвѣстнаго біографа, который говоритъ, что Софоклъ учился трагическому искусству у Эсхила. Приводя эти слова неизвѣстнаго біографа, Лессингъ дѣлаетъ довольно остроумный вопросъ, какъ могъ Эсхилъ учить тому, чему онъ самъ не учился *). Лессингъ пошелъ отъ безспорной истины, что трагическому искусству не учатся. Сольгеръ прибавилъ только, что Эсхилъ могъ служить образцомъ Софоклу. Если мы разсмотримъ условія образованія, въ которыхъ выросъ Софоклъ, мы найдемъ, что слова неизвѣстнаго біографа имѣютъ нѣкоторое основаніе. За три года до рожденія Софокла выступилъ Эсхилъ на сцену; четырнадцать лѣтъ спустя одержалъ онъ первую побѣду. Слава Эсхила была уже сдѣлана, когда Софоклъ былъ еще ребенкомъ. Съ 12-лѣтняго до 16-лѣтняго возраста аѳинскіе мальчики преимущественно учились музыкѣ. Трудно было бы предположить, чтобы Софоклу мальчику не приходилось учить пѣсни поэта, бывшаго особенно въ славѣ. Онъ могъ также иногда участвовать въ хорахъ Эсхила, если ужь не говорить о томъ, что онъ могъ назваться ученикомъ Эсхила даже потому, что, смотря его трагедіи, знакомился онъ съ искусствомъ.

Въ 4-мъ году 77-й олимпіады ($46^{3}/_{5}$ до Р. Х.), 28 лѣтъ отъ роду, выступилъ Софоклъ въ первый разъ какъ трагическій поэтъ. Это вступленіе Софокла на поприще драматическаго искусства, составившее эпоху самаго искусства, было еще замѣчательно по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ оное. 28-лѣтній поэтъ вступалъ въ состязаніе съ художникомъ уже опытнымъ, пользовавшимся извѣстностію, не разъ уже увѣнчаннымъ, — съ Эсхиломъ.

*) Leben des Sophocles. S. 51.

Новая школа выступала противъ старой, имѣвшей много поклонниковъ. Между зрителями образовались двѣ партіи, и архонтъ (Апсефіонъ) боялся безпокойствъ и волненія. Въ это самое время возвратился въ Аѳины Кимонъ съ костями Ѳесея, открытыми на островѣ Скиросѣ. Это событіе было для Аѳинянъ большимъ праздникомъ. Пиѳійскій оракулъ обѣщалъ благоденствіе Аѳинамъ, когда останки Ѳесея, — основателя аѳинскаго государства, умершаго, по преданію, за нѣсколько столѣтій на островѣ Скиросѣ, — перенесены будутъ въ отечество и съ религіознымъ уваженіемъ поставлены въ священныхъ гробницахъ. Съ торжествомъ встрѣтили Аѳиняне останки Ѳесея въ гавани. Съ этимъ торжествомъ совпало празднество Діониса, которое праздновалось жертвами въ театрѣ и состязаніемъ трагическихъ хоровъ. Кимонъ съ своими товарищами пришелъ въ театръ, чтобы на жертвенникѣ орхестры сдѣлать возліяніе богу. Архонтъ обрадовался его присутствію при представленіи, и вмѣсто того, чтобы избирать, по обычаю, судей спора, просилъ Кимона и его товарищей принять на себя эту обязанность. Молодой Софоклъ, по ихъ приговору, получилъ вѣнокъ; объ Эсхилѣ разказываютъ, что онъ въ досадѣ на свое униженіе скоро оставилъ Аѳины и удалился въ Сицилію. Лессингъ *), на основаніи одного мѣста Плинія, предположилъ, что первая трагедія Софокла была Триптолемъ. Но Велькеръ **) показалъ, что изъ этого мѣста нельзя вывесть ничего вѣрнаго о времени, когда дана была эта трагедія. Возможность сомнѣнія не даетъ слѣдовательно права принять безусловно догадку Лессинга, и вопросъ этотъ, несмотря на свою важность, долженъ остаться нерѣшеннымъ. Шёлль ***), принимая догадку Лессинга, присоединяетъ еще новое предположеніе, что поводъ къ выбору этого предмета для первой трагедіи былъ въ самыхъ обстоятельствахъ того времени. Аѳиняне терпѣли въ послѣдніе годы голодъ, который передъ этимъ прекратился. Триптолемъ же былъ, по преданію, первый основатель и распространитель земледѣлія.

Позднѣе, въ 441 г. до Р. Хр., когда Софоклу было уже 55 лѣтъ, представленіе его «Антигоны» дало ему награду небывалую. Онъ былъ назначенъ вмѣстѣ съ Перикломъ полководцемъ въ войнѣ самосской.

О послѣднихъ годахъ его жизни не дошло до насъ никакихъ из-

*) S. 98.

**) Die Griechischen Tragödien mit Rücksicht auf den epischen Cyclus. Erste Abth. S. 310.

***) S. 39 und folg.

вѣстій, кромѣ одного случая изъ его домашней жизни. Полагать надобно, что вся жизнь поэта, за исключеніемъ этого похода самосскаго, въ которомъ нашъ поэтъ не выказалъ особенныхъ дарованій полководца, прошла тихо въ мирныхъ занятіяхъ искусствомъ. Оттого, вѣроятно, и такъ мало сообщено намъ біографами о внѣшнихъ обстоятельствахъ жизни поэта. По словамъ біографа, Софоклъ былъ человѣкъ нрава кроткаго и веселаго. Судя по его производительности, которая не погасала въ немъ до самой смерти, можно заключить, что онъ пользовался здоровьемъ отличнымъ, что онъ до послѣдней минуты сохранилъ силы и тѣлесныя и душевныя. Жизнь человѣка, который всего себя отдалъ наукѣ или искусству, не такъ бываетъ замѣтна, какъ жизнь человѣка, посвятившаго себя дѣятельности политической. Но легкомысленные слухи еще охотнѣе привязываются къ скромной тишинѣ и возмущаютъ ее. Софокла обвиняли въ излишней чувствительности къ красотѣ. Разказывались объ немъ различные анекдоты, не щадившіе даже его послѣднихъ лѣтъ. Важнѣе, кажется, въ этомъ случаѣ свидѣтельство Платона въ его Политіи *). Платонъ выводитъ современника нашего поэта, который разговариваетъ о спокойствіи духа въ старости и приводитъ Софокла въ примѣръ старости спокойной и свободной отъ бурей молодыхъ лѣтъ. Кто-то спросилъ при немъ Софокла старика, каково идутъ его любовныя дѣла. Я радъ, отвѣчалъ Софоклъ, что освободился отъ этого страшнаго тиранна, отъ любви. Если бы этотъ отвѣтъ былъ только пустымъ словомъ, которому противорѣчила жизнь поэта, то, безъ сомнѣнія, Платонъ выбралъ бы другой примѣръ. Это свидѣтельство Платона кажется намъ довольно сильнымъ, чтобы уничтожить вѣроятность преданія, разказаннаго Аѳенеемъ, о любви старика Софокла къ гетерѣ Ѳеорисѣ.

Прежде всего разсказъ Аѳенея находится въ противорѣчіи съ тѣмъ, что̀ передаетъ неизвѣстный біографъ, изъ словъ котораго можно заключить, что онъ считалъ эту Ѳеорису Сикіонскую второю женой Софокла. Отъ Никостраты, говоритъ онъ, имѣлъ Софоклъ сына Іофонта, отъ Ѳеорисы Сикіонянки Аристона, отъ котораго родился ему внукъ Софоклъ, очень имъ любимый. Эта любовь къ внуку и была причиной, по словамъ біографа, величайшей непріятности въ домашней жизни Софокла. Старшій сынъ его, Іофонтъ, недовольный распоряженіями своего отца по дому, обвинилъ его въ сумасшествіи. По другимъ разказамъ, обвиненіе это было сдѣлано всѣми дѣтьми Софокла. Разказъ этотъ принадлежитъ впро-

*) Стр. 422 изд. въ одномъ томѣ Baiteri, Or., ct

чемъ позднѣйшимъ писателямъ: Цицерону, Плутарху, Лукіану, Макробію, Апулею. Вмѣсто всякой защиты Софоклъ прочелъ своимъ судьямъ свою послѣднюю трагедію «Эдипъ Колонскій» или, по другимъ, одинъ хоръ изъ нея. И судьи признали Іофонта помѣшаннымъ. Вопросъ объ этомъ процессѣ Софокла съ своими сыновьями или съ однимъ Іофонтомъ остается до сихъ поръ нерѣшенымъ. Нѣкоторые изъ ученыхъ признаютъ истину въ этомъ разказѣ, какъ Мюллеръ (II, 114) и Бернгарди (II, 768—9); другіе сомнѣваются. Такъ какъ это преданіе находится въ связи съ «Эдипомъ Колонскимъ», то Бёкъ въ своей программѣ (1825) объ «Эдипѣ Колонскомъ» ищетъ въ самой трагедіи основанія и повода къ нему. Неизвѣстный біографъ Софокла говоритъ, что Софоклъ вывелъ въ какой-то драмѣ Іофонта, завидующаго внуку его Софоклу и обвиняющаго своего отца передъ фраторами въ разстройствѣ умственныхъ силъ отъ старости. То же самое читается въ схоліяхъ къ Аристофану (Лягушки, ст. 73). По словамъ біографа, жалобы не было со стороны Іофонта, но самъ Софоклъ вывелъ своего сына въ одной трагедіи жалующимся Разумѣется, онъ могъ это сдѣлать только въ такой трагедіи, гдѣ сынъ поставленъ былъ во враждебныя отношенія съ отцомъ. Сювернъ и хочетъ видѣть Іофонта въ Полиникѣ. Велькеръ ищетъ его въ «Пелеѣ», гдѣ выводятся неблагодарные сыновья, изгоняющіе отца. Кромѣ того Велькеръ предлагаетъ еще догадку *), что преданіе о тяжбѣ Софокла съ сыномъ перешло въ анекдотъ изъ комедіи Фриниха «Музы», въ которой Софоклъ и Іофонтъ состязались передъ музами въ искусствѣ трагическомъ. Еще далѣе идетъ въ своихъ догадкахъ Шёлль. Онъ **) даже сказаніе о любви Софокла къ Θеорисѣ считаетъ аллегорическимъ. Θеориса, говоритъ онъ, есть празднество, или богиня празднества (die Dame Feier, die Festzeit der dramatischen Wettspiele), та же, которая встрѣчается у Аристофана подъ именемъ Θеоріи; любовь Софокла къ Θеорисѣ означаетъ аллегорически его любовь къ искусству. Отрицая такимъ образомъ живое существо въ Θеорисѣ, Шёлль отрицаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ многое изъ того, что передаетъ біографъ о семействѣ Софокла. Молодой Софоклъ или Софоклъ 2-й, по его мнѣнію, не можетъ уже быть внукомъ нашего поэта; тѣмъ болѣе, что онъ нашелъ, что Діодоръ, слѣдуя Аполлодору, называетъ Софокла 2-го сыномъ поэта. Далѣе, въ опроверженіе преданія о тяжбѣ Іофонта съ отцомъ, приводитъ Шёлль мѣсто изъ «Лягушекъ»

---

*) Eine Vermuthung der freieren Art, какъ говоритъ онъ, ibid. s. 259.

**) Ibid стр. 368 и слѣд.

Аристофана, изъ комедіи, которая была дана вскорѣ послѣ смерти Софокла. Въ этомъ мѣстѣ Діонисъ объявляетъ Геркулесу, что онъ хочетъ взять изъ ада хорошаго поэта. Хорошаго поэта, говоритъ онъ, нужно мнѣ, а такихъ ужь нѣтъ больше; которые живы еще, тѣ не хороши. Геркулесъ спрашиваетъ его, развѣ Іофонтъ умеръ? Діонисъ отвѣчаетъ: только и осталось на землѣ хорошаго, что Іофонтъ, если еще это хорошее, въ чемъ онъ еще не увѣренъ. Тутъ Геркулесъ спрашиваетъ его, не намѣренъ ли онъ вывесть изъ ада Софокла. Смыслъ этого мѣста очевидно ясный. Сынъ Софокловъ, Іофонтъ, писалъ трагедіи еще при жизни отца. Злые языки говорили, что въ сочиненіи трагедій Іофонта принимаетъ участіе отецъ. Такъ объясняютъ это мѣсто и схоліи. Значитъ, Аристофанъ предполагалъ между отцомъ и сыномъ самыя лучшія отношенія, если онъ нашелъ возможность кольнуть такимъ образомъ Іофонта. Значитъ, онъ не зналъ ничего о непріятностяхъ, которыя между ними были, или забылъ уже объ нихъ, если онѣ были за долго прежде. Въ послѣднемъ случаѣ, говоритъ Шёлль, трудно предположить существованіе такихъ добрыхъ отношеній между отцомъ и сыномъ послѣ тѣхъ большихъ непріятностей, которыя у нихъ были. Вмѣстѣ съ тѣмъ, если эти непріятности и были прежде, все же онѣ должны были быть въ такое время, когда Софоклъ былъ уже старикомъ. Во время этихъ непріятностей Іофонтъ долженъ былъ работать одинъ надъ своими трагедіями, — и Аристофанъ могъ бы тогда видѣть пробу его таланта, о которой онъ говоритъ только по смерти Софокла.

Послѣднее доказательство Шёлля дѣйствительно сильно говоритъ противъ достовѣрности сказанія о тяжбѣ Софокла съ сыномъ. И едвали забылъ бы Аристофанъ объ этомъ несчастномъ случаѣ. Едвали опустилъ бы онъ воспользоваться имъ, чтобы кольнуть Іофонта. Онъ не простилъ бы ему оскорбленія отца, котораго мягкій характеръ онъ хвалитъ также. Мы сказали уже прежде, что древніе единогласно оцѣнили эту мягкость и добродушіе Софокла. По ихъ словамъ, онъ былъ человѣкъ благочестивый и любимый богами. Разказываются чудесные случаи, доказывающіе это. Золотой вѣнецъ пропалъ одинъ разъ изъ святилища Геркулеса (по Cic. Divin. 1, 25). Обѣщанъ былъ талантъ тому, кто найдетъ его или укажетъ. И вотъ самъ Геркулесъ является во снѣ Софоклу и указываетъ ему мѣсто, гдѣ спрятанъ былъ вѣнецъ. На талантъ этотъ построилъ Софоклъ святилище Геркулеса Указывающаго. По словамъ біографа, Софоклъ былъ жрецомъ Галона, героя, о которомъ миѳы упоминаютъ вмѣстѣ съ Асклепіемъ. Имя Галона поправляетъ Мейнеке въ Алкона. Ме-

дицинское значеніе послѣдняго старался объяснить г. Паукеръ *). Въ честь Асклепія написалъ Софоклъ пеанъ, который пѣли, по словамъ Филострата, въ Аѳинахъ долго послѣ его смерти. Однажды Асклепій лично явился Софоклу.

Когда Софоклъ умеръ, Спартанцы стояли въ Декеліи, и Аѳиняне не могли вынести тѣла въ его фамильную гробницу, которая была за городомъ. Тогда богъ Діонисъ явился во снѣ Лисандру, какъ говоритъ біографъ и Плиній, или предводителю Лакедемонянъ, какъ говоритъ Павсаній осмотрительнѣе: потому что предводительствовалъ Лакедемонцами тогда не Лисандръ, а царь Агисъ. Ему-то явился богъ во снѣ и велѣлъ отдать честь новой сиренѣ, т. е. позволить похоронить въ фамильной гробницѣ сладкогласнаго пѣвца. Когда лакедемонскій вождь не поторопился исполнить повелѣніе бога, явленіе повторилось. Тогда спросилъ онъ у переметчиковъ, кто умеръ въ городѣ, и, услышавъ о смерти Софокла, послалъ сказать Аѳинянамъ, что они безпрепятственно могутъ похоронить поэта. Аѳиняне, по словамъ біографа, опредѣлили приносить памяти его ежегодную жертву.

Древняя трагедія достигла въ Софоклѣ своего высочайшаго развитія. Софокла не называли иначе, какъ поэтомъ божественнымъ; Sophocleus cothurnus означалъ у Римлянъ высшее совершенство трагическаго стиля. Все благопріятствовало Софоклу стать на эту высокую ступень искусства: и сильное дарованіе природное, и долгая жизнь, давшая ему возможность потрудиться надъ этимъ дарованіемъ, и внѣшнія обстоятельства. Ему предоставлено было рѣдкое счастье развить талантъ свой на почвѣ крѣпкой и здоровой. Юность его видѣла послѣднее время блестящаго періода войнъ персидскихъ, и потомъ лѣта расли вмѣстѣ съ могуществомъ роднаго города. Онъ былъ свидѣтелемъ цвѣтущей эпохи Аѳинъ и вдали только видѣлъ ихъ паденіе. Въ Эсхилѣ имѣлъ онъ предшественника, геній котораго открылъ ему дорогу, предоставивъ ему только расширить ее. Трагедія Эсхила была произведеніе могучей поэтической натуры, безсознательно создавшей высокіе идеалы. Что̀ Эсхилъ дѣлаетъ, говорилъ Софоклъ, то ему удается, то хорошо; но онъ самъ не знаетъ, почему это хорошо. Сознательно-художественный тактъ Софокла обнаружился прежде всего въ разумномъ ограниченіи объема Эсхиловой трагедіи. Содержаніе своихъ трагедій бралъ Эсхилъ, какъ и Софоклъ, уже готовое въ эпосѣ. Но различ-

*) De Sophocle medici herois sacerdote disquisitionis delineatio. Part. 1. scripsit Carolus Pauckerius. Dorpat. 1850.

нымъ образомъ развивали оба поэта это готовое содержаніе. Одно и то же преданіе дѣлилъ Эсхилъ обыкновенно на три трагедіи, имѣвшія между собою связь, какъ начало, средина и конецъ. Эти три трагедіи, имѣвшія одно содержаніе, и назывались трилогія (τριλογία — троесловіе). Имя трилогіи, говоритъ Велькеръ, ведетъ свое начало не отъ ученыхъ временъ Аристотеля, но было во всеобщемъ употребленіи прежде *). Одну Эсхилову трагедію едвали можно было назвать просто λόγος, когда въ ней было уже нѣсколько лицъ, и слѣдовательно была уже драма. Вѣроятно, словомъ λόγος назывался разказъ актера, когда былъ на сценѣ только одинъ актеръ, потому что тогда всякій подобный разказъ, всякій эпизодъ содержалъ въ себѣ какое-нибудь преданіе. Это слово шло даже и тогда, если актеръ сопровождалъ свой разказъ мимикою и представлялъ разговоръ нѣсколькихъ лицъ: то же самое дѣлалъ и поэтъ эпическій. Такъ какъ тройное число въ дѣленіи было такъ обыкновенно въ древнемъ греческомъ преданіи, въ искусствѣ и учрежденіяхъ гражданскихъ, особенно въ дѣленіи времени; то легко могла и древняя, простая трагедія быть трилогіей, т. е. дѣлиться на три отдѣла троекратнымъ выходомъ актера. Отсюда былъ уже естественный переходъ отъ одной трагедіи, раздѣленной на три части, къ тремъ трагедіямъ, составлявшимъ части одного цѣлаго.

Съ первыхъ временъ драматическаго искусства вошло въ обыкновеніе соединять съ трагической драмой драму сатирическую. Велькеръ полагаетъ, что имя тетралогіи позднѣе введено въ употребленіе учеными, по крайней мѣрѣ не прежде, какъ трагическіе поэты стали давать три различныя трагедіи вмѣсто трилогіи, съ присоединеніемъ сатирической драмы. Въ послѣдствіи времени, въ дидаскаліяхъ стали называть этимъ именемъ и Эсхилову трилогію съ принадлежащею къ ней сатирическою драмой. Но Аристархъ и Аполлоній старались избѣгать этого неправильнаго названія и, говоря о собственной трилогіи, не употребляли другаго имени. Тѣмъ не менѣе во всеобщемъ употребленіи имя тетралогіи прилагалось равно и къ тому и къ другому роду.

Шестнадцать лѣтъ прошло послѣ первой побѣды Эсхила, когда вступилъ съ нимъ въ состязаніе Софоклъ ($46^{8}/_{9}$ г.) и побѣдилъ его не равнымъ оружіемъ. Софоклъ, говоритъ Свида, началъ состязаться драмой противъ драмы, а не трилогіей. Къ сожалѣнію въ дидаскаліяхъ не дошло до насъ ни одного указанія, изъ котораго можно было бы видѣть, что такія-то три трагедіи Софокла были даны вмѣ-

*) Die Aeschylische Trilogie S. 500.

стѣ, и потому для насъ остается нерѣшеннымъ вопросъ, съ одной ли только трагедіей выступилъ Софоклъ противъ трилогіи Эсхила, или съ тремя трагедіями различнаго содержанія. Германнъ (и Лессингъ въ жизни Софокла) понималъ это мѣсто Свиды такъ, что Софоклъ началъ состязаться одною драмой, хотя онъ же признаетъ, что послѣ Софокла опять давались тетралогіи (Эврипидомъ, Ксеноклесомъ) *). Надобно ли поэтому предположить, что и Эсхилъ спорилъ съ Софокломъ одною драмой? Въ такомъ случаѣ нельзя было бы сказать, что началъ это Софоклъ. Бёкъ полагаетъ, что въ первый разъ выступилъ Софоклъ съ тетралогіей, но что онъ же потомъ содѣйствовалъ обычаю давать иногда и одну драму **). Послѣднее доказываетъ Бёкъ примѣромъ «Антигоны» и «Филоктета». Но если «Антигона» доставила Софоклу честь быть избрану полководцемъ, то изъ этого не слѣдуетъ еще, что эта трагедія дана была одна: какъ тридцать вторая трагедія нашего поэта, она могла принадлежать къ 11-й тетралогіи. И если въ бѣдномъ извлеченіи дидаскалій дошло до насъ извѣстіе, что «Филоктетъ» доставилъ Софоклу вѣнокъ побѣдителя, то нельзя еще изъ этого заключить, что и эта трагедія была дана одна. Велькеръ объясняетъ другимъ образомъ слова Свиды. По его мнѣнію, Софоклъ противопоставилъ Эсхиловой трилогіи три также драмы, но не связанныя между собою общимъ содержаніемъ и не составлявшія одного цѣлаго. Свида понималъ трилогію въ ея собственномъ техническомъ смыслѣ; три отдѣльныхъ трагедіи не составляли для него трилогіи. Нельзя думать, что Эсхилъ отказался отъ тетралогіи, и что Софоклъ противъ его тетралогіи (трилогіи съ сатирическою драмой) поставилъ одну трагедію съ сатирическою драмой. Объемъ, безъ сомнѣнія, принимался также въ разсчетъ, — и Софоклъ, чтобъ имѣть успѣхъ въ борьбѣ съ такимъ сильнымъ противникомъ, долженъ былъ сражаться не одною новостію формы, но богатствомъ и разнообразіемъ внутреннимъ. Великолѣпіе Діонисова празднества было въ полномъ развитіи, когда выступилъ Софоклъ; не ограниченія и простоты требовало время, но скорѣе избытка. Тремя выходами (λόγοις) началась трагедія; Эсхилъ распространилъ ее, замѣнивъ три выхода тремя трагедіями, составлявшими одно цѣлое; Софоклъ вступилъ на третью и послѣднюю ступень, замѣнивъ Эсхилову трилогію тремя различными трагедіями, которыя объемомъ своимъ были втрое больше Эсхиловой трилогіи, но въ которыхъ этотъ избытокъ объема уравновѣшивался

*) De tetralog. p. 3.
**) Trag. Gr. princip. p. 105.

нѣсколько ограниченіемъ хора, требовавшаго при представленіи болѣе времени, нежели рѣчь и разговоръ. Еслибы Софокловы трагедіи давались по одной, то трудно было бы объяснить ихъ число, несмотря на то, что онъ ставилъ ихъ почти 60 лѣтъ. Число сатирическихъ драмъ, по скольку можно заключить объ ихъ числѣ по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, также не соотвѣтствовало бы числу трагедій. И потому Велькеръ не усумнился признать несомнѣннымъ фактомъ, что Софоклъ давалъ всегда тетралогіи, то-есть, три трагедіи, не связанныя между собою общимъ содержаніемъ, и сатирическую драму.

Эсхилова драма должна была казаться Софоклу несообразною съ временемъ, потому ли, что трудно было обнять ея цѣлость и понять разрозненныя отношенія отдѣльныхъ частей, между тѣмъ какъ при трехъ различныхъ драмахъ требуется гораздо меньше напряженія, или потому, что публикѣ начала нравиться болѣе и болѣе собственно драматическая часть трагедій. Это заставило Софокла ограничить музыкальную, лирическую ихъ часть, хоры, безъ которыхъ объемъ многихъ драмъ Эсхила такъ малъ, что онѣ легко соединяются въ одно дѣйствіе. Но конечно одною изъ главныхъ причинъ тѣхъ измѣненій въ драмѣ, которыя произведены Софокломъ, были другія требованія искусства, которыя не удовлетворялись уже пониманіемъ предшественниковъ. Трагедія, въ которой главное были миѳъ и идея, давала мало пространства раскрытію характеровъ и жизни въ ея отдѣльныхъ явленіяхъ, а время требовало уже другаго отъ искусства. Оно требовало, чтобъ искусство стало ближе къ человѣку, занялось бы его внутреннею жизнію и раскрыло бы ее во всѣхъ фазахъ. И живопись въ это время начала уже свой переходъ изъ круга безсмертныхъ и поэтическихъ существъ въ міръ человѣческій.

Неудивительно поэтому, что первое вступленіе Софокла въ состязаніе съ Эсхиломъ вызвало такую борьбу партій между зрителями, что архонтъ счелъ нужнымъ поручить рѣшеніе этого спора не судьямъ, выбраннымъ по жребію, но Кимону съ его товарищами. Никогда еще не видала Греція болѣе замѣчательнаго состязанія. Спорили два рода, двѣ эпохи искусства, — и побѣда осталась за новою. Замѣненіемъ трилогіи отдѣльною трагедіей измѣнилось все искусство. Чтобы дать болѣе простора дѣйствію въ развитіи отдѣльныхъ характеровъ, Софоклъ, какъ сказано выше, ограничилъ въ своихъ трагедіяхъ употребленіе хора.

Начало свое греческая трагедія ведетъ отъ хоровъ, которые пѣлись въ честь Вакха и носили особое имя диѳирамбовъ. Первона-

чально содержаніемъ этихъ хоровъ были подвиги Діониса, но уже въ началѣ VI вѣка измѣнилось это содержаніе. Предметомъ этихъ хоровъ стали подвиги героевъ: такъ во время Клисѳена въ Сикіонѣ воспѣты были въ этомъ хорѣ судьбы Адраста. Начинали, какъ говоритъ Аристотель, предводители дивирамбовъ введеніемъ, въ которомъ разказывалось или воспѣвалось какое-либо героическое преданіе, и потомъ уже слѣдовалъ самый хоръ. Основателемъ аттической трагедіи былъ Ѳесписъ, который ввелъ въ эти хоры особаго актера (ὑποκριτήν), на котораго перешла теперь обязанность предводителя хора, и который, кромѣ того, представляя извѣстное лицо, долженъ былъ разговаривать съ хоромъ или его предводителемъ и отвѣчать ему (ὑπεκρίνετο), откуда и произошло греческое имя актера, по русски отвѣтчикъ *). Къ этому одному актеру Ѳесписа прибавилъ Эсхилъ втораго. Предводитель хора долженъ былъ уступить свою роль актеру, и первый актеръ — Ѳесписовъ — названъ протагонистомъ (πρωταγωνιστής), второй, прибавленный Эсхиломъ, девтерагонистомъ (δευτεραγωνιστής). Въ примѣръ древней Ѳесписовой манеры приводитъ Германнъ сцены между Данаемъ и хоромъ Данаидъ въ Эсхиловыхъ «Молящихся» (стр. 16).

У Эсхила хоръ всегда играетъ роль, онъ замѣняетъ актера. Онъ всегда почти на сценѣ, ведетъ разговоръ съ главнымъ лицомъ или съ другими. У Эсхила хоръ всегда принимаетъ участіе въ дѣйствіи, онъ всегда стоитъ на сторонѣ того или другаго дѣйствующаго лица. Такъ Океаниды стоятъ за Промѳѳея, съ которымъ онѣ и погибаютъ въ концѣ; старцы за Агамемнона, за котораго они и извлекаютъ наконецъ, хотя поздно, мечи; жертвующія при гробѣ — за Ореста, котораго онѣ возбуждаютъ, которому помогаютъ. Еще болѣе принимаетъ участіе въ дѣйствіи хоръ ѳивскихъ женщинъ въ трагедіи «Семь подъ Ѳивами» (ἑπτα ἐπὶ Θήβαις), потому что въ драмѣ идетъ дѣло объ ихъ собственной участи. И потому сначала онѣ противятся герою драмы, а въ концѣ дѣлятся на двѣ партіи, изъ которыхъ одна хочетъ идти за гробомъ Этеокла, другая рѣшается отдать послѣднюю честь Полинику. Хоръ «Персовъ» пораженъ самъ тою судьбоїй, которая развивается въ трагедіи. Данаиды и Эвмениды — также дѣйствующія.

*) De graeca tragoedia in sacris ponenda. Oratio in Solennibus Anniversariis Mosquensis literarum Universitatis Caesareae a. 1844 a Karolo Hofmano habita p. II. Cf. C. F. Hermanni, Disputatio de distributione personarum inter histriones in tragoediis graecis. p. 15 — 15. — Die Vertheilung der Rollen unter die Schauspieler der griechischen Tragödie von Dr. Julius Richter S. 4—5.

Совсѣмъ другое назначеніе имѣетъ хоръ въ трагедіяхъ Софокла. Рѣдко въ тѣхъ трагедіяхъ Софокла, которыя дошли до насъ, является хоръ принимающимъ участіе въ какомъ-либо изъ дѣйствующихъ лицъ дѣломъ. Если хоръ и принимаетъ участіе въ дѣйствіи, то это участіе отрицательное, не имѣющее никакого вліянія на ходъ самаго дѣйствія. Никогда, какъ у Эсхила, не бываетъ онъ однимъ голосомъ въ разговорѣ, не бываетъ разговаривающимъ лицомъ, но всегда только въ переходныхъ сценахъ или возвѣщаетъ онъ новый выходъ, или страдательно слушаетъ, или скажетъ нѣсколько словъ, какъ посредникъ между двумя дѣйствующими лицами. Софоклъ такъ строго держится этого закона — не вводить хоръ въ дѣйствіе, что, когда ему нужно поставить главное лицо въ соприкосновеніе съ однимъ хоромъ, тамъ ужь не разговоръ у него, но пѣніе. Таково первое появленіе хора въ «Эдипѣ Колонскомъ». Уже этимъ выражается у него болѣе идеальный, нежели практическій характеръ хора. Въ трагедіи «Аантъ» самъ Софоклъ выразилъ этотъ характеръ хора: тамъ является въ первый разъ хоръ саламинскихъ старцевъ, принимающій участіе въ судьбѣ Аанта и тутъ же выражающій, что это участіе не болѣе, какъ страдательное. Хоръ выражаетъ сначала свое негодованіе противъ Улисса, полагая, что онъ съ намѣреніемъ распускаетъ ложные слухи объ Аантѣ, — и потомъ прибавляетъ (ст. 164—6): «вотъ такіе-то люди поднимаютъ противъ тебя шумъ, — а мы безъ тебя, царь, защиты противъ этого найдти не въ силахъ.» И между тѣмъ въ этой трагедіи вмѣстѣ съ двумя другими, съ «Электрой» и «Филоктетомъ», хору дано гораздо болѣе простора, чѣмъ въ другихъ. Но его дѣятельность и здѣсь остается отрицательною. Онъ принимаетъ участіе, онъ держитъ сторону одной партіи, но дѣйствуетъ только отрицательно тѣмъ, что не помогаетъ противной партіи и желаетъ успѣха той, за которую стоитъ самъ. Одна изъ трагедій Софокла имѣетъ свое имя отъ хора: это «Трахиніянки». Но это имя нисколько не означаетъ, что хоръ имѣетъ здѣсь главную роль; это имя — совершенно случайное. Рихтеръ*) предлагаетъ догадку, что Софоклъ далъ этой трагедіи имя хора, потому что здѣсь двѣ главныхъ роли, которыя обѣ долженъ былъ играть одинъ и тотъ же актеръ, протагонистъ. Рихтеръ распространяетъ эту догадку на всѣ трагедіи, до насъ не дошедшія, въ которыхъ протагонисту приходилось играть двѣ главныя роли. Въ числѣ же трагедій, которыхъ имена только до насъ дошли, есть много, оче-

*) Die Vertheilung der Rollen S. 8.

видно названныхъ по хору *). Если Софоклъ отнялъ у хора характеръ дѣйствующаго лица и ограничилъ его именно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы дать болѣе простора и движенія элементу собственно драматическому, то здѣсь представляются сами собою два вопроса: во 1-хъ, почему онъ не вывелъ совсѣмъ употребленіе хора въ трагедіи, еслибы онъ считалъ его не нужнымъ и лишнимъ для драматическаго дѣйствія? во 2-хъ, чѣмъ замѣнилъ онъ участіе хора въ драмѣ?

Первый вопросъ очень хорошо рѣшаетъ Гофманъ въ указанной выше рѣчи **), объясняя необходимость хора въ греческой трагедіи ея религіознымъ назначеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если первоначальное назначеніе драматическаго искусства въ Греціи было прославленіе и украшеніе религіозныхъ праздниковъ, если и начало свое получила трагедія, какъ сказано выше, изъ хоровъ, пѣтыхъ въ честь Діониса на его празднествахъ, то нельзя, кажется, не признать удовлетворительнымъ это объясненіе необходимости хора въ трагедіи, нельзя не видѣть въ этомъ сохраненіи хора и въ позднѣйшей трагедіи указанія на первоначальный источникъ драмы. Если во время Софокла и утратилось уже или значительно, по крайней мѣрѣ, измѣнилось религіозное значеніе искусства; если и стало оно въ лицѣ Софокла болѣе самостоятельнымъ: все же не могло оно совершенно отрѣшиться отъ своей исторіи; все же должно оно было сохранить слѣды своего перваго назначенія. Отдѣлить искусству совершенно особую и отдѣльную сферу — суждено было не древнему міру. Еще болѣе доказываютъ истину этого объясненія хоры въ трагедіяхъ Эврипида, у котораго часто хоры нисколько не связываются съ дѣйствіемъ драматическимъ и служатъ только какъ бы ненужнымъ украшеніемъ. Шлегель***) понимаетъ хоръ, какъ олицетворенную мысль о представляемомъ дѣйствіи, какъ выраженное участіе поэта, вѣщающаго за все человѣчество. Однимъ словомъ, хоръ, говоритъ онъ, есть идеальный зритель (der idealisirte Zuschauer), есть проводникъ между чувствомъ и мыслью поэта и зрителя. Шлегель имѣлъ, кажется, въ виду преимущественно Софокла, когда писалъ эти слова. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ, въ нихъ можно еще признать нѣкоторую истину; но опредѣленіе хора вообще далеко неудовлетворительно. Гофманъ, кромѣ выше

*) См. Uebersicht der Tragödien von Sophocles у Велькера. — Die griech. Trag. 1 Abth. стр. 59—62.

**) De graeca Tragoedia in sacris ponenda. p. 19—20.

***) Ueber dramatische Kunst und Litteratur, 1 Theil, S. 113—114.

приведенной причины, обусловливающей необходимость хора въ греческой драмѣ связью драматическаго искусства съ религіозными празднествами, приводитъ еще другую причину, по которой необходимъ былъ хоръ въ греческой трагедіи. Въ древности, говоритъ онъ, каждый отдѣльный человѣкъ не отдѣлялся такъ рѣзко отъ прочихъ, какъ человѣкъ новый; его мысль и воля тѣсно связаны были съ мыслью и волею народа, племени, рода; онъ не могъ быть отдѣленъ отъ той сферы, въ которой онъ родился, поэтому и герои трагическіе тѣсно связаны съ обществомъ тѣхъ людей, которые имъ были близки по природѣ. И эти люди принимали полное участіе въ трагической судьбѣ близкаго имъ героя. И потому большею частію хоръ состоитъ не изъ чужихъ людей, но изъ тѣхъ, съ которыми трагическое лицо связано самыми тѣсными узами.

Необходимость хора въ трагедіи слѣдовательно опредѣлялась условіями историческими. То или другое его употребленіе и значеніе въ драмѣ опредѣлялось уже личностію поэта. У Свиды есть свидѣтельство, что Софоклъ написалъ сочиненіе въ прозѣ о хорѣ — противъ Ѳесписа, основателя аттической трагедіи, и Хёрила, одного изъ ближайшихъ и знаменитѣйшихъ его послѣдователей. Къ сожалѣнію, это сочиненіе потеряно для насъ. Еслибы оно сохранилось, самъ Софоклъ объяснилъ бы намъ значеніе своего хора. Теперь ученымъ осталось a posteriori выводить это значеніе изъ тѣхъ немногихъ трагедій, которыя дошли до насъ. Оттого ихъ выводы такъ различны. Каждый смотритъ съ своей точки зрѣнія, и каждый, съ своей точки зрѣнія, болѣе или менѣе удачно находитъ что-нибудь для объясненія значенія хора. — Раскрытіе всякой трагической судьбы обусловливается тою средою, гдѣ совершается драма, тѣмъ народомъ и той землею, гдѣ происходитъ трагическое событіе. Двоякимъ образомъ раскрывается всякое трагическое событіе: оно раскрывается съ одной стороны въ драматическихъ душевныхъ движеніяхъ лицъ, принимающихъ непосредственное участіе въ драмѣ, лицъ дѣйствующихъ; съ другой стороны раскрывается оно и въ тѣхъ страдательныхъ ощущеніяхъ, которыми невольно бываетъ пораженъ близкій зритель трагической судьбы. Въ новомъ искусствѣ обращено вниманіе исключительно на первое: трагическая судьба героевъ драмы раскрывается непосредственно въ нихъ самихъ. Новое искусство посвятило себя раскрытію внутренней, отдѣльной жизни человѣка. Древнее искусство не отрывало человѣка отъ среды, въ которой онъ жилъ. Его трагическая судьба раскрыва-

лась и въ немъ самомъ, въ его внутренней жизни, — но въ то же время отражалась эта судьба и въ той средѣ, гдѣ онъ жилъ. Первое какъ въ древней, такъ и въ новой трагедіи совершается въ самой драмѣ, въ столкновеніи дѣйствующихъ лицъ, въ раскрытіи ихъ убѣжденій и страстей. На этомъ основывается собственно ходъ драмы; безъ этого не можетъ быть драмы, — и потому это общая принадлежность искусства всѣхъ вѣковъ. Для втораго, для показанія, какъ дѣйствовало трагическое событіе не на тѣ лица, которыя были увлечены имъ, которыя участвовали въ немъ непосредственно, но на тѣхъ, которыя принимали въ немъ только далекое, посредственное участіе, какъ зрители, для этого въ древней трагедіи былъ хоръ. Токово, если не ошибаюсь, художественное значеніе хора у Софокла. И въ этомъ смыслѣ Шлегель могъ назвать его идеальнымъ зрителемъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ зритель, но зритель не равнодушный: потокъ трагической судьбы увлекаетъ изъ его среды тѣхъ людей, которымъ болѣе всего принадлежитъ его симпатія, и онъ чувствуетъ удары, ихъ поражающіе; онъ болѣетъ сердцемъ, когда тяжки становятся эти удары; онъ отдыхаетъ, когда отдыхаютъ тѣ, которые поражаются. Но въ то же время онъ можетъ и разсуждать: потому что не касается его непосредственно этотъ потокъ трагической судьбы, но идетъ мимо его. И потому-то этотъ идеальный зритель можетъ быть проводникомъ между мыслью поэта и зрителя. Аѳинскому зрителю легче было съ этимъ проводникомъ всмотрѣться въ художественное твореніе поэта, легче было прослѣдить и постигнуть ходъ и развитіе мысли художника, нежели намъ прослѣдить и понять творческое созданіе новаго поэта, намъ, которымъ самимъ художникъ предоставляетъ весь трудъ постиженія.

Взглянемъ теперь на хоры въ трагедіи «Эдипъ Царь».

Трагическая судьба преслѣдуетъ царственный родъ Лабдакидовъ. Внукъ Лабдака, Эдипъ, запутанъ ею въ страшныя преступленія: невольно сдѣлался онъ убійцею отца и мужемъ матери. Но боги не прощаютъ и невольнаго преступленія. За вину царя наслали они страшную кару мора на всю землю ѳивскую. Царь Эдипъ близокъ сердцу Ѳивянъ: онъ спасъ уже ихъ одинъ разъ отъ пагубы Сфинкса. И теперь надѣются они на его мудрость. Но напрасно надѣются они: безсильна мудрость человѣческая передъ гнѣвомъ боговъ. Только удаленіемъ причины этого гнѣва отвращается кара. А мудрость человѣческая не найдетъ этой причины; надо, чтобъ богъ указалъ ее. И посылаетъ Эдипъ зятя

своего Креонта къ пиѳійскому оракулу узнать о причинѣ гнѣва боговъ и о средствахъ къ его отвращенію. Креонтъ возвращается и объявляетъ отвѣтъ оракула.

Этимъ оканчивается прологъ. За нимъ слѣдуетъ пародосъ *). Хоръ, состоящій изъ ѳивскихъ стариковъ, является въ орхестрѣ и поетъ пѣснь, выражающую плачевное состояніе ѳивской земли. Хоръ слышалъ только послѣднія слова Эдипа, который обѣщаетъ исполнить велѣнье бога, но не знаетъ еще, въ чемъ состоитъ это велѣнье. Съ трепетнымъ ожиданьемъ собирается онъ и съ блогоговѣйнымъ страхомъ спрашиваетъ, что̀ принесло ему сладкогласное слово Зевса, надежду или отчаяніе? Онъ взываетъ потомъ о помощи къ Аѳинѣ, Артемидѣ и Фебу; переходитъ къ полному скорби лирическому описанію ужаснаго состоянія ѳивской земли и заключаетъ мольбою къ богамъ-защитникамъ о спасеніи отъ смертоносныхъ ударовъ Арея, страшнаго бога смерти. Этотъ хоръ долженъ былъ возбудить въ аѳинскихъ зрителяхъ сильное сочувствіе, такъ какъ незадолго до представленія Эдипа царя въ Аѳинахъ свирѣпствовалъ страшный моръ, описаніе котораго живыми красками сдѣлалъ Ѳукидидъ. До сихъ поръ хоръ страдаетъ за себя, за свой народъ. Онъ не предчувствуетъ еще трагической судьбы своего царя-благодѣтеля. Только въ слѣдующемъ эпизодѣ **) начинаетъ раскрываться эта страшная судьба, когда является Тиресій, призванный Эдипомъ для объясненія словъ оракула, и когда онъ, раздраженный словами Эдипа, объявляетъ ему, что онъ убійца.

Въ слѣдующемъ за тѣмъ хорѣ (первый стасимонъ***) выражается смятеніе, объявшее умы тѣхъ, которые слышали споръ Эдипа и Тиресія. Съ одной стороны участіе и преданность къ Эдипу, съ другой — привычка вѣровать въ слова прорицателя, все смущаетъ и тревожитъ народъ. Онъ привязанъ къ Эдипу и преданъ ему; онъ вѣритъ въ его чистоту и невинность, но не могутъ не поколебать этой вѣры слова человѣка, въ сверхъестественныхъ знаніяхъ котораго онъ убѣжденъ. Онъ убѣжденъ въ томъ, что Тиресій можетъ сказать истину; но онъ былъ свидѣтелемъ его раздраженія, онъ видѣлъ, что слова Тиресія были сказаны не въ спокойномъ расположеніи духа. Хоръ не выходитъ

*) Пародосъ называется первая пѣснь, съ которою выходитъ хоръ въ орхестру на свое обычное мѣсто около ѳимелы.

**) Эпизодъ, эпизодіонъ называется діалогическая часть трагедіи между двумя хорами, соотвѣтствующая нашему *акту, дѣйствію*.

***) Хоры, слѣдующіе за пародосомъ, называются стасимоны.

изъ спокойнаго состоянія; онъ смущенъ, но не потерялъ способности разсуждать. И вотъ онъ выражаетъ свое убѣжденіе въ томъ, что не скроется преступникъ послѣ тѣхъ мѣръ, которыя приняты мудрымъ царемъ, — надежду, что онъ не уйдетъ отъ пророчества, потомъ свой страхъ и смущеніе отъ словъ гадателя, наконецъ свою преданность къ Эдипу, свою вѣру въ него, — и послѣднее чувство покрываетъ все. Въ продолженіи всего слѣдующаго эпизода хоръ остается вѣренъ этому чувству преданности къ Эдипу. Въ разговорѣ съ Креонтомъ онъ остороженъ, онъ не сказалъ ни одного слова, которое могло бы къ чему-нибудь повести. Дѣйствіе идетъ безъ всякаго съ его стороны участія. Въ крупномъ разговорѣ между Эдипомъ и Креонтомъ онъ принимаетъ только роль посредника страдательнаго. Онъ проситъ Эдипа не давать воли своему раздраженію, и, когда его совѣтъ оказываеся безполезнымъ, онъ проситъ Іокасту увести Эдипа въ домъ, страшась за послѣдствія ссоры его съ Креонтомъ. Потомъ, когда Эдипъ разказалъ Іокастѣ объ убійствѣ, которое онъ совершилъ на дорогѣ, и выразилъ опасеніе, не Лая ли онъ убилъ, хоръ старается поддержать въ Эдипѣ добрую надежду. Но, когда Іокаста съ пренебреженіемъ отозвалась объ оракулахъ и ушла вмѣстѣ съ Эдипомъ, тогда хоръ, какъ представитель народа, котораго вѣрованія оскорблены надменными словами Іокасты, выражаетъ свою скорбь о слабости человѣческой, старающейся присвоить себѣ право и истину униженіемъ божественнаго и святаго. Хоръ изображаетъ противоположность вѣчнаго и преходящаго. Передъ закономъ божественнымъ склоняться долженъ человѣкъ, а не презирать его. Высокомѣріе и гордость ведутъ человѣка къ погибели. — Если приложить эти общія размышленія къ судьбѣ Іокасты и Эдипа, то они заключаютъ въ себѣ упрекъ Іокастѣ за то, что она съ умомъ человѣческимъ выступила въ борьбу съ богами, представителями высочайшей мудрости и силы, а не покорилась имъ съ должнымъ сознаніемъ своей человѣческой слабости. Хоръ не выражаетъ здѣсь негодованія противъ Іокасты и Эдипа; онъ не знаетъ еще, можетъ ли осудить ихъ. Смущенный мыслью о томъ, что Эдипъ, можетъ-быть, есть убійца Лая, мыслью, которая кажется ему не только невѣрною, но и невозможною, онъ скорбно высказывается въ общихъ размышленіяхъ, которыя содержатъ въ себѣ истину и безъ приложенія къ настоящему случаю. Въ сомнительныхъ и трудныхъ обстоятельствахъ ничего не остается человѣку, какъ укрѣплять свою вѣру въ вѣчные, божественные законы. Это и дѣлаетъ хоръ. До-

рогъ ему Эдипъ, но еще дороже ему его вѣрованія, и онъ проситъ боговъ и преимущественно властителя міра, Зевса, открыть истину. Сознаетъ хоръ, что не о человѣческомъ счастіи идетъ вопросъ, но о чемъ-то болѣе высокомъ и важномъ, о вѣрѣ въ боговъ, объ уваженіи святыни.

Третій эпизодъ оканчивается тѣмъ, что Эдипъ ждетъ Лаева пастуха, который долженъ объяснить ему тайну его рожденія. Іокаста, знающая эту тайну уже по словамъ коринѳскаго вѣстника, уѣзжаетъ въ отчаяніи. Хоръ поетъ пѣснію радостнаго ожиданія, но скорбно звучитъ эта пѣсня въ сердцахъ зрителей. Хоръ предается еще надеждѣ, что судьба его царя раскроется счастливо, или, лучше сказать, онъ поддерживаетъ эту надежду въ самомъ Эдипѣ, старается усыпить и въ себѣ и въ Эдипѣ страшное подозрѣніе, которое возбуждено въ немъ послѣдними словами Іокасты. Когда человѣкъ, замѣчательный своими личными достоинствами, но неизвѣстный родомъ, возвышается до блеска и высоты царскаго престола, фантазія народная охотно украшаетъ мракъ его происхожденія самыми свѣтлыми образами. Такъ и теперь хоръ предвѣщаетъ открытіе божественнаго происхожденія Эдипу, который самъ думаетъ найдти свой родъ весьма невысокимъ. И тѣмъ страшнѣе переходъ отъ свѣтлой мечты къ мрачной дѣйствительности. А эта дѣйствительность со всею своею ужасающею истиною открывается въ слѣдующемъ за этимъ хоромъ (четвертомъ) эпизодѣ. Изъ разговора съ пастухомъ Лая узнаетъ Эдипъ, что онъ сынъ и убійца Лая. Безжалостно столкнула судьба Эдипа съ высоты, на которой стоялъ онъ, — и хоръ въ пѣсни скорби и отчаянія оплакиваетъ непрочность человѣческаго счастія и горькую судьбу Эдипа. Лучше бы, говоритъ онъ, и не знать мнѣ тебя, несчастный Лая сынъ! Ту же самую мысль о невѣрности человѣческаго счастія еще разъ повторяетъ хоръ въ концѣ трагедіи, которая заключается словами хора: до смерти нельзя назвать человѣка счастливымъ. Трагическая судьба Эдипа раскрылась вполнѣ, и хоръ въ этомъ послѣднемъ размышленіи возвращается опять къ своему спокойствію.

Переходимъ къ другимъ измѣненіямъ, которыя сдѣлалъ Софоклъ въ трагедіи. Ограниченіе хора и распространеніе трагическаго элемента требовало прежде всего увеличенія числа актеровъ. Мы видѣли выше, что къ одному актеру Ѳесписа Эсхилъ прибавилъ другаго. Софоклъ присоединилъ третьяго (τριταγωνιστής). Это сообщено древними лексикографами и безспорно принимается всѣми новыми учеными.

Человѣку новому, привыкшему видѣть на нашей сценѣ много актеровъ, можетъ показаться непонятнымъ, какимъ образомъ древняя трагедія могла довольствоваться тремя актерами, когда выводилось въ ней гораздо болѣе дѣйствующихъ лицъ (въ Эдипѣ царѣ, напримѣръ, восемь), и почему эта экономія въ актерахъ была необходима? Шёлль отвѣчаетъ такъ на второй вопросъ. Издержки на сценическія представленія шли отъ какого-нибудь богатаго гражданина той филы, которая стояла на очереди. Естественно хорегъ (такъ назывался тотъ гражданинъ, которому выпадала на долю неизбѣжная честь приготовить на свои деньги для общаго удовольствія сценическія представленія), старался объ экономіи, а лишній актеръ требовалъ лишнихъ издержекъ. Экономическіе разсчеты хореговъ требовали слѣдовательно извѣстнаго, обычнаго числа актеровъ и не дозволяли поэту произвольно распоряжаться деньгами хорега. Требовалъ этого и обычай поэтовъ состязаться своими произведеніями. Безъ этого установленнаго обычаемъ ограниченія иной поэтъ, пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ хорега, получилъ бы въ свое распоряженіе болѣе средствъ, нежели другой. Судьи состязанія могли бы быть въ такомъ случаѣ въ большомъ затрудненіи *).

Объясненіе Шёлля было бы весьма удовлетворительно, еслибы древнія извѣстія подтверждали, что актеры содержались на счетъ хорега. Къ сожалѣнію, положительныхъ извѣстій объ этомъ нѣтъ. Бёкъ сомнѣвается въ томъ, приводя слѣдующія причины: еслибы, говоритъ онъ, актеры получали содержаніе отъ хорега, то они ему и были бы назначаемы отъ государства. А извѣстно, что они назначались не хорегу, а поэту. При этомъ надо обратить вниманіе на то, что нѣкоторые актеры, какъ видно изъ древнихъ извѣстій, постоянно играли въ драмахъ того или другаго поэта, слѣдовательно какъ бы служили всегда одному поэту, что̀ трудно объяснить, еслибъ они зависѣли отъ хорега; кромѣ того актеровъ училъ обыкновенно самъ поэтъ, — а обученіе хоровъ зависѣло отъ хорега, который содержалъ для этого особаго учителя (χοροδιδάσκαλος). Бёкъ сомнѣвается даже и въ томъ, что актеры получали отъ хорега гардеробъ **).

Поэтому и здѣсь, кажется, надобно искать историческаго объясненія. Θесписъ ввелъ въ хоры одного актера; Эсхилъ прибавилъ другаго, и такимъ образомъ усилилъ драматическій элементъ тра-

*) Sophocles, sein Leben und Wirken. S. 51.

**) Die Staatshaushaltung der Athener von August Böckh. 2 Ausg. 1 Bd. S. 600.

гедіи, въ которой до него преобладалъ элементъ эпическій и лирическій. И потому-то и называется онъ отцомъ трагедіи. Софоклъ ввелъ третьяго актера, и это уже было большое нововведеніе, большой шагъ впередъ въ искусствѣ. А извѣстно, что оно проходитъ много ступеней, чтобы подняться на высоту. Не вдругъ является оно во всей своей силѣ и полнотѣ.

Съ другой стороны и нельзя было найдти много актеровъ, которымъ можно было бы поручить ту или другую роль. Искусство актера пріобрѣталось не малымъ трудомъ: актеръ долженъ былъ прилежно посѣщать декламаціонныя школы, изучать орхестику и мимику. И хотя поэтъ училъ своихъ актеровъ, какъ должны они играть тѣ роли, которыя давалъ онъ имъ въ своихъ піесахъ; но напрасенъ былъ бы трудъ поэта, если бы пришлось ему имѣть дѣло съ людьми, вовсе непонимающими искусства сценическаго. Суффлёра не было на греческой сценѣ, и потому въ актерѣ требовалась сильная память. Актеры также участвовали въ состязаніи, и они получали награды. Имъ предоставлялся выборъ ролей, конечно, знаменитымъ. И слава Софокла, и его личныя достоинства привязывали актеровъ къ нему. Схоліи къ облакамъ Аристофана (1267) называютъ актера Тлеполема, который постоянно игралъ въ трагедіяхъ Софокла. Въ другихъ древнихъ извѣстіяхъ сохранились имена актеровъ, игравшихъ въ трагедіяхъ Софокла. Антигону играли Ѳеодоръ и Аристодемъ, въ Электрѣ и Колонскомъ Эдипѣ отличился Полъ. Знаменитѣйшій между актерами Софокла былъ Каллиппидъ, отличный мимикъ, такъ что Миниск, трагическій писатель изъ старой школы Эсхила, называлъ его обезъяной. Другіе упрекали его въ томъ, что женщины, которыхъ онъ представляетъ, болѣе похожи на гетеръ, нежели на свободныхъ и благородныхъ женщинъ. Комикъ Страттисъ, который процвѣталъ въ послѣдніе годы жизни Софокла и пародировалъ многія трагедіи Эврипида и Софокла, равно какъ и актеровъ ихъ, написалъ между прочими пародію, подъ названіемъ «Каллиппидъ». Въ томъ, что комедія преслѣдовала Каллиппида, надо видѣть доказательство огромнаго таланта. Неизвѣстный біографъ приводитъ слова Истра, который говоритъ, что Софоклъ, при сочиненіи своихъ трагедій, бралъ въ разсчетъ способности своихъ актеровъ.

Переходимъ ко второму вопросу, какимъ образомъ три актера могли играть всѣ роли въ трагедіи? Если въ трагедіи было болѣе дѣйствующихъ лицъ, то, конечно, одному актеру приходилось играть нѣсколько ролей. Вся слѣдовательно забота поэта состояла въ томъ, чтобы не много дѣйствующихъ лицъ встрѣчались на сценѣ

вмѣстѣ, чтобы разговоръ и хоры располагались такъ, чтобъ актеру было время переодѣться и перемѣнить маску. Очевидно, что соображеніе этихъ внѣшнихъ условій требовало большаго вниманія отъ поэта, и тѣмъ бо́льшаго удивленія заслуживаетъ искусство поэта, умѣющаго такъ тѣсно связать эти внѣшнія условія съ внутреннимъ движеніемъ драмы, что внѣшняя необходимость незамѣтна. И въ самомъ дѣлѣ это дѣленіе ролей между тремя актерами, у Софокла по крайней мѣрѣ, проводится всегда на извѣстныхъ основаніяхъ, выходящихъ изъ самой композиціи трагедіи. Положеніе каждой отдѣльной роли и группировку всѣхъ вмѣстѣ очень удачно сравниваютъ съ положеніемъ фигуръ на фронтонѣ греческихъ храмовъ. Главная и самая большая фигура стоитъ въ срединѣ, около нея ближайшія фигуры уступаютъ ей въ величинѣ, и такимъ образомъ, по мѣрѣ удаленія отъ средняго пункта въ обѣ стороны, становятся фигуры все мельче и мельче. Такъ и въ трагедіяхъ протагонистъ (первый актеръ) есть средина, высота; онъ возвышается своимъ положеніемъ надъ всѣмъ прочимъ; онъ играетъ обыкновенно ту роль, по которой называется піеса*); около него движется все дѣйствіе; въ немъ вся драма. Точно также могъ поэтъ напередъ уже раздѣлить роли между остальными двумя актерами. Отъ древнихъ временъ сохранилось только одно свидѣтельство Демосѳена (de falsa legat. § 247)**), что тритагонисту давались обыкновенно роли царей, конечно, когда роль царя была не главною ролью въ трагедіи. Такъ какъ протагонистъ игралъ обыкновенно то лицо, въ которомъ раскрывалась вся драма, то чаще всего ему и доставалась только одна роль. Прочія же роли раздѣлялись между девтерагонистомъ и тритагонистомъ. Преимущество протагониста предъ другими двумя актерами и состояло именно въ томъ, что онъ могъ употребить свои силы исключительно на изученіе одной роли. Рѣдко приходилось ему играть въ двухъ роляхъ, какъ въ «Трахиніянкахъ» Софокла, гдѣ протагонистъ, по мнѣнію Германна и Рихтера, игралъ Деіаниру и Геркулеса. Какія роли принадлежали девтерагонисту, безусловно рѣшить нельзя, такъ какъ раздѣленіе остальныхъ ролей, за исключеніемъ главной, есть болѣе дѣло случая, нежели внутренней необходимости. Рихтеръ***) полагаетъ, что девтерагонисту преимущественно давались роли, ближайшія по своему значенію къ главной роли, то-есть,

*) Müller ad Aesch. Eumen. p. III. Hermann de distributione personarum p. 26. Richter Die Rollenvertheilung S. 13.

**) Hermann de d. p. 25.

***) Die Rollenvertheilung SS. 102—103.

тѣ, съ которыми главное лицо непосредственно и чаще находится въ столкновеніи, которыя имѣютъ ближайшее вліяніе на ходъ дѣйствія, на судьбу главнаго героя. Германнъ*) между прочимъ приписываетъ девтерагонисту женскія роли. Посмотримъ, какъ раздѣлены были между тремя актерами роли предлагаемой здѣсь въ переводѣ трагедіи «Эдипъ царь». Всѣхъ дѣйствующихъ говорящихъ лицъ въ этой трагедіи восемь: Эдипъ, жрецъ, Креонтъ, Тиресій, Іокаста, вѣстникъ изъ Коринѳа, пастухъ, слуга изъ дома Эдипа. Уже въ прологѣ являются всѣ три актера на сценѣ: Эдипъ, жрецъ и потомъ Креонтъ. Роль Эдипа принадлежитъ протагонисту, одну эту роль онъ играетъ въ продолженіи цѣлой трагедіи: потому что Эдипъ встрѣчается на сценѣ со всѣми прочими лицами. Роль Креонта, какъ лица царственнаго, по опредѣленію Демосѳена, играетъ тритагонистъ. Девтерагонисту остается здѣсь роль жреца. Далѣе, въ первомъ эпизодѣ, на сценѣ — Эдипъ и Тиресій; во 2-мъ Эдипъ, Креонтъ и Іокаста; въ 3-мъ вѣстникъ изъ Коринѳа, Іокаста и Эдипъ; въ 4-мъ вѣстникъ изъ Коринѳа, Эдипъ и пастухъ; въ экзодѣ**) — слуга Эдиповъ, Эдипъ и потомъ Креонтъ. Изъ втораго эпизода, гдѣ на сценѣ опять три актера, мы видимъ, согласно съ распредѣленіемъ ролей въ прологѣ, что роль Іокасты играетъ девтерагонистъ. Изъ третьяго эпизода видно, что другая роль тритагониста въ этой трагедіи была роль коринѳскаго вѣстника; по четвертому эпизоду девтерагонисту приходится роль пастуха; по экзоду ему же достается роль слуги. Остается нерѣшеннымъ изъ перваго эпизода, кто игралъ Тиресія, девтерагонистъ или тритагонистъ. Рихтеръ и Германнъ отдаютъ ее первому, — Рихтеръ — согласно съ положеннымъ имъ вообще для ролей девтерагониста правиломъ, по которому слѣдуютъ девтерагонисту ближайшія къ главной по своему вліянію на ходъ дѣйствія роли, — а Тиресій есть, конечно, то лицо, которое даетъ первый толчокъ всей драмѣ.

Итакъ въ этой трагедіи роли раздѣлены такъ: протагонистъ играетъ одну роль Эдипа, тритагонистъ — двѣ роли: Креонта и коринѳскаго вѣстника; остальныя пять ролей падаютъ на девтерагониста ***).

---

*) De distr. pers. p. 29.

**) Экзодомъ (ἔξοδος) называется конецъ трагедіи, или та часть ея, которая слѣдуетъ за послѣднимъ хоромъ (стасимонъ).

***) Смѣемъ высказать предположеніе, что Тиресія игралъ тритагонистъ. Тиресій, какъ скиптродержецъ (такъ изображается онъ въ художествѣ), подходитъ подъ Демосѳеново обозначеніе. При нашемъ предположеніи, роли раздѣляются ровнѣе, и на долю тритагониста

Имя тритагониста уже въ древнія времена не пользовалось уваженіемъ, и легко могло быть, что позднѣе тритагонисты были большею частію плохіе актеры, и что имъ давались легкія и незначительныя роли. — Но какъ согласить съ этимъ неуваженіемъ къ тритагонисту, спрашиваетъ Рихтеръ, то, что ему обыкновенно доставалось играть болѣе ролей, чѣмъ протагонисту, игравшему главную роль, — что тритагонистъ также много долженъ былъ говорить и являлся на сцену въ томъ же котурнѣ (когда онъ представлялъ царственныя лица), какъ и протагонистъ? Для объясненія этого Рихтеръ принимаетъ *), что въ цвѣтущее время греческой трагедіи всѣ актеры получали одинаковое образованіе, и что тритагонистъ долженъ былъ пройдти такую же школу, какъ и протагонистъ. — Такое предположеніе можетъ быть очень справедливо; но къ нему нѣтъ, кажется, надобности прибѣгать. Что протагонистъ игралъ одну главную роль или менѣе ролей, нежели тритагонистъ, въ этомъ-то и надо видѣть преимущество протагониста. Поэтъ долженъ былъ беречь его силы для главной роли, а не истощать его множествомъ ролей, если даже возможно было ихъ навязать ему. Что тритагонисту приходилось нерѣдко говорить столько же, сколько протагонисту, изъ этого нельзя еще вывесть ихъ равенства. Дѣло не въ томъ, сколько говоритъ актеръ, но что и какъ онъ говоритъ. Сюда же относится и третій пунктъ сравненія касательно царственныхъ ролей тритагониста. Для объясненія этого можно указать на настоящее состояніе сцены. И у насъ актеру, не замѣчательному дарованіемъ, приходится играть разнообразныя, но незначительныя роли (разумѣется въ разныхъ піесахъ); и у насъ второстепенныя роли королей достаются на долю не лучшимъ актерамъ; и у насъ актеръ, который дорожитъ своимъ дарованіемъ, не будетъ искать разнообразія въ роляхъ, но будетъ стараться остаться въ предѣлахъ своего дарованія.

Число всѣхъ драмъ, написанныхъ Софокломъ, простиралось до 113. — Такъ свидѣтельствуетъ, по крайней мѣрѣ, неизвѣстный біографъ по словамъ Аристофана Византійскаго, котораго авторитетъ въ этомъ дѣлѣ весьма важенъ. Аристофанъ, директоръ александрійской библіотеки послѣ Апполонія Родосскаго, написалъ сочиненіе въ дополненіе къ Каллимаховымъ дидаскаліямъ. Изъ

приходятся всѣ такія лица, участіе которыхъ въ драмѣ или враждебно главному герою, или пагубно. Только при подобномъ распредѣленіи ролей, могли девтерагонистъ и тритагонистъ удовлетворительно исполнить трудную, лежавшую на нихъ, обязанность. *П. Л.*

*) Die Rollenvertheilung S. 15.

этого сочиненія Аристофана, полагать надобно, заимствовано дошедшее до насъ содержаніе «Антигоны». Это содержаніе, приписываемое Аристофану, оканчивается словами: говорили, что эта драма была тридцать второю драмою (Софокла), 113 драмъ не ровно дѣлятся на тетралогіи, которыми, какъ сказано было прежде, давались драмы Софокла, — и потому Велькеръ, для объясненія этого неровнаго числа, предполаетъ, что одна или другая сатирическая драма и даже трагедія могла быть уничтожена самимъ поэтомъ, или по другимъ обстоятельствамъ рано исчезнуть. Другое предположеніе Велькера состоитъ въ томъ, что могли быть и исключенія изъ обычая давать тетралогіи, особенно въ небольшіе праздники *). Софоклова дѣятельность продолжалась такъ много лѣтъ (слишкомъ 60), что надо довольствоваться даже приблизительно вѣрнымъ опредѣленіемъ числа написанныхъ имъ драмъ. Число побѣдъ, одержанныхъ Софокломъ, подтверждаетъ свидѣтельство о такомъ большомъ числѣ его драмъ. По словамъ Каристія Пергамскаго, писавшаго о дидаскаліяхъ, Софоклъ былъ 20 разъ первымъ побѣдителемъ въ драматическихъ состязаніяхъ и нѣсколько разъ — вторымъ. Свида считаетъ всѣхъ побѣдъ Софокла 24. Припомнимъ о тетралогіяхъ, и по этимъ извѣстіямъ выйдетъ уже отъ 80 до 96 драмъ.

Неизвѣстно, всѣ ли драмы Софокла были даны при его жизни. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, сынъ Софокла Іофонтъ давалъ драмы своего отца уже послѣ его смерти, а «Эдипъ Колонскій» былъ поставленъ внукомъ Софокла четыре года послѣ смерти поэта. Такіе примѣры были нерѣдко. Сыновья Эврипида также ставили на сцену драмы своего отца послѣ его смерти.

Что̀ касается до содержанія Софокловыхъ трагедій, то обозрѣніе ихъ названій даетъ возможность сдѣлать объ немъ нѣкоторыя общія замѣчанія **). Содержаніе Софокловыхъ трагедій большею частію заимствовано изъ эпическаго цикла. Древніе любили сравнивать Софокла съ Гомеромъ. Полемонъ, ученикъ и почитатель Ксенократа, называлъ Софокла трагическимъ Гомеромъ, а Гомера — эпическимъ Софокломъ. Подъ гомерическимъ ученые древности разумѣли съ одной стороны идеализированіе характеровъ, и въ этомъ отношеніи ставитъ Аристотель Гомера и Софокла рядомъ, съ другой стороны, въ отношеніи формы, соединеніе строгаго стиля съ пріятнымъ и милымъ.

Не надобно однако же искать у Софокла гомерическіе характеры

*) Die Griech. Tragödien m. R. a. d. e. C. Erste Abth. S. 80.
**) Welcker Die Griech. Trag. 1 Abth. SS. 86 ff.

безъ измѣненія. Характеры гомерическіе, выведенные въ трагедіи Софокла, не могли быть совершенною копіей лицъ Гомеровыхъ. Другой вѣкъ, болѣе обширный кругъ понятій, новыя воззрѣнія на жизнь и на людей, все это должно было условливать различіе въ однихъ и тѣхъ же типахъ. И нельзя было Софоклу такъ тѣсно ограничить свою поэтическую свободу, чтобы рабски копировать характеры Гомера. Притомъ общее сходство допускаетъ много особенностей, — и различныя обстоятельства выказываютъ одинъ и тотъ же характеръ съ разныхъ сторонъ. Одинъ и тотъ же Креонтъ является въ трехъ трагедіяхъ Софокла, и однакожь съ такими особенностями является онъ въ каждой, что нѣкоторымъ казалось, что это не одно лицо, не одинъ человѣкъ.

Изъ этого большаго числа Софокловыхъ трагедій до насъ дошло только семь. За то эти семь трагедій принадлежали къ числу лучшихъ произведеній поэта. Въ Византіи особенно любили три изъ нихъ: Эанта, Электру и Эдипа царя. Эти три трагедіи сохранились во множествѣ рукописей. Точныя хронологическія опредѣленія сохранились только для двухъ трагедій, Антигоны и Филоктета. Эти двѣ трагедіи составляютъ два полюса дошедшихъ до насъ Софокловыхъ произведеній, Антигона есть первая по времени (изъ дошедшихъ), Филоктетъ — позднѣйшая трагедія.

Антигона была дана въ 3-мъ году 84-ой олимпіады съ необыкновеннымъ успѣхомъ, о которомъ было сказано прежде. Эта трагедія считалась всегда мастерскимъ произведеніемъ поэта. Ученые новаго времени почти единогласно признаютъ ее за образецъ древней трагедіи, съ которой, по нашему мнѣнію, ни одна другая драма не можетъ сравниться въ гармоніи и равновѣсіи всѣхъ частей. Ея преимущества заключаются въ превосходно составленномъ планѣ, въ глубинѣ и разнообразіи характеровъ, въ художественной формѣ разговоровъ и хоровъ, наконецъ въ основной мысли, проникающей всѣ отдѣльныя части и соединяющей ихъ въ безукоризненно органическое цѣлое.

Электра, изъ неизвѣстнаго времени, уступающая Антигонѣ въ блескѣ, но тѣмъ не менѣе удивительная по тонкой характеристикѣ женскаго героизма. Софоклъ умѣлъ воспользоваться тѣмъ сокровищемъ, которое оставилъ ему его предшественникъ; на томъ же основаніи построилъ онъ совершенно новое зданіе. Въ «Хоефорахъ» Эсхила главное лицо — Орестъ; у Софокла — Электра. У Эсхила Орестъ является прямо мстителемъ за смертъ отца; у Софокла, хотя и лежитъ въ основаніи дѣйствія тотъ же мотивъ, но онъ поставленъ на заднемъ планѣ, уступивъ главное мѣсто другому —

спасенію сестры. Такимъ образомъ, что̀ у Эсхила выставлено, какъ побужденіе естественнаго закона, то̀ у Софокла обращается Оресту въ нравственный долгъ благороднаго сердца.

Эантъ, одна изъ любимыхъ древностію трагедій, изъ неизвѣстнаго времени, но, безъ сомнѣнія, написанная въ цвѣтущее время поэта. Это доказывается не только свѣжестію тона, теплою характеристикой и сильнымъ, возвышеннымъ метафорами языкомъ, но и особенностію экономіи. Софоклъ предложилъ себѣ въ этой трагедіи новую задачу — изобразить паденіе сильнаго, благороднаго героя, который, слишкомъ надѣясь на свою славу, переступилъ границы человѣческой природы, представить это паденіе, какъ слѣдствіе нравственнаго ослѣпленія, а не внѣшнихъ обстоятельствъ.

Трахиніянки, изъ неизвѣстнаго времени, трагедія, которая считается самою слабою изъ всѣхъ оставшихся драмъ Софокла. Нѣкоторые даже признаютъ ее недостойною имени Софокла *).

Филоктетъ данъ былъ въ 3-смъ году 92-й олимпіады (400 до Р. Хр.), когда Софоклъ былъ уже старикомъ (85 или 86 лѣтъ). Несмотря на то, трагедія эта представляетъ ту же силу поэтическаго дарованія, какъ и тѣ, которыя написаны были поэтомъ въ цвѣтѣ лѣтъ. Только нѣкоторое пренебреженіе въ формѣ рѣчи, въ строеніи стиха, въ несогласіи формы хоровъ съ ихъ содержаніемъ, обличаютъ отчасти упадокъ.

Наконецъ Эдипъ царь, изъ неизвѣстнаго времени, и Эдипъ Колонскій, который поставленъ былъ на сцену, по смерти поэта, его внукомъ въ 3-емъ году 94-й олимпіады (409 до Р. Хр.). Обѣ трагедіи взяты изъ одного миѳа, и потому нѣкоторые хотѣли на этомъ единствѣ содержанія основать болѣе глубокую внутреннюю связь обѣихъ трагедій. Шёлль старается доказать эту связь обѣихъ трагедій изъ самого Софокла. Въ концѣ первой трагедіи Эдипъ говоритъ Креонту о своихъ дѣтяхъ:

О сыновьяхъ не прилагай заботы:
Они мужчины и лишеній въ жизни
Не будутъ знать, гдѣбъ ни были они.
О дочеряхъ моихъ несчастныхъ, жалкихъ —
Ты позаботься мнѣ ....

Между тѣмъ Креонтъ привелъ уже дочерей Эдипа, чтобы ихъ присутствіемъ утѣшить слѣпаго старика. Слышитъ Эдипъ ихъ рыданія; узнаетъ ихъ, благословляетъ Креонта за это доставленное ему утѣшеніе и предается горестнымъ мыслямъ о той печальной жизни,

*) Schlegel: Ueber d. Kunst u. L. 1, 195. Bernhardy Grundriss der Gr. L. II, 817.

которая предстоитъ его дочерямъ. Онъ проситъ снова Креонта не оставлять ихъ на произволъ судьбы и позаботиться, чтобы ихъ участь не была подобна его жалкой участи. Того же желаетъ онъ своимъ дочерямъ, обращая свою рѣчь къ нимъ.

«Если бы эта трагедія замыкалась сама въ себѣ (говоритъ Шёлль*), то ея естественный конецъ былъ бы судъ Эдипа надъ самимъ собою. Противоположеніе сыновей дочерямъ, усильныя просьбы къ Креонту о покровительствѣ послѣднимъ, имѣютъ значеніе только по отношенію къ дѣйствію, имѣющему продолжаться за предѣлами этой трагедіи. Если бы поэтъ не хотѣлъ продолжать этого дѣйствія, то было бы несообразно съ цѣлію и ошибочно указывать на возможность этого продолженія. Это указаніе даетъ понять, что судьба Эдипа еще не исчерпана. Чѣмъ менѣе было поэту необходимости вывесть на сцену сыновей и дочерей въ концѣ трагедіи, въ дѣйствіи которой они не принимали участія, тѣмъ болѣе падалъ бы на него упрекъ за это, еслибы онъ при томъ не думалъ о послѣдующемъ развитіи этого дѣйствія. Но это замѣчаніе не имѣетъ силы, если за «Эдипомъ царемъ» слѣдовалъ «Эдипъ Колонскій». Здѣсь сыновья изгнали отца изъ отечества, а дочери являются вѣрными подпорами и помощницами старика. Но Креонтъ силою отрываетъ ихъ отъ отца. И здѣсь же, въ «Эдипѣ Колонскомъ», приготовляется смерть Полиника, его погребеніе Антигоною и погибель ея судьи, Креонта, словомъ, все то, что̀ вмѣщаетъ въ себѣ трагедія «Антигона». Весьма приличенъ также контрастъ этой третьей трагедіи съ первою, съ «Эдипомъ царемъ». Что̀ обѣщаетъ Креонтъ въ «Эдипѣ царѣ», что онъ не оставитъ дочерей Эдипа, тому противное дѣлаетъ онъ уже въ «Эдипѣ Колонскомъ», какъ онъ самъ признается тѣми же словами (750), а въ третьей трагедіи, въ «Антигонѣ», онъ разрываетъ бракъ Антигоны и дѣлаетъ ея судьбу «равною судьбѣ отца». Въ «Эдипѣ царѣ» проситъ наконецъ Эдипъ Креонта вывесть его изъ земли. Креонтъ ждетъ велѣнія боговъ, и въ этой неизвѣстности остается Эдипъ, оплакиваемый хоромъ, которымъ оканчивается трагедія. Въ «Эдипѣ Колонскомъ» припоминаетъ Эдипъ эти минуты своего отчаянія, когда никто не явился исполнить его просьбу, и упрекаетъ своихъ сыновей въ томъ, что они изгнали его только тогда, когда его скорбь утихла, когда онъ созналъ уже, что онъ наказалъ себя выше своего преступленія, — и то же самое повторяетъ послѣ Креонту. Легко понять (продолжаетъ Шёлль), что, если бы «Эдипъ Колонскій» долженъ былъ составить независимую драму, то доста-

*) Sophokles. Sein Leben und Wirken. S. 171.

точно бы было представить только насильное удаленіе Эдипа сыновьями и Креонтомъ изъ отечества, безъ воспоминанія о томъ, что онъ просилъ объ этомъ въ минуты отчаянія. Это прежнее желаніе его быть выведену изъ своей земли, нисколько не усиливаетъ ни одного момента втораго дѣйствія (въ Эдипѣ Колонскомъ), но напротивъ смягчаетъ вину его жестокихъ родственниковъ, такъ что самъ Эдипъ долженъ опровергать себя, чтобы сохранить силу своего упрека. И потому это воспоминаніе въ «Эдипѣ Колонскомъ» сдѣлано только для того, чтобы связать обѣ трагедіи. Для этой связи судьба Эдипа не должно была быть исчерпана въ первой трагедіи, но нужно было только сдѣлать указанія на что-то слѣдующее. И это указаніе было въ словахъ Креонта, отвѣчавшаго на просьбу Эдипа, что онъ ждетъ повелѣнія боговъ. Во второй трагедіи узнаемъ мы, что Эдипъ былъ изгнанъ гораздо послѣ, безъ повелѣнія боговъ, по волѣ Креонта и народа, безъ сопротивленія его сыновей. Но отъ дочери узнаетъ онъ о назначенномъ ему оракуломъ мѣстѣ смерти. Странствуя въ сопровожденіи Антигоны, приходитъ онъ въ Колонъ и узнаетъ здѣсь опредѣленное оракуломъ мѣсто. Между тѣмъ младшій изъ его сыновей, Этеоклъ, изгоняетъ старшаго, Полиника, изъ Ѳивъ. Послѣдній хочетъ воротиться туда силою. Тутъ узнаютъ братья отъ оракула, что ихъ счастье и жизнь зависятъ отъ Эдипа, что Ѳивы устоятъ, если въ ихъ власти будетъ Эдипъ, но если онъ схороненъ будетъ въ чужой сторонѣ, то предстоитъ гибель его сыновьямъ. Теперь и та и другая сторона хочетъ имѣть его: Креонтъ, какъ союзникъ Этеокла, старается увести его въ Ѳивы, Полиникъ — въ войско, которое онъ ведетъ противъ Ѳивъ. Эдипъ предаетъ обоихъ проклятью и отдаетъ себя и могущество, сопряженное съ его могилой, Аѳинянамъ. Такимъ образомъ Эдипъ, который въ первой трагедіи заботился объ исполненіи оракула, не зная его смысла, является во второй сознательнымъ исполнителемъ оракула. Такъ въ концѣ первой трагедіи являются главныя лица второй, на которыхъ переходитъ вина и несчастіе, Креонтъ, какъ берущій на себя обязательство, которое онъ не умѣетъ исполнить, дочери, какъ наслѣдницы отцовскихъ несчастій, и сыновья, презрѣнные отцомъ. Такъ въ этой второй трагедіи произносится имъ проклятіе сыновьямъ, обрекающее ихъ гибели другъ отъ друга, проклятіе Креонту, обѣщающее ему и его роду ужасную судьбу; въ этой же второй трагедіи проситъ Полиникъ сестеръ почтить его, послѣ смерти, честнымъ погребеніемъ. Въ третьей трагедіи, въ «Антигонѣ», видимъ мы исполненіе всего этого.»

Показавъ такимъ образомъ тѣ пункты, въ которыхъ особенно

выражается связь двухъ трагедій, Шёлль въ заключеніе спрашиваетъ: признавъ опредѣленную связь въ сочиненіи трехъ драмъ, можемъ ли мы допустить, что Софоклъ не имѣлъ въ виду поставить ихъ вмѣстѣ на сцену? Чтобы сдѣлать свое предположеніе болѣе вѣроятнымъ, Шёлль полагаетъ, что «Антигона», предшествовавшая по времени обоимъ «Эдипамъ», была для этой цѣли передѣлана поэтомъ.

Итакъ Шёлль хотѣлъ воротить Софокла къ старой трилогіи Эсхиловой. И вотъ здѣсь-то главное доказательство противъ него.

Если Софоклъ уже разъ отказался отъ этой старой формы, если онъ ввелъ на ея мѣсто свою новую, то никакимъ образомъ не могъ онъ желать возвращенія стэрой формы. Переворотъ, сдѣланный Софокломъ, касался не одной только формы, но съ перемѣной формы тѣсно связывалась перемѣна воззрѣнія на искусство, точнѣе сказать, новое воззрѣніе на драматическое искусство произвело этотъ переворотъ и въ его формѣ. Въ трилогіи, какъ сказано было и прежде, главное былъ миѳъ; его ходъ излагался въ ней; все отдѣльное, частное входило постольку, поскольку было нужно для объясненія цѣлаго: въ отдѣльныхъ драмахъ Софокла миѳъ уступилъ первое мѣсто частному, особому. Не изложеніе цѣлаго миѳа было уже задачею искусства Софоклова, а развитіе отдѣльной жизни, отдѣльныхъ личностей. Миѳъ сталъ только основой, которая часто совсѣмъ заткана. Вопросъ о значеніи миѳа въ драмахъ Софокла представляется уже второстепеннымъ и даже не неизбѣжнымъ. Всѣ три трагедіи, о которыхъ идетъ рѣчь, взяты изъ одного миѳическаго преданія; слѣдовательно связи не можетъ не быть между ними. Но эта связь внѣшняя и случайная. Естественно, что въ одной трагедіи могутъ указываться тѣ же событія, какъ и въ другой, если обѣ трагедіи принадлежатъ къ одной судьбѣ; но ничто не даетъ намъ права видѣтъ въ этихъ указаніяхъ намѣреніе поэта связать двѣ трагедіи. Противъ трилогическаго соединенія этихъ трагедій говоритъ самый объемъ ихъ, равно какъ и древнія извѣстія о томъ, что трагедіи даны были врозь. Почему же Софоклъ, поставивъ уже прежде «Антигону», вдругъ вздумалъ бы дать всѣ три трагедіи вмѣстѣ? Такое желаніе было бы измѣною его воззрѣнію на искусство, шагомъ назадъ, а этого, конечно, онъ не могъ сдѣлать.

Много говорено было учеными о политическомъ значеніи драмъ Софокла. Собственно положительныхъ указаній на современное политическое состояніе народа нѣтъ у Софокла, — и потому новѣйшія изслѣдованія объ этомъ предметѣ относятся болѣе къ области догадки. Тѣмъ не менѣе нельзя избѣжать этого вопроса, безспорно

интереснаго. — Я приведу здѣсь только то, что̀ касается трагедіи «Эдипъ царь». Я сказалъ выше, что древнихъ извѣстій о времени, когда была дана эта трагедія, до насъ не дошло. На основаніи однакоже самой трагедіи многіе ученые не сомнѣвались отнести ее къ началу пелопонесской войны*). Хотѣли видѣть въ Эдипѣ изображеніе Перикла, основываясь на извѣстномъ разказѣ Θукидида (1,126) о томъ посольствѣ Лакедемонянъ, которое требовало удаленія Перикла изъ Аѳинъ, какъ человѣка, носящаго на себѣ преступленіе предковъ своихъ по матери (τὸ ἄγος ἐλαύνειν τῆς θεοῦ). Но противъ этого говоритъ образъ, въ которомъ представленъ Эдипъ. Его раздражительный нравъ нисколько не согласуется съ твердымъ и спокойнымъ характеромъ Перикла. Никогда не нападалъ послѣдній на другихъ; напротивъ на него нападали другіе; кромѣ того трудно, какъ справедливо замѣчаетъ Шёлль, защитить мнѣніе, что Софоклъ, примкнувъ къ слабому, возмущавшемуся меньшинству гражданъ, недовольныхъ войною, хотѣлъ представить Перикла въ страшномъ образѣ героя своей трагедіи. Приписывать искусству подобныя побочныя цѣли значило бы унижать искусство; гораздо безопаснѣе держаться въ этомъ случаѣ златой средины. Безъ всякаго сомнѣнія, всякое поэтическое произведеніе носитъ на себѣ отпечатокъ современнаго состоянія народа, къ которому принадлежитъ поэтъ; но искать въ этой современности побужденій и поводовъ къ созданію цѣлаго произведенія — значитъ отнимать у поэта его творчество, значитъ уничтожать художественное значеніе произведенія. Въ частностяхъ естественно можно видѣть отраженіе того или другаго современнаго явленія; но тогда не навязывается, по крайней мѣрѣ, поэту намѣреніе и цѣль сдѣлать художественное произведеніе — орудіемъ той или другой политики, органомъ того или другаго политическаго воззрѣнія.

Мнѣ кажется, что подобныя постороннія цѣли сильно должны стѣснить творческій геній, много убавить стройности и цѣлости художественнаго произведенія. Мнѣ кажется невозможнымъ созданіе стройнаго, цѣльнаго художественнаго произведенія, если художникъ руководимъ другою цѣлью, чуждою искусству. И потому можно только тамъ допустить указаніе на современность, гдѣ оно приходитъ само собою, а не насильственно вносится. Такъ естественно въ описаніи моровой язвы, которую такими яркими красками изображаетъ первый хоръ въ «Эдипѣ царѣ», видѣть воспоминаніе о той страшной болѣзни, которая опустошила аѳинское государство въ 430-мъ году. Если заразу называетъ жрецъ въ

*) См. Bernhardy. II, 807.

первомъ разговорѣ съ Эдипомъ (въ прологѣ) *огнемъ палящимъ богомъ*, и потомъ въ пеанѣ, который такъ живо рисуетъ это бѣдствіе, хоръ зоветъ ее *пламенемъ пагубы*, то напоминается этимъ описаніе моровой язвы аѳинской, сдѣланное Ѳукидидомъ, который именно характеризуетъ ее палящимъ зноемъ. Это описаніе не намѣренно внесено поэтомъ, но само собой пришло ему, потому что онъ вмѣстѣ съ другими былъ пораженъ этимъ общимъ бѣдствіемъ. Но слишкомъ далеко, кажется, ведетъ это отраженіе современности Шёлль, который въ этихъ словахъ послѣдней строфы пеана:

Арей губитель безъ оружья
Напалъ на насъ и жжетъ огнемъ

(выше стр. 14) видитъ изображеніе состоянія Аѳинъ. Противоположеніе, говоритъ онъ (177), въ которомъ богъ войны выставляется свирѣпствующимъ, но свирѣпствующимъ безъ оружія, имѣетъ здѣсь особенно рѣзкое приложеніе; потому что Аѳиняне находились въ осадѣ, но, не сражаясь, гибли отъ этой войны, которая, стѣснивъ ихъ въ городѣ, была причиною заразительной болѣзни. Въ обращеніи къ богамъ въ концѣ пеана видитъ онъ также выраженіе собственной потребности Аѳинянъ, такъ какъ сначала призывается защитница и покровительница Аѳинъ, богиня Аѳина, потомъ возсѣдающая на тронѣ, на площади, Артемида. Въ Ѳивахъ, говоритъ онъ, храмъ послѣдней былъ, кажется, не на площади. Все это можетъ быть очень вѣрно; но почему же Ѳивяне не могли молиться такъ же, какъ Аѳиняне?

Точно такая же натяжка, кажется мнѣ, видѣть въ послѣднихъ словахъ жреца (на стр. 9): «вѣдь если нѣтъ живаго человѣка, къ чему корабль, къ чему пустыя башни», намекъ на неудовольствіе Аѳинянъ и ропотъ на Перикла, который совѣтовалъ Аѳинянамъ положиться на стѣны города и корабли, оставивъ всю область непріятелю. Народъ жаловался на Перикла, говоря, что нѣтъ пользы въ защитѣ стѣнъ и кораблей, когда собравшееся въ городѣ народонаселеніе гибнетъ. Ѳивяне, говоритъ Шёлль, не имѣли флота, и потому къ нимъ не могутъ относиться эти слова. — Но слова эти имѣютъ здѣсь общій смыслъ, а не какой-нибудь частный — и потому нѣтъ нужды поднимать вопросъ о томъ, могутъ ли они относиться къ Ѳивянамъ.

Въ хорѣ: «Когда бы удѣлъ мнѣ достался такой», находятъ опять возможность сдѣлать не одно примѣненіе къ современному состоянію народа аѳинскаго. Въ окончаніи хора, гдѣ говорится о неуваженіи къ святынѣ и прорицаніямъ, отношеніе этого хора къ

дѣйствію трагедіи очевидно. Въ предыдущемъ эпизодѣ Іокаста объявила, что оракулъ, данный когда-то Лаю, предсказывавшій ему смерть отъ сына, оказался несправедливымъ. Это пренебреженіе къ оракулу огорчаетъ хоръ, который проситъ боговъ вступиться за святыню. Но не это одно. Іокаста напомнила, какъ Лай, несмотря на предсказаніе бога, рѣшился имѣть отъ ней сына, какъ потомъ, по рожденіи сына, отъ страха исполненія этого предсказанія, велѣлъ бросить ребенка въ горахъ. Объ этомъ думаетъ хоръ, когда говоритъ:

Умъ гордый раждаетъ насилье,
Умъ гордый, когда черезъ мѣру онъ полонъ
Тѣхъ мыслей, въ которыхъ нѣтъ пользы.
Все выше подняться онъ хочетъ
И падаетъ въ пропасть крутую,
Гдѣ твердой ногою нельзя уже стать.

Въ разговорѣ, предшествовавшемъ этому хору, Эдипъ принужденъ былъ сдѣлать признаніе объ убійствѣ, имъ совершенномъ. Іокаста настаиваетъ на томъ, что Лай былъ убитъ не однимъ человѣкомъ, но цѣлою толпой воровъ, и старается удалить мрачныя мысли Эдипа. Въ хорѣ остаются послѣ этого разговора смѣшанныя впечатлѣнія отъ всего, что̀ слышалъ онъ, и о преступленіи Лая, и объ убійствѣ, совершенномъ Эдипомъ, и о легкомыслiи Іокасты. Заботливо обращается онъ къ вѣчнымъ, божественнымъ законамъ и высказываетъ желаніе, чтобы боги не оставили раскрыть дѣло, полезное государству. И польза народа, погибающаго страшною смертью, и честь самихъ боговъ, налагаютъ на него это желаніе.

Нѣтъ слѣдовательно въ этой пѣсни хора ни одной мысли, которая бы не имѣла отношенія къ дѣйствію трагедіи. Но выраженія такъ общи, что даютъ поводъ видѣть въ словахъ поэта разные намеки. Первую антистрофу, «Умъ гордый раждаетъ насилье» считаютъ меткимъ нападеніемъ на Перикла, находятъ упрекъ Аѳинянамъ за то, что они такъ безразсудно обогащаются, слишкомъ злоупотребляютъ свое могущество и ставятъ себя въ трудную необходимость войны. То мѣсто, гдѣ хоръ говоритъ о пренебреженіи святыни и о неуваженіи къ святости боговъ, о нагломъ прикосновеніи къ святынѣ, не совсѣмъ, конечно, идетъ къ Іокастѣ, которая ничего этого не сдѣлала. Въ этихъ словахъ видятъ напоминанія о тѣхъ процессахъ, которые были направлены противъ друзей Перикла. Фидія обвинили въ утайкѣ части золота, которое дано было ему для отлитія разныхъ частей статуи Паллады; другое обвиненіе было въ нечестіи за то, что онъ въ барельефѣ,

на щитѣ богини, помѣстилъ между прочими свое изображеніе. Такимъ же обвиненіямъ подверглись другъ Перикла, Анаксагоръ, и его любимица, Аспасія, за то, что они не хранили вѣры отеческой *).

Я не отвергаю того, что такое объясненіе этого хора можетъ быть очень истиннымъ, хотя въ то же самое время не вижу неизбѣжной необходимости давать этотъ смыслъ хору. Правда, что слова хора не прилагаются къ Іокастѣ; хоръ слишкомъ дурное толкованіе далъ ея словамъ. Его усердіе къ вѣрѣ отеческой увлекло его, и онъ представилъ себѣ дѣйствіе Іокасты въ болѣе черномъ цвѣтѣ, нежели какъ оно было. Слѣдующій эпизодъ начинается выходомъ Іокасты изъ дому. Она выходитъ съ куреньями и молитвенными вѣтвями, чтобы идти въ храмъ Аполлона молить его о милости. Вотъ причины, которыя заставили ученыхъ искать въ общихъ выраженіяхъ хора приложенія къ современности.

Какъ бы то ни было, этотъ вопросъ не долженъ стоять на первомъ планѣ при обсужденіи художественнаго произведенія. Говорятъ у насъ, что Озеровъ въ своемъ «Эдипѣ въ Аѳинахъ» хотѣлъ въ лицѣ Ѳесея изобразить Императора Александра. Дѣйствительно, при нѣкоторыхъ стихахъ можно вспомнить незабвенныя слова Монарха, какъ:

Мой мечь союзникъ мнѣ
И подданныхъ любовь къ отеческой странѣ;
Гдѣ на законахъ власть царей установленна,
Сразить то общество не можетъ и вселенна.

Но необходимо ли знать это тому, кто захочетъ судить трагедію Озерова, какъ художественное произведеніе?

Заключаю мою статью словами перваго между русскими филологами, которому обязаны мы лучшими успѣхами, сдѣланными въ нашемъ отечествѣ филологіею до сего времени:

«Въ то самое время, какъ Эсхилъ сильно двигалъ умами и дѣйствовалъ на воображеніе величественною обстановкою, поднимался на греческой сценѣ Софоклъ. Софоклъ искалъ и нашелъ всѣ источники своего искусства въ глубокомъ знаніи человѣческаго сердца; вмѣсто фурій Эсхила вызвалъ онъ страсти человѣческія, стольже страшныя, стольже драматическія. Софоклъ не поражаетъ съ перваго раза, какъ Эсхилъ, потому что онъ владѣетъ спокойствіемъ совершенства. Надобно старательно изучать его непо-

*) См. Niebuhr Vorträge über alte Geschichte Zweiter Band. S. 55. Allgemeine Encyclopedie von Ersch und Gruber. — Pheidias S. 172.

дражаемыя творенія, чтобы почувствовать всю ихъ прелесть. То, что̀ составляетъ ихъ высшее достоинство, это типъ спокойной красоты, который воспроизводятъ передъ нами художественныя созданія греческой скульптуры. Та же самая идея, которую составили себѣ древніе о красотѣ, водила рукой Фидія и одушевляла геній Софокла, — и здѣсь-то та великая гармонія духовной жизни Грековъ, которой никогда не устанутъ удивляться. То, что̀ давало безсмертнымъ созданіямъ Софокла и Фидія это особенное выраженіе покоя, это было особенно убѣжденіе, которое имѣлъ художникъ въ томъ, что онъ достигъ своей цѣли. Древніе, которые такъ хорошо знали всѣ пружины человѣческаго сердца, искали въ произведеніяхъ искусства, какъ и въ самой жизни, того гармоническаго покоя, безъ котораго нѣтъ совершенной красоты; и въ этомъ-то отношеніи ставили они искусство жить во главѣ всѣхъ искусствъ. Всякій добросовѣстный человѣкъ, знакомый съ древнею литературой, безъ труда сознается, что ему надо было пройдти путь долгаго размышленія и долгой науки, чтобы проникнуться всѣми ея красотами; но если Софоклъ не ослѣпляетъ при первомъ взглядѣ, то онъ же знакомитъ насъ, послѣ внимательнаго размышленія, съ искусствомъ драматическимъ на его высшей ступени. Творенія его знаменитыхъ соперниковъ, разсматриваемыя какъ художественныя произведенія, иногда не доходятъ, иногда переходятъ линію; Софоклъ одинъ сталъ во всѣхъ частяхъ на ту точку, которая составляетъ совершенство. Онъ не оставилъ ничего посредственнаго; но если позволено выразить чувство предпочтенія одной изъ этого собранія красотъ, то я назначилъ бы «Электрѣ» пальму первенства. Ни въ одномъ другомъ произведеніи греческаго театра нельзя найдти такого величія въ мысляхъ и выраженіяхъ, такого согласія всѣхъ отдѣльныхъ частей, такого счастливаго соединенія всѣхъ тоновъ трагедіи. Первый хоръ, который открывается лирическою пѣснію Электры къ божествамъ свѣта и воздуха (ὦ φάος ἀγνὸν καὶ γῆς ἰσόμοιρος ἀήρ, и. т. λ.), сіяетъ первостепенными лирическими красотами. Если къ этимъ величественнымъ хорамъ присоединить нѣсколько хоровъ Аристофановыхъ, столь блестящихъ и въ то же время такъ мелодическихъ, какъ напр. хоры изъ комедіи «Птицы», то мы соберемъ все, что̀ поэзія лирическая можетъ дать самаго совершеннаго *).

Мы приведемъ еще другое мѣсто изъ того же сочиненія знаме-

*) Etudes de Philologie et de Critique, par M. Ouvaroff. Paris. 1845. Mémoire sur les tragiques grecs. pp. 331—2.

нитаго автора (стр. 327), гдѣ еще разъ оцѣнивается имъ трагическая лира Софокла: «Лирическая поэзія потеряла на сценѣ тотъ неопредѣленный и страстный характеръ, тотъ чисто-мѣстный колоритъ, къ которому она казалась дотолѣ осужденною. Она перестала въ то же время теряться въ облакахъ и путаться въ подробностяхъ. Она нашла наконецъ свои законныя границы и, вступивъ въ нихъ, увидѣла передъ собою путь неизмѣримый. Ставъ необходимою частію трагедіи, она пріобрѣла болѣе возвышенности, болѣе ясности, полетъ болѣе высокій и вѣрный, и, не переставая быть народною, стала болѣе религіозною. Она достигла своего истиннаго совершенства; ибо несомнѣнно, что истинно-художественныя произведенія лирической поэзіи находятся только на греческой сценѣ. Не Пиндаръ, а Софоклъ поднялъ лирическую поэзію до той возвышенности чувства и мысли, до той обаятельности языка, до той высоты образовъ, до тої увлекательной гармоніи, которыми отличаются лучшія мѣста въ трагическихъ хорахъ.»

С. Шестаковъ.

О НАЧАЛѢ РИМСКОЙ КОМЕДІИ.

У всѣхъ образованныхъ народовъ, литературѣ, въ собственномъ значеніи этого слова, литературѣ, которая является плодомъ личной художественной дѣятельности писателей, результатомъ большей или меньшей образованности общества, и иногда слѣдствіемъ посторонняго вліянія, предшествовала литература безъискусственная, въ которой также ярко отражается національность еще младенчествующаго народа и степень умственнаго его развитія. Къ сожалѣнію, эти отголоски глубокой древности не всегда доходятъ до отдаленнаго потомства въ письменныхъ памятникахъ, потому что большею частію живутъ въ устахъ народа и не рѣдко вмѣстѣ съ нимъ исчезаютъ. Иногда только сохраняются они въ твореніяхъ позднѣйшихъ писателей *) и служатъ зародышемъ, изъ котораго развивается литература съ характеромъ самобытнымъ и оригинальнымъ, какъ то было напримѣръ у Грековъ. Но случается также, что эти самородные, невольные проблески ума и фантазіи народа, только-что начинающаго свое историческое поприще, не находятъ сочувствія въ послѣдующихъ поколѣніяхъ и не достигаютъ надлежащаго развитія. Такъ было съ Римлянами, литература которыхъ, съ малыми исключеніями, осталась подражательною до позднѣйшаго времени.

Въ этомъ состоитъ, конечно, главное различіе между литературами обоихъ народовъ, которые считаются представителями классической древности. Общій характеръ развитія греческой литературы вездѣ представляетъ намъ строгую послѣдовательность; здѣсь все логически развилось и выработалось изъ предшествовавшихъ началъ. Не то у Римлянъ. Сильнымъ постороннимъ влія-

*) Такъ наприм. въ твореніяхъ Гомера и даже у греческихъ трагиковъ находимъ мы слѣды древнѣйшихъ народныхъ пѣсенъ. См. Koester: de cantilenis popularibus veterum Graec. Berol. 1831. Въ литературѣ Римлянъ, по мнѣнію Нибура, народныя пѣсни особенно ярко отразились въ Исторіи Тита Ливія.

ніемъ и слишкомъ уже практическимъ и матеріяльнымъ направленіемъ своего характера они были отвлечены отъ естественнаго, послѣдовательнаго пути въ литературномъ своемъ развитіи.

Вмѣстѣ съ другими отраслями своей литературы, Римляне получили и драму извнѣ, уже готовою. Между тѣмъ они имѣли всѣ средства въ самомъ началѣ своего литературнаго поприща создать національную драму, потому что какъ общественная ихъ жизнь, такъ и литературные ихъ начатки представляютъ тѣ же самые элементы, изъ которыхъ сложилась и развилась греческая драма. Нельзя, конечно, утверждать, чтобы изъ этихъ элементовъ у Римлянъ, при благопріятныхъ условіяхъ, выработалась такая же драматическая литература, какую встрѣчаемъ мы въ Греціи, — напротивъ римская драма съ характеромъ самобытности необходимо должна была проявить свой національный, оригинальный колоритъ; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что драматическія произведенія Римлянъ, при самобытномъ ихъ развитіи, уступали бы высокимъ созданіямъ греческихъ драматурговъ. Мы имѣли уже прежде случай разсмотрѣть тѣ элементы, изъ которыхъ могла сложиться римская трагедія *); — теперь посмотримъ, какія средства имѣли Римляне для созданія національной комедіи.

Эти средства, какъ мы увидимъ, были въ Римѣ такъ же обильны, какъ и въ Греціи. Вообще нужно замѣтить, что элементъ комисма былъ разлитъ во всѣхъ почти проявленіяхъ какъ частной, такъ и общественной жизни обоихъ народовъ классической древности, и шутка проявлялась у нихъ даже тамъ, гдѣ, по нашимъ понятіямъ, она не должна имѣть мѣста. Вспомнимъ, что комедія выработалась у Грековъ изъ тѣхъ же началъ, какъ и трагедія: религіозный вакхическій праздникъ былъ общимъ ихъ источникомъ, а самый контрастъ, въ которомъ находится комедія и трагедія, возникъ гораздо прежде этихъ отраслей литературы. Онъ является намъ вмѣстѣ съ литературою, или, еще вѣрнѣе, одновременно съ жизнію народовъ, въ которой на ряду съ высокимъ и прекраснымъ встрѣчаемъ мы во всѣ времена низкое, смѣшное и уродливое, невольно вызывающее насмѣшку. Считая необходимымъ всегда ставить римскую литературу въ параллель съ греческою, по тѣсной ихъ связи между собою, замѣчу, что, задолго до появленія комедіи въ собственномъ смыслѣ, комическій элементъ обнаружился въ Греціи въ другихъ ея древнѣйшихъ литературныхъ памятникахъ. Онъ ярко высказывается намъ напримѣръ въ той части Иліады, въ

*) См. статью «О судьбахъ римской трагедіи» въ Жур. Мин. Н. Пр. 1846, N 6.

которой дѣйствующимъ лицомъ является Θерситъ. Въ Одиссеѣ мы также встрѣчаемъ довольно комическихъ сценъ, въ особенности въ эпизодѣ о Полифемѣ и товарищахъ Улисса. На эту сцену по справедливости можно смотрѣть, какъ на первые проблески сатирической драмы, которая позже является въ тѣсной связи съ греческою трагедіей. Гомеру также вся древность приписывала небольшую сатирическую поэму «Маргитъ» (*Μαργείτης*), на которую Аристотель въ «Поэтикѣ» смотритъ, какъ на первообразъ греческой комедіи. Дѣйствительно «Маргитъ», сколько можно судить по немногимъ, дошедшимъ до насъ, отрывкамъ изъ этого произведенія, представлялъ много комическаго элемента. Это было изображеніе самодовольной глупости человѣка, который «многое зналъ, но зналъ все худо.» *) Въ древности Гомеру приписывали много и другихъ шуточныхъ поэмъ. Въ поэмахъ Гесіода насмѣшкѣ также данъ просторъ, но здѣсь она уже начинаетъ утрачивать спокойный свой характеръ и наконецъ переходитъ въ неистовую брань въ ямбахъ Архилоха, котораго считали въ древности лучшимъ поэтомъ послѣ Гомера.

Но обратимся къ Римлянамъ, съ которыми мы теперь исключительно имѣемъ дѣло. Мы увидимъ, что въ тотъ долгій періодъ развитія римской литературы, когда она оставалась совершенно свободною отъ вліянія Грековъ, и который, по справедливости, можетъ быть названъ италіійскимъ, Римляне сдѣлали многое, изъ чего могла развиться національная ихъ комедія. Но прежде нежели перейдемъ къ разсмотрѣнію литературныхъ памятниковъ этой ранней эпохи, въ которыхъ отразился комическій элементъ, взглянемъ, какъ много способствовала развитію его самая жизнь Римлянъ, какъ общественная, такъ и частная.

Нужно замѣтить, что веселость и страсть къ шуткамъ составляла вообще отличительный характеръ большей части племенъ, населявшихъ древнюю Италію. Этотъ характеръ долженъ былъ естественно очень рано отразиться въ жизни и въ литературѣ Римлянъ, къ которымъ, какъ въ центръ, стекались различными путями всѣ особенности древнихъ обитателей Италіи, слившихся съ ними мало по малу въ одинъ народъ. Дѣйствительно, въ жизни Римлянъ шуткѣ и насмѣшкѣ данъ былъ, можетъ-быть, уже слишкомъ большой просторъ. Доказательствомъ тому служитъ брань, которою солдаты преслѣдовали полководцевъ, съ тріумфомъ въѣзжавшихъ въ Римъ, и пасквили на Цезарей, неоднократно приводимые Свето-ніемъ. Эта наклонность римскаго характера выразилась также въ

*) *Πόλλ' ἠπίσατο ἔργα, κακῶς δ' ἠπίσατο πάντα.*

страсти къ шутамъ и параситамъ, которые, къ большому удовольствію и даже образованныхъ Римлянъ, старались перещеголять одинъ другаго своими остротами *); во множествѣ прозвищъ, заимствованныхъ отъ тѣлесныхъ недостатковъ, и наконенъ вообще въ страсти къ насмѣшкамъ и оскорбленіямъ, которыя дошли до того, что децемвиры почли нужнымъ остановить этотъ порывъ веселости и сатиры однимъ изъ законовъ XII Таблицъ, подвергавшимъ нарушителей его строгой отвѣтственности **).

Такія шутки особенно были въ ходу въ праздничные дни, послѣ сбора винограда и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, когда римская молодежь имѣла обычай издѣваться другъ надъ другомъ подъ настоящими, или вымышленными именами, и, по свидѣтельству древнихъ писателей, была неистощима въ своихъ импровизированныхъ, стихотворныхъ пасквиляхъ. Въ этихъ безъискуственныхъ импровизаціяхъ, которыми и теперь отличаются Итальянцы, долженъ былъ заключаться первый элементъ, начало или первообразъ римской комедіи, тѣмъ болѣе, что онѣ имѣли форму діалога—особенность, которою отличалась большая часть памятниковъ древнеиталійской поэзіи, напримѣръ гимны арвальскихъ братьевъ и проч. Эти шутки римскихъ земледѣльцевъ совершенно напоминаютъ намъ собою тѣ, которыми сопровождался въ Греціи древній культъ Вакха; онѣ совершенно соотвѣтствуютъ тѣмъ экспромтамъ (αὐτοσχεδιάσματα), изъ которыхъ, по словамъ Аристотеля (de poet. c. 4), возникли въ Греціи трагедія и комедія. Въ Италіи было то же самое. Изъ этихъ веселыхъ и необузданныхъ пасквилей образовались у разныхъ племенъ древней Италіи первые начатки національной драмы: у Осковъ ателланы, у Римлянъ сатира, у Сицилійцевъ и греческихъ колонистовъ южной Италіи тѣ виды комедіи, которымъ въ послѣдствіи окончательную форму придали Эпихармъ и Ринѳонъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что начало драмы было у Римлянъ то же самое, какъ и у Грековъ; но у Грековъ этотъ первоначальный драматическій элементъ получилъ развитіе, между тѣмъ какъ Римляне остались при немъ до самой эпохи искусственной драмы Ливія Андроника, несмотря на то, что условія для ея развитія были у нихъ тѣ же самыя, какъ и въ Греціи. Если мы обратимся къ религіи, съ которою въ классической древности тѣсно было связано происхожденіе драмы, то увидимъ, что Римляне имѣли

*) Horat. Sat. I. 5, v. 51 sqq. приводитъ подобное состязаніе двухъ шутовъ.

**) На этотъ законъ, который, къ счастію, сохранился до нашего времени въ книгахъ Блаженнаго Августина de Civ. D. II. 9. указываетъ Cic. Tusc. IV, 2 и Horat. Epist. II, 1. v. 145 sqq.

тѣ же самые праздники, какіе мы встрѣчаемъ въ древней Греціи. Большая часть этихъ праздниковъ, съ незапамятнаго времени учрежденныхъ Римлянами въ честь Сатурна, Цереры и другихъ Олимпіійцевъ, равно какъ и въ честь представителей древнеиталій-скаго культа, сопровождались въ Италіи необузданною весело-стію, хорами, плясками, однимъ словомъ, тѣмъ же разгуломъ и духовнымъ опьяненіемъ, которыми отличались въ Греціи празд-ники Вакха *). Эта шумная и непристойная веселость, совершенно несовмѣстимая, по нашимъ понятіямъ, съ религіею, дотого была въ характерѣ Римлянъ, что Сервій (въ примѣчаніяхъ къ Virg. Georg. II, 385) смотритъ на нее, какъ на необходимую принадлеж-ность римскаго культа. И сколько комическаго элемента заклю-чали въ себѣ множество забавныхъ исторій и разказовъ о рим-скихъ богахъ, которыя распространены были въ народѣ и повто-рялись имъ во время этихъ праздниковъ! Этими баснями, которыя отчасти собраны Овидіемъ въ его Fasti, дѣйствительно восполь-зовались въ послѣдствіи, какъ мы увидимъ, римскіе ателланисты. Волокитство боговъ играло первую роль въ этихъ басняхъ. То сладо-страстный Силенъ подкрадывается къ спящей нимфѣ и думаетъ, что цѣль его уже достигнута, но внезапный крикъ осла портитъ все дѣло; то разочарованный Фавнъ чувствуетъ, что онъ крѣпко ошибся на счетъ пола той особы, которой онъ готовился расто-чить свои любовныя ласки; то наконецъ Марсъ видитъ себя въ объятіяхъ старухи Анны Перенны въ то время, когда онъ вооб-ражалъ, что ласкаетъ Минерву.

Такимъ образомъ самый характеръ религіозныхъ праздниковъ въ древнемъ Римѣ располагалъ къ веселости и къ необузданнымъ шуткамъ, которыя отъ боговъ вскорѣ обратились и на людей. Изъ такихъ шутокъ, которыя происхожденіемъ своимъ обязаны были преимущественно сельскимъ праздникамъ, болѣе другихъ извѣстны намъ фесценнины (versus Fescennini, и также Saturnii для озна-ченія ихъ глубокой древности). Они также имѣли характеръ ан-тифонной поэзіи, потому что представляли собою импровизирован-ный діалогъ, и относились слѣдовательно къ разряду такъ назы-ваемыхъ *carmina* и или *versus amoebaci* (ἀμοιβαίων ἀείδειν). Въ древности существовали два производства названія фесцен-нинъ, которыя приводитъ Фестъ въ извѣстномъ мѣстѣ своего лек-

*) О религіозныхъ праздникахъ древнихъ Римлянъ, изъ которыхъ могло развиться у нихъ драматическое искусство, подробно говоритъ Стиве въ сочиненіи своемъ: De rei scenicae apud Romanos origine. Berol. 1828, стр. 14 и слѣд.

сикона. «Фесценнинскіе стихи», говоритъ Фестъ, «которые пѣлись во время свадебъ, принесены, по преданію, изъ города Фесценніи, или названы такъ потому, что считались отвращающими fascinum, т. е. чары (худой глазъ, заговоръ и т. п.).»* Большая часть новѣйшихъ ученыхъ держалась перваго производства названія фесценнинъ, и только въ послѣднее время вторая этимологія этого слова нашла себѣ жаркихъ защитниковъ. Вообще, говоритъ К о р с е н ъ **, въ древности былъ обычай относить начало различныхъ учрежденій къ извѣстнымъ личностямъ и мѣстностямъ, и потому этимологіи, соединенныя съ названіями городовъ и людей, должно принимать съ большою осторожностію. Самый характеръ фесценнинъ, продолжаетъ К о р с е н ъ, совершенно въ духѣ Римлянъ и вообще въ духѣ древнихъ обитателей Италіи, и потому происхожденіе ихъ не можетъ быть ограничено мѣстностію. Къ тому же, какъ могъ такой обычаій проникнуть въ Римъ изъ городка до того ничтожнаго, что если бы не было рѣчи о его стихахъ, то объ немъ совсѣмъ не было бы рѣчи? Если уже дѣйствительно фесценнины этрусскаго происхожденія, то онѣ гораздо скорѣе могли проникнуть въ Римъ изъ Фалерій, Вей, или изъ другаго какого-нибудь значительнаго города Этруріи, съ которымъ Римляне были въ постоянныхъ сношеніяхъ.

Мнѣніе К о р с е н а, которое мы представили читателямъ, не отличается особенною вѣрностію. Въ этой же книжкѣ «Пропилеевъ» мы будемъ имѣть случай говорить объ ателланахъ, особой отрасли римской сценической литературы, которая, какъ мы увидимъ, также получила свое названіе отъ незначительнаго города Кампаніи. Но другія соображенія, гораздо болѣе нежели доводы К о р с е н а, заставляютъ насъ сомнѣваться въ этрусскомъ происхожденіи фесценнинъ. Сервій (ad Aen. VII, v. 695) утверждаетъ, что въ Кампаніи былъ также городъ Фесценнія, и предположеніе о кампанскомъ происхожденіи фесценнинъ имѣетъ на своей сторонѣ то преимущество, что необузданная веселость, которою отличалась эта отрасль древней италійской поэзіи, совершенно не была въ духѣ важныхъ Этрусковъ, народа, замѣтнаго своимъ созерцательнымъ и мрачнымъ характеромъ ***.

---

*) Fest. s. v. Fescennini: „Fescennini versus, qui canebantur in nuptiis, ex urbe Fescennia dicuntur allati, sive ideo dicti, quia fascinum putabantur arcere.“

**) Corssen Origines poesie romanae. Berol. 1846 стр. 127.

***) Я замѣтилъ уже, что нѣкоторые изъ новѣйшихъ ученыхъ слѣдуютъ второму производству названія фесценнинъ, которое приводитъ

Трудно сказать что-нибудь положительное о содержаніи фесценнинъ, потому что эти импровизаціи скоро оканчивали свое эфемерное существованіе и не сохранились до послѣдующихъ вѣковъ, когда Римляне стали дорожить памятниками своей древней литературы. Извѣстно только, что отличительнымъ характеромъ фесценнинъ была насмѣшка, брань и отсутствіе всякаго приличія въ выраженіяхъ. Фесценнины обязаны своимъ происхожденіемъ шуткамъ поселянъ, или земледѣльцевъ (Horat. Epist. II, 1, 139 v. sqq.), которые послѣ окончанія жатвы, или во время сбора винограда, увлеченные порывомъ веселости, имѣли обычай преслѣдовать другъ друга насмѣшками и остротами, на которыя тотчасъ же былъ готовъ отвѣтъ *). Всѣ согласны въ томъ, что въ этой перебранкѣ, въ которой, конечно, выставлялись всѣ слабости и недостатки противной стороны, заключалось много комическаго элемента, и потому не безъ основанія смотрятъ на фесценнины, какъ на зародышъ римской національной комедіи.

Подъ названіемъ carmina или versus fescennini въ послѣдствіи начали разумѣть свадебныя пѣсни, впрочемъ потому, что послѣднія своимъ нецѣломудреннымъ характеромъ ближе всего подходили къ безцеремоннымъ шуткамъ древнихъ италійскихъ земле-

---

Фестъ, т. е. отъ слова *fascinum*. Оно, очевидно, происходитъ отъ глагола *fari* — говорить, и потому совершенно соотвѣтствуетъ нашему слову *наговоръ*. Потому выраженіе Феста *fascinum arcere* значитъ отвратить, или уничтожить наговоръ, т. е. порчу, худой глазъ и т. п. Такимъ образомъ по этой этимологіи выходитъ, что фесценнины считались талисманомъ противъ наговора, порчи и проч. Отсюда fascinum значитъ также фаллусъ, потому что фаллусъ считался также талисманомъ. Теперь понятно также, какое значеніе имѣлъ въ древнеиталійской миѳологіи *Fascinus*, которому Весталки приносили жертвы, и изображеніе котораго Римляне ставили въ садахъ и на домашнихъ очагахъ, а дѣти, какъ талисманъ, носили на шеѣ.

*) Обычай импровизировать шутливые діалоги въ стихахъ сохранился и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ южныхъ странахъ между простымъ народомъ. Не знаю, существуетъ ли теперь этотъ обычай въ Италіи, но вотъ что̀ случилось мнѣ читать объ импровизаціяхъ португальскихъ крестьянъ, которыя совершенно напоминаютъ намъ собою римскія фесценнины: «C'est une chose amusante que de suivre par un jour de fête un troupe de paysans, retournant à leur village. Parés de leurs habits du dimanche, le chapeau décoré de rubans et de fleurs, et la guittare en main, ils prêtent l'oreille aux vers que l'un d'entre eux *improvise* et qu'il chante en s'accompagnant de son instrument. Ils font chorus avec lui, ils achèvent le vers qu'il a commencé, ils se repondent les uns aux autres au milieu des rires et des applaudissements. Revue britannique. Novembre 1844 въ статьѣ: Le Portugal en 1844 стр. 85.

дѣльцевъ *). Подобныя же шутки искони существовали въ самомъ Лаціумѣ и не были заимствованы жителями этой части Италіи ни у одного изъ сосѣднихъ народовъ. Изъ нихъ, какъ мы увидимъ, образовалась сатира, особый родъ римской національной комедіи, не долго впрочемъ удержавшійся на римской сценѣ.

Но введенію сценическихъ представленій въ Римѣ, изъ которыхъ могла образоваться народная, національная драма, особенно способствовало одно обстоятельство, о которомъ подробно разказываетъ Ливій (VII, 2) въ одномъ изъ трудныхъ и темныхъ мѣстъ своей Исторіи. Легко составить, какъ совершенно справедливо замѣтилъ Стиве, цѣлый фоліантъ изъ замѣчаній и конъектуръ, которыя были написаны по поводу означенной нами главы въ Исторіи Тита Ливія. Не приводя всѣхъ этихъ замѣчаній, мы, съ своей стороны, представимъ здѣсь объяснительный переводъ этого мѣста, дѣлая отступленія отъ текста тамъ, гдѣ онъ, по нашему мнѣнію, требуетъ комментарія.

Въ исходѣ IV-го вѣка (въ 390 году отъ основанія города или въ 361 г. до Р. Хр.), въ консульство А. Сульпиція Петика и К. Лициніа Столона, свирѣпствовала въ Римѣ, по словамъ Тита Ливія, ужасная моровая язва. Когда всѣ средства умилостивить боговъ были истощены, Римляне обратились къ Этрускамъ, — къ народу, къ которому они уже и прежде такъ часто обращались за совѣтомъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ или во время опасности **). И въ настоящемъ случаѣ, не для увеселенія народа,

---

*) Стиве въ приведенномъ мѣстѣ другимъ образомъ объясняетъ причину, по которой фесценнины получили значеніе свадебныхъ пѣсней. Между суевѣрными представленіями древнихъ Итальянцевъ, говоритъ онъ, были также частыя превращенія одного пола въ другой. Думали, что, вслѣдствіе паговора, женщинѣ, въ самый день свадьбы, легко было превратиться въ мущину и наоборотъ. Фесценнины считались хорошимъ средствомъ для отвращенія подобныхъ непріятныхъ метаморфозъ, и потому вошло въ обычай пѣть ихъ въ день свадьбы. Въ смыслѣ свадебныхъ пѣсенъ фесценнины никогда не выводились изъ римской литературы до послѣдняго времени императоровъ. Между стихотвореніями одного изъ самымъ послѣднихъ поэтовъ Рима, Клавдія Клавдіана, который жилъ уже при Ѳеодосіи и дѣтяхъ его, Аркадіи и Гоноріи (около 359 г.), мы находимъ также фесценнины на свадьбу Гонорія и Маріи (in nuptias Honorii et Mariæ Fescennina).

**) Римляне обращались къ этрусскимъ прорицателямъ и гадателямъ всякій разъ, какъ нужно было узнать или объяснить волю боговъ, чему очень много примѣровъ въ Исторіи Тита Ливія. Вообще этрусское образованіе играло въ первое время въ Римѣ такую же роль,

а для умилостивленія боговъ (inter alia cœlestis iræ placamina), Римляне ввели у себя этрусскія сценическія представленія и съ этою цѣлію пригласили къ себѣ изъ Этруріи людіоновъ (ludiones), или актеровъ *). Эти сценическія представленія этрусскихъ людіоновъ исключительно состояли изъ танцевъ и не сопровождались ни діалогомъ, ни пѣніемъ, ни музыкою. Этрусская пляска, говоритъ Ливій, не сопровождалась даже соотвѣтственною мимикою, которая хоть сколько-нибудь придавала бы ей выраженіе: это были просто мѣрныя движенія и повороты тѣла, не лишенные, впрочемъ, граціи (haud indecoros motus), это былъ простой національный танецъ важныхъ Этрусковъ,—который, какъ кажется, остался въ Римѣ и по прошествіи язвы, потому что, вѣроятно, понравился народу. Римская молодежь (juventus), продолжаетъ Ливій, вскорѣ выступила на сцену съ пародіею на религіозный этрусскій танецъ **) и присоединила къ нему слова и соотвѣтственную мимику. Этотъ текстъ, который такимъ образомъ присоединенъ былъ къ этрусской пляскѣ, состоялъ изъ импровизированныхъ, грубыхъ шутокъ, выраженныхъ въ безъискуственныхъ стихахъ, которые своимъ характеромъ, по свидѣтельству Ливія, совершенно подходили къ прежнимъ фесценнинамъ. Религіозный характеръ этрусской религіозной церемоніи нисколько не профанировался

какую въ послѣдствіи греческое. Римляне заняли весьма многое изъ религіозныхъ и политическихъ учрежденій Этрусковъ и, сознавая ихъ умственное превосходство надъ собою, нерѣдко, особенно въ первое время, отдавали имъ дѣтей своихъ на воспитаніе. Я имѣю свидѣтельства, говоритъ Т. Ливій (IX, 36.), что въ то время (т. е. около времени войнъ Римлянъ съ Этрусками) римскіе юноши точно такъ же изучали этрусскія науки, какъ теперь греческія. Это образованіе главнымъ образомъ было направлено къ изученію религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ этрусскихъ, какъ можно заключить изъ словъ Валерія Максима (I, I. § 1), гдѣ онъ говоритъ, что десять молодыхъ людей изъ самыхъ знатныхъ римскихъ фамилій постоянно, по опредѣленію сената, отдавались Этрускамъ на воспитаніе «percipiendae sacrorum disciplinae gratia». Т. Ливій неоднократно говоритъ объ этрусскихъ школахъ, въ которыхъ, какъ я уже сказалъ, получали свое образованіе Римляне. Такъ (въ IX, 36.) онъ говоритъ о Фабіи Цезонѣ, или, по мнѣнію другихъ, о Клавдіи: «Cære educatus apud hospites, Etruscis inde literis eruditus erat, linguamque Etruscam bene noverat.» Ср. Liv. V, 27.

*) Валерій Максимъ, который (II, 4, § 4) сдѣлалъ извлеченія изъ разбираемаго нами мѣста Т. Ливія, говоритъ объ этомъ нѣсколько иначе.

**) Такъ, безъ сомнѣнія, нужно понимать выраженіе Т. Ливія «imitari deinde eos juventus.«—Это подражаніе (imitatio) состояло въ обращеніи въ смѣшную сторону важной и степенной этрусской пляски.

этою примѣсью фесценнинъ, потому что, какъ мы уже замѣтили, у народовъ классической древности мы нерѣдко не находимъ никакой грани между шуткою, разгуломъ и религіею. Если съ этими шутками римской молодежи нельзя еще соединять представленія о драмѣ и драматическомъ дѣйствіи, то, съ другой стороны, нельзя также не согласиться съ тѣмъ, что въ этихъ грубыхъ импровизаціяхъ выразился зародышъ и первообразъ римской драмы, изъ котораго, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, легко могла развиться національная римская комедія. Во всякомъ случаѣ это былъ первый шагъ къ дальнѣйшему развитію римской драмы; другимъ шагомъ было то, что вскорѣ образовалось въ Римѣ особенное сословіе актеровъ, которые, какъ говоритъ Ливій, названы были этрусскимъ именемъ гистріоновъ *). Появленіе людей, которые исключительно посвящали себя сценическому искусству, должно было имѣть благодѣтельное вліяніе на дальнѣйшее развитіе его въ Римѣ. Дѣйствительно, съ этого времени исчезли съ римской сцены грубыя импровизированныя фесценнины, и образовался особый родъ театральныхъ пьесъ, которыя были названы сатурами или сатирами. Драматическая сатира не походила на прежнія фесценнины уже тѣмъ, что не имѣла характера *антифонной поэзіи* (versus amoebæi). Кромѣ того драматическая сатира уже не могла быть импровизаціею, потому что ея текстъ и метры должны были соотвѣтствовать мимикѣ и акомпанименту (impletas modis saturas, descripto jam ad tibicinem cantu motuque congruenti peragebant).

Такъ образовалась драматическая сатира, чисто римскій національный продуктъ, который не имѣетъ ничего общаго ни съ сатирическою драмою (drama satyricum) древнихъ Грековъ, ни съ позднѣйшею дидактическою сатирою Эннія, Варрона, Луцилія и проч. Въ римской сатирѣ все національное, начиная съ названія **). Сценическіе фарсы, представлявшіе пестрый наборъ словъ

---

*) Слово *histrio* произошло, какъ говоритъ Т. Ливій, отъ этрусскаго *hister,* съ прибавленіемъ окончанія древнелатинскаго слова ludio.— Этрусское слово hister очевидно происходитъ отъ греческаго корня и имѣетъ аналогію съ латинскимъ словомъ *instar,* или съ древнею его формою *istar*.—Всѣ эти слова, безъ сомнѣнія, ведутъ свое начало отъ ἴσος, ἰσόω, откуда ἰσωτήρ и сокращенно ἰϛήρ, соотвѣтствующее латинскому *assimilator.*

**) Потому Рамбахъ въ своихъ примѣчаніяхъ къ извѣстному сочиненію Казаубона: De satyr. Graec. p. et sat. Rom. II. стр. 181 очень несправедливо смѣшиваетъ римскую драматическую сатиру съ греческою сатирическою драмою. — Въ греческой сатирической

и шутокъ, безъ всякаго драматическаго содержанія и единства, названы были сатирою въ первоначальномъ значеніи этого древнелатинскаго слова, какъ опредѣляетъ его Фестъ въ своемъ лексиконѣ **). Драматическая сатира была послѣднею ступенью въ развитіи народной римской комедіи и прямо предшествовала появленію на римской сценѣ искусственной драмы. Спустя 120 лѣтъ послѣ того, какъ этрусскіе гистріоны были призваны въ Римъ, и нѣсколько лѣтъ (post aliquot annos) по введеніи драматической сатиры, явился на римской сценѣ Ливій Андроникъ (514 г.), который, по свидѣтельству Тита Ливія, придалъ содержаніе простымъ, безъискусственнымъ фарсамъ, а потомъ своими передѣлками, или переводами первый началъ знакомить римскую публику съ изящными произведеніями греческаго репертуара.

Но обратимся къ самымъ словамъ римскаго историка, которыя подали поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ и ошибкамъ. Ливій Андроникъ, разказываетъ Титъ Ливій, который *послѣ* простыхъ *сатиръ* первый рѣшился придать содержаніе комедіи (qui ab saturis ausus est primus argumento fabulam serere), подобно другимъ современнымъ ему драматургамъ, самъ выходилъ на сцену въ своихъ пьесахъ. Послѣ того какъ, продолжаетъ Титъ Ливій, отъ частыхъ повтореній и вызововъ онъ охрипъ, то испросилъ себѣ позволеніе поставить на сценѣ передъ флейщикомъ мальчика для пѣнія (puerum ad canendum), послѣ чего онъ могъ сопровождать это пѣніе болѣе оживленными движеніями, потому что уже не имѣлъ необходимости присоединять къ нимъ голосъ (т. е. онъ освобожденъ былъ послѣ этого отъ необходимости плясать и пѣть въ одно и то же время).

Всѣ ученые, писавшіе о римской драмѣ, относятъ это мѣсто

драмѣ необходимыми дѣйствующими лицами были сатиры, отъ которыхъ она и получила свое названіе, между тѣмъ какъ римская сатира, какъ видно изъ словъ Феста, имѣетъ совершенно другую этимологію. Кромѣ того сатирическая драма имѣла опредѣленное содержаніе и особенный характеръ, который отличалъ ее отъ другихъ пьесъ греческаго репертуара, а драматическая сатира Римлянъ, какъ мы уже замѣтили, не имѣла никакого содержанія и представляла не болѣе какъ наборъ безъискуственныхъ шутокъ.

**) Satura est cibi genus ex variis rebus conditum, ut est lex multis aliis conserta legibus. Quidam dicunt esse genus carminis, ubi de multis disputatur.» — Замѣчательно, что и теперь въ Италіи подобныя безъискусственныя пьесы называются именемъ, совершенно соотвѣтствующимъ древнеримскому слову *satura*. Итальянское слово *farsa*, происходящее отъ латинскаго глагола *farcio*, означаетъ собственно какъ и латинское слово satura, смѣсь изъ разныхъ предметовъ.

Тита Ливія къ греческимъ пьесамъ, которыя, какъ мы уже замѣтили, Ливій Андроникъ перенесъ на римскую сцену, и до сихъ поръ спорятъ о томъ, была ли первая пьеса, поставленная Ливіемъ Андроникомъ, въ 514 г., на римскую сцену, греческая комедія, или трагедія *). Что̀ касается до насъ, то въ приведенныхъ словахъ Тита Ливія мы не видимъ даже намека о греческихъ пьесахъ, требовавшихъ, конечно, лучшей обстановки, нежели та, о которой сообщаетъ намъ римскій историкъ. Первыя пьесы Ливія Андроника, судя по словамъ Тита Ливія, скорѣе напоминаютъ намъ собою драматическіе опыты Ѳесписа, нежели позднѣйшую греческую драму въ эпоху ея процвѣтанія. Во всякомъ случаѣ можно, кажется, положительно утверждать, что до своихъ передѣлокъ пьесъ греческаго репертуара, Ливій Андроникъ вышелъ на римскую сцену съ фарсами въ родѣ извѣстной уже драматической сатиры. Я долженъ былъ остановиться нѣсколько далѣе на этомъ доказательствѣ потому, что имъ достаточно опровергается мнѣніе Ланге, Регеля и другихъ безусловныхъ защитниковъ римской трагедіи, которые обыкновенно приводятъ означенное мѣсто Тита Ливія въ доказательство тому, какъ греческая трагедія съ самаго начала понравилась римской публикѣ. Не только греческая трагедія, но даже греческая комедія въ римской передѣлкѣ никогда не находила полнаго сочувствія въ большинствѣ посѣтителей римскаго театра **). Напротивъ нововведеніе, сдѣланное иностранцемъ и при томъ рабомъ ***), не могло понравиться Римлянамъ. Нелюбовь большинства посѣтителей римскаго театра того времени ко всему, что̀ не походило на безъискусственные фарсы, простиралась до того, что греческія пьесы, передѣланныя, или просто переведенныя для римской сцены Ливіемъ Андроникомъ, возбудили сильную реакцію въ пользу прежнихъ фарсовъ, которые есте-

---

*) Осаннъ (Osannus) въ своихъ Analecta crit. стр. 49 утверждаетъ, что первою пьесою Ливія Андроника на римской сценѣ была комедія. Невѣрность этого мнѣнія старается показать Дёленъ въ сочиненіи своемъ: de vita Liv. Andronici, стр. 45. Другіе, какъ Фр. Якобсъ въ извѣстномъ своемъ разсужденіи о трагедіяхъ Сенеки, склоняются въ пользу мнѣнія, что Ливій Андроникъ началъ свое драматическое поприще въ Римѣ передѣлкою на латинскій языкъ греческой трагедіи.

**) Подробнѣе объ этомъ изложено въ моей статьѣ: «О судьбахъ римской трагедіи».

***) Ливій Андроникъ былъ Грекъ, родомъ изъ Тарента. Въ Римѣ онъ сдѣлался рабомъ и въ то же время воспитателемъ дѣтей Ливія Салинатора, одного изъ римскихъ сенаторовъ, за что отпущенъ былъ имъ въ послѣдствіи на волю.

ственно нравились народу, какъ все старинное и національное. «Послѣ того какъ (продолжаетъ Титъ Ливій) этимъ учрежденіемъ (т. е. нововведеніями Ливія Андроника) сценическія представленія Римлянъ отклонились отъ смѣшнаго и безъискусственной шутки, и простая забава мало по малу превратилась въ искусство, молодежь (juventus), предоставивъ разыгрывать драматическія пьесы гистріонамъ, сама, слѣдуя старинному обычаю, начала представлять на сценѣ смѣшные стихотворные фарсы, которые названы были въ послѣдствіи *экзодіями* (exodia) и слились въ одно преимущественно съ ателланами» (consertaque fabellis potissimum Atellanis sunt *). Эти любимые народомъ фарсы, которые римская молодежь, по свидѣтельству Тита Ливія, удержала на римской сценѣ, были, конечно, старинныя фесценнины, или, вѣрнѣе, драматическая (фесценнинская) сатира, которая, какъ мы видѣли, обязана была имъ своимъ происхожденіемъ и отличалась отъ нихъ развѣ только болѣе гладкимъ стихомъ и аккомпаниментомъ. Какъ долго драматическая сатира удержалась подъ настоящимъ своимъ названіемъ на римской сценѣ, неизвѣстно. Ливій прибавляетъ только, что фарсы римской молодежи названы были въ послѣдствіи экзодіями. Изъ разказа Тита Ливія видно также, что ателланы появились на римской сценѣ уже послѣ *греческой* драмы, введенной Ливіемъ Андроникомъ. Такимъ образомъ мы должны принять, что въ вѣкъ Ливія Андроника Римляне сначала взялись за свои старинныя фесценнины, и когда замѣтили, что онѣ слишкомъ уже грубы и просты въ сравненіи съ греческими пьесами, составленными по правиламъ искусства, то обратились къ ателланамъ, имѣвшимъ опредѣленный характеръ, и потому подходившимъ до нѣкоторой степени къ греческой комедіи.

Наконецъ изъ словъ Тита Ливія мы видимъ, что со времени Ливія Андроника появился на римской сценѣ новый родъ пьесъ, названныхъ экзодіями. Экзодіи совершенно соотвѣтствуютъ нашему дивертисементу, потому что давались на римской сценѣ въ заключеніе спектакля. Такое назначеніе этого рода пьесъ ясно видно уже изъ самой этимологіи слова exodium (ἔξόδιον), которое озна-

*) Алшевскій въ своемъ изданіи Тита Ливія вмѣсто *consertaque sunt* предлагаетъ чтеніе *conservataque sunt*. Тогда смыслъ будетъ тотъ, что экзодіи сохранились, т. е. дошли до Августова вѣка преимущественно въ ателланахъ. Но нѣтъ нужды въ этой конъектурѣ, потому что и общепринятое чтеніе consertaque sunt представляетъ то же значеніе. Если экзодіи слились въ одно съ ателланами, то, разумѣется, и сохранились въ этой отрасли римской сценической литературы.

чаетъ исходъ, конецъ, заключеніе, какъ объясняетъ его и Фестъ въ своемъ лексиконѣ *. Exodium, слѣдовательно, есть общее названіе, подъ которымъ Римляне разумѣли всѣ пьесы, дававшіяся подъ конецъ представленія, и въ этомъ смыслѣ экзодіями могутъ быть названы и ателланы, равно какъ и позже явившіяся мимы и пантомимы **.

Мы разсмотрѣли тѣ, если не чисто римскіе, то по крайней мѣрѣ италійскіе элементы, изъ которыхъ могла и должна была образоваться римская національная комедія. Но несмотря на все это богатство элементовъ для развитія національной комедіи, Римляне въ началѣ VI-го вѣка отъ основанія города, заимствовали и ее, вмѣстѣ съ другими отраслями своей литературы, отъ Грековъ. Въ это время, какъ мы уже замѣтили, римская комедія, подобно трагедіи, также началась рабскимъ подраженіемъ греческимъ образцамъ. Конечно, комедія гораздо лучше принялась на римской сценѣ и достигла въ Римѣ гораздо бо́льшаго развитія, нежели трагедія, несмотря на свой первоначально греческій колоритъ. Къ тому же первые римскіе комики взяли для себя за образцы представителей *новой* греческой комедіи: Менандра, Филемона, Дифилла, Аполлодора и другихъ, которые преслѣдовали въ своихъ комедіяхъ пороки, общіе какъ Грекамъ, такъ и Римлянамъ, и брали содержаніе для своихъ произведеній изъ ежедневной жизни, не придавая имъ политическаго характера, не наполняя ихъ, подобно писателямъ *старой* комедіи, намеками и бранью на лица, по чему нибудь пользовавшіяся въ Аѳинахъ значеніемъ, и которыя для большинства Римлянъ были столь же чужды, какъ боги и герои греческой миѳологіи. При всемъ томъ національный элементъ долженъ былъ высказаться въ римской комедіи, которая вскорѣ отступила отъ своихъ греческихъ образцовъ и приняла національное направленіе, заимствуя содержаніе для себя изъ римской жизни. Другими словами *comoedia* (или fabula) *palliata* вскорѣ превратилась въ *togata*, которая имѣла, какъ видно, много даровитыхъ представителей въ римской литературѣ и могла выставить цѣлый рядъ прекрасныхъ, чисто національныхъ произведеній, большею частію, къ сожалѣнію, безвозвратно для насъ утраченныхъ. Но и въ этомъ видѣ римская національная комедія слѣдовала болѣе или менѣе греческимъ образцамъ и притомъ не долго продолжала существованіе свое на рим-

*) Fest. Exodium—exitus.

**) Стиве, въ упомянутомъ нами сочиненіи, стр. 47, старается доказать, что *exodia* означали не цѣлыя пьесы, но отдѣльныя въ нихъ остроты — то, что̀ Римляне называли *dicteria*.

ской сценѣ. Подъ конецъ республики и въ началѣ періода имперіи она должна была уступить свое мѣсто мимамъ, пантомимамъ и другимъ фарсамъ, которые только смѣшили народъ и были ничтожны въ литературномъ отношеніи.

Но мы только мимоходомъ касаемся здѣсь послѣдующей судьбы римской комедіи; мы хотѣли только показать, какое прекрасное, многообѣщавшее начало имѣла она въ Римѣ. Національный комическій элементъ очень рано и ярко, какъ мы видѣли, выразился въ фесценнинахъ и въ драматической сатирѣ, но самостоятельно развился только въ одной отрасли древнеримской сценической литературы, памятники которой, хотя и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, сохранились, къ сожалѣнію въ самыхъ незначительныхъ отрывкахъ, до нашего времени. Я разумѣю ателланы, съ которыми, по словамъ Ливія, слились римскія экзодіи.

Итакъ, ателланы принадлежатъ также къ первымъ попыткамъ Римлянъ въ драматическомъ искусствѣ; но вопросъ о нихъ представляетъ столько особенностей, что мы считаемъ нужнымъ разобрать его въ отдѣльной статьѣ.

Н. Благовѣщенскій.

АТЕЛЛАНЫ.

Съ именемъ ателланъ открывается намъ весьма замѣчательная отрасль народной драматической литературы Римлянъ, возникшая въ то время, когда жители Лаціума и другія италійскія племена оригинально и самобытно развивали свою національность. Ателланы — единственная отрасль національной римской комедіи, которая съ успѣхомъ выдержала напоръ греческой образованности и подъ конецъ періода республики получила въ Римѣ литературное развитіе. Наконецъ ателланы единственная отрасль древнеримской національной комедіи, отъ которой дошли до насъ, къ сожалѣнію, незначительные отрывки, и отблескъ которой, какъ мы увидимъ, существуетъ еще и теперь въ италіянской комедіи dell' arte.

Все это сдѣлало ателланы очень замѣчательнымъ явленіемъ въ области римской литературы и заставило ученыхъ обратить особенное на нихъ вниманіе; такъ что въ настоящее время, въ особенности послѣ трудовъ Мунка *) и Шобе́ра **), трудно́ сказать много новаго объ этомъ предметѣ. Основываясь на результатахъ этихъ изслѣдованій, постараемся и мы изложить исторію ателланъ и сказать о тѣхъ особенностяхъ, которыми онѣ отличались въ ряду другихъ пьесъ римскаго репертуара.

Ателланы (fabulae Atellanae) получили свое имя отъ осскаго города *Atella* (теперь Aversa), который лежалъ въ Кампаніи. Невозможно съ точностію опредѣлить время, когда и по какому поводу онѣ проникли въ Римъ. Исторія начала и постепеннаго развитія ателланъ очень мало намъ извѣстна, потому что ни Титъ Ливій,

---

*) Eduard Munk: de fabulis Atellanis. Lips. 1840.

**) Schober: Ueber die atellanischen Schauspiele der Römer. 1825. — Здѣсь можно указать также на статью объ ателланахъ, которая вошла въ составъ «Etudes sur le théatre latin par Maurice Meyer и на K. Zell въ Ferienschriften. Freiburg, 1829.Zweite Sammlung, стр. 138 и слѣд. Кромѣ того см. Стиве въ сочиненіи «de rei scenicae apud Roman. origine.» Berol. 1828, и проч.

который, какъ мы видѣли (выше стр. 146), довольно подробно излагаетъ въ своей Исторіи (VII, 2 гл.) начало сценическаго искусства у Римлянъ, ни другой писатель древности не говоритъ намъ объ этомъ почти ни слова. Вѣроятно только, что ателланы почти одновременно съ греческою драмою появились въ Римѣ *) и имѣли тамъ большой успѣхъ, потому что были совершенно въ духѣ обитателей Лаціума. Кромѣ того, даже въ самомъ началѣ, онѣ не могли быть для Римлянъ большою новостію, потому что своимъ характеромъ и безъискусственностію очень походили на старинные фесценнины и на драматическую сатиру. Дѣйствительно, въ этотъ періодъ своего существованія ателланы представляли не больше, какъ импровизированные фарсы, которые не ранѣе VII-го вѣка отъ основанія Рима получили литературное развитіе, и, подобно другимъ пьесамъ, образовали собою особую письменную отрасль римской драматической литературы.

Не только по происхожденію своему, но и по языку, ателланы были осскими пьесами, о чемъ ясно говоритъ Страбонъ (стр. 377 изд. Таухница). Это свидѣтельство Страбона нашло въ наше время много противниковъ, но, несмотря на то, оно можетъ быть допущено, потому что осскій языкъ имѣлъ большое, родственное сходство съ древнелатинскою рѣчью. Припомнимъ здѣсь только, что самое народонаселеніе древняго Лаціума составилось, по очень вѣроятному предположенію О. Мюллера, изъ смѣси Осковъ съ Сикулами, и также то, что въ числѣ племенъ, вошедшихъ въ составъ народонаселенія Рима, вскорѣ послѣ его основанія, кромѣ Латинянъ и Этрусковъ были также и Сабиняне, къ природному языку которыхъ былъ очень близокъ языкъ осскій **). Не мудрено потому, что осскія ателланы не только понимались въ Римѣ, но и нашли тамъ большое сочувствіе. Римляне очень дорожили ателланами и смотрѣли на нихъ, какъ на національный продуктъ своей литературы. Это видно изъ того, что, при самомъ появленіи ателланъ въ Римѣ, граждане сами начали выходить въ нихъ на сцену дѣйствующими лицами, и, по выраженію Тита Ливія ***), не хотѣли допустить, чтобы осскія пьесы *осквернились* гистріонами, или

*) По мнѣнію Мунка (стр. 90), ателланы перенесены были на римскую сцену не задолго до Ливія Андроника, или, можетъ быть, даже во время этого писателя, слѣдовательно въ началѣ VI-го вѣка отъ основанія Рима.

**) Я не вхожу здѣсь въ подробности спорнаго вопроса объ языкѣ древнихъ ателланъ, потому что намѣренъ возвратиться къ нему позднѣе.

***) Quod genus ludorum ab Oscis acceptum tenuit juventus, nec ab histrionibus pollui passa est. T. Liv. VII, 2.

актерами, которые, какъ извѣстно, не пользовались въ Римѣ большимъ почетомъ. Потому и въ послѣдствіи, когда ателланы получили большее развитіе и нерѣдко представляли чисто-римскіе сюжеты, граждане, выступавшіе въ нихъ на сцену, не лишались за то политическихъ своихъ правъ и не были исключаемы изъ трибъ и изъ военной службы, что̀ случалось всякій разъ, какъ римскій гражданинъ выходилъ на сцену въ пьесахъ греческаго содержанія и даже въ національной римской комедіи (fabula togata). Наконецъ лица, участвовавшія въ представленіи ателланъ, имѣли еще и въ томъ отношеніи преимущества предъ другими гистріонами, что имъ позволялось не снимать маски въ то время, когда игра ихъ не нравилась публикѣ и сопровождалась свистомъ и шиканьемъ, между тѣмъ какъ обыкновенные актеры должны были въ подобныхъ случаяхъ открывать свое лицо *).

Содержаніе Ателланъ касалось преимущественно деревенской жизни, т. е. того контраста, который она представляла съ городскими обычаями и привычками. Въ ателланахъ копировались и осмѣивались всѣ смѣшныя стороны деревенскихъ жителей, ихъ наивность, простота, неловкость, недальновидность, и все это сопровождалось грубыми народными шутками и остротами. Таково было содержаніе первоначальныхъ ателланъ въ то время, когда онѣ служили еще простою забавою народу и не имѣли никакого притязанія на искусство и литературное значеніе. Въ послѣдствіи, какъ мы увидимъ, ателланы осмѣивали также смѣшныя стороны и городской жизни, оставаясь по прежнему грубыми фарсами, которые, впрочемъ, нравились народу гораздо болѣе, нежели греческая трагедія и комедія.

Впрочемъ судьба ателланъ, какъ мы уже замѣтили, въ продолженіе цѣлаго ряда столѣтій намъ неизвѣстна, и до половины VII-го вѣка отъ основанія Рима мы не находимъ о нихъ никакихъ извѣстій у древнихъ писателей. — Причину этого молчанія опредѣлить не трудно. Введеніе на римскую сцену греческой драмы раздѣлило римскихъ театраловъ на двѣ партіи. Первую составили Римляне, усвоившіе себѣ греческое образованіе; оно развило въ нихъ эстетическое чувство и заставило ихъ съ презрѣніемъ смотрѣть на грубые народные фарсы, изъ которыхъ долгое время исключительно состоялъ римскій репертуаръ. Между тѣмъ масса народа, слѣдовательно, большинство зрителей, постоянно оказывала холодность къ пьесамъ, сложившимся по правиламъ греческаго искусства. Писатели римскіе принадлежали, конечно, къ первой изъ этихъ

*) Fest. s. v. persona.

партій. Въ то время, когда образцовыя произведенія Плавта, Цецилія и Теренція затмили собою народные фарсы, тогда образованные Римляне, а въ числѣ ихъ и писатели, перестали обращать вниманіе на ателланы, не имѣвшія еще никакого литературнаго значенія, и представлявшія собою не болѣе какъ безъискусственную импровизацію. Вотъ почему до самаго VII-го вѣка мы не встрѣчаемъ у римскихъ писателей почти никакихъ извѣстій объ ателланахъ. Несомнѣнно только то, что въ продолженіе этого времени онѣ не исчезали со сцены, благодаря вкусу римской публики къ фарсамъ. Всѣ остальныя подробности, касающіяся исторіи ателланъ, въ первый періодъ ихъ существованія на римскомъ театрѣ, не переданы намъ древними писателями, и потому, вмѣсто положительныхъ извѣстій, мы должны ограничиться одними, болѣе или менѣе вѣроятными, предположеніями о тѣхъ перемѣнахъ, которыя онѣ испытали въ означенное время.

Намъ неизвѣстна, вопервыхъ, начальная исторія ателланъ въ отечествѣ ихъ, въ Кампаніи. Опредѣленіе времени и повода появленія ихъ въ Римѣ также, какъ мы видѣли, основано на одномъ только предположеніи. Нѣтъ сомнѣнія, что происхожденіе ателланъ было одинаково съ началомъ фесценнинъ; онѣ, безъ сомнѣнія, также составились изъ шутокъ и остротъ простаго народа, изъ страсти къ насмѣшкѣ и къ сатирѣ, которая, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, была общею почти всѣмъ племенамъ, населявшимъ древнюю Италію. Въ этихъ остротахъ, которыми въ особенности отличалась Ателла, копировались разныя комическія стороны жителей Кампаніи, и отсюда произошли эти осскіе типы, или маски, которые составили исключительную принадлежность ателланъ, и о которыхъ мы будемъ подробнѣе говорить въ своемъ мѣстѣ. По всей вѣроятности также ателланы усвоили себѣ всѣ свои характеристическія особенности въ древнемъ своемъ отечествѣ и перешли на римскую сцену, какъ пьесы съ опредѣленнымъ содержаніемъ. Это видно уже изъ того, что древніе писатели вездѣ называютъ ихъ комедіями (fabulæ), слѣдовательно, имемъ, котораго нельзя приложить ни къ фесценнинамъ, ни къ драматической сатурѣ. Хотя ателланы и были, особенно въ началѣ, не болѣе, какъ сценическіе фарсы, но тѣмъ не менѣе, въ отношеніи къ искусству, онѣ стояли на высшей степени, нежели римская драматическая сатира, съ которою онѣ слились, по выраженію Тита Ливія *), и которая была пестрымъ

*) Изъ этого слитія драматической сатиры съ ателланами, о которомъ говоритъ Т. Ливій, видно, какъ близки были одна къ другой эти двѣ

наборомъ шутокъ безъ всякаго содержанія и драматическаго единства.

Уже изъ приведеннаго нами свидѣтельства Тита Ливія видно, что при самомъ своемъ появленіи къ Римѣ, ателланы должны были нѣсколько видоизмѣниться, потому что приняли въ себя весь комическій элементъ, который выработался въ Лаціумѣ изъ шутокъ и остротъ простаго народа и римской молодежи. Но это видоизмѣненіе, во всякомъ случаѣ, было незначительно, и ателланы навсегда удержали, какъ неотъемлемую свою принадлежность, свои осскіе типы.

О другой перемѣнѣ, которой подверглись осскія ателланы въ Римѣ, свидѣтельствуетъ Валерій Максимъ *). Но это свидѣтельство отличается, особенно на первый взглядъ, такою странностію, что до сихъ поръ служитъ камнемъ преткновенія для многихъ критиковъ. «Ателланы (говоритъ Валерій Максимъ) заимствованы у Осковъ, и этотъ родъ забавы умѣренъ (смягченъ) былъ италійскою суровостію» (т. е. строгостію итальянскихъ нравовъ).—Это свидѣтельство странно потому, что находится въ совершенномъ противорѣчіи какъ съ отзывами другихъ древнихъ писателей, такъ и съ самыми, дошедшими до насъ, отрывками изъ произведеній римскихъ ателланистовъ, которые достаточно показываютъ, что самый грязный цинизмъ и отсутствіе всякаго приличія отличали ателланы отъ всѣхъ другихъ пьесъ римскаго репертуара.

отрасли сценической литературы. Несмотря на то Шлегель, въ своихъ Vorlesung. üb. dramat. Kunst. II, p. 6, очень несправедливо утверждаетъ, что драматическая сатира была совершенно тождественна съ ателланами, или что на ателланы нужно смотрѣть, какъ на продолженіе драматической сатиры. — Такое предположеніе находится въ явномъ противорѣчіи съ свидѣтельствомъ Ливія. Когда на римской сценѣ, говоритъ онъ, появилась искусственная драма, то римская молодежь (juventus), предоставивъ разыгрываніе ея гистріонамъ, сама, по старинному обычаю, начала перекидываться на сценѣ (jactitare) шутливыми стихами, которые потомъ названы были экзодіями и слились *преимущественно* съ ателланами. Эти старинныя шутки римской молодежи, конечно, ничто иное, какъ фесценнины и драматическая сатира, комическій элементъ которыхъ перешелъ въ ателланы. — Уже слово *преимущественно* (potissimum) достаточно показываетъ, что комическій элементъ драматической сатиры могъ перейдти и въ другія пьесы кромѣ ателланъ. — Наконецъ ателланы имѣли такія особенности, которыя, мы уже замѣтили, рѣзко отличали ихъ отъ всѣхъ другихъ пьесъ римскаго репертуара.

*) Valer. Maxim. II, 4, § 4: «Atellani autem ab Oscis acciti sunt: quod genus delectationis Italica severittae temperatum, ideoque vacuum nota est. Nam neque tribu movetur, neque a militaribus stipendiis repellitur.»

По мнѣнію Мейера *), слова Валерія Максима нужно понимать такъ, какъ они имъ высказаны; — изъ нихъ, говоритъ онъ, слѣдуетъ только то, что на родинѣ своей ателланы отличались еще болѣе необузданнымъ и неприличнымъ характеромъ, нежели въ Римѣ. Можетъ-быть, дѣйствительно, въ началѣ ателланы утратили на римской сценѣ свой первобытный, грубый характеръ, и уже потомъ снова приняли его еще въ бо́льшихъ, противъ прежняго, размѣрахъ. По крайней мѣрѣ это мнѣніе имѣетъ на своей сторонѣ свидѣтельство Доната **), который, въ своемъ предисловіи къ комедіямъ Теренція, говоритъ о *древнемъ изяществѣ* ателланъ.

Другимъ образомъ, но, какъ кажется намъ, менѣе удачно объясняетъ Мункъ ***) приведенныя слова Валерія Максима. Ателланы, по мнѣнію этого ученаго, были смягчены не тѣмъ, что грубыя и непристойныя шутки, которыми онѣ изстари отличались, получили въ Римѣ болѣе приличный характеръ, но тѣмъ, что представленіе ихъ на сценѣ было предоставлено въ Римѣ свободнымъ юношамъ, рѣзко отличавшимся своимъ образомъ мыслей отъ актеровъ, которые въ древности были въ общемъ презрѣніи за безнравственность, составлявшую отличительный признакъ этого сословія. Прикосновенность такихъ людей къ чему нибудь, какъ заразительная язва, губила и портила, по римскимъ понятіямъ, всякое дѣло самое честное и благородное. Непристойно и стыдно было, говоритъ Мункъ, римскому гражданину выступать на сцену въ пьесахъ съ греческимъ содержаніемъ (fabulae palliatae), не потому, что онѣ были грязны, но потому что были осквернены игрою презрѣнныхъ актеровъ, съ которыми порядочный человѣкъ ничего не долженъ былъ имѣть общаго. Потому-то и римскіе юноши, какъ свидѣтельствуетъ Титъ Ливій, при самомъ появленіи ателланъ въ Римѣ, взялись сами ихъ разыгрывать и не допустили къ тому гистріоновъ. Вотъ почему, продолжаетъ Мункъ, выходъ римскаго гражданина на сцену въ ателланахъ не влекъ за собою безчестія, хотя эти осскія пьесы, по мнѣнію его, постоянно отличались своимъ неприличнымъ и грязнымъ характеромъ. Итакъ итальянская строгость, которую, по словамъ Валерія Максима, ателланы усвоили себѣ въ Римѣ, противополагается, по мнѣнію Мунка, безнравственности актеровъ, и осскія пьесы до тѣхъ поръ

*) Etudes etc стр. 17.—Параллель, которую вслѣдъ за тѣмъ приводитъ Мейеръ между ателланами и греческою сатирическою драмою, до того неудачна, что не заслуживаетъ даже опроверженія.

**) Donat. Proleg. Terent: Atellanae, salibus et jocis compositae, quae in se non habent nisi vetustam elegantiam.

***) Munk de fabulis Atellanis стр. 91.

должны были удержать эту строгость, пока не были какъ бы запачканы и осквернены прикосновенностію къ нимъ гистріоновъ.

Мы привели все, что̀ можно и чего даже нельзя сказать объ ателланахъ въ первый періодъ существованія ихъ на римской сценѣ. — Дальнѣйшая ихъ исторія представляетъ уже гораздо менѣе трудностей для изслѣдователя этой любопытной отрасли римской драматической литературы. Въ VII–мъ вѣкѣ ателланы подверглись коренной реформѣ; — въ это время, благодаря усиліямъ Помпонія и Новія, онѣ перестаютъ наконецъ быть простою и грубою импровизаціею. Названные мною ателланисты стараются возвысить ихъ на ту же степень, на которой стояла римская комедія, могшая уже въ эту пору выставить цѣлый рядъ даровитыхъ и замѣчательныхъ писателей. Но прежде, нежели мы перейдемъ къ изложенію дальнѣйшей исторіи ателланъ, мы считаемъ нужнымъ ближе познакомить нашихъ читателей съ ихъ особенностями и содержаніемъ.

Мы уже прежде замѣтили, что характеристическая особенность ателланъ, рѣзко отличавшая ихъ отъ другихъ фарсовъ, въ которыхъ не было недостатка на римской сценѣ, состояла въ осскихъ типахъ. Эти осскіе типы, непремѣнно повторявшіеся въ каждой ателланѣ, были: Маккъ, Букконъ, Паппусъ и Доссенъ *). Отечество этихъ типовъ Кампанія, жители которой, принадлежавшіе къ осскому племени, постоянно служили для Римлянъ предметомъ остротъ и насмѣшекъ. Оски отличались шутовствомъ, мужиковатостію и въ то же время испорченностію нравовъ, которая отражалась на нихъ въ видѣ грубомъ и отвратительномъ, потому что не была прикрыта даже лоскомъ образованности. Въ народѣ ходило о нихъ множество забавныхъ разказовъ, и они рѣзко отличались отъ Римлянъ уже своимъ языкомъ, который не имѣлъ никакого литературнаго развитія и мало–по–малу сдѣлался языкомъ простаго класса во многихъ частяхъ Италіи. Все это сдѣлало Осковъ въ глазахъ Римлянъ смѣшными и жалкими.

Намъ слѣдуетъ теперь представить, по возможности, вѣрную характеристику этихъ осскихъ типовъ, которые и теперь еще можно до нѣкоторой степени изучать въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ древнихъ ателланъ **). Начнемъ съ Макка.

---

*) Впрочемъ, древніе писатели, напр. Діомедъ, говорятъ намъ объ осскомъ происхожденіи одного только Макка, и потому Стиве, въ сочиненіи de rei scen. ap. Rom. orig. стр. 67, признаетъ одного только его осскимъ типомъ.— Паппуса, Буккона и Доссена мы относимъ къ осскимъ типамъ потому, что они постоянно выводились на сцену въ ателланахъ.

**) Фрагменты ателланъ съ показаніемъ, какимъ древнимъ писателямъ мы

Маккъ (Maccus), какъ достаточно показываетъ уже этимологія его имени *), служилъ для ателланистовъ типомъ простака, человѣка глупаго и смѣшнаго. Онъ отличался своимъ обжорствомъ, уродливостію и неловкостію. Маккъ нерѣдко, къ большому удовольствію зрителей, падалъ на сценѣ, и въ одномъ мѣстѣ **) жалуется на верхнюю перекладину дверей, о которую онъ часто разбивалъ свою голову, и на нижнюю, отъ которой порядочно досталось его ногамъ. Въ другомъ отрывкѣ Новія Маккъ является въ роли солдата и споритъ съ своимъ товарищемъ за ужинъ, непремѣнно желая имѣть на свою долю двойную порцію ***). Къ самымъ забавнымъ и въ то же время грязнымъ сценамъ нерѣдко подавала поводъ ателланистамъ любовь Макка къ прекрасному полу и его неудачное волокитство †). Макка всѣ обманываютъ, надъ нимъ всѣ смѣются. Кто нибудь напроказничаетъ, а Макка бьютъ. Онъ выводился на сцену, какъ можно судить по дошедшимъ до насъ заглавіямъ нѣкоторыхъ ателланъ, въ разныхъ видахъ. Маккъ являлся то солдатомъ (Maccus miles), то трактирщикомъ (M. caupo), то изгнанникомъ (M. exul), то дѣвушкою (M. virgo). Наконецъ Маккъ является намъ въ одной ателланѣ (Macci gemini) съ братомъ своимъ близнецомъ, что̀, конечно, подало поводъ ко многимъ, забавнымъ сценамъ.

Многіе находятъ въ Маккѣ большое сходство съ неаполитанскимъ Полишинелемъ (Pulcinella), по мнѣнію Мейера (стр. 27), въ другихъ типахъ, которые представляютъ намъ ателланы, наприм. въ Букконѣ, мы можемъ отыскать такое же сходство съ Полишинелемъ, потому что главныя отличія этихъ типовъ состояли также въ глупости и неловкости.

Букконъ (Bucco) получилъ свое имя отъ раздутыхъ щекъ (bucca)—

обязаны ихъ сохраненіемъ, лучше всего собраны у Мунка стр. 135 и слѣд. — Отрывки изъ Новія и Помпонія приводитъ также Bothe въ Poëtae scenici latinor. Vol. VI, p. 41 sqq. и 103 sqq. Lips. 1834.

*) Имя Макка очевидно находится въ связи съ греческимъ глаголомъ μαχχοᾶσθαι, т. е. быть глупымъ.

**) Novii Maccus exul apud Non. Marcell. voc. limen:

Limen superum, quod mihi misero saepe confregit caput,
Limen inferum autem, ubi ego omnes digitos defregi meos.

***) Pomp. Maccus miles ap. Charis., ed. Putsch., I, p. 99:

Cum contubernale ego pugnavi, quod meam
Coenam.. ....

Id. I, p. 101:

nam cibaria si vicem
Duorum solum me commesse condecet.

†) См напр. Pomp. Macci gem. ap. Non. voc. abscondit.

признакъ, которымъ ателланисты хотѣли обозначить его болтливость и обжорство. Кромѣ того онъ отличался огромнымъ ртомъ, толстыми губами и необыкновеннымъ аппетитомъ. Букконъ вѣчно голоденъ. Для того, чтобы попасть куда нибудь на обѣдъ или на ужинъ, онъ готовъ на все и старается угодить своимъ патронамъ, которые его кормятъ, шутовствомъ и лестью. Дерзость, хитрость, обманъ, шутовство и лесть — все это средства, которыми пользуется Букконъ для того, чтобы пообѣдать на чужой счетъ. Маккъ глупъ по природѣ, а Букконъ прикидывается только простакомъ для того, чтобы удобнѣе достигнуть своей цѣли. Обращая вниманіе на всѣ эти оттѣнки въ характерѣ Буккона, мы убѣждаемся въ томъ, что многіе не безъ основанія смотрятъ на него, какъ на первообразъ парасита греческой «новой» комедіи *). До насъ дошли названія и отрывки нѣкоторыхъ ателланъ, въ которыхъ Букконъ являлся главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, наприм. въ пьесахъ Помпонія: Bucco adoptatus (усыновленный Букконъ), Bucco auctoratus (закабаленный Букконъ). Изъ одного стиха этой послѣдней ателланы **) Мункъ ***) заключаетъ, что Букконъ былъ осужденъ на звѣриную травлю, и въ то время, какъ онъ поражаетъ быка, въ него влюбилась одна изъ зрительницъ. Маска Буккона была, конечно, съ раздутыми щеками, въ родѣ тѣхъ, которыя мы встрѣчаемъ у Фикорони и на помпейскихъ фрескахъ †).

Паппусъ (Pappus), третье лицо осскихъ ателланъ, получилъ, безъ сомнѣнія, это имя отъ своихъ лѣтъ. Это греческій πάππος — папаша, смѣшной старикъ, иликомическій отецъ ††). Паппусъ вы-

---

*) Г. Шестаковъ, въ Пропил. I, отд. I, стр. 185, напрасно, кажется, отвергаетъ сходство Буккона съ параситами новой греческой комедіи. Это мнѣніе имѣетъ на своей сторонѣ не только Мейера, но и всѣхъ почти другихъ ученыхъ, которые писали объ осскихъ типахъ въ ателланахъ. — Для подтвержденія его Мункъ (стр. 32), а за нимъ и Мейеръ (стр. 27) приводятъ очень замѣчательную древнюю глоссу. Βουκίονες Παράσιτοι.

**) Pomp. in Bucc. auctorat. apud Non.:
occidit taurum torviter, me amore sauciavit.

***) De fab. Atell. стр. 32.

†) Очень хорошіе рисунки ателланскихъ типовъ, заимствованные изъ извѣстнаго сочиненія Фикорони «Dissertatio de larvis scenicis et figuris comicis» приложены между прочимъ къ книгѣ г. М. К.: «Опытъ исторіи театра у древнихъ народовъ.» Москва 1849.

††) Греческое имя Паппуса вошло въ ателланы, вѣроятно, не въ началѣ ихъ образованія, но гораздо позже. Варронъ въ сочиненіи своемъ de lingua lat. стр. 315 изд. Шпенгеля говоритъ, что собственно осское имя Паппуса было *Casnar,* которое имѣетъ аналогію съ словомъ *cascus*—древній, старый.—См. Фестъ: «Casnar senex».

водился на сцену какъ честолюбивый, скупой, суевѣрный, сластолюбивый и глупый старичишка, который однако считалъ себя умникомъ и потому на всякомъ шагу подвергался обману. Скупость и жадность къ деньгамъ Паппуса подавала, какъ кажется, поводъ ко многимъ комическимъ сценамъ. — Помпоній въ своемъ «Живописцѣ» (Pictor), сколько можно судить по нѣкоторымъ уцѣлѣвшимъ отрывкамъ изъ этой пьесы, представилъ много забавныхъ сценъ, въ которыхъ богатый и скупой Паппусъ игралъ главную роль. Кажется, говоритъ Мункъ *), Помпоній представилъ въ этой ателланѣ старика Паппуса на возвратномъ пути въ городъ. Узнавъ, что у него съ собою много денегъ, нѣсколько воровъ согласились напасть на него и ограбить. Несмотря на увѣренія Паппуса въ томъ, что у него нѣтъ денегъ, воры отнимаютъ у него все, что съ нимъ было, и онъ приноситъ жалобу въ судъ. Судья требуетъ показанія похищенной у него суммы, и Паппусъ, пользуясь случаемъ, предъявляетъ небывалую, огромную сумму. У него требу-

*) Конечно, никто не можетъ поручиться въ томъ, что приводимые нами, вслѣдъ за Мункомъ, отрывки изъ Помпоніева «Живописца», которые сохранилъ Ноній Марцеллинъ, имѣли непремѣнно ту связь, въ которой мы ихъ представили. По крайней мѣрѣ такая ихъ связь между собою не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго. Приведемъ теперь самые отрывки:

a. Pomp. Pict. a. Non. *intestatus:*

Ipsus cum uno servo senex intestato proficiscitur.

Bothe въ Poetae scen. lat. Vol. VI, p. 115 говоритъ, что *intestatus* значитъ здѣсь castratus, eunuchus, и не соглашается съ мнѣніемъ Нонія, который выраженіе *intestatus* объясняетъ словами: cujus verbis fides non habeatur. — Какъ бы то ни было, но приведенный стихъ, вѣроятно, заключаетъ въ себѣ слова, которыми кто-то старается подговорить своего товарища ограбить Паппуса на дорогѣ.

b. Pomp. Pict. ap. Non. *occupare:*

Quae tuleram mecum millia decem
Victoriatum, graeca mercede illico
Curavi ut occuparem. —

т. е. десять тысячъ викторіатовъ, которыя я везъ съ собою, я постарался тотчасъ же отдать подъ вѣрный залогъ. Это, вѣроятно, слова Паппуса, которыми онъ старается увѣрить напавшихъ на него воровъ въ томъ, что у него нѣтъ при себѣ денегъ. Выраженіе graeca merces хорошо объясняется словами Плавта: graeca mercamur fide. Plaut. Asin. I, 3, 47. См. комментат. въ изд. Таубмана.

c. Pomp. Pict. ap. Non. dicere:

Nummos certos dicas! — dico quinquaginta millia. Первая часть этого стиха представляетъ требованіе судьи, вѣроятно, уже не разъ повторенное, о томъ, чтобы Паппусъ вѣрно и положительно опредѣлилъ похищенную у него сумму денегъ, а во второй части этого отрывка Паппусъ увѣряетъ, что у него украли 50 тысячъ викторіатовъ.

ютъ болѣе вѣрнаго показанія и наконецъ онъ объявляетъ, что у него украдено 50 тысячъ викторіатовъ *). Въ другомъ своемъ фарсѣ «Паппусъ земледѣлецъ» (Pappus agricola) Помпоній вывелъ на сцену старика Паппуса въ большомъ негодованіи на измѣну своей молодой жены. Одинъ изъ друзей Паппуса открываетъ ему эту измѣну **), и для того, чтобы убѣдиться въ основательности своего подозрѣнія, Паппусъ отправляется въ городъ съ намѣреніемъ неожиданно и до срока воротиться домой и застать свою жену en délit flagrant. Слова друга, вѣроятно, сказаны были не безъ причины, потому что при возвращеніи домой Паппусъ дѣлаетъ комическое восклицаніе:

«domus hæc fervit (fervet) flagiti — ***)

(этотъ домъ кипитъ преступленіемъ). Изъ другаго отрывка этой ателланы видно, что женѣ Паппуса не понравилось неожиданное его возвращеніе. «Я хочу слышать отъ тебя», говоритъ она ему, «отъ чего ты такъ внезапно оставилъ твои городскія дѣла» †). Можно думать, что хитрость жены Паппуса и ея любезнаго, которые вышли сухими изъ воды, составляла развязку этого фарса.

Честолюбіе Паппуса также, какъ видно, представляло ателланистамъ обильный источникъ для комическихъ сценъ. Паппусъ дѣлаетъ все возможное, чтобы добиться виднаго мѣста и всегда обманывается въ своихъ ожиданіяхъ. Оба главные представители ателланъ, Помпоній и Новій, воспользовались этою чертою въ характерѣ Паппуса, и каждый изъ нихъ написалъ по фарсу подъ заглавіемъ «Обойденный Паппусъ» (Pappus præteritus). — Судя по двумъ стихамъ изъ «Обойденнаго Паппуса» Новія, можно заключить, что, несмотря на угощенія и подарки, которые Паппусъ дѣлалъ своимъ избирателямъ, ему не посчастливилось на выборахъ ††). Къ этому же разряду ателланъ относилась, безъ сомнѣнія, пьеса Помпонія «Искатель» (petitor).

---

*) Викторіатъ (victoriatus) римская монета съ изображеніемъ богини побѣды, цѣною въ 5 ассовъ.

**) Сюда принадлежатъ слѣдующіе отрывки:

Pomp. Papp. agr. ap. Non. manducatur:
Nescio quis illam urget quasi asinus uxorem tuam:
ita oculis opertis simita manducatur ac molit.

Pomp. Papp. agr. ap. Non. ibus.
Nunc quando voluisti facere, fac voluptati sies ibus (вмѣсто iis).

***) Pomp. Papp. agr. ap. Non. fervit.

†) Ibid ap. Non. desubito:
Volo scire ex te, cur res urbanas tam desubito deseris.

††) Novius Papp. præterit. ap. Non. capulum:
Dum istos invitabis suffragatores, pater,
Prius in capulo, quam in curuli sella suspendes nates.

Само собою разумѣется, что Паппусъ былъ суевѣрный старикъ.—Эта черта въ его характерѣ опредѣляется дошедшимъ до насъ отрывкомъ изъ ателланы Помпонія Philosophia, въ которой Паппусъ обращается къ предсказателю Доссену съ просьбою сказать ему, кто укралъ у него золото, и тотъ, зная съ кѣмъ имѣетъ дѣло, требуетъ съ Паппуса за эту услугу деньги впередъ *).

Изъ ателланъ, въ которыхъ Паппусъ игралъ главную роль, укажемъ еще на пьесы Помпонія: Sponsa Pappi и Hirnea Pappi. — И здѣсь, безъ сомнѣнія, онъ являлся жалкимъ, презрѣннымъ и обманутымъ старикомъ, и не даромъ заслужилъ тѣ нелестные эпитеты, которыми онъ такъ щедро надѣляется въ нѣкоторыхъ дошедшихъ до насъ отрывкахъ ателланъ **).

Наконецъ четвертымъ, безсмѣннымъ лицомъ осскихъ ателланъ является намъ Доссенъ, или Дорсенъ (Dossennus, Dorsennus), прозванный такъ, вѣроятно, отъ своей сутуловатости, или отъ горба. Доссенъ является намъ типомъ шарлатана; онъ прикидывается всезнайкою и своими предсказаніями и совѣтами обманываетъ простаковъ. Это деревенскій колдунъ, пользующійся легковѣріемъ народа для корыстныхъ своихъ цѣлей. Мы уже привели отрывокъ изъ Помпоніевой ателланы Philosophia, въ которомъ Доссенъ требуетъ съ Паппуса денегъ за открытіе похитителя его золота и прибавляетъ, что онъ не умѣетъ предсказывать и угадывать даромъ (non didici hariolari gratiis). Сюда же нужно отнести отрывокъ изъ Помпоніевыхъ «Кампанцевъ» (Campani), изъ котораго видно, что Доссенъ бралъ за свои услуги не только деньги, но и съѣстные припасы ***). Новій въ одной изъ своихъ ателланъ вывелъ на сцену двухъ Доссеновъ соперниковъ, а иногда Доссенъ, какъ видно изъ отрывковъ, занималъ роль школьнаго учителя †).

---

*) Pompon. Philosoph. ad. Nonium memore:

Ergo, mi Dossenne, quum istæc memore meministi; indica,
Qui illud aurum abstulerit.—Non didici hariolari gratiis.—

**) Сюда относятся слѣдующіе отрывки:

Pomp. Pict. ap. Non. senica:

Pappus hic medio habitat senica, non sescunciæ

et ibid ap. Non. Manducones:

Magnus camelus, manducus, cantherius.

***) Pomp. Campani ap. Non publicitus:

dato Dossenno et fullonibus
Publicitus cibaria.

†) Pomp. Macc. virg. ap. Non. verecunditer.

Præteriens vidit Dossennum in ludo reverecunditer
Non docentem condiscipulum, verum scalpentem nates.

Въ этихъ четырехъ осскихъ типахъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, нельзя не признать сходства съ главными лицами современной намъ итальянской комедіи dell' arte, на которую можно смотрѣть какъ на продолженіе древнихъ ателланъ. Дѣйствительно, Панталонъ, Дотторе, Арлекинъ и Бригелла во многомъ напоминаютъ намъ Паппуса, Доссена, Макка и Буккона, и замѣчательно, это эти комическіе характеры, подобно осскимъ типамъ, и теперь присвоены въ Италіи извѣстнымъ мѣстностямъ. Извѣстно, что Панталонъ родомъ изъ Венеціи, Арлекинъ и Бригелла изъ Бергама, а знаменитый Дотторе уроженецъ Болоньи.

Кромѣ упомянутыхъ нами главныхъ лицъ, въ ателланахъ выводилось еще на сцену довольно второстепенныхъ. Сюда, по мнѣнію Мунка *), должны быть отнесены: Мандукъ Pytho Gorgonius, Ламія и Манія. Все это были страшныя маски, но не чисто осскаго происхожденія. Назначеніемъ ихъ было пугать суевѣрныхъ и необразованныхъ крестьянъ, которые занимали въ ателланахъ главныя роли, и которые, въ явленіяхъ для себя непонятныхъ, видя что-то сверхъестественное и чудесное, легко вѣрили на слово различнымъ магамъ, прорицателямъ и другимъ шарлатанамъ, пользовавшимся ихъ простотою. Также суевѣріе простаго народа могло доставить довольно поводовъ къ различнымъ комическимъ сценамъ, и потому ателланисты выводили въ своихъ фарсахъ страшныя маски, пугавшія, какъ говоритъ Ювеналъ **), появленіемъ своимъ на сценѣ крестьянскихъ мальчиковъ, которые смотрѣли на пьесу, сидя на колѣняхъ у своихъ матерей. Такое же значеніе имѣла въ ателланахъ маска Мандука, или Мандукона (Manducus, Manduco) ***). Это было страшилище съ ужасными челюстями, съ огромнымъ ртомъ и необыкновенными зубами, которыми оно, какъ видно изъ Плавта (Rudens II, 6, 54), для бо́льшаго эффекта постоянно скрежетало. Мандукъ вмѣстѣ съ Маніями, Ламіями и другими злыми демонами, по суевѣрному убѣжденію народа, питался человѣческимъ мясомъ и въ особенности дѣтскимъ. Оттого римскія кормилицы и няньки обыкновенно пугали ими своихъ питомцевъ, а маменьки своихъ дѣтей. Появленіе Мандука не ограничивалось только сценою; онъ вмѣстѣ съ дру-

---

*) Munk: de fab. Atell. стр. 39.

**) Juven. Sat. III, 174.

tandemque redit ad pulpita notum
Exodium, cum personæ pallentis hiatum
In gremio matris formidat rusticus infans.

***) Имя Мандука, или Мандукона древніе грамматоки производятъ отъ глагола mandere или manducare, жевать, пожирать.

гими смѣшными и страшными масками, по свидѣтельству Феста, фигурировалъ въ процессіяхъ, которыми сопровождались въ древности различные праздники. И теперь еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Италіи сохраняется этотъ обычай. Такъ карнавалъ во Флоренціи открывается обыкновенно процессіею, въ которой также носятъ по городу съ музыкою, барабаннымъ боемъ и съ факелами, фею Бефану, имѣющую видъ огромной куклы, которую потомъ сбрасываютъ съ моста въ рѣку. Вообще многіе древнеримскіе обычаи и теперь еще наблюдаются въ Италіи.

Pytho Gorgonius было заглавіе одной изъ ателланъ Помпонія. Это также была страшная маска, которая характеромъ своимъ очень приближалась къ Мандуку. Этотъ Пиѳонъ названъ былъ горгонскимъ, потому что Горгоны изображались съ большими зубами, и Луцихій въ одномъ отрывкѣ называетъ Пиѳона и Ламію острозубыми (Lamia et Pytho oxyodontes).

Ламія была такимъ же страшилищемъ, какъ и другія второстепенныя маски, выводившіяся на сцену въ ателланахъ. Лицо у ней, по свидѣтельству одного изъ древнихъ схоліастовъ Горація (ad Epist. II, 3, 340), было женское, а ноги ослиныя. Ламія также считалась пожирательницею дѣтей, которыя, какъ было въ народѣ повѣрье, живыми выходили изъ ея чрева *).

Большое сходство съ Ламіями имѣли Маніи **), которыми, по словамъ Феста кормилицы также пугали дѣтей. Маніи, по народному повѣрью, имѣли способность оживлять мертвыхъ и умирающихъ, которыхъ не могла уже спасти никакая человѣческая помощь. Слѣды этого повѣрья и теперь еще существуютъ въ нѣкоторымъ мѣстахъ Италіи, гдѣ народъ вѣритъ въ способность Феи оживлять мертвыхъ. Подобное содержаніе, безъ сомнѣнія, имѣла одна изъ пьесъ Новія, подъ заглавіемъ Mania medica.

При разсматриваніи осскихъ типовъ мы познакомились въ то же время съ содержаніемъ значительной части ателланъ.—Даже при поверхностномъ изслѣдованіи дошедшихъ до насъ незначительныхъ отрывковъ и заглавій древнихъ ателланъ видно, что эти пьесы относились къ разряду тѣхъ, которыя Нѣмцы называютъ Charakterstücke, а Французы pièces de caractère. Потому ателланы и въ древности по преимуществу назывались пьесами нра-

---

*) Horat. Epist. II, 3, 338 sqq.

**) Manes и Maniæ были по народной религіи Римлянъ тѣни умершихъ, которыя не прерывали своихъ сношеній съ живыми и не рѣдко являлись между ними.—Отъ того и имя ихъ нѣкоторые древніе грамматики призводятъ отъ слова emanare.

вописательными (ἀρεταλόγοι, βιολόγοι, ἠγολόθοι). Дѣйствительно весь интересъ ателланъ заключался главнымъ образовъ въ вѣрной характеристикѣ отдѣльныхъ личностей. Ателланисты мало заботились о томъ, чтобы ихъ пьесы имѣли правильное развитіе, неожиданную, или остроумную развязку. Однимъ словомъ, они не обращали вниманія на то, безъ чего не могли существовать, или, по крайней мѣрѣ, нравиться комедіи, которыя по греческимъ образцамъ передѣлывались для римской сцены (fabulæ palliatæ). Пьесы, основанныя на интригѣ (comédie d'intrigue), составляли между ателланами исключеніе.

Ателланисты выставляли въ своихъ фарсахъ смѣшныя стороны не только отдѣльныхъ личностей, но и цѣлыхъ сословій. Такъ въ числѣ дошедшихъ до насъ названій ателланъ Помпонія и Новія есть заглавія: гетера, недоброжелатель, скряга и проч. Ателланисты въ особенности любили выводить на сцену людей изъ низшихъ слоевъ общества, наприм. fullones—валяльщиковъ, прекоповъ, или глашатаевъ и другихъ, которые своими грубыми привычками представляли много пищи ихъ остроумію. Гаруспексы или предсказатели, живописцы, рыбаки, хлѣбники, медики, солдаты и даже цѣлые народы и племена, какъ наприм. Кампанцы, Трансальпинскіе Галлы, Сирійцы и проч., какъ свидѣтельствуютъ сохранившіяся до насъ заглавія осскихъ фарсовъ, также не избѣжали насмѣшки ателланистовъ. Наконецъ ателланисты, если только можно судить по однимъ заглавіямъ, не щадили въ своихъ фарсахъ даже такихъ предметовъ и отношеній, которыхъ, по видимому, не должна была касаться насмѣшка. Къ этому разряду ателланъ должно, кажется, отнести слѣдующія: Lar familiaris, Nuptiae, Praefectus morum и Vitae et mortis judicium. Это послѣднее заглавіе носила также одна изъ сатиръ Эннія.

Содержаніе ателланъ, какъ мы уже прежде замѣтили, обыкновенно было очень просто, но ателланисты не заботились въ то же время о томъ, чтобы отдѣльныя сцены въ ихъ фарсахъ казались вѣрными и послѣдовательными, и потому они представляли иногда сцѣпленіе ситуацій и происшествій самыхъ невѣроятныхъ и небывалыхъ. Это видно изъ выраженія «ателланская путаница» (tricae Atellanae), которое вошло въ Римѣ въ пословицу. Впрочемъ, отрывки ателланъ, по своей незначительности, не даютъ намъ возможности судить о степени вѣрности этой пословицы, и о томъ, къ какимъ средствамъ прибѣгали ателланисты при развязкѣ своихъ фарсовъ.

Разсматривая дошедшіе до насъ отрывки ателланъ, мы убѣж–

даемся, что пьесы, основанныя на переодѣваньи, давно уже не новость, и что переодѣваньями, какъ и наши водевилисты, давно уже пользовались въ Римѣ, какъ однимъ изъ средствъ поддержать интересъ пьесы и возбудить вниманіе публики. Это ясно видно, какъ хорошо замѣтилъ Мункъ *), изъ небольшаго отрывка одной ателланы Помпонія «Мартовскія календы», сохраненнаго Макробіемъ **). Извѣстно, что въ мартовскія календы, которыми прежде начинался римскій годъ, былъ обычай разсылать подарки друзьямъ и знакомымъ. Приводимый нами отрывокъ Помпонія представляетъ намъ разговоръ двухъ мошенниковъ, изъ которыхъ одинъ хочетъ переодѣться въ костюмъ какой-то женщины, которая въ мартовскія календы должна получить подарокъ отъ своего любезнаго.—«Нужно», говоритъ одинъ, «тебѣ повысить голосъ для того, чтобы твои слова показались женскими». — «Пусть только принесутъ подарокъ», отвѣчаетъ другой, «а я уже заговорю самымъ нѣжнымъ и трепещущимъ голосомъ».

Въ заключеніе замѣтимъ, что иногда ателланисты брали содержаніе для своихъ пьесъ изъ миѳологіи. Къ этому разряду ателланъ очевидно принадлежали пьесы Помпонія: фальшивый или подложный Агамемнонъ (Agamemnon suppositus), Атрей ***) и Марсій, равно какъ Андромаха и Phoenissae Новія. Все это пьесы, которыя извѣстны намъ только по заглавіямъ и самымъ незначительнымъ отрывкамъ, по которымъ, конечно, весьма трудно опредѣлить ихъ характеръ. Несмотря на то, мы имѣемъ право думать, что эти аттелланы представляли пародію на героевъ греческой миѳологіи, какъ комедіи Эпихарма и Ринѳона, и относились къ тому разряду пьесъ, которыя извѣстны были въ римскомъ репертуарѣ подъ названіемъ трагикомедій †).

---

*) Munk: de fab. Atell. стр. 49.

**) Macrob. Saturn. VI, 4:

Vocem deducas oportet, ut videantur mulieris
Verba.—Jube modo afferatur munus, tenuem et tremulam
Vocem ego reddam.

***) Нѣкоторые полагаютъ, что авторомъ «Атрея» былъ не ателланистъ Помпоній, а извѣстный трагикъ Pomponius Secundus. Между его пьесами была одна подъ заглавіемъ «Coena», которая по мнѣнію нѣкоторыхъ была тождественна съ «Атреемъ», другими словами, пьеса Помпонія, какъ это не рѣдко встрѣчается въ древности, имѣла двойное заглавіе—Coena и Atreus. — По нашему мнѣнію, Coena Помпонія младшаго была трагедія и слѣдовательно ничего не могла имѣть общаго съ фарсомъ Помпонія Болонскаго.

†) Единственнымъ образцомъ римскихъ трагикомедій можетъ служить для насъ Плавтовъ Амфитріонъ. См. статью о судьбахъ римской трагедіи въ Журн. Мин. Нар, Просвѣщ. VI-я книжка 1848.

Намъ остается теперь прослѣдить дальнѣйшую исторію ателланъ, которую мы прервали для того, чтобы ближе познакомить нашихъ читателей съ ихъ характеромъ и содержаніемъ. — Мы уже замѣтили, что вторая половина VII-го вѣка отъ основанія Рима составила эпоху въ исторіи ателланъ; въ это время простые оскіе фарсы перестаютъ быть импровизаціею актеровъ и находятъ себѣ обрабатывателей между римскими писателями; — являются письменныя ателланы.

Этимъ кореннымъ преобразованіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ успѣхомъ ателланы преимущественно обязаны были Помпонію Болонскому (Pomponius Bononiensis), и вотъ почему, конечно, Веллей Патеркулъ называетъ его изобрѣтателемъ ателланъ *). Это выраженіе Веллея Патеркула подало поводъ къ многимъ спорамъ и вызвало много предположеній. Безъ сомнѣнія, оно употреблено въ томъ смыслѣ, что Помпоній первый началъ писать ателланы, которыя до него были простою импровизаціею. — Ателланы, какъ мы видѣли, существовали въ Римѣ задолго до VII-го вѣка, и потому необходимо допустить, что Веллей Патеркулъ называетъ Помпонія изобрѣтателемъ ихъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ Горацій **) называетъ Луцилія изобрѣтателемъ римской сатиры, начало которой относится также въ глубокой древности. Увлеченные духомъ подражанія образцамъ греческой литературы, Римляне долгое время не обращали вниманія на развитіе начатковъ своей національной поэзіи, между которыми сатира и ателланы занимали видное мѣсто, и потому писатели, начавшіе обработывать литературнымъ образомъ эти давно забытыя отрасли, съ полнымъ правомъ могли назваться ихъ изобрѣтателями. Изобрѣтателемъ въ литературѣ называется не только тотъ, который творитъ или создаетъ какую нибудь новую литературную отрасль, но и тотъ, который придаетъ ей извѣстную, опредѣленную форму, дѣлающуюся условною и законною въ послѣдующихъ поколѣніяхъ. Однимъ словомъ, Помпоній называется изобрѣтателемъ ателланъ по тому же праву, по которому Эсхилъ называется отцомъ трагедіи, а Геродотъ отцомъ исторіи, несмотря на то, что этимъ писателямъ предшество-

---

*) Velleius Paterc. II, 9, 5: «Sane non ignoremus eadem aetate (т. е. въ вѣкъ Сизенны), fuisse Pomponium, sensibus celebrem, verbis rudem, et novitate inventi a se operis commendabilem». — По всему видно, что здѣсь идетъ рѣчь о Помпоніи Болонскомъ, котораго относятъ къ 600 году отъ основанія Рима. — Остальныя подробности его жизни не переданы намъ древними писателями.

**) Horat. Sat. I, 10, 47.

вали Θесписъ и логографы, и произведенія ихъ задолго существовали до нихъ, если не по формѣ, то по матеріялу.

Помпоній приложилъ къ ателланамъ, представлявшимъ до него безъискуственныя шутки римской молодежи, внѣшнюю форму и драматическую обстановку, которыми отличались прочія театральныя пьесы того времени. Ателланы представляли до Помпонія мало связи между отдѣльными сценами; онѣ не имѣли единства содержанія, которое постоянно нарушалось смѣшными выходками и остротами, нисколько не гармонировавшими съ основною мыслію пьесы. Но, придавъ ателланамъ отпечатокъ искусства и литературную форму, Помпоній Болонскій старался въ тоже время по возможности сохранить первоначальный ихъ характеръ. Помня, что постояннымъ назначеніемъ осскихъ фарсовъ искони было изображеніе жизни нисшихъ слоевъ общества, Помпоній съ намѣреніемъ удержалъ въ своихъ пьесахъ, какъ положительно говоритъ Веллей Патеркулъ (verpis rubem), и какъ ясно свидѣтельствуютъ до насъ отрывки, грубую и неизящную рѣчь старинныхъ ателланъ, несмотря на то, что языкъ римской комедіи уже совершенно выработался и даже принялъ изящныя формы въ произведеніяхъ Теренція, Цецилія и Афранія. Въ то же время Помпоній удержалъ въ своихъ ателланахъ, освященные временемъ, древніе осскіе типы, но ничто не заставляетъ думать, что эти типы въ его пьесахъ представляли собою исключительно древніе кампанскіе характеры съ полнымъ удержаніемъ того отпечатка, который наложила на нихъ Ателла и римская молодежь, послѣ того какъ осскіе фарсы появились въ вѣчномъ городѣ. Въ такомъ случаѣ это были бы мертвые типы, которые не могли представить собою ничего интереснаго для современниковъ Помпонія, и притомъ безпрестанное, стереотипное повтореніе однихъ и тѣхъ же характеровъ, конечно, скоро наскучило бы публикѣ и нисколько не могло бы сдѣлать ателланы любимыми народными пьесами. Напротивъ мы должны принять, что въ осскихъ типахъ Помпонія и послѣдующихъ ателланистовъ отражался современный имъ римскій быть. Основный характеръ осскихъ типовъ былъ удержанъ, но въ то же время видоизмѣнился вмѣстѣ съ вѣкомъ. Маккъ по прежнему остался представителемъ глупости, но только глупости не кампанскаго простолюдина, а современнаго Помпонію Римлянина. Паппусъ по прожнему выводился на сцену честолюбивымъ, жаднымъ, или сластолюбивымъ шутомъ, но только въ проявленіи этихъ недостатковъ и пороковъ современники Помпонія изъ Боконьи видѣли уже себя, а не древнеосскаго Паппуса. Однимъ словомъ,

ателланы въ тотъ періодъ своего существованія, который мы теперь разсматриваемъ, наполнены были намеками на современность и нерѣдко даже политическими выходками, что̀ и было, какъ мы увидимъ, одною изъ главныхъ причинъ паденія ихъ на римской сценѣ.

Итакъ одна изъ коренныхъ реформъ, которую испытали ателланы въ VII–мъ столѣтіи, состояла въ томъ, что онѣ были приноровлены къ вѣку и утратили свой исключительно осскій характеръ. Это видно уже изъ многихъ дошедшихъ до насъ заглавій ателланъ, напр. Трансальпинскіе Галлы, Мартовскія календы и проч., или изъ такихъ заглавій, которыя ясно показываютъ, что дѣйствіе пьесы происходитъ въ Римѣ. Это нововведеніе расширило содержаніе ателланъ и дало ему болѣе простора. Ателланы, заключенныя прежде въ тѣсную рамку деревенскаго быта и изображенія жизни въ небольшихъ городахъ, съ перенесеніемъ дѣйствія въ Римъ могли приняться за возсозданіе новыхъ сторонъ жизни, что̀ очень обогатило и разнообразило ихъ содержаніе. Основною, характеристическою чертою осскихъ типовъ была, какъ мы уже видѣли, ихъ мужиковатость, деревенская простота и недальновидность. Столкновеніе подобныхъ типовъ съ великосвѣтскою образованностію и утонченнымъ плутовствомъ всемірнаго города должно было придать много новыхъ комическихъ сторонъ ателланамъ. Сколько пьесъ и у насъ основано на контрастѣ провинціализма съ столичною жизнію! Какъ много пищи доставляетъ и нашимъ водевилистамъ пріѣздъ провинціала въ столицу; его удивленіе, обманы, которыхъ онъ дѣлается жертвою, и наконецъ желаніе его копировать чуждые ему дотолѣ привычки и нравы! И всѣмъ этимъ внѣшнимъ разнообразіемъ осскіе фарсы обязаны были Помпонію;—причина, достаточная для того, чтобы назвать его изобрѣтателемъ, или творцомъ ателланъ.

Вообще, судя по нѣкоторымъ отзывамъ древности, Помпоній пріобрѣлъ себѣ славу хорошаго писателя, и какъ ателланистъ пользовался большою извѣстностію. Въ то же время, какъ видно, Помпоній былъ очень плодовитый писатель, потому что римскіе грамматики сохранили намъ 65 названій его пьесъ, изъ которыхъ бо́льшая часть были ателланы. Очень можетъ быть, что въ этомъ числѣ было также нѣсколько римскихъ комедій (togatæ), и потому неудивительно, что одинъ изъ древнихъ схоліастовъ Горація (въ Scholia Cruquiana) ставитъ имя Помпонія въ числѣ представителей римской національной комедіи. Впрочемъ, изъ подобныхъ свидѣтельствъ не всегда можно дѣлать точные выводы, потому что

и въ настоящемъ случаѣ древній схоліастъ легко могъ перемѣшать съ римскою комедіею ателланы, въ которыхъ выводились на сцену Римляне, — да и вообще по одному названію пьесы не всегда можно судить съ вѣрностію, къ какому отдѣлу драматической литературы она относится.

Современно съ Помпоніемъ жилъ въ Римѣ другой извѣстный ателланистъ Новій.—Онъ не уступалъ своему сопернику ни числомъ, ни достоинствомъ своихъ произведеній, которыя обращали на себя общее вниманіе. Это ясно изъ свидѣтельства Макробія, который (Saturn. VII, 9.) называетъ его probatissimus Atellanarum scriptor. — Для подтвержденія этого свидѣтельства Мункъ (стр. 119) приводитъ еще слѣдующій отрывокъ изъ письма императора Марка Авреліа къ Фронтону: «Я», пишетъ Маркъ Авреліи «составилъ для себя въ послѣднее время извлеченія въ пяти книгахъ изъ 60 сочиненій; но для того, чтобы ты не испугался этого числа, скажу тебѣ, что въ числѣ этихъ 60 сочиненій находятся ателланы Новія и небольшія рѣчи Сципіона.» — Нѣтъ сомнѣнія впрочемъ, что Маркъ Авреліи дѣлалъ извлеченія изъ ателланъ Новія не потому, что онѣ имѣли въ его глазахъ большую цѣну въ литературномъ отношеніи, но для цѣлей лингвистическихъ, для отысканія древнихъ формъ латинской рѣчи, которыя, какъ мы увидимъ, обращали на себѣ въ это время большое вниманіе римскихъ ученыхъ. Древніе грамматики приводятъ названіе болѣе 40 ателланъ Новія, но въ этомъ случаѣ число драматическихъ произведеній этого писателя не можетъ быть опредѣлено съ точностію, потому что имя Новія переписчики не рѣдко перемѣшивали съ именами Невія и даже Ливія. О жизни Новія мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ извѣстіи; что же касается до характера его пьесъ, то намъ извѣстно, что онъ слишкомъ уже воспользовался свободою ателланъ и не рѣдко выступалъ въ нихъ изъ границъ приличія и даже нравственности.

Нѣкоторые изъ новѣйшихъ ученыхъ помѣщаютъ въ числѣ римскихъ ателланистовъ также Доссена, но совершенно ошибочно.— Изъ словъ Горація *), на которыя они обыкновенно ссылаются при этомъ, нисколько не слѣдуетъ, что Доссенъ посвятилъ себя той же отрасли римской драматической литературы, на которой съ

*) Horat. Epist. II, 1, 168:

adspice, Plautus
Quo pacto partes tutetur amantis ephebi!
Ut patris attenti, lenonis ut insidiosi!
Quantus sit Dossennus edacibus in parasitis!
Quam non adstricto percurrat pulpita socco!

такимъ успѣхомъ трудились Помпоній и Новій. Въ означенномъ мѣстѣ Горацій упрекаетъ нѣкоторыхъ изъ римскихъ комиковъ за ихъ небрежность и между прочимъ, совершенно несправедливо, говоритъ, будто Плавтъ очень неудачно изображаетъ въ своихъ комедіяхъ влюбленныхъ юношей, заботливыхъ отцовъ и нѣкоторые другіе характеры, а потомъ прибавляетъ, что какой-то неизвѣстный намъ Доссенъ очень неточенъ въ изображеніяхъ прожорливыхъ параситовъ. Есть ли тутъ какой-нибудь намекъ на ателланы? Паразитъ былъ непремѣннымъ и любимымъ дѣйствующимъ лицомъ, безъ котораго не обходилась почти ни одна римская комедія. Поэтому съ гораздо бо́льшимъ основаніемъ можно думать, что Доссенъ, надъ которымъ смѣется здѣсь Горацій, принадлежалъ къ числу писателей такъ-называвшейся comœdia palliata, или togata *). Дѣйствительно, изъ свидѣтельствъ другихъ писателей древности видно, что въ числѣ римскихъ комиковъ былъ Фабій Доссенъ, и Плиній (Hist. nat. XIV, 13) приводитъ даже одинъ стихъ изъ его комедіи «Acharistion». Все остальное о Доссенѣ намъ неизвѣстно, но, судя по греческому названію его пьесы, мы имѣемъ право заключить, что онъ не былъ ателланистомъ, а скорѣе принадлежалъ къ разряду представителей fabulæ palliatæ **).

Помпоній и Новій заключаютъ собою на долгое время только что начавшійся рядъ ателланистовъ, хотя усовершенствованные ими старинные осскіе фарсы нашли полное сочувствіе въ большинствѣ посѣтителей тогдашняго римскаго театра. Въ послѣдствіи, какъ мы увидимъ, ателланы снова явились на римской сценѣ и еще долго существовали на ней, постоянно оставаясь любимыми пьесами публики.

Итакъ, литературная обработка ателланъ прекратилась на время вмѣстѣ съ названными мною писателями, и главною тому причи-

---

*) Съ тѣхъ поръ какъ римскіе комики уклонились отъ исключительнаго подражанія греческимъ образцамъ, комедія распалась въ Римѣ на два главные отдѣла—comœdia или fabula togata и palliata. Первая изъ нихъ, которая получила названіе свое отъ тоги (toga), римской національной одежды, брала содержаніе для себя исключительно изъ римской жизни, а вторая, т. е. comœdia palliata, постоянно оставалась подражаніемъ пьесамъ греческаго репертуара и получила названіе свое отъ pallium, также извѣстнаго рода одежды, въ которой являлись въ ней на сцену дѣйствующія лица.

**) Мнѣніе о томъ, что Сулла посвящалъ свои досуги сочиненію ателланъ, также не основано ни на одномъ положительномъ свидѣтельствѣ древности. Нѣкоторые причисляютъ къ ателланистамъ также извѣстнаго римскаго комика Афранія, основываясь на заглавіи одной изъ его пьесъ: «Bucco adoptatus».

ною, безъ сомнѣнія, было то обстоятельство, что подъ конецъ періода республики ателланы подверглись въ Римѣ гоненіямъ и опалѣ. Такая участь постигла ихъ въ диктаторство Юлія Цезаря. Понятна нелюбовь Цезаря къ древнимъ осскимъ фарсамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ ателланы отъ исключительнаго изображенія кампанскаго быта обратились къ современности, онѣ не рѣдко принимали характеръ сатиры, которая не щадила пороки и честолюбіе лицъ, стоявшихъ во главѣ государства. Все это не могло нравиться Цезарю, и онъ объявилъ себя покровителемъ мимовъ — также сценическихъ фарсовъ, которые однако къ своимъ остротамъ не примѣшивали политическихъ выходокъ и, какъ греческая новая комедія, касались общихъ человѣческихъ пороковъ *).

Несмотря однако на всѣ гоненія, которымъ подверглись ателланы при Юліи Цезарѣ и въ особенности при преемникахъ Августа, никогда еще эти осскіе фарсы не достигали въ Римѣ такого значенія, какъ въ разсматриваемое нами время. Но это было уже не литературное значеніе, которое такъ старались придать имъ Помпоній и Новій, а значеніе политическое. Сатира ателланъ

*) Мимы также подобно ателланамъ были первоначально грубыми фарсами, которыя почти одновременно съ ателланами получили литературную форму. Онѣ сдѣлались мѣстными (локальными) фарсами и заимствовали содержаніе для себя изъ ежедневной городской жизни. Въ вѣкѣ Юлія Цезаря мимы сдѣлались господствующими на римской сценѣ и разыгрывались на ней, какъ прежде ателланы, послѣ пьесъ серіознаго содержанія, что̀ ясно видно изъ писемъ Цицерона (напр. ad Fam. IX, 16).—Въ другихъ своихъ письмахъ, которыя относятся ко времени диктаторства Юлія Цезаря (напр. ad Fam. VII, 1), Цицеронъ, этотъ interprète expressif des opinions du moment, какъ очень вѣрно называетъ его M. Мейеръ (стр. 37), съ большимъ пренебреженіемъ отзывается объ ателланахъ, изъ чего также видно, что онѣ не пользовались расположеніемъ правительства. Потому мѣсто ателланистовъ заняли въ это время мимографы, изъ которыхъ въ особенности извѣстны намъ Децимъ Лаберій, римскій всадникъ, и рабъ Публій Сиръ или Сиріецъ (Syrus). Сначала Цезарь покровительствовалъ Дециму Лаберію, но ошибся въ своихъ разсчетахъ и вскорѣ разошелся съ нимъ по слѣдующему обстоятельству. Онъ заставилъ Лаберія выйдти на сцену въ сочиненномъ имъ мимѣ; римскій всадникъ почувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ тѣмъ, что всемощный диктаторъ принудилъ его унизиться до актерства. Лаберій отмстилъ Цезарю тѣмъ, что публично обратился къ зрителямъ съ жалобою на Цезаря въ знаменитомъ прологѣ, сохраненіемъ котораго мы обязаны Макробію (Saturn. II, 7). Затѣмъ Цезарь далъ предпочтеніе рабу Публію Сиру, который, безъ сомнѣнія, въ угоду своему патрону, замѣнилъ въ своихъ пьесахъ политическія выходки нравственными сентенціями. — Такимъ образомъ пьесы Публія Сира представляли странную смѣсь самыхъ грязныхъ остротъ съ моралью.

этого времени сдѣлалась ужасною, неумолимою и открыто поражала даже тѣ лица, которыхъ воля, прихоть и самое безуміе служили закономъ для цѣлаго міра. Здѣсь я долженъ повторить то же самое замѣчаніе, которое уже прежде сдѣлалъ, говоря о римской трагедіи періода имперіи *). Римская драма въ этотъ періодъ не рѣдко служила выраженіемъ и пропагандою личныхъ, задушевныхъ убѣжденій писателей, которые недовольны были реформою Цезаря и Августа,—она сдѣлалась въ рукахъ нѣкоторыхъ писателей, напримѣръ Мамерка Эмилія Скавра и Куріація Матерна средствомъ для пробужденія въ Римлянахъ сочувствія къ былому.

Примѣръ названныхъ мною трагиковъ, которые погибли жертвами своей пропаганды, не удержалъ, какъ мы увидимъ, ателланистовъ отъ рѣзкихъ выходокъ противъ Кесарей, и Светоній вмѣстѣ съ Тацитомъ сохранили намъ довольно примѣровъ смѣлости ателланистовъ, которые дорого поплатились за свои остроты. Дѣйствительно, нельзя не удивляться отважности ателланистовъ, которые придали осскимъ фарсамъ этого времени характеръ древней аттической комедіи. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что подобнымъ характеромъ не отличалась римская комедія даже въ періодъ республики. Припомнимъ здѣсь, что Невій почти при самомъ началѣ римской искусственной литературы, слѣдовательно, во времена гораздо болѣе удобныя для сатиры, пострадалъ за свои нападки на римскихъ аристократовъ *), и примѣръ его удержалъ послѣдующихъ римскихъ комиковъ отъ политическихъ выходокъ въ своихъ пьесахъ, какъ довольно ясно говоритъ объ этомъ Плавтъ въ «Хвастливомъ солдатѣ» (Mil. glor. II, 2, 56).

Въ царствованіе Августа ателланы также не появлялись на римской сценѣ, хотя этотъ императоръ былъ большимъ покровителемъ всѣхъ публичныхъ зрѣлищъ и въ особенности театральныхъ (Sueton. Aug. 43). За то, начиная съ царствованія Тиберія, ателланы принимаютъ этотъ рѣзкій характеръ политической сатиры, о которомъ я говорилъ выше. Самъ Тиберій, какъ видно, не рѣдко былъ осмѣиваемъ на сценѣ въ ателланахъ и наконецъ, по свидѣтельству Тацита (Annal. IV, 14), донесъ сенату о развратѣ актеровъ и о томъ, что они возмущаютъ народъ. Послѣ этого, прибавляетъ Тацитъ, актеры были изгнаны изъ Италіи. Несмотря однако на открытую нелюбовь Тиберія къ осскимъ фарсамъ, въ его царствованіе является въ Римѣ третій и послѣдній изъ извѣстныхъ намъ ателланистовъ — Меммій, или, какъ значится въ нѣкоторыхъ манускриптахъ, Мемміанъ. Онъ былъ любимцемъ Калигулы, который

*) Gell. Noct. Att. III, 3.

*) См. Журн. М. Нар. Просвѣщ. 1848 № 6.

скриптахъ, Муммій, котораго Макробій называетъ возстановителемъ ателланъ *).

Возстановленныя Мемміемъ ателланы приняли еще болѣе рѣзкій характеръ сатиры и какъ бы силились вознаградить себя новыми выходками за все время гоненій, которыя онѣ испытали, начиная съ диктаторства Юлія Цезаря. Даже трагическая судьба, какъ самихъ ателланистовъ, такъ и актеровъ, которые не боялись публично насмѣхаться надъ Кесарями, не могла уничтожить такого направленія ателланъ этого времени. — Калигула велѣлъ публично сжечь въ амфитеатрѣ одного ателланиста, за двусмысленность нѣкоторыхъ стиховъ въ его пьесѣ (Sueton. Calig. 27). Очень интересна также выходка актера Дата противъ Нерона, Когда Дату, разказываетъ Светоній (Nero 39), пришлось въ одной ателланѣ пѣть кантику (куплетъ), начинавшуюся словами: ὑγίαινε πάτερ, ὑγίαινε μῆτερ, т. е. будь здоровъ отецъ, будь здорова мать, то онъ сдѣлалъ жестъ, которымъ обозначилъ сначала пьющаго, а потомъ плавающаго, намекая тѣмъ на смерть Клавдія и Агриппины. Впрочемъ, Неронъ былъ гораздо снисходительнѣе Калигулы къ личнымъ оскорбленіямъ, и Светоній удивляется терпѣливости его и равнодушію ко всѣмъ обидамъ, которыя наносили ему публично. Поэтому и наказаніе Дата ограничилось только тѣмъ, что онъ былъ высланъ изъ Италіи.

Приведемъ еще изъ Светонія (Galba 12) любопытный разказъ о томъ, какъ встрѣтили въ Римѣ Гальбу. Скупость Гальбы была извѣстна въ Римѣ еще до его воцаренія, и потому въѣздъ его въ вѣчный городъ не сопровождался обычными восторгами народа. По случаю прибытія новаго Кесаря между прочими увеселеніями въ Римѣ были также спектакли, и когда актеръ, при представленіи одной ателланы, въ которомъ присутствовалъ Гальба, запѣлъ извѣстный всѣмъ куплетъ: «venit io Simus a villa» т. е. «вотъ пришелъ Симъ изъ деревни», то зрители хоромъ подхватили этотъ стихъ и нѣсколько разъ повторили цѣлую кантику, начинавшуюся этими словами. Наконецъ Домиціанъ казнилъ сына Гельвидія за то, что тотъ въ одномъ exodium осмѣлился сдѣлать намекъ на разводъ его съ Домиціею. (Sueton. Domit. 10).

Во II–мъ и въ III–мъ вѣкахъ христіянской эры ателланы начали обращать на себя вниманіе многихъ Римлянъ, и между прочимъ, какъ мы уже замѣтили выше, императора Марка Аврелія, но на

*) Macrob. Saturn. II, 1: «C. Memmius quoque, qui post Novium Pomponiumque diu jacentem artem Atellaniam suscitavit etc.» Подробностей о жизни Меммія мы не знаемъ. — До насъ дошло только заглавіе одной изъ Мемміевыхъ ателланъ, которая называлась Junius.

этотъ разъ онѣ были обязаны этимъ вниманіемъ не своимъ остротамъ, а древнимъ формамъ латинской рѣчи, которыя все болѣе и болѣе находили изслѣдователей. Образованные Римляне этого времени вообще обратились къ изученію литературныхъ памятниковъ предшествовавшихъ періодовъ, потому что современность представляла имъ мало утѣшительнаго въ этомъ отношеніи. Но невзыскательная толпа по прежнему любила осскіе фарсы, и ателланы къ вѣкъ Ювенала (Sat. VI, 71) по прежнему смѣшили народъ въ Римѣ и по большимъ городамъ Италіи.

Впрочемъ никогда еще литературная сторона ателланъ не оставалась въ такомъ жалкомъ пренебреженіи, какъ въ это время: весь эффектъ ихъ былъ разсчитанъ на циническія остроты и отдѣльныя сцены, которыя еще никогда не были такъ грязны и такъ безстыдны. — Можетъ-быть, нигдѣ такъ ярко не отразился совершенный упадокъ нравственности въ Римѣ, какъ въ ателланахъ, и писатель начала III-го вѣка, Тертулліанъ (de Spectaculis c. 17.), имѣлъ полное основаніе назвать римскій театръ своего времени privatum consistorium impudicitiae.

Едва ли, говоритъ Мункъ (стр. 129), кто нибудь въ это время писалъ ателланы; невѣроятно даже, чтобы въ эту эпоху разыгрывались на римской сценѣ пьесы Помпонія и Новія. Ателланы этого времени, по всей вѣроятности, усвоили себѣ древній свой характеръ импровизаціи, съ которой онѣ начались, и представляли собою отвратительную смѣсь грязныхъ остротъ, непристойныхъ пѣсенъ и безнравственной жестикуляціи. По старинному обычаю, господствовавшему на римской сценѣ, ателланы и теперь еще разыгрывались послѣ другихъ пьесъ болѣе серьознаго и приличнаго содержанія и служили дивертисементомъ. Потому и актеры, участвовавшіе въ ателланахъ, назывались въ IV-мъ вѣкѣ экзодіаріями (exodiarius).

Около этого же времени ателланы совершенно сливаются съ мимами и пантомимами. Не только особенность ихъ, состоявшая въ осскихъ типахъ, но и самое имя исчезаетъ съ римской сцены. — Любимыми пьесами публики являются намъ въ это время мимы и пантомимы, изъ которыхъ первыя не уступали ателланамъ своимъ грязнымъ характеромъ, а вторыя, исключивъ весь текстъ и діалогъ, выражали содержаніе пьесы одною только жестикуляціею и мимикою. Потому мы можемъ смотрѣть на римскія пантомимы, какъ на начало балета и вообще хореграфическаго искусства, изслѣдованіе котораго не можетъ однако входить въ область исторіи римской литературы.

Н. Благовѣщенскій.

ПРИПИСКА ИЗДАТЕЛЯ. Пользуюсь остающеюся бѣлою полосою (какъ говорятъ въ типографіяхъ), чтобы высказать нѣсколько замѣчаній, имѣющихъ цѣлію связать живую характеристику римскихъ ателланъ, которую читатели нашли въ этой статьѣ, съ вопросами, которые, по поводу нѣсколькихъ произведеній, появившихся въ послѣднее время, сильно заинтересовали нашу эстетическую критику. Римскія ателланы — народная комедія; въ нихъ были лица, вѣрныя своему типу; были подробности рѣзкія и яркія; но спрашивается, можно ли поставить ихъ на ряду съ настоящими комедіями, и ежели нельзя, то что̀ отличаетъ ихъ отъ комедій литературныхъ, чего имъ недостаетъ противъ послѣднихъ? Ограничиваясь двумя указанными пунктами — выдержанностью характеровъ и гиперболическою яркостью общаго колорита, — легко замѣтить, что характерность дѣйствующихъ лицъ въ ателланахъ, какъ и вообще въ подобныхъ имъ комедіяхъ-фарсахъ (все равно въ народныхъ ли, съ постоянными, народомъ подмѣченными типами, или въ литературныхъ, съ типами, подмѣченными литераторомъ), скорѣе можетъ быть сравнена съ всегдашнею выдержанностью характеровъ въ народныхъ эпическихъ пѣсняхъ, нежели съ выдержанностью характеровъ собственно драматическихъ. Драма есть, прежде всего, *дѣйствіе* и состоитъ въ томъ, что дѣйствующія лица развиваютъ каждое свой характеръ, и выказывая всю свою натуру, вполнѣ открываютъ глаза зрителю на себя и на свое положеніе. Поэтому драматическая выдержанность заключается не въ томъ, чтобы типъ, взятый цѣликомъ изъ жизни, остался до конца драмы тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ въ ея началѣ, а въ томъ, чтобы характеръ, интересующій поэта, совершенно выяснилъ себя въ дѣйствіи, чтобы то, что составляетъ его глубочайшую основу, было вполнѣ раскрыто, незатемненное, какъ въ жизни, случайною примѣсью элементовъ, происходящихъ отъ другихъ началъ. Очевидно, что для этого поэтъ долженъ стоять выше своихъ лицъ и чувствовать себя въ правѣ совершить надъ ними свой драматическій судъ. Это равно относится и къ трагедіи и къ комедіи и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзко отдѣляетъ художественную комедію, высокій плодъ личнаго творчества, отъ комедіи народной, весело смѣющейся надъ бросающимися въ глаза внѣшними чертами народной жизни. Имѣя дѣло съ явленіями и не проникая до ихъ существенной основы, не углубляясь до ихъ корня и не отыскивая ихъ сокровеннаго сѣмени, народная комедія не въ состояніи вполнѣ исчерпать своихъ героевъ и потому принуждена оставлять за ними право существовать; лица выходятъ изъ пьесы такими же, какими вступили въ нее, и готовыми вступить въ новую пьесу; драматическаго суда надъ ними не происходитъ; пьеса оставляетъ впечатлѣніе, подобное тому, какое производитъ и жизнь: не возвышаетъ и не освобождаетъ зрителя. — Не менѣе рѣзко отличается и гипербола народной комедіи, и вообще комедіи-фарса, отъ гиперболы комедіи-драмы. Первая состоитъ въ преувеличенной яркости внѣшнихъ проявленій смѣшнаго; она изображаетъ тѣ же явленія, которыя представляетъ и жизнь, только въ бо́льшихъ размѣрахъ. Напротивъ того, созданія истиннаго комическаго творчества, каковы созданія нашего безсмертнаго **ГОГОЛЯ,** удаляются тѣмъ отъ обыкновенныхъ явленій жизни, что схватываютъ какую бы то ни было превратность въ самой ея основѣ и изображаютъ ее, ничѣмъ не прикрытую и ничѣмъ не стѣсненную. Превратность, раскрывшая свободно и до крайнихъ предѣловъ все свое существо, сама собою падаетъ въ свое ничтожество и на мѣсто наклонности къ себѣ вызываетъ въ зрителяхъ смѣхъ надъ собою, этотъ вѣрнѣйшій признакъ полнаго освобежденія. Зритель выноситъ впечатлѣніе, болѣе того, какое можно вынести изъ зрѣлища жизни. Комедія даетъ ему болѣе, чѣмъ жизнь, но это *болѣе* заключается не въ меньшей естественности, а въ большей выразительности. Гипербола совершенно другаго рода, нежели та внѣшняя гипербола комедіи-фарса, переходящая въ несоотвѣтствіе съ жизнію, если только взять жизнь въ ея нормальномъ видѣ.

РИМСКІЯ ЖЕНЩИНЫ ПО ТАЦИТУ.

АГРИППИНА МЛАДШАЯ.

Намъ нѣтъ еще никакой оособенной нужды выходить изъ поколѣнія, современнаго Клавдію, чтобы продолжать далѣе наши наблюденія надъ нравственнымъ состояніемъ римской женщины. Вообще время было плодовито на преступленія, но послѣдніе годы Клавдія гораздо болѣе, чѣмъ тѣ, которые предшествовали смерти Мессалины. Женщина не отставала отъ своего времени; если судить по самымъ виднымъ примѣрамъ, то можно бы даже сказать, что она предупреждала самое время, впервые знакомя его съ нѣкоторыми, дотолѣ почти неизвѣстными, проявленіями женской страсти, или, точнѣе сказать, мужской страсти въ сердцѣ женщины. Одинъ такой примѣръ мы передадимъ русскимъ читателямъ со словъ того же великаго историка древности, которому слѣдовали и прежде въ разказахъ о римскихъ женщинахъ временъ имперіи.

Родъ Германика продолжался въ его дѣтяхъ. Никто изъ нихъ не прибавилъ ничего къ чистой памяти отца; нѣкоторые составили себѣ довольно громкое имя; но Германикъ, еслибы онъ былъ живъ, первый отказался бы отъ подобнаго имени, какъ отъ безчестія. Изъ сыновей его Кай Калигула нашелъ средства, еще до Клавдія, опозорить славное титло цезаря. Изъ дочерей, Агриппина умѣла въ послѣдствіи накопить на своемъ имени такъ много черныхъ дѣлъ, что иной подумалъ бы, что между нею и матерью, Агриппиною старшею, прошло нѣсколько поколѣній: съ такою вѣроятною быстротою возрастала легкость, съ которою совершались преступныя дѣла, уничтожающія человѣческое достоинство. Но въ общей исторіи человѣчества почти не менѣе поучительны случаи быстраго моральнаго паденія, какъ и вѣрное движеніе впередъ по направленію къ возвышеннымъ цѣлямъ. Надобно только, чтобы наблюдатель изучалъ каждое явленіе на свойственномъ ему мѣстѣ и изъ условій его же времени.

Отъ дѣтства и юности Агриппины младшей лишь очень немногое осталось на памяти исторіи. Если позволено заключать отъ времени полнаго развитія индивидуальныхъ силъ къ первому возрасту и первымъ средствамъ человѣка, то надобно предположить, что дочь Германика наслѣдовала столько же отъ матери, сколько и отъ отца, очень сильную душу и крѣпкую волю. Труднѣе сдѣлать заключеніе о первыхъ направленіяхъ, которымъ она должна была слѣдовать въ своей первой молодости. Записки, которыя она сама вела о своей жизни, невозвратно утрачены *), а историкъ, почерпавшій изъ нихъ свои сказанія, говоритъ лишь о томъ времени ея жизни, когда она играетъ политическую роль въ Римской Имперіи. Видно впрочемъ, что школа, съ которой начала Агриппина, была школа несчастій. Довольно припомнить, что было время, когда осиротѣвшая семья Германика была окружена ненавистью и предательствомъ, и что только неусыпно–бдительный глазъ матери могъ предохранить ее отъ яда и тайнаго убійства **). Даже посторонія лица, если они имѣли несчастіе принадлежать къ друзьямъ Германикова дома, не могли избѣжать отъ преслѣдованій. При недостаткѣ внѣшней безопасности, семья Германика не могла похвалиться и внутреннимъ миромъ: братья враждовали другъ другу, подъискивались одинъ подъ другаго; Друзъ согласился даже быть орудіемъ Сеяна, чтобы погубить брата своего Нерона ***). Мать изнемогала отъ этой непрерывной, ожесточенной борьбы съ явными и тайными врагамн, которые, погубивъ мужа, какъ кроты силились подкопаться и подъ благосостояніе ея дѣтей, и со дня на день становилась раздражительнѣе; ожесточеніе было наконецъ обыкновеннымъ состояніемъ ея души. Какая злосчастная среда для воспитанія женщины! Тутъ не найдешь мѣста не только любви, но едва ли даже простой человѣческой пріязни; за то, конечно, было гдѣ вырости тѣмъ разрушительнымъ страстямъ, которыя въ своемъ необузданномъ разливѣ потрясаютъ общество въ самыхъ его основаніяхъ.

Губя одной рукою, и притомъ большею частію втайнѣ, Тиберій любилъ въ то же время свободно протягивать другую въ видѣ покровителя и благодѣтеля своихъ же собственныхъ жертвъ. Какъ отецъ Агриппины младшей по усыновленію, онъ позаботился устроить ея домашнее счастіе и для того указалъ ей мужа въ лицѣ Кн. Домиція Агенобарба. Тацитъ прерываетъ главу сво-

*) Ann., IV, 53.
**) См. Римскія женщины, въ I-й кн. «Пропилеевъ» отд. I стр. 285.
***) Ann. IV, 60.

ихъ «Лѣтописей» именно въ томъ пунктѣ, гдѣ бы мы ожидали отъ него или нѣсколько подробностей объ этомъ нечаянномъ союзѣ, или хотя нѣкоторыхъ данныхъ относительно лицъ, вступившихъ въ союзъ, и ихъ взаимныхъ отношеній. Мы должны прибѣгнуть къ справкамъ, чтобы по крайней мѣрѣ узнать характеръ Домиція, лица для насъ совершенно новаго, и дѣйствительно узнаемъ отъ біографа первыхъ цезарей вотъ какія подробности *): Домицій происходилъ отъ довольно знаменитаго рода Домиціевъ, считался въ родствѣ съ Августомъ, сопровождалъ одного изъ внуковъ Августа (К. Цезаря) въ походѣ его на Востокъ, убилъ тамъ одного отпущенника, который не хотѣлъ пить болѣе, чѣмъ сколько могъ, и послѣ того долженъ былъ оставить службу. Въ Римѣ у него тоже была своя мѣстная репутація: тамъ разказывали о немъ, напримѣръ, какъ однажды на Аппіевой-дорогѣ переѣхалъ онъ мальчика, будто не замѣтивъ его, или какъ, въ жару спора, среди самаго форума, выкололъ глазъ одному римскому всаднику. Кромѣ того въ Римѣ знали Домиція за такого человѣка, съ которымъ нельзя имѣть никакого дѣла, потому что онъ непремѣнно проведетъ и обманетъ; на памяти римскихъ авригъ, между которыми онъ былъ извѣстенъ за одного изъ самыхъ ретивыхъ наѣздниковъ, было особенно много такихъ случаевъ. Вообще, по словамъ біографа, это былъ «самый негодный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ» **).

Трудно заключить что̀-нибудь хорошее о такомъ супружествѣ. Воздерживаясь впрочемъ отъ всѣхъ предположеній, замѣтимъ только одно обстоятельство, приводимое тѣмъ же біографомъ, то-есть, что еще при жизни своего свата и покровителя, Домицій уже обличенъ былъ передъ нимъ въ преступныхъ связяхъ съ своею сестрою. Только смерть Тиберія и послѣдовавшая за тѣмъ перемѣна въ политическихъ обстоятельствахъ помогли ему такъ или иначе выпутаться изъ бѣды. Дѣло не имѣло никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій, и черезъ нѣсколько времени послѣ того супружескій союзъ Домиція и Агриппины повидимому даже скрѣпился рожденіемъ сына, названнаго также Домиціемъ, будущаго Нерона. Ничто однако не можетъ сравниться въ странности съ тѣмъ привѣтствіемъ, которымъ самъ отецъ встрѣтилъ первое вступленіе въ свѣтъ своего сына ***). Увѣряютъ, что, когда друзья поздравляли его съ новорожденнымъ, онъ въ отвѣтъ выражалъ лишь свое сильное сомнѣніе, чтобы отъ него и Агриппины могло про-

*) Suet. Ner. 5.

**) Ibid. omni parti vitae detestabilem.

***) Ibid. c. 6.

изойдти что̀–нибудь годное и безвредное для общеѣства. Если это изреченіе справедливо хотя въ половину, то, не говоря еще ничего о сынѣ, какѳе понятіе должны мы получить о родителяхъ? Что̀ же касается до новорожденнаго, то Домицій не могъ видѣть на немъ исполненіе своего предчувствія: онъ умеръ, когда тому только–что исполнилось три года.

Если переворотъ, который открылся смертію Тиберія и заключился возведеніемъ въ то же достоинство Кая Калигулы, былъ особенно благопріятенъ для Домиція, то Агриппина, безъ сомнѣнія, также считала его счастливымъ случаѣмъ въ своей жизни: вновь провозглашенный цезарь былъ родной братъ ея. По крайней мѣрѣ внѣшнее ея положеніе должно было измѣниться къ лучшему. Кай показалъ себя большимъ ревнителемъ внѣшней чести своего дома: онъ хотѣлъ, чтобы равное съ нимъ почтеніе воздавалось и его сестрамъ *). Консулы обязаны были въ заключительной формулѣ своихъ донесеній называть цезаря вмѣстѣ съ его сестрами. Было чѣмъ польститься всякой изъ нихъ, въ которой только не было недостатка въ гордости и честолюбіи. Но Кай нашелъ еще иное, только ему свойственное средство приблизить къ себѣ своихъ сестеръ: онъ, какъ извѣстно, дѣлилъ между *всѣми* ими права на себя своей жены **). Очень опредѣленное выраженіе, употребленное при семъ случаѣ біографомъ, почти не оставляетъ мѣста сомнѣнію, что Агриппина также участвовала въ позорной чести, оказанной со стороны цезаря прочимъ ея сестрамъ. Такое посрамленіе лучшихъ женскихъ чувствъ въ ней особенно могло имѣть мѣсто по смерти мужа, которая по всей вѣроятности послѣдовала еще при жизни Калигулы,—хотя, съ другой стороны, не было бы никакихъ важныхъ причинъ сомнѣваться, если бы кто вздумалъ утверждать, что Домицій могъ еще быть современникомъ своего семейнаго безчестія. Едва ли нужно говорить, что отношенія, подобныя тѣмъ, какія существовали между Каемъ и его сестрами, были всего способнѣе—стереть въ женщинѣ все женственное.

Не мало также дурныхъ чувствъ должно было накопиться въ душѣ Агриппины послѣ Калигулы, когда старикъ Клавдій заступилъ его мѣсто. Не видно, чтобы онъ гналъ племянницу, или хотя бы только недоброжелательствовалъ ей: это было не въ его духѣ, едва ли даже въ его силахъ. Но для гордой души чувствительна была даже всякая кажущаяся потеря: ибо смерть брата естественно положила конецъ тому безумному почету, которымъ пользовались сестры

*) Dio, LIX. Suet. ibid.

**) См. Римскія женщины, въ I-й кн. Проп. стр. 289.

при его жизни. Неизвѣстно, что имѣлъ Тацитъ разказать объ Агриппинѣ въ потерянныхъ главахъ своихъ «Лѣтописей»; но въ тѣхъ, которыя дошли до насъ, до самой смерти Мессалины, ему почти не представилось случая говорить о племянницѣ цезаря, конечно потому, что во все это время она не могла играть никакой значительной роли. Не утверждая ничего положительно, мы однако позволяемъ себѣ объяснять самою незначительностію того положенія, въ какомъ Агриппина находилась при Клавдіѣ, и новый бракъ ея съ такимъ незначительнымъ лицомъ, какъ нѣкто Пассіенъ, о которомъ мы едва знаемъ, что онъ былъ когда-то ораторомъ, и который, едва показавшись въ исторіи, потомъ исчезаетъ изъ нея навсегда *). Надобно полагать, что день его брака и день смерти раздѣлены были между собою не очень большимъ разстояніемъ, и что имѣніе Пассіена, которое потомъ досталось сыну Агриппины, было для нея не послѣднею приманкою, когда она рѣшалась вторично подать руку на брачный союзъ **). Но ничто такъ не могло уязвить женщину съ честолюбіемъ, женщину гордую, какъ когда то самое мѣсто, на которомъ она желала бы разыграть свою роль, было занято въ ея глазахъ другою. Кто же была эта женщина? Какія имѣла она права стать такъ высоко, стать самымъ близкимъ лицомъ къ цезарю и заправлять его робкою волею? Иныхъ правъ не было у Мессалины, кромѣ тѣхъ, которыя дала ей страстная ея натура надъ старикомъ, сохранившимъ только одну чувствительность—къ красотѣ женскаго тѣла. Агриппина конечно была не въ такомъ положеніи, чтобы вредить своей воображаемой соперницѣ,но такова была антипатія двухъ противоположныхъ натуръ, что та самая Мессалина, которая едва ли бы позавидовала Агриппинѣ, если бы она занимала ея мѣсто, ненавидѣла эту женщину съ своей высоты, не терпѣла ея, не имѣя причины бояться ***). Если бы потокъ новой,неодолимой страсти не отвлекъ всѣхъ чувствъ и всего вниманія Мессалины въ другую сторону, она несомнѣнно пошла бы далѣе въ выраженіи своей ненависти къ Агриппинѣ. Но, какъ извѣстно, она увлечена была этимъ потокомъ до послѣдней роковой катастрофы, которая положила конецъ и самой ея жизни.

Прошло нѣсколько дней послѣ смерти Мессалины, а Клавдій, садясь за столъ въ триклиніумѣ, съ свойственною ему забывчивостію

---

*) Ann. VI, 20. Suet. in Ner. c. 6.

**) Есть даже гораздо сильнѣйшее обвиненіе, если вѣрить схоліасту Ювенала: periit (Passienus) per fraudem Agrippinae, quam haeredem reliquerat.

***) Ann. XI, 12.

все еще продолжалъ спрашивать: «чтожь нейдетъ она?» Не то чтобы онъ хотѣлъ непремѣнно видѣть подлѣ себя Мессалину: ему нужно было только, чтобы не оставалось праздным подлѣ него мѣсто женщины. Опытные отпущенники привыкли изъ глазъ цезаря угадывать его желанія. Палласъ, Каллистъ, Нарциссъ—каждый изъ нихъ хотѣлъ подслужиться ему женщиною своего выбора, каждый хлопоталъ ради своихъ собственныхъ видовъ. Нарциссъ совѣтовалъ возвратиться къ Эліѣ Петинѣ, уже бывшей разъ въ супружествѣ съ Клавдіемъ и потомъ отвергнутой имъ по неизвѣстнымъ причинамъ; Каллистъ хвалилъ больше Лоллію Паулину, которая нѣкоторое время была женою Калигулы. Одинъ находилъ выгоднѣе возстановленіе прежнихъ, давно знакомыхъ узъ и умѣлъ представить въ хорошемъ свѣтѣ даже то обстоятельство, что почтенная матрона, вышедши изъ брака бездѣтною, теперь возвратилась бы въ него—съ дочерью; по мнѣнію другаго, напротивъ, неоспоримое преимущество вдовы Калигулы состояло именно въ томъ, что она, не имѣя своихъ дѣтей, обратила бы материнскія заботы на дѣтей Клавдія отъ Мессалины, Британника и Октавію. Палласъ думалъ иначе: не оспаривая достоинствъ ни Лолліи, ни Петины, онъ, съ своей стороны, предпочиталъ имъ обѣимъ — дочь Германика, какъ по ея знаменитому роду, такъ еще болѣе потому, что она хорошо сохранила себя; притомъ же, вступивши въ домъ цезаря, Агриппина ввела бы въ него вмѣстѣ съ собою не какую-нибудь безвѣстную отрасль, но сына Августовой крови.

Клавдій былъ рѣшительно безсовѣтенъ. Никогда его безпомощность не являлась въ такомъ жалкомъ видѣ, какъ когда надобно было ему выбирать между двумя или тремя предметами, которые казались болѣе или менѣе равнаго достоинства. Надобно было пособить ему тѣмъ или другимъ способомъ, надобно было непремѣнно взять его съ самой чувствительной стороны. Никто, разумѣется, не подумаетъ, что Палласъ дѣйствовалъ безъ согласія Агриппины. Скорѣе можно бы подумать, что Агриппинѣ принадлежалъ весь планъ, и что она только дѣйствовала черезъ Палласа. Не онъ, а она всего болѣе выигрывала въ случаѣ удачи предпріятія. Еслибы Агриппина сама не возимѣла дерзкой мысли сдѣлаться женою своего дяди, съ чего бы вздумалъ Палласъ настаивать на такое несбыточное предложеніе? Итакъ надобно предположить, что Агриппина не спускала глазъ съ того поста, который занимала Мессалина, и какъ жена цезаря, и еще болѣе, какъ женщина съ преобладающимъ вліяніемъ, можетъ-быть еще до его смерти находилась по этому поводу въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ придворныхъ Клавдія. Дѣло темное, оно впрочемъ

становится тѣмъ яснѣе, чѣмъ ближе подходитъ къ задуманной цѣли. Клавдій еще ничего не рѣшилъ про себя, а ужь Агриппина начала появляться въ тѣхъ самыхъ стѣнахъ, въ которыхъ онъ жилъ, часто навѣщала его въ качествѣ близкой родственницы и однако не возбраняла ему пользоваться ласками болѣе чѣмъ родственными*). Она была тогда въ порѣ цвѣтущей женщины, и если не была по натурѣ Мессалиною, то могла, по крайней мѣрѣ, временно разыграть ея роль. Клавдій не устоялъ противъ такого искушенія: женщина была слишкомъ близка къ нему, чтобы онъ могъ разстаться съ нею, или промѣнять ее на другихъ, которыхъ ему показывали только издали. Побѣда Палласа была рѣшена, прежде чѣмъ Клавдій объявилъ свое собственное рѣшеніе.

Агриппина первая поняла и свое вліяніе и свое значеніе. Она какъ-будто выросла вдругъ вмѣстѣ съ своимъ новымъ положеніемъ; до сихъ поръ, въ ожиданіи широкаго поприща, она какъ-будто и не пробовала никогда своихъ силъ. Пора ея дѣятельности только наступила, и ужь у нея нашлось довольно предпріимчивости и умѣнья распорядиться сообразно съ своими видами, чтобы обойдтись безъ совѣтника. Еще не имѣя никакого офиціяльнаго титла, которое бы опредѣляло ея отношенія къ цезарю, она ужь распоряжалась въ его домѣ полною хозяйкою. Роль Мессалины была не по ней, хотя она и могла занять ее временно: Агриппина приносила съ собою совершенно иную, новую страсть и готова была отдаться ей съ тѣмъ же беззавѣтнымъ чувствомъ. Мало овладѣть самимъ Клавдіемъ, она хотѣла еще управлять его семействомъ. Исполненіе шло сейчасъ за намѣреніемъ. Дочь цезаря, Октавія, была просватана за Л. Силана, молодаго Римлянина сенаторскаго достоинства, бывшаго тогда преторомъ, вообще съ хорошими надеждами на будущее: Агриппина нашла, что сынъ ея Домицій былъ бы болѣе приличною партіею для Октавіи, и немедленно приняла свои мѣры, чтобы устранить Силана съ дороги. Очернить и даже погубить во мнѣніи другихъ человѣка вовсе невиннаго тутъ ничего не значило. Цензоръ Вителлій, одинъ изъ первыхъ замѣтивъ вновь восходящее свѣтило, спѣшилъ заявить свое усердіе къ нему предложеніемъ своихъ услугъ: ему же надобно было поторопиться очистить свою совѣсть передъ Агриппиною, потому что въ памяти многихъ были свѣжи еще несомнѣнные знаки преданности его Мессалинѣ, пока она была въ силѣ и сохраняла свое вліяніе на цезаря. Тотчасъ брошено было подозрѣніе на отношенія Силана къ сестрѣ его, которая

*) Ann. XII, 3. Ср. Suet. in Claud. 26. Verum illecebris Agrippinae — per jus osculi et blanditiarum occasiones pellectus in amorem.

нѣсколько времени была невѣсткою того же Вителлія. Клавдій не чувствовалъ никакой охоты противодѣйствовать обвиненію, котораго онъ не понималъ ни настоящаго смысла, ни цѣли; притомъ же, хотя косвенно, страдала честь его родной дочери. При расположеніяхъ такого рода, обвинителямъ не стоило большаго труда выманить согласіе цезаря на приговоръ его нареченному зятю. Силанъ ничего не зналъ и даже не подозрѣвалъ, какъ эдиктомъ цензора онъ былъ объявленъ лишеннымъ сенаторскаго достоинства. Вслѣдъ за тѣмъ Клавдій формально отказалъ ему въ рукѣ дочери, и въ заключеніе всего Силанъ долженъ былъ сложить съ себя и претуру, хотя оставалось не болѣе двухъ дней до законнаго срока. Мѣсто его было отдано Эпрію Марцеллу, составившему себѣ въ послѣдствіи громкое имя безстыдною наглостію своихъ обвиненій.

Около того же времени досталось Вителлію оказать Агриппинѣ и другую очень важную услугу. Для молвы народной не было тайною происходившее во дворцѣ Клавдія: знали, вопервыхъ, намѣреніе его относительно племянницы, знали, что Агриппина нѣкоторымъ образомъ вступила уже въ права супруги, и даже нѣчто болѣе, а между тѣмъ брака все не было. Сомнѣнія закрались въ душу цезаря и гнали прочь рѣшеніе. Какъ всѣхъ безхарактерныхъ людей, его пугало не столько самое дѣло, которому недоставало до полнаго окончанія лишь торжественнаго заключенія, сколько его огласка и неизбѣжные толки, которые оно должно было повлечь за собою. Еще не слыхано было, чтобы племянница вступала въ домъ своего дяди, какъ его законная жена. Если бы случилось какое общественное бѣдствіе, не въ правѣ ли былъ бы народъ заключить, что казнь посылается за законъ, нарушенный съ такимъ легкомысліемъ? Агриппина, если и знала подобные призраки, легко управлялась съ ними; но безсильная воля Клавдія разбивалась объ нихъ, какъ о неподвижные утесы. Съ нимъ опять надобно было играть комедію, чтобы вынудить у него рѣшеніе, котораго онъ никакъ не могъ добиться у самаго себя. На такія дѣла у Вителлія былъ родъ призванія. Явившись къ Клавдію, онъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ предложилъ ему вопросъ о томъ, какъ бы онъ принялъ относящееся къ нему рѣшеніе сената или народа. Клавдій нашелъ неприличнымъ для себя отвѣчать иначе, какъ въ духѣ старыхъ римскихъ учрежденій, то-есть, что голосъ его есть только голосъ отдѣльнаго гражданина, и что ни въ какомъ случаѣ не можетъ онъ поравняться съ авторитетомъ сената. Таковъ былъ условный тонъ времени, хотя современная дѣйствительность нисколько ему не соотвѣтствовала. Тогда Вителлій предложилъ Клавдію остаться на нѣкоторое время у себя

дома, а самъ немедленно отправился въ курію. Здѣсь, именемъ государства и величайшихъ его нуждъ, онъ требуетъ себѣ слова предпочтительно предъ всѣми другими. Получивъ согласіе сената, Вителлій начинаетъ яркими красками описывать трудное положеніе цезаря, отягченнаго великими государственными заботами и не имѣющаго ни одной свободной минуты, чтобы подумать о своемъ собственномъ домѣ, и ни одного близкаго совѣтника, съ которымъ бы могъ раздѣлить попеченіе о своей семьѣ. Въ такомъ положеніи, что̀ можетъ быть приличнѣе для цезаря, какъ избрать себѣ подругу жизни, которая взяла бы на себя, по крайней мѣрѣ, половину его заботъ и была второю матерью бѣднымъ сиротамъ его? На эту тему сказана цѣлая рѣчь: почтенные сенаторы тронуты ею, они гласно выражаютъ свое одобреніе оратору и находятъ мысль его счастливою. Если такъ — продолжаетъ Вителлій — то дѣло состоитъ только въ выборѣ; но гдѣ же можно найдти женщину, которая бы поравнялась съ Агриппиною знатностію рода, материнскимъ плодородіемъ и достоинствомъ поведенія? Она — честная вдова, онъ — мужъ испытанной вѣрности въ супружескихъ отношеніяхъ: кажется, сами боги предназначили ихъ другъ для друга. Никто не противорѣчитъ Вителлію, и онъ, не давая обдуматься ему, увлекаетъ его за собою до послѣдняго заключенія. Скажутъ, пожалуй, что это дѣло небывалое, чтобы кто женился на дочери своего брата? Небывалое у Римлянъ, но у другихъ народовъ подобные браки совершаются на ряду съ обыкновенными, и никто никогда не думалъ налагать на нихъ запрещеніе. Да и у Римлянъ — пусть сенатъ попробуетъ освятить своимъ согласіемъ хоть одинъ примѣръ такого рода, и можно поручиться, что онъ найдетъ себѣ множество подражателей*,

Вотъ между прочимъ небольшой образчикъ римскаго публичнаго краснорѣчія въ эпоху цезарей. Жаль только, что Тацитъ, думавшій больше о содержаніи, чѣмъ о выраженіи рѣчи Вителлія, привелъ ее не собственными словами оратора. Всего замѣчательнѣе, что рѣчь произвела дѣйствительный эффекъ въ сенатѣ, хотя, можетъ-быть, онъ и былъ подготовленъ заранѣе. Нѣкоторые приняли ее такъ горячо, что тотчасъ же встали съ своихъ мѣстъ и стремительно вышли изъ куріи, говоря, что, если цезарь будетъ еще медлить, то они примутъ свои мѣры. И какъ бы въ оправданіе ихъ словъ, на форумѣ точно собралась большая толпа людей всякаго рода, кричавшихъ во всеуслышаніе, что «римскій народъ» совершенно раздѣляетъ мнѣніе оратора. Клавдій не заблагоразсудилъ

---

*) Ann. XII, 6.

дождаться, пока «римскій народъ» придетъ извѣстить его о своей волѣ: онъ вышелъ самъ на форумъ, на встрѣчу къ этой шумной толпѣ, и потомъ, вдругъ очутившись въ сенатѣ, потребовалъ, чтобы особеннымъ декретомъ впредь разрѣшены были браки съ дочерьми родныхъ братьевъ. Нѣтъ нужды говорить, что сенатъ со всѣмъ усердіемъ спѣшилъ удовлетворить этому требованію, и что Клавдій не замедлилъ съ своей стороны сдѣлать первое примѣненіе новаго декрета въ бракѣ своемъ съ Агриппиною; впрочемъ, говорятъ, нашелся между римскими всадниками еще одинъ охотникъ, который, изъ угожденія новобрачной четѣ, и самъ послѣдовалъ ея примѣру, то-есть, женился также на племянницѣ. Въ самый день брака Клавдія и Агриппины, Силанъ, бывшій женихъ Октавіи, лишилъ себя жизни, а вслѣдъ за тѣмъ сестра его получила приказаніе навсегда оставить Италію. Несмотря на то, что связь между ними никогда не была доказана, Клавдій не хотѣлъ успокоиться, пока преступленіе не было очищено, и, какъ истый археологъ, приказалъ возобновить для этой цѣли очистительные обряды, которые употреблялись еще во времена Тулла Гостилія. Народъ, вовсе не раздѣлявшій археологическихъ наклонностей цезаря, находилъ такую реставрацію очень забавною.

Цѣль Агриппины была достигнута. Казалось, она была теперь занята только тѣмъ, чтобы строгимъ исполненіемъ своихъ новыхъ обязанностей загладить несчаттныя уклоненія, которыми страдало ея прежнее поведеніе. Ничто не напоминало въ ней Мессалины. Гдѣ ни появлялась Агриппина, повсюду приносила она съ собой тотъ важный и гордый видъ, который такъ приличенъ супругѣ цезаря; ни одно нескромное движеніе не обличало въ ней присутствія той несчастной слабости, которою такъ унизила себя въ глазахъ Римлянъ ея предшественница. То же неослабное наблюденіе за собою и въ домашнемъ быту: какъ ни жадно собирали Римляне всѣ скандалёзные слухи, на первое время они не имѣли ни малѣйшаго повода упрекнутъ Агриппину въ нарушеніи женскаго стыда. Если же что̀ и находили поставить ей въ упрекъ, такъ это развѣ неумѣренную ея любостяжательность, но и она самая имѣла видъ усердной заботливости объ интересахъ дома, о средствахъ къ поддержанію власти *). Впрочемъ тотъ бы глубоко ошибся, кто бы подумалъ, что Агриппина способна была остановиться у достигнутой цѣли. По силѣ внутренней энергіи ее можно бы равнять не съ Мессалиною, а развѣ съ матерью ея, Агриппиною

*) C. 7- cupido auri immensa ostentum babebat, quasi subsidium regno paraertur.

старшею; только что была значительная разность во времени, и энергія дочери двигалась совершенно иными побужденіями, нежили тѣ, которыя управляли дѣятельностію матери. Подходя къ одной цѣли, она уже ставила себѣ другую на разстояніи еще болѣе далекомъ. Она знала трудности, угадывала ихъ напередъ, но не знала, что̀ такое препятствіе. Ей стоило только впервые опутать Клавдія сѣтью обольщенія, чтобы уже распространить свои замыслы и на сына, который вмѣстѣ съ нею долженъ былъ войдти въ семейство цезаря. Теперь же, какъ скоро рѣшены были всѣ сомнѣнія относительно успѣха перваго предпріятія, Агриппина съ тою же рѣшимостію, но еще съ бо́льшимъ разсчетомъ, повела второе. Она опять начала издали. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ нѣкто Анпей Сенека, бывшій квесторъ, обвиненный въ непозволительныхъ связяхъ съ одною изъ сестеръ Агриппины, былъ сосланъ на островъ Корсику въ заточеніе. Объ немъ уже почти забыли при дворѣ, какъ Агриппина великодушно вспомнила объ изгнанникѣ и выпросила ему у мужа прощеніе; по ея же ходайству, только что возвращенный изнанникъ тотчасъ назначенъ былъ преторомъ. Поступокъ имѣлъ видъ добраго дѣла: въ Римѣ знали Сенеку съ весьма хорошей стороны, какъ по его ученымъ занятіямъ, такъ еще болѣе по его искусству краснорѣчія, которое онъ наслѣдовалъ отъ своего отца. Римское общество не могло не порадоваться возвращенію его въ столицу имперіи. Не менѣе благовидно было послѣдующее за тѣмъ распоряженіе Агриппины, по которому Сенека назначался воспитателемъ ея сына. Давно ужь Домицій нуждался въ умномъ и опытномъ руководителѣ. Это былъ тотъ самый мальчикъ, о которомъ отецъ, при самомъ его рожденіи, сдѣлалъ такое недоброе замѣчаніе, бросавшее нѣкотораго рода тѣнь на всю его будущность. Воспитаніе его до сихъ поръ чрезвычайно какъ было пренебрежено. Рано лишившись отца, онъ, по не довольно извѣстнымъ намъ обстоятельствамъ *), скоро оставленъ былъ и матерью, и едва нашелъ себѣ пріютъ у тетки своей Лепиды (сестры отца), которая — странное дѣло — не нашла ничего лучшаго сдѣлать для его воспитанія, какъ приставить къ нему въ качествѣ «педагоговъ» учителя танцовальнаго искусства и брадобрѣя. Вѣроятно, дѣлая такое распоряженіе, она соображалась столько же съ своими средствами, сколько и съ понятіями. Внѣшнее положеніе Домиція потомъ улучшилось, когда за нимъ было утверждено двойное наслѣдство отца и вотчима; но это, кажется, не имѣло большаго вліянія

*) Светоній, Ner. c. 6, дѣлаетъ только намекъ — matre etiat relegata, — изъ котораго трудно заключитъ что-нибудь опредѣленное.

на его педагогическую обстановку. Домицію было одиннадцатьлѣтъ, когда Сенека принялъ его на свое попеченіе. Приближая къ себѣ знаменитаго философа и ритора, Агриппина дѣйствительно могла имѣть въ виду—доставить своему сыну приличное образованіе, или восполнить недостатки первоначальнаго воспитанія; но историкъ, котораго извѣстіями и мнѣніями дорожимъ особенно, полагаетъ также, что у нея сверхъ того была еще задняя мысль — имѣть всегда при себѣ и при своемъ сынѣ вѣрнаго и умнаго человѣка, обязаннаго ей личною благодарностію и въ тоже время враждебнаго Клавдію по чувству оскорбленнаго самолюбія. Мы позволяемъ себѣ усомниться только въ послѣднемъ, ибо не видимъ причины, почему бы можно было считать Сенеку за человѣка очень чувствительнаго къ личнымъ обидамъ, или предполагать въ немъ мстительный нравъ. Какъ бы то ни было, призваніе Сенеки ко двору увеличило число друзей Агриппины: она стала еще смѣлѣе въ своихъ начинаніяхъ. Меммій Полліонъ, только что назначенный консуломъ, тотчасъ былъ закупленъ въ ея пользу, чтобы подвинуть еще далѣе дѣло Домиція. Время было безъ мѣры продажное: можно было закупать людей столько же чистыми деньгами, сколько и лестными обѣщаніями. На долю Полліона особенно много досталось послѣднихъ. И не даромъ: едва вступивши въ должность, онъ сослужилъ Агриппинѣ службу, которая мало чѣмъ уступала услугѣ Вителлія. Убѣжденный его продажнымъ краснорѣчіемъ, сенатъ согласился—именемъ общаго блага просить цезаря помолвить Октавію за Домиція. Умолить Клавдія было вовсе не трудно, когда большая часть лицъ со вліяніемъ на него были въ пользу предложенія. Событіе казалось столько счастливымъ, что на немъ основывали много надеждъ,—тѣ особенно, которые участвовали въ заговорѣ противъ Мессалины и имѣли причины опасаться мщенія со стороны ея сына, Британника.

Всего привлекательнѣе открывалась отсюда перспектива для самой Агриппины: родной сынъ ея стоялъ на первыхъ ступеняхъ той самой лѣстницы, съ которой все больше и больше сводили ея мужа. Но еще не выступая рѣшительно на новый путь, опасный и скользкій, котораго конецъ терялся въ неопредѣленной дали будущаго, она хотѣла напередъ устроить свои отношенія въ настоящемъ, окончательно раздѣлаться съ прошедшимъ, чтобы потомъ ужь не оборачиваться болѣе назадъ. Въ ней заговорило чувство силы, власти: она отдалась непреодолимому влеченію сдѣлать изъ нея первую пробу. Недавно еще пугало ее совмѣстничество Лолліи Паулины, которая въ одно время съ нею искала чести войдти въ семейство цезаря. Съ перемѣною обстоятельствъ

чувство страха прошло, но мѣсто его заступила ненависть. Съ той высоты, на которой теперь стояла Агриппина, прежнее соперничество принимало въ ея глазахъ видъ преступленія. Богъ вѣсть откуда взялись вдругъ обвинители, которые показывали, будто Лоллія совѣтовалась съ халдеями, магами, обращалась даже къ оракулу Аполлона кларійскаго, все за тѣмъ, чтобы устроить бракъ свой съ цезаремъ. Средства самыя непозволительныя: это значило почти то же, что̀ прибѣгать къ колдовству, чарамъ. Только Клавдій могъ еще спасти Лоллію своимъ заступленіемъ. Онъ въ самомъ дѣлѣ явился въ сенатъ, чтобы разказать, съ знаніемъ археолога, ея родословную, подтвердить своимъ словомъ ея злонамѣренность и заключить къ необходимости ея удаленія, какъ одного изъ самыхъ вредныхъ членовъ общества. Приговоръ не замедлилъ состояться: имѣніе преступницы назначено было къ продажѣ съ публичнаго торга, а сама она должна была навсегда оставить Италію. Изъ милости ей, впрочемъ, позволено было взять съ собою часть суммы, вырученной отъ продажи ея огромнаго имѣнія. Еще Лоллія могла по крайней мѣрѣ надѣяться спасти свою голову, какъ вдругъ дѣло приняло новый, совершенно неожиданной оборотъ. Кромѣ одной постоянной страсти, холодной, но тѣмъ болѣе настойчивой, которую Агриппина, наравнѣ съ другими членами своего знаменитаго рода, способна была питать въ глубинѣ своей души, она еще подвержена была случайнымъ припадкамъ гнѣва, еще менѣе безпощаднаго, чѣмъ самая страсть; тогда овладѣвала ею слѣпая ярость, которая не знаетъ разсчета и никакой умѣренности. Вскорѣ послѣ осужденія Лолліи, случилось, что Клавдій, говоря объ одной благородной Римлянкѣ, по имени Кальпурніи, позволилъ себѣ отозваться объ ея красотѣ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Жизнь Кальпурніи висѣла послѣ того на волоскѣ: лишь потому только, что отзывъ Клавдія оказался совершенно случайнымъ и не сопровождался никакими серіозными намѣреніями съ его стороны, она могла отдѣлаться однимъ изгнаніемъ. Но въ Агриппинѣ уже пробудились черныя страсти: чтобы удовлетворить имъ, она хотѣла себѣ хотя старой жертвы, — и, вѣроятно подъ вліяніемъ такихъ побужденій, голова несчастной Лолліи скоро скатилась подъ ножомъ подосланнаго трибуна. Прибавляютъ, что послѣ всего Агриппина имѣла еще духъ и охоту — сдѣлать голову своей жертвы, равно какъ и другія части ея тѣла, предметомъ любопытныхъ и внимательныхъ наблюденій *).

*) Tac. Ann. XII, 22; Dio 60, 33.

Спасайся, кто можетъ—въ правѣ былъ подумать про себя каждый Римлянинъ, видя, какъ въ сердцѣ этой женщины погибала всякая жалость, всякое снисхожденіе къ человѣку. Дѣйствительно, страшно было, кому бы то ни случилось, попасться ей на той самой дорогѣ, которою она проводила свои властолюбивые замыслы. Тутъ заранѣе надобно было отчаяться если не за самую жизнь, то за всякое счастіе и покой въ жизни. Британникъ болѣе всѣхъ подвергался этой опасности, потому что онъ стоялъ на самой серединѣ дороги. Кто могъ, тотъ старался идти рядомъ съ Агриппиною, въ полномъ согласіи съ нею. Для Палласа, съ тѣхъ поръ какъ онъ взялъ сторону Агриппины противъ ея соперницъ, не оставалась инаго выбора. Съ своей стороны, Агриппина нашла средство еще крѣпче привязать его къ себѣ: она, дочь Германика, продалась отпущеннику, чтобы закупить себѣ все его вліяніе и навсегда связать его участь съ своею. Еслибы кто вздумалъ донести Клавдію о невѣрности его жены, тотъ бы непремѣнно долженъ былъ назвать и Палласа. Союзъ, не предвѣщавшій ничего добраго: при немъ становилась возможною самая невѣроятная интрига. Къ Клавдію тотчасъ приступили съ новыми требованіями: отъ него хотѣли, чтобы онъ, если не для себя, то ради общаго блага, позаботился о своемъ родномъ сынѣ, окружилъ бы его болѣе приличнымъ и достойнымъ образомъ; его увѣрили, что для Британника нельзя найдти товарища лучше Домиція, что послѣдній, будучи тремя годами старше перваго, могъ бы служить ему не только примѣромъ, но и опорою его юности. Другими словами—хотѣли, чтобы Клавдій усыновилъ себѣ Домиція и такимъ образомъ совершенно уравнялъ его въ правахъ съ Британникомъ. Историческіе примѣры, приведенные для подкрѣпленія этой мысли, были выбраны очень счастливо: Августъ—священное имя для Римлянъ—имѣя уже внуковъ, не усомнился однако усыновить себѣ пасынковъ; и въ самомъ родѣ Клавдіевъ, Тиберій не заступилъ ли мѣсто отца Германику? Для человѣка съ несомнѣнными археологическими наклонностями нельзя было представить ничего убѣдительнѣе. Въ сенатѣ, правда, нашлись нѣкоторые скептики, утверждавшіе, что Тиберій собственно принадлежалъ къ роду Юліевъ, и что настоящій родъ Клавдіевъ продолжался всегда по прямой линіи, безъ всякихъ пріемышей. Но Клавдій, къ удивленію, не хотѣлъ слушать никакихъ возраженій: онъ оставался при своемъ, т. е. мнѣніи своего отпущенника. Тогда сенатъ сдѣлалъ видъ, какъ-будто онъ понялъ свою ошибку, и спѣшилъ исправить ее по желанію цезаря. Все дѣло скоро устроилось къ совершенному удовлетворенію лицъ, въ немъ

заинтересованныхъ. Клавдій получилъ отъ сената публичную благодарность, Домицій введенъ былъ съ именемъ Нерона въ родъ Клавдіевъ. Агриппина провозглашена Августой. Палласъ могъ утѣшаться общимъ успѣхомъ плана, въ которомъ онъ принималъ такое близкое участіе. Между членами увеличившагося семейства цезаря было только одно недовольное лицо: это — Британникъ. Несмотря на свой ранній возрастъ, онъ, говорятъ, вовсе не лишенъ былъ практическаго смысла и хорошо понималъ, какъ мало по малу обходили его, какъ, злоупотребляя его кажущеюся незрѣлостію, вездѣ старались выдвинуть передъ нимъ своднаго его брата, юношу—должно полагать—весьма незастѣнчиваго нрава. Оскорбленіе было тѣмъ чувствительнѣе, что носило видъ самой нѣжной материнской заботливости. Но еслибы даже Британникъ и былъ на столько зрѣлъ, что понялъ бы все коварство своихъ мнимыхъ доброжелателей и разгадалъ бы ихъ замыслы, ему ли, съ его ли силами было вступать въ борьбу съ Агриппиною? Ясно, что отвѣчать можно только отрицательно.

Кто же былъ этотъ столько счастливый совмѣстникъ, что въ пользу его сынъ цезаря долженъ былъ рано или поздно отступиться отъ всѣхъ выгодъ своего естественнаго положенія? Какія были его особенныя права, въ чемъ состояли его преимущества? Быть сыномъ Агенобарба и Агриппины, конечно, не значило еще имѣть какое-нибудь важное преимущество передъ Британникомъ; старшинство двухъ или трехъ лѣтъ на сторонѣ перваго также не дѣлало между ними большой разницы. Сынъ Агенобарба могъ взять перевѣсъ надъ сыномъ Клавдія развѣ только своими личными дарованіями и счастливымъ ихъ образованіемъ. Даровитость природы Домиція или Нерона, какъ назывался онъ со времени усыновленія, почти не подлежитъ никакому сомнѣнію. Мы имѣемъ уже нѣкоторое понятіе о первоначальномъ его воспитаніи: трудно представить себѣ что̀-нибудь болѣе превратное, болѣе несообразное съ цѣлію. Не тутъ, конечно, было раскрыться природнымъ дарованіямъ; но много уже говоритъ въ пользу Нерона и то обстоятельство, что они не заглохли совершенно въ эту несчастную пору его молодости. Когда обстоятельства перемѣнились къ лучшему, онъ показалъ на дѣлѣ, что время еще нисколько не ушло для него, и что онъ въ состояніи съ избыткомъ вознаградить потерянное. Своею живою воспріимчивостію и быстротою усвоенія онъ составлялъ нѣкотораго рода контрастъ съ своимъ дядею. Нѣкоторыя способности были въ немъ какъ-будто наслѣдственныя, перешедшія отъ отца. По искусству наѣздничества, напримѣръ, къ которому страсть обнаружилась въ

немъ еще въ дѣтствѣ и удержалась потомъ всю его жизнь, онъ могъ бы занять не послѣднее мѣсто между лучшими римскими авригами. Въ послѣдствіи Римляне видѣли и другіе образчики механической ловкости Нерона; вообще не отъ него зависѣло, если онъ не сдѣлался атлетомъ или даже комедіянтомъ (histrio),—два рода занятій, къ которому имѣлъ несомнѣнное призваніе *). Не менѣе приспособленія впрочемъ замѣтно было въ немъ и въ отношеніи къ благороднымъ искусствамъ. Агриппина могла съ гордостію сказать о своемъ сынѣ, что почти въ каждой отрасли искусства онъ сдѣлалъ болѣе или менѣе значительные успѣхи. Страсть къ музыкѣ развилась въ немъ еще въ первой молодости **). Въ пластическихъ искусствахъ, живописи и ваяніи, онъ также не отставалъ отъ другихъ и занимался ими съ охотою. Замѣчательны успѣхи его въ словесности: только что вступивъ въ юношескій возрастъ, онъ уже въ состояніи былъ публично говорить по-гречески. Упражненія Нерона въ риторическомъ искусствѣ принесли желаемые плоды скорѣе, чѣмъ можно было ожидать: въ шестнадцать лѣтъ онъ уже вступилъ публичнымъ ораторомъ и произвелъ въ публикѣ довольно благопріятное впечатлѣніе ***). Та же рѣшительная способность къ поэзіи: онъ предавался ей съ большою охотою и самъ писалъ стихи съ легкостію. Между современниками были люди, которые утверждали, что стихи, приписываемые Нерону, не его, а чужіе; но біографъ увѣряетъ, что онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ нѣсколько настоящихъ автографовъ Нерона, съ помарками и поправками, такъ что не остается никакого сомнѣнія, что стихи раждались изъ его собственной головы, а не писались съ чужихъ словъ, или съ готовой рукописи †).

Неронъ очевидно обѣщалъ изъ себя нѣчто получше дядей своихъ, Клавдія и Калигулы: это была натура чисто-артистическая, чего еще ни разу не случалось между римскими цезарями, въ домѣ Августа вообще. Правда, что въ рукахъ искуснаго воспитателя, какимъ по всему казался Сенека, особенно же при нѣжномъ возрастѣ воспитанника, воспріимчивая природа его могла принять и совершенно другое направленіе. Но заботливая мать, ввѣряя своего сына руководительству философа, въ то же время приняла свои мѣры, чтобы вліяніе его не простиралось слишкомъ далеко и ограничилось бы такъ-сказать одною внѣшностію: готовя въ сынѣ преемника Клавдію, она исключила философическія наставленія изъ

*) Ср. Suet. Ner. c 22, 24, 53.
**) Ibid. c. 20: pueritiae tempore imbutus et musica.
***) Ibid. c. 7; ср. Tac. Ann. XII, c. 58.
†) Suet. Ner. 52.

круга его занятій, какъ излишнія и даже вредныя, и тѣмъ значительно облегчила трудъ воспитателя *). За исключеніемъ философіи отставалась риторика, и мы видѣли, какіе быстрые успѣхи сдѣлалъ въ ней воспитанникъ. Впрочемъ и здѣсь завистливое самолюбіе учителя не дало ему пойдти далѣе поверхностнаго знанія: желая привязать исключительно къ себѣ удивленіе своего ученика, Сенека старался держать его какъ можно дальше отъ истинныхъ образцовъ ораторскаго искусства, такъ что до него не доходила почти никакая серіозная или глубокая мысль. Такимъ образомъ артистическая натура Нерона могла сохраниться во всей ея чистотѣ и безпримѣсной цѣлости: ея не коснулась никакая мораль, никая философія, да едва ли могло найдти въ ней мѣсто и какое религіозное чувство, въ то время вообще рѣдкое въ римскомъ обществѣ **). Для нравственняго чувства вообще тутъ конечно не откуда было ожидать спасенія, но ничто не мѣшало Нерону учиться житейской мудрости, помимо всякихъ теорій, практически, присматриваясь къ дѣйствіямъ окружавшихъ его лицъ и стараясь усвоить себѣ самыя ихъ правила.

Вотъ для кого материнская заботливость Агриппины готовила мѣсто Британника, который самымъ рожденіемъ своимъ былъ призванъ наслѣдовать права и власть цезаря. Да не подумаетъ впрочемъ кто-нибудь, что Агриппина увлеклась слѣпою любовію къ сыну; въ сердцѣ ея было много мѣста для всякой другой страсти, только не для любви. Чувствительность женщины, привязанность супруги, нѣжность матери, все это были такія черты, которыя въ домашнемъ обиходѣ римской женщицы того времени стали совершенною рѣдкостію. Агриппина, истинная представительница своего поколѣнія наконецъ, кажется, утратила для нихъ всякій смыслъ. Былъ ли то мужъ, или сынъ — она видѣла въ немъ прежде всего средство для своей власти въ настоящемъ, вѣрное орудіе для ея продолженія въ будущемъ. Она не оставляла своему мужу безъ раздѣла даже военныхъ тріумфовъ. Во время торжественной процессіи, которая нарочно была устроена цезаремъ въ Римѣ, чтобы доставить гражданамъ его удовольствіе видѣть знаменитаго вождя Бриттовъ, Каратака, не задолго передъ тѣмъ покорившагося со всею своею семьею римскому оружію, Агриппина въ качествѣ Августа также присутствовола при этой церемоніи, и сидя на осо-

*) Ibid. c. 52: a philosophia eum mater avertit, monens, imperaturo contrariam esse.

**) Ibid. ср. также c. 56: religionum usque quaque contemtor, praeter unius deae Syriae. Hanc mox ita sprevit, ut urina contaminaret.

бенномъ возвышеніи, неподалеку отъ своего мужа, принимала отъ плѣнниковъ тѣ же самыя почести: зрѣлище совершенно новое для Римлянъ, на памяти которыхъ не было еще ни одного случая, чтобы женщина предсѣдательствовала на военномъ праздникѣ *). Не менѣе ново было и то, что она начала отъ себя выводить военныя колоніи: ветераны, поселенные ею въ странѣ Убіевъ (colonia Agrippinensis), должны были увѣковѣчить ея имя на берегахъ Рейна. Но Клавдій былъ во всякомъ случаѣ недолговѣченъ: Агриппина чувствовала себя въ силахъ пережить его и ужь запасала себѣ средства, которыя обезпечивали ей власть противъ всякаго переворота. На Нерона она разсчитывала какъ на свою собственную кровь; онъ былъ молодъ, неопытенъ, власть сама по себѣ никогда не составляла для него особенной прелести **): его именемъ можно было управлять еще удобнѣе, чѣмъ именемъ Клавдія, за котораго часто хотѣли и дѣйствовали облеченные его довѣріемъ отпущенники. Съ Британникомъ же, озлобленнымъ противъ мачихи, не могло быть и сравненія. Было бы слишкомъ смѣло утверждать положительно, но можно подозрѣвать, что Агриппина вовсе не была искренна, когда предостерегала своего сына противъ внушеній философіи, какъ науки нисколько несообразной съ его назначеніемъ: она какъ-будто боялась, чтобы философія не повредила ея собственнымъ планамъ, чтобы, обогативъ умъ Нерона здравыми понятіями, облагородивъ его волю своими возвышенными идеалами, она не высвободила его навсегда изъ-подъ ея вліянія.

Агриппина не останавливалась въ исполненіи своего плана. Она шла впередъ не скоро, но твердымъ и вѣрнымъ шагомъ. Лишь иногда проглядовало нетерпѣніе. Такъ, прежде чѣмъ исполнились Нерону законныя 14 лѣтъ, ему ужь позволено было надѣть тогу, что̀ равнялось публичному признанію его возмужалости и должно было открыть ему доступъ къ государственнымъ должностямъ. Раболѣпный сенатъ имѣлъ довольно татка извѣстнаго рода, чтобы понять желаніе Агриппины и подслужиться ей своею угодливостію: по соглашенію его съ цезаремъ, состоялось рѣшеніе, что Неронъ по крайней мѣрѣ на двадцатомъ году отъ роду назначенъ будетъ консуломъ, а въ ожиданіи того времени положено было облечь его проконсульскою властію и правозгласить «главою римскаго юношества», — по примѣру сыновей Агриппы, которымъ эта честь была предоставлена отъ самого Августа ***). Войско,

*) Ann. XII, 37.
**) Ср. Suet. Ner. c. 18
***) Ibid. c. 41: princeps juventutis; ср. Ann. 1, 3.

народъ, всѣ призваны были къ участію въ этой радости: отъ имени будущаго консула имъ роздали подарки, устроили для нихъ потѣшныя зрѣлища. Римскій народъ сталъ въ послѣднее время жаденъ до зрѣлищъ: ничѣмъ нельзя было такъ легко приманить его, какъ публичнымъ представленіемъ. Въ назначенное время циркъ, гдѣ приготовлены были игры, наполнился зрителями; каждый принесъ съ собою большой запасъ любопытства и нетерпѣнія, и каждый былъ больше или меньше пораженъ, когда сынъ Агриппины и сынъ цезаря, проѣхали вмѣстѣ по цирку, одинъ—въ великолѣпной одеждѣ, а другой—въ обыкновенно претекстѣ, какую носили мальчики до извѣстнаго возраста. Зрѣлище было такъ ново, что поглотило все вниманіе зрителей. Смотря на этихъ сводныхъ братьевъ, какъ они показались въ первый разъ въ циркѣ, народъ началъ угадывать роль, назначенную Нерону, и невольно задумывался надъ участью Британника. Нѣкоторые изъ присуствовавшихъ, особенно военные трибуны и центуріоны, до того увлеклись жалостію, что позволили себѣ разныя восклицанія и другіе нескромные знаки своего удивленія. Они потомъ дорого поплатились за свою неосторожность: за ними смотрѣли, ихъ слышали, и подъ разными предлогами, даже подъ видомъ повышенія, удалили отъ прежнихъ мѣстъ, выслали изъ Рима. Было въ томъ числѣ и нѣсколько отпущенниковъ, также пострадавшихъ за свое неумѣстное усердіе. Едвали нужно называть карающую руку: довольно сказать, что она была почти неотразима.

Интигра была въ полномъ ходу. Кромѣ своего прямаго дѣйствія, она производила также и косвенное, хотя оно можетъ-быть и не входило въ разсчеты тѣхъ, которые заправляли ею. Между братьями-соперниками зажигалась вражда, не обѣщавшая ничего добраго. Нетерпѣливый гнѣвъ вспыхивалъ въ молодой душѣ Британника всякій разъ, какъ только онъ встрѣчался съ своимъ своднымъ братомъ. У него не было другаго привѣтствія для Нерона, какъ «Домицій» или «Агенобарбъ» — имя, которое напоминало собою послѣднему его происхожденіе и отзывалось въ его ушахъ оскорбительною насмѣшкою и презрѣніемъ вмѣстѣ. Неронъ молчалъ по необходимости, потому что не имѣлъ чѣмъ отразить оскорбленіе; но за то непріязнь его находила себѣ выходъ въ сторону, она давала себя чувствовать во вновь распускаемыхъ слухахъ о Британникѣ, какъ о подкидышѣ *). Тутъ было сѣмя вражды, которая могла со временемъ разрастись до глубокой, непримиримой ненависти. Агриппина впрочемъ отъ того не приходила въ уныніе: взявшись за этотъ са-

*) Ann. XII, 41; ср. Suet. Ner. c. 7.

мый предлогъ, она шла съ своими жалобами прямо къ цезарю, она громко вопіяла противъ такого наглаго пренебреженія воли сената и народа, которыми однажды навсегда утверждено было «усыновленіе». Не хотѣть признать Нерона сыномъ цезаря не значило ли оскорбить законъ, самое государство? Чего можно ожидать отъ подобныхъ людей въ будущемъ? При этомъ имя Британника могло быть даже не упомянуто вовсе, по крайней мѣрѣ вся вина была сложена на его воспитателей и наставниковъ. Въ ихъ злонамѣренности весь корень зла, они должны быть обузданы первые. Прекрасный случай отдалить отъ Британника всѣхъ людей, ему близкихъ и преданныхъ, которые имѣли несчастіе пользоваться его довѣренностію или — что̀ еще хуже — оказывали вліяніе на него. Клавдій пришелъ въ ужасъ, узнавши, какіе зловредные люди окружаютъ его роднаго сына: онъ, не задумываясь, подписывалъ приговоры, которые были диктуемы его женою. Въ самый короткій срокъ казнь и ссылка разсѣяли всѣхъ друзей Британника, вообще всѣхъ тѣхъ, которые были сколько-нибудь привязаны къ нему. Онъ конечно не остался совершенно одинъ: его тотчасъ же окружили новые сателлиты, приставленные къ нему мачихою. Британникъ не потерялъ ничего, кромѣ прежней вѣрной опоры.

Время было горячее, Агриппина спѣшила имъ пользоваться. Почти незамѣтно была произведена одна изъ самыхъ важныхъ перемѣнъ въ государствѣ, которое держалось наиболѣе военною силою. Гета и Криспинъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточивалась власть надъ преторіанскими когортами еще со временъ Мессалины, казались не довольно надежными людьми для властолюбивыхъ плановъ ея преемницы: ихъ обоихъ наконецъ удалили отъ мѣстъ подъ тѣмъ предлогомъ, что отъ подобнаго раздѣленія власти много терпитъ самая дисциплина войска. Бурръ Афраній, получившій послѣ нихъ начальство надъ всѣми преторіанскими полками, обязанъ былъ этимъ возвышеніемъ столько же своимъ талантамъ и опытности въ военномъ дѣлѣ, сколько и тому обстоятельству, что на него имѣли причины разсчитывать во всякомъ случаѣ, какъ на вѣрнаго человѣка Онъ былъ повидимому честныхъ правилъ, и едва ли способенъ по доброй волѣ принять дѣятельное участіе въ замыслахъ Агриппины; но, такъ или иначе посвященный въ тайны ея интриги, при томъ же одолженный ей и самымъ мѣстомъ, онъ не считалъ себя болѣе въ правѣ противодѣйствовать ея намѣреніямъ и обязывался по крайней мѣрѣ къ молчанію. Страшное время, когда самая честность становится до того робка и нерѣшительна, что изъ одной только боязни не смѣетъ отказать въ своемъ содѣйствіи самымъ преступнымъ замысламъ!

Чѣмъ ближе стояла Агриппина къ своей новой цѣли, тѣмъ самоувѣреннѣе выставляла она на показъ свою силу, тѣмъ больше любила повеличаться передъ Римлянами. До сихъ поръ было въ обычаѣ, что Римлянка, которая желала присутствовать при религіозной церемоніи въ самомъ Капитоліи, безъ всякаго различія званія, вступала въ него пѣшкомъ и съ подобающимъ смиреніемъ: исключительное право въѣзжать въ капитолій въ особеннаго рода женскихъ повозкахъ (carpenta) предоставлено было только весталкамъ и другимъ женщинамъ жреческаго характера. Агриппина присвоила то же самое право себѣ, не принимая впрочемъ на себя никакой отвѣтственности за него. Римляне видѣли, какъ она въѣзжала въ Капитолій наравнѣ съ весталками, и никто не смѣлъ возвысить голоса противъ этого явнаго нарушенія обычая, освященнаго всею римскою древностію *). Агриппина стала недоступна никакимъ обвиненіямъ. Невыразимою дерзостію казалось ужь и то, что нашелся человѣкъ, между сенаторами, по имени Юній Люпъ, который не побоялся выступить обвинителемъ Вителлія. Рѣшимость крайне неблагоразумная. Заслуги, подобныя той, которая однажды оказана была Вителліемъ Агриппинѣ, не забываются скоро. Обвинять его въ какомъ-нибудь неважномъ преступленіи значило только неосторожно вызывать на себя гнѣвъ его покровительницы; обвинять въ преступныхъ покушеніяхъ съ цѣлію захватить самую власть — какъ это сдѣлалъ Юній Люпъ — значило прямо обратить на себя всю ненависть этой женщины; ибо трудно представить, чтобы политическіе замыслы, за которые думали подвергнуть отвѣтственности лицо, постоянно ею покровительствуемое, не были вмѣстѣ и ея собственные. Тотъ жестоко ошибался, кто еще думалъ оградить себя отъ ненависти Агриппины чьимъ бы то ни было заступленіемъ, хотя бы даже самого цезаря. Пусть Клавдій и не отказалъ въ благосклонномъ вниманіи обвинителю Вителлія; но Агриппина не дала много предупредить себя: она также явилась къ цезарю, и на этотъ разъ уже не съ просьбами, а съ угрозами, — и несчатный сенаторъ долженъ былъ принять какъ величайшую милость, что ему позволено было удалиться въ изгнаніе и унести съ собой по крайней мѣрѣ свою голову. Жизнь и смерть Юнія Люпа была въ рукахъ Вителлія: какъ-бы изъ презрѣнія къ своему врагу, онъ согласился удовольствоваться его ссылкою **).

Наступилъ годъ довольно трудный для Римлянъ. Множество дикихъ

---

*) Ann. XII, 42 — Впрочемъ Діонъ Кассій, 60, 22, приводитъ еще примѣръ Мессалины.

**) Tac. ibid: Hactenus Vitellius voluerat.

птицъ, налетѣвшихъ на Капитолій, предвозвѣстили его заранѣе. Одно бѣдствіе приводило за собою другое. Началось землетрясеніями, разрушившими много зданій. Урожай былъ скуденъ, и многія мѣста пострадали отъ недостатка продовольствія. Въ народѣ начиналось волненіе, послышался ропотъ. Однажды Клавдія окружили среди самаго форума и такъ стѣснили его со всѣхъ сторонъ, что онъ долженъ былъ призвать на помощь себѣ военную силу. Къ тому же замутился Востокъ, гдѣ Парѳяне надвигали на Арменію, волнуемую междуусобіями. Въ довершеніе всего, въ нѣкоторыхъ провинціяхъ внутренній миръ былъ нарушенъ открытымъ возстаніемъ. Патріотическому сердцу было отъ чего придти въ уныніе. Менѣе чѣмъ кто-нибудь въ Римѣ была подвержена этой слабости Агриппина: нисколько не возмущаясь духомъ, она продолжала устраивать судьбу свою и тѣхъ, которыхъ услуги были ей особенно дороги. Прежде она награждала и поощряла ихъ лишь своею личною пріязнію, теперь, презирая всѣ условныя приличія, употребляла для той же самой цѣли и государственныя средства. Палласъ, котораго отношенія къ ней дѣлали ей наиболѣе безчестія, былъ наиболѣе взысканъ ея милостями. Подъ самымъ пустымъ предлогомъ, ему предоставлены были очень видныя гражданскія почести наравнѣ съ преторами, и выдана изъ казны огромная сумма денегъ; изъ льстивой угодливости, подобрали для него цѣлую генеалогію, которая возводила родъ отпущенника даже до древнихъ царей Аркадіи, что̀ послужило поводомъ къ назначенію ему публичной благодарности за то, что онъ, вновь открытый потомокъ аркадскихъ царей, не усомнился посвятить свои благородныя способности на служеніе дому цезаря; въ заключеніе всего, положено было вырѣзать его имя на мѣдной доскѣ вмѣстѣ съ состоявшимся по этому случаю опредѣленіемъ сената *). Цезарь и сенатъ соревновали другъ передъ другомъ, чтобы какъ можно больше возвеличить и безъ того уже сильнаго отпущенника. Все это, конечно, достаточно объясняется тогдашнимъ духомъ римскаго общества и свойствами главныхъ дѣйствующихъ лицъ; но горько подумать, что въ такомъ позорномъ фарсѣ досталось играть непослѣднюю роль вновь назначенному консулу, Бареѣ Сорану, человѣку честному, котораго имя встрѣчаемъ потомъ рядомъ съ именемъ Тразеи Пета, благороднѣйшаго и честнѣйшаго изъ Римлянъ нероновской эпохи!

Въ эпоху глубокаго развращенія нравовъ, когда добро и зло больше не различаются между собою, не откуда ожидать энергическаго

*) Ann, XII, 53. Весьма хорошо поясняетъ дѣло Плиній (N. H 53, 58), прибавляя: Jubente Agrippina.

протеста какъ противъ общаго направленія, такъ и противъ частныхъ злоупотребленій. Развѣ только историкъ, записывая современныя событія, внесетъ вмѣстѣ съ ними въ свою хронику и свое скрытое негодованіе. Въ самой же дѣйствительности подобнаго рода возможно только одно противодѣйствіе: это со стороны оскорбленнаго самолюбія или — что̀ почти равняется первому — изъ какихъ-нибудь корыстныхъ видовъ. Палласъ всегда имѣлъ при дворѣ цезаря опасныхъ совмѣстниковъ, равнаго съ нимъ званія и одинаковыхъ наклонностей. Нарциссъ и Каллистъ, хотя и не мечтали о происхожденіи отъ древнихъ аркадскихъ царей, впрочемъ нисколько не уступали Палласу въ способности къ интригѣ. Первый едвали даже не былъ рѣшительнѣе, предпріимчивѣе всѣхъ другихъ: по крайней мѣрѣ при низложеніи Мессалины никто не оказалъ столько дѣятельности и распорядительности*). Всѣ они жили дружно и дѣйствовали въ согласіи, пока никто изъ нихъ не перебивалъ дороги другому. Отношенія значительно измѣнились, когда Палласъ искусно вкрался въ довѣренность Агриппины и, помогая ея возвышенію, работалъ въ то же время для своего собственнаго. Единство отпущенническаго союза было потрясено окончательно, когда Палласъ, поднимаемый сильною рукою своей покровительницы, сталъ цѣлою головою выше своихъ прежнихъ товарищей. Неизвѣстно, какихъ мыслей былъ объ этомъ предметѣ Каллистъ: вообще онъ исчезаетъ со сцены дѣйствія прежде другихъ; но самолюбіе Нарцисса, примѣтно, было очень затронуто предпочтеніемъ Палласа. Онъ былъ не изъ тѣхъ, которые легко отступаются отъ своихъ преимуществъ въ пользу другаго. Можетъ-быть, Нарцисъ затаилъ бы въ себѣ свою досаду, потому что при жизни Агриппины не было почти никакого расчета на успѣхъ; но одинъ случай принесъ сюда еще новое раздраженіе, которое не могло остаться безъ важныхъ послѣдствій.

Готовилось совершеніе великаго общественнаго труда и вмѣстѣ великолѣпное зрѣлище. Огромныя работы, давно уже предпринятыя для спуска водъ Фуцинскаго озера (lago di Celano) въ Тибръ, работы, вполнѣ достойныя римскаго имени, были наконецъ приведены къ окончанію. Для насъ особенно замѣчательно, что въ послѣднее время онѣ производились подъ высшимъ надзоромъ и управленіемъ Нарцисса**): поручая ему это важное предпріятіе и распоряженіе назначенными для того суммами, Клавдій какъ-будто хотѣлъ возна-

*) См. статью первую.

**) Dio Cassius, 60, 33. *Ὁ Ναρκίσσος τῆς λίμνης τῆς Φουκίνης συμπεσούσης αἰτίαν ἐπ' αὐτῇ μεγάλην ἔλαβεν· ἐπεστάτει γὰρ τοῦ ἔργου*, etc.

градить его за многія другія лишенія. Чтобы отпраздновать такое славное дѣло совершенно по-римски, Клавдій, по примѣру Августа, приказалъ устроить на самомъ озерѣ великолѣпную навмахію, или морское побоище, которое должно было происходить передъ самымъ спускомъ воды. Необыкновенныя приготовленія, сдѣланныя для этого зрѣлища, способны были изумить своими размѣрами: устроено было цѣлыхъ два флота, изъ которыхъ одинъ получилъ названіе родосскаго, другой — сицилійскаго, и до двадцати тысячъ преступниковъ, приговоренныхъ къ смерти, собрано было со всѣхъ концовъ Имперіи, для наполненія судовъ вооруженными людьми Итакъ, сколько же должно было совершиться однихъ преступленій въ предѣлахъ великаго римскаго государства, чтобы набралось нужное количество людей для одного только представленія? Впрочемъ, какъ видно, въ нихъ вовсе не было недостатка. Опасаться можно было скорѣе за то, чтобы преступники, собранные въ одномъ мѣстѣ и въ такомъ количествѣ, не предприняли какого-нибудь отчаяннаго движенія, или не разбѣжались бы въ разныя стороны. Съ цѣлію предупредить всякое покушеніе этого рода, множество большихъ лодокъ, наполненныхъ преторіанцами, крейсировало около береговъ озера; на крайній случай приготовлены были даже метательныя орудія, чтобы, если нужно, отражать силу силою. Увеселительное зрѣлище могло вдругъ превратиться въ кровавое побоище, потѣха — кончиться страшною катастрофой! Несмотря на то, въ назначенное время несмѣтное число народа стеклось изъ Рима и изъ окрестныхъ мѣстъ и заняло всѣ возвышенія, нарочно выстроенныя въ видѣ амфитеатра по береговымъ отлогостямъ. Одни пришли видѣть самое представленіе, другіе — столько же для себя, сколько изъ угожденія цезарю. Онъ самъ не замедлилъ явиться сюда вмѣстѣ съ своимъ семействомъ. Агриппина, не пропускавшая ни одного случая показать народу свое величіе, предстала предъ зрителей въ великолѣпной одеждѣ, тканной изъ золота. Клавдій былъ въ военномъ плащѣ; Неронъ тоже не отсутствовалъ и былъ одѣтъ точно такъ же. Недоставало только Британника: по крайней мѣрѣ объ его присутствіи не упоминаетъ ни одно извѣстіе *). Появленіе цезаря и его семейства должно было послужить сигналомъ къ открытію представленія. Была въ самомъ началѣ одна лишь трудная минута, когда, казалось, готовы были осуществиться самыя тяжелыя опасенія. Завидѣвшіе Клавдія преступники, составлявшіе ополченіе обоихъ флотовъ, привѣтствовали его со всею массою. Привѣтъ тебѣ, цезарь, и долгая жизнь отъ тѣхъ, которымъ

*) Ср. Tac. Ann. XII, 56; Suet. Claud. c. 21; Dio 60, 33.

остается жить лишь нѣсколько часовъ—кричало ему несмѣтное число голосовъ *). Клавдій не могъ удержаться, чтобы на этотъ залпъ восклицаній не отвѣчать также привѣтливымъ словомъ. Но едва только вырвался у него обычный римскій отвѣтъ, avete vos, какъ преступники остановились, показывая рѣшительное намѣреніе не начинать сраженія: они были прощены, привѣтствіе цезаря «здравствуйте и вы», сказанное во всеуслышаніе, уничтожало силу смертнаго приговора, дѣлало ихъ опять свободными. Это былъ очевидно цѣлый заговоръ: преступники думали воспользоваться добродушіемъ Клавдія, готовы были насмѣяться надъ нимъ. Прошло нѣсколько тѣхъ ужасныхъ, безмолвныхъ мгновеній, въ продолженіе которыхъ кровь какъ–будто стынетъ въ жилахъ здороваго человѣка, останавливая свое обращеніе. Первымъ движеніемъ цезаря былъ гнѣвъ: даже и онъ, съ его притупѣвшимъ чувствомъ, былъ задѣтъ за живое такою наглою и вмѣстѣ опасною выходкою со стороны людей, которые въ мысли его ужь почти исключены были изъ списка живущихъ; ужь онъ думалъ, не подать ли сигналъ преторіанцамъ, не начать ли, вмѣсто навмахіи, всеобщее избіеніе преступниковъ. Но энергическія движенія были не въ характерѣ Клавдія: всякая сильная мысль застывала въ немъ прежде, чѣмъ доходила до языка. Послѣ минутной нерѣшительности онъ вскочилъ съ своего мѣста, спустился до самаго края озера, и ходя по берегу, съ лицомъ, на которомъ изображался больше испугъ, чѣмъ ярость и негодованіе, то сердился и грозилъ преступнымъ ослушникамъ, то убѣждалъ ихъ, едва не со слезами на глазахъ, исполнить послѣднюю обязанность, те–есть начать побоище! Сомнительно, чтобы видъ Клавдія и слова его способны были возбудить страхъ; но преторіанцы были наготовѣ, они ждали только приказанія. Преступники не рѣшились простирать свою дерзость далѣе: видя, что хитрость ихъ не удалась, они возвратились къ тому, что̀, волею или неволею, должны были признать своимъ долгомъ. Два флота сошлись, и побоище открылось: бились долго и съ ожесточеніемъ, достойнымъ гораздо лучшаго дѣла; съ обѣихъ сторонъ много было нанесено смертоносныхъ ранъ, много пало жертвъ, никѣмъ неоплаканныхъ; наконецъ Клавдій сжалился, велѣлъ остановить сраженіе и дозволить жить уцѣлѣвшимъ.

Представленіе кончилось, но еще не кончились всѣ событія, соединенныя съ исторіею этого замѣчательнаго предпріятія. Чувство, которое Агриппина вынесла съ увеселительнаго зрѣлища, было по всей вѣроятности очень непріятное. Никто изъ присут–

*) «Ave imperator, morituri te salutant». Suet. ib.

ствовавшихъ не способенъ былъ принять такъ горячо къ сердцу оскорбленіе, нанесенное власти въ лицѣ ея мужа. Клавдій могъ забыть свою досаду какъ минутное ощущеніе; у Агриппины, напротивъ, минутное ощущеніе легко превращалось въ постоянное чувство и даже возрастало до страсти. Чувство непріятное обыкновенно ищетъ себѣ предмета, на который могло бы излиться съ полною свободою. По окончаніи навмахіи, когда открытъ былъ спускъ воды, оказалось сверхъ всякаго ожиданія, что работы, произведенныя для этой цѣли, были весьма неудовлетворительны: каналъ, которымъ долженъ былъ проходить стокъ воды, вышелъ такъ мѣлокъ, что не достигалъ и въ половину глубины озера. Легко понять, на кого всего болѣе должно было пасть неудовольствіе, возбужденное во всѣхъ, въ Агриппинѣ навѣрное не менѣе, чѣмъ въ комъ-нибудь другомъ, такъ непріятно обманутыми ожиданіями. Кто былъ главнымъ исполнителемъ предпріятія, тотъ естественно принималъ на себя и всю отвѣтственность за него.

Но дѣло еще не ушло совершенно: его легко можно было поправить, если только еще нѣсколько продолжить работу и углубить водосточный каналъ; окончательный успѣхъ не только оправдалъ бы все начинаніе, но покрылъ бы собою самыя ошибки въ исполненіи. Работы дѣйствительно были начаты вновь, и черезъ нѣсколько времени новое приглашеніе вторично призывало Римлянъ на праздникъ спуска воды изъ Фуцинскаго озера. На этотъ разъ, впрочемъ, ради избѣжанія какъ излишнихъ издержекъ, такъ и разныхъ печаяностей, все увеселеніе ограничилось лишь боемъ гладіаторовъ на плотахъ, нарочно для того приготовленныхъ. Зрѣлище прошло благополучно; но не такъ счастливо заключилось пиршество, которое для бо́льшаго удобства зрителей, было устроено близь тѣхъ самыхъ мѣстъ, гдѣ вода должна была выходить изъ своего вмѣстилища. Только что пирующіе, въ числѣ которыхъ были Клавдій и Агриппина, расположились на своихъ мѣстахъ, какъ сильный потокъ воды, съ шумомъ и ревомъ устремившись въ открытый каналъ, скоро наполнилъ его до верха и понесся по самымъ берегамъ, увлекая въ своемъ бурномъ стремленіи все, что́ ни встрѣчалось ему на пути. Въ минуту всѣ пиршественныя приготовленія были разрушены или унесены водою, и испуганные гости съ криками отчаянія искали себѣ спасенія въ проворномъ бѣгствѣ. Такая оплошность была непростительнѣе, чѣмъ первая, тѣмъ болѣе, что самъ Клавдій много натерпѣлся отъ страха при этомъ случаѣ. Вина ея, разумѣется, падала опять на главнаго распорядителя работами. Агриппина наконецъ не вытерпѣла: пользуясь дурнымъ

расположеніемъ своего мужа, она открыто возстала передъ нимъ противъ Нарцисса, обвиняла его въ корыстолюбіи, хищничествѣ, почти грабительствѣ, однимъ словомъ, дала почувствовать ему всю свою непріязненность. Не нужно было имѣть много проницательности, чтобы понять, куда вело такое опасное нападеніе. Нарциссъ однако былъ не робкаго духа: онъ испыталъ въ своей жизни не одну перемѣну, торжествовалъ нѣкогда надъ Мессалиною и послѣ того сохранилъ еще довѣренность къ себѣ цезаря. Принужденный еще разъ выбирать между честною борьбою и безславнымъ паденіемъ, онъ рѣшился лучше снова попробовать своего счастія и принялъ вызовъ Агриппины. Произошла неслыханная сцена: отпущенникъ позволилъ себѣ дерзость—въ глаза укорять жену цезаря въ недостаткахъ и уличать ее въ разныхъ замыслахъ, которые могли бросить на нее сильную тѣнь подозрѣнія *). Клавдій молчалъ, поставленный между двумя огнями; дѣло повидимому не имѣло послѣдствій, но оно заронило искру непримиримой вражды между противниками, которая, при первомъ благопріятномъ оборотѣ обстоятельствъ для той или другой стороны, должна была вскрыться съ удвоенною силою.

Почувствовавъ около себя врага, Агриппина спѣшила довершить свои начинанія, чтобы не дать ему времени предупредить себя. Она видимо старалась воспользоваться всѣмъ своимъ вліяніемъ на цезаря, пока еще оно не было никѣмъ раздѣлено съ нею въ одинаковой степени. Нерону едва исполнилось шестнадцать лѣтъ, какъ уже былъ празднованъ бракъ его съ Октавіею. Узы такого рода еще крѣпче привязывали сына Агриппины къ семейству цезаря, чѣмъ самое усыновленіе. Если не для него, то ради своей дочери Клавдій могъ склониться теперь на многое, что̀ не лежало въ интересахъ ни цѣлаго рода, ни его собственной власти. Бракъ Нерона доставилъ Агриппинѣ прекрасный случай еще разъ зарекомендовать его передъ народомъ столько же со стороны талантовъ, сколько и со стороны благородныхъ движеній души и сердца. Нѣсколько разъ къ ряду выступалъ Неронъ публичнымъ защитникомъ городовъ и муниципій, которыя отыскивали свои старыя права, или по обстоятельствамъ просили себѣ нѣкоторыхъ облегченій, — и всегда съ полнымъ успѣхомъ. Краснорѣчіе самаго Цицерона не было такъ дѣйствительно въ большей части случаевъ, когда онъ принималъ на себя защиту чужихъ правъ передъ народнымъ трибуналомъ. Кѣмъ бы ни были приготовлены рѣчи, произносимыя Нерономъ, но дѣло въ томъ, что, благодаря его пуб-

*) Tac. ib.: nec ille impotentiam muliebrem nimiasque spes ejus arguens...

личному ходатайству, жители Иліона, древней колыбели народа римскаго и знаменитаго рода Юліевъ *), были освобождены отъ всѣхъ повинностей; колонія болонская (Bononiensis), истребленная пожаромъ, получила значительное денежное вспоможеніе; Родосцамъ снова возвращена независимость, и наконецъ жителямъ Апамеи, потерпѣвшимъ отъ землетрясенія, предоставлена на цѣлыя пять лѣтъ льгота отъ податей. Чего бы въ правѣ были ожидать Римляне собственно для себя, когда бы этотъ талантливый ораторъ, съ такимъ успѣхомъ защищавшій права инородцевъ, принялъ обязанности цезаря, сталъ главою самаго Рима? За благодѣтельствующимъ Нерономъ не всякій конечно могъ различить скрытое лицо Агриппины, которая, выставляя на видъ своего сына, въ то же самое время умѣла все ненавистное въ своихъ дѣйствіяхъ прикрывать именемъ своего мужа. Роль Клавдія становилась все печальнѣе и печальнѣе: послѣ того какъ Британникъ былъ поставленъ совершенно въ тѣни, *онъ* сдѣлался въ свою очередь предметомъ интриги, которая имѣла цѣлію мало по малу лишить его всякаго расположенія въ народѣ и уронить его въ глазахъ Римлянъ на счетъ будущаго преемника. Не кому иному, какъ цезарю, приписывали незаслуженную смерть Статилія Тавра, бывшаго правителя Африки: думали, что на то было прямое желаніе самого Клавдія, чтобы на Статилія, по возвращеніи его изъ провинціи, взведены были разныя обвиненія, какъ-то въ лихоимствѣ, колдовствѣ и т. п., вслѣдствіе чего онъ принужденъ былъ, предупреждая несправедливое осужденіе, самъ наложить на себя руки. Между тѣмъ настоящій ходъ дѣла былъ совсѣмъ иной: Статилій владѣлъ богатыми садами, которые имѣли несчастіе понравиться Агриппинѣ; отсюда начало всему злу, ибо преемница Мессалины не менѣе ея знала цѣну хорошо устроеннымъ дачамъ и также мало умѣла сдерживать себя, когда представлялся случай захватить чужую собственность. Въ угоду ей, Тарквиній Прискъ, легатъ Статилія, возвратившійся съ нимъ изъ Африки, взялся быть его обвинителемъ, и ужь Клавдій, служа слѣпымъ орудіемъ той же самой волѣ, готовъ былъ принять на себя всю отвѣтственность въ осужденіи мнимаго преступника, какъ онъ, своею насильственною смертію, избавилъ его отъ необходимости подписывать одинъ лишній смертный приговоръ. Во всемъ этомъ дѣлѣ, къ удивленію, только сенатъ показалъ необыкновенную чувствительность къ своей собственной чести: неизвѣстно подъ чьимъ вліяніемъ, онъ

*) Ibid.: Romanum (populum) Troia demissum et Juliæ stirpis auctorem Aeneam.

опять проникнулся на минуту чувствомъ своего стараго достоинства и изгналъ изъ среды себя безчестнаго обвинителя.

Между тѣмъ въ римскомъ обществѣ, въ народѣ, все больше и больше накоплялось предчувствіе чего-то недобраго. Явленія, по которымъ онъ привыкъ узнавать грядущую кару или предугадывать страшныя опредѣленія рока, повторялись одно за другимъ во множествѣ. Въ одномъ мѣстѣ ударъ грома упалъ среди военнаго лагеря, запалилъ шатры, истребилъ самыя знамена. Рой пчелъ показался однажды на самой вершинѣ Капитолія. Были страшные роды: какія-то безобразныя чудовища раждались вмѣсто людей; подобные случаи повторялись и въ царствѣ животныхъ. Не добромъ объясняли и то, что республика въ короткое время лишилась большей части своихъ магистратовъ: квесторъ, эдилъ, трибунъ, преторъ и консулъ умерли въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Предчувствіе начинало прокрадываться и въ самую душу Клавдія. Смущенный имъ, онъ, можетъ-быть, впервые въ своей жизни подумалъ о смерти, оглянулся на свое прошедшее и невольно содрогнулся при мысли о немъ. Въ робкой душѣ цезаря промелькнуло что-то похожее на раскаяніе; онъ какъ будто созналъ свои отношенія къ лицамъ, окружавшимъ его, устыдился особенно той унизительной роли, которую до сихъ поръ заставляли его играть женщины. Однажды, разгоряченный винными парами, онъ дотого увлекся своимъ новымъ чувствомъ, что, сверхъ обыкновенія, позволилъ себѣ, даже въ присутствіи другихъ очень сильно выразиться насчетъ лицъ, злоупотреблявшихъ его довѣренностію. «Мнѣ какъ будто на роду написано — сказалъ онъ, не скрывая болѣе своего негодованія — быть свидѣтелемъ позора моихъ женъ, и потомъ ихъ наказывать» *). Если не въ самой волѣ Клавдія, то въ его образѣ мыслей, очевидно, произошла значительная перемѣна. Онъ уже не укорялъ только, но и грозилъ. Такой сильный поворотъ въ мысляхъ цезаря, — хотя отсюда и далеко еще было до рѣшенія, — самъ по себѣ стоилъ всякаго недобраго предзнаменованія.

Пробужденіе Клавдія изъ его обычной апатіи было такъ неожиданно, что могло бы привести въ удивленіе самаго равнодушнаго. Менѣе всѣхъ была равнодушна къ выраженіямъ чувствъ цезаря сама Агриппина. Она вѣсила на вѣсъ каждое его слово, она слѣдила внимательно и неотступно за каждымъ его движені-

*) Ann. XII, 64: fatale sibi ut conjugum flagitia ferret, deinde puniret. Ср. Suet. Claud. 43.

емъ. Угроза, вырвавшаяся у Клавдія въ порывѣ рѣдкой откровенности, не пропала для нея даромъ. Агриппина тотчасъ угадала по ней тайную мысль своего мужа (смерть Мессалины служила лучшимъ комментаріемъ къ словамъ его) и, можетъ-быть, впервые со времени своего возвышенія почувствовала невольный страхъ за себя и за всѣ свои планы. До сихъ поръ ей приходилось имѣть дѣло то съ отпущенниками, гибкими и неустойчивыми по самой своей природѣ, то съ неопытнымъ мальчикомъ, который по самому возрасту еще не въ состояніи былъ ни предвидѣть удара, ни отразить его. До сихъ поръ имя цезаря служило ей щитомъ, самъ онъ — слѣпымъ орудіемъ ея воли: теперь же это орудіе готово было обратиться противъ нея самой. Кто бы ни былъ тотъ тайный врагъ, который умѣлъ внушить Клавдію эту мысль и на время привязать къ себѣ его безсовѣтную волю, онъ былъ сильный и опасный соперникъ, онъ напередъ искусно лишалъ своего противника самыхъ главныхъ средствъ обороны и потомъ уже дѣлалъ на него открытое нападеніе. Но въ Агриппинѣ, кажется, и самый страхъ былъ на стражѣ ея безопасности: изъ него почерпала она лишь новое мужество, имъ изощряла свою рѣшимость и вмѣсто того, чтобы дѣлать шагъ назадъ, еще смѣлѣе простиралась впередъ по прежнему направленію. Клавдій только еще думалъ, а Агриппина уже рѣшилась дѣйствовать или, точнѣе, ускорить свою дѣятельность сообразно съ данными обстоятельствами. Первое подозрѣніе ея пало на Домицію Лепиду: въ ней, по всей вѣроятности, она угадывала и хотѣла поразить одно изъ самыхъ ненавистныхъ орудій своего тайнаго врага. Были впрочемъ и другія, болѣе застарѣлыя причины ко взаимной нетерпимости: онѣ копились въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Агриппина и Лепида были старыя соперницы между собою. Почти равныя происхожденіемъ, онѣ не разнились много и лѣтами, напоминали одна другую даже по внѣшнему виду. Кромѣ внѣшняго сходства было еще внутреннее: въ безстыдствѣ и наглости Лепида не уступала никому въ своемъ родѣ; ей недоставало лишь равнаго съ Агриппиною положенія, чтобы поравняться съ нею великостію самаго позора. Впрочемъ, она повидимому никогда не отказывалась отъ надежды—рано или поздно занять видное мѣсто при дворѣ цезарей, можетъ-быть, даже опередить свою знаменитую родственницу, и пользовалась всѣмъ своимъ вліяніемъ на ея сына, бывшаго своего воспитанника, чтобы со временемъ проложить себѣ черезъ него дорогу. Какъ добрая нянька ухаживала она за Нерономъ, осыпала его ласками, не жалѣла издержекъ для

удовлетворенія его прихотей Природа и все прежнее воспитаніе нисколько не располагали Нерона пренебрегать благами жизни, какимъ бы путемъ они ни доставались: онъ шелъ, куда его вели, артистически выбирая то, что̀ болѣе соотвѣтствовало его вкусамъ. Но Агриппина, хотя и не совсѣмъ съ материнскою заботливостію, не спускала съ него глазъ: она хотѣла имѣть въ немъ вѣрное орудіе *своей* власти, а не чужихъ происковъ. Нѣкоторое время она только сердилась и грозила издали: наконецъ участь Лепиды была рѣшена. Въ вину ей поставлено было, что она старалась разными чарами погубить супругу цезаря и собирала толпы рабовъ съ цѣлію возмутить миръ Италіи. Неронъ явился между свидѣтелями и имѣлъ духъ, въ присутствіи своей воспитательницы, поддерживать направленное противъ нея обвиненіе: ему, какъ видно, хотѣлось сдѣлать пріятность матери. Свидѣтельство было принято въ должное уваженіе, и смертный приговоръ былъ неизбѣжнымъ его слѣдствіемъ *).

Никто не былъ такъ возмущенъ этимъ приговоромъ, какъ Нарциссъ: дѣло какъ будто касалось его лично. Онъ уже не таилъ въ себѣ своей досады, но далъ полную свободу своему чувству и съ жаромъ возставалъ противъ состоявшагося рѣшенія. Не то чтобы оно въ самомъ дѣлѣ возмущало его своею несправедливостію: чувствованія этого рода были слишкомъ высоки для отпущенника; но участь Лепиды показывала лучше всего, къ чему клонились намѣренія Агриппины, и что̀ ожидало тѣхъ, которые не хотѣли согласить своихъ дѣйствій съ ея волею. Было отъ чего придти въ отчаяніе; но иногда отчаяніе внушаетъ дерзкую рѣшимость, которой не достаетъ въ спокойномъ состояніи духа. Ненависть къ Агриппинѣ и чувство близкой опасности произвели въ Нарциссѣ именно такое настроеніе. Они не только придали ему смѣлости, но нѣкоторымъ образомъ облагородили самые его помыслы. Нарциссъ считалъ себя обязаннымъ дѣйствовать — если не для себя лично, то изъ признательности къ цезарю. Мнѣ ужь не сдобровать ни въ какомъ случаѣ—говорилъ онъ близкимъ къ нему людямъ—будетъ ли Британникъ или Неронъ преемникомъ Клавдія. Но я такъ много одолженъ цезарю, что молчаніе съ моей стороны было бы преступленіемъ. Почему бы, обличивъ преступленіе Мессалины, сталъ я прикрывать моимъ молчаніемъ Агриппину? На какое только преступленіе не покусится она, если ей удастся вытѣснить Британника, чтобы потомъ властвовать подъ именемъ своего ничтожнаго

*) Ann. XII, 65; Suet. Ner. 7.

сына? Это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Да и чѣмъ же лучше она Мессалины въ другихъ отношеніяхъ? Нельзя дальше простереть безстыдства, какъ она — въ связяхъ своихъ съ Палласомъ. Тутъ пожертвовано всѣмъ — женскою честію, добрымъ именемъ, приличіемъ самымъ, и все только изъ-за одного властолюбія! Говоря такимъ образомъ, Нарциссъ совершенно выходилъ изъ себя. Въ заключеніе всего онъ обращался къ Британнику, обнималъ его съ горячностію человѣка, принимающаго въ немъ самое живое участіе, и потомъ, поднявъ глаза къ небу, торжественно молилъ боговъ послать юношѣ силу и крѣпость мужа, чтобы онъ могъ разсѣять враговъ своего отца,—хотя бы вмѣстѣ съ ними погибли и убійцы его матери. Нарциссъ готовъ былъ наконецъ отречься отъ своей собственной безопасности, лишь бы только имѣть это послѣднее утѣшеніе — видѣть паденіе Агриппины и низверженіе всѣхъ ея замысловъ!

Надобно полагать, что эти смѣлыя рѣчи нарочно говорились громко, чтобы могли дойдти до слуха цезаря. Возможно также, что предпріимчивый отпущенникъ, до конца сохранившій нѣкоторое вліяніе на него, нашелъ удобный случай лично передать ему свои подозрѣнія и снова завладѣть его слабою волею. Какъ бы то ни было, Клавдій подъ конецъ своей жизни показывалъ все больше и больше отчужденія къ Агриппинѣ и обнаруживалъ довольно рѣшительное намѣреніе поправить свою прежнюю ошибку въ отношеніи къ Британнику. Однажды, встрѣтившись съ сыномъ, онъ обнялъ его съ особенною нѣжностію и повторилъ ему отъ себя личное желаніе, высказанное прежде Нарциссомъ. Наконецъ состоялся цѣлый планъ, отъ словъ готовились перейдти прямо къ дѣлу. Нетерпѣніе отпущенника какъ бы сообщилось и самому цезарю. Еще Британникъ не достигъ совершеннолѣтія, какъ уже положено было возложить на него тогу; въ оправданіе говорили, что если онъ и не довольно зрѣлъ лѣтами, то достаточно мужественъ по своему виду и крѣпкому сложенію. Чтобы впрочемъ кто не подумалъ, что цѣль этого дѣйствія—лишь поравнять Британника съ Нероном̀ъ, Клавдій при этомъ случаѣ прибавилъ: пусть теперь римскій народъ узнаетъ своего настоящаго цезаря. Побуждаемый и направляемый своимъ неотступнымъ совѣтникомъ, онъ, къ удивленію, простеръ свою рѣшимость далѣе: составилъ въ пользу Британника формальное завѣщаніе и скрѣпилъ его всѣми необходимыми подписями*). Для совершеннаго устраненія Нерона

*) См. Suet. Claud 43—44.

оставалось только провозгласить законнаго наслѣдника цезарем и вслѣдъ затѣмъ призвать его къ дѣйствительному участію во власти.

Дѣйствіе новой интриги направлено было ближайшимъ образомъ противъ Нерона, но въ его лицѣ поражена была всего болѣе Агриппина. Она наконецъ узнала своего главнаго врага и волею или неволею должна была признать въ немъ достойнаго соперника себѣ. Не мудрено было погубить во мнѣніи Клавдія Мессалину, когда она сама подавала къ тому поводъ своимъ до крайности легкомысленнымъ поведеніемъ: невѣроятно трудно было возстановить его противъ Агриппины въ такую пору, когда она, казалось, располагала полнымъ его довѣріемъ. Агриппина глубоко ощутила оскорбленіе и однако умѣла сдержать себя до времени, — конечно по тому самому, что видѣла перевѣсъ на сторонѣ противника и боялась испортить дѣло излишнею поспѣшностію. Сила удара не всегда происходитъ отъ самаго размаха, который ему предшествуетъ: иногда очень многое зависитъ и отъ его благовременности. Сдержанная страсть Агриппины, какого бы то ни было свойства, была еще страшнѣе, чѣмъ открытая. Питаясь нѣкоторое время сама собою, она становилась тѣмъ напряженнѣе и потому неотразимѣе. Непринужденная, она могла довольствоваться лишь своимъ успѣхомъ, побѣдою; въ послѣднемъ же случаѣ ей непремѣнно нужна была жертва. Такою жертвою могъ сдѣлаться каждый, не исключая и самого цезаря, кто только не хотѣлъ или переставалъ служить ей орудіемъ. Оттого-то и было особенно страшно это время, что тутъ никакая голова не была вѣрна на своихъ плечахъ. Чего не различалъ ясно умъ, о томъ говорило темное предчувствіе какой-то неминуемой бѣды, которая шла невѣдомо откуда, и Богъ знаетъ надъ кѣмъ могла разразиться. — Несмотря на то, что Агриппина еще воздерживалась отъ рѣшительнаго противодѣйствія, успѣхъ Нарцисса въ борьбѣ столько неровной достался ему недаромъ: отъ многаго напряженія и безпрестанной озабоченности, силы его истощились, и почувствовалось неизбѣжное въ такомъ состояніи утомленіе, которое заставляло его, во что бы то ни стало, искать себѣ покоя. Съ душевною усталостію соединилось еще разстройство физическое, приготовленное годами и неумѣренною жизнію *). Считая свое предпріятіе уже довольно обезпеченнымъ и не предвидя для него особенныхъ опасностей въ будущемъ, Нарциссъ рѣшился удалиться въ Синуэссу, чтобы употребленіемъ

*) Ann. XII, 66. In tanta mole curarum valetudine adversa corripitur, etc. Діонъ Кассій, 60, 34, говоритъ о подагрѣ.

тамошнихъ водъ, славившихся своею цѣлительною силою, возстановить свои упавшія силы. Ни Клавдій, ни Агриппина ему не препятствовали: первый по своей обыкновенной апатіи, вторая именно по разсчетамъ на его отсутствіе *). Она не боялась, что Нарциссъ такимъ образомъ можетъ уйдти отъ ея мщенія: ей пока нужно было только одно — чтобы онъ сошелъ хотя на время съ дороги и далъ ей возможность и свободу дѣйствовать. Прочее должно было придти со временемъ.

По удаленіи главнаго своего совѣтника, Клавдій оставался совершенно беззащитенъ въ отношеніи къ постороннимъ вліяніямъ. Надобно было ожидать, что Агриппина не замедлитъ занять свое прежнее мѣсто въ его сердцѣ и мысли, мало-по-малу сгладитъ его же рукою всѣ слѣды послѣднихъ рѣшеній, принятыхъ имъ по совѣту Нарцисса. Но она находила, что Клавдій болѣе неисправимъ, что излѣчить его можно развѣ лишь самыми радикальными средствами. Своею безхарактерностію этотъ человѣкъ всегда способенъ былъ заставить ее снова проходить тотъ длинный и скользкій путь, который она считала уже для себя почти конченнымъ. Британникъ ли, Нарциссъ ли, были опасны ей потому только, что каждую минуту могли дѣйствовать противъ нея черезъ Клавдія. Наконецъ интрига ей надоѣла, и она рѣшилась покончить все однимъ разомъ. Преступленіе не могло испугать женщину, которая уже не разъ прибѣгала къ нему въ своей жизни. Ядъ, дѣйствующій тайно и вмѣстѣ вѣрно, казался ей теперь самымъ приличнымъ средствомъ. Сомнѣніе состояло только въ томъ, какой ядъ предпочесть въ настоящемъ случаѣ: дѣйствующій ли скоро или убивающій медленно? Но первый самою быстротою дѣйствія могъ бы обличить преступленіе; второй также не казался довольно безопаснымъ, потому что продолжительность страданій могла бы самого цезаря навести на разныя мысли и заставить его сдѣлать нѣкоторыя предсмертныя распоряженія противъ желанія лицъ, участвовавшихъ въ этомъ замыслѣ. Итакъ въ совѣтѣ Агриппины и усердныхъ ея доброжелателей, въ которыхъ недостатка не было, положено было употребить такое средство, которое, медленно дѣйствуя на организмъ, производило бы однако въ пораженномъ субъектѣ сильное умственное разстройство. Знаменитая Локуста, давно извѣстная своею опытностію въ этомъ искусствѣ и всегда съ успѣхомъ служившая при подобныхъ предпріятіяхъ, взялась приготовить нужное зелье. Эвнухъ Галотъ, лицо необходимое, кото-

---

*) Dio, ib: Ἐπεὶ παρόντος γε αὐτοῦ οὐκ ἂν ποτε αὐτὸ ἐδέδρακει.

раго должность состояла въ томъ, чтобы подавать на столъ кушанья и пробовать ихъ, также не отказалъ въ своихъ продажныхъ услугахъ. Исполненіе совершенно соотвѣтствовало ожиданіямъ отравителей. Ядъ, принятый Клавдіемъ въ одномъ изъ любимыхъ его блюдъ (это были грибы), тотчасъ же началъ производить свое дѣйствіе: старикъ, говорятъ, вдругъ потерялъ употребленіе языка, и между тѣмъ собесѣдники его разошлись очень спокойно, безъ всякой мысли объ отравѣ, потому, можетъ-быть, что приписывали такое состояніе Клавдія сильному опьяненію, или что сами не отличались особенною трезвостію. Въ ночь у Клавдія начались ужасныя страданія, и къ утру его не было болѣе въ-живыхъ. По другимъ извѣстіямъ, природа Клавдія, еще довольно крѣпкая, сначала противилась дѣйствію яда: ночью открылись у него обильныя изверженія, начиналась реакція. Тогда Агриппина, угрожаемая выздоровленіемъ мужа, рѣшилась возобновить пріемъ. На всякій случай у нея готовъ былъ преданный врачъ, по имени Ксенофонтъ. Призванный будто бы за тѣмъ, чтобы подать скорое пособіе страждущему, онъ нашелъ средство, въ присутствіи многихъ постороннихъ лицъ, еще разъ ввести ядъ въ его внутренность, и Клавдій былъ убитъ окончательно *).

Какъ жилъ, такъ и умеръ этотъ бѣдный старикъ, одинаково безпомощный и въ жизни и въ смерти. Жалкая игрушка чужихъ страстей, онъ самъ погибъ безславно отъ руки вдвойнѣ ему близкой, не прибавивъ ничего своею долгою жизнію и къ славѣ своего знаменитаго рода. Безжалостная судьба не хотѣла сберечь для потомства даже лучшей его памяти: вмѣстѣ съ нимъ погибли и плоды его ученаго трудолюбія; до насъ дошли только ихъ громкія заглавія.

За то Агриппина спѣшила запечатлѣть свою память въ исторіи кровавыми и преступными чертами. Еще не успѣлъ совсѣмъ остыть трупъ ея мужа, а она уже принимала дѣятельныя и скорыя мѣры, чтобы, не давая никому опомниться, провозгласить своего сына цезаремъ. Какая бы тяжесть ни лежала на ея совѣсти, присутствіе духа никогда ей не измѣняло. Первымъ ея дѣломъ было скрыть смерть Клавдія отъ народа и войска. Пока собирался сенатъ, пока консулы и жрецы возносили къ богамъ свои соединенныя мольбы и обѣты за изцѣленіе мнимаго больнаго, который нарочно былъ закутанъ множествомъ разнаго рода покрововъ, Агриппина, не выходя изъ дому, устроила цѣлый переворотъ. Она умѣла быть

*) Ann. XII, 67; ср. Suet. Claud. 44, Dio Cass. ibidem.

не только твердою, но и чрезвычайно изворотливою, у нея тотчасъ готова была маска. Дѣти Клавдія, сынъ и двѣ дочери, дотого были обмануты ея притворною нѣжностію, ласками и слезами, что предоставили все ея заботамъ и даже не сочли нужнымъ оставить свои комнаты. Вмѣстѣ съ сестрами и добродушный Британникъ обольстился лукавствомъ мачихи: онъ чувствовалъ себя въ ея горячихъ объятіяхъ, онъ слышалъ, какъ она, въ утѣшеніе себѣ, называла его живымъ подобіемъ отца, и успокоился, нисколько не подозрѣвая, что подъ этими горячими объятіями скрывалось самое злое предательство. Для Агриппины особенно дорога была первая минута, а потомъ она дѣйствовала уже иными средствами. Крѣпкая стража тотчасъ приставлена была ко всѣмъ выходамъ, и сообщеніе жилища цезарей съ городомъ на время почти прекратилось. Лишь время отъ времени пускаемы были въ оборотъ выдуманныя извѣстія, которыя поддерживали въ войскѣ надежду на выздоровленіе цезаря. Вдругъ, въ самый полдень, двери дворца отворились, и Неронъ, въ сопровожденіи Бурра Афранія, вышелъ къ когортѣ, которая, по обычаю, стояла на стражѣ передъ главнымъ выходомъ. По знаку, данному префектомъ, раздались радостныя восклицанія: это было первое привѣтствіе со стороны войска новому цезарю. Въ толпѣ нашлось нѣсколько голосовъ нерѣшительныхъ, которые медлили присоединить свои голоса къ прочимъ и въ недоумѣніи спрашивали, гдѣ же Британникъ? Но какъ никто не приходилъ разрѣшить ихъ сомнѣнія, то и они скоро пристали къ своимъ товарищамъ. Между тѣмъ Неронъ, не теряя времени, сѣлъ въ носилки и отправился прямо въ лагерь преторіанцевъ. Здѣсь оказалось еще менѣе противорѣчія. Какъ извѣстно, онъ былъ не послѣдній мастеръ говорить: рѣчь его, принаровленная къ обстоятельствамъ и подкрѣпленная приличными обольщеніями, между которыми главное мѣсто занимало, разумѣется, обѣщаніе раздачи денегъ, тотчасъ произвела на преторіанцевъ желаемое дѣйствіе: они на мѣстѣ же провозгласили сына Агриппины римскимъ цезаремъ. Въ рукахъ наглыхъ преторіанцевъ тогда уже была почти вся судьба имперіи. Рѣшеніе ихъ давало тонъ, къ которому не замедлили пристать— сначала раболѣпный сенатъ, а потомъ и всѣ провинціи. Начавши наглымъ нарушеніемъ правъ мужа и пасынка, Агриппина окончила не менѣе преступнымъ лицемѣріемъ: Клавдію опредѣлены были божескія почести, и сверхъ того назначено торжественное погребеніе, какого Римъ не видалъ со времени похоронъ Августа. Въ послѣдствіи, присоединяя къ лицемѣрію насмѣшку, Неронъ го-

варивалъ о грибахъ, что это кушанье — очень любимо богами *). Само собою разумѣется, что завѣщаніе Клавдія осталось безъ всякой силы и значенія.

Торжество Агриппины было полное, но оно не сдѣлало ея ни великодушнѣе, ни даже забывчивѣе. Удовлетворивъ одной страсти, болѣе устремленной къ будущему, она не хотѣла отказаться и отъ мщенія. Нарциссъ былъ первый на очереди. Мстительная рука достала его скоро. Неизвѣстно, гдѣ онъ былъ захваченъ; извѣстно только, что черезъ нѣсколько времени послѣ переворота онъ уже находился въ тѣсномъ заключеніи, и что положеніе его наконецъ сдѣлалось невыносимо до крайности. Не ожидая ничего лучшаго въ жизни, Нарциссъ искалъ себѣ смерти и нашелъ ее въ самоубійствѣ. Римляне его времени почти не знали иной отрады въ злополучіи.

Смертію Нарцисса завершалась вся эта многолѣт яя и многосложная интрига. Рядомъ преступныхъ усилій всякаго рода, начиная отъ обольщенія и оканчивая отравою, достигнута была крайняя цѣль, какую только могло поставить себѣ самое неограниченное женское властолюбіе. Агриппинѣ открывалось теперь широкое поприще, на которомъ впредь она могла дѣйствовать съ полною свободою. Куда направлялась ея дальнѣйшая дѣятельность, и какой былъ ея послѣдній разсчетъ съ жизнію, это мы увидимъ въ слѣдующей статьѣ.

П. Кудрявцевъ.

---

*) Suet. Ner. 33; Dio, 60, 35.

ДРЕВНІЯ РИМЛЯНКИ.

Внѣшняя обстановка древнихъ Римлянокъ: женское отдѣленіе въ римскомъ домѣ, одежда Римлянокъ, обувь, наряды, украшенія, румяны, уборка волосъ, прислуга и пр.

K. A. Böttiger's Sabina od. Morgenscenen im Putzzimmer einer reichen Römerin. Ein Beitrag zur richtigen Beurtheilung des Privatlebens der Römer und zum besseren Verständniss der römischen Schriftsteller. Leipzig. 1803. Neue Auflage. 1806. 2 Thle. 8°.

W. Ad. Becker's Gallus, od. römische Scenen aus der Zeit August's; zur Erläuterung der wesentlichsten Gegenstände aus dem häuslichen Leben der Römer. Leipzig. 1838. 2 Thle. Neue umgearb. Ausg. besorgt von Rein. Leipzig. 1850. 3 Thle. 8°.

Nosti mores mulierum?
Dum moliuntur, dum comuntur, annus est.
Terent. Heaut. II. 2, 11.

Корнелій Непотъ извѣстный римскій біографъ, въ своемъ введеніи къ жизнеописаніямъ знаменитыхъ полководцевъ [1]) говоритъ: «Римляне смотрѣли на многія вещи иначе, нежели Греки; многое, уважаемое у Грековъ, у Римлянъ считалось неприличнымъ, постыднымъ, презрѣннымъ,—и наоборотъ.» Въ подтвержденіе своей мысли онъ между прочимъ указываетъ на то обстоятельство, что Римлянки не затворницами жили въ своихъ домахъ, не въ отдаленныхъ частяхъ дома скрывались, но занимали переднюю (primum) часть его, и прибавимъ, самую посѣщаемую и самую видную, которую обыкновенно помѣщали тотчасъ съ прихода, и которая называлась атріумомъ (atrium).

---

[1]) § 6.

Что̀ такое былъ атріумъ, до сихъ поръ не рѣшено удовлетворительно учеными изслѣдователями римской старины. По однимъ, атріумъ былъ внутренній дворъ, составлявшій четвероугольное пространство, отчасти крытое сверху, вокругъ котораго располагались остальныя постройки дома. Другіе и, по нашему мнѣнію, гораздо справедливѣе, видятъ въ атріумѣ залу, тотчасъ съ прихода въ домъ — prima pars aedium, proxima januis [2]), — которая безъ сомнѣнія устраивалась во всемъ сообразно расположенію всего дома, т. е. дѣлалась больше или меньше, смотря по дому. Какъ бы то ни было, только атріумъ въ римскомъ домѣ было такое мѣсто, гдѣ сосредоточивалась вся семья. Въ древнѣйшія времена, въ атріумѣ стоялъ очагъ (focus), служившій для двухъ совершенно различныхъ цѣлей, именно: на немъ приготовляли пищу, на немъ же помѣщали ларовъ и пенатовъ—боговъ покровителей и защиниковъ дома [3]). Иногда лары хранились подлѣ очага, или за очагомъ, въ особомъ шкафѣ, или въ нишѣ, откуда въ праздники вынимали ихъ и ставили на очагъ. На очагѣ горѣлъ огонь; на немъ совершали возліяніе въ честь ларовъ и приносили имъ жертву, смотря по состоянію и степени благоговѣнія, кто поросенка, кто ягненка, или голубя, а кто медъ, пирогъ или же просто вѣнокъ изъ колосьевъ [4]); тутъ же подлѣ очага и обѣдала все семья [5]). Это соединеніе двухъ противоположныхъ дѣйствій нисколько не уменьшало благочестія въ душѣ древнихъ Римлянъ, набожнѣйшихъ людей, по словамъ Саллюстія [6]), нисколько не унижало религіи: напротивъ, самое обычное дѣйствіе повседневной жизни освящалось ею, по вѣрѣ древнихъ Римлянъ, которые ничего не начинали безъ призыванія боговъ.

Тутъ–то въ атріумѣ, средоточіи семейной жизни древнихъ Римлянъ, первенствовала Римлянка, хозяйка дома, мать семейства, окруженная дѣтьми и трудолюбивыми невольницами, проводя время не въ праздности, не въ пустой болтовнѣ, но за работою [7]). Здѣсь же стояло брачное ложе, въ послѣдствіи никогда не употреблявшееся, называмое или lectus genialis, потому что посвящено было Юнонѣ и Генію [8]), или же adversus [9]), потому что оно помѣщалось противъ дверей; тутъ же хранилась и домашная касса — ibi etiam pecunias habebant, говоритъ Сервій [10]). Въ атріумѣ принимались

---

[2]) Quint. Inst. XI, 2, 20. Val. Max. V, 8, 3. Vitr. 8. [3]) Schol. ad Horat. epod. 11, 43. [4]) Plaut. Aul. II, 8, 15 sqq. Ovid. Fast. II, 633. [5]) Serv. ad Virg. Aen. IX, 648. [6]) Sall. Cat. 12. [7]) Liv. I, 57, 9. Ovid. Fast. II. 740 sqq. Propert. III 6, 15 — 16. [8]) Fest. s. v. p. 70. Juven. VI, 22. [9]) Ascon. ad Cic. pro Mil. 5, 151. [10]) Serv. ad Virg. Aen. IX, 640.

посѣщенія, и постороннихъ и кліентовъ, приходившихъ къ патрону за совѣтомъ, за помощію, за наставленіемъ, съ поздравленіемъ, съ поклономъ и пр. [11]). Если членъ фамиліи умиралъ, то тѣло покойника, омытое и одѣтое, клали тужъ же на парадномъ ложѣ, пока наступало время выноса. Въ атріумѣ же хранились восковыя маски, или изображенія предковъ (imagines majorum), драгоцѣнныя воспоминанія для потомковъ, гордость и слава семьи [12]).

Таково было назначеніе атріума въ древнѣйшія времена. Въ послѣдствіи, когда древняя простота нравовъ уступила мѣсто роскошному и великолѣпному образу жизни, когда древнее благочестіе, начинавшее всѣ дѣла призываніемъ боговъ и, по словамъ Плинія, вѣрившее присутствію боговъ при всякомъ дѣлѣ и во всякое время [13]), исчезло и замѣнилось вольнодумствомъ и насмѣшкою; когда честолюбіе и происки (ambitio) заставили Римлянъ принимать у себя цѣлыя толпы *нужныхъ* людей: тогда и атріумъ получилъ другое назначеніе. Онъ пересталъ быть частью дома, гдѣ хозяйка занимала самое видное и почетное мѣсто, проводя время въ трудахъ, заботахъ и въ распоряженіи домашними работами; въ немъ не собиралась уже семья, какъ прежде, для жертвоприношеній домашнимъ богамъ, для подкрѣпленія силъ пищею, для бесѣды и пр.; трудолюбивыя невольницы должны были выбраться отсюда и перейдти въ заднюю часть дома; семейный жертвенникъ ларамъ и пенатамъ перенесенъ въ отдаленную часть дома, или въ спальню, какъ видно изъ словъ Свтонія въ жизни Домиціана [14]); приготовленіе пищи предоставлено поварамъ на кухнѣ, для обѣдовъ устроены особыя комнаты, болѣе сообразныя съ своимъ назначеніемъ и болѣе приспособленныя къ потребностямъ тогдашней роскоши; атріумъ остался пріемною залою для посѣтителей и просителей.

Изъ сказаннаго доселѣ объ атріумѣ просимъ не заключать, что древнія Римляне совершенно не имѣли особыхъ женскихъ отдѣленій въ домѣ. Само собою разумѣется, что въ древнѣйшія времена Римской республики, при всеобщей простотѣ и бѣдности Римскаго народа, при обыкновеніи собираться, работать и обѣдать вмѣстѣ со всѣмъ семействомъ и прислугою, о женскихъ половинахъ не могло быть и помину. Но въ послѣдствіи Римляне—разумѣемъ богатыхъ, — познакомившись съ удобствами жизни, неизвѣстными ихъ прадѣдамъ и бабушкамъ, стали устраивать въ до-

---

[11]) Cic. de Orat. III, 33, 133 sqq. Hor. ep. I, 5, 31. Mart. I, 70, 12 sqq. III, 38, 11 — 12. [12]) Mart. II, 90, 6. Senec. benef. III, 28, 1. Valer. Max. V, 8, 3. [13]) Plin. N. H. XXXVIII 5. [14]) Suet. Domit. 10.

махъ особыя женскія половины, какъ-то: комнаты дневныя и спальни (cubicula diurna et nocturna), нерѣдко особыя для зимы и для лѣта (aestiva et hiberna), особыя залы столовыя, кабинеты-будуары (oeci), преимущественно отличавшіеся великолѣпіемъ и убранствомъ. Иногда женская половина снабжалась особымъ перистилемъ, въ которомъ устраивались фонтаны, подъ журчаніе и прохладу которыхъ Римлянки, въ своихъ будуарахъ, занимались рукодѣліемъ, выслушивали новости, читали, болтали, сплетничали, судили и рядили о случившемся, или же засыпали среди нѣги, роскоши и упоительнаго сладострастія. Само собою разумѣется, что въ этихъ комнатахъ все соотвѣтствовало частному назначенію ихъ, что онѣ были снабжены и приличною мебелью, и прислугою, и потребными удобствами, и всякаго рода бездѣлками, столько дорогими для женщинъ нашего и древняго міра; что онѣ украшены были живописью различнаго содержанія, смотря по характеру хозяйки, преимущественно же изъ миѳологическихъ преданій, представлявшихъ неисчерпаемый источникъ для созданій живописца.

Гораздо больше можно бы сказать объ римскихъ домахъ, о расположеніи въ нихъ комнатъ, объ украшеніяхъ, о мебели и пр., еслибы это шло прямо къ нашей цѣли. Мы говоримъ о домѣ только мимоходомъ, чтобы указать мѣсто, которое занимали въ немъ Римлянки.

Если будемъ судить объ одеждѣ римскихъ женщинъ по нашему времени, то сдѣлаемъ непростительную ошибку и промахъ. Въ наше время мода имѣетъ рѣшительное вліяніе на эту сторону жизни женскаго пола; она вноситъ постоянныя перемѣны въ женскую одежду; у насъ то, что̀ считалось щегольскимъ, изящнымъ и приличнымъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, теперь показалось бы и смѣшнымъ, и мѣшковатымъ, и неуклюжимъ, и неудобнымъ. У насъ не вѣка приносятъ измѣненія въ одеждѣ, даже не десятки лѣтъ, а годы, и того еще менѣе. У Римлянъ этого не было: одежда древнихъ Римлянокъ въ главныхъ частяхъ оставалась постоянно одна и та же. Это подтверждаютъ и римскіе писатели, у которыхъ вездѣ читаемъ одни и тѣ же названія одеждъ, съ нѣкоторыми только перемѣнами и прибавленіями въ частности, и памятники искусства, на которыхъ равнымъ образомъ встрѣчаемъ одну и ту же одежду, а разнообразится только драпировка по волѣ и мысли художника. Въ одеждѣ Римлянокъ измѣнялись только матерія и цвѣта, но и то не такъ быстро и прихотливо, какъ у насъ, и притомъ не во всѣ времена въ одинаковой степени. Въ древнѣйшія времена, при незатѣйливомъ и простомъ образѣ жизни, эти перемѣны — если только

были—совершались медленнѣе и послѣ долгихъ промежутковъ времени, какъ это было и у насъ въ старину, какъ это бываетъ у всѣхъ народовъ до знакомства ихъ съ разнообразіемъ прихотливой роскоши. Въ позднѣйшія времена, когда чувство народной гордости у Римлянъ ослабѣло и начало уступать и подчиняться вліянію чуждыхъ народовъ и обычаевъ, именно: вліянію Греціи и Востока, когда простота замѣнилась разнообразіемъ, нарядностію и изысканностію: тогда потребность новизны и измѣненій стала высказываться сильнѣе и живѣе; а потому и перемѣны въ одеждахъ совершались чаще. Но все-таки мы будемъ утверждать, что эти перемѣны относились только къ матеріи и цвѣту, и нисколько не падали на форму и на части одежд, которыя удержались до позднѣйшихъ временъ подъ тѣми же названіями.

Чему приписать подобное явленіе, совершенно чуждое теперешней Европѣ,— характеру ли древнихъ Римлянъ, постоянному и твердому, любившему свою старину и благоговѣвшему передъ ней, или мѣстности? По нашему мнѣнію, тому и другому. Замѣтимъ, что самая природа Италіи, богатая и роскошная, надѣляющая жителей благотворнымъ воздухомъ, чистымъ и свѣтлымъ небомъ, постоянною теплотой, отстраняла и дѣлала рѣшительно излишнимъ разнообразіе и многосложность одеждъ, не рѣдко составляющихъ для насъ необходимую потребность, условливаемую самою мѣстностію и природою, среди которой мы живемъ.

Въ одеждѣ древнихъ Римлянъ и Римлянокъ еще замѣчательна для насъ одна особенность, именно: у нихъ не отдѣлялись такъ рѣзко по одеждѣ сословія одно отъ другаго, какъ теперь у насъ: у нихъ и бѣдная плебеянка, и богатая сенаторша одѣвались одинаково, носили однѣ и тѣ же одежды, съ тою только разницею, что у одной эта одежда была и бѣднѣе, и уже, и проще, а у другой и богаче и шире, и разнообразнѣе; у одной она была изъ грубой матеріи, а у другой изъ тонкой; одна не могла придать нарядности своей бѣдной и крайне простой одеждѣ: другая вполнѣ была знакома съ искусствомъ одѣваться къ лицу, красиво, изящно и ловко, въ совершенствѣ понимала тайну выказывать въ своей широкой одеждѣ и красоту формъ тѣла, и ловкость движеній, и гибкость членовъ.

Женскую одежду у Римлянъ составляли: исподняя туника (tunica interior), стола (stola) и палла (palla). Исподняя туника tunica interior intima) была тоже, что у насъ рубашка; носили ее, какъ и мы носимъ рубашку прямо на голомъ тѣлѣ. Въ древнѣйшія времена дѣлали ее безъ рукавовъ, а въ послѣдствіи и съ рукавами. Подобная туника составляла утренній домашній нарядъ римской женщины,

какъ видно изъ многихъ мѣстъ у Овидія и Проперція. Если не надѣвали сверху никакой одежды: напр. утромъ у себя дома, то подпоясывали тунику. Какъ назывался этотъ поясъ, не знаемъ. Извѣстно, что мущины надѣвали по двѣ и больше туникъ для защиты отъ холода [15]); дѣлали ли то же самое и женщины, не знаемъ. Туника была довольно длинная одежда; носила она и другое названіе— interula, принадлежащее позднѣйшимъ временамъ и равно означавшее тунику мужскую и женскую. У Апулея [16]) объ извѣстномъ софистѣ Гиппіи говорится, что онъ самъ дѣлалъ себѣ все: и платье, и обувь, и другія вещи— и въ томъ числѣ онъ носилъ тончайшую интерулу, habebat tunicam interulam изъ пурпура, которую выткалъ самъ себѣ дома. Въ другомъ мѣстѣ у того же Апулея [17]) встрѣчаемъ интерулу на женщинѣ.

Древнія Римлянки не носили шнуровокъ, употребляемыхъ въ наше время. По ихъ понятіямъ, перетянутая талія не была признакомъ и принадлежностію красоты. По крайней мѣрѣ на памятникахъ нигдѣ не встрѣчаются шнуровки. Но за то, подобно Гречанкамъ, Римлянки носили повязку вокругъ грудей, которая называлась strophium mamillare. Утотребляли ее отчасти для того, чтобы округлить и сдѣлать полнѣе груди, отчасти чтобы прикрыть и уменьшить излишнюю полноту и большое развитіе ихъ — nimium tumorem. Строфіумъ составляло постоянную принадлежность женской одежды; носили его сверху рубашки. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить изъ одного отрывка, сохранившагося отъ сочиненій комика Турпилія, Теренціеваго современника, гдѣ говорится: «О я несчастная! что я буду дѣлать? На дорогѣ выпало у меня письмо, которое я, несчастная, положила между рубашкою и строфіумомъ [18])». Изъ чего дѣлалось это строфіумъ? Вѣроятно изъ разныхъ матеріяловъ. Судя же по нѣкоторымъ мѣстамъ у древнихъ, можно предполагать, что, если не исключительно, то большею частію употребляли для этого мягкую кожу (pellem, а не tergum). На этомъ-то различіи кожи основана игра словъ въ одной изъ Марціаловыхъ эпиграммъ, гдѣ онъ совѣтуетъ какому-то лицу употреблять для строфіума толстую воловую кожу (taurinum tergum), а не мягкую (pellem), которая не вмѣщаетъ грудей [19]). Были и другаго рода грудныя повязки, которыя назывались fasciae pectorales; но онѣ не составляли постоянной принадлежности въ женской одеждѣ, употреблялись только при случаѣ, чтобы crescentes compescere papillas [20]).

---

[15]) Suet. Aug. 82. Varro ap. Non. 2, 312. [16]) App. Florid. I, 9, 32. [17]) Apul. Metam. VIII, 9. 534. [18]) Non. XIV, 8. [19]) Mart. XIV, 66. [20]) Mart. XIV, 134.

Сверху исподней туники надѣвали столу (stola), одежду тоже въ родѣ туники, только гораздо длиннѣе, и снабженную широкими рукавами, которые впрочемъ не сшивались, но дѣлались разрѣзными; разрѣзы вдоль руки перехватывались аграфами; на плечахъ же придерживалась стола пряжками (fibula). Случалось впрочемъ, что столу дѣлали и носили безъ рукавовъ; въ такомъ случаѣ нижняя туника непремѣнно уже снабжалась ими. Иногда рукава на столѣ дѣлались короткіе, сшитые· въ такомъ случаѣ не употребляли пряжекъ. Непремѣнною принадлежностію столы и рѣшительнымъ отличіемъ ея отъ исподней туники, была instita — фалбала, которую пришивали къ нижнему краю столы. Безъ институ стола была не больше, какъ верхняя туника. По всей вѣроятности, институ не имѣла одинаковой, опредѣленной ширины; но дѣлалась то шире, то уже, смотря либо по желанію, либо по господствующей модѣ, либо по капризу. Институ дѣлалась изъ той же матеріи, что̀ и стола, со множествомъ складокъ. Черезъ эту подшивку стола, которая и безъ того была длиннѣе исподней туники, дѣлалась еще длиннѣе, такъ что не только покрывала все тѣло, но въ широкихъ складкахъ ниспадала на землю, по которой волочилась бы, если бы подъ грудью не подпоясывали ее поясомъ, отчего образовывалась пазуха (sinus), куда клали всякаго рода мелочи. Для нихъ употребляемъ мы обыкновенно карманы, мѣшки, ридикюли, а древніе употребляли эту пазуху; объ карманахъ же и пр. они совершенно ничего не вѣдали. По столѣ отличались у Римлянъ знатныя и чиновныя женщины отъ простыхъ гражданокъ: у первыхъ стола около шеи обшивалась пурпуровою, или другаго рода полосою, напр. золотою [21]); у послѣднихъ оставалась безъ обшивки.

Туника исподняя и верхняя, или, точнѣе, туника и стола составляли домашнюю одежду древней Римлянки. Если же она выходила, или выѣзжала изъ дому, то накидывала сверху палу (palla). Мы говоримъ: накидывала. Дѣйствительно, это была скорѣе накидка, чѣмъ одежда, подъ которою разумѣется шитое платье. Палла скорѣе похожа на наши длинныя широкія шали, чѣмъ на другую часть туалета нашихъ женщинъ. Палла для Римлянокъ была то же, что̀ для мущинъ тога, съ которою очень во многомъ имѣла большое сходство, напр. въ формѣ, въ способѣ накидыванія. Это былъ кусокъ матеріи совершенно круглый, или же, на крайность, полукруглый—но не четвероугольный, какъ нѣкоторые ложно предпола-

---

[21]) Non. XIV, 19, Tert. de pall. 3.

гаютъ—довольно длинный и широкій, въ ширину впрочемъ больше, чѣмъ въ длину. Самая мудреная задача состояла въ томъ, чтобы приличио набросить эту паллу. Способъ и умѣнье набрасыванія составляли верхъ искусства въ туалетѣ римской дамы, — и надобно признаться, сдѣлать это было не легко. По всей вѣроятности, не одна Римлянка, любившая наряжаться изящно, употребляла всю свою изобрѣтательность, чтобы ловче набросить на плеча и удержать на нихъ паллу. Замѣтьте, что палла ничѣмъ не придерживалась на плечахъ: тутъ не употребляли ни пряжекъ, ни застежекъ, ни булавокъ. Римлянкѣ нужно было набросить паллу такъ, чтобы она падала въ широкихъ волнистыхъ складкахъ, чтобы она не мѣшала свободному движенію, не волочилась по землѣ, не распахивалась, не сваливалась съ плечъ, чтобы одна часть ея оставляла совершенно открытыми правую руку и все правое плечо, а другая часть, наброшенная на лѣвое плечо и поддерживаемая лѣвою рукою, покрывала лѣвое плечо и лѣвую руку всю, или, по крайней мѣрѣ, до кисти. Безъ сомнѣнія у Римлянокъ было много способовъ набрасывать паллу, приличнымъ образомъ драпироваться ею, опускать ее то, выше, то ниже. Это подтверждается отчасти словами древнихъ авторовъ, отчасти памятниками древняго искусства, дошедшими до насъ [22]).

Судя по нѣкоторымъ мѣстамъ у римскихъ писателей, надобно думать, что palla, кромѣ того значенія и употребленія, о которомъ только что сказано, имѣла еще и другое, или яснѣе, что словомъ palla древніе называли не одинъ видъ одежды. Такъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, palla то же, что tunica [23]), которую подпоясываютъ и сверху которой надѣваютъ еще одежду, при выходѣ изъ дому. Упоминается и о короткихъ паллахъ. Длинная палла составляла также одежду актеровъ [24]). — Замѣтимъ еще, что столу и паллу имѣли право носить только Римлянки свободнаго званія и хорошаго поведенія; онѣ были принадлежностію только honestarum mulierum. Дочери и жены вольноотпущенныхъ, равно какъ и публичныя женщины, не смѣли носить ни той, ни другой; а одѣвались въ короткую тунику безъ инститы и сверху носили тогу. Для послѣднихъ даже цвѣтъ одежды былъ опредѣленъ, именно: черный. Поэтому нѣкоторые писатели называли римскими матронами только тѣхъ, которые имѣли право носить столу [25]). У поэтовъ женщины зазорнаго поведенія назывались togatæ [26]). Даже Римлянки, имѣвшія

[22]) Apul. Met. XI, 3, 758. 759. [23]) Ovid. Met. XIV, 481 sqq. XIV, 262. Liv. XXVII, 4, 10. [24]) Ovid. Amor. III, 1, 12. [25]) Paul. p. 125. M. Non. Marcel. XIV, 6. 7. 27. Isidor. XIX, 25. [26]) Hor. Sat. I, 2, 63.

право носить столу и палу, лишались его, если были уличены въ развратѣ; тогда онѣ поступали въ разрядъ женщинъ, носившихъ тунику безъ инстѝты и тогу [27]). Такъ, Марціалъ говоритъ: «Ты даришь богатыя цвѣтныя одежды безславной развратницѣ: хочешь подарить ей то, чего она сто́итъ? Пошли ей тогу» [28]). Впослѣдствіи этотъ строгій обычай, наказывавшій порокъ даже одеждою, вышелъ изъ употребленія, на что не разъ жалуется Тертулліанъ въ своихъ сочиненіяхъ [29]).

Судя по описаніямъ роскоши древнихъ Римлянокъ, находимымъ у древнихъ писателей, можно заключить, что матерій, изъ которыхъ приготовлялись римскія женскія одежды, было много родовъ. Къ сожалѣнію мы не знаемъ ихъ въ подробности и не можемъ отдать объ нихъ полнаго отчета. Намъ извѣстны только главные сорты матерій, выдѣлывавшихся на древнихъ фабрикахъ, да и то не подробно и ясно. Сравнивая то, что̀ намъ извѣстно объ этомъ предметѣ изъ жизни древнихъ Римлянокъ, съ жизнію нашихъ современницъ, не слѣдуетъ удивляться скудости и однообразію древняго міра въ этомъ отношеніи. Если намъ извѣстны только шерсть, холстъ, шелкъ и хлопчатая бумага [30]): то не должно забывать, что каждый изъ этихъ матеріяловъ, подвергаясь выдѣлкѣ на фабрикахъ, могъ являться въ матеріяхъ разнаго рода, цвѣта, цѣны и доброты.

Шерсть (lanum) извѣстна была у Римлянъ разнаго рода, цвѣта и доброты [31]). Была шерсть привозная и туземная. Лучшимъ сортомъ послѣдней считалась апулійская, тарентская [32]); во времена же Колумеллы цизальпинская [33]). Изъ привозныхъ высоко цѣнилась милезійская, лаодикейская, лаконская. Было много и худшихъ сортовъ, Потребленіе шерсти въ Италіи было обширно; для удовлетворенія требованіямъ было недостаточно туземной шерсти.

Холстъ (linum) былъ въ большомъ употребленіи у Римлянъ [34]), преимущественно, какъ и у насъ, для разныхъ домашнихъ потребностей. Собственно же на одежду употребляли его изрѣдка, и сначала исключительно только на женскія и дѣтскія одежды. Изъ холста приготовлялось только исподнее и домашнее платье, напр. исподняя туника, замѣнявшая нашу рубашку, какъ сказано выше. Въ такую тунику одѣта была Фотида, лицо извѣстное изъ Апулеевыхъ метаморфозъ [35]). Упоминается еще supparus — vestimentum puellare linteum. Въ послѣдствіи, при позднѣйшихъ императорахъ,

---

[27]) Mart. VI. 64, 4. togatae matris filius. [28]) Mart. II, 39. [29]) Tertul. Apol. 16. de pall. 4. de cult. fem. 12. [30]) Ulp. Dig. XXXIV, 2, 23, 1. [31]) Plin. VIII, 73. [32]) Plin. ibid. Mart. XIV, 155. [33]) Colum. VII, 2. [34]) Plin N. H. XIX, 1, 8 сред. [35]) Ap. Met. II, 7, 103.

и мущины стали употреблять холстъ на одежду, такъ что тонкія холстяныя матеріи составляли особенный предметъ роскоши[36]). Уже въ древнія времена холстъ извѣстенъ былъ различной доброты и цѣны. Самый тонкій и самый дорогоій получался изъ Египта и Испаніи. По словамъ Плинія, испанскій холстъ отличался удивительною тонкостію (tenuitas mira): египетскій же не столько прочностію и крѣпостію, сколько бѣлизною и мягкостію[37]).

Римлянки, подобно Гречанкамъ, употребляли на одежду биссусъ,—спорное имя, значеніе котораго довольно трудно опредѣлить, тѣмъ болѣе, что и сами древніе, по всей вѣроятности, называли этимъ именемъ разнообразныя матеріи. Впрочемъ, большинство ученыхъ разумѣетъ подъ биссомъ хлопчатую бумагу, но прибавляютъ, что или сортовъ ея было много, или подъ биссомъ древніе не только разумѣли хлопчатую бумагу, но и другой матеріялъ, сходный съ нею. Кромѣ бѣлаго цвѣта, какъ и наша хлопчатая бумага, древній биссусъ былъ и желтаго; онъ выдѣлывался въ Элидѣ[38]) и продавался чрезвычайно дорого, почти на вѣсъ золота. По словамъ Плинія, онъ особенно былъ любимъ женщинами, mulierum maxime deliciis, и далѣе: quaternis denariis scrupula eius permutata quondam, ut auri, reperio[39]). Изъ слова quondam видно, что во времена Плинія этотъ сортъ бисса упалъ въ цѣнѣ и сдѣлался гораздо дешевле. Были и другіе цвѣта бисса.

Съ шелковыми (holoserica) и полушелковыми (serica, subserica) тканями познакомились Римляне довольно поздно, хотя и не можемъ сказать, когда именно. Знаемъ только, что уже Варронъ, жившій въ послѣднія времена республики, упоминаетъ о женскихъ шелковыхъ одеждахъ[40]). Шелковыя ткани составляли сначала исключительную принадлежность женскаго пола; для мужскаго считались онѣ неприличными; даже существовали узаконенія противъ обычая носить мущинамъ шелковую одежду[41]). Разумѣется, эти узаконенія часто забывались, а наконецъ и совсѣмъ были забыты. Шелковыя одежды составляли въ древности предметъ роскоши и расточительности. По своей дороговизнѣ онѣ были доступны немногимъ, такъ что во времена Авреліана шелкъ равнялся по цѣнѣ золоту (ἰσόχρυσος), именно: фунтъ шелку стоилъ фунтъ зслота[42]). Шелковыя одежды были чрезвычайно тонки и прозрачны; сквозь нихъ просвѣчивало тѣло[43]); и потому многіе Римляне считали совершенно неприличнымъ употребленіе этихъ одеждъ и сильно вооружались противъ

---

[36]) Lamprid. Sev. Alex. 40. [37]) Plin. N. H. XIX, 11, 1. 2. [38]) Paus. V, 5, 2. VII, 21, 7. [39]) Plin. N. H. XIX, 4. [40]) Varr. apud Non. XIV, 6. [41]) Tac. Ann. II, 33. [42]) Vopisc. Aurel. 45. [43]) Hor. Sat. I, 2, 101.

нихъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательны слова Сенеки въ его трактатѣ о благодѣяніяхъ [44]): «Вижу шелковыя одежды, если можно на-
« звать одеждами то, въ чемъ ничего нѣтъ, чѣмъ можно прикрыть
« тѣло и стыдливость. Какая изъ Римлянокъ, надѣвши ихъ, побо-
« жится, что она въ самомъ дѣлѣ одѣта. Эти одежды привозятся
« отъ народовъ, неизвѣстныхъ даже купцамъ, за огромныя деньги,
« чтобы наши дамы могли выставлять себя въ нихъ на показъ не
« только любовникамъ, но и всему народу.» И въ другомъ мѣстѣ:
« Что̀ сказать объ одеждѣ нашего времени, которая ничего не въ
« состояніи прикрыть, въ которой не только нѣтъ никакой защиты
« нашему тѣлу, но нѣтъ ея и стыдливости?» [45]) Особенно дурною молвою пользовались косскія одежды, или одежды, приготовлявшія-ся изъ шелковыхъ матерій, обработанныхъ на островѣ Косѣ. Сначала ни одна порядочная Римлянка не посмѣла бы носить ихъ: онѣ составляли достояніе куртизанокъ [46]). Въ послѣдствіи, при императорахъ, стали носить ихъ не только женщины, но и мущины [47]). Но безъ сомнѣнія не всѣ женщины считали приличнымъ носить подобнаго рода одежды; и потому, вѣроятно, были шелковыя матеріи другаго рода, болѣе плотныя и густыя, хотя столько же дорогія, въ которыя не стыдно было наряжаться порядочнымъ женщинамъ.

Шелкъ извѣстенъ былъ древнимъ Римлянамъ въ двоякомъ видѣ, какъ сырецъ и въ видѣ обработанномъ. Изъ греческихъ шелковыхъ фабрикъ самыя лучшія были на островѣ Косѣ; а изъ римскихъ, по крайней мѣрѣ во времена Марціала, въ тусскомъ кварталѣ города (vicus Tuscus [48]).

Для одеждъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, употребляли древніе Римляне пурпуръ (purpura), который выдѣлывался обыкновенно изъ шерсти; а въ послѣдствіи стали выдѣлывать изъ шелка, льна [49]); изрѣдка только употребляли для этого хлопчатую бумагу [50]). Пурпуровую краску добывали изъ сока раковинъ, которыхъ древніе различали два сорта: одинъ сортъ — murex, buccinum, κήρυξ, другой — purpura, pelagia, πορφυρά [51]). Краска приготовлялась на пурпурныхъ красильняхъ — officinae tingentium [52]); въ нее обмакивали матерію. Пурпуровая краска была собственно двухъ цвѣтовъ: черная и красная. Однако искусство фабрикантовъ и промышленность съумѣли дать этимъ двумъ цвѣтамъ, изъ которыхъ черный ставили выше [53]), большое разнообразіе, такъ что

---

[44]) Senec. Benef. VII, 9, 5. [45]) Senec. Ep. XI, 21. [46]) Hor. Sat. I, 2, 102. [47]) Juv. Sat. II, 65. [48]) Mart. XI, 27, 11. [49]) Plin. XIX, 1, 5. [50]) Venet. Fortun. Poet. VII, 3, 275. [51]) Plin. IX, 36, 6. Aristot. H. A. IV, 7, 5, 51. [52]) Plin. IX, 38, 62. [53]) Plin. IX, 38, 62.

выдѣлывалось тридцать сортовъ пурпура. Древніе отличали настоящій пурпуръ онъ полупурпура, получавшагося изъ сока разнаго рода травъ въ смѣси съ настоящимъ пурпуромъ. Чистый пурпуръ носилъ въ послѣдствіи особое названіе—blatta, blattia, blattella [54]). Драгоцѣннѣйшимъ пурпуромъ считался тирскій, такъ что фунтъ матеріи, окрашенной въ немъ, стоилъ больше тысячи денаріевъ *) — in libras denariis mille non poterat emi [55]). Красили ее два раза, и ее-то разумѣютъ писатели подъ δίβαφος, bis tinctus, iteratae lanae, bis murice vellus inquinatum, bis Tyrio murice lana rubens, murex bis coctus, repetitus, iterata purpura и пр. Вторымъ сортомъ по цѣнѣ считали фіолетовый пурпуръ (ianthinum, violaceum); фунтъ шерсти, окрашенной въ него, продавался по сту денаріевъ [56]). Были и другіе сорты пурпура. Кромѣ тирскихъ фабрикъ, считавшихся самыми лучшими, упоминаются еще фабрики на берегахъ Средиземнаго моря, въ Палестинѣ, Лидіи, Ливіи [57]), въ Полопоннесѣ, Сициліи, Тарентѣ и пр. [58]). Матеріи красили не въ пряжѣ, не въ тканяхъ, а въ шерсти и вообще въ грубомъ состояніи; уже послѣ окраски пряли и ткали [59]). Пурпуровая краска отличалась особенною крѣпостію и прочностію, такъ что никогда не линяла, и Лукрецій по всей справедливости, нисколько не преувеличивая дѣла, могъ сказать [60]): «пурпуровая краска, соединившись съ шерстью, никогда не можетъ пропасть, даже «если самъ Нептунъ станетъ мыть ее въ волнахъ, даже если онъ «захочетъ вылить на нее все море со всѣми его водами.» Запахъ только былъ непріятный отъ пурпура [61]).

Римскія дамы знакомы были съ пурпуровыми одеждами уже во времена старшаго Катона [62]), сильно возставшаго противъ такой роскоши. Въ позднѣйшія времена, разумѣется, еще больше и еще свободнѣе стали употреблять ихъ, безъ различія, всѣ сословія, кто только могъ купить. Мущинамъ запрещалось носить пурпуровыя одежды: этимъ правомъ пользовались одни только цензоры, но въ послѣдствіи это совершенно измѣнилось. Пурпуръ стали употреблять не только на одежду, но и на домашнюю утварь, какъ-то: на одѣяла, ковры, подушки—pulvinaria, stragulae vestes; а при позднѣйшихъ императорахъ женщины носили даже пурпуровую обувь.

Самымъ приличнымъ цвѣтомъ для одеждъ мужскихъ и женскихъ

---

*) Серебряный денарій стоилъ въ позднѣйшія времена римской республики нѣсколько больше 20 коп. сер. на наши деньги.

[54]) Vopisc. Aurel. 46. [55]) Plin. IX, 38, 63. [56]) Plin. ibid. [57]) Vitruv. VII, 13. [58]) Hor. od. IV, 12, 13. [59]) Propert. IV, 3, 34. [60]) Lucret. VI, 1073—1076. [61]) Mart. 1. 49, 32. [62]) Liv. XXXIV, 7, 9.

считался бѣлый, и онъ удерживался довольно долго. Разумѣется, бѣлый цвѣтъ не былъ единственнымъ и исключительнымъ: люди скупые, разсчетливые, или же бѣдные, носили и темные цвѣта, которые не такъ марки и, слѣдовательно, не требуютъ столь частаго мытья. Во время же траура обыкновенно надѣвались темные цвѣта. Римскія женщины уже во время пуническихъ войнъ носили разноцвѣтныя одежды, какъ видно изъ Оппіева закона, требовавшаго, чтобы онѣ не имѣли золота больше семи-унціи, чтобы не употребляли разноцвѣтныхъ одеждъ, не ѣздили въ экипажахъ въ городѣ и на разстояніи тысячи шаговъ отъ города, развѣ только для общественныхъ праздниковъ [63]). Какъ это запрещеніе было непріятно Римлянкамъ, видно изъ словъ Ливія, который говоритъ, что многіе благородные говорили «въ защиту и въ опроверженіе этого закона, что толпы «людей, принимавшихъ и отвергавшихъ, его, наполняли Капитолій, «что Римлянокъ (matronae) нельзя было удержать дома ни властію, «ни приличіемъ, ни приказаніемъ мужей, что онѣ осаждали всѣ «улицы въ городѣ и всѣ входы на форумъ, прося мужей, шедшихъ «туда, оставить имъ прежнія украшенія, при настоящемъ цвѣту«щемъ состояніи республики, при возрастающемъ со дня на день «частномъ благосостояніи всѣхъ. Со дня на день (продолжаетъ Ливій) «увеличивались толпы женщинъ, которыя сходились изъ городовъ «и селъ; онѣ рѣшались даже приступать съ просьбами къ консуламъ, преторамъ и къ другимъ сановникамъ.» Видно, что Римлянки уже свыклись съ этими одеждами, что имъ трудно было разстаться съ ними. Значитъ, употребленіе ихъ введено было гораздо раньше закона; но когда именно, не знаемъ. Извѣстно, что Оппіевъ законъ держался только двадцать лѣтъ, а потомъ отмѣненъ; онъ оказался безсильнымъ, чтобы остановить вторгающуюся роскошь. Изъ многихъ указаній у латинскихъ прозаиковъ и поэтовъ видно, что въ концѣ республики и при первыхъ императорахъ разноцвѣтныя и пестрыя одежды сдѣлались уже общимъ достояніемъ римскихъ женщинъ.

Одежды употреблялись или одного цвѣта—розовыя, голубыя, зеленыя [64]), или разноцвѣтныя, пестрыя, съ разными узорами и украшеніями, которыя ткались и вышивались на матеріяхъ. Судя по дошедшимъ свѣдѣніямъ, одеждъ подобнаго рода была много; носили онѣ разныя названія, получая ихъ отъ вышитаго, или вытканнаго на матеріи узора. Такъ, одежда, испещренная кругами, называлась vestis scutulata [65]), испещренная квадратами, тоже вышитыми или

[63]) Liv. XXXIV, 1, 3. [64]) Plin. XXI, 8. Juven. II, 97. Mart. 1, 97. XIV, 154. [65]) Juv. II, 97.

выткаными, называлась laculata [66]), украшенная разнаго рода цвѣтами называлась polimita и phrygia, потому что Фригійцы были особенно искусны въ приготовленіи подобнаго рода тканей [67]). Иногда по всей одеждѣ вышивались, или ткались полосы—paragaudae, lineae paragaudae, — бордюры золотые или же шелковые, золотомъ прошитые [68]). Отъ украшеній сама одежда называлась paragauda. Подобныя одежды были въ одну полосу—monolores, въ двѣ—dilores, въ три—trilores, въ четыре—tetralores и пр. Иногда женская одежда обкладывалась бахрамою; иногда къ концамъ одежды прикрѣплялись ихъ кисти, не столько для нарядности, сколько для того, чтобы тяжестію держалась одежда на плечахъ. Иногда по всей одеждѣ вышивались золотыми нитками, тончайшею золотою проволкою, разнаго рода украшенія; такія одежды назывались plumatae vestes, chlamys stellis aureis distincta, aurata palla, aureum paludamentum, χιτῶν ἐγκαλλωπίσμασι χρυσοῖς πανταχόθεν ὡραισμένος. Вѣроятно, были и другаго рода украшенія на одеждахъ, и другія названія одеждъ, но мы не знаемъ ихъ. Замѣтимъ, что одежды, шитыя золотомъ, появились у Римлянъ въ позднѣйшія времена, когда роскошь и великолѣпіе достигли самаго высокаго развитія.

Многіе предполагаютъ, что римскія одежды, мужскія и женскія, совершенно обходились безъ помощи портныхъ и швей, что онѣ приготовлялись окончательно на ткацкомъ станкѣ. Это мнѣніе справедливо только отчасти и примѣнимо только къ нѣкоторымъ одеждамъ, но не ко всѣмъ. Такъ можно довольно достовѣрно предполагать, что верхнія одежды—тога и палла—не нуждались въ искусствѣ портнаго, или портнихи; но нельзя сказать того же о другихъ одеждахъ, напр. о столѣ, туникѣ, которыя состояли не изъ одного куска матеріи, а изъ многихъ, сшитыхъ вмѣстѣ; и потому требовали портнаго или швеи. Отсюда просимъ не заключать, что у Римлянъ было такое же множество швей и модистокъ, какъ у насъ. Ничуть не бывало: нашимъ швеямъ и модисткамъ пришлось бы умирать съ голоду въ Римѣ; имъ нечего было бы дѣлать въ стѣнахъ вѣчнаго города по самой простой причинѣ, именно потому, что Римлянки не отдавали на сторону шить свои платья, а приготовляли ихъ дома. У каждой Римлянки были невольницы, превосходно понимавшія всякаго рода работы. Выше было сказано, что древнія Римлянки сами занимались, тканьемъ и пряжею въ атріумѣ, вмѣстѣ съ своими невольницами, и быть пряхой — mulier lanifica, умѣнье прясть—lanificium считалось въ числѣ женскихъ добродѣтелей. Въ

---

[66]) Isidor. XIX. 22. [67]) Isid. ibid. [68]) Forcel. Lex. sub v.

послѣдствіи, когда атріумъ потерялъ свое древнее значеніе, и когда Римлянки перестали употреблять время на подобныя работы, такъ что императрица Ливія, сама приготовлявшая платья своему державному супругу, не только не заслужила похвалы и одобренія у своихъ современниковъ, но—такъ-то измѣнились времена и нравы—подверглась за это упрекамъ [69]), съ тѣхъ поръ одинѣ невольницы стали заниматься шитьемъ, тканьемъ и всякаго рода домашними работами. Для этого въ каждомъ достаточномъ домѣ было особое отдѣленіе, гдѣ помѣщались швеи, ткачихи, пряхи и проч.; оно называлось textrinum и textrina. Тутъ онѣ работали съ утра до вечера, сокращая не рѣдко пѣснію скучное время работы [70]), подъ надзоромъ особой невольницы, которая называлась lanipendia, lanipens serva [71]) и каждый день назначала имъ работу. Иногда въ наказаніе работа невольницъ увеличивалась, какъ видно изъ Проперція [72]). Невольницы ткали самыя тонкія и дорогія ткани, которыя потомъ переходили въ руки другихъ невольницъ-швей, называвшихся у Римлянъ sarcinatrices, satrices. Къ нимъ же поступали и ткани, купленныя у иноземныхъ купцовъ, напр. у александрійскихъ, сирійскихъ и пр. Если нужны были Римлянкамъ вышитыя вещи, то и за ними не для чего было имъ ходить далеко; онѣ имѣли у себя подъ рукою мастерицъ для подобныхъ работъ — изъ невольницъ.

Запачканное платье отдавалось мыть. Мытьемъ занимались fullones; они составляли особую общину или цехъ — collegium fullonum; заведеніе ихъ называлось fullonia. Древніе не знали еще употребленія нашего мыла для мытья платья. Правда, Плиній [73]) упоминаетъ о sapo—мылѣ; но по его словамъ это была помада для окраски волосъ—rutilandis capillis, а не для мытья бѣлья. Мыло замѣняли селитрою (nitrum) [74]) и уриною. Вымытыя и выглаженныя платья клались подъ прессъ (prela) [75]), который у Амміана называется pressarium [76]). Богатые люди, вѣроятно, имѣли у себя особыя прачешныя, какъ и унасъ это водится. Платье хранилось въ особыхъ платяныхъ ящикахъ—arculae, capsulae. Между платьемъ клали благовонную смолу, куски пахучаго дерева и пр.

Обувь женская у Римлянъ была та же, что и мужская, только въ женской обуви, вѣроятно, было больше разнообразія, чѣмъ въ мужской. Всю обувь можно подвести подъ два класса: calceus и soleae. Soleae составляли домашнюю обувь, которую впрочемъ надѣвали

---

[69]) Suet. Aug. 73. [70]) Ovid. Trist. IV, 1, 13. [71]) Pompon. Dig. XXIV, 1, 31, 1. [72]) Propert. IV, 7, 41. [73]) Plin. XVIII, 12, 51. [74]) Plin. XXXI, 10. [75]) Mart. II, 46. Senec. de tranqu. an. 1. Claud. XXX, 101 [76]) Am. Marc. XXVIII, 4.

иногда выходя изъ дома, особенно въ позднѣйшія времена. Это преимущественно женская обувь. Въ первоначальномъ видѣ, какъ можно заключить изъ словъ Геллія [77]), solea была не больше, какъ подкладка подъ подошву ноги, сдѣланная изъ кожи, продѣтая ремнями, которыми привязывали ее къ ногѣ. При этой обуви вся верхняя часть ступни оставалась обнаженною, или, точнѣе, полуприкрытою ремнями, прикрѣплявшими ее къ ногѣ. Простота этой обуви не требовала ни особыхъ сапожниковъ, ни особыхъ башмачниковъ: вырѣзывалась кожа по подошвѣ, продѣвалась ремнями, прикрѣплявшими ее къ ногѣ, и обувь готова. Даже, вѣроятно, люди бѣдные вмѣсто кожи употребляли дощечку изъ пробковаго, или изъ другаго дерева. Однако, при всей незатѣйливости и простотѣ этой обуви, она вполнѣ достигала своего назначенія: она служила предохранительнымъ средствомъ отъ поврежденія ноги на дорогѣ, или отъ обжоги ея лѣтомъ на землѣ, накаленной солнечными лучами. Прикрѣплялась она къ ногѣ слѣдующимъ образомъ: между большимъ и вторымъ пальцами проходилъ ремень; при помощи пряжки (ligula), или, точнѣе, завязки, имѣвшей видъ сердца, луны (lunata ligula) [78]), языка (γλῶσσαι τῶν ὑποδημάτων) и пр., онъ прикрѣплялся къ другому ремню, который шелъ по верхней части ступни во всю длину ея и соединялся сзади съ подошвою около лодыжекъ. Были и другаго рода способы держать soleas на ногѣ. Иногда вмѣсто одного ремня шли отъ завязки (ligula) два ремня по обѣимъ сторонамъ ступни и соединялись съ подошвою по бокамъ ступни, между пальцами и пяткой; другіе же два ремня проходили къ лодыжкамъ, тутъ обвязывались и поддерживали обувь сзади. Иногда прикрѣпляли нѣсколько ремней, которые, проходя то по бокамъ ступни, то сверху во всю длину ея, сходились около лодыжекъ, завязывались узломъ и поддерживали обувь.

Другаго рода обувь, надѣвавшаяся при выходѣ изъ дома, былъ calceus—нашъ башмакъ, покрывавшій всю ступню, или большую часть ея. Онъ получалъ нерѣдко форму нашихъ женскихъ полусапожекъ. Эта обувь представляла уже болѣе разнообразія относительно своей формы, начиная отъ простаго мужицкаго башмака, называвшагося pero [79]), до башмака римской щеголихи. Кожу для calceus употребляли различную: черную, бѣлую, красную, желтую, зеленую, съ приличными бантами и завязками, которыя переплетами стягивали обувь. Самою щегольскою обувью считалась бѣлая [80]). Римлянки, не желавшія натереть себѣ мозолей, отъ кото-

[77]) XIII, 20. [78]) Mart. II, 29, 7. [79]) Cato ap. Fest. p. 142. Virg. Aen. VII, 690. [80]) Mart. VII, 33. Phaedr. V, 36. Ovid. A. A. III, 271.

рыхъ страдалъ и древній міръ, употреблями для башмаковъ и полусапожекъ самую мягкую и нѣжную кожу. Иногда украшали обувь золотымъ шитьемъ [81]).

Къ этой же обуви можно отнести и soccus,—собственно греческую обувь, перешедшую къ Римлянамъ, составлявшую достояніе и принадлежность женскаго пола—soccus muliebris. Ее-то по преимуществу украшали золотомъ, жемчугомъ и пр. Впрочемъ, и мущины носили такую же обувь, хотя она и считалась неприличною ихъ полу. Такъ у Сенеки читаемъ: «К. Цезарь даровалъ жизнь Помпею Пенну. Когда Пеннъ приносилъ цезарю благодарность за это, то послѣдній протянулъ для поцѣлуя свою лѣвую ногу. Нѣкоторые изъ желанія извинить поступокъ утверждаютъ, что цезарь сдѣлалъ его не изъ высокомѣрія, а что ему хотѣлось показать свой позолоченный, или точнѣе, золотой, унизанный жемчугомъ, башмачекъ» [82]). — Soccus, кажется, ничемъ не отличался отъ calceus; только былъ изящнѣе, изъ лучшаго матеріяла и свободнѣе сидѣлъ на ногѣ, не жалъ ее, не давилъ, какъ calceus, составлявшій, по словамъ Тертулліана, истинное мученіе ноги. Calceus дѣлался на каждую ногу порознь. Этимъ объясняется повѣрье Римлянъ, по которому надѣть башмакъ не на ту ногу, считалось дурною примѣтою. Извѣстно, что даже Августъ страдалъ подобнымъ суевѣріемъ [83]).

—

Зная древнихъ Римлянокъ хоть по слуху, зная страсть ихъ къ щегольству, нарядности, роскоши и великолѣпію, нельзя, даже безъ историческихъ доказательствъ, сомнѣваться въ томъ, что онѣ много времени и заботъ прилагали на прическу волосъ. Дѣйствительно онѣ любили заниматься убранствомъ своихъ волосъ, любили давать имъ самую разнообразную форму и наряжать ихъ къ лицу. Особенно въ позднѣйшія времена, какъ и слѣдуетъ ожидать, ухаживаніе за волосами доведено было до щепетильной и самой кропотливой заботливости и составляло самую главную, самую важную и самую трудную статью въ туалетѣ древнихъ Римлянокъ. У Сенеки [84]) читаемъ слѣдующее о мущинахъ его времени: «Они (говоритъ философъ) проводятъ много часовъ у парикмахеровъ, пока выры-
«вается то, что̀ выросло въ прошедшую ночь, пока идетъ совѣща-
«ніе о каждомъ волоскѣ, пока либо разбросанные волосы приво-
«дятся въ порядокъ, либо зачесанными на лобъ волосами покры-
«вается лысина. Какъ они сердятся, если парикмахеръ хоть нѣ-

---

[81]) Apul. Met. XI, 8, 769. [82]) Senec. Benef. II, 62 sqq. [83]) Suet. Aug. 92. [84]) Senec. de brevit. vitae XII. 1 — 3.

сколько небреженъ въ своемъ дѣлѣ? Какъ они горячатся, если что-«нибудь обрѣзано изъ ихъ гривы (ex iuba), если что-нибудь не «получило надлежащаго порядка, если всѣ волосы не падаютъ въ «кольцахъ? Да, каждый изъ нихъ не столько тревожится смутами «въ государствѣ, сколько безпорядкомъ своихъ волосъ, не столько «безпокоится о своемъ здоровьѣ, сколько о нарядности своей го-«ловы.»—Эти слова Сенеки, въ которыхъ не видно ни малѣйшаго преувеличенія, или желанія щегольнуть краснымъ словцомъ, какъ это водится иногда за философомъ, еще съ бо́льшею справедливостію, и даже въ бо́льшемъ объемѣ, могутъ быть примѣнены и къ женщинамъ того времени, которыя, по словамъ Марціала, выходятъ изъ себя, страшно наказываютъ горничныхъ, какъ за преступленіе, если хоть одинъ локонъ на головѣ погрѣшилъ противъ прически, или неловко приколотъ булавкою и пр. [85]).

Къ сожалѣнію немного извѣстно намъ изъ этого отдѣла въ жизни древней Римлянки. Судя по дошедшимъ памятникамъ, можно заключить, что самою простою и самою обыкновенною прической была слѣдующая: собирали волосы въ пучокъ, надъ лбомъ, а потомъ обвертывали ихъ вокругъ головы толстою незаплетенною косою, или же собранные волосы надъ лбомъ раздѣляли на обѣ стороны, и потомъ уже обвертывали вокругъ головы. Такая прическа была очень удобна для Римлянокъ въ томъ случаѣ, когда онѣ украшали свои головы вѣнками, что̀ случалось во время жертвоприношеній и праздничныхъ торжествъ: вѣнки, положенные на головѣ, легко, свободно и ловко даржались на ней, опершись на обвернутые кругомъ головы волосы, не сваливались съ ней и не сползали на виски и на лобъ. Этой чрезвычайно простой прическѣ Римлянки старались давать возможное разнообразіе, и потому собирали иногда волосы на затылокъ, либо на макушку, и тамъ связывали въ пучокъ, или же связанные волосы на затылкѣ еще разъ откидывались напередъ и на лбу составляли возвышеніе, которому тоже давали разнообразную форму. Римлянки не остановились на этомъ: съ развитіемъ страсти къ разнообразію въ нарядахъ, онѣ постарались и волосамъ давать болѣе разнообразную и искусственную форму. Уже Овидій [86]) говоритъ, что столько же не возможно сосчитать разнообразныя прически волосъ (positus) у современныхъ Римлянокъ, сколько невозможно сосчитать желудей на вѣтвистомъ дубѣ, пчелъ на горѣ Гиблѣ, дикихъ звѣрей на Альпахъ. Каждый день приноситъ что-нибудь новое къ

---

[85]) Mart. II, 66. [86]) Ovid. A. A. III, 135 — 151.

этому украшенію. По наставленію Овидія, каждая изъ Римлянокъ должна причесываться такъ, какъ къ ней идетъ; одной прически для всѣхъ не должно быть; каждая должна совѣтоваться въ этомъ дѣлѣ съ зеркаломъ и избирать прическу такую, какая ей къ лицу. Тутъ же Овидій насчитываетъ восемь родовъ прически. Отсюда уже видно, что причесокъ у Римлянъ было не мало Изъ тѣхъ, которыя встрѣчаются на памятникахъ, можно замѣтить особенно слѣдующія. Римскія дамы завивали щипцами крайніе волосы въ мелкіе локоны и разбрасывали ихъ по головѣ; остальные волосы зачесывались гладко и отдѣлялись отъ локоновъ дорогою повязкою, которую часто дѣлали изъ золота, иногда же украшали жемчугомъ. Иногда всѣ волосы, заплетенные въ косы и косички, располагались на головѣ вѣнкомъ (turrita corona matronae [87]), или кругомъ въ нѣсколько рядовъ, одинъ на другомъ; потомъ на срединѣ головы продѣвали ихъ длинною булавкой (acus discriminalis), которая поддерживала въ порядкѣ этотъ вѣнокъ изъ волосъ. Съ перваго взгляда на подобную прическу видно, что она требовала очень длинныхъ волосъ, и что едва ли и одна Римлянка, зачесывавшая волосы такимъ способомъ, могла обойдтись безъ накладныхъ волосъ. Это подтверждается и словами Гіеронима, у котораго находимъ слѣдующее: alienis capillis turritum verticem struere [88]). Иногда обѣ прически соединялись въ одну, то-есть спереди разсыпались волосы въ мелкихъ локонахъ, а сзади заплетались въ косы и косички, которыя потомъ располагались или вѣнкомъ вокругъ головы, или же собирались на макушку, и тамъ располагались небольшимъ кругомъ (корзиною). Объ этой-то прическѣ часто приходится читать у Овидія, Проперція, а еще чаще у Ювенала и Марціала; она носила разныя названія, какъ-то: nodus, orbis, tutulus, annulus [89]). Иногда же спереди и кругомъ головы располагались волосы гладко расчесанные, выше ихъ заплетались косы и располагались кругомъ головы въ видѣ вѣнка. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Римлянкамъ было извѣстно много и другихъ причесокъ, тѣмъ болѣе, что переимчивость Римлянъ и въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ изъ жизни древняго міра, нашла для себя достаточную пищу въ подражаніи головнымъ уборамъ замѣчательнѣйшихъ народовъ Востока, и отчасти Запада. Нѣкоторыя изъ важныхъ лицъ женскаго пола въ древнемъ мірѣ, напр. супруги и фаворитки императоровъ, имѣли, кажется, каждая свою любимую прическу, такъ что знатоки древней нумизматики по уборкѣ го-

[87]) Lucan. II, 358. [88]) Hieron. ad Demetriad. 130 sect. 7. [89]) Juv. VI, 469. 502. Mart. II, 66. Stat. Silv. 1, 1, 113. Manil. V, 147.

ловы тотчасъ отличаютъ Поппею отъ Пластины и Матидіи. — У Римлянъ были особыя невольницы, понимавшія тайну труднаго искусства причесывать надлежащимъ образомъ своихъ барынь. Для пріобрѣтенія необходимой для этого ловкости и навыка отдавали невольницъ въ ученье на значительное время къ опытнымъ и знающимъ лицамъ, что̀ видно изъ Дигестъ [90]), гдѣ между прочимъ обучавшаяся только два мѣсяца не считается еще знающею.

При всеобщемъ стремленіи древнихъ Римлянокъ имѣть не только изящную, но и модную прическу, онѣ дошли до того, что перестали довольствоваться природнымъ цвѣтомъ волосъ. Такъ, со времени знакомства Римлянъ съ Галлами и Германцами, Римлянкамъ полюбились волосы гальскихъ и германскихъ женщинъ; имъ захотѣлось имѣть такіе же волосы, какіе у нихъ, т. е. быть блондинками, носить волосы не только свѣтлорусые, но даже рыжіе съ золотистымъ отливомъ. Мало-по-малу, это сдѣлалось всеобщею модой болѣзнію женскаго пола временъ императорскихъ. Истиннымъ несчастіемъ и мученіемъ для Римлянки было, если природа одарила ее черными волосами, а мода требовала совершенно другаго цвѣта. Сколько было употребляемо денегъ на покупку помадъ и всякаго рода мазей для окраски волосъ въ модный цвѣтъ! Не говоримъ уже о безпокойствѣ, тревогѣ, гнѣвѣ, о безсонныхъ ночахъ,—и все изъза того, чтобы сдѣлаться рыжею. Впрочемъ, надобно замѣтить, что подобная мода, если и не въ такой степени, какъ послѣ, существовала уже во времена республики. Уже Катонъ въ своихъ Древностяхъ (Origines) упоминалъ объ обыкновеніи женщинъ красить волосы въ рыжій цвѣтъ—mulieres nostrae capillum ungitabant, ut rutilus esset crinis. Для окраски волосъ въ модный цвѣтъ употребляли древнія Римлянки особаго рода мыло (sapo), или помаду, изобрѣтенную въ Галліи [91]). Приготовляли ее изъ сала и золы, въ жидкомъ и густомъ видѣ. Лучшею считалась приготовленная изъ козьяго сала и буковой (faginus) золы. Безъ сомнѣнія, Римлянкамъ извѣстны были не одного рода помады; по всему вѣроятію было ихъ много сортовъ; но состава ихъ и названія мы совершенно не знаемъ. Одна помада имѣла такое свойство, что намазанные ею волосы, высыхая на солнцѣ, получали самый модный цвѣтъ, т. е. самый рыжій, самый золотистый [92]). Въ томъ же случаѣ, если помада не успѣвала истребить природнаго цвѣта волосъ, или если волосы были не довольно густы и длинны: то Римлянки совсѣмъ

---

[90]) Digest. XXXII, 65, 3. [91]) Plin. XXVIII, 51. [92]) Lucan.

обстригали ихъ и рѣшались носить парики. Впрочемъ, къ этому средству прибѣгали Римлянки только въ случаѣ самой настоятельной и крайней необходимости. Римлянка хорошо понимала, что накладные волосы не всегда могутъ скрыть недостатковъ природныхъ, что въ банѣ, куда Римлянки любили ходить, непремѣнно открывалась истина; и потому, хотя уже Овидій говоритъ о покупныхъ волосахъ [93]) (crines empti), хотя Горацій упоминаетъ о высокомъ парикѣ Саганы [94]), рѣшительно не слѣдуетъ предполагать, что женскіе парики уже во времена республиканскія были во всеобщемъ употребленіи, тѣмъ болѣе, что въ приведенныхъ мѣстахъ говорится объ нихъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ и насмѣшкою. Можетъ-быть, употребленіе париковъ и накладныхъ волосъ сдѣлалось болѣе общимъ уже въ позднѣйшія времена, при императорахъ. Римскія дамы употребляли парики, кромѣ украшенія еще, и съ другою цѣлію, именно, если хотѣли, чтобы ихъ не узнали. Императрица Мессалина, выходя ночью изъ дворца въ сопровожденіи одной служанки [95]), покрывала свои черные волосы рыжимъ парикомъ.

Кромѣ помадъ для окраски волосъ, Римлянки знакомы были съ помадами и духами для намащенія волосъ,—и такого рода помадъ и духовъ было у нихъ много сортовъ [96]). Извѣстно, что Критонъ, врачъ императрицы Плотины, въ своемъ сочиненіи: *κοσμητικά*, описалъ двадцать пять сортовъ помады и духовъ; но объ нихъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго понятія; знаемъ только имена. Замѣтимъ, что и Критонъ не все описалъ; было еще гораздо больше сортовъ, какъ видно изъ сохранившихся надписей и названій. Марціалъ въ одной изъ своихъ эпиграммъ, обращаясь къ Галлѣ, говоритъ: «Появишься «ты, и кажется, будто идетъ Космусъ-парфумеръ, и текутъ духи, «вылившіеся изъ опрокинутаго стекляннаго сосуда. Пожалуста, не «намащайся привозными пустяками. Думаю, ты знаешь, что и «собака напомаженная хорошо пахнетъ [97])». У Плинія читаемъ, что потребленіе благовоній Римлянками было такъ велико, что запахъ отъ проходившей женщины привлекалъ вниманіе людей, совсѣмъ другимъ занятыхъ, что нѣкоторые не прыскались благовоніями, а просто обливались ими, что даже стѣны въ баняхъ окроплялись духами, что многіе слѣдовали обычаю смѣшивать вино, вмѣсто воды, съ благовоніями [98]). Кромѣ Плинія объ этомъ же говорятъ Ювеналъ, Марціалъ и другіе [99]).

Изъ всѣхъ мазей, помадъ и духовъ особенно высоко цѣнилось

---

[93]) Ovid. A. A. III, 165. [94]) Hor. Sat. 1, 8. 48. [95]) Juven. VI, 120. [96]) Plin. XIII, 2. [97]) Mart. III, 55. [98]) Plin. N. H. XIII, 4, 5. [99]) Juv. VI, 303. Mart. XIV, 110. 113.

nardinum oleum, которое Плиній называетъ первымъ между помадами [100]). Продавалось оно въ жидкомъ и густомъ видѣ. Приготовлялось изъ цвѣтовъ индійскаго, или аравійскаго растенія, извѣстнаго у Римлянъ подъ именемъ nardus. Привозилось въ Римъ сирійскими и александрійскими купцами. Оттого Горацій называетъ его malobathrum syrium [101]), сирійскимъ товаромъ [102]), ассирійскимъ пардомъ [103]). Были разные его сорты, дороже и дешевле. Самое лучшее получалось изъ Тарса [104]). Опредѣлить, когда Римляне познакомились съ помадами, не возможно. У Плинія старшаго находимъ извѣстіе, что послѣ побѣды надъ Антіохомъ и послѣ покоренія Азіи въ 565 г. цензоры П. Лициній Крассъ и Л. Юлій Цезарь обнародовали повелѣніе, запрещавшее продавать иноземныя (exotica) мази [105]).

Гребни, которыми расчесывались волосы римскихъ женщинъ, были различной цѣнности и формы и приготовлялись изъ различнаго матеріяла. Обыкновенно дѣлали ихъ изъ полированнаго бука или изъ слоновой кости, иногда украшали ихъ разнаго рода рѣзьбою. Волосы завивались щипцами, или же орудіемъ похожимъ на наши щипцы. Волосы удерживались на головѣ булавкаки (acus discriminalis), которыя дѣлались значительной длины, чтобы въ состояніи были удержать въ надлежащемъ порядкѣ все множество косъ и косичекъ на головѣ римской женщины. До нашихъ временъ сохранились булавки длиною въ семь и восемь дюймовъ. Дѣлались онѣ различно. Нѣкоторыя довольно просто, съ одной стороны тоньше и острѣе, а съ другой толще; въ толстомъ концѣ продѣлывалось ушко, или отверстіе. Иногда на обѣихъ сторонахъ продѣлывались подобныя отверстія. Но были булавки, отдѣланныя съ большимъ искусствомъ, часто съ удивительными украшеніями на толстомъ концѣ. Такъ напр. на одной булавкѣ вмѣсто головки сдѣланъ коринѳскій капитель, на которомъ стоитъ Венера, держащая обѣими руками свои волосы; подлѣ нея стоитъ Амуръ, и держитъ передъ нею зеркалю. На другой Амуръ и Психея, стоя на такомъ же капителѣ, обнимаются. Иногда головка булавки оканчивалась превосходной работы женскими бюстиками, или же полными фигурами, изображенными отдѣльно, или группою. На одной булавкѣ изображена богиня изобилія, которая въ одной рукѣ держитъ рогъ изобилія, а другою ласкаетъ играющаго съ нею дельфина. Нельзя не удивляться древнему искусству, которое и на такіе ничтожные предметы любило обращать строгое вниманіе и не стыдилось

[100]) Plin. N. H. XII, 12, 26. [101]) Od. II, 7, 8. [102]) Od. I, 31, 12. [103]) Od. II, 11, 26. [104]) Athe. XV, 38. [105]) Plin. N. H. XIII, 5.

заниматься тщательною отдѣлкой подобныхъ бездѣлокъ. Иногда эти булавки дѣлались въ срединѣ пустыми: туда, вѣроятно наливались благовонія; иногда же римскія дамы хранили тамъ ядъ, который, при случаѣ, могли употребить для себя, или для другихъ лицъ. Такъ изъ Тацита [106]) знаемъ, что послѣ, внезапной смерти отъ яда извѣстной отравительницы Мартины, найденъ былъ ядъ въ ея волосахъ, т. е. въ такой же булавкѣ. По словамъ Діона Кассія [107]), и Клеопатра прятала ядъ, которымъ себя умертвила, въ подобной же булавкѣ. Дѣлались булавки изъ золота, серебра, слоновой кости.

Древнія Римлянки, какъ и Гречанки, покрывали голову разнаго рода шапочками и сѣтками, только не для украшенія, а просто для прикрытія головы — capitia, zonae, mitrae, quae magis capitis tegendi, quam ornandi causa sunt comparata [108]); и потому надѣвали ихъ на ночь, чтобы не скомкать волосъ, а днемъ для удобства, при разнаго рода домашнихъ занятіяхъ, чтобы волосы не нависали и не безпокоили. Сѣтки назывались у Римлянъ reticuia, reticulum, отъ rete — сѣть [109]), или же просто tegmen capitis muliebre [110]). Дѣлались онѣ изъ нитокъ; были плетеныя и вязаныя; иногда приготовлялись изъ золотой канители — reticulum auratum у Ювенала [111]), изъ шелку [112]), изъ дорогаго золотистаго элейскаго бисса [113]); но также изъ дешевыхъ матерій. Безъ сомнѣнія эти сѣтки имѣли разнаго рода форму и подраздѣлялись на виды. Шапочки носили у Римлянъ разнаго рода названія; онѣ извѣстны у Римлянъ подъ именемъ — calantica, calvatica, mitra. Дѣлались изъ толстой матеріи, на подобіе нашихъ чепцовъ, или малороссійскихъ очипковъ, имѣли различную форму, величину и глубину. Иногда подобнаго рода шапочкою покрывалась вся голова, а волосы собирались на затылокъ; иногда шапочка сдвигалась болѣе на затылокъ, передняя часть головы оставалась открытою, волосы собирались на средину головы и тутъ же связывались въ пучокъ; иногда же шапочка надвигалась напередъ, а затылокъ, куда собирались волосы, оставался незакрытымъ. Шапочки украшались иногда по краямъ кистями. Приготовлялись онѣ изъ различной матеріи: изъ шелку, бисса и шерсти, большею частію цвѣтной. Иногда для подобныхъ шапочекъ употреблялся просто пузырь (vesica) [114]). Кромѣ сѣтокъ и шапочекъ употреблялись Римлянками повязки головныя (fasciae, vittae crinales), отчасти для

---

[106]) Tacit. Ann. III, 7. [107]) Dio Cass. LI, 14. [108]) Dig. XXXIV, 2, 23, 2. [109]) Var. L. L. V, 29. [110]) Non. XIV. 32. [111]) Juv. II. 96. Petr. 67. [112]) Salmas. exercit. ad Solin. 392. [113]). Paus. VII, 21, 7. [114]) Mart. VIII, 33, 19.

удержанія волосъ въ порядкѣ, отчасти для украшенія. Были онѣ двухъ родовъ: одинѣ просто въ родѣ нашихъ лентъ, которыми и до сихъ поръ украшаютъ головы простыя Малороссіянки; другія болѣе искусственныя, которымъ антикваріи даютъ названіе діадемъ: онѣ часто дѣлались изъ чистаго золота, украшались жемчугомъ; передняя часть, приходившаяся на лбу, дѣлалась довольно широкою, къ затылку съуживалась; или же къ діадемѣ прикрѣплялась цѣпь, которая держала ее на головѣ. Діадема была различной формы.

—

Для древней Римлянки, само собою разумѣется, ничего не могло быть прискорбнѣе и тяжеле, какъ потеря красоты. Отсюда тѣ усилія и заботы, на которыя рѣшается женскій полъ, чтобы продлить обаяніе увядающей красоты, чтобы поддержать свѣжесть старѣющагося лица, воскресить живость потухающихъ глазъ и оживить игривость молодой улыбки; отсюда изобрѣтеніе всякаго рода средствъ, которымъ иногда приписываютъ чуть ли не волшебную силу, чтобы сглаживать морщины, молодить ветхое и изношенное лицо, давать мягкость и лоскъ старой и сухой кожѣ. Не мало подобныхъ средствъ было извѣстно и древнимъ Римлянкамъ. Къ такимъ-то средствамъ надобно отнести и намазываніе лица на ночь тѣстомъ [115]), замѣшеннымъ на ослиномъ молокѣ; тѣсто оставалось на лицѣ цѣлую ночь, утромъ снималось и производило желаемое дѣйствіе, т. е. мягчило и освѣжало кожу. Называется оно у Ювенала poppaeana, по имени изобрѣтательницы Поппеи, Нероновой жены [116]). Извѣстно также, что тѣсто изъ бобовой муки и сарачинскаго пшена употреблялось для того, чтобы уничтожать на лицѣ морщины и дѣлать его гладкимъ [117]). Для обмыванія лица преимущественно употребляли теплое ослиное молоко, которое признавалось въ древности самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ тому, чтобы сохранить мягкость и свѣжесть кожи. Ослиному молоку приписывались въ древности настоящія чудеса: оно исцѣляло безчисленное множество болѣзней, исчисленіе которыхъ находимъ у старшаго Плинія [118]). Онъ же разсказываетъ, что Поппея не только мыла лицо этимъ молокомъ, но просто купалась въ немъ [119]). По словамъ Діона Кассія [120]), Поппея держала у себя до 500 ослицъ, которыхъ молоко ежедневно употребляла для вы-

---

[115]) Juven. II, 107. Suet. Oth. 12. [116]) Juv. VI, 461 sqq. [117]) Mart. III, 42. [118]) Plin. N. H. XXVIII, 33. [119]) Plin. XI, 96. [120]) Dio. Cass. LXII, 28.

тираній и умовеній. Кромѣ молока, Римлянки употребляли разнаго рода мыла и эссенціи, которыми онѣ были столько же богаты, какъ и дамы нашего времени.

Вымывши лицо и вытерши его губкою, Римлянки принимались за расписываніе его румянами, которыя въ древности были во всеобщемъ употребленіи, и которыя, вѣроятно, перешли къ Римлянамъ съ Востока вмѣстѣ со многими другими обыкновеніями. Искусство румяниться получило у нихъ самое обширное примѣненіе и доведено ими до возможнаго совершенства и утонченности. Румяны и бѣлилы хранились у нихъ въ особыхъ баночкахъ и коробочкахъ, которыя назывались narthecia [121]) и не рѣдко приготовлялись изъ дорогихъ матеріяловъ, напр. изъ слоновой кости. Слюна, которой древніе приписывали чудесныя дѣйствія въ исцѣленіи болѣзней [122]), играла немаловажную роль при составленіи притираній. Румяны получались изъ сурика (μίλλος, minium), также изъ нѣкоторыхъ растеній, какъ-то: ἔγχουσα παιδέρως и пр.; бѣлилы изъ cerussa, ψιμύθιον. Главнымъ же снадобьемъ при составѣ притираній былъ морской мохъ (fucus, φῦκος), изъ котораго дѣлались оба рода, преимущественно же румяны. Такъ какъ мохъ былъ главнымъ и общеупотребительнымъ составомъ при этомъ, то и притиранья вообще назывались у Римлянъ fucus. Противъ веснушекъ и сыпи употребляли въ порошкѣ крокодиловый пометъ, привозимый изъ Египта. Въ притиранья клали медъ и воскъ, вѣроятно, какъ составныя части, придававшія большую липкость. Даже и съ нашими мушками были знакомы Римляне; назывались онѣ splenia; налѣпливались на разныя части лица, какъ-то: на бороду, на лобъ [123]).

У Римлянокъ, какъ и у Гречанокъ, было обыкновеніе подкрашивать брови, рѣсницы и глаза (τὰς ὀφρῦς μελαίνειν, τοὺς ὀφθαλμοὺς ὑπογράφειν) [124]) посредствомъ порошка, приготовлявшагося изъ сюрьмы, висмута, или же изъ сосновой сажи, и называвшагося у Римлянъ stibium stimmi. Порошокъ, разведенный въ водѣ (madida fuligo) [125]), брали на тонкую кисточку, или на тонкую палочку въ родѣ зонда (μήλη, specillum), или въ родѣ кривой булавки (obliqua acus) [126]), и расписывали имъ брови и рѣсницы, какъ хотѣли, или какъ считали приличнымъ [127]).

Странно было бы, еслибы Римлянка, обращавшая самое стро-

---

[121]) Mart. XIV, 78. [122]) Plin. XXVIII, 7 sqq. [123]) Mart. X, 22. II, 29 tin. [124]) Pollux. V, 16. [125]) Juven. II, 93. [126]) Juven. II, 94. [127]) Ovid. A. A. III, 201 sqq. Tertul. de cult. femin. I, 2, II, 5.

гое вниманіе на украшеніе своего лица, нисколько не заботилась о своихъ зубахъ. И у Римлянъ считалось не лишнимъ украшеніемъ и не маловажною принадлежностію красоты имѣть бѣлые зубы. И потому-то Римлянки, чтобы предупредить гніеніе и нечистоту зубовъ, употребляли слѣдующія средства: онѣ клали въ ротъ кусочки мастиковаго дерева и жевали ихъ, какъ это дѣлается на Востокѣ. Чистили зубы порошкомъ изъ пемзы (dentifricium), который считается у Плинія полезнѣйшимъ для этой цѣли [128]); иногда мѣшали мраморную пыль (μαρμάρου ῥινίσματα). До какой степени считалось полезнымъ для зубовъ мастиковое дерево, видно изъ того, что изъ него же дѣлались зубочистки dentiscalpia) [129]). Богачи вмѣсто мастиковыхъ употребляли серебряныя зубочистки [130]); а люди небогатые дѣлали ихъ изъ перьевъ, какъ это водится и у насъ.

Если Римлянка не имѣла своихъ зубовъ, то могла замѣнить потерю ихъ вставными, или, выражаясь по-римски, купленными, empti dentes. Искусство вставлять зубы извѣстно было Римлянамъ съ самыхъ древнихъ временъ: объ немъ упоминается уже въ законахъ двѣнадцати таблицъ, гдѣ говорится, что не позволялось класть золота съ мертвыми, исключая тѣхъ случаевъ, когда зубы перевязаны будутъ золотомъ [131]). На это же указываетъ и Марціалова эпиграмма къ зубному порошку [132]): «Какое мнѣ дѣло до тебя, старуха? Пусть беретъ меня дѣвушка. Я не чищу вставныхъ зубовъ.» — Это же самое подтверждается и открытіями въ землѣ, гдѣ найдено между прочимъ семь зубовъ, нанизанныхъ на золотую проволоку.

Чтобы избѣжать дурнаго запаху изо рта, который, по мнѣнію Плинія, есть самый постыдный недостатокъ, для того жевали плющъ (edera), или плющевыя ягоды, смѣшавъ ихъ поровну съ корицей и смирной, или жевали поутру составъ изъ миртовыхъ и мастиковыхъ листовъ поровну, смѣшавъ его съ половинною частію сирійскаго чернильнаго орѣшка (galla Syriaca, κηκίς) и смочивъ старымъ виномъ [133]). Были, вѣроятно, и другія средства противъ этого недостатка, которыя собралъ въ своемъ сочиненіи Критонъ, придворный медикъ императрицы Плотины.

Римлянки, подобно Гречанкамъ, любили украшать себя драгоцѣнностями, какъ то: ожерельями, браслетами, кольцами и пр.

---

[128]) Plin. N. H. XXXVI, 42. [129]) Mart. III, 32. VI, 74, 3. XIV, 22. [130]) Petron. 33. [131]) Cic. Legg. II, 24, 60. [132]) Mart. XIV, 56. [133]) Plin. N. H. XXV, 110.

Нечего и говорить о томъ, что всѣ эти предметы роскоши, убранства и нарядности, по своей цѣнности и отдѣлкѣ соотвѣтствовали и всѣмъ прочимъ принадлежностятъ туалета римскихъ женщинъ. Любимымъ украшеніемъ древнихъ Римлянокъ были драгоцѣнные камни всѣхъ родовъ и жемчугъ, употреблявшійся на многіе предметы роскоши. Мода на жемчугъ и драгоцѣнные камни, говоритъ Плиній [134]), развилась побѣдами Помпея, который для своего третьяго тріумфа, между безчисленными богатствами, привезъ многое, сдѣланное изъ чистаго жемчугу и драгоцѣнныхъ камней, какъ-то: шашечницу (alveus lusorius) съ игорными костями, сдѣланную изъ двухъ драгоцѣнныхъ камней, имѣвшую въ ширину три фута, въ длину четыре, тридцать три жемчужныхъ короны, храмъ музамъ (musaeum) тоже изъ жемчуга, на вершинѣ котораго стояли часы, свой собственный бюстъ изъ жемчуга и мин. дрр. Съ этого-то времени возникла и развилась безумная любовь къ драгоцѣнностямъ, недолимо увлекавшая римскихъ женщинъ въ огромныя издержки и неоплатные долги. Мало-по-малу Римлянки дотого полюбили жемчугъ и драгоцѣнные камни, дотого пристрастились къ нимъ, что стали носить ихъ не только на рукахъ, на шеѣ, въ ушахъ, но даже на обуви, такъ что Плиній Старшій имѣлъ право сказать: «Римлянки не довольствуются тѣмъ, что «носятъ жемчугъ; онѣ топчутъ его; онѣ ходятъ по немъ» [135]), разумѣя подъ этимъ безумную роскошь римскихъ дамъ, украшавшихъ свою обувь жемчугомъ. По словамъ его же, небогатые даже люди не хотятъ отставать отъ богатыхъ въ этой роскоши; жемчугъ для женщины то же, что для весталки ликторъ *) —

---

[134]) Plin. XXXVII, 6. [135]) Plin. N. H. IX, 56.

*) *Весталки*, жрицы богини Весты, учреждены были Нумою; сначала было четыре, потомъ шесть. Избираемы были сначала царями, а въ послѣдствіи первосвященниками (Pontifex maximus). Избирались изъ дѣвицъ не моложе шести и не старше шестнадцати лѣтъ, безъ всякаго тѣлеснаго недостатка, произшедшихъ отъ свободнорожденныхъ родителей. Необходимымъ условіемъ было, чтобы родители избираемой были живы. Весталки сохраняли дѣвство во все служеніе Вестѣ, которое продолжалось тридцать лѣтъ: первыя десять лѣтъ онѣ учились сами священнымъ обрядамъ, вторыя десять совершали ихъ, а въ остальныя десять учили имъ другихъ весталокъ. Потомъ могли оставлять храмъ и выходить за мужъ, но это послѣднее всегда считалось дурнымъ предзнаменованіемъ. Обязанность ихъ состояла въ храненіи вѣчнаго огня, въ совершеніи всѣхъ обрядовъ, усвоенныхъ храму Весты, въ приношеніи молитвъ, которымъ приписывали особенную силу и пр. Если огонь угасалъ, то виновную наказывалъ би-

знакъ отличія, вывѣска достоинства и важности. — Жемчугъ и драгоцѣнности хранились у Римлянъ, какъ фамильная святыня, переходя въ цѣлости и сохранности изъ рода въ родъ, изъ семьи въ семью, отъ матери къ дочери, внучкамъ и т. д. Плиній разсказываетъ слѣдующее [136]): «Я видѣлъ Лоллію Павлину, жену им-«ператора Каія, на какихъ-то маловажныхъ сговорахъ, покрытую «жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, блиставшими у нея по »всей головѣ въ волосахъ, ушахъ, на шеѣ, на монистахъ, на «пальцахъ; стоили они сорокъ милліоновъ сестерцій (тысяча се-«стерцій 58 рубл. и почти $22^1/_4$ коп. серебромъ на наши деньги). «Они были не подаркомъ супруга, но богатства предковъ, пріо-«брѣтенныя вѣроятно грабежами въ провинціяхъ. Таковъ-то ко-«нецъ (прибавляетъ Плиній) всѣхъ грабежей! Для того-то Лол-«лій, обезславившій себя на всемъ Востокѣ взятками, выпилъ «ядъ, чтобы при свѣчахъ смотрѣли на его внучку, покрытую «милліонами сестерцій.» — Особенно высоко уважались драгоцѣнности, принадлежавшія когда-либо царицамъ Востока, а потомъ доставшіяся Римлянкамъ. Объ такихъ драгоцѣнностяхъ имѣлись записки и разсказы, какъ напр. о двухъ жемчужинахъ извѣстной Клеопатры, о которой Плиній передаетъ слѣдующее [137]): «Были

чемъ или самъ первосвященникъ, или кто-нибудь другой по его назначенію. Потуханіе огня считалось дурною примѣтою для государства. Зажигали его треніемъ дерева объ дерево, или солнечными лучами. Весталку, утратившую цѣломудріе, по судебному приговору первосвященниковъ, погребали живою на такъ называемомъ Campus sceleratus, а обольстителя ея засѣкали до смерти. Подобное происшествіе всегда возбуждало страхъ и тяжелое безпокойство въ душѣ древнихъ Римлянъ. Весталки носили длинную бѣлую, пурпуромъ обложенную одежду, украшали голову повязкою (infula), а волосы лентами (vittae). Весталки пользовались великими почестями: тотчасъ послѣ вступленія въ храмъ онѣ освобождались отъ отцовской власти, свидѣтельство ихъ принималось безъ присяги; онѣ могли дѣлать завѣщаніе; ихъ сопровождали ликторы; высокіе сановники, какъ консулы и преторы, встрѣчаясь съ ними на дорогѣ, посторонялись и давали имъ мѣсто; весталка, встрѣтившая на дорогѣ преступника, освобождала его отъ наказанія, и вообще заступленіе ихъ считалось важнымъ. Онѣ занимали особыя мѣста на общественныхъ зрѣлищахъ, могли ѣздить въ колесницахъ, содержались на общественный счетъ и пр. *Ликторы* — общественные служители при высшихъ сановникахъ римскаго народа, какъ-то: при консулахъ, преторахъ, диктаторахъ, впереди которыхъ они шли одинъ за другимъ и которыхъ приказанія и разнаго рода порученія исполняли. Сопровождали также и весталокъ.

[136]) Plin. IX, 58. [137]) Plin. IX, 58.

«двѣ жемчужины самыя большія во всемъ свѣтѣ; обѣими владѣла «Клеопатра; къ ней перешли онѣ черезъ руки царей Востока. «Въ гордомъ и дерзкомъ презрѣніи, она порицала и роскошь и «пышность ежедневныхъ пировъ Антонія, и на вопросъ его, что̀ «можно прибавить еще къ великолѣпію его обѣдовъ, отвѣчала, «что она въ состояніи истратить на одинъ обѣдъ десять милліо- «новъ сестерцій. Ударившись объ закладъ, она на другой день «дала обѣдъ Антонію, великолѣпный правда, но обыкновенный, «какой ежедневно бывалъ у него. Когда онъ смѣялся надъ нею «и требовалъ сосчитать сумму, она отвѣчала: обѣдъ не въ счетъ; «она сама съѣстъ десять милліоновъ сестерцій, — и велѣла по- «давать дессертъ. По ея приказу, слуги поставили передъ нею «одинъ только сосудъ, наполненный крѣпкимъ уксусомъ. Антоній «смотрѣлъ въ недоумѣніи, что̀ она будетъ дѣлать. Клеопатра вы- «нула изъ уха одну жемчужину, распустила ее въ уксусѣ, — «и выпила въ растворѣ. Она хотѣла уже сдѣлать то же и съ «другою, но Л. Планкъ, судья заклада и спора, удержалъ ее, Ан- «тоній же призналъ себя побѣжденнымъ». — Судьба второй жем- чужины была лучше: послѣ смерти Клеопатры она досталась въ руки извѣстнаго Агриппы, побѣдившаго Антонія при Акціумѣ. Агриппа, разрѣзавши ее на двѣ ровныя части, привѣсилъ къ идолу Венеры въ Пантеонѣ, великолѣпномъ храмѣ, памятникѣ его же щедрости. — Еще прежде поступилъ съ жемчужиною точно также Римлянинъ Клавдій, сынъ извѣстнаго римскаго актера Езопа, распустившій въ уксусѣ жемчужину и проглотившій ее въ рас- творѣ, чтобы узнать только, какой вкусъ имѣетъ жемчугъ [138]).

Жемчугъ преимущественно употреблялся на женскія ожерелья, которыя назывались monile, monilia, монисты, въ отличіе отъ муж- скихъ цѣпей, называвшихся torques, torquites. Цѣнность женскихъ ожерелій доходила до огромныхъ суммъ. Римскія ожерелья состо- яли или изъ одной нитки жемчугу, и назывались monolinum [139]), потому что нитку жемчугу называли linea, или linum, или же изъ двухъ, dilinum, изъ трехъ, trilinum. Нитка чистаго жемчугу стоила, по словамъ Тертулліана, милліонъ сестерцій. Въ ожерельяхъ изъ трехъ нитокъ нитки были неравной величины: верхняя нитка плот- но обхватывала шею и была короче, чѣмъ двѣ остальныя, которыя доходили иногда до грудей, какъ видно на статуяхъ. Иногда ме- жду жемчужинами вставлялись драгоцѣнные камни разныхъ цвѣ- товъ, перемѣшанные съ чистымъ золотомъ. Это дѣлалось не только

---

[138]) Plin. ibid. [139]) Capit. Maxim. jun.

для дороговизны, но и потому, что древніе любили такую смѣсь цвѣтовъ и находили въ ней красоту и прелесть [140]). На это-то удачно намекаетъ Тертулліанъ словами: lumina lapillorum, quibus monilia variantur [141]). Плиній разсказываетъ [142]), что Римлянки такъ были привязаны къ жемчужнымъ ожерельямъ, что даже у себя дома, въ своихъ спальняхъ, во время сна, не хотѣли разставаться съ ними, не снимали ихъ съ себя, чтобы, по удачному выраженію Плинія, и во снѣ не разлучаться съ мыслію о перлахъ.

Кромѣ жемчужныхъ ожерельевъ Римлянки часто носили золотыя цѣпи [143]), aurato conspicienda sinu, papillae auratae у Ювенала [144]); по концамъ ихъ привѣшивались иногда драгоцѣнные камни. Цѣпи дѣлались различной величины, вида и цѣны. Иногда онѣ состояли изъ трехъ цѣпочекъ, прикрѣпленныхъ къ медальйону: двѣ, прикрѣпленныя къ верхней части медальйона, располагались полукругомъ на обѣихъ грудяхъ; третья, прикрѣпленная къ нижней части медальйона, имѣла прямое направленіе внизъ; къ концу ея привѣшивался амулетъ. На медальйонѣ дѣлалось изображеніе, нерѣдко аллегорическое, какого-нибудь предмета, какъ на одномъ — изображеніе волка, который выскакиваетъ изъ дому и хватаетъ бѣгущаго передъ нимъ зайца.

Безъ сомнѣнія, не всѣ могли имѣть подобныя ожерелья и носить столь дорогія цѣпи; поэтому дѣлали ихъ изъ болѣе дешевыхъ матеріяловъ, какъ-то: изъ бусъ, изъ поддѣльныхъ камней, изъ подкрашеннаго стекла. Формы ожерельевъ были чрезвычайно разнообразны. Вся изобрѣтательность мастеровъ истощалась надъ выдумкою самыхъ затѣйливыхъ, разнообразныхъ и самыхъ изящныхъ формъ для нихъ.

Древнія Римлянки носили серьги (inaures). Во всеобщемъ употребленіи было носить въ ушахъ вмѣсто настоящихъ серегъ по жемчужинѣ. Такого рода серьги назывались *stalagmia*, *stalagmium*, и употреблялись у Римлянъ съ давнихъ временъ. Уже у Плавта встрѣчаются онѣ. У него въ одной комедіи горничная (ancilla) проситъ подарить ей подобныя серьги [145]). О нихъ же упоминается у Плавтова современника, комика Цецилія (etiam ex aure eius stalagmium domi habeo). Не знаемъ только, дѣлались ли онѣ и въ древнія времена изъ крупнаго жемчугу. Въ послѣдствіи жемчугъ, употреблявшійся на эти серьги, вдѣлывался въ золото. Судя по названію (στάλαγμα, капля), эти серьги были совершенно круглы. Само

---

[140]) Suet. Galb. 18. [141]) Tertul. de cult. mul. 11. [142]) Plin. X, 33, 12. [143]) Ovid. Fast. II, 309 [144]) Juv. VI, 122. [145]) Plaut. Men. III, 3, 14.

собою разумѣется, были серьги и другаго рода. Такъ вмѣсто одной жемчужины привѣшивали по двѣ и по три къ каждому уху [146]); иногда вставляли между ними драгоцѣнные камни [147]). Серьги съ подвѣсками, производившими звукъ, назывались crotalia. Люди небогатые, конечно, не могли употреблять для подвѣсокъ дорогихъ перловъ, оправленныхъ въ золото, и потому, увлекаясь всеобщею модою, избирали для того металлическіе шарики, либо камышки. Богатыя Римлянки издерживали на серьги огромныя суммы, разорялись на нихъ. Вѣроятно, не разъ приходилось бѣднымъ мужьямъ, владыкамъ всего міра, стонать подъ игомъ женской расточительности. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить изъ словъ философа Сенеки: «Вижу, говоритъ онъ, не по одной жемчужинѣ «носятъ наши жены въ каждомъ ухѣ: уши ихъ пріучены уже къ «перенесенію бремени, онѣ соединяютъ теперь по двѣ жемчу«жины и сверхъ ихъ кладутъ еще жемчужины. Женскому без«умію, если не повѣсить въ каждое ухо по два и по три наслѣд«ства, недостаточною кажется покорность мужей» [148]).

Древнія Римлянки носили на рукахъ браслеты (armillae) обыкновенно золотые, отличной работы, имѣвшіе разнообразный видъ, напр. кольца, змѣи [149]), цвѣтовъ и пр.; иногда браслеты украшались богатыми каменьями и пр.

Наконецъ Римлянки носили перстни и кольца (annuli). Сначала перстни употреблялись не для украшенія, но вмѣсто нашихъ печатей, чтобы запечатывать шкатулки, ящики и пр. Перстень составлялъ непремѣнную принадлежность хозяйки, у которой было на рукахъ все хозяйство, и которая поэтому часто имѣла нужду въ перстнѣ для прикладыванія печатей, замѣнявшихъ нерѣдко наши замки и ключи, съ которыми Римляне не были знакомы въ такой степени, какъ мы. Въ Пандектахъ читаемъ, что умирающій отецъ передаетъ старшей дочери кольцо—custodiae causa, какъ знакъ ея власти надъ домомъ и хозяйствомъ [150]). Это первоначальное назначеніе перстней и колецъ въ послѣдствіи было забыто,—и женщины всякаго званія и состоянія стали носить ихъ просто для украшенія [151]). Кольца и перстни такъ понравились Римлянкамъ, что онѣ стали носить ихъ не на одномъ уже пальцѣ, но на всѣхъ, исключая средняго на обѣихъ рукахъ. На этомъ не остановились; пошли еще далѣе,—и стали носить по нѣскольку колецъ на каждомъ паль-

---

[146]) Plin. IX, 56. [147]) Dig. XXXIV, 2, 32, 8. [148]) Senec. benef. VII, 9, 4. [149]) Hesych. S. v. [150]) Pandect. titul. de legatis. [151]) Plaut. Casin. III, 5, 6. Terent. Hec. IV, 1, 59. V, 3. 3 sqq.

цѣ. Въ подтвержденіе нашихъ словъ можно привести мѣсто Лукіана изъ его разсказа «Сонъ или пѣтухъ», гдѣ между прочимъ Микиллъ разсказываетъ пѣтуху, какъ онъ во снѣ сдѣлался наслѣдникомъ Эвкрата и, получивши всѣ его богатства, сталъ выѣзжать на парѣ бѣлыхъ, развалившись въ экипажѣ, въ зависть и удивленіе всѣмъ встрѣчнымъ; многіе, говоритъ онъ, бѣжали впереди меня, многіе галопировали подлѣ, а еще больше сопровождало меня. Я же, одѣтый въ одежду Эвкрата, имѣя на пальцахъ до шестнадцети тяжелыхъ колецъ, приказывалъ приготовить богатый пиръ для угощенія друзей [152]). У Марціала читаемъ слѣдующее: «Харилъ носитъ по шести колецъ на каждомъ пальцѣ; не сбрасываетъ ихъ ни ночью, ни когда умывается. Хотите знать, что̀ за причина? Дактиліотеки не имѣетъ» [153]). Были даже кольца лѣтнія и зимнія: лѣтнія легкія, а зимнія тяжелыя. Это-то разумѣется у Ювенала подъ aurum aestivum и подъ maioris gemmae pondera [154]). У Марціала то же надобно разумѣть подъ levis annulus въ одной эпиграммѣ [155]), гдѣ говорится: «Что это за Криспулъ, который постоянно жмется (adhaeret) около твоей жены? Что это за франтикъ *), который нашептываетъ (garrit) что-то въ нѣжныя уши твоей барыни (domina) и правымъ локтемъ опирается на ея кресло, у котораго на всѣхъ пальцахъ блестятъ лѣтнія кольца, а на ногахъ ни одного волоска? Молчишь?» и т. д.—Правда, въ приведенныхъ нами мѣстахъ говорится только о мущинахъ, а не о женщинахъ: но отсюда, по нашему, ничуть нельзя предполагать, что Римлянки не слѣдовали модѣ. Напротивъ, мы думаемъ, что именно нападенія и сатирическія выходки римскихъ писателей на подобную изнѣженность мущинъ и доказываютъ, что эта нравственная болѣзнь была такъ обща Римскому народу того времени, что замѣчали ее только въ мужскомъ полѣ, а для женскаго она сдѣлалась уже привычкою, обыкновеніемъ, ни сколько не бросавшимся въ глаза. — Въ кольцахъ и перстняхъ обращали вниманіе не только на матеріялъ, изъ котораго они были сдѣланы, но и на отдѣлку, на работу, которую высоко цѣнили, на мастеровъ, имена которыхъ пріобрѣтали нерѣдко огромную извѣстность, на прежнихъ владѣльцевъ, имена которыхъ переходили вмѣстѣ съ кольцами. Подобною сла-

---

[152]) Lucian. Som. 12. [153]) Mart. XI, 59. [154]) Juv. Sat. I, 28. 29. [155]) Mart. V, 61.

*) У Марціала тутъ непереводимая игра словъ: Crispulus собственное имя и crispulus прилагательное уменьшительное отъ crispus, кудрявый, курчавый.

вою, какъ знаемъ изъ Ювенала, пользовался перстень Вереники, дочери іудейскаго царя Агриппы Старшаго [156]). Кольцамъ и перстнямъ давали различную искусственную форму: дѣлали ихъ въ видѣ змѣекъ, свернувшихся нѣсколько разъ, въ видѣ кружковъ съ разными украшеніями снаружи и пр. Въ перстни вставлялись драгоцѣнные камни, на которыхъ вырѣзывались разнаго рода изображенія, напр. богинь и пр. Любимымъ изображеніемъ у римскихъ дамъ былъ богъ любви—Амуръ. Иногда вырѣзывались какія-нибудь слова, имѣвшія счастливое предзнаменованіе (omen). Были женскіе перстни съ амулетами. Въ древности всѣ почти вѣрили въ силу и могущество враждебныхъ духовъ, которыхъ можетъ раздражить необдуманное слово, косой взглядъ, недобрый глазъ. Но зато были и средства, ослаблявшія и даже уничтожавшія дѣйствія демоническихъ силъ. Подобныхъ средствъ у Римлянъ было многое множество, какъ видно изъ словъ Плинія [157]). Въ числѣ ихъ были и перстни съ разными таинственными знаками, словами, изображеніями, которымъ приписывали чудную силу спасать отъ дурнаго глаза, отъ колдованій и наговора, даже отъ злыхъ духовъ. Такъ напр. у Лукіана Эвкратъ признается, что встрѣчался съ духами тысячу разъ, что сначала боялся ихъ, а потомъ, привыкши, пересталъ бояться, особенно же съ тѣхъ поръ, какъ Арабъ подарилъ ему перстень, сдѣланный изъ желѣза, взятаго съ висѣлицы [158]). Особенно часто изображалась на подобнаго рода перстняхъ голова Сераписа. Для храненія колецъ и перстней Римляне имѣли особыя шкатулки, которыя назывались дактиліоѳеками (dactyliotheca), гдѣ они лежали по порядку [159]). По всей вѣроятности, эти ящики дѣлались изъ различнаго матеріяла. До насъ дошла одна подобная шкатулка изъ бронзы.

Римлянки употребляли еще родъ покрывала—вуаль; называли ее rica, ricinium, flammeum; подобно нашимъ дамамъ, Римлянки отбрасывали ее иногда назадъ. Этимъ Варронъ старается объяснить отчасти и самое названіе—ab rejiciendo, quod dimidiam partem retrorsum jaciebant [160]). Изъ словъ древнихъ писателей видно, что уже древнія Римлянки вполнѣ понимали искусство употреблять вуаль не только для прикрытія лица, для защищенія его отъ солнца, отъ нескромныхъ взглядовъ, но и для раздраженія любопытства, для приданія таинственности женскимъ прелестямъ. Такъ у Тацита читаемъ: «Поппея, прекрасная супруга Нерона, рѣдко выходила

---

[156]) Juven. VI, 156 sqq. [157]) Plin. N. H. XXVIII, 5. [158]) Luc. Philops. 17. [159]) Mart. XIV, 123. Ulp. Digést. XXXII, 1, 52, 1 [160]) Varr. L. L. V, 132.

«изъ дома, и то прикрывши часть лица, чтобы раздражить любо-«пытство, или соблюсти приличіе,—rarus in publicum egressus id-«que velata parte oris, ne satiaret aspctum, vel quia sic de-cebat [161])».

Древнимъ Римлянкамъ, какъ и Гречанкамъ, извѣстно было употребленіе вѣеровъ и зонтиковъ. Вѣеръ (flabella) употреблялся у нихъ для той же цѣли, что̀ и у насъ. Римлянки прогоняли имъ докучливыхъ насѣкомыхъ, этихъ непрошенныхъ и безстыдныхъ гостей, столько же терзавшихъ и древнихъ Римлянъ, какъ и насъ, и навѣвали прохладу и сладкую дремоту въ жаркіе лѣтніе дни, особенно пока Римляне не познакомились съ обычаемъ закрывать постели занавѣсами и пологами. Вѣеры, исключительно употреблявшіеся для первой цѣли, назывались еще muscaria, muscarium [162]). Дѣлались вѣеры преимущественно изъ павлиньихъ перьевъ и изъ другихъ легкихъ предметовъ, напр. изъ тонкихъ деревянныхъ пластинокъ, искусно и ловко приготовленныхъ; а иногда употреблялись для того просто воловьи хвосты, bubulae [163]), часто же древесные листья, искусно придѣланные къ ручкѣ, какъ можно встрѣтить на памятникахъ древняго искусства. Собственно говоря, послѣдніе два рода вѣеровъ были самые древніе. Съ вѣерами изъ павлиньихъ хвостовъ познакомились древніе позднѣе, потому что и павлины стали извѣстны въ Греціи только въ пятомъ столѣтіи до Р. Хр. Въ послѣдствіи павлиньи вѣера вошли въ такое употребленіе, что сдѣлались необходимою потребностію и непремѣнною принадлежностію женскаго туалета. Любезники древняго міра часто прислуживали своимъ дамамъ, навѣвая на нихъ прохладу подобными вѣерами, и Овидій въ своемъ «Искусствѣ любить» считаетъ это однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ открыть дорогу къ сердцу и любви своихъ современницъ [164]). Собственно же обязанность прохлаждать Римлянокъ лежала на прекрасныхъ мальчикахъ, которые у позднѣйшихъ латинскихъ писателей называются flabrarii,—и на невольницахъ, которыя, освобождая своихъ госпожъ отъ труда дѣлать какое-либо движеніе, навѣвали на нихъ прохладу, не только, когда онѣ сидѣли дома, окруженныя роемъ поклонниковъ, или занятыя работою, или среди нѣги и римскаго комфорта предаваясь сладкой дремотѣ, но и когда выходили изъ дому. Невольницы и тутъ не оставались безъ дѣла: онѣ сопровождали своихъ барынь съ вѣерами. Эти невольницы назывались

---

[161]) Tac. Ann. XIII, 45. [162]) Mart. XIV, 71. [163]) Aelian. XV, 14. [164]) Ovid. A A. I, 161.

flabelliferae [165]). У Римлянъ были даже особыя коробочки, или ящички безъ крышки, если судить по дошедшимъ до насъ изображеніямъ, гдѣ хранились вѣеры, пока оставались безъ употребленія. Въ такихъ-то ящикахъ несли ихъ невольницы за своею барынею во время ея прогулокъ, или вообще во время ея выходовъ, выѣздовъ изъ дому, пока не наставала потребность въ нихъ. Вѣера дѣлались различной формы; складывались ли они, или нѣтъ, не знаемъ. Ручки у нихъ были довольно длинныя, чего требовало самое употребленіе ихъ, длина, разумѣется, была различнаго роду.

Зонтики (umbellae) тоже были употребительны у Римлянъ [166]); имѣли различную форму; дѣлались изъ различнаго матеріяла, иногда довольно дорогаго; подобно нашимъ, складывались и раскладывались; подобно вѣерамъ, носили ихъ за своими госпожами особыя для того назначенныя невольницы.

Древнія Римлянки, подобно женщинамъ нашего времени, питали не рѣдко привязанность къ животнымъ, находили въ нихъ себѣ утѣху (deliciae), радость и удовольствіе, а древніе поэты, въ угожденіе дамамъ древняго міра, воспѣвали любимые ими предметы. Такъ извѣстный римскій элегикъ Катуллъ обезсмертилъ въ двухъ стихотвореніяхъ воробья любезной своего сердца. Приводимъ одно изъ нихъ [167]): «Плачьте, Венеры, Купидоны и всѣ красавцы: воро-
«бей моей милой умеръ, воробей—утѣха моей милой, котораго она
«любила больше своихъ глазъ. Онъ былъ сладкопѣвичь (mellitus),
«зналъ свою Лесбію такъ хорошо, какъ она свою мать: никогда не
«улеталъ отъ ея груди, но, прыгая туда и сюда, онъ чирикалъ
«только для своей хозяйки. Теперь онъ идетъ мрачнымъ путемъ
«туда, откуда, говорятъ, никто не возвращается. Дапостигнетъ тебя
«несчастіе, злой мракъ Орка, пожирающій все прекрасное! Ты от-
«нялъ у меня этого милаго воробья. О несчастье! о бѣдненькій во-
«робей, по твоей милости краснѣютъ теперь напухшіе отъ слезъ
«глазки моей милой!» — И другія птицы удостоивались чести быть любимцами римскихъ дамъ, какъ-то: совы, соловьи, сороки, вороны, попугаи. Нѣкоторыя изъ птицъ, напр. попугаи, сороки, выучивались говорить, или, правильнѣе, произносить нѣкоторыя слова, такъ что, по словамъ Апулея, если выучивали ихъ ругательствамъ

---

[165]) Plaut. Trinum. II, 21. [166]) Mart. XV, 22. Juv. XI, 50. [167]) Catul. I, 3.

(convicia), то онѣ день и ночь произносили ихъ, повторяя одно и то же, и по окончаніи снова возвращаясь къ тому же напѣву [168]). Люди богатые держали говорящихъ птицъ въ дорогихъ клѣткахъ, разукрашенныхъ золотомъ, серебромъ и слоновою костью [169]), Кромѣ птицъ римскія дамы держали у себя собачекъ, которыхъ ласкали, лелѣяли, кормили и раскармливали такъ, что онѣ дѣлались indecenter pingues [170]). Любимыя собаки были предметомъ нѣжнаго почитанія не только дамъ, но и дамскихъ любезниковъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить изъ слѣдующаго любопытнаго мѣста у комика Плавта [171]), гдѣ Клеэрета, принадлежавшая къ многочисленному въ древности классу lenarum, обращаясь къ Аргириппу, говоритъ: «Развѣ ты не знаешь, что любовникъ для «насъ то же, что̀ рыба: не годится, если не свѣжъ. Такой только «имѣетъ и сокъ, и пріятность; какъ хочешь подавай его, сжарен«нымъ, или на блюдѣ: ворочай его, какъ хочешь. Такой только «охотно даритъ, требуетъ даже, чтобы у него просили; онъ пол«ными горстями сыплетъ, не считая, что̀ даетъ, сколько тратитъ: «объ одномъ только заботится, чтобы угодить своей милой (amicae), «угодить мнѣ, угодить моей горничной (pedissequae), угодить «слугамъ и служанкамъ; даже собачкѣ моей старается льстить но«вый любовникъ, чтобы она, завидѣвъ его, радовалась ему.»—Кромѣ собачекъ римскія дамы любили обезьянъ, даже драконы попадали въ число любимцевъ [172]), и пр.

Римлянки, какъ и наши барыни, держали въ домѣ особую прислугу, которая исключительно принадлежала женскому отдѣленію, и состояла у него въ распоряженіи. Такой прислуги было у Римлянъ два рода: a) собственно женины рабы, данные ей въ приданое отцомъ при выходѣ замужъ и составлявшіе ея собственность; они назывались recepticii [173]), или же dotales [174]) и, вѣроятно, составляли самыхъ довѣренныхъ рабовъ, на которыхъ замужняя Римлянка могла вполнѣ положиться, какъ на испытанной вѣрности прислугу, что̀ и доказывается разсказомъ Апулея, гдѣ одна женщина поручаетъ подобному рабу умертвить своего пасынка за то, что онъ не хотѣлъ удовлетворить преступныхъ ея желаній [175]); и b) осталь-

---

[168]) Apul. Florid. XII, 43. [169]) Stat. Silv. II, 4, 11. [170]) Petron. 64. [171]) Plaut. Asinar. I, 3, 25 sqq. [172]) Senec. de ira II, 31, 5. [173]) Gell. XVII, 6. [174]) Plaut. As. I, 1, 70. Apul. Met. X, 4, 686. [175]) Apul. ibid.

ная женская прислуга, не составлявшая законной собственности жены и хозяйки дома, но состоявшая только въ ея распоряженіи.— Женская прислуга въ послѣднія времена республики и при императорахъ составляла многочисленную толпу невольницъ, изъ которыхъ каждая имѣла свое особое занятіе, свою опредѣленную должность при одѣваніи и раздѣваніи своей барыни, при домашнихъ занятіяхъ и семейныхъ дѣлахъ. Можно сказать, не боясь упрека въ пристрастіи, что каждая вещь изъ дамскаго туалета, каждая часть тѣла, которую нужно было убирать, украшать, наряжать, имѣла свою особую невольницу, исполнявшую исключительно только одну свою обязанность. Были особыя невольницы, которыя завѣдывали безконечными подробностями туалета — прическою, крашеніемъ волосъ, духами и помадами, и которыя назывались ciniflones; были постигавшія вполнѣ искусство придавать лицу блескъ свѣжести и юности, подкрашивать брови, вставлять зубы и хранить ихъ въ цѣлости, такъ что Марціалъ по всей справедливости могъ сказать [176]): «и волоса у тебя не твои, и зубы свои пря-«чешь ты на ночь, вмѣстѣ съ шелковыми одеждами, и лежишь ты «сокрытая въ сотни баночекъ, и не твое лицо спитъ съ тобою» и пр.; были невольницы, владѣвшія искусствомъ наряжать свою барыню (ornatrices) и оказывать ей каждую минуту тысячу мелкихъ услугъ; были особыя невольницы, которыхъ обязанность состояла въ томъ только, чтобы навѣвать прохладу вѣеромъ (flabelliferae), носить зонтикъ (umbelliferae), обувь (sandaligerulae) и провожать свою барыню (pedissequae, anteambulatrices); были невольницы, постояно работавшія на свою барыню, пряхи (quasillariae), ткачихи (textrices), швеи (sarcinatrices), смотрѣвшія за цѣлостію и сохранностію одеждъ (vestiplices); были невольницы, занимавшіяся письмоводствомъ своей барыни, писавшія ей счеты прихода и расхода и пр. [177]). Не говоримъ уже о кормилицахъ (nutrices), нянькахъ, повивальныхъ бабкахъ (obstetrices), сидѣлкахъ и пр. Извѣстно, что одна римская барыни изъ періода императоровъ имѣла у себя для ежедневной прислуги около двухъ сотъ вольноотпущеницъ и невольницъ. Для лучшаго порядка и исполненія своихъ обязанностей всѣ онѣ дѣлились на отдѣленія, состоявшія подъ начальствомъ старшей невольницы.

Кромѣ женской прислуги употреблялась и мужская для женскаго пола. Такъ упоминается въ надписяхъ невольникъ, смотрѣвшій за собачкою Ливіи [178]). Къ этому надобно присоединить невольниковъ,

---

[176]) Mart. X, 37. [177]) Juv. VI, 482. [178]) Grut. p. 578. I.n. 5.

составлявшихъ нѣкоторымъ образомъ свиту римскихъ дамъ, сопровождавшую ихъ, когда онѣ являлись въ публику, и когда хотѣли выказать великолѣпіе своего дома. Свиту Римлянки въ такомъ случаѣ составляли отборные изъ невольниковъ, имѣвшіе разныя обязанности и назначенія, какъ-то: слуги, шедшіе впереди и позади барыни, замѣнявшіе нашихъ лакеевъ (cursores) [179]), слуги, которыхъ употребляли на посылки и по разнымъ порученіямъ (salutigeruli, pueri internuntii), и наконецъ собственная свита или пажи, извѣстные въ послѣдствіи подъ общимъ именемъ pueri paedagogiani, потому что они состояли подъ надзоромъ стараго и опытнаго слуги, называвшагося paedagogus puerorum. Эти слуги, образовавшіе въ послѣдствіи особыя отдѣленія домашней прислуги, составляли собственно придворную свиту (paedagogia aulica) римскихъ императоровъ, въ подражаніе которымъ заводили у себя подобныхъ пажей богатые Римляне и Римлянки. Этимъ мы не хотимъ сказать, что такого рода слуги возникли только при императорахъ: напротивъ мы думаемъ, что начало обыкновенія надобно искать въ послѣднія времена республики, когда роскошь и расточительность достигли крайнихъ степеней. Такъ напр. у извѣстнаго Милона во времена его путешествія изъ Рима въ Лавиніумъ свита состояла изъ молодыхъ и прекрасно одѣтыхъ рабовъ и рабынь. Цицеронъ [180]) говоритъ, что Милонъ ѣхалъ съ женою въ экипажѣ muliebri ac delicato ancillarum puerorumque comitatu. Такого же рода pueri составляли свиту римскихъ повелителей и ихъ женъ отъ Юлія Цезаря до Нерона; только не назывались pueri paedagogiani. Уже при Неронѣ paedagogia сдѣлались общимъ именемъ [181]), но особенно при Траянѣ и Адріанѣ [182]). Сюда выбирались молодые люди съ прекрасными лицами, свѣжесть и красоту которыхъ, равно какъ и нѣжность кожи, старались сохранить надолго: и потому, чтобы холодъ, или жаръ не имѣлъ на нихъ дурнаго вліянія, прибѣгали къ искусственнымъ средствамъ, къ натираньямъ и пр. [183]); одѣвали ихъ въ великолѣпную одежду, въ золото и серебро [184]), завивали имъ волосы—calamistrati, cincinnatuli. Употреблялись эти pueri для разнаго рода услугъ, часто для безнравственныхъ цѣлей; преимущественно же для того, чтобы выказывать блескъ, изящный вкусъ и поддержать

---

[179]) Senec. ep. 37, 8. [180]) Cic. pr. Mil. X, 28. [181]) Suet. Ner. 28. [182]) Spartian. Hadr. 2. Mart. III, 56, 30. Ulpian. Dip I, 12, 32. Plin. N. H. XXXIII, 3, 12. 54. [183]) Senec ep. CXXIII 7. [184]) Senec. de tranquil. I, 5. Ammian. Marcell. XXVI, 6.

великолѣпную обстановку дома.—Мы забыли упомянуть о разнообразномъ названіи кучеровъ, получавшихъ имя отъ экипажей, на которыхъ ѣздили Римляне. Тутъ были и rhedarii, и carrucarii, и basternarii и пр. Наконецъ, сюда можно отнести и носильщиковъ (lecticarii), употреблявшихся подъ римскій паланкинъ (lectica), имѣвшихъ свою ливрею, набиравшихся для этого изъ людей здоровыхъ, рослыхъ, видныхъ, преимущественно изъ покоренныхъ народовъ, какъ-то: Каппадокійцевъ и Сирійцевъ [185]), Мидянъ [186]), Германцевъ и пр. [187]) Иногда цѣлыя толпы рабовъ и рабынь сопровождали выѣздъ, или, правильнѣе, выносъ Римлянки изъ дому въ лектикѣ.

Къ обстановкѣ богатаго дома римской барыни принадлежали также дурачки и дуры (moriones, fatui, fatuae), карлики и карлицы (pumiliones, nani, nanae), которыми особенно любовались римскія дамы и, если вѣрить Марціалу [188]), любили цѣловать ихъ. Мода держать при себѣ подобнаго рода забаву перешла къ Римлянамъ отъ александрійскихъ Грековъ, или, точнѣе, съ Востока, еще во времена республиканскія. Подобныя существа тѣмъ были дороже для Римлянина, чѣмъ были глупѣе, безобразнѣе и меньше ростомъ: при покупкѣ ихъ обращали вниманіе на всѣ эти стороны. У Марціала [189]) упоминается одинъ съ остроконечною головою, съ длинными ушами, которыя шевелятся какъ ослиныя. На памятникахъ встрѣчаются они съ огромными, безобразными и лысыми головами, съ большими ушами, съ короткимъ и толстымъ туловищемъ, съ короткими и кривыми ногами (distorti). За нихъ платили дорогія деньги [190]). Карлики и дурачки получались съ Востока самородными, или же приготовлялись въ особаго рода ящикахъ, куда запирали ихъ дѣтьми для того, чтобы лишить роста [191]). Августъ не любилъ карликовъ и выродковъ, считалъ ихъ поруганіемъ природы и зловѣщими—ludibria naturae, mali ominis [192]): но это не помѣшало его внучкѣ Юліи держать у себя карла Конопса, ростомъ двухъ съ половиною футовъ, женатаго на карлицѣ Андромедѣ, принадлежавшей Августовой женѣ и отпущенной на волю [193]). Римляне не только любили смотрѣть на нихъ, но даже сводили ихъ на драку; учреждали изъ нихъ игры. Такъ напр. сдѣлалъ Домиціанъ, который вывелъ ихъ передъ публикою въ театрѣ въ состязаніи

---

[185]) Mart. IX, 23, 9. Juv. VI, 350. [186]) Juv. VII, 132. [187]) Senec. ep. 87, 8. 123, 6. [188]) Mart. XII, 93, 3. [189]) Mart. VI, 39, 15. [190]) Mart. VIII, 13. [191]) Longin. de sublim. [192]) Suet. Aug. 83. [193]) Plin. VII, 16.

съ римскими дамами [194]), выучивши ихъ искусству бить въ кастаньеты и танцовать [195]). Въ такомъ видѣ встрѣчаются они иногда на памятникахъ.

Сюда же можно отнести и домашнихъ философовъ, извѣстныхъ у позднѣйшихъ Римлянъ подъ именемъ Graeculi. Держать при себѣ ученаго Грека было издавна въ обычаѣ у знатныхъ и образованныхъ Римлянъ. Это дѣлали Сципіонъ, у котораго въ домѣ жилъ и съ которымъ путешествовалъ [196]) стоикъ Панеціи, другъ извѣстнаго Лолія [197]); Лукуллъ, у котораго жилъ академикъ Антіохъ [198]); Крассъ, избравшій себѣ перипатетика Александра; Помпей, державшій у себя Ѳеофана, которому сообщалъ всѣ свои намѣренія и планы [199]); Метеллъ Непотъ, имѣвшій ритора Филагра [200]), и дрр. Ученаго Грека держали сначала по необходимости, отчасти для того, чтобы имѣть образованнаго и знающаго человѣка, съ которымъ пріятно побесѣдовать, потолковать, подчасъ поспорить, отчасти для воспитанія дѣтей. Такъ извѣстно, что Аполлодоръ, Ѳеогнесъ и Арій были наставниками, а потомъ и друзьями Октавія [201]). Сначала это не было общимъ обычаемъ, народною потребностію, а исключеніемъ, частнымъ явленіемъ, потребностію нѣкоторыхъ только образованныхъ людей. Но объ руку съ этимъ прекраснымъ обычаемъ стало возникать въ послѣднія времена республики обыкновеніе держать у себя Грековъ не для образованной цѣли, не для науки и наставленія дѣтей, а просто изъ того же побужденія, изъза котораго многіе въ наше время собираютъ книги, устанавливаютъ ихъ въ прекрасные шкафы, никогда не разрѣзывая ихъ и не читая,—просто изъ тщеславія, изъ суетнаго хвастовства, или еще изъ худшихъ побужденіи. Такъ извѣстный Пизонъ, консулъ 58 года, и другъ его П. Клодій рѣдко даже путешествовали безъ Грековъ [202]), собирали ихъ у себя и кормили изъ одного пустаго тщеславія и изъ желанія имѣть побольше льстецовъ. Извѣстно также, что Долабелла приблизилъ къ себѣ грамматика Никія Курція (Nicias Curtius), не потому, что онъ былъ искусный грамматикъ, а потому, что онъ отлично понималъ поваренное дѣло [203]). Еще прежде употреблялъ его же Меммій на передачу женѣ Помпея

---

[194]) Dio Cass. LXVII, 8. Stat. Silv. I, 6, 57, sqq. [195]) Prop. IV, 8, 41. [196]) Cic. Academ. II, 2, 5. [197]) Cic. pr. Mur. 31, 66. Tusc. I, 33, 81. Fin. IV, 93, [198]) Acad. II, 2. 4. 10. 19. 61. [199]) Cic. Att. II, 5, 1. Ep. 12, 2. 17, 3. [200]) Cic. Fin. V, 3, 8. [201]) App. III, 21, Quint. III, 1, 17. Suet. Oct. 94, fin. [202]) Cic. pr. Mil. X, 28. XXI, 55. [203]) Cic. Att. XII, 26, 1.

обольстительныхъ писемъ; Помпей, извѣщенный объ этомъ своею женой, отказалъ грамматику отъ своего дома [204]). Примѣровъ можно бы набрать гораздо болѣе, но, по нашему мнѣнію, довольно и приведеннаго. Отъ времени и отъ усвоенія позднѣйшими Греками ловкости и умѣнья втираться въ дома, обыкновеніе держать при себѣ ученаго Грека перешло въ моду, равно какъ сдѣлалось модным говорить по-гречески. Особенно этимъ страдали Римлянки императорскаго періода, которыя, по словамъ Ювенала, и боятся по-гречески, которыя гнѣвъ, радость, заботы, всѣ душевныя тайны выражаютъ по-гречески, даже развратничаютъ по-гречески [205]). Разумѣется, при всеобщности обычая, перестали обращать вниманіе на нравственныя достоинства принимаемаго въ домѣ Грека; не спрашивали объ его головѣ и качествахъ, а хотѣли знать только, Грекъ ли? Слѣдствіемъ такихъ требованій на Грековъ было вопервыхъ принимание ихъ въ дома безъ всякаго разбора, и потомъ совершенное униженіе ихъ въ нравственномъ отношеніи, такъ что на домашнихъ философовъ стали смотрѣть не лучше, какъ на жалкихъ паразитовъ. Правду сказать, не мало способствовали и сами Греки собственному униженію въ глазахъ Римлянъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно замѣчательны слова Ювенала [206]), который называетъ Римъ греческимъ городомъ, куда стремятся Греки со всѣхъ сторонъ, «изъ городовъ и острововъ, оста-«вляя свою родину, будущіе любимцы (viscera) и господа знат-«ныхъ домовъ: характеръ у нихъ изворотливый (velox), смѣ-«лость отчаянная, рѣчь гибкая (promptus) и быстрѣе Изе-«евой. Чѣмъ хочешь, Грекъ можетъ быть: онъ грамматикъ, «риторъ, геометръ, живописецъ, гадатель, канатный плясунъ, «лѣкарь, магъ; онъ все знаетъ. Прикажи, голодный Гречишка «(Graeculus) полѣзетъ на небо. Льстить они отличные ма-«стера: Грекъ хвалитъ рѣчь неуча, лицо безобразнаго; длин-«ную шею безсильнаго сравниваетъ съ шеею Геркулеса; вос-«хищается слабымъ голосомъ, лучше котораго голосъ у пѣтуха. «Пожалуй, и мы, Римляне, можемъ хвалить также; но вѣрятъ только «имъ. Отличные актеры, особенно для женскихъ ролей. Кажется, «будто говоритъ женщина, а не маска; кажется, у нихъ все жен-«ское. Всѣ они актеры. Засмѣетесь — онъ заливается громкимъ «смѣхомъ; увидитъ слезы друга—онъ самъ плачетъ, хотя и не чув-«ствуетъ горести; скажешь зимою: холодновато, онъ кутается въ «теплое платье; скажешь: жарко, онъ потѣетъ. Нѣтъ, намъ не сра-

---

[204]) Suet. Gramm. 14. [205]) Juv. VI, 189 sqq. [206]) Juv. III, 60 sqq.

«вняться съ ними. Грекъ всегда, всякій день и ночь, умѣетъ пре-
«восходно мѣнять свое лицо; онъ готовъ посылать поцѣлуи, го-
«товъ хвалить все и вездѣ. Святаго и неприкосновеннаго въ нихъ
«и не спрашивай; для нихъ честь дома, семьи, фамиліи, ничего не
«значитъ. Нѣтъ мѣста Римлянину тамъ, гдѣ царствуетъ какой-
«нибудь Протогенъ, или Дефилъ или Гермархъ.»

Въ заключеніе статьи обратимъ вниманіе еще на одну сторону жизни древнихъ Римлянокъ, именно: пѣшкомъ ли ходили онѣ, или выѣзжали? Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы скажемъ, что въ древнія времена всякая ѣзда въ экипажахъ по городу запрещалась и дамамъ и мущинамъ. Отсюда исключались высшіе сановники и тріумфаторы, которымъ позволялось ѣздить въ экипажахъ по городу [207]). Запрещеніе не падало также и на жрецовъ, но выѣздъ ихъ ограничивался только одними праздниками и торжественными случаями [208]). Подобнымъ же правомъ, т. е. правомъ ѣздить въ экипажахъ, въ праздникъ, на игры, на священныя церемоніи и обряды (sacra), пользовались и римскія женщины. Это право дано имъ въ награду за пожертвованіе своимъ золотомъ и украшеніями, сдѣланное ими въ пользу государства во времена Камилла [209]). Но во времена пуническихъ войнъ, онѣ, кажется, потеряли его, потому что Оппіевъ законъ ясно говоритъ, чтобы женщины не ѣздили по городу и даже на тысячу шаговъ отъ города въ экипажахъ, исключая только на общественные обряды (publica sacra [210]). Запрещали ѣзду въ экипажахъ и позднѣйшіе императоры, какъ-то: Клавдій [211]) и другіе [212]). Еще при Авреліанѣ смотрѣли на ѣзду не добрымъ окомъ—invidiosum erat vehiculis in civitate uti [213]). Разумѣется, на эти запрещенія мало обращали вниманія, особенно въ позднѣйшія времена [214]), когда желаніе и стремленіе перещеголять другъ друга роскошью и богатствомъ доходило до безумія.—Въ городѣ римскими дамами чаще употреблялись носилки (lectica)—восточные паланкины, чѣмъ экипажи въ собственномъ смыслѣ. Съ носилками познакомились Римляне, по всей вѣроятности, не раньше побѣды надъ Антіохомъ, когда насталъ рѣшительный переломъ въ жизни Римскаго народа, сблизившагося съ азіятскою роскошью, нѣгою и удобствами въ жизни. Въ первый разъ упоминается лектика въ Гракховомъ отрывкѣ у Геллія [215]). Во времена Цицерона она была

[207]) Liv. XLV, 1. 26. Tac. Ann. I, 15. Juv. X, 16. [208]) Plin. Pan. 92. [209]) Liv. V, 25. 8 — 9. [210]) Liv. XXXIV, 1. [211]) Suet. Claud. 25. [212]) Cap. Aut. Phil. 23. [213]) Vopisc. Aurel. 5. [214]) Juv. III, 237. Senec. ep. 56, 4. [215]) Gell. X, 31.

уже во всеобщемъ употребленіи. Такъ какъ лектика перенята была Римлянами у азіятскихъ народовъ, то она похожа была во всемъ на ихъ паланкины и, вѣроятно, имѣла такую же форму и такія же принадлежности, какъ и паланкины. Римскіе паланкины дѣлались закрытыми (opertae lecticae). Дѣлались ли они когда совершенно открытыми, не знаемъ: кажется, нѣтъ; потому что это не было и нужно. Лектика вообще такъ устраивалась, что можно было открывать ее. Лектика снабжалась крышкою и занавѣсами, какъ и восточные паланкины; занавѣсы можно было отодвигать и дѣлать лектику открытою (aperta [216]). Эти занавѣсы носили у Римлянъ разныя названія, какъ-то: vela, plagae, plagulae. Римляне ввели въ лектику своего рода усовершенствованія и удобства. Такъ какъ лектика дѣлалась совершенно закрытою, то для свѣта вставляли въ занавѣски куски lapidis specularis; проходившій свѣтъ позволялъ бывшимъ въ лектикѣ читать, писать и вообще заниматься дѣломъ, не раздвигая занавѣсовъ [217]). Лектика, въ своемъ основаніи, была кровать, или диванъ, на которомъ клали матрацъ (torus) и головную подушку (pulvinar), такъ что въ лектикѣ не только можно было сидѣть но и лежать, или оставаться въ полулежачемъ состояніи, опираясь на одну руку. Разумѣется, лектика позднѣйшихъ временъ дѣлалась со всѣми утонченностями, изобрѣтенными роскошью; такъ напр. тюфякъ набивали пухомъ и перьями [218]), а у Цицерона упоминается [219]) pulvinus perlucidus, rosa fartus; дѣлали ее изъ дорогаго дерева, украшали серебромъ, золотомъ и слоновою костью, снабжали дорогими занавѣсками. Лектику несли на рукахъ нарочно опредѣленные для того люди, которые, какъ выше сказано, назывались lecticarii. Число ихъ опредѣлялось величиною лектики, такъ что назначалось для этого шесть, восемь человѣкъ—hexaphoros, octophoros lectica [220]). Для этого естественно избирали здоровыхъ и высокихъ ростомъ людей, исключительно иноземцевъ, какъ-то Сирійцевъ, Германцевъ, Кельтовъ, а въ позднѣйшія времена преимущественно Каппадокійцевъ, которые, при своей глупости и злости, имѣли много тѣлесныхъ достоинствъ [221]). Носильщиковъ одѣвали въ особую ливрею — красную во времена Марціала [222]).

Экипажей для ѣзды у Римлянъ было два рода: одни на двухъ колесахъ, другіе на четырехъ. Нѣкоторые изъ нихъ употреблялись преимущественно женщинами, какъ: pilentum [223]) и petorritum, съ тою разницею, что въ petorritum ѣздила прислуга, а въ pilentum — свободно-рожденныя женщины, или, по словамъ одного схоліаста: pilenta vehicula matronarum, petorrita famularum [224]). Разумѣется, и въ другихъ экипажахъ женщины могли ѣздить, и дѣйствительно ѣздили. Экипажи украшались роскошно и великолѣпно разными металлами, слоновою костью, богатыми занавѣсами и пр.

П. Тихоновичъ.

---

[216]) Cic. Phil. II, 24. [217]) Juv. IV, 20 sqq. III, 239, sqq. [218]) Juv. I, 150. [219]) Cic. Verr. V, 11. [220]) Cic. Verr. ibid. [221]) Petron. 63. [222]) Mart. XIII, 129. [223]) Virg. Aen. VI, 666, sqq. Symm. II, 1088.
[224]) Schol. Cruq. къ Hor. ep. II, 1, 192.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

—

СВѢДѢНІЯ О ТРУДАХЪ НОВѢЙШИХЪ УЧЕНЫХЪ ПО ЧАСТИ КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ.

МИѲИЧЕСКАЯ ГРЕЦІЯ И ИТАЛІЯ.

I.

A History of Greece. I. Legendary Greece. By George Grote, Esq. 2d edition. London, John Murray, 1849.

Есть одна непріятная мысль, которая озабочиваетъ насъ, когда мы беремъ перо, чтобы въ «Пропилеяхъ» привѣтствовать обширный, ставшій уже знаменитымъ, ученый трудъ, выходящій теперь въ Англіи подъ заглавіемъ, выписаннымъ выше. Мы хотимъ познакомить читателей съ его первымъ отдѣленіемъ и въ общихъ чертахъ указать на его важность и многостороннія достоинства, и въ насъ является сомнѣніе, не найдется ли между читателями людей, составившихъ себѣ о предметѣ сочиненія Георга Грота понятія, весьма различныя отъ тѣхъ, которыя будутъ лежать въ основаніи нашего отчета. Мы даемъ большую цѣну обширному труду британскаго ученаго и хотимъ благодарить его за избраніе и успѣшную обработку предмета; а можетъ-быть, найдутся иные, которые вовсе не захотятъ знать, каковъ былъ успѣхъ, ибо полагаютъ, что самое занятіе греческою исторіей безплодно и излишне, которые, стало-быть, съ предубѣжденнымъ неодобреніемъ будутъ слѣдить и за нашимъ изложеніемъ и за нашими отзывами. Конечно, такое же неодобреніе должно быть обращено съ той точки зрѣнія и на наше собственное изданіе, а мы могли видѣть по благосклонному пріему «Пропилеевъ», что у насъ число людей, не одобряющихъ занятія классическою древностью, не слишкомъ велико. Но тѣмъ

не менѣе у насъ лежитъ на сердцѣ объясниться и, можетъ-быть, устранить или по крайней мѣрѣ смягчить сужденія и немногихъ возможныхъ неодобрителей. Особенно желательно было бы намъ измѣнить мнѣніе въ спеціялистахъ, посвятившихъ себя другимъ сферамъ занятій, далекимъ отъ нашей, и судящихъ на основаніи понятій, давно и случайно составленныхъ и вовсе не соотвѣтствующихъ тому состоянію и направленію нашей науки, въ которомъ мы принимаемъ участіе и которому служимъ. Часто случается, что люди почтенные и весьма достойные, но не хотѣвшіе или не могшіе сами слѣдить за движеніемъ какой-нибудь науки, бываютъ нерасположены къ ней только потому, что не имѣютъ вѣрныхъ свѣдѣній о ея состояніи и о духѣ, въ ней господствующемъ.

Въ другой, болѣе обширной литературѣ, чѣмъ русская, можно было бы оставить подобнаго рода мнѣнія незамѣченными и не заботиться исправлять то, что̀ можетъ быть исправлено временемъ; но у насъ, гдѣ всякій дѣятель долженъ такъ дорожить сочувствіемъ, гдѣ сочувствіе къ умственнымъ занятіямъ еще такъ несоразмѣрно съ многочисленностью одноязычнаго народа, у насъ можно иногда сказать нѣсколько словъ и къ меньшинству читателей.

Всякому приходится по временамъ слышать, что заниматься исторіей древняго языческаго человѣчества вовсе излишнее дѣло. Чему, говорятъ, можно научиться у древнихъ, которые въ своемъ образѣ жизни и понятіяхъ такъ далеко разошлись съ нами? Не потеря ли времени изучать то, чѣмъ нельзя воспользоваться, чего нельзя перенять? И не вредно ли даже увлекаться явленіемъ, которое уже оказалось несостоятельнымъ въ движеніи всемірной исторіи? съ любовью слѣдить за успѣхомъ того, въ чемъ такъ много ошибочнаго, что̀ было устранено, какъ ошибочное, самою исторіей человѣчества? съ жаромъ заниматься эпохою, изъ которой, къ счастію, человѣчество вышло? возвышать и ставить на пьедесталъ то, что̀ не заслуживаетъ возвышенія? Не значитъ ли это, самому впадать въ ошибку, отъ которой насъ освободила исторія, возвращаться назадъ за нѣсколько тысячелѣтій и, что еще болѣе, за ту великую грань, которою отдѣляется христіянскій міръ отъ языческаго?— Во всѣхъ этихъ вопросахъ есть своя правда и своя ложь. Кто полагаетъ, что изучающіе древность предпочитаютъ ее современной дѣйствительности и изучаютъ ее, чтобы ею одною питаться, тотъ весьма справедливо осуждаетъ такое направленіе и въ полномъ правѣ ди-

виться ослѣпленію людей, заблуждающихся до такой степени, что не замѣчаютъ поразительной превратности своихъ мыслей и стремленій. Всякій человѣкъ съ какою-нибудь долею смысла согласится съ нимъ безъ оговорокъ и будетъ вмѣстѣ съ нимъ дивиться близорукости людей, имъ порицаемыхъ. Въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, но съ другой стороны нѣтъ нималѣйшаго сомнѣнія и въ томъ, что всякій человѣкъ съ какою-нибудь долею смысла весьма усомнится, чтобы могло быть много людей, заблуждающихся такимъ диковиннымъ образомъ. Порицаемое заблужденіе такъ невѣроятно-неразумно, что, говоря безъ преувеличенія, заслуживаетъ мѣсто не столько между заблужденіями рода человѣческаго, какъ они ни безчисленны, сколько между душевными болѣзнями. Въ самомъ дѣлѣ, скажите сами, какъ вы назвали бы человѣка, который напримѣръ сталъ бы давать языческимъ богамъ какое-нибудь другое значеніе для нашего времени, сверхъ художественнаго или поэтическаго? Какой интересъ возбудилъ бы въ васъ такой человѣкъ, кромѣ психологическаго или психіатрическаго, и еслибы старался онъ убѣдить васъ въ своей идеѣ, какое опасеніе за себя могло бы возникнуть въ васъ, если вы только ничего ни читали о повальныхъ душевныхъ болѣзняхъ? Конечно, этотъ примѣръ рѣзокъ. Другія заблужденія, происходящія изъ порицаемаго направленія, не такъ рѣзко бросаются въ глаза своими несообразностями. Но легко замѣтить несостоятельность подобныхъ фантазій и относительно другихъ сферъ жизни, кромѣ религіозной сферы. Очень трудно предположить, чтобы кому-нибудь серіозно взумалось пожелать возвращенія къ быту, существовавшему за двѣ тысячи лѣтъ и принадлежавшему другимъ народамъ. Мы безпрестанно слышимъ во всѣхъ литературахъ упреки въ странномъ романтизмѣ, обращенные противъ людей, мечтательно преданныхъ старинѣ своего народа. Имъ всѣ говорятъ, что такія мечтанія безплодны, и что старина никогда не воротится. А тутъ вздумали бы прельщать стариною даже не своего, а чужаго народа, и притомъ народа, процвѣтавшаго за двѣ тысячи лѣтъ, въ другомъ климатѣ, при совершенно-другихъ внѣшнихъ условіяхъ. Не странно ли и не неожиданно ли было бы подобное желаніе, и вѣроятно ли, чтобы много такихъ оригиналовъ нашлось между людьми серіозными и учеными?

Уже эти соображенія значительно ослабляютъ силу вопросовъ, выставленныхъ выше, и приводятъ къ новому вопросу, болѣе сильному, ужь не противъ ли собственнаго фантастическаго представленія воюютъ тѣ, кто ихъ предлагаетъ, ужь не ратуютъ ли они

противъ представленія, вовсе несоотвѣтствующаго дѣйствительности? Знакомство съ настоящимъ положеніемъ дѣла, мы надѣемся, превратитъ это предположеніе въ убѣжденіе. Оно покажетъ, что порицанія вѣрныя, ежели бы относились къ существующему, теряютъ всю свою силу, потому что предметъ, противъ котораго они направлены, есть не болѣе какъ собственный фантомъ порицающихъ и не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительностью.

Правда, было время, когда вообще исторіею занимались съ практическимъ интересомъ, съ желаніемъ заимствовать у давнопрошедшихъ временъ хорошее и научаться избѣгать вреднаго. Тогда и изъ древней исторіи выводили разныя нравоученія и назидательныя истины, искали въ ея великихъ людяхъ примѣровъ доблести, любви къ отечеству, знакомствомъ съ ея превратностями хотѣли возбудить омерзѣніе къ пороку. Иные изучали для подобной цѣли учрежденія древности и старались отличить въ нихъ хорошее отъ дурнаго, заслуживающее заимствованія отъ того, что къ нашему быту неприложимо. Но и тогда не было безусловныхъ поклонниковъ древности: всѣ хвалили только нѣкоторыя стороны, нѣкоторыя явленія жизни древнихъ народовъ. Изучали, правда, древность, чтобы учиться у ней, но никому не приходило въ голову всему учиться у древности. Стóитъ бросить бѣглый взглядъ на сочиненія этого рода, отъ Маккіавелли до Монтескье, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Но теперь взглядъ на изученіе древняго міра значительно перемѣнился. Легко замѣтить, что всякое изученіе, вызываемое и поддерживаемое одними практическими интересами, не можетъ имѣть научнаго характера. Наука не могла бы существовать, еслибы въ человѣкѣ не было другихъ, болѣе широкихъ и безкорыстныхъ интересовъ. Сталъ ли бы естествоиспытатель съ такою настойчивостью употреблять годы на изслѣдованія какихъ-нибудь микроскопическихъ насѣкомыхъ, еслибы искалъ только знаній, имѣющихъ практическое приложеніе? Зачѣмъ было бы астроному мучиться съ своею трубой за едва видною звѣздой третьей величины, или палеонтологу изучать изчезнувшія формаціи стародавней органической жизни нашей планеты? Они изучаютъ все это только потому, что оно есть, или было, съ чистымъ интересомъ знанія, безъ всякой мысли о практическомъ примѣненіи, которое можетъ послѣ придти, но можетъ и не придти, что̀ совершенно все равно. Точно такое же чисто-теоретическое направленіе установилось теперь и въ исторіи. Оно-то и сообщило ей научный характеръ. Теперь изучаютъ явленія историческія точно также, какъ явленія

природы, изучаютъ историческое явленіе, сколько позволяютъ средства, въ его настоящемъ видѣ, стараются разгадать его въ его собственномъ, а не относительномъ значеніи. Съ этой точки зрѣнія можно любоваться какою-нибудь эпохой и говорить о ней съ жаромъ и увлеченіемъ, не унижая нисколько современной себѣ эпохи. Любуемся же мы красивою мѣстностью или какимъ-нибудь великолѣпнымъ физическимъ зрѣлищемъ, не переставая ясно сознавать своего превосходства надъ природою, поражающею или плѣняющею стоящаго выше ея человѣка. Точно также мы можемъ съ наслажденіемъ разсматривать какое-нибудь замѣчательное историческое явленіе. Мы видимъ напримѣръ поразительно-правильное движеніе греческой исторіи, и ежели мы удивляемся ему, ежели съ энтузіазмомъ слѣдимъ за его малѣйшими фазами, то не ужели это значитъ, что мы забываемъ себя и ту истину, которою мы обладаемъ, а Греки не обладали? Натуралистъ предается весь изученію какого-нибудь животнаго, и вы не предполагаете, что отъ этого терпитъ его человѣческое достоинство: что́ же побуждаетъ предполагать подобное объ историкѣ, о человѣкѣ, изучающемъ напримѣръ классическую древность. Зачѣмъ предполагать, что онъ изъ созерцателя, покоряющаго разуму предметъ своего изученія, становится безсмысленнымъ рабомъ этого предмета? что онъ забываетъ въ себѣ члена новаго, христіянскаго человѣчества?

Намъ скажутъ, что есть различіе между изученіемъ природы и изученіемъ прошлыхъ историческихъ эпохъ, что природа слѣдуетъ неизмѣннымъ законамъ физической необходимости, а въ исторіи сильнымъ дѣятелемъ являются зло, заблужденіе, ошибка. Но и на это замѣчаніе легко отвѣчать. Мы допустимъ, для сокращенія спора, что зло встрѣчается только въ исторіи человѣчества и только на нее можетъ дѣйствовать, допустимъ, что во всякомъ историческомъ явленіи есть примѣсь ошибочнаго. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Вѣдь человѣкъ остается и теперь человѣкомъ, онъ и теперь можетъ ошибаться, и теперь имѣетъ свободу избирать между добромъ и зломъ. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что человѣку, при его натурѣ, болѣе всего нужно сохранять твердое воспоминаніе о прежнихъ заблужденіяхъ, чтобы оставаться въ настоящемъ отъ нихъ свободнымъ? Не слѣдуетъ ли изъ этого, что человѣчество должно въ высшей степени дорожить своими опытами чтобы постоянно видѣть передъ собою ложные пути, уже испытанные имъ, и вслѣдствіе того все болѣе и болѣе цѣнить путь истинный? Самое существо человѣческой свободы дѣлаетъ опыт-

ность драгоцѣннѣйшимъ изъ человѣческихъ пріобрѣтеній. И такъ, пусть историкъ и самую ошибку изучаетъ съ напряженнымъ вниманіемъ и вноситъ плоды своего изученія въ общее умственное достояніе человѣчества. Пусть онъ изучаетъ постепенное и медленное освобожденіе человѣка отъ заблужденій и радуется, сравнивая позднѣйшую эпоху съ предшествовавшею. Его заслуга будетъ великая, онъ будетъ на пути къ истинѣ, если только будетъ изучать дѣло просто, безъ предубѣжденія, не прикасаясь къ самостоятельности изучаемаго имъ явленія, не желая доказать какихъ-нибудь прежде составленныхъ положеній или вывести какіе-нибудь выводы практической важности. Конечно, и тутъ онъ не останется совершенно свободенъ отъ ошибки, какъ человѣкъ, но его трудъ послужитъ прочнымъ основаніемъ для дальнѣйшихъ трудовъ и облегчитъ исправленіе заключающихся въ немъ ошибокъ, а не поведетъ къ новымъ.

Прежде пользовались исторіею для доказательства истинъ, найденныхъ на другомъ пути. Занятые болѣе тѣмъ, что̀ нужно было доказать, нежели тѣмъ, чѣмъ хотѣли доказывать, ученые, не замѣчая, можетъ-быть, того, дѣлали разныя натяжки, опускали, что не подходило къ ихъ цѣли, преувеличивали, что подтверждало ихъ положеніе. Отъ этого страдала исторія, и еще болѣе страдало то, что̀ слѣдовало доказать. Какъ скоро открывалась какая-нибудь историческая невѣрность, то являлось сомнѣніе и въ истинѣ положенія, которое доказывалось исторіей, но, можетъ-быть, вовсе не нуждалось въ историческомъ доказательствѣ. Такія недоразумѣнія становятся невозможными, когда исторія перестала быть средствомъ, а сдѣлалась сама себѣ цѣлію, т. е. когда она приняла научный характеръ.

Другіе, замѣчая ошибочной элементъ какого-нибудь историческаго явленія, принимали тотчасъ обличительный тонъ и вступали такъ-сказать въ полемику съ историческимъ фактомъ. Такая манера также совершенно противна научному направленію. Историческія явленія опровергаются и устраняются самымъ ходомъ событій. Повторять дѣло, совершенное исторіей, совсѣмъ безполезно. Но понять и объяснить ошибку, открыть, какъ она произошла, какіе были виды ея явленія, какая сила ее устранила—вотъ задача весьма важная, и за нее-то берется научное изслѣдованіе. Наука исторіи хочетъ понять явленіе, а не судить его. Она изучаетъ, а не произноситъ приговоры.

Въ томъ-то между прочимъ и состоитъ привлекательность и интересъ изученія давнопрошедшихъ эпохъ, что мы, изучая ихъ,

легко остаемся отъ нихъ свободными. Размышляя объ исторіи близкихъ къ намъ временъ, трудно быть совершенно безпристрастнымъ, трудно не увлекаться одною изъ дѣйствующихъ партій, не становиться на ея сторону. А становясь на сторону одной партіи, или одного лица, мы утрачиваемъ свободный обзоръ цѣлаго, утрачиваемъ нашу самостоятельность. Мы уже не обладаемъ событіемъ, но сами находимся подъ его властію. Событіе ослѣпляетъ насъ своимъ близкимъ блескомъ, подавляетъ своимъ величіемъ, заслоняетъ отъ насъ все другое. Лица, дѣйствовавшія въ событіи, такъ близки къ намъ, интересы, ихъ одушевлявшіе, такъ похожи на наши интересы, что мы не можемъ смотрѣть на нихъ глазомъ спокойнаго созерцателя; то мы приходимъ въ восторгъ, то сожалѣемъ, то негодуемъ. Совсѣмъ иное бываетъ при изученіи отдаленныхъ эпохъ. Здѣсь мы въ состояніи сохранить полное спокойствіе, въ состояніи замѣтить въ каждомъ событіи и лицѣ и положительную и отрицательную сторону. И это ничуть не дѣлаетъ насъ холодными и равнодушными; участіе наше къ дѣятелямъ не уменьшается: но мы сохраняемъ свободу духа. Какъ изъ созерцанія великой художественной драмы, мы выносимъ изъ нашего изученія успокоеніе, очищеніе раздраженныхъ практическою дѣятельностію страстей. Мы укрѣпляемся духомъ, видя гибель односторонняго, страстнаго и ошибочнаго, и торжество должнаго, все успокоивающаго, все умѣряющаго.

Трагическій поэтъ изображаетъ паденіе своихъ героевъ, но не осуждаетъ ихъ; напротивъ онъ возбуждаетъ участіе къ нимъ, и не боится вредныхъ послѣдствій того, что односторонность и ошибочность становятся у него на время привлекательными. Онъ твердо знаетъ, что конецъ драмы вполнѣ возстановитъ истину. Точно также и историкъ не долженъ лишать прелести плѣнительное, не долженъ изображать прекраснаго цвѣта поблекнувшимъ, только потому, что цвѣтку было суждено поблекнуть. Нѣжный, изящный цвѣтъ греческой жизни не имѣлъ въ себѣ силъ цвѣсти долго, но кратковременное цвѣтеніе его было прекрасно. Не долженъ ли историкъ всѣми силами стараться вѣрно изобразить короткое время роскошнаго цвѣтенія, чтобы потомъ тѣмъ внимательнѣе слѣдить за продолжительнымъ увяданіемъ?

Неожиданное увяданіе Греціи тѣмъ болѣе заставляетъ задуматься, чѣмъ болѣе извѣстна вся красота ея процвѣтанія. Чѣмъ для кого дороже свѣтлое изящество греческаго міра, тѣмъ глубже должна быть потребность понять смыслъ его паденія. Стало-быть не истинная была основа всего развитія древней исторіи, когда

высшій и прекраснѣйшій его плодъ былъ осужденъ на такой короткій вѣкъ. Стало-быть въ это изящество формъ греческой жизни было облечено что-нибудь такое, что̀ не имѣло въ самомъ себѣ силъ, нужныхъ для самостоятельнаго существованія. Стало-быть чего-нибудь существеннаго, чего-нибудь внутренняго и основнаго недоставало всему древнему міру. Вотъ къ какимъ великимъ вопросамъ ведетъ древняя исторія, разсматриваемая какъ она есть. Здѣсь не нужно ни похвальныхъ, ни обличительныхъ словъ; здѣсь самое дѣло погружаетъ въ глубочайшую думу.

Будьте довѣрчивы къ дѣлу исторіи; раскрытое въ настоящемъ своемъ видѣ, оно приведетъ васъ къ истинѣ. Не бойтесь знать ложь и заблужденіе, которыми такъ богата исторія человѣчества; бойтесь остановиться на нихъ и успокоиться. Тотъ свѣтъ, который доступенъ новому, христіянскому человѣчеству, оградитъ отъ всякой тьмы обращающаго къ нему свои взоры.

Итакъ, можно, кажется, сказать, что научная, спокойная и совѣстливая разработка древности стоитъ выше всякихъ возможныхъ порицаній, а ее-то единственно и имѣютъ въ наше время въ виду всѣ сколько-нибудь замѣчательные люди, обратившіе свой трудъ на эту отрасль знаній. Они изучаютъ древность не для того, чтобы учиться у ней, а чтобъ ее изучить и постигнуть. Они изображаютъ ее въ изящномъ видѣ, потому что она въ дѣйствительности была изящна. Они показываютъ въ Грекахъ и Римлянахъ то, чѣмъ они дѣйствительно были, то-есть — высшее явленіе въ исторіи языческаго міра.

Сочиненіе Георга Грота безспорно принадлежитъ къ этому совѣстливому и безпристрастному научному направленію. Его замѣчательная основательность уже оцѣнена знатоками дѣла. Изученіе древнихъ писателей и новѣйшихъ сочиненій по греческой древности занимаютъ автора болѣе двухъ десятилѣтій. Всѣ важнѣйшія явленія нѣмецкой ученой литературы ему извѣстны. Онъ усвоилъ себѣ жизненность новой нѣмецкой науки древностей и глубину ея изслѣдованій и въ то же время воспользовался тщательностью нѣмецкихъ монографій. Въ Англичанинѣ такое явленіе весьма замѣчательно.

Имя Георга Грота почти не было извѣстно въ ученой литературѣ до изданія въ свѣтъ первыхъ двухъ томовъ его исторіи, появившихся въ 1846 году. Они имѣли такой успѣхъ, что, несмотря на ихъ высокую цѣну, все изданіе было раскуплено въ 3 года, и въ началѣ 1849 года вышло второе. Между тѣмъ выходъ въ свѣтъ слѣдующихъ томовъ продолжался, и до сихъ поръ вышло всего

8 томовъ, обнимающихъ собою исторію Греціи до 10-го года пелопонесской войны, до мира Никіева. Въ прошломъ году началъ выходить нѣмецкій переводъ, сдѣланный Мейснеромъ довольно неудовлетворительно.

Англія, гордая многимъ, можетъ теперь гордиться еще однимъ громкимъ именемъ, выставляющимъ въ блистательномъ свѣтѣ и ея науку, и ея цивилизацію. Ученая Германія считаетъ въ рядахъ своихъ профессоровъ такихъ знатоковъ греческаго языка и греческихъ древностей, которымъ ученые всѣхъ другихъ странъ принуждены уступить первенство; отъ нихъ выходятъ по большей части новыя направленія, ими открываются новыя области въ наукѣ, обрабатываются самые трудные вопросы. Но они не предпринимаютъ такихъ сочиненій, которыя обнимали бы собою всю греческую исторію; они пишутъ для спеціялистовъ, и образованная, но не ученая нѣмецкая публика терпитъ совершенный недостатокъ въ хорошихъ сочиненіяхъ, которыя могли бы ее познакомить съ результатами изслѣдованій знаменитыхъ соотечественниковъ. Замѣчательно, что въ практической Англіи ученая литература носитъ другой характеръ. Тамъ еще прежде Грота было сочиненіе Тирльваля, которое считалось лучшею въ Европѣ исторіей Греціи. Въ Англіи наука ближе къ жизни. Не то чтобы она находилась тамъ подъ вліяніемъ жизни, была подчиняема практическимъ интересамъ. Этого никакъ нельзя сказать. Но въ Англіи наука популярнѣе, она не такъ ограничена предѣлами ученаго сословія; оттого тамъ книги пишутся не для однихъ ученыхъ, но и для публики, а это доставляетъ и самимъ книгамъ много внутреннихъ достоинствъ. Мысли уясняются, упрощаются; изслѣдованіямъ дается литературная форма; устраняется запутанность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ авторъ лучше усматриваетъ настоящіе результаты своего изслѣдованія. Только зрѣлая мысль можетъ быть облечена въ популярную форму.

Популярность изложенія дѣлаетъ англійскія ученыя книги доступными всей образованной публикѣ, и она давно уже привыкла съ интересомъ читать ихъ. Отъ этого въ менѣе ученой Англіи ученыя сочиненія расходятся такъ быстро, какъ они никогда не могли бы разойдтись въ ученой Германіи. Англійская публика болѣе знакома съ наукою, болѣе привыкла къ ней. Тамъ интересъ къ наукѣ распространенъ между всѣми сословіями: не нужно быть ученымъ по профессіи, чтобы принимать въ наукѣ дѣятельное участіе. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ самъ Георгъ Гротъ. Всѣ теперь легко могутъ составить себѣ понятіе,

какъ много онъ долженъ былъ употребить времени на занятія греческою исторіей, какъ усильно, съ какимъ напряженіемъ долженъ былъ трудиться. А между тѣмъ онъ не ученый по профессіи. Для него наука дѣло удовольствія, досуга. По своему главному занятію, онъ банкиръ; онъ управляетъ большимъ торговымъ домомъ. Такое замѣчательное явленіе, кажется, возможно только въ Англіи. Лице Георга Грота, прославляющее англійскую науку, есть въ то же время одно изъ самыхъ блестящихъ свидѣтельствъ въ пользу англійской цивилизаціи.

Свѣжее сужденіе человѣка, въ которомъ коммерческая и политическая дѣятельность должны были развить здравый смыслъ и находчивость, было весьма полезно для греческой исторіи. Можно сказать, что критика свидѣтельствъ и оцѣнка событій значительно подвинуты впередъ «исторіей» Грота. Это особенно видно на собственно-исторической части сочиненія, но видно также и на миѳической части, именно на совершенномъ отдѣленіи миѳической части отъ исторической.

«Законъ о достаточности свидѣтельствъ долженъ быть одинъ и тотъ же для древнихъ и новыхъ временъ», говоритъ онъ въ предисловіи. «Читатель найдетъ въ этой исторіи приложеніе критеріевъ, подобныхъ тѣмъ, которые съ давней поры употребляются относительно послѣднихъ. Приближаясь къ этому мѣрилу достовѣрности, хотя и съ нѣкоторыми уступками, я начинаю настоящую исторію Греціи съ первой записанной олимпіяды, или съ 776 г. до Р. Х. Тѣмъ, которые привыкли къ употребительному прежде и теперь еще не совсѣмъ необыкновенному способу обрабатыванія древней исторіи, покажется, что я отрѣзываю отъ свертка исторіи цѣлое тысячелѣтіе. Но тѣмъ, которые заимствовали свой канонъ достовѣрности отъ Галлама, Сисмонди и другихъ первоклассныхъ историковъ новыхъ событій, я увѣренъ, что покажусь скорѣе слишкомъ довѣрчивымъ, нежели требовательнымъ. То несомнѣнно, что собственно такъ-называемые историческіе памятники начинаются много спустя послѣ этого времени, и никто, взявъ добросовѣстно во вниманіе необыкновенную бѣдность достовѣрно засвидѣтельствованныхъ событій въ продолженіи двухъ столѣтій послѣ 776 г. до Р. Х., не удивится, что состояніе Греціи за 900, 1000, 1100 и т. д. лѣтъ до Р. Х. — или въ одно изъ предшествующихъ столѣтій, которыя хронологи могутъ, пожалуй, вносить съ свои генеалогическіе разсчеты — не можетъ быть описано на основаніи чего-нибудь похожаго на удовлетворительное историческое свидѣтельство. Когда

я дойду до жизни Сократа и Платона, я надѣюсь, что буду въ состояніи изъяснить одно изъ ихъ драгоцѣннѣйшихъ положеній — именно, что добросовѣстно-сознанное незнаніе есть лучшее состояніе духа, нежели воображеніе безъ настоящаго знанія. Покамѣсть я начинаю съ подобнаго признанія относительно дѣйствительнаго состоянія Греціи до олимпіядъ, обращая это отрицаніе къ тому, что̀ называется всеобщею исторіей, но не распространяя его на каждое отдѣльное событіе.

«Времена, которыя я такимъ образомъ отдѣляю отъ области исторіи и ставлю особо, отличаются совершенно-другою атмосферой — атмосферой эпической поэзіи и легенды. Смѣшивать эти разнородныя вещи съ исторіей, по моему сужденію, противно философическому взгляду. Я описываю прежнія времена отдѣльно, такъ, какъ ихъ принимали вѣра и чувство древнихъ Грековъ, и какъ они извѣстны изъ ихъ легендъ, не имѣя притязанія опредѣлить, сколько можетъ въ нихъ заключаться историческаго матеріяла. Читателю, который будетъ порицать меня, что я не помогаю ему опредѣлить это, который будетъ спрашивать меня, зачѣмъ я не отдергиваю занавѣса и не открываю картины, я отвѣчу словами живописца Зевксиса, сказанными, когда подобный вопросъ былъ ему сдѣланъ при выставкѣ его знаменитаго подражательнаго произведенія: «Занавѣсъ и есть сама картина.» То, что̀ мы теперь читаемъ какъ вымыселъ и легенду, было нѣкогда общепризнаваемою исторіей, единственною подлинною исторіей прошедшаго, которую древнѣйшіе Греки могли понимать и слушать съ удовольствіемъ: занавѣсъ не закрываетъ ничего, никакое остроуміе не можетъ его сдернуть. Мое дѣло — показать картину, какъ она есть, не затемняя ея, но и никакъ не подновляя.»

Нельзя не согласиться, что исторія Греціи много выигрываетъ, когда міръ легендъ совершенно выдѣленъ изъ нея и поставленъ въ началѣ, какъ особенное независимое цѣлое. При такомъ способѣ изложенія уваженіе къ источникамъ сохраняется болѣе, нежели въ тѣхъ сочиненіяхъ, гдѣ миѳы разлагаются, дабы получить изъ нихъ нѣсколько историческихъ данныхъ. Такія сочиненія могутъ имѣть, и дѣйствительно имѣютъ большое значеніе въ наукѣ, какъ попытка ума человѣческаго проникнуть въ глубины до-историческаго времени, почти недоступныя; но чѣмъ была бы всеобщая исторія Греціи, еслибы слѣдовала ихъ методѣ? Въ ней не было бы мѣста тому поэтическому связному изложенію греческихъ народныхъ сказаній, которое однакожъ имѣетъ право на

сохраненіе. Миѳы утратили бы въ ней свой собственный колоритъ, свою прелесть и полноту, а дѣйствительная исторія не много бы выиграла, потому что въ результатѣ разложенія миѳовъ могутъ быть только гипотетическія, полудостовѣрныя событія.

Конечно, всякій миѳъ имѣетъ свою основу то въ историческомъ событіи, то въ религіозномъ сознаніи, но открыть въ миѳическомъ образѣ дѣйствительные слѣды событія болѣе трудно, нежели какъ обыкновенно полагаютъ ученые, занимающіеся миѳологіею для историческихъ цѣлей. Сочиненіе Грота имѣетъ въ исторіи науки то большое значеніе, что рѣзко выставило совершенную разнородность миѳа и собственно-историческаго свидѣтельства. Ясный и простой взглядъ на дѣло, основанный на обзорѣ цѣлаго и на широкихъ сравненіяхъ, есть весьма рѣдкое и благодѣтельное явленіе въ исторіи человѣческихъ знаній. Такъ до сихъ поръ никому, сколько намъ извѣстно, не приходило въ голову воспользоваться средневѣковыми легендами и сагами для опредѣленія мѣры возможнаго въ извлеченіи историческаго элемента изъ греческихъ миѳовъ. Между тѣмъ въ средней исторіи есть событія, которыя были предметомъ и лѣтописныхъ, собственно-историческихъ свидѣтельствъ, и народныхъ сказаній. А это представляетъ драгоцѣнное средство получить понятіе, до какой степени можетъ сохранить въ себѣ народное сказаніе дѣйствительныя черты событія. Въ сочиненіи Грота посвящена цѣлая глава сравненію новоевропейскихъ сказаній съ древними греческими. Это 17-я глава первой части. Мы приведемъ изъ нея одинъ примѣръ. Чѣмъ для Грековъ были герои Трои, тѣмъ для средневѣковыхъ Французовъ, Нѣмцевъ и другихъ народовъ, былъ между прочимъ Карлъ Великій, лицо въ одно и то же время историческое и миѳическое. Но Карлъ Великій исторіи и Карлъ Великій романтики, кромѣ имени, мало имѣютъ общаго. Не имѣя достовѣрныхъ историческихъ источниковъ, мы вовсе не были бы въ состояніи составить себѣ сколько-нибудь вѣрное понятіе о его дѣяніяхъ. Въ романсахъ Карлъ Великій смѣшивается безпрестанно съ Карломъ Мартелломъ и Карломъ Лысымъ. Онъ предпринимаетъ походъ въ Палестину и завоевываетъ Іерусалимъ у Сарациновъ, привозитъ въ Римъ драгоцѣнные останки отъ страданій Искупителя, отбиваетъ ихъ у Сарациновъ въ Испаніи, когда они были ими похищены изъ Рима. Какое остроуміе было бы въ силахъ открыть въ этихъ сказаніяхъ дѣйствительность, если бы мы не имѣли ничего кромѣ романсовъ для исторіи Карла Великаго? Какая критика выдѣлила

бы историческую истину изъ этого обилія вымысловъ? А между тѣмъ романсовъ было бы жаль подъ ножемъ критики: они заслуживаютъ быть сохраненными вполнѣ; они представляютъ намъ живой образъ того времени, когда они сложены.

Точно то же и съ греческими миѳами. У Грековъ было множество сказаній о дальнихъ странствіяхъ ихъ боговъ, героевъ и героинь. Іо и Геракл, Діонисъ и Триптолемъ, Ясонъ и Одиссей, перебывали во всѣхъ странахъ, которыя только были извѣстны Грекамъ въ историческое время. Всѣ края земли были извѣданы этими миѳическими лицами, отъ Индіи до береговъ Атлантическаго-океана. Но можно ли изъ этихъ сказаній выводить, что всѣ эти страны были знакомы Грекамъ или даже посѣщаемы ими въ доисторическое время? Знаменитѣе и популярнѣе другихъ былъ миѳъ о странствованіяхъ Аргонавтовъ. Они отправились отыскивать золотое руно священнаго барана Фриксова къ брату Солнца, Ээту, въ страну Эю, изъ которой Солнце восходитъ. Разумѣется, что они должны были пройдти, что называется, вдоль и поперекъ всѣ страны земли, прежде нежели достигли своей цѣли и привезли въ Іолкъ золотое руно. Преданіе было такъ настроено, что готово было вести ихъ всюду, предполать, что они побывали въ каждой землѣ, дѣйствительно извѣстной Грекамъ, и въ каждой землѣ, созданной ихъ фантазіей. Когда Греки еще робко садились на корабль, у нихъ была сказка о Симплегадахъ, двухъ страшныхъ скалахъ въ какомъ-то далекомъ морѣ, которыя безпрестанно расходились и сталкивались, такъ что едва птицы могли пролетать между ними: Аргонавты, съ помощію богини Аѳины, проплыли между этими скалами, повредивъ только верхнюю часть кормы. Былъ гдѣ-то за моремъ островъ Кирки, сестры Ээтовой, большой чародѣйницы: Аргонавты и къ ней заѣзжали. Вокругъ всѣхъ странъ міра текла кольцеобразная рѣка Океанъ: не было сомнѣнія, что и по ней плавали Аргонавты. Въ какое мѣсто ни пріѣзжалъ Грекъ, чтобы начать торговлю или основать колонію, вездѣ онъ полагалъ, что Аргонавты были тамъ прежде него, что они должны служить ему примѣромъ, что ихъ успѣхъ ручается и за его успѣхъ. Онъ основывалъ какое-нибудь святилище въ ихъ память, испрашивалъ себѣ ихъ покровительство и приноровлялъ къ узнанной имъ странѣ старинное сказаніе, а иногда и прибавлялъ къ нему кое-что отъ себя. Такимъ образомъ памятники посѣщенія Аргонавтовъ могли легко распространиться по всѣмъ морямъ, и на Востокѣ и на Западѣ. Число ясоніоновъ или святилищъ Ясона было весьма велико; они были разбросаны на Восто-

къ отъ ѳракійскихъ Абдеръ до внутренности Арменіи и Мидіи. Наша русская Пантикапея (Керчь) была основана, по преданію, сыномъ Ээта, преслѣдовавшимъ Аргонавтомъ. Слѣды Колхидянъ, гнавшихся за Аргонавтами, или самихъ Аргонавтовъ, показывались на Западѣ отъ Коркиры до Гаэтскаго залива и теперешняго острова Эльбы. Можетъ ли здравый критикъ вѣрить всѣмъ этимъ показаніямъ? Можно ли поручиться хотя за одну черту въ цѣломъ миѳѣ объ Аргонавтахъ? Можно ли, хотя и приблизительно, опредѣлить границу, до которой достигало греческое мореплаваніе доисторической эпохи? Самая Эя, куда былъ направленъ путь Аргонавтовъ, была только въ послѣдствіи прикована къ землѣ. Первоначально она находилась въ эѳирной области вымысла. Эя Ээтова, островъ обтекаемый Океаномъ, гдѣ чертогъ и мѣсто пляски Зари, и гдѣ восходитъ Солнце, была первоначально одно и то же съ островомъ, Эей, жилищемъ Кирки, сестры Солнца и Ээта. Ээтову Эю нельзя было искать иначе какъ на востокѣ, но случай хотѣлъ, чтобы Эя Киркина была отыскана на западѣ, именно въ Италіи, немного на югъ отъ Рима. Тамъ было, вѣроятно, мѣстное сказаніе, похожее на греческіе вымыслы о Киркѣ, и вотъ одинъ изъ греческихъ мореплавателей объявилъ своимъ соотечественникамъ, что отыскалъ Киркину Эю, и Греки приняли его объявленіе. Ни Гомеръ, ни Мимнермъ не знали еще Колхиды за мѣсто жительства Ээта. Только послѣ короткаго знакомства съ берегами Понта Эвксинскаго могло возникнуть убѣжденіе, что эта Эя не можетъ лежать нигдѣ, кромѣ Колхиды. Такимъ образомъ произошли названія Колхидская Эя, или Эя въ Колхидѣ, между тѣмъ какъ Киркина Эя осталась на западѣ, разъединенная отъ своего двойника, подобно нашей Восточной и Западной Индіи.

Въ сказаніи о походѣ Карла Великаго въ Іерусалимъ, по крайней мѣрѣ, мѣсто дѣйствія принадлежитъ къ дѣйствительному міру, Въ миѳѣ объ Аргонавтахъ и дѣйствіе и мѣста дѣйствія равно относятся къ сферѣ вымысла. Историкъ не имѣетъ здѣсь ни одной твердой точки, на которую бы опереться. Ему можетъ казаться очень вѣроятнымъ, что у Грековъ еще въ до-историческое время была морская торговля, что они предпринимали плаванія по морямъ, находящимся около ихъ странъ. Все это очень правдоподобно; но какъ все это было, въ какой мѣрѣ и въ какихъ границахъ,—этого опредѣлить нѣтъ никакой возможности, и историку остается только пересказать миѳъ объ Аргонавтахъ и отказаться отъ извлеченія изъ него исторической истины.

Гротъ совершенно правъ, что излагаетъ миѳы въ ихъ соб-

ственномъ видѣ, не рѣшаясь до нихъ касаться, не перешачивая ихъ, не сглаживая въ нихъ характеристическаго и не дополняя ихъ своими догадками. Греческая миѳологія имѣетъ свое собственное значеніе, кромѣ того, какое она могла бы имѣть, какъ красивая оболочка историческихъ событій. Историкъ обязанъ изучать ее саму, а не разлагать ее, чтобы получить въ результатѣ нѣчто отдаленно похожее на историческое извѣстіе. Историческое извѣстіе можетъ заключаться въ миѳѣ, но можетъ и не заключаться, что оно дѣйствительно въ немъ заключается, этого доказать никакъ нельзя, и историкъ можетъ только увѣрять себя въ этомъ, увлеченный пристрастіемъ къ своему предпріятію. Очень вѣроятно, что внѣшнимъ поводомъ ко многимъ миѳамъ были историческія происшествія, но, повторимъ, у миѳолога нѣтъ данныхъ, чтобы открыть слѣды ихъ и опредѣлить ихъ подробности. Другое дѣло религіозныя побужденія, дѣйствовавшія при созданіи миѳовъ; они составляютъ сущность миѳовъ, а не случайность, какъ историческія происшествія, которыя вошли въ миѳы, какъ матеріялъ; ихъ не надобно выдѣлять изъ миѳовъ, потому что они именно въ нихъ и высказываются. Такъ въ сказаніи объ Аргонавтахъ много говорится о помощи, оказанной имъ богинеей Аѳиной. Здѣсь не надобно ничего ни разлагать, ни выдѣлять; все ясно само собою и показываетъ, что Аѳина была въ глазахъ Грековъ помощницей въ трудныхъ предпріятіяхъ. Стóитъ только собирать въ миѳахъ подобныя черты, и изъ нихъ само собою сложится то представленіе богини Аѳины, которое выразилось въ безчисленномъ множествѣ греческихъ миѳовъ и составляетъ ихъ душу. Миѳы произошли въ такое время, когда религія была всѣмъ, и все находилось въ ней въ неразрывной связи. Всѣ акты внутренней жизни человѣка были тогда слиты съ религіознымъ сознаніемъ и отъ его состоянія получали свой характеръ. По этому-то и миѳы имѣютъ свой корень въ религіозномъ сознаніи и изъ него должны быть выводимы.

На религіозное значеніе миѳовъ Гротъ, какъ историкъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, не обратилъ вниманія, и потому не считалъ нужнымъ вводить въ свое обозрѣніе греческой миѳологіи изложенія греческой религіи. Онъ мало и чисто-внѣшнимъ образомъ говоритъ о богахъ. Отъ этого у него греческая миѳологія остается фактомъ, признаваемымъ и описываемымъ, но необъясненнымъ. При теперешнемъ состояніи науки, конечно, и нельзя требовать отъ всеобщей исторіи Греціи удовлетворительнаго трактата о

греческой религіи, но едва ли не слѣдовало Гроту по крайней мѣрѣ указать на эту задачу будущей исторіи Греціи.

Мы будемъ еще имѣть случай ниже коснуться этой недостаточной стороны сочиненія Грота. Теперь пока послѣдуемъ за нимъ въ томъ, что оно даетъ читателю. Мы уже сказали, что перваго происхожденія греческой миѳологіи изъ религіознаго сознанія Грековъ авторъ не объясняетъ. Онъ не касается также той *до-исторической* исторіи миѳовъ, которая можетъ быть открыта посредствомъ распредѣленія миѳовъ по характеру религіознаго сознанія, въ нихъ выразившемуся. Онъ обращаетъ вниманіе только на тѣ измѣненія въ миѳахъ, которыя совершились съ тѣхъ поръ, какъ начинается исторія греческой литературы. Все его стараніе состоитъ въ томъ, чтобы прослѣдить, какъ каждый миѳъ росъ и видоизмѣнялся со временъ Гомера.

Вся первая часть Гротовой «Исторіи Греціи» состоитъ въ изложеніи миѳовъ и нѣкоторыхъ выводовъ, относящихся къ нимъ. Миѳы излагаются въ первыхъ пятнадцати главахъ. При этомъ авторъ не имѣлъ въ виду привести ихъ въ стройную систему, а разсказываетъ ихъ въ такомъ порядкѣ, какъ ему кажется удобнѣе. Первая глава посвящена сказаніямъ о богахъ. Затѣмъ слѣдуютъ въ двухъ главахъ сказанія о поколѣніяхъ людей и героевъ и о Промееѣ. Собственную миѳологію героевъ открываетъ въ четвертой главѣ генеалогія аргивская. Въ пятой главѣ разсказываются миѳы о Девкаліонѣ, Геллинѣ и его сыновьяхъ, и вслѣдъ затѣмъ въ шестой, седьмой, восьмой, девятой, десятой, одиннадцатой и двѣнадцатой главахъ передаются сказанія объ Эолидахъ и Пелопидахъ и легенды Лаконіи, Мессеніи, Аркадіи, Эгины, Саламина, Фѳіи, Аттики и Крита. Предметъ тринадцатой главы составляетъ походъ Аргонавтовъ; четырнадцатая глава содержитъ въ себѣ сказанія ѳивскія, и наконецъ пятнадцатая — легенду о Троѣ.

Авторъ не имѣлъ цѣлію собрать всѣ мѣстныя сказанія и представить вполнѣ всѣ миѳологическія данныя. Онъ знакомитъ только съ тѣми миѳами, которые составляли, такъ сказать, общую собственность всего греческаго народа, были извѣстны всѣмъ Грекамъ и всѣми Греками признавались. Выборъ его между миѳами должно назвать вообще счастливымъ.

Что̀ касается до изложенія миѳовъ, то онъ излагаетъ ихъ, не прибавляя отъ себя ни слова, иногда довольно кратко, такъ что поэтическій колоритъ теряется, иногда, именно въ миѳахъ менѣе извѣстныхъ, словами источниковъ. Такъ какъ онъ нигдѣ не рѣ-

шается анализировать миѳы и не пытается объяснять ихъ, то главный его интересъ въ первыхъ пятнадцати главахъ состоитъ въ томъ, чтобы слѣдить за исторіей миѳовъ въ греческой литературѣ. Для этого дѣла у насъ есть много средствъ въ сохранившихся произведеніяхъ древности. Здѣсь изслѣдователь чувствуетъ подъ собою твердую почву, а это всегда привлекаетъ нашего автора.

Иногда, впрочемъ, онъ уже слишкомъ увлекается своимъ правиломъ останавливаться только на положительно-вѣрномъ. Онъ слишкомъ много даетъ значенія исторіи миѳовъ въ литературѣ и мало обращаетъ вниманія на то, что эта исторія составляетъ только часть собственной исторіи миѳовъ, но никакъ ея не исчерпываетъ. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ на той точкѣ, на которой стояли нѣмецкіе антисимволики, но которая теперь уже оставлена.

Миѳъ жилъ не въ одной литературѣ; своею настоящею жизнію онъ даже не жилъ въ литературѣ. Поэты часто обращались къ нему, но несравненно чаще имѣла съ нимъ дѣло стоустая народная молва. Поэты дѣлали въ немъ много измѣненій, но гораздо болѣе измѣненій долженъ былъ въ немъ сдѣлать незапи-санный говоръ поэтическаго народа. Поэтому мы сдѣлаемъ большую ошибку, если будемъ полагать, что исторія явленія миѳа въ литературныхъ памятникахъ есть полная исторія миѳа. Антисимволики и въ ихъ главѣ Фоссъ признавали за древнѣйшіе тѣ миѳы, которые упоминаются у Гомера. По ихъ мнѣнію, чѣмъ позднѣе писатель, сообщающій намъ какой-нибудь миѳъ, тѣмъ позднѣйшаго происхожденія слѣдуетъ признать и самый миѳъ. Такая теорія была основана на предположеніи, что вся греческая миѳологія есть дѣло поэтовъ. Но теперь, когда подобное предположеніе никѣмъ уже не будетъ принято за истинное, когда сравнительная миѳологія показала, что въ первомъ созданіи миѳа поэты могли участвовать не болѣе какъ въ образованіи языка, теперь и на исторію миѳовъ надобно смотрѣть совсѣмъ иначе. Что поэтъ упоминаетъ какой-нибудь миѳъ, изъ этого можно только заключить, что этотъ миѳъ уже существовалъ при немъ, что миѳъ не позднѣе поэта; но когда миѳъ произошелъ, во время ли поэта или нѣсколько столѣтій прежде, этого мы не можемъ узнать изъ времени его перваго упоминанія въ литературѣ. Равнымъ образомъ, ежели какой-нибудь миѳъ не упомянутъ у Гомера, изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы этотъ миѳъ былъ непремѣнно позднѣе Гомера. Можетъ даже быть, что онъ гораздо древнѣе

Гомера и именно потому опущенъ имъ, что, какъ древнѣйшій, не подходилъ къ его душевному настроенію.

Миѳы возникали и перерождались въ народѣ; поэты участвовали въ этомъ дѣлѣ, только какъ часть народа, а потому и исторія миѳа въ поэзіи есть только часть полной исторіи миѳа. Правда, что для исторіи развитія миѳа въ литературѣ у насъ гораздо болѣе данныхъ, нежели для исторіи развитія миѳа въ народѣ. Правда, что только о первой мы можемъ составить себѣ нѣсколько полное понятіе. Но все-таки мы не должны принимать части за цѣлое, если не хотимъ впасть въ значительную ошибку. Часть можетъ имѣть развитіе, фазы котораго нисколько не соотвѣтствуютъ общему развитію цѣлаго.

Съ этой точки зрѣнія мы никакъ не можемъ согласиться съ Гротовымъ изображеніемъ исторіи греческихъ сказаній о богахъ, занимающимъ первую главу его сочиненія. Онъ признаетъ за первоначальныя греческія сказанія тѣ, которыя находятся у Гомера, и показываетъ, какъ они постепенно измѣнялись и расширялись. Гомеръ знаетъ только Кроноса и Зевса. Гесіодъ прибавляетъ къ нимъ Урана. Орфики еще болѣе увеличиваютъ рядъ боговъ, приставивъ прежде Урана — Хроноса и Фанеса, и послѣ Зевса — Діониса. Такимъ образомъ оказываются въ глазахъ Грота три степени возрастанія и развѣтвленія греческихъ сказаній о богахъ, представляемыя Гомеромъ, Гесіодомъ и орфиками. Эти степени дѣйствительно имѣютъ значеніе въ исторіи того, какъ сказанія о богахъ являлись въ литературѣ; но Гротъ полагаетъ, что въ нихъ заключается вся исторія самихъ миѳовъ, и въ этомъ онъ совершенно не правъ. Нѣтъ никакого основанія предполагать, что миѳы возникали именно въ томъ порядкѣ, въ какомъ они являлись въ литературѣ. Первое явленіе миѳа въ литературѣ никакъ не можетъ приниматься за первое возникновеніе миѳа. Миѳы, очевидно, уже были, когда еще не было никакой литературы.

Гротъ полагаетъ, что Гомеръ изобразилъ первоначальное состояніе греческаго народа и первоначальные миѳы. Это опять справедливо только относительно литературы; ибо поэмы Гомера — древнѣйшій памятникъ греческой литературы, и заключающіяся въ нихъ свидѣтельства о миѳахъ суть древнѣйшія свидѣтельства во всей греческой письменности. Но когда дѣло идетъ не объ исторіи литературы, а объ исторіи народа, тогда точка зрѣнія на Гомера совершенно перемѣняется, и, подумавъ хорошенько, едва ли кто скажетъ, что состояніе греческаго народа,

изображенное Гомеромъ, есть первобытное состояніе этого народа. Многое должно было совершиться, прежде нежели Гомеръ явился. Въ Гомерѣ мы видимъ, правда, первое явленіе характеризующей Грековъ внутренней ясности; прелесть Гомеровой поэзіи условливается недавностью этого состоянія, младенчествомъ этого новаго возникавшаго гелленскаго міра; гелленизмъ былъ въ Гомерѣ на самой первой порѣ своего явленія. Но самъ гелленизмъ, взятый во всѣхъ его моментахъ, отъ перваго до послѣдняго, есть явленіе весьма позднее, плодъ продолжительнаго доисторическаго развитія. Уже на первой своей порѣ гелленизмъ былъ выше всѣхъ народностей, предшествовавшихъ ему во всемірно-историческомъ процессѣ. Гомерическій Грекъ уже не похожъ ни на Азіятца, ни на Египтянина. Онъ уже перегналъ ихъ, хотя еще не выработалъ себя. Правда, что въ немъ еще только возникаетъ будущая аѳинская жизнь времени Перикла; онъ еще младенецъ въ новомъ гелленскомъ мірѣ, но чтобы быть младенцемъ въ гелленизмѣ, надобно освободиться отъ прежняго до-гелленскаго состоянія, надобно его пережить. И Грекъ времени Гомера дѣйствительно многое пережилъ и многое преодолѣлъ, хотя, весь преисполненный настоящимъ, онъ и не имѣетъ какъ бы времени о томъ вспомнить.

Религіозное сознаніе Гомера занято Зевсомъ въ его новой гомерической формѣ и помнитъ только о непосредственномъ предшественникѣ и отцѣ Зевса, Кроносѣ, котораго Зевсъ низринулъ въ преисподнюю. Тотъ моментъ развитія, представителемъ котораго служитъ Гомеръ, и не имѣлъ нужды помнить ничего болѣе. Для Гомера слишкомъ было довольно настоящаго, недавно еще достигнутаго, Олимпа боговъ, на которомъ и сосредоточились всѣ его помыслы. Но одинъ моментъ развитія не можетъ обнимать собою всего развивающагося содержанія, а потому и Гомеръ не исчерпывалъ собою содержанія всего греческаго духа. Вдалекѣ отъ Гомера, тамъ, гдѣ хранились сѣмена дальнѣйшаго развитія, и послѣ Гомера, когда началось дальнѣйшее движеніе, память о прошломъ могла имѣть бо́льшую силу, нежели въ Гомерѣ. Гесіодъ могъ прибавить Урана и дать его въ отцы Кроносу на основаніи этой лучшей памяти, а не по произвольному желанію увеличить одною степенью число предковъ Зевса, какъ полаетъ Гротъ.

Гомеръ знаетъ или упоминаетъ только о томъ, что Кроносъ вмѣстѣ съ Титанами былъ низвергнутъ Зевсомъ въ тартаръ. Гесіодъ сообщаетъ гораздо болѣе: онъ разсказываетъ, что Кроносъ и самъ царствовалъ надъ міромъ не изначала, что прежде Кроноса

господствовалъ Уранъ, что Кроносъ лишилъ Урана мужской силы, но, получивъ владычество, боялся своихъ дѣтей и проглатывалъ ихъ тотчасъ по рожденіи, что наконецъ Зевсъ и Олимпійцы освободились посредствомъ обмана изъ внутренностей Кроноса и долго боролись съ Титанами, окружавшими Кроноса. Всѣ эти сказанія грубѣе тѣхъ, которыхъ касается Гомеръ, и болѣе пахнутъ Востокомъ; но было бы совершенно произвольно утверждать, вмѣстѣ съ Гротомъ, что они заимствованы отъ Востока уже послѣ Гомера, и гораздо естественнѣе предположить, что они происходятъ изъ времени до-гомерическаго, когда Греки и сами должны были стоять на той степени, на которой исторія застаетъ народы Востока.

Произвольное заимствованіе чужихъ сказаній ведетъ къ запутанности: примѣръ этого мы отчасти видимъ въ римской миѳологіи. У Гесіода напротивъ ѳеогонія, или исторія происхожденія боговъ, имѣетъ стройный видъ и въ главныхъ чертахъ подтверждается сравнительнымъ изученіемъ религій Востока. Всѣ народы сохранили воспоминаніе о томъ, что древнѣйшимъ поклоненіемъ было поклоненіе богу неба или, какъ говорятъ ученые, сабеизмъ (правильнѣе, сабизмъ). За этимъ поклоненіемъ слѣдовалъ рядъ измѣненій въ религіи, между которыми особенно замѣчательно измѣненіе, принятое религіею Финикіянъ, этихъ странныхъ и безпокойныхъ мореплавателей, поклонявшихся страшному, гнѣвному Баалу, богу нетерпимому, имѣвшему символомъ дикую свинью, животное, которое пожираетъ своихъ дѣтей. Гесіодовы Уранъ-Небо и Кроносъ, проглатывающій дѣтей, очевидно соотвѣтствуютъ этимъ двумъ моментамъ развитія восточныхъ религій, а такъ какъ Греки должны же были пройдти черезъ всѣ эти моменты, прежде нежели стали Греками, то нельзя не согласиться, что Гесіодово сказаніе объ Уранѣ и Кроносѣ можетъ изображать дѣйствительныя фазы до-историческаго развитія греческой религіи и никакъ не должно быть принимаемо за произвольную прибавку Гесіода къ первоначальной, гомерической миѳологіи. Напротивъ оно, очевидно, древнѣе всей гомерической миѳологіи.

Мы также не можемъ согласиться со взглядомъ Грота на орфиковъ и на значеніе ихъ въ исторіи греческой миѳологіи. Нельзя не удивиться, что ученый съ такимъ историческимъ смысломъ, какъ Гротъ, могъ составить себѣ столь ложныя и пессимистическія понятія объ исторіи греческихъ сказаній о богахъ. По его мнѣнію, уже Гесіодовы прибавленія къ Гомеру отличаются грубостью, но самый дикій характеръ принимаютъ приставки орфиковъ, от-

носящіяся къ Діонису. Тѣ были сдѣланы подъ вліяніемъ малоазіятской религіи, эти — подъ вліяніемъ египетской. Чистымъ остается только Гомеръ, «великій геній греческаго эпоса», не отвѣчающій за позднѣйшія прибавленія къ его сказаніямъ. Послѣ Гомера сказанія о богахъ все болѣе и болѣе искажаются. Гротъ приписываетъ это, правда, не собственному движенію къ худшему, а чужеземнымъ вліяніямъ, но въ этомъ мало утѣшенія. Все-таки выходитъ, что греческая миѳологія со времени Гомера не только не подвинулась впередъ, но даже находилась на обратномъ пути, и что религія Діониса, имѣвшая такое огромное значеніе въ Аттикѣ, сердцѣ Греціи, не есть органическій плодъ самостоятельнаго развитія греческой миѳологіи, какъ слѣдовало бы ожидать, а напротивъ получила перевѣсъ подъ вліяніемъ египетскихъ сказаній объ Осирисѣ и Исидѣ.

Здѣсь не мѣсто говорить о значеніи мистерій въ греческой жизни и глубокомъ содержаніи миѳа о Діонисѣ-Загреѣ, сынѣ Персефониномъ, который былъ растерзанъ Титанами, но котораго сердце, спасенное въ борьбѣ, ожило въ новомъ Діонисѣ. Мы ссылаемся относительно всего этого на нѣкоторыя указанія, сдѣланныя въ «Очеркахъ древнѣйшаго періода греческой философіи», помѣщенныхъ въ «Прошлыхъ», и съ своей стороны только укажемъ на невѣроятность предположенія, что Греческій народъ, развивавшійся во всѣхъ другихъ сферахъ жизни такъ органически, въ самой главной изъ сферъ жизни, въ сферѣ религіозной, не сдѣлалъ со временъ Гомера самостоятельнаго шага къ лучшему.

Впрочемъ нельзя отрицать, что Гротъ, ограничившись однажды своимъ взглядомъ, хорошо его обдумалъ и обставилъ фактами. Онъ замѣтилъ, какъ уже сказано, три главныя степени въ исторіи того, какъ греческія сказанія о богахъ являются въ литературѣ. Первую степень онъ видитъ въ Гомерѣ, не знающемъ многаго, что разсказываетъ Гесіодъ. Этотъ образуетъ собою вторую степень, на которой ѳеогонія является уже въ болѣе полномъ, но отчасти и въ болѣе грубомъ видѣ; наконецъ къ Гесіоду примыкаетъ орфическая ѳеогонія съ ея мистическимъ характеромъ: это третья степень греческихъ сказаній о богахъ. Откуда же, спрашиваетъ историкъ, такая большая перемѣна? Вслѣдствіе чего прежнее чистосердечное, простое, свѣтлое народное вѣрованіе уступило мѣсто мистическому созерцанію, котораго нѣтъ и тѣни въ Гомерѣ? Откуда взялось это облако туманной мистики, поднявшееся изъ-за яснаго и веселаго гомерическаго міросозерцанія? Гротъ отвѣчаетъ на эти вопросы такъ. Упомянутая перемѣна

произошла во время между Гесіодомъ и Ономакритомъ, этимъ современникомъ Писистрата, составившимъ оракулы Мусея и изложившимъ миѳъ о Загреѣ. Въ этотъ промежутокъ времени слѣдовательно имѣли мѣсто событія, въ которыхъ мы можемъ видѣть причину той перемѣны. А мы знаемъ, что именно около времени Ономакрита Грекамъ открылся доступъ въ Египетъ, и сдѣлались чаще ихъ сношенія съ Азіей и Сѣвером. Поэтому очень естественно предположить, что вліяніе Египта, Малой Азіи и ѳракійскаго сѣвера участвовало въ преобразованіи греческихъ народныхъ вѣрованій. Въ Греціи распространились новыя понятія о богахъ, принадлежавшія Египту, Фригіи и Ѳракіи, и отъ этихъ-то понятій ведетъ начало весьма многое въ ученіи орфиковъ и поклоненіи Діонису. Двѣ главныя черты религіи Діониса кажутся Гроту особенно несовмѣстными съ первоначальнымъ греческимъ народнымъ характеромъ. Это—изступленность Діонисовыхъ празднествъ и мистическій элементъ въ поклоненіи Діонису. Сообразно съ своимъ взглядомъ, онъ выводитъ первую изъ Ѳракіи и Фригіи, а введеніе втораго приписываетъ вліянію Египта, религія котораго издавна приняла въ рукахъ тамошнихъ жрецовъ таинственный характеръ. Разсмотримъ ближе эти черты, обратившія на себя вниманіе Грота, повѣримъ его предположенія.

Что̀ касается до изступленности, господствовавшей иногда въ діонисіяхъ, праздникахъ въ честь Діониса, то она дѣйствительно подходитъ болѣе къ ѳракійскому и фригійскому народному характеру, нежели греческому. Самые греческіе миѳы выводятъ ее изъ Ѳракіи и Фригіи. Но эта изступленность имѣла мѣсто не вездѣ въ Греціи. Аѳинскія женщины не вакханствовали въ горахъ, не разрывали своими руками животныхъ, не пожирали сыраго мяса и не наносили себѣ ранъ. Ихъ праздникомъ были ѳесмофоріи, посвященныя воспоминанію Деметры-законодательницы; они совершались ночью, но въ нихъ были носимы законы, а не орудія бѣшенаго изступленія. Фригійскія сабазіи считались въ Аѳинахъ несовмѣстными съ достоинствомъ Геллена; на нихъ смотрѣли съ омерзѣніемъ, какъ на варварскій обрядъ. Въ Аѳинахъ поклоненіе Діонису приняло характеръ энтузіазма безъ изступленія: восторгъ діонисовскій сопровождался полнымъ самообладаніемъ, и изъ праздниковъ Діониса развился лучшій цвѣтъ греческой поэзіи — аѳинская драма. Вотъ каковъ былъ характеръ поклоненія Діонису въ лучшее время Греціи, а тѣ дикія вакханаліи, гдѣ вопили *эвгой*, и гдѣ текла кровь, были отнесены Греками этого времени къ эпохѣ до-исторической и къ странѣ негелленской,

Ѳракіи. За ними онѣ и остаются, и Гроту не слѣдовало бы смущаться ими.

Вторая главная черта, мистическій элементъ въ поклоненіи Діонису—также неосновательно получаетъ у Грота значеніе какого-то недостатка, заимствованнаго Греками у другихъ народовъ. Мистеріи греческія не носили на себѣ туманнаго характера; онѣ не были облакомъ, омрачившимъ ясность собственно-греческихъ вѣрованій. Онѣ рѣзко отличаются отъ египетскихъ тайнъ, находившихся въ рукахъ жрецовъ и составлявшихъ собственность одной касты. Въ греческія мистеріи допускались всѣ Греки, и ежели всѣ Греки, даже самые великіе мыслители, дорожили ими, то мы не имѣемъ никакого права видѣть въ нихъ искаженіе первоначальной греческой религіи.

И такъ, предположеніе Грота, что измѣненіе греческой религіи, происшедшее во время между Гесіодомъ и Ономакритомъ, было главнѣйшимъ образомъ обусловлено чужеземными вліяніями, не имѣетъ достаточнаго основанія. Великое измѣненіе въ религіи было важнымъ шагомъ впередъ, послѣднимъ шагомъ, котораго только не доставало, и произошло вслѣдствіе собственнаго и самостоятельнаго развитія греческой народности, а не вслѣдствіе случайныхъ побужденій совнѣ. Послѣднія могли только отчасти и весьма немного участвовать въ этомъ измѣненіи и содѣйствовать ему, какъ вообще въ исторіи современныя событія всегда бываютъ между собой въ нѣкоторой связи.

Въ греческой исторіи мы видимъ удивительное соотвѣтствіе внѣшнихъ, повидимому случайныхъ, событій съ внутреннимъ развитіемъ народа. Такъ въ самую древнюю эпоху, когда Греческій народъ стоялъ почти на одной степени съ народами, обитавшими около него, у Грековъ были частыя сношенія съ Азіей и Египтомъ, отразившіяся въ миѳахъ о переселеніи въ Грецію азіятскихъ и греческихъ колонистовъ, подтверждаемыя множествомъ тождественныхъ формъ быта, напримѣръ одинаковыми единицами мѣры и вѣса, что̀ недавно такъ блистательно доказано Бёкомъ *). Потомъ, когда внутреннее развитіе народа начало возвышать его надъ сосѣдями, тогда на время прекращаются и сношенія, или по крайней мѣрѣ сношенія ослабѣваютъ. Наконецъ, въ шестомъ и седьмомъ вѣкѣ, внутренніе процессы, въ которыхъ создавалась гре-

---

*) Въ сочиненіи: Metrologische Untersuchungen über Gewichte, Münzfüsse und Maasse des Alterthums in ihrem Zusammenhange. Berlin. 1838.

ческая исторія, приходили къ концу, греческая народность была уже выработана, сознаніе достигло такой глубины, что могло обратиться съ участіемъ къ самому далекому прошедшему и обнять его — и тогда обстоятельства становятся благопріятными для небываlаго до тѣхъ поръ усиленія внѣшнихъ сношеній.

Полное развитіе есть циклъ, въ которомъ конецъ опять соединяется съ началомъ. Поэтому, въ концѣ развитія, антипатіи къ прошедшему, составлявшія отличіе среднихъ моментовъ развитія, должны сами собою исчезнуть, а напротивъ должно явиться стремленіе принять въ себя прошедшее. Подобное стремленіе видно и въ той любознательности и воспріимчивости, которая является у Грековъ во время между Гесіодомъ и Ономакритомъ. Они все желаютъ узнать, что̀ есть у другихъ народовъ, и многое переносятъ къ себѣ, но всѣ эти заимствованія суть *слѣдствіе* внутренняго развитія народа, а не его *причина*. Иначе Греки не могли бы посредствомъ своихъ заимствованій обогнать тѣхъ, у кого заимствовали. Иныя побужденія, участвовавшія въ обрядахъ поклоненія Діонису, могли быть укрѣплены или подновлены въ Грекахъ знакомствомъ съ обрядами Азіи и Египта, но не имъ они были вызваны. Греки приняли то, къ чему сами были наклонны.

Сказаннымъ достаточно опредѣляется мѣра чужеземнаго вліянія на Грецію, а вмѣстѣ ограничивается и мнѣніе Грота относительно чужеземнаго вліянія на исторію Греческихъ сказаній о богахъ. Мы считаемъ себя въ правѣ сказать, что исторія этихъ сказаній не обусловлена, какъ полагаетъ Гротъ, внѣшними вліяніями и не состоитъ въ произвольномъ распространеніи первоначальнаго гомерическаго вѣрованія. Равнымъ образомъ мы считаемъ себя въ правѣ повторить сдѣланное выше замѣчаніе, что порядокъ, въ которомъ сказанія о богахъ являлись въ литературѣ, не можетъ быть принятъ за первоначальный порядокъ ихъ возникновенія.

Сказанія о герояхъ, по времени своего происхожденія, ближе къ литературному періоду греческой исторіи. Поэтому ихъ исторія яснѣе отражается въ литературѣ. Кромѣ того, Греки ими не такъ дорожили, какъ сказаніями о богахъ; они не были такъ тѣсно связаны съ храмами и обрядами и находились въ бо́льшей зависимости отъ поэтовъ. Относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ можно дѣйствительно полагать, что вся ихъ исторія заключается въ литературѣ. Поэтому метода Грота—слѣдить, какъ миѳъ росъ и развѣтвлялся, переходя изъ рукъ одного писателя въ руки другаго,—имѣетъ гораздо бо́льшее значеніе въ приложеніи къ сказаніямъ о герояхъ.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Къ самымъ позднимъ сказаніямъ относятся миѳы о родоначальникахъ греческихъ племенъ и объ ихъ отцѣ Геллент. Эти миѳы могли произойдти только послѣ окончательнаго обособленія греческихъ племенъ и проведенія рѣзкой границы между Геллепами и варварами. Ихъ шаткость и измѣнчивость хорошо видны изъ сохранившихся памятниковъ греческой литературы. Аполлодоръ производитъ Геллена отъ Девкаліона и Девкаліона отъ Промеѳея, связывая родоначальника Геллеповъ съ героемъ, считавшимся то творцемъ, то величайшимъ благодѣтелемъ рода человѣческаго. Но Гесіодова Ѳеогонія не знаетъ ничего даже о томъ, что Девкаліонъ сынъ Промеѳея. Далѣе, Геллент у Аполлодора родоначальникъ всѣхъ Геллеповъ, всѣхъ обитателей Геллады, а у Гомера еще ни имя Геллеповъ, ни имя Геллады не имѣетъ того обширнаго значенія, представителемъ котораго служитъ Геллент, а означаетъ только одну небольшую часть Ѳессаліи. Изъ этого мы заключаемъ, что вся эта генеалогія не могла произойти во время Гомера. и опредѣляемъ границу времени, раньше котораго она не восходитъ. Другую границу, время, позднѣе котораго она не могла произойдти, мы опредѣляемъ на основаніи того произведенія, въ которомъ онъ впервые встрѣчается. Это именно гесіодовскій каталогъ женщинъ, относящійся, по мнѣнію Грота, къ концу восьмаго или началу седьмаго столѣтія до Р. Х. И такъ, литературные памятники научаютъ насъ, что сказаніе о Геллентѣ и его сыновьяхъ произошло во время между Гомеромъ и 700 г. до Р. Х.

По Гесіодову каталогу, у Геллена было «три царственныхъ, чинящихъ судъ сына: Доръ, Ксуѳъ и Эолъ конелюбивый» Эти же имена принимаетъ и Аполлодоръ. По Аполлодору, у Геллена три сына: Доръ, Эолъ и Ксуѳъ: отъ перваго происходятъ Дорійцы, отъ втораго Эолійцы; у третьяго, Ксуѳа, было два сына: Іонъ и Ахей, родоначальники Іонійцевъ и Ахеевъ. Но Эврипидъ въ Іонѣ представляетъ другую генеалогію, по которой Доръ вмѣстѣ съ Ахеемъ и Іономъ былъ сынъ Ксуѳа, Ксуѳъ сынъ Эола, а Эолъ—Зевса, и тотъ же самый Эврипидъ въ другихъ трагедіяхъ, не дошедшихъ вполнѣ до нашего времени, дѣлалъ Эола сыномъ Геллена, а Геллена сыномъ Зевса. Это показываетъ, какъ шатки были сказанія о Геллентѣ и его потомствѣ.

Весь этотъ миѳъ былъ созданъ на памяти исторіи и долженъ былъ выразить съ одной стороны понятія Грековъ о ихъ единствѣ, съ другой о различныхъ степеняхъ сродства греческихъ племенъ.

Онъ былъ вызванъ состояніемъ греческаго народа въ историческое время. Много другихъ миѳовъ или произошли, или были видоизмѣнены подобнымъ образомъ. Для примѣра остановимся на сказаніи о Пелопидахъ, которое Гротъ разсматриваетъ въ 7-й главѣ.

Пелопсъ—миѳическій представитель Пелопоннеса. Уже это показываетъ, что онъ могъ получить свое полное значеніе въ миѳологіи только послѣ того, какъ Пелопоннесъ сталъ называться этимъ именемъ. А оно Гомеру еще неизвѣстно и въ первый разъ было употреблено въ такъ-называемыхъ, «Кипрскихъ Стихахъ», которые многими были приписываемы автору Иліады, но по Геродоту не принадлежатъ ему. Гомеръ никогда не называетъ греческій полуостровъ островомъ Пелопса. Онъ знаетъ Пелопса за предка Агамемнонова, за родоначальника династіи, царствовавшей въ Микенахъ, одномъ изъ древнѣйшихъ городовъ пелопоннесской Арголиды. Агамемноновъ скипетръ сдѣлалъ, по Гомеру, Гефестъ и подарилъ Зевсу; «Зевсъ отдалъ его богу Гермесу, а Гермесъ—знаменитому возничему Пелопсу; Пелопсъ — Атрею, властителю народовъ; Атрей завѣщалъ его по смерти Ѳіесту, богатому обладателю большихъ стадъ, а Ѳіестъ своему племяннику Агамемнону, дабы онъ царствовалъ надъ многими островами и надъ всѣмъ Аргосомъ.» Здѣзь Пелопсъ является только предкомъ микенскаго царя Агамемнона; на обладаніе всѣмъ Пелопоннесомъ нѣтъ нимальйшаго намека.

Но когда весь полуостровъ сталъ называться по имени Пелопса, и когда однимъ изъ средоточій Пелопоннеса и всей Греціи сдѣлалась Олимпія, лежащая близъ Писы, тогда возникло сказаніе, что Пелопсъ былъ древнимъ царемъ Писы. Во время Гомера такому сказанію никто бы не повѣрилъ. Гомеръ даже не упоминаетъ незначительныхъ деревень писатскихъ въ своемъ каталогѣ кораблей, пришедшихъ подъ Трою: тогда Олимпія не имѣла еще своей позднѣйшей громкой славы. Впрочемъ, и послѣ Гомера было странно сдѣлать богатаго Пелопса царемъ бѣдной Писы; сказаніе извернулось, прибавивъ, что богатство Пелопса собрано имъ не въ Писатидѣ, а вывезено изъ славной сокровищами своихъ Мидасовъ и Гигесовъ Лидіи. Такъ объясняетъ эту прибавку Гротъ; хотя очень можетъ быть, что у ней было и кромѣ того какое-нибудь историческое основаніе: по крайней мѣрѣ есть слѣды давнишнихъ связей Арголиды съ Лидіей. Но какъ бы то ни было, Пелопсъ былъ сдѣланъ царемъ Писы, а между тѣмъ у Гомера его родъ царствовалъ въ Микенахъ. Надобно было найдти обстоятель-

ство, заставившее его потомковъ переселиться изъ Писы въ Арголиду. Сказаніе воспользовалось для этого золотоконникомъ Хрисиппомъ, любимымъ сыномъ знаменитаго возничаго Пелопса. Его умертвили родные братья Атрей и Ѳіестъ, и зато были изгнаны Пелопсомъ и принуждены идти въ Микены. Тамъ тогда царствовалъ Эврисѳей, сынъ Сѳенела и Никиппы, дочери Пелопсовой, племянникъ изгнанниковъ. Но Эврисѳей погибъ въ походѣ на Аттику, а жители Микенъ убѣдили Атрея принять царство. Такимъ образомъ Атриды сдѣлались царями микенскими. И Писа, знаменитая въ историческое время олимпійскими играми, и Микены, знаменитыя у Гомера, были удовлетворены новою формой сказанія, по которой Пелопиды царствовали и въ Писѣ и въ Микенахъ.

Далѣе Гомеръ ничего не знаетъ о враждѣ Атрея и Ѳіеста; онъ вѣрно упомянулъ бы о ней, еслибы она составляла въ его время предметъ сказаній. Гомеръ разсказываетъ только о несчастной судьбѣ Агамемнона. Во время его десятилѣтняго отсутствія подъ Троей, Эгисѳу, сыну Ѳіеста, удалось соблазнить Клитемнестру, жену Агамемнона, оставшуюся въ Микенахъ. Достопочтенный пѣвецъ охранялъ вѣрность царицы, но Эгисѳъ загубилъ его, отправивъ на безлюдный островъ. Сами боги посылали къ Эгисѳу вѣстника, чтобы удержать его отъ преступленія, но Эгисѳъ не внялъ предостереженію боговъ. Агамемнонъ возвратился изъ-подъ Трои побѣдителемъ, полный веселой надежды, ничего не зная о случившемся. Тогда Эгисѳъ, съ помощію Клитемнестры, среди торжества о прибытіи Агамемнона, заклалъ его «какъ быка, привязаннаго къ яслямъ.» Семь лѣтъ послѣ того Эгисѳъ и Клитемнестра спокойно царствовали на престолѣ вѣроломно умерщвленнаго Агамемнона. Но чрезъ семь лѣтъ боги послали имъ мстителя въ лицѣ юнаго Ореста, сына Агамемнонова, воспитаннаго въ Фокидѣ у царя Строфія. Орестъ умертвилъ, по Гомеру, одного Эгисѳа, а по другимъ поэтамъ—и мать свою, Клитемнестру. Слава, доставленная Оресту умерщвленіемъ Эгисѳа, была такъ велика, что не имѣла себѣ равной.

Все это разсказывается въ разныхъ мѣстахъ Одиссеи. Но позднѣйшее время этимъ не удовольствовалось и нашло нужнымъ увеличить трагизмъ гомерическаго разсказа. Такое исправленіе видно уже въ прибавкѣ, что Орестъ умертвилъ не только Эгисѳа, но и мать свою, прибавкѣ, которую принялъ Эсхилъ въ знаменитой трилогіи «Орестіи», сохранившейся вполнѣ до нашего времени. Съ другой стороны трагизмъ событія увеличенъ объясненіемъ преступленія Эгисѳова. Задолго до Троянской войны, повѣствовала но-

вая форма миѳа, Атрей, отецъ Агамемнона, былъ разгнѣванъ Ѳіестомъ, отцемъ Эгисѳа, и жестоко отмстилъ ему за большимъ пиршествомъ, заставивъ несчастнаго отца, не знающаго, вкусить между яствами отъ тѣла его роднаго сына, умерщвленнаго и свареннаго Атреемъ. Злодѣйство было такъ велико, что видящій все богъ Геліосъ (солнце) обратилъ назадъ свою колесницу, дабы избѣжать страшнаго зрѣлища, и за это-то злодѣйство отца отомстилъ Эгисѳъ Агамемнову. Злодѣяніе шло за злодѣяніемъ въ домѣ царей микенскихъ, и мрачная Эриннія парила надъ нимъ, какъ говоритъ Эсхилъ.

Еще одно интересное измѣненіе миѳа объ Агамемнонѣ состоитъ въ слѣдующемъ. По Гомеру, Агамемнонъ былъ царь Микенъ, а младшій его братъ, Менелай, царь Спарты. У Гомера вездѣ Микены на первомъ планѣ, и мы имѣемъ данныя, заставляющія полагать, что въ то древнее время Микены были дѣйствительно первымъ изъ городовъ Пелопоннеса. Но вслѣдъ за дорійскимъ покореніемъ полуострова первенство перешло къ Спартѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ измѣниться и миѳъ. Въ самомъ дѣлѣ, Стесихоръ, Симонидъ и Пиндаръ называютъ Агамемнона уже царемъ Спарты и близъ-лежащихъ къ Спартѣ Амиклъ. Сверхъ того Микены у аѳинскихъ трагиковъ постоянно смѣшиваются съ Аргосомъ, который въ Гомерово время стоялъ ниже Микенъ, но послѣ дорійскаго завоеванія возвысился, а вскорѣ послѣ персидскихъ войнъ совершенно разрушилъ Микены. Такъ отзываются на миѳахъ историческія событія.

Замѣчательный примѣръ того, какъ миѳъ передѣлывается, чтобы усилить въ немъ трагическій элементъ, мы видимъ еще въ сказаніи объ Эдипѣ. Гомеръ въ Одиссеѣ упоминаетъ, что Эдипъ, не вѣдая того, убилъ своего отца и женился на родной матери; но боги скоро сдѣлали извѣстнымъ его преступленіе; тогда мать съ горя повѣсилась, а Эдипъ остался царемъ Ѳивъ, но былъ постояно преслѣдуемъ и мучимъ Эринніями. Старая эпическая поэма «Эдиподія» прибавляла къ этому гомерическому миѳу, что, оставшись царемъ Ѳивъ по смерти Іокасты, Эдипъ женился на Эвриганіи и имѣлъ отъ нея четырехъ дѣтей: Этеокла, Полиника, Антигону и Исмену. Но аттическіе трагики, очевидно, для увеличенія трагизма, заставили Эдипа долго оставаться въ невѣдѣніи и въ преступной связи съ матерью и сдѣлали Іокасту, а не Эвриганію, матерью четырехъ дѣтей Эдиповыхъ.

Хотя Эдипъ и остался царемъ Ѳивъ и вступилъ въ бракъ съ Эвриганіей, но изъ горести о невольномъ преступленіи—повѣство-

вала далѣе «Ѳиваида»—онъ наложилъ на себя заклятіе не употреблять никогда царственныхъ драгоцѣнностей, оставшихся отъ его отца Лаія. Полиникъ, одинъ изъ его сыновей, нарушилъ однажды это заклятіе и поставилъ передъ отцомъ серебряный столъ и драгоцѣнный кубокъ Кадма, которыми Лаій всегда пользовался. Старецъ Эдипъ едва увидалъ эти вещи, какъ началъ проклинать своихъ сыновей и предсказалъ имъ, что страшная, нескончаемая война поднимется между ними. Богиня Эриннія слышала его слова и вняла имъ. Эдипъ повторилъ свои проклятія еще разъ, когда сыновья подали ему не плечо жертвеннаго животнаго, какъ обыкновенно, а заднюю часть. Онъ просилъ боговъ, чтобъ они погубили его сыновей во взаимной борьбѣ. Эти проклятія господствуютъ у трагиковъ надъ всѣмъ ходомъ событій. Эсхилъ удерживаетъ ихъ дѣйствіе и упоминаетъ о тѣхъ же поводахъ къ нимъ, какъ «Ѳиваида». Но Софоклу казалось неприличнымъ, чтобы отецъ проклялъ своихъ сыновей по такимъ маловажнымъ причинамъ, и это заставило великаго поэта прибавить отягощающія обстоятельства и представить стараго слѣпаго отца изгнаннымъ сыновьями и скитающимся въ нищетѣ. Этимъ Софоклъ внесъ бо́льшую связь и разумность въ свое произведеніе, но и значительно отступилъ отъ духа стараго сказанія, по которому Эдипъ всю свою жизнь совершаетъ невольныя злодѣянія и, самъ того не зная, составляетъ орудіе Эринніи, разрушающей домъ Лаія.

Но довольно этихъ частныхъ примѣровъ, показывающихъ какъ Гротъ обрабатываетъ исторію миѳовъ. Обратимся теперь къ болѣе общимъ частямъ его сочиненія.

Въ 16–й главѣ онъ представляетъ обзоръ измѣненій, которыя происходили въ воззрѣніяхъ самихъ Грековъ на миѳы, начиная, какъ и естественно, съ Гомера. Это, такъ сказать, выводъ изъ того, что составляетъ содержаніе предшествующихъ пятнадцати главъ и вмѣстѣ подтвержденіе его взгляда на миѳологію. Интересъ предмета, мы надѣемся, извинитъ нѣкоторую подробность нашего извлеченія и нашихъ замѣтокъ.

Древнѣйшій свидѣтель для греческихъ народныхъ сказаній есть Гомеръ; онъ стоитъ на грани двухъ эпохъ, миѳической и исторической, но самъ принадлежитъ еще къ первой. Въ его время, говоритъ Гротъ, творческія силы народа не знали другаго употребленія, кромѣ созданія миѳовъ, и масса народа не имѣла другаго требованія. Всѣ смотрѣли на міръ одинакими глазами. Точка зрѣнія была полиѳеистически–религіозная. Въ явленіяхъ природы и человѣческой исторіи видѣли дѣйствіе невидимыхъ существъ, ода-

ренныхъ личностью. Что для насъ созданіе фантазіи, то было для тогдашняго Грека совершенною и многоуважаемою дѣйствительностью. Земля и твердь неба были для него одарены страстями, чувствами, поломъ и разными другими принадлежностями человѣческой природы. Вмѣсто солнца, какъ мы на него смотримъ, вмѣсто свѣтила, подчиненнаго астрономическимъ законамъ и обозначающаго средоточіе системы явленій, которыя мы знаемъ и можемъ предсказывать, онъ видѣлъ великаго бога Геліоса, выѣзжающаго съ своею колесницей поутру на востокѣ, въ полдень достигающаго высоты небесной тверди, а вечеромъ спускающагося на западѣ на усталыхъ коняхъ, жаждущихъ успокоенія въ волнахъ Океана. У Геліоса были на землѣ любимыя мѣста, гдѣ паслись его красивыя стада, на которыя онъ любовался въ продолженіе своего дневнаго пути, и гнѣвался, когда кто-нибудь обижалъ ихъ; у него было на землѣ много сыновей и дочерей, и такъ какъ онъ все видѣлъ своимъ всюду проникающимъ взоромъ, то онъ иногда бывалъ въ состояніи открывать самимъ богамъ тайны, въ другихъ же случаяхъ бывалъ принужденъ отвращать лицо. чтобы не видѣть возмутительныхъ происшествій, совершаемыхъ людьми. Даже и въ позднѣйшія времена, когда положительный духъ изслѣдованія сдѣлалъ замѣчательные успѣхи, Анаксагоръ и другіе астрономы привлекли на себя обвиненіе, что лишили личности бога Геліоса и подчинили его свободу опредѣленнымъ и неизмѣнныъ законамъ. Но во время Гомера еще вовсе не было сомнѣнія. Всѣ умы , и низкіе и возвышенные, раздѣляли общее воззрѣніе и принимали его съ равнымъ жаромъ и равнымъ одобреніемъ. Для всѣхъ все двигалось и управлялось свободно дѣйствующими существами, видимыми и невидимыми. Понятіе о неизмѣнности порядка явленій составляло только задній планъ въ народномъ міросозерцаніи и являлось подъ именемъ Мойры, судьбы, которая и сама была олицетворена, хотя и не такъ живо. Величайшимъ человѣкомъ тогдашняго времени былъ тотъ, кто, проникнутый вмѣстѣ съ другими вѣрою въ олицетворенность и свободу силъ, дѣйствующихъ въ мірѣ, былъ въ силахъ облечь ее въ соотвѣтственные разсказы и живо и наглядно изобразить типы, которые неясно представлялись всѣмъ его слушателямъ. Къ такимъ людямъ принадлежали творцы Иліады и Одиссеи, для насъ—первые поэты, для людей своего времени, кромѣ того—вѣроучители, историки и философы.

Исторія и философія, продолжаетъ Гротъ, которыя въ ихъ настоящемъ видѣ впервые созданы позднѣйшими Греками, никогда

не были болѣе, какъ достояніемъ незначительнаго числа мыслящихъ людей, и не имѣли большаго вліянія на массу народовъ. Какъ скоро положительная наука и критика вмѣстѣ съ мыслію о неизмѣнной вѣроятности явленій стали вытѣснять въ умахъ наиболѣе проницательныхъ древнее миѳическое вѣрованіе въ повсюдныя олицетворенія, тотчасъ же произошелъ неизбѣжный разрывъ между немногими просвѣщенными и остальнымъ обществомъ,— разрывъ, ни тѣни котораго не замѣчается во время Гомера. Ближайшимъ поводомъ къ тому было болѣе внимательное наблюденіе настоящаго, являющееся уже въ «Работахъ и дняхъ» Гесіода. Темою настоящаго греческаго эпоса было неизвѣстное и неопредѣленное прошедшее. Въ «Работахъ и дняхъ» муза сходитъ степенью ниже. Человѣкъ, обрабатывающій землю, является въ своемъ одиночествѣ и наготѣ, разлученный съ богами и героями, — связанный, правда, съ богами своими обязанностями, но принужденный бороться съ невзгодами и трудностями, которыя не устраняются одною надеждой на боговъ. Поэтъ жалуется на свое время въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, какъ на жалкое, обезславленное, отвергнутое, — и съ почтительною завистью озирается на поколѣнія героевъ, сражавшихся подъ Троей и Ѳивами. Но какъ ни дурно настоящее время, муза все-таки нисходитъ до него, разбираетъ его труды, предписываетъ имъ правила и утѣшаетъ обѣщаніемъ, что ежели человѣкъ поступаетъ умѣренно, осмотрительно, справедливо и дружественно, боги наградятъ его обиліемъ и защитой. Люди, духъ которыхъ былъ преисполненъ гомерическими образами героевъ, называли Гесіода поэтомъ гелотовъ, и конечно, контрастъ этихъ двухъ поэтовъ есть замѣчательное доказательство склоненія греческой поэзіи къ совершенному и положительному. За дальнѣйшимъ успѣхомъ этого склоненія Гротъ слѣдитъ такъ:

Время Архилоха (680—660 до Р. Х.) представляетъ новую ступень на этомъ пути. Горькія личныя антипатіи внушили этому поэту тѣ пѣсни, въ которыхъ онъ отступилъ отъ героическаго гексаметра, размѣра, бывшаго употребительнымъ до тѣхъ поръ. Въ это отдаленное время избраніе новаго размѣра дѣлало эпоху, и Архилоховъ ямбъ, подходящій, по Аристотелю, изо всѣхъ размѣровъ наиближе къ разговорной рѣчи, рѣзко характеризуетъ новое направленіе. Дѣйствительно, ямбическая, элегическая, хореическая и лирическая поэзія, начиная съ Архилоха и далѣе, показываютъ совершенно новыя намѣренія у поэта и совершенно новую воспріимчивость у слушателей. Въ нихъ сильно высту-

паетъ личное чувство поэта и обстоятельства времени и мѣста. Въ гомерическое время, поэтъ былъ безыменнымъ органомъ исторической музы; слушатели были довольны, внимая пѣснямъ о былыхъ событіяхъ, вѣря и чувствуя вмѣстѣ съ пѣвцомъ; прелесть пѣсни не условливалась мѣстомъ и временемъ; поэзія не имѣла ихъ въ виду. Совсѣмъ не то у поэтовъ этого новаго времени. Въ сохранившихся стихахъ Симонида изъ Аморга видна смѣсь поученія съ ѣдкою насмѣшкой; при чемъ и то и другое было направлено на современныя отношенія. Душу краткихъ изліяній Алкея и Сапфо составляли ихъ собственныя личныя чувства и страданія, ихъ частныя и общественныя отношенія къ современной дѣйствительности. На поводы изъ современной жизни написаны также немногіе фрагменты, уцѣлѣвшіе отъ элегиковъ Калина, Мимнерма и Тиртея. Солонъ, Ѳеогнидъ и Фокиллидъ показываютъ то же. Они поучаютъ, одушевляютъ, порицаютъ или жалуются, но не повѣствуютъ эпически. Въ нихъ видно глубокое нравственное чувство, чуждое гомерическимъ пѣснямъ. Ни одинъ изъ нихъ не былъ въ состояніи просто передавать миѳы и находить въ томъ удовлетвореніе. Они приводятъ ихъ не иначе, какъ для какой-нибудь *своей* цѣли.

Когда жизнь перешла на сторону этого направленія, тогда повѣствовательная эпическая поэзія, сохраняя внѣшнимъ образомъ свой прежній характеръ, уже не могла сохранить своего прежняго духа, этого генія эпическаго, который выражается въ каждомъ гомеровскомъ стихѣ. Воодушевленіе поэта и симпатіи слушателей углубились тогда въ міръ, лежавшій передъ ними. Этимъ уже было подготовлено великое событіе, совершившееся вскорѣ, введеніе прозы, еще болѣе освободившее Грековъ отъ миѳологіи и еще болѣе привязавшее ихъ къ дѣйствительности и ея критическому изученію.

Небывалое доселѣ множество положительныхъ свѣдѣній скопилось около шестаго столѣтія въ Греціи. Греческія колоніи приносили извѣстія съ береговъ Чернаго моря и отдаленной Испаніи. Древній, мрачный Египетъ, съ его вѣковою цивилизаціей, съ колоссальными чудесами его зодчества, съ гордою мудростью его жрецовъ, открылся для греческихъ мореплавателей. И всѣ эти разсказы о дивахъ свѣта легко переходили изъ устъ въ уста при посредствѣ посѣтителей общихъ греческихъ національныхъ праздниковъ, на которыхъ всѣ Греки встрѣчались между собою. Какъ не возродиться было желанію письмомъ удержать отъ забвенія слышанное? Какъ не явиться было потребности черезъ сличеніе противорѣчи-

выхъ извѣстій отыскать самое достовѣрное? Дѣйствительно, въ это время сталъ развиваться историческій смыслъ, и начали показываться первые опыты исторической критики. Были положены сѣмена того взгляда на дѣло, который мы видимъ и которому еще и теперь учимся у Ѳукидида. Но этотъ взглядъ имѣлъ все свое достоинство только относительно исторической дѣйствительности; обращенный на миѳическое время, онъ оказался отрицательнымъ, разрушительнымъ.

Еще болѣе могущественная отрицательная сила явилась въ философскомъ мышленіи. Гомеръ зналъ міръ, какъ совокупность боговъ, личныхъ и свободныхъ. Теперь является новое міросозерцаніе, вмѣстѣ съ которымъ приходятъ въ употребленіе новыя слова, неизвѣстныя Гомеру, φύσις, природа, κόσμος, міръ. Смѣло выступаетъ даже антипатія къ народной миѳологіи. Ксенофанъ писалъ элегіи и ямбы, въ которыхъ нападалъ на Гесіода и Гомера. По Пиѳагору, оба поэта терпятъ въ аду жестокія наказанія за ихъ сказанія о богахъ: этотъ чудесный мудрецъ, увѣряло пиѳагорейское сказаніе, самъ слышалъ жужжаніе души Гесіода, прикованной къ мѣдному столбу, а Гомера нашелъ повѣшеннымъ на деревѣ и обвитымъ змѣями.

Гераклитъ тоже съ презрѣніемъ отзывался о Гомерѣ и Гесіодѣ и неодобрительно смотрѣлъ на народныя вѣрованія. Гомеръ заслужилъ, по его мнѣнію, чтобы его изгнали изо всѣхъ празднествъ и побили палками, τόν τε Ὅμηρον ἔφασκεν ἄξιον ἐκ τῶν ἀγώνων ἐκβάλλεσθαι καὶ ῥαπίζεσθαι. Наконецъ Анаксагоръ училъ, что солнце не болѣе какъ камень, а мѣсяцъ земля. Голосъ этихъ мыслителей находилъ сочувствіе у современниковъ, и въ обществѣ произошло раздвоеніе, рѣзко отличающее это время отъ времени гомерическаго. Миѳы, свободное выраженіе прежняго міросозерцанія, пустили въ народѣ корни, когда еще сказанія не нуждались въ доказательствахъ. Теперь они находились уже не передъ простою вѣрящею публикой, а передъ особеннымъ классомъ философовъ, историковъ, нравственныхъ учителей и критиковъ и передъ публикою, понятія которой уже отчасти измѣнились. Для такой среды они не были назначены; они перестали быть въ совершенномъ согласіи даже и съ низкими сферами разсудка и чувства. Но въ то же время они составляли драгоцѣнное наслѣдство, завѣщанное дорогимъ прошедшимъ; они были тысячеобразно переплетены съ религіей, съ мѣстными патріотическими преданіями; общій типъ миѳа былъ древней, привычной формой мысли, и сохранялъ еще большую, хотя и не вполнѣ сознаваемую, власть надъ самыми образованными людьми.

Совершенно отвергать миѳологію были не въ силахъ самые высокіе умы древности. Оставалось, стало-быть, только прилаживать ее къ новымъ понятіямъ и къ новымъ чувствамъ.

Перерабатывать миѳы сообразно новымъ мнѣніямъ людей и прилагать къ нимъ новосоставившійся канонъ нравственнаго и правдоподобнаго — было дѣломъ, котораго самые мудрые Греки не считали ниже себя. Можно различить четыре класса людей, которые брались за это дѣло: поэты, логографы, философы и историки. Ихъ трудъ надъ миѳами продолжался во всю древность и значительно участвуетъ въ томъ видѣ греческой миѳологіи, въ которомъ мы ее теперь знаемъ. Ихъ взгляды на миѳологію имѣли вліяніе на воззрѣнія новѣйшихъ ученыхъ и еще теперь отзываются въ наукѣ. Это дѣлаетъ необходимымъ и важнымъ ихъ изученіе, и Гротъ заслуживаетъ благодарность, что своимъ яснымъ обозрѣніемъ дѣла возобновилъ этотъ вопросъ въ ученой литературѣ.

Поэты и логографы ближе другихъ къ миѳологіи въ ея первоначальномъ видѣ и значеніи. Миѳическія лица для нихъ дѣйствительные предшественники историческихъ лицъ; они только выше ихъ, принадлежатъ не къ человѣческой дѣйствительности, а къ дѣйствительности боговъ и героевъ. Пиндаръ вѣритъ въ чудесное и сверхъестественное. «Богами совершенному я ничему до того не дивлюсь, чтобъ не вѣрить». Съ возвышеннымъ энтузіазмомъ, безъ тѣни гомерическаго легкомыслія, передаетъ онъ самыя невѣроятныя сказанія о Персеѣ, о Беллерофонтѣ, объ Аргонавтахъ. Героическіе предки помогаютъ въ его глазахъ своимъ знатнымъ потомкамъ, когда послѣдніе одерживаютъ побѣды на играхъ. Но сказанія которыя прямо противорѣчатъ его понятіямъ о богахъ, онъ не задумывается отвергнуть. Онъ возстаетъ съ негодованіемъ противъ миѳа, что умерщвленный Пелопсъ былъ поданъ безсмертнымъ богамъ какъ кушанье; онъ ужасается при мысли «назвать чревобѣснующимся кого-нибудь изъ блаженныхъ боговъ». Героевъ онъ иногда порицаетъ съ своей нравственной точки зрѣнія. Онъ высказываетъ отвращеніе къ Одиссею и чувствуетъ глубокую симпатію къ Эакиду Эанту (Аяксу). Со стыдомъ и неохотно упоминаетъ онъ о братоубійствѣ, совершенномъ Пелеемъ и Теламономъ надъ Фокосомъ, и какъ бы жалѣетъ, что не можетъ отрицать его истинности. Это вмѣстѣ показываетъ и чистосердечность его вѣры въ миѳы.

Эсхилъ и Софоклъ одушевлены такою же вѣрою въ миѳическое прошедшее Греціи. Они не ослабили миѳическіе образы низведеніемъ ихъ до простыхъ человѣческихъ размѣровъ, но еще возвы-

сили достоинство миѳологіи и миѳическаго времени. Эсхиловъ Промеѳей есть образъ гораздо болѣе возвышенный, нежели Промеѳей Гесіода. Недовольно утонченныя подробности Ѳиваиды и Эдиподіли были въ томъ же смыслѣ видоизмѣнены Софокломъ. Иногда эти трагики свободнѣе обращались съ миѳами, нежели Пиндаръ: они группировали по своему миѳическія событія или вносили въ нихъ новые мотивы, а иногда допускали такія сказанія, какихъ Пиндаръ не рѣшился бы допустить. Пиндаръ не могъ принудить себя повторять разсказы о распряхъ между богами. Трагики, вѣроятно наученные мистеріями, довѣрчивѣе смотрѣли на дѣло религіи; Эсхилъ даже любилъ противопоставлять новымъ богамъ старыхъ: Промиѳей и Зевсъ, Аполлонъ и Эвмениды являются въ его драмахъ открытыми противниками. Тѣмъ не менѣе торжественность, окружающая дѣйствія боговъ, фантастическое величіе, придаваемое имъ у Эсхила, не имѣютъ ничего подобнаго себѣ въ греческой литературѣ; нигдѣ религіозный элементъ миѳа не является въ такой силѣ, какъ у этого трагика. Софоклъ, краса греческой трагедіи, хотя и сохраняетъ въ цѣломъ величіе миѳическихъ образовъ, однакожь нѣсколько отступаетъ отъ манеры Эсхила; онъ болѣе дѣйствуетъ на собственно-человѣческія чувства, вызываетъ въ слушателяхъ симпатію къ своимъ героямъ. Онъ ближе къ Гомеру, нежели Эсхилъ.

Эврипидъ совершенно отдѣляется отъ первыхъ двухъ трагикокъ. Его порицатели говорили, что онъ опошлилъ миѳы и превратилъ миѳическихъ героевъ въ характеры вседневной жизни. «Софоклъ изображалъ людей, какими они должны быть, Эврипидъ — какими они есть» — вотъ сужденіе Аристотеля. Иногда Эврипидъ позволяетъ себѣ смѣшивать въ одно двухъ или трехъ разныхъ боговъ. Есть даже у него мѣста, по которымъ живой, личный Зевсъ не что иное, какъ безчувственный эѳиръ. Эврипиду нравились фривольные мотивы, часто у него влагаются оправдательныя рѣчи въ уста безнравственныхъ характеровъ. Онъ вывелъ на сценѣ кровосмѣшеніе въ домѣ Эола, непозволительную и несчастную страсть Федры и Сѳенебеи, предметы которыхъ, по мнѣнію его обвинителей, ему не слѣдовало бы избирать сюжетами для драмъ. Нѣтъ бо́льшаго контраста, какъ Эврепидъ и Эсхилъ или Пиндаръ. У одного возвышенные, фантастическіе образы, принадлежащіе къ высокому міру боговъ; все дышитъ энтузіазмомъ и величіемъ, и самая рѣчь напрягается въ смѣлыхъ и эллиптическихъ выраженіяхъ. У другаго вмѣсто участія боговъ — мелкія, иногда даже смѣшныя, людскія побужденія, вмѣсто возвышенныхъ героевъ —

вседневные характеры, вмѣсто энтузіазма — утонченность. Направленіе Эврипида было однакожь по времени. Позднѣйшіе трагики всѣ слѣдовали его примѣру. Миѳическія лица все болѣе и болѣе становились похожи на обыкновенныхъ людей.

Но все-таки, говоря вообще, душею греческой трагедіи была вѣра и глубокое уваженіе къ духу миѳологіи. Только дорожа имъ, греческая трагедія могла позволить себѣ измѣнять подробности въ миѳахъ: обладая духомъ миѳологіи, она считала себя въ правѣ пересоздавать миѳы. Нѣсколько иначе относились къ дѣлу и смотрѣли на него логографы. Они были не менѣе проникнуты уваженіемъ къ миѳологіи, но, менѣе геніяльные, они не такъ усвоили себѣ ея духъ и потому были принуждены болѣе дорожить подробностями. Ихъ цѣль была — привести миѳы въ порядокъ и устранить въ нихъ частныя противорѣчія. Такимъ образомъ они неожиданно слѣлались судьями миѳовъ, дѣлали изъ нихъ выборъ, прилагали къ нимъ нѣкотораго рода критику, хотя и весьма несовершенную и произвольную. Впрочемъ, въ большей части случаевъ они передавали миѳы такъ, какъ находили ихъ у поэтовъ или въ народномъ преданіи, устраняли, кромѣ противорѣчій, очень немногое и ничего не прибавляли отъ себя. Тщательными трудами они составили наконецъ такую послѣдовательную и, какъ имъ казалось, точную исторію прошедшаго, что Гелланикъ напр. считалъ себя въ состояніи опредѣлить годъ и день взятія Трои. При хронологическихъ опредѣленіяхъ они брали за основаніе генеалогію спартанскихъ царей и полагали на каждое поколѣніе по 30 лѣтъ. Во всемъ другомъ строгихъ правилъ у нихъ не было и никакой системы. Они руководствовались каждый своимъ субъективнымъ чувствомъ. Такъ Гекатей Милетскій превратилъ пса Кербера, лежащаго у вратъ ада, въ большую змѣю одной пещеры въ горѣ Тенарѣ, а эриѳійскаго Геріона въ эпирскаго царя, богатаго стадами быковъ. Въ этихъ отважныхъ нововведеніяхъ Гекатей является какъ будто раціоналистомъ. Но въ то же время онъ производилъ себя отъ Эанта, а черезъ него отъ Эака и Зевса. Логографы вообще вѣрили въ тѣ генеалогіи, которыя передавали, и серьозно связывали ихъ съ богами, но все-таки они значительно отняли у миѳологіи ея сверхъестественость и сгладили въ миѳахъ много характеристическаго.

Историки повели дѣло еще далѣе. Они не могли удовольствоваться буквальнымъ выписываніемъ миѳовъ и приведеніемъ ихъ въ извѣстный порядокъ. Привычка имѣть дѣло съ историческими доказательствами пріобрѣла большую силу надъ ихъ умами и сдѣ-

лала ихъ неспособными принимать всѣ подробности, найденныя ими у поэтовъ и логографовъ. Они однакоже не приложили исторической критики вполнѣ и не провели рѣзкой черты между миѳическими сказаніями и историческими извѣстіями. Въ нихъ замѣтна постоянная борьба двухъ направленій. Съ одной стороны—твердая вѣра въ дѣйствительность миѳическаго міра, съ другой—неспособность допускать отдѣльныя миѳическія повѣствованія.

Каждый изъ историковъ шелъ въ этомъ дѣлѣ своею дорогою, и есть большее различіе между точкою зрѣнія Геродота и Ѳукидида. Геродотъ былъ человѣкъ съ глубокимъ религіознымъ чувствомъ, съ вѣрою въ судъ боговъ, опредѣляющій историческія событія, съ робостью относительно всего, касающагося религіи. Онъ былъ увѣренъ въ дѣйствительности миѳологическихъ лицъ, родоначальниковъ греческаго народа, и не приходилъ ни разу къ мысли что въ нихъ можно видѣть созданіе вымысла. Миѳическія событія, начиная отъ похищенія Іо и Европы до осады Ѳивъ и Троянской войны, имѣли для него такую же достовѣрность, какъ сраженія при Саламинѣ и Микальскомъ мысѣ. Но когда ему приходится обстоятельнѣе думать и говорить объ отдѣльныхъ миѳическихъ событіяхъ, то въ немъ начинаетъ сказываться возникающая историческая критика. «Много и другаго говорятъ Геллены неосмотрительно, и неразумно также у нихъ сказаніе о Гераклѣ. Ежели онъ былъ одинъ, и при томъ еще человѣкъ, *естественно* ли, что онъ перебилъ многія тысячи?» Иногда Геродотъ предлагаетъ отъ себя болѣе естественное толкованіе миѳическаго преданія. Такъ въ Додонѣ пророчицы разсказывали ему о говорящей голубицѣ, прилетѣвшей изъ Египта и повелѣвшей человѣческими словами учредить Додонскій оракулъ. Ему это кажется невѣроятнымъ. Онъ перетолковываетъ сказаніе и полагаетъ, что голубицей названа была женщина, прибывшая изъ Египта. «Назвали ее голубицей отъ того, что Додонцамъ ея варварская рѣчь казалась похожею на птичью, а со временемъ она, по ихъ словамъ, стала говорить человѣческимъ голосомъ, когда научилась употреблять понятные имъ звуки; потому что какимъ образомъ иначе голубица заговорила бы человѣческимъ голосомъ?» Въ этомъ толкованіи виденъ уже раціонализмъ. Такимъ же образомъ Геродотъ перетолковалъ или передѣлалъ нѣсколько миѳовъ напр. миѳъ о Мелампѣ. Это миѳическое лицо является у него уже не божественнымъ мужемъ цѣлительной мудрости, а человѣкомъ, «который отчасти самъ собою дошелъ до прорицательнаго искусства, отчасти научился въ Египтѣ». Еще замѣчательная черта въ

Геродотовомъ отношеніи къ миѳамъ состоитъ въ его безусловномъ уваженіи къ Египту. Египетскіе жрецы произвели на него огромное впечатлѣніе своими разсказами о 17,000 годахъ египетской исторіи, а египетскіе памятники своею очевидною древностью побудили его признать ихъ разсказы за истинные. Онъ готовъ выводить все греческое изъ Египта, и не только выводить, но и повѣрять. Онъ съ недовѣріемъ смотритъ на греческія сказанія о Діонисѣ и Панѣ и предпочитаетъ имъ египетскія. Онъ опровергаетъ греческій миѳъ о Еленѣ, основываясь на указаніяхъ, сдѣланныхъ ему египетскими жрецами. Гомеръ, по его мнѣнію, исказилъ настоящее повѣствованіе, чтобъ сдѣлать его болѣе соотвѣтствующимъ эпической поэзіи, и онъ, какъ историкъ, старается возстановить его первоначальный смыслъ.

Еще болѣе, нежели Геродотъ, находится Ѳукидидъ подъ тяжестію двухъ противоположныхъ направленій. Онъ также раздѣлялъ общую вѣру въ миѳическую древность и въ то же время не былъ въ состояніи повѣрить почти ни одному преданію, какъ оно было находимо у поэтовъ или въ народномъ сказаніи. Онъ видѣлъ себя принужденнымъ многое выпускать, перемѣнять, соединять сызнова, прибавлять связывающіе члены, подкладывать предположительныя побужденія и цѣли, и успокоивался, только когда изъ сказанія выходила исторія, въ вѣроятности которой не было никакого основанія сомнѣваться. Миѳъ, такимъ образомъ передѣланный, терялъ то смѣшеніе религіи, поэзіи и индивидуальнаго приключенія, которое составляло его характеристическую особенность и первобытную прелесть, и получалъ вмѣсто того округленность, связность, политическій смыслъ и историческую вѣроятность, въ которыхъ не было ничего, могущаго возбудить сомнѣніе критика, но и ничего похожаго на первоначальное и подлинное созданіе народной фантазіи. Геродотъ допускалъ еще различіе между поколѣніемъ людей, каковы они теперь, и прежнимъ поколѣніемъ героевъ. Ѳукидидъ разсматриваетъ миѳическія лица точь-вточь какъ современныхъ себѣ людей и не только обсуживаетъ приписываемыя имъ дѣла по мѣрилу вѣроятнаго, но и предполагаетъ въ нихъ такіе же политическіе взгляды и виды, какіе онъ привыкъ отыскивать у Писистрата или Перикла. Троянская война становится у него великимъ политическимъ предпріятіемъ. Предки Агамемнона достигаютъ власти посредствомъ богатствъ, привезенныхъ Пелопсомъ изъ Азіи, и посредствомъ мудрости Атрея, намѣстника Эврисѳеева. Несмотря на то, у Агамемнона не было однакожь достаточно денегъ, чтобы собрать та-

кое войско, какое тогда было можно набрать со всей Греціи. Оттого съ нимъ пошло въ Азію только 100,000 человѣкъ. Но и для этого количества людей онъ не могъ заготовить потребнаго провіянта. Его армія должна была раздѣлиться на отряды, и это-то имѣло слѣдствіемъ замедленіе взятія Трои и десятилѣтнее продолженіе войны.

Имена лицъ, число воиновъ, продолженіе осады здѣсь тѣ же, какъ у Гомера, но форма и связь происшествій, побужденія и характеристическія черты совершенно другія. Ѳукидидовы изображеніе дѣла и эпическое повѣствованіе такъ разнородны, что, кажется, едва относятся къ одному и тому же событію.

Изъ историковъ, слѣдовавшихъ за Ѳукидидомъ, большая часть шла по пути, имъ избранному. Нѣкоторые строже прилагали правила критики и находились ближе ко истинѣ, но и они не были въ силахъ остаться вездѣ вѣрными своимъ лучшимъ понятіямъ. Такъ Эфоръ и Каллисѳенъ полагали, что изъ исторіи должно исключить всѣ сказанія, относящіяся къ времени до возвращенія Гераклидовъ. Это было весьма важное мнѣніе, котораго и теперь мы должны держаться. Тѣмъ не менѣе однакожъ самъ Эфоръ разсказывалъ миѳы о Гераклѣ, о Кадмѣ и Гармоніи, объ изгнаніи Этола изъ Элиды, и даже передѣлывалъ и переиначивалъ миѳы, напримѣръ превратилъ змѣю Пиѳона, убитую Аполлономъ, въ жестокаго царя. Каллисѳенъ написалъ даже цѣлую книгу о Троянской войнѣ. Это показываетъ, что и эти ученые не остались вѣрными своему взгляду и не отдѣляли совершенно миѳическаго времени отъ историческаго, а тоже превращали миѳъ въ исторію.

Болѣе всѣхъ распространилъ ложную методу превращать сказаніе въ исторію Мессеніецъ Эвгемеръ, современникъ Кассандра македонскаго. Онъ утверждалъ, что всѣ боги и герои были первоначально простые земные люди, замѣчательные своими дарованіями и полезными дѣлами, и зато обоготворенные по смерти. Онъ увѣрялъ, что во время экспедиціи въ Индійское море, предпринятой по повелѣнію Кассандра, ему удалось найдти страну, именемъ Панхаію, гдѣ нѣкогда жилъ весьма знаменитый мужъ Зевсъ, и былъ воздвигнутъ ему храмъ, въ которомъ сохранялись надписи, подробно излагавшія подвиги этого великаго человѣка. Всѣ другіе боги были будто бы также простые смертные, обоготворенные въ послѣдствіи. Теперь не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что эти увѣренія Эвгемера суть чистый подлогъ но въ свое время они произвели большой эффектъ, и многіе замѣчательные люди, въ томъ числѣ Полибій, приняли ихъ за истину. Рим-

скій поэтъ Энній перевелъ на латинскій языкъ Эвгемерову Historia sacra; о ней часто упоминаютъ съ похвалою Августинъ, Лактанцій и Минуцій Феликсъ.

Интересенъ еще другой авторъ съ подобнымъ направленіемъ, менѣе извѣстный. Это Палефатъ, время жизни котораго съ точностью неизвѣстно. «Иные, говорилъ Палефатъ, по недостатку просвѣщенія вѣрятъ всѣмъ ходящимъ въ народѣ баснямъ, другіе, болѣе осмотрительные, расположенные къ изслѣдованію, не вѣрятъ имъ вовсе». Палефатъ старается показать, что ни одно сказаніе не могло бы заслужить вѣры, еслибы вовсе не было основано на истинѣ, съ другой же стороны многое въ народныхъ сказаніяхъ противно аналогіямъ теперешнихъ естественныхъ явленій. Еслибы когда-нибудь бывали невѣроятныя нынѣ происшествія, они бывали бы и теперь, но очевидно, что ихъ никогда не бывало, и что всѣ они вымышлены поэтами. Это заставляетъ Палефата избрать средній путь, не принимать безусловно всѣхъ сказаній и не отвергать ихъ, а отдѣлять въ нихъ возможное отъ невозможнаго и невѣроятныя сказанія превращать въ правдоподобныя. Посмотримъ, какъ онъ это дѣлаетъ. Слѣдуя своему правилу, онъ не отвергаетъ напримѣръ сказанія о Кентаврахъ, но видитъ въ нихъ шайку молодыхъ людей изъ ѳессалькой деревни, называвшейся Нефела, облако. Эти молодые люди первые изъ всѣхъ Грековъ сѣли на лошадей, чтобы угнать къ себѣ стадо быковъ, принадлежавшее царю Лапиѳовъ, Иксіону. Они преслѣдовали ихъ съ копьями и оттого названы «пронзителями», *Κένταυρες*. Драконъ, умерщвленный Кадмомъ въ Ѳивахъ, былъ, по мнѣнію Палефата, не иной кто, какъ Драконъ, царь ѳивскій; сторукіе, сражавшіеся съ Титанами во время титаномахіи, были ѳессалійскіе поселяне изъ деревни Гекатонхиріи, Сторукой, и вели войну съ Титанами, пользуясь помощію не олимпійскихъ боговъ, а горныхъ жителей Олимпа. Пегасъ Беллерофонта, по Палефату, былъ на дѣлѣ не что̀ иное, какъ быстрое судно морскихъ разбойниковъ. Подобные результаты представляютъ maximum того, до чего можетъ дойдти желаніе видѣть въ миѳахъ историческія свидѣтельства. Посредствомъ разныхъ субъективныхъ предположеній мы достигаемъ правдоподобія нашего разсказа, но этотъ разсказъ лишенъ всякаго основанія и не опирается ни на одно положительное свидѣтельство.

Полуисторическая теорія была господствующею теоріей у всѣхъ историковъ древности, слѣдовавшихъ за Ѳукидидомъ. Уже выше было замѣчено, что Полибій высоко цѣнилъ сочиненія Эвгемера; послѣ этого не удивительно, что и онъ переиначивалъ миѳы до-

того, что Эолъ, властитель вѣтровъ, былъ, въ его глазахъ, опытный морякъ, умѣвшій предсказывать вѣтры, а Скилла и Харибда означали опасности, происходившія отъ морскихъ разбойниковъ въ Мессинскомъ проливѣ. Это нисколько не уменьшаетъ достоинства Полибія, какъ умнаго и проницательнаго цѣнителя историческихъ событій, но только показываетъ, какъ трудно было древнимъ совершенно отрѣшиться отъ обыкновенія видѣть въ миѳахъ историческія извѣстія. Основательный Страбонъ тоже не могъ избѣжать этой ошибки: у него Діоскуры выходятъ знаменитыми мореходцами, а Ѳесей, нисходящій въ адъ, путешественникомъ по отдаленнымъ краямъ земли. Только людямъ, которые были проще другихъ, удалось нѣсколько удержаться отъ подобныхъ странностей. Таковы Діодоръ и Павсаній. Первый по большой части выписывалъ безъ всякой критики изъ разныхъ книгъ цѣлыя мѣста и не бралъ на себя труда соглашать ихъ. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, тамъ, гдѣ онъ говоритъ отъ себя, онъ приближается къ воззрѣнію логографовъ, все-таки болѣе вѣрному. Въ началѣ четвертой книги своей« Исторической Библіотеки», по поводу миѳа о Гераклѣ, онъ протестуетъ противъ желанія обрѣзывать миѳы и низводить ихъ до уровня современной дѣйствительности; онъ требуетъ особенной мѣрки для опредѣленія до-исторической достовѣрности. «Въ миѳологіи не слѣдуетъ придирчиво изслѣдовать истину, не слѣдуетъ ябедничать противъ прекрасныхъ подвиговъ.» Но въ другихъ мѣстахъ Діодоръ отступаетъ отъ этого правила и излагаетъ исторію Урана, Кроноса и Зевса въ томъ родѣ, какъ ее вѣроятно излагалъ Эвгемеръ. Кромѣ того Діодоръ пользовался писателями, которые дотого смѣшали греческія, азіятскія, египетскія и ливійскія сказанія, что у него нѣтъ возможности добраться до того, что̀ принадлежитъ собственно Греціи.

Павсаній строже держится греческихъ народныхъ сказаній. Онъ дорожитъ мѣстными миѳами и дотого добросовѣстенъ, что даже не беретъ на себя труда логографа: онъ передаетъ все, что̀ слышалъ, и не утаиваетъ противорѣчій. Его благочестивая вѣра въ миѳы нисколько не потрясена, хотя и онъ иногда позволяетъ себѣ прибѣгать къ аллегорическому и историческому толкованію. Этимъ онъ заплатилъ дань своему времени. Онъ разсказываетъ, что когда онъ приступилъ къ своему сочиненію о достопримѣчательностяхъ Геллады, много сказаній казалось ему безсмысленными и незаслуживающими внимательнаго изученія; но, продолжая заниматься, онъ пришелъ къ убѣжденію, что древніе мудрецы съ намѣреніемъ говорили загадочнымъ языкомъ, и что въ ихъ сказаніяхъ заклю-

чено много драгоцѣнныхъ истинъ. Поэтому онъ сталъ считать обязанностью всякаго благочестиваго человѣка — изучать ходячія и признанныя сказанія о богахъ, а не отвергать ихъ.

Во время Павсанія рѣзко обозначились двѣ методы объяснять миѳы, одна — историческая или, какъ Гротъ ее называетъ, полуисторическая, образчики которой представлены выше, другая — аллегорическая. Первую обыкновенно прилагали къ сказаніямъ о герояхъ, послѣднюю къ сказаніямъ о богахъ. Первая ведетъ свое начало отъ логографовъ и была выработана историками; вторая принадлежитъ собственно философамъ.

Но прежде нежели перейдемъ къ разсмотрѣнію этой второй— аллегорической—методы передѣлывать миѳы и объяснять ихъ, представимъ нѣсколько общихъ заключительныхъ замѣчаній Грота о достоинствѣ и приложимости полуисторической методы объясненія миѳологіи Мы видѣли, къ какимъ страннымъ и произвольнымъ изложеніямъ повела она многихъ, весьма замѣчательныхъ ученыхъ древности. Въ наше время такихъ ошибокъ, конечно, уже не сдѣлаютъ. Теперь получили болѣе вѣрное понятіе о до-исторической древности и не станутъ искать въ ней такихъ предпріятій, какія принадлежатъ исключительно историческому времени. Но въ результатѣ и въ наше время полуисторическая метода равно безплодна. Она можетъ очистить миѳы отъ всего невѣроятнаго и сверхъ естественнаго, но что̀ останется послѣ такого очищенія? Вмѣсто миѳовъ, какъ они ходили въ народѣ, мы получимъ рядъ событій, возможныхъ и вѣроятныхъ, которыхъ могли бы быть приняты за дѣйствительныя событія, еслибы о нихъ было какое-нибудь историческое свидѣтельство, но которыя лишены всякаго подобнаго подтвержденія. Все въ нихъ очень естественно, но эта естественность совершенно такая же, какова естественность происшествій, разсказываемыхъ въ какомъ–нибудь современномъ романѣ. Они *могли* совершиться; иногда даже о нихъ можно сказать, что они *весьма могли* совершиться: но какъ бы ни была велика ихъ вѣроятность, все-таки недостаетъ положительнаго свидѣтельства, чтобы придать имъ значеніе дѣйствительныхъ событій. Въ день Платейскаго сраженія въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Нью–Йоркъ, *могъ* идти дождь, и Лондонъ *весьма могъ* быть покрытъ туманомъ, потому что онъ въ туманѣ бо́льшую часть года, но мы не можемъ сказать, что это было дѣйствительно такъ, потому что у насъ нѣтъ никакихъ средствъ узнать о томъ положительно. Съ другой стороны многое не весьма вѣроятное дѣйствительно совершается въ исторіи. Такъ напримѣръ Гротъ не находитъ никакого основанія

не вѣрить, что Ксеркъ прорылъ каналъ черезъ Аѳонскій полуостровъ, и что по этому каналу плылъ его флотъ, хотя это извѣстіе весьма невѣроятно, и казалось невѣроятнымъ уже древнимъ, напр. Ювеналу, написавшему въ X сатирѣ:

. . . . creditur olim
Velificatus Athos, et quantum Graecia mendax
Audet in historia . . . .

Наоборотъ многіе критики утверждали, что повѣствованіе о Троянской войнѣ нисколько не менѣе вѣроятно, чѣмъ повѣствованіе о крестовыхъ походахъ. Это и въ самомъ дѣлѣ можетъ быть такъ, но о крестовыхъ походахъ у насъ есть историческія свидѣтельства, а повѣствованіе о Троянской войнѣ основано все на однихъ сказаніяхъ. Мы его можемъ признать вѣроятнымъ, но дѣйствительнымъ событіемъ сдѣлалась бы для насъ Троянская война только въ томъ случаѣ, еслибы удалось найдти какой–нибудь историческій памятникъ, заставляющій признать ея дѣйствительность. Вѣра Грековъ въ Троянскую войну никакъ не можетъ замѣнить недостающаго свидѣтельства: Греки равно вѣрили во всѣ миѳы, и въ вѣроятные и въ невѣроятные; ихъ вѣра говоритъ въ пользу всей миѳологіи, которую однакоже никто не принимаетъ за исторію.

Не болѣе основательно обыкновеніе очищать сказанія отъ позднѣйшихъ прибавленій и возстановлять ихъ древнѣйшую форму, съ тѣмъ чтобы найдти въ ней нѣчто болѣе близкое къ исторической истинѣ. Полагаютъ, что въ древнѣйшемъ сказаніи должна быть менѣе искажена память о событіи. Это могло бы быть принято, еслибы было достовѣрно, что въ основаніи всякаго сказанія лежитъ дѣйствительно событіе. Но нѣтъ ничего, что̀ бы позволяло сдѣлать такое заключеніе. Ежели допустить, что вымыслъ часто овладѣвалъ дѣйствительнымъ событіемъ и на немъ строилъ свои фантастическіе образы, то все–таки нельзя отрицать, что фантазія не нуждается въ дѣйствительномъ событіи для своихъ созданій и можетъ изъ себя творить миѳическія сказанія. У насъ нѣтъ никакого средства отличить миѳъ, въ основѣ котораго есть дѣйствительность, отъ такого миѳа, который весь состоитъ изъ вымысла. Поэтому, отыскивая древнѣйшія сказанія, мы не приближаемся къ исторической истинѣ, а углубляемся во времена, все болѣе и болѣе отдаленныя отъ яснаго дня исторіи.

Итакъ, надобно рѣшительно отказаться отъ извлеченія изъ миѳовъ историческихъ свидѣтельствъ. Миѳы знакомятъ насъ только съ душевнымъ состояніемъ людей того времени, когда они произошли. Узнать изъ нихъ что–нибудь положительное о внѣшнихъ

историческихъ событіяхъ миѳологическаго времени — рѣшительно невозможно. Внѣшнія историческія событія во все продолженіе доисторической эпохи, — это такая область, въ которую, какъ въ счастливую страну Гипербореевъ, по словамъ Пиндара, нельзя проникнуть «ни пѣшкомъ, ни на кораблѣ.»

Полуисторическая метода была, какъ сказано, выработана логографами и историками. Философами предложена другая метода — аллегорическая, которая также, какъ и первая, была потомъ усвоена учеными новаго времени и вслѣдствіе того заслуживаетъ разсмотрѣнія и оцѣнки.

Философы рано начали указывать на неудовлетворительность народной миѳологіи. Одни изъ нихъ только нападали на народные миѳы, и въ особенности на ту форму, которую они приняли у Гомера и Гесіода. Другіе пытались объяснять миѳы съ своей точки зрѣнія и находить въ нихъ смыслъ, котораго невѣжественная толпа не подозрѣвала. Уже Ферекидъ Сирскій, принадлежащій къ смѣшаннымъ ѳеологамъ, а по нѣкоторымъ учитель Пиѳагора, давалъ совершенно новое значеніе Зевсу, Кроносу и Хѳонѣ (землѣ), признавая ихъ за начала всего. Пиѳагоръ, Парменидъ, Гераклидъ и Эмпедоклъ отыскивали таинственный смыслъ миѳологіи и перерабатывали миѳы по своему, de diis fabulati sunt, какъ говоритъ Макробій (1, 2). Всѣ они придавали миѳамъ такое значеніе, котораго не заключалось въ словахъ миѳологіи, слѣдовательно толковали миѳы болѣе или менѣе аллегорически. Такъ напр., по Эмпедоклу, Зевсъ есть огонь, Гера — земля, Аидоней или Адъ — воздухъ. Эмпедоклу же, кажется, принадлежитъ различеніе боговъ и демоновъ, сдѣланное для того, чтобы богамъ приписывать только хорошее, а все предосудительное и ненравственное относить къ демонамъ.

Но первая рѣшительная попытка аллегоризовать миѳы приписывается древними Ѳеагену Регійскому, жившему около 520 г. до Р. Х. *) Анаксагоръ и въ особенности ученикъ его Метродоръ Лампсакскій дали дальнѣйшее развитіе этому направленію. Анаксагоръ давалъ богамъ преимущественно умственное, или, какъ говорятъ древніе, этическое (нравственное) значеніе. Метродоръ давалъ, кажется, болѣе мѣста физическому толкованію. Онъ разрѣшалъ въ различныя комбинаціи физическихъ элементовъ и силъ не только лица боговъ, Зевса, Геры, Аѳины, но и лица Агамем-

*) См. Схоліи къ Гомеру, Ven. B. ad Σ. 67.

иона, Ахилла и Гектора. Онъ былъ, кажется, первымъ изобрѣтателемъ того толкованія миѳологіи героевъ, которое было потомъ принято нѣкоторыми новѣйшими учеными, какъ-то: Ушольдомъ Форхгаммеромъ, а равно и К. Фатеромъ, профессоромъ нашего Казанскаго университета. Во время Платона и Ксенофонта аллегорическое объясненіе было въ большомъ ходу; особенно Гомера старались представить великимъ мудрецомъ, скрывавшимъ отъ народа свои глубокія познанія и облекавшимъ ихъ въ форму миѳовъ. Платонъ не очень сочувствуетъ съ этими толкователями. Онъ называетъ ихъ *οἱ νῦν περὶ Ὁμήρου δεινοί*, начавшими съ недавняго времени показывать на Гомерѣ свою отвагу. Еще болѣе распространилось аллегорическое объясненіе въ 3 и 4 вѣкахъ по Р. Х., между стоиками и неоплатоническими философами, старавшимися найдти въ немъ защиту падавшаго язычества. Вообще аллегорическое объясненіе прилагалось преимущественно къ богамъ. Миѳы о герояхъ обыкновенно объяснялись исторически. Попытка Метродора дать аллегорическій смыслъ героямъ имѣла еще гораздо менѣе успѣха, нежели попытка Эвгемера превратить боговъ въ историческія лица. Такимъ образомъ двѣ теоріи, полуисторическая и аллегорическая, раздѣлили между собой всю миѳологію. Впрочемъ надобно замѣтить, что не всѣ позволяли себѣ аллегоризировать самыхъ высшихъ боговъ. Многіе полагали, что этимъ нарушается религія, и прилагали аллегорическую теорію только къ низшимъ богамъ.

Посредствомъ аллегоріи можно было вносить въ миѳы все, что только было угодно. Какъ кто смотрѣлъ на міръ, такъ и заставлялъ смотрѣть древняго миѳосочинителя. «То дѣлаютъ Гомера стоикомъ,» говоритъ Сенека, Ep. 88, то эпикурейцемъ, то перипатетикомъ, то академикомъ. Очевидно, въ Гомерѣ ничего этого нѣтъ, потому-что въ немъ есть все.» Это замѣчаніе римскаго философа очень мѣтко. Дѣйствительно, въ Гомерѣ сознаніе еще не раздѣлилось на отдѣльныя направленія; оно еще безразлично; въ немъ все есть, и потому нѣтъ еще ничего раздѣльнаго. Въ Гомерѣ мы видимъ совершенно другое состояніе сознанія, нежели наше, или то, въ которомъ были позднѣйшіе мыслители древности. Но у этихъ позднѣйшихъ философовъ недоставало силы, чтобы освободиться отъ воззрѣній своего времени и спуститься до гомерическаго міросозерцанія, — и вотъ они отыскиваютъ у Гомера свои взгляды на явленія міра и приписываютъ Гомеру такую точку зрѣнія и такую мудрость, которой онъ не имѣлъ и имѣть не могъ. Трудно было объяснить, какимъ образомъ Гомеръ

попалъ на мысль скрывать отъ народа свои обширныя познанія и такъ безбожно его морочить, но и тутъ кое-какъ нашлись: одни приписывали это низкому состоянію народныхъ понятій, другіе волѣ боговъ, которые не любятъ, чтобы о нихъ говорили прямо. При этомъ авторы первой гипотезы не обращали вниманія на то, возможно ли человѣку, даже самому геніяльному, возвыситься до такой степени надъ понятіями современниковъ, какъ они предполагали о Гомерѣ, и еще менѣе взвѣсили силу своего объясненія авторы второй гипотезы, ибо для кого боги были не лица, а аллегоріи нравственныхъ понятій и физическихъ силъ, тому нечего было ихъ бояться, и онъ бы не сталъ потворствовать ихъ желанію оставаться въ сумракѣ полуизвѣстности.

И полуисторическая, и эта аллегорическая теорія были вызваны желаніемъ дать миѳологіи нѣкоторое значеніе для того времени, когда послѣдователи этихъ теорій жили. Они еще такъ были заняты подробностями миѳологіи, что въ нихъ не могло родиться вопроса, какъ произошли миѳы. Они только спрашивали себя, что̀ миѳы означаютъ, и старались найдти въ нихъ то историческія свидѣтельства, то теоретическія истины. Почему историческое свидѣтельство превратилось въ миѳъ, и какимъ образомъ теоретическая истина, облеченная въ миѳическій покровъ, могла найдти себѣ вѣру въ народахъ и получить власть надъ ихъ религіознымъ сознаніемъ, этого еще не старались себѣ уяснить, и довольствовались тѣмъ, что все это приписывали произволу поэтовъ. А такъ какъ происшедшее вслѣдствіе произвола не можетъ подлежать строгимъ законамъ, то слѣдствіемъ такого воззрѣнія былъ совершенный произволъ при толкованіи миѳовъ. Мы привели выше нѣсколько примѣровъ странныхъ полуисторическихъ объясненій греческихъ миѳовъ. Приведемъ теперь нѣсколько образчиковъ того, какъ объясняли ихъ аллегористы.

По безыменному писателю въ Вестерманновомъ собраніи миѳографовъ, p. 328, каждаго личнаго или носящаго имя бога можно объяснять троякимъ образомъ, или исторически, πραγματικῶς, полагая напримѣръ, что онъ былъ царь, или психически, ψυχικῶς, давая напримѣръ Герѣ значеніе души, Зевсу значеніе духа, или физически, стихійно, στοιχειακῶς, показывая, что Аполлонъ — солнце, Посидонъ — море, Гера — верхній эѳиръ, Аѳина — нижній слой воздуха, Зевсъ — верхнее и Кроносъ — нижнее полушаріе. Выбирать одно изъ этихъ трехъ толкованій онъ совѣтуетъ, смотря по удобству. Богатое приложеніе аллегорическаго толкованія къ богамъ и миѳамъ о богахъ мы находимъ въ

разсужденіяхъ Фурнута и Саллюстія въ Галевомъ собраніи миѳологическихъ писателей. Саллюстій признаетъ божественное происхожденіе миѳовъ и называетъ поэтовъ вдохновенными, θεόληπτοι: боги были милостивы къ тѣмъ, кто разсказывалъ о нихъ достойные миѳы, и Саллюстій молитъ боговъ, чтобы они благосклонно приняли его объясненія. Онъ раздѣляетъ миѳы на пять классовъ: ѳеологическіе, физическіе, спиритуальные, матеріяльные и смѣшанные. По его мнѣнію, сказанія объ обманахъ, вѣроломствахъ и насиліяхъ, совершенныхъ богами, сочинены съ большимъ благоразуміемъ: здравый смыслъ сейчасъ замѣтитъ, что это аллегоріи, и такимъ образомъ придетъ къ заключенію объ аллегорическомъ значеніи прочихъ миѳовъ. Миѳографъ Гераклидъ также признаетъ аллегорію единственнымъ путемъ, на которомъ Гомеръ можетъ быть освобожденъ отъ обвиненія въ безбожіи. Онъ подробно доказываетъ, что разрушительныя стрѣлы Аполлона въ первой книгѣ Иліады не могутъ означать ничего другаго, кромѣ моровой язвы. Аѳина, удерживающая Ахилла, когда онъ берется за мечъ противъ Агамемнона, есть олицетвореніе раскаявающагося благоразумія. Подобнымъ образомъ Гераклидъ объясняетъ любовную сцену Зевса съ Герой на горѣ Гаргарѣ, раздѣленіе міра между Зевсомъ, Посидономъ и Адомъ, попытку олимпійскихъ боговъ возстать противъ Зевса, наказаніе, сдѣланное Зевсомъ Герѣ, низверженіе Гефеста съ неба на Лемносъ, и множество другихъ миѳовъ. Исторія Афродиты съ Аресомъ и Гефестомъ болѣе всего смущаетъ его; онъ предлагаетъ два объясненія, но ни одно, кажется, не удовлетворяетъ его самого. Другой безыменный писатель у Вестерманна, p. 329, аллегоризуетъ Скиллу и Харибду, и видитъ въ первой тѣлесныя слабости и страсти, во второй — душевныя немощи, между которыми человѣку трудно проплыть на плаваніи жизни. Приключеніе Одиссея съ Эоломъ должно, по его мнѣнію, показывать, какъ безполезно доброму человѣку обращаться во время опасности къ заклинателямъ и чародѣямъ: помощь такихъ людей можетъ обѣщать сначала что-нибудь хорошее, но подъ конецъ дѣло бываетъ еще хуже, чѣмъ прежде. Въ этомъ послѣднемъ объясненіи видно уже не столько желаніе аллегоризировать миѳы, сколько выводить изъ нихъ нравственное наставленіе для своего времени. Проклъ полонъ подобными аллегорически-нравственными объясненіями, между тѣмъ какъ разсужденіе объ астрологіи, помѣщенное въ Лукіановыхъ сочиненіяхъ, представляетъ примѣръ астрологическихъ толкованій. «Сообразно ли съ святостью боговъ полагать,

что Эней сынъ Аѳродиты, Миносъ — Зевса или Эскулапій — Марса? Нѣтъ, они родились подъ благосклонными показаніями планетъ, носящихъ имена этихъ боговъ.»

Выписанные здѣсь примѣры взяты изъ авторовъ, спеціяльно занимавшихся миѳологіей и болѣе имѣвшихъ дѣло съ объясненіемъ фактовъ миѳологіи, нежели старавшихся подчинять миѳологію какой-нибудь философской системѣ. Собственные философы не менѣе произвольно обращались съ миѳами. Выше уже приведено мѣсто Сенеки, въ которомъ онъ обвиняетъ философовъ, что одни изъ нихъ хотятъ сдѣлать изъ Гомера стоика, другіе — эпикурейца, третьи — перипатетика, четвертые — академика. Стоики показали болѣе всѣхъ настойчивости въ этомъ дѣлѣ. Въ Цицероновомъ сочиненіи De Natura Deorum есть довольно много извѣстій о томъ, какъ стоики перетолковывали миѳы, или, по словамъ ихъ приверженца Бальба, какъ они отыскивали изящный физическій смыслъ, заключенный въ нечестивыхъ сказаніяхъ. Уранъ, говорили они, потому изображается лишеннымъ мужеской силы, что представляемое имъ небесное, эѳирное, огненное существо — по стоикамъ, божественная душа міра — производитъ все изъ себя, не нуждаясь въ соединеніи съ другимъ существомъ. Кронос, по стоикамъ — время, χρόνος, и потому пожираетъ дѣтей, что вѣчность поглощаетъ протекающіе годы. Онъ скованъ сыномъ своимъ Зевсомъ, чтобы было обуздано его неукротимое стремленіе и допущена раздѣльность временъ. Самъ Зевсъ есть не что иное, какъ жизненное, огненное начало, небесный эѳиръ; супруга его, Гера или Юнона — мягкій, уступчивый и потому женственный воздухъ, разлитый между моремъ и небомъ. Посидонъ — воздухъ, проникающій море. Всѣ эти объясненія, интересныя, какъ выраженіе философской системы, не имѣютъ никакого объективнаго значенія относительно самой миѳологіи. Они не заимствованы изъ нея, а внесены въ нее. Точно то же и объясненія неоплатониковъ. Такъ Проклъ старался дать особенное метафизическое значеніе тріадѣ греческихъ боговъ: Зевса, Посидона и Ада. Зевсъ у него основное начало въ тріадѣ, или, какъ онъ говоритъ, — отецъ; Посидонъ — сила дѣйствующая, и Адъ — разумъ. Между тѣмъ, по миѳологіи, Зевсъ не отецъ другихъ двухъ боговъ, а братъ, и притомъ братъ младшій, и старшинство, а слѣдовательно и значеніе основанія принадлежитъ Аду.

Несмотря на такую произвольность аллегорическихъ толкованій, древніе мыслители, особенно изъ позднѣйшихъ временъ древности, очень дорожили ими и считали ихъ за собственный разумъ миѳологіи. Такъ Варронъ и Сцевола, римскіе мыслители и ученые,

принимали троякую ѳеологію: миѳическую или баснословную, государственную и физическую (т. е. аллегорическую). Первая была вся въ рукахъ поэтовъ и господствовала на сценѣ; это — общенародная баснословная ѳеологія. Вторая принадлежала государству или городской общинѣ, какъ таковой, и состояла въ порядкѣ общественаго богослуженія и религіозныхъ обрядовъ; она находилась въ вѣдываніи государственныхъ сановниковъ. Третья была исключительнымъ достояніемъ философовъ и передавалась ими въ школахъ немногимъ избраннымъ, тогда какъ толпа слѣдовала въ своихъ мнѣніяхъ за поэтами. Вся отвѣтственность за предосудительные миѳы популярной миѳологіи падала при этомъ взглядѣ на поэтовъ. Имъ была приписана вина во всѣхъ простонародныхъ предразсудкахъ: сановники допускали, чего не въ-силахъ были не допустить, и только заботились о неприкосновенности обрядовъ, въ сущности же находились въ согласіи съ философами.

Такъ изобразилъ Варронъ состояніе религіи своего времени. Она въ самомъ дѣлѣ состояла изъ народныхъ, поэтами переработанныхъ вѣрованій, изъ признанныхъ государствомъ обрядовъ поклоненія и изъ ѳеологическихъ ученій философовъ. Большинство народа вѣрило въ первыя, философы видѣли истину только во вторыхъ, а обряды поклоненія изъ уваженія къ государству признавались всѣми. Тѣмъ не менѣе раздвоеніе было полное, и философы презирали и считали совершенно ложными мнѣнія толпы, или признавая свои ученія за истину, или полагая, что истину узнать невозможно.

Здѣсь представляется вопросъ, для насъ чрезвычайно важный. Какой смыслъ могло имѣть увѣреніе философовъ, что они, а не народъ, находятся въ обладаніи истины? Могли ли они утверждать, что они знаютъ истинную миѳологію, въ томъ смыслѣ, что ихъ миѳологія первоначальная и подлинная, а народная — искаженная? Очевидно, этого они не могли утверждать, и ежели утверждали, то сильно ошибались. Изъ того времени, когда миѳологія создавалась, сохранились одни народныя вѣрованія; то, чему учили философы относительно миѳологіи, не основывалось ни на какомъ преданіи, а было обязано своимъ происхожденіемъ единственно умозрѣнію. Ежели въ ученіяхъ философовъ было что-нибудь болѣе истинное, нежели въ народныхъ вѣрованіяхъ, то это были истины, не принадлежащія къ миѳологіи и добытыя внѣ ея. Это была не сама миѳологія въ ея истинномъ, первоначальномъ видѣ, а мысли, возникшія въ умахъ позднѣйшихъ мыслителей по поводу миѳологіи. Сила ихъ лежала въ умозрительныхъ, а не въ историческихъ доказательствахъ. Для насъ слѣдовательно въ нихъ нѣтъ ничего обязатель-

наго : онѣ могутъ имѣть для насъ значеніе только какъ толкованія миѳологіи, а отнюдь не какъ свидѣтельства о ея подлинномъ, первоначальномъ смыслѣ. Мы знаемъ, какъ и вслѣдствіе какихъ побужденій онѣ возникли; мы можемъ прослѣдить всю ихъ исторію, можемъ оправдать ихъ появленіе, но никакъ не можемъ допустить, чтобы онѣ заключали въ себѣ первоначальное содержаніе миѳологіи. Напротивъ, мы имѣемъ всѣ основанія даже прямо отрицать, что въ миѳологіи было какое-нибудь содержаніе, искусственно облеченное въ миѳическую форму.

Такое содержаніе можно было бы предполагать только въ томъ случаѣ, еслибы было доказано, что греческая миѳологія обязана происхожденіемъ какому нибудь жреческому сословію, которое принуждено было передавать грубымъ и невѣжественнымъ Грекамъ свои религіозныя, физическія и историческія познанія подъ покровомъ символовъ. При этомъ предположеніи народъ принялъ бы символическую оболочку миѳовъ, а настоящій ихъ смыслъ остался бы собственностью жрецовъ, и только при этомъ предположеніи можно допустить аллегорическое или символическое объясненіе греческихъ миѳовъ. Дѣйствительно, къ этому предположенію прибѣгаютъ новѣйшіе ученые, склоняющіеся къ этому взгляду, напр. Крейцеръ, главный представитель символическаго объясненія миѳологіи.

Если въ миѳахъ заключается какой-нибудь внутренній сокровенный смыслъ, то очевидно, что кѣмъ-нибудь да онъ былъ вложенъ, слѣдовательно кто-нибудь въ отдаленное время происхожденія миѳологіи былъ въ состояніи вложить его въ миѳы. Такіе мудрецы, говорятъ, пришли въ Грецію съ Востока, преимущественно изъ Египта. Во время ихъ пришествія, греческій языкъ еще былъ въ младенчествѣ; и видимые символы могли служить лучшимъ средствомъ дѣйствовать на душу Грековъ. Ближайшимъ шагомъ затѣмъ былъ переходъ отъ видимыхъ символовъ къ символическимъ выраженіямъ, ибо открытое, буквальное сообщеніе дѣла, еслибы и было понято, не соотвѣтствовало бы никакой умственной потребности, и его выслушали бы по меньшей мѣрѣ съ равнодушіемъ. Поэтому древніе жрецы передавали свои ученія о богахъ, о природѣ и человѣкѣ — утонченный монооѳеизмъ и ѳеологическую философію — въ аллегорическихъ образахъ, и къ этой-то цѣли были направлены всѣ древнѣйшіе миѳы. Но между тѣмъ выросъ подъ руками поэтовъ другой разрядъ миѳовъ, болѣе популярный и привлекательный, — миѳы чисто эпическіе, описывавшіе дѣйствительныя или предполагаемыя событія прошедшаго.

Аллегорическіе миѳы, принятые поэтами отъ жрецовъ, мало-помалу смѣшались съ миѳами повѣствовательными; о символизованномъ содержаніи перестали думать, символизующія слова принимались въ ихъ буквальномъ смыслѣ, и основанія древней аллегоріи, потерянные такимъ образомъ въ народѣ, сохранились только какъ тайна въ разныхъ религіозныхъ братствахъ, которыя состояли изъ членовъ, посвященныхъ въ извѣстныя мистическія церемоніи, сообщавшіяся наслѣдственнымм фамиліями предсѣдательствующихъ жрецовъ. Въ орфическихъ и бакхическихъ сектахъ, въ элевсинскихъ и самоѳракійскихъ мистеріяхъ были собраны такимъ образомъ тайныя ученія, содержавшіяся въ древнихъ ѳеологическихъ и философическихъ миѳахъ. Лицамъ, которыя прошли чрезъ предварительныя церемоніи посвященія, сообщалось наконецъ, хотя и подъ строгимъ обязательствомъ скрывать тайну, древнее религіозное и космогоническое ученіе, открывавшее назначеніе человѣка и сообщавшее увѣренность въ награду и наказаніе по смерти, — сообщалось въ видѣ совершенно свободномъ отъ искаженій, сдѣланныхъ поэтами, и отъ символовъ и аллегорій, въ которыхъ оно было погребено для глазъ простаго народа. Таково предположеніе символиковъ. Оно относитъ начало мистерій къ самымъ древнимъ временамъ и дѣлаетъ ихъ единственными вѣрными проводниками той чистой ѳеологіи и науки о мірѣ, которую будто бы сообщило въ глубокой древности, подъ условленной тогдашнимъ временемъ несоотвѣтственной формой символа и аллегоріи, обладавшее высокими познаніями сословіе восточныхъ жрецовъ жителямъ Греціи, тогда еще варварскимъ.

Но теперь уже доказано, что эта теорія, хотя она и была принята многими учеными, весьма недостаточна и ошибочна. Она основана на совершенно ложномъ понятіи объ умственномъ состояніи древнѣйшаго времени и о содержаніи мистерій. «Антисимволика» Фоса и сочиненіе знаменитаго кенигсберскаго филолога Лобека о мистеріяхъ, называющееся «Аглаофамъ», ясно показали, что̀ надобно думать объ этомъ вымышленномъ высокомъ ученіи жрецовъ, а «Аглаофамъ» Лобека сдѣлалъ несомнѣннымъ, что въ мистеріяхъ не передавалось никакихъ таинственныхъ ученій.

Чистое ученіе, которое будто бы лежало въ основаніи символическихъ миѳовъ и впослѣдствіи было затемнѣно, оказывается не чѣмъ инымъ, какъ плодомъ фантазіи людей, толковавшихъ миѳы. Содержаніемъ мистерій была та же народная миѳологія, взятая въ ея главныхъ событіяхъ и въ ея общности; словъ произносилось въ

нихъ очень мало; посвященные видѣли передъ собою смѣну великихъ фазъ миѳологіи, и изъ этого зрѣлища извлекали все то, о чемъ говорятъ древніе, какъ о высокихъ истинахъ, получаемыхъ изъ мистерій. Ученія въ мистеріяхъ не было, а ежели въ мистеріяхъ не было ученія, то, значитъ, нѣтъ ни малѣйшаго основанія предполагать существованіе его въ такія отдаленныя времена, какъ тѣ, къ которымъ относится происхожденіе миѳологіи. Только ежели бы сохранилось гдѣ-нибудь древнее чистое ученіе, можно было бы повѣрить, что оно существовало въ глубокой древности. Но оно не сохранилось нигдѣ, и изъ глубокой древности до насъ дошли только миѳы, — такіе, какимъ вѣрилъ народъ. Такимъ образомъ предположеніе, на которомъ основывается аллегорическая теорія, само по себѣ невѣроятное — ибо какъ объяснить раздѣленіе всего языческаго человѣчества на многомудрыхъ жрецовъ и на невѣжественные народы? а къ этому ведетъ гипотеза, распространенная на миѳологіи всѣхъ языческихъ народовъ, — теряетъ послѣднюю историческую основу, и намъ остается принять, что миѳы не заключали въ себѣ первоначально никакого скрытаго смысла, который мы могли бы въ нихъ открыть, а и первоначально имѣли только свое собственное значеніе. Изъ этого слѣдуетъ, что объяснять миѳы можно не изъ предположенной какой-нибудь жреческой мудрости, а изъ того душевнаго состоянія, которое въ нихъ выразилось. Ежели миѳы сами по себѣ не походятъ ни на исторію, ни на философію, то рѣшительно непозволительны тѣ операціи, которыя искусственно превращаютъ ихъ то въ исторію, то въ философію. Происхожденіе ихъ можно объяснить только посредствомъ вниканія въ то совершенно особенное душевное состояніе, которое ихъ породило, и которое только изъ нихъ можетъ быть узнано. Миѳы произошли, какъ миѳы, и какъ миѳы должны быть понимаемы. Ихъ исторія не состоитъ въ затемненіи прежняго чистаго ученія символическою оболочкой, а какъ всякая исторія, есть процесъ къ лучшему и высшему.

Уже многіе изъ великихъ людей древности не одобряли превращенія миѳовъ въ исторію и философію и старались спасти достоинство сказаній, составлявшихъ прелесть ихъ литературы и существо ихъ религіи. Такъ у Платона въ «Федрѣ», когда Сократа спросили, вѣритъ ли онъ въ похищеніе Ориѳіи Бореемъ, онъ отвѣчалъ, что ему очень легко было бы объяснить этотъ миѳъ аллегорически и видѣть въ похитителѣ Борећ уносящій и сбрасывающій человѣка со скалы сѣверный вѣтеръ, но что онъ предоставляетъ такую дешевую возможность показать свое остроуміе другимъ, а

принимаетъ миѳъ такъ, какъ онъ есть. Подобный же взглядъ на специфическое значеніе миѳа проглядываетъ въ совѣтахъ Платона относительно того, какіе миѳы могутъ быть допущены въ его идеальное государство. Очень многихъ миѳовъ онъ не одобряетъ и совѣтуетъ замѣнить ихъ другими, но не позволяетъ себѣ ни измѣнять ихъ, поддѣлывая подъ историческія событія, ни аллегорировать. Въ немъ живетъ еще духъ миѳологіи, и онъ чувствуетъ въ себѣ силы создавать новые миѳы, для прославленія боговъ и героевъ и для возбужденія гражданъ къ нравственному и прекрасному. Онъ глубоко уважалъ миѳическіе образы и былъ энтузіастическій поклонникъ Гомера. Для него миѳы были религіозныя вѣрованія.

Съ этой же точки зрѣнія смотритъ на миѳы и Гротъ. Онъ оказалъ не малую заслугу тѣмъ, что рѣзко охарактеризовалъ полуисторическую и аллегорическую методу пониманія миѳовъ и выставилъ на видъ ихъ недостатки. Въ первомъ изданіи онъ еще не такъ рѣшительно отзывался объ аллегорической теоріи и былъ готовъ допустить ее въ извѣстныхъ границахъ. Но рецензія, помѣщенная на его «Исторію» въ послѣдней (октябрской) книжкѣ Edinbourgh Review на 1846 годъ, побудила его измѣнить свое мнѣніе и стать рѣшительнѣе. Во второмъ изданіи онъ уже признаетъ, что аллегорія вовсе не должна быть допускаема при объясненіи миѳовъ, и мы можемъ только радоваться, что такой умъ, какъ Гротъ, перешелъ совсѣмъ на сторону противниковъ аллегоріи. По теперешнему мнѣнію Грота, въ миѳологіи слѣдуетъ искать не исторіи и не философіи, а религіозныхъ вѣрованій. Миѳологія можетъ походить на исторію, потому что повѣствуетъ; она можетъ походить на философію, по одинаковости содержанія: но въ своей сущности она есть выраженіе народной вѣры въ боговъ и героевъ. «Греческая древность, говоритъ Гротъ въ концѣ 16-й главы, можетъ быть понята только въ связи съ греческою религіей.»

Но нельзя не замѣтить, что Гротъ точнѣе указалъ недостатки ложныхъ путей въ объясненіи миѳологіи, нежели опредѣлилъ вѣрный путь. Онъ только указываетъ на религію, но не углубляется въ сущность греческой религіи, чтобы изъ нея уразумѣть греческую миѳологію. При своемъ изложеніи миѳологіи онъ идетъ фактическимъ путемъ, излагаетъ факты миѳологіи, какъ они ему представлялись въ источникахъ, и устраняетъ всѣ историческія и аллегорическія толкованія. Этимъ онъ очистилъ миѳологію и представилъ ее въ настоящимъ видѣ, но она остается у него необъ-

ясненною, и самое изложеніе ея, чисто эмпирическое, не приближается къ научному систематическому характеру.

Ежели миѳологія обязана своимъ происхожденіемъ тому времени, когда еще не было дано въ раздѣльности все разнообразіе сферъ человѣческой жизни, когда всѣ проявленія человѣческаго духа еще были слиты съ религіей и получали отъ нея свой характеръ, ежели, слѣдовательно, въ греческой миѳологіи выразилось преимущественно религіозное сознаніе греческаго народа, то очевидно, что для пониманія того душевнаго состоянія, которое произвело миѳологію, необходимо понять существо языческаго религіознаго сознанія и то, какимъ путемъ могло дойдти его естественное развитіе до того состоянія, которое характеризуетъ греческую миѳологію. Вотъ тайникъ, въ который необходимо проникнуть, прежде нежели можно попытаться съ успѣхомъ объяснить подробности греческой миѳологіи и тотъ ея характеръ, который ставитъ ее выше другихъ миѳологій. Но въ такую глубь Гротъ не проникаетъ. Онъ оставляетъ въ сторонѣ этотъ коренной вопросъ и даже едвали вполнѣ сознаетъ его важность. По крайней мѣрѣ, кажется, что онъ считаетъ его неразрѣшимымъ, и потому беретъ греческую религію и миѳологію какъ фактъ. «Я очень далекъ, говоритъ онъ, отъ того, чтобы браться удовлетворительно объяснить высокое изящество греческаго эпоса. Въ высшихъ произведеніяхъ индивидуальнаго генія есть нѣчто, укрывающееся отъ философской теоріи: особенное дыханіе музъ должно участвовать въ ихъ созданіи. Даже между любимцами музъ много призванныхъ, но мало избранныхъ, и особенность этихъ немногихъ остается еще и теперь тайной.» Геніяльность греческаго народа, объяснимая изъ общаго хода развитія языческаго человѣчества, съ этой точки зрѣнія остается необъясненною и, что еще болѣе, необъяснимою. Вслѣдъ за этимъ мѣстомъ Гротъ продолжаетъ:

«Мы не должны также забывать, что греческій языкъ былъ необходимымъ условіемъ изящества греческихъ миѳовъ. Его богатство, гибкость и способность образовать новыя сочетанія словъ, его количественный метрическій выговоръ, знаменательность его собственныхъ именъ, все это имѣло большое участіе въ образованіи греческой миѳологіи.»

Въ этихъ словахъ также видно отсутствіе того глубокаго пониманія историческаго процесса, которое сдѣлалось возможнымъ послѣ трудовъ нѣмецкихъ историковъ и мыслителей. Объяснять изящество греческой миѳологіи изяществомъ греческаго языка то же самое, что приписывать напр. процвѣтаніе въ Греціи ваянія

тому, что у Грековъ процвѣтала архитектура. И языкъ и миѳологія происходятъ изъ одного и того же источника и принимаютъ свой опредѣленный народный характеръ въ одно и то же время. Миѳологія находится не въ зависимости отъ языка, а въ неразрывной связи съ языкомъ, и ежели можно говорить о зависимости одного изъ этихъ двухъ параллельныхъ явленій, то скорѣе можетъ быть рѣчь о зависимости языка отъ миѳологіи. Миѳологія столько же, сколько языкъ, или еще болѣе, отдѣляетъ одинъ народъ отъ другаго. Въ ней выражается самое существенное отличіе народнаго характера. Ею опредѣляется все міросозерцаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вся практическая дѣятельность народа.

Изящество греческой миѳологіи не можетъ быть объяснено изяществомъ языка или какого-либо другаго проявленія греческой жизни. Оно объяснится только тогда, когда будетъ понято происхожденіе греческой миѳологіи въ общемъ движеніи миѳологическаго процесса. Но Гротъ не составилъ себѣ довольно опредѣленнаго представленія объ отношеніи греческой миѳологіи къ другимъ и вообще о происхожденіи миѳологіи. Онъ говоритъ, что сущность миѳологіи составляетъ народная религія, народныя вѣрованія въ боговъ и героевъ. Съ этимъ нельзя не согласиться. Но Гротъ представляетъ себѣ дѣло такъ, будто бы народныя вѣрованія уже существовали, когда миѳологія происходила, т. е. будто бы въ миѳахъ выражались уже существовавшія народныя вѣрованія. Было напримѣръ поклоненіе какому-нибудь богу съ различными обрядами и съ опредѣленными представленіями о свойствахъ бога; согласно съ этими, уже существовавшими представленіями, полагаетъ Гротъ, составлялись миѳы о дѣлахъ бога, и еще другіе миѳы слагались для объясненія существовавшихъ обрядовъ. Такъ въ Аѳинахъ на акрополѣ было священное оливковое дерево; тамъ же кормилась ручная змѣя ὠὶ οὐρῶν ὄφις, и находился источникъ морской воды: эти обстоятельства вызвали множество миѳовъ, которыми объяснялось значеніе этихъ священныхъ предметовъ. Утесистый, бѣдный островъ Делосъ былъ знаменитъ Аполлоновымъ храмомъ: надобно было объяснить, почему великое святилище находится на такомъ незначительномъ островкѣ, и вотъ опять происходятъ сказанія, изъ которыхъ одно сохранилось въ гомерическомъ гимнѣ къ Аполлону. Такимъ образомъ обрядъ вызываетъ миѳъ, и этому-то происхожденію Гротъ наклоненъ приписать большую часть религіозныхъ миѳовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что не мало миѳовъ произошло такимъ образомъ, но ежели брать дѣло въ цѣломъ, то этого объясненія нельзя будетъ допустить. Миѳы могли такъ проис-

ходить, но не такъ произошла миѳологія. Еслибы мы даже приняли такое объясненіе, оно ничего бы не объяснило, ибо, принявъ, что миѳъ произошелъ отъ обряда, мы пришли бы къ вопросу, откуда же обрядъ? Сверхъ того очевидно, что миѳы, которыхъ цѣль объяснить существующій обрядъ, не могутъ имѣть никакого существеннаго значенія; въ нихъ долженъ господствовать большой произволъ, ибо каждый миѳосоставитель могъ объяснять данный обрядъ по своему и только въ общихъ чертахъ долженъ былъ согласоваться съ народными понятіями. Еслибы большая часть миѳовъ произошли такимъ образомъ, между миѳами не могло бы быть такого согласія, какое мы все-таки замѣчаемъ въ миѳологіи, несмотря на всѣ противорѣчія. Гротъ напримѣръ высказываетъ предположеніе, что всѣ миѳы о Кронос̀ѣ и Ура̀нѣ произошли изъ желанія объяснить существовавшее уже поклоненіе Зевсу и предложить повѣствованіе о происхожденіи этого бога. Но мы уже выше замѣтили, что греческіе миѳы о Кронос̀ѣ и Ура̀нѣ находятся въ замѣчательномъ соотвѣтствіи съ исторіей азіятскихъ религій, а этого соотвѣтствія не могло бы быть, еслибы они были составлены для объясненія господствовавшаго поклоненія, а не заключали въ себѣ памяти о дѣйствительной исторіи греческой религіи. Если же миѳы о Кронос̀ѣ и Ура̀нѣ содержатъ въ себѣ преданія изъ времени, предшествовавшаго времени поклоненія Зевсу, то ихъ происхожденіе должно быть древнѣе, нежели происхожденіе тѣхъ обрядовъ, существованіе которыхъ, по мнѣнію Грота, они были назначены объяснять. Изъ этого уже ясно, что раздрядъ миѳовъ, объясняющихъ поклоненіе, долженъ быть весьма ограниченъ. Въ главнѣйшихъ миѳахъ мы имѣемъ право искать такого же существеннаго религіознаго значенія, какъ и въ обрядахъ.

Итакъ, ежели мнѣніе Грота вѣрно, что въ миѳологіи выражается религія, то его представленіе о томъ, ка̀къ въ миѳологіи выражается религія, никакъ не можетъ быть принято для всѣхъ миѳовъ. Принимая, что религіозныя вѣрованія выразились въ миѳологіи, мы не можемъ принимать, что въ миѳологіи выразились уже готовыя религіозныя вѣрованія. Напротивъ, все заставляетъ полагать, что въ миѳологіи выразились происходящія религіозныя вѣрованія, и что миѳологія возникла именно изъ потребности выразить происхожденіе новыхъ вѣрованій и измѣненіе старыхъ. Миѳы повѣщали о томъ, что̀ происходило въ религіозномъ сознаніи: когда въ сознаніи ощущалось дѣйствіе какого-нибудь новаго начала, тогда возникало сказаніе о рожденіи какого-нибудь бога; когда сознаніе внутри себя ощущало борьбу двухъ началъ, миѳъ

повѣствовалъ о борьбѣ двухъ боговъ; побѣждало одно начало другое, являлся миѳъ о побѣдѣ одного бога надъ другимъ. Такимъ образомъ миѳъ выражаетъ то, что̀ дѣйствительно ощущается въ сознаніи; въ немъ высказываются перемѣны, которыя дѣйствительно происходятъ въ сознаніи; его повѣствовательная форма имѣетъ собственное, а не переносное значеніе, потому что миѳъ повѣствуетъ о дѣйствительной внутреннеї исторіи сознанія. Таково первое происхожденіе миѳа, которое одно въ состояніи объяснить миѳологію.

Такъ какъ состояніе языческаго религіознаго сознанія не было истинное, то оно, естественно, подлежало измѣненіямъ. Время само собою приносило эти измѣненія, и они ощущались въ сознаніи; вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалась потребность дать ощущеніямъ внѣшнее выраженіе. Отсюда произошли съ одной стороны миѳъ, какъ повѣствованіе о томъ, что̀ было почувствовано въ сознаніи, и съ другой стороны обрядъ, какъ выраженіе ощущенія въ дѣйствіи. Напримѣръ на островѣ Критѣ произошелъ нѣкогда миѳъ, что новый богъ Зевсъ родился, но что онъ еще младенецъ и находится въ опасности отъ своего отца Кроноса, бога грознаго, имѣвшаго обычай пожирать своихъ дѣтей. Все, что̀ повѣствуется въ этомъ миѳѣ, было дѣйствительно ощущаемо въ религіозномъ сознаніи; оно страшилось древняго кровожаднаго бога и боялось за новаго бога, еще слабаго, который въ немъ возникалъ. Оно предчувствовало однакожь побѣду послѣдняго и встрѣчало съ радостью его рожденіе. Эти ощущенія побуждали къ дѣйствію; поклонники и защитники Зевса-младенца стали плясать во всеоружіи, выражая тѣмъ и свою веселость и желаніе оглушить стукомъ оружія грознаго Кроноса, чтобы скрыть отъ него новорожденнаго бога. Ихъ влекло къ пляскѣ и стуку оружіемъ сильное ощущеніе радости и вмѣстѣ робкаго опасенія, и вотъ, вслѣдствіе такого душевнаго состоянія, возникъ на островѣ Критѣ обрядъ, состоявшій въ военной пляскѣ, какъ будто надъ младенцемъ Зевсомъ. Въ обрядѣ выразилось то же самое, что въ миѳѣ; обрядъ и миѳъ одновременны и взаимно себя объясняютъ. И въ миѳѣ и въ обрядѣ высказалось новое вѣрованіе, еще только происходившее.

Точно то же можно видѣть и въ древнѣйшемъ изъ миѳовъ — въ миѳѣ о лишеніи Урана Кроносомъ мужеской силы. Стоики полагали, что этимъ миѳомъ будто бы означается всегдашее состояніе Урана, этого небеснаго, жизненнаго существа, не нуждающагося въ другомъ существѣ для производительности. Но ежели бы такое объясненіе было вѣрно, зачѣмъ бы миѳу повѣствовать о *ли-*

шеніи Урана мужеской силы, а не повѣствовать просто, что у Урана не было съ самаго начала мужеской силы? Послѣднее было бы гораздо вѣрнѣе. Но дѣло въ томъ, что миѳъ описываетъ не всегдашнія качества Урана, а событіе, случившееся съ нимъ. Уранъ былъ въ древности мужескимъ божествомъ: какъ таковому, поклонялись ему всѣ народы, знавшіе только астральную или сабистическую религію. Это былъ всеобъемлющій и вѣчно-неизмѣнный богъ неба, непрестанно движущійся въ круговращеніи небесныхъ свѣтилъ, — богъ чисто внѣшній и чуждый человѣку, не имѣющій ни сердца, ни образа. Поклоненіе такому богу не могло удержаться навсегда; по истеченіи требовавшагося времени этотъ богъ началъ смягчаться, принимать женственный характеръ, — и вотъ прошло между людьми сказаніе, что богъ Уранъ потерялъ мужескую силу, и что изъ его крови родилась богиня Афродита Уранія. Таковъ миѳъ, собщенный намъ Гесіодомъ, а на Востокѣ ему соотвѣтствуетъ дѣйствительный историческій переходъ отъ поклоненія астральному богу къ поклоненію небесной богинѣ, которая, какъ мы знаемъ, почиталась въ особенности Вавилонянами и носила у нихъ имя Милитты (Геродотъ называетъ ее по-гречески Ураніей). Гесіодическій миѳъ сталобыть не описываетъ символически качество огненнаго начала стоиковъ, а повѣствуетъ о дѣйствительномъ измѣненіи, происшедшемъ нѣкогда въ религіозномъ сознаніи предковъ греческаго народа.

Такимъ же образомъ и всѣ главнѣйшіе миѳы свидѣтельствуютъ намъ объ исторіи религіознаго сознанія. Изучая ихъ, мы узнаемъ драгоцѣннѣйшіе факты внутренней исторіи человѣчества, и наши историческія свѣдѣнія обогащаются совсѣмъ въ иномъ объемѣ, нежели какъ они обогатились бы, еслибы въ миѳахъ заключались, какъ полагаетъ полуисторическая теорія, свидѣтельства о внѣшнихъ историческихъ событіяхъ. Миѳы суть сами свидѣтельства, но свидѣтельства о событіяхъ, совершавшихся внутри религіознаго сознанія, свидѣтельства несравненно болѣе важныя, нежели тѣ, которыя хотѣла отыскать въ миѳахъ полуисторическая теорія.

Внутренняя исторія религіознаго сознанія—вотъ что должно быть результатомъ научныхъ миѳологическихъ изслѣдованій. Не нужно прибавлять, что этой цѣли Гротъ не имѣлъ передъ собою. Онъ сдѣлалъ только то, чего не могъ сдѣлать ученый съ такимъ замѣчательно-яснымъ умомъ, какъ онъ. Онъ не послѣдовалъ миѳологическимъ теоріямъ, очевидно ошибочнымъ, и очень опредѣ-

ленно указалъ на ихъ недостатки. Онъ не сказалъ о существѣ миѳологіи ничего ложнаго, но и не раскрылъ ея положительнаго значенія и ограничился простымъ изложеніемъ миѳовъ. Онъ вовсе не пытался проникнуть въ глубину того религіознаго процесса, которымъ миѳы были созданы, и который въ нихъ описанъ. Вообще его мало интересуетъ религіозное состояніе. Въ этомъ отношеніи онъ еще не совсѣмъ освободился отъ обычая прежнихъ историковъ не знать другой исторіи, кромѣ политической: для литературы онъ уже дѣлаетъ исключеніе и допускаетъ ее въ свою исторію, но религіи, этого средоточія человѣческой жизни, касается только мимоходомъ. Даже тамъ, гдѣ было бы такъ легко сдѣлать очеркъ религіознаго состоянія, именно въ изложеніи внутренняго быта Греческаго народа по Гомеру, онъ не дѣлаетъ того и даже не представляетъ извлеченія изъ превосходной книги Негельсбаха по этой части: Die homerische Theologie.

Зато, гдѣ нужно здраво обсудить политическій бытъ, тамъ онъ въ своей сферѣ. Интересъ его сочиненія возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ оно достигаетъ собственно исторической почвы. Самые блистательные у Грота тѣ томы, гдѣ онъ имѣетъ дѣло съ аѳинскою исторіей. Здѣсь его обширный и проницательный умъ вынуждаетъ удивленіе. Но и въ той первой, легендарной части его сочиненія, которая одна составляетъ теперь предметъ нашего разсмотрѣнія, есть уже главы, заставляющія предчувствовать, что̀ ожидаетъ впереди читателя. Къ такимъ главамъ безспорно относятся двѣ заключительныя главы первой части, 20-я и 21-я, гдѣ говорится о состояніи общества и нравовъ, какъ ихъ представляетъ греческая легенда, и о греческомъ эпосѣ.

Мѣсто между 16-ю и 17-ю главою, содержаніе которыхъ мы передали, и этими заключительными главами занято изложеніемъ послѣднихъ событій греческаго доисторическаго времени (возвращеніе Гераклидовъ, переселеніе Ѳессаловъ и Беотовъ, переселенія эолійское, іонійское и дорійское изъ Греціи въ Азію и на острова Эгейскаго моря) въ 18-й главѣ и критикою приложенія хронологіи къ легендѣ въ 19-й главѣ. Эта послѣдняя глава составляетъ продолженіе опроверженія исторической обработки миѳовъ и вызвана состояніемъ англійской науки. Она направлена преимущественно противъ Клинтона, который ввелъ миѳическое время въ свое знаменитое сочиненіе о греческой хронологіи «Fasti Hellenici».

Мы пропускаемъ эти главы и обращаемся къ двумъ послѣднимъ, въ которыхъ Гротъ представилъ вкратцѣ результатъ всѣхъ

прежнихъ изслѣдованій о бытѣ гомерическихъ Грековъ и о происхожденіи гомерическаго эпоса. То, что̀ Гротъ сообщаетъ въ этихъ главахъ, есть выводъ изъ всего сдѣланнаго прежде него и вмѣстѣ плодъ его собственнаго основательнаго изученія и проницательнаго обсужденія дѣла. Рѣдко въ большихъ исторіяхъ встрѣчаются подобныя страницы, какъ вся 21-я глава о Гомерѣ, ясно выказывающая самыя спеціяльныя изслѣдованія и, даже можно сказать, болѣе исчерпывающая вопросъ, нежели отдѣльныя монографіи.

Чтобы придать болѣе интереса обозрѣнію содержанія 20-й главы, мы подведемъ его къ нѣкоторымъ общимъ взглядамъ на историческое развитіе человѣческихъ обществъ. Черезъ это, мы надѣемся, бытъ, изображенный въ греческой легендѣ, значительно уяснится и получитъ болѣе опредѣленное мѣсто, сравнительно съ формами быта другихъ временъ и народовъ.

Уже давно публицисты и философы выводили общество человѣческое отъ семейства и противополагали бытъ патріархальный, какъ первоначальный, быту гражданскому и государственному. Въ общихъ чертахъ такое воззрѣніе безъ всякаго сомнѣнія вѣрно, но въ объясненіи подробностей очень чувствовался недостатокъ опредѣленности. Успѣха естественно было ожидать отъ историческаго изученія дѣла и въ особенности отъ историческаго изученія древностей такихъ народовъ, которые исторія застаетъ въ бытѣ близкомъ къ первоначальному. Одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ въ этомъ отношеніи Славянскому племени, и въ особенности восточной его отрасли, Славянамъ Русскимъ, а поэтому не удивительно, что изученіе древняго періода русской исторіи могло значительно разъяснить дѣло. И дѣйствительно мы уже замѣчаемъ, что новая жизнь, такъ сильно выказавшая себя въ русской исторіи въ теченіи послѣдняго пятилѣтія, можетъ имѣть благодѣтельное вліяніе и на рѣшеніе теоретическихъ вопросовъ о естественномъ развитіи человѣческаго общества.

Прежде, когда хотѣли представить древнѣйшую форму человѣческаго общества, ограничивались семействомъ. Переходъ отъ семейства къ гражданскому обществу объяснялъ и размноженіемъ семействъ и распаденіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ чрезъ эманципацію дѣтей отъ отцовской власти (см. Hegel: Philosophie des Rechts § 181). Но изученіе русской древности обратило вниманіе на родъ, какъ на явленіе, естественно развивающееся изъ семейства и составляющее самую первую форму человѣческаго быта. Теперь уже нельзя ставить гражданское общество тотчасъ вслѣдъ за се-

мействомъ; теперь гражданское общество должно слѣдовать за родомъ, и тотъ бытъ, который предшествуетъ гражданскому, долженъ получить наименованіе родоваго, а не патріархальнаго. Нашъ начальный лѣтописецъ оставилъ намъ свидѣтельство, что первоначально у полянскихъ Славянъ каждый родъ жилъ отдѣльно, на своихъ мѣстахъ, и что каждымъ родомъ владѣло одно лицо, глава и владыка рода, родоначальникъ. Понятіе семьи было у нихъ совершенно затемнено, какъ показываетъ и языкъ нашихъ древнихъ памятниковъ; словомъ родъ обозначались всѣ человѣческія отношенія и связи. Родъ означалъ всю совокупность степеней родства, какъ самыхъ близкихъ, такъ и самыхъ отдаленныхъ. Родомъ называли и совокупность всѣхъ родственниковъ и каждаго изъ нихъ; слово родъ употребляли также въ смыслѣ соотечественника, въ смыслѣ народа*. Такой бытъ, совершенно заслонившій семейство, произошелъ однакоже изъ семейнаго, и притомъ на пути естественнаго физическаго размноженія, безъ всякаго участія личной воли людей. Семейство само собою размножилось въ родъ, и на эту новую совокупность людей былъ перенесенъ образъ управленія семействомъ: въ главѣ рода стоялъ патріархъ, родоначальникъ или старшина, котораго остальные члены рода почитали какъ отца; онъ управлялъ ими на правахъ отцовской власти, патріархально. Такія отношенія должны были образоваться вездѣ одинаково, пока родъ состоялъ изъ однихъ нисходящихъ; но когда отецъ, дѣдъ или прадѣдъ умиралъ, въ такомъ случаѣ требовалось, чтобы кто-нибудь былъ выбранъ на мѣсто умершаго владыки рода, а при выборѣ можно было руководствоваться разными правилами. Здѣсь поэтому открывалась возможность различій и разнообразія среди родоваго быта. Одни выбирали достойнѣйшаго; другіе предоставляли власть старѣйшему въ цѣломъ родѣ; еще другіе подчинялись старшему въ одной старшей линіи. Послѣдній порядокъ превращалъ родъ въ кланъ, гдѣ старшинство наслѣдственно въ одной линіи, и слѣдовательно одна линія выдѣлялась и становилась выше остальнаго рода. Первые два остались вѣрнѣе родовому быту въ его первоначальномъ видѣ, но отличаются одинъ отъ другаго по степени близости къ гражданскому обществу. Тотъ бытъ, гдѣ старшинство принадлежитъ старѣйшему изъ всѣхъ родичей, остается въ наибольшемъ подчиненіи физическимъ кровнымъ опредѣленіямъ.

---

* См. Исторію Россіи С. Соловьева. Т. I. стр. 46.

Таковъ порядокъ старшинства у русскихъ Славянъ, какъ онъ преимущественно является въ исторіи рода Рюрикова. Напротивъ, гдѣ глава рода избирался, тамъ былъ близокъ переходъ отъ владыки рода къ гражданскому начальнику. Но во всѣхъ этихъ видахъ родоваго быта осталось все-таки главною связью физическое родство, ибо единство рода основывалось на кровныхъ узахъ.

Совершенно противоположны такому быту соединенія людей, основанныя на взаимномъ личномъ согласіи жить и дѣйствовать вмѣстѣ для какихъ-нибудь общихъ цѣлей. Ежели въ родовомъ бытѣ все основывалось на неизмѣнныхъ кровныхъ отношеніяхъ, то здѣсь наоборотъ все условливается взаимнымъ согласіемъ и произволомъ. Общимъ именемъ можно назвать такія соединенія людей товариществами; самая обыкновенная и важная въ исторіи форма ихъ есть дружина. Въ нашей исторіи послѣдняя ясно показывается со времени призванія варяжскихъ князей. «Эта дружина княжеская», говоритъ г. Соловьевъ (стр. 215), «могущественно дѣйствуетъ на образованіе новаго общества тѣмъ, что вноситъ въ среду его новое начало, сословное, въ противоположность прежнему родовому. Является общество, члены котораго связаны между собою не родовою связью, но товариществомъ; дружина, пришедшая съ первыми князьями, состоитъ преимущественно изъ варяговъ, но въ нее открытъ свободный доступъ храбрымъ людямъ изъ всѣхъ странъ и народовъ, преимущественно, разумѣется, по самой близости, туземцамъ, съ появленіемъ дружины среди славянскихъ племенъ, для ихъ членовъ открылся свободный и почетный выходъ изъ родоваго быта въ бытъ, основанный на другихъ, новыхъ началахъ; они получили возможность, просторъ развивать свои силы, обнаруживать свои личныя достоинства, получили возможность личною доблестію пріобрѣтать значеніе, тогда какъ въ родѣ значеніе давалось извѣстною степенью на родовой лѣствицѣ; въ дружинѣ члены родовъ получали возможность цѣнить себя и другихъ по степени личной доблести, по степени той пользы, какую они доставляли князю и народу; съ появленіямъ дружины должно было явиться понятіе о лучшихъ храбрѣйшихъ людяхъ, которые выдѣлились изъ толпы людей темныхъ, неизвѣстныхъ, черныхъ; явилось новое жизненное начало, средство къ возбужденію силъ въ народѣ и къ выходу ихъ; темный, безразличный міръ былъ встревоженъ, начали обозначаться формы, отдѣльные образы, разграничительныя линіи.»

Нѣтъ сомнѣнія, что дружина или вообще товарищество составляетъ прямое противоположеніе къ роду, и что гражданское или

государственное соединеніе есть нѣчто среднее и высшее, примиряющее и поглощающее въ себѣ два противоположенія. Государство происходитъ вездѣ изъ взаимнодѣйствія товарищества и рода. Это истина, которая еще не доказана вполнѣ, но которую легко доказать *). Гораздо труднѣе обозрѣть въ системѣ всѣ виды взаимнодѣйствія родоваго и товарищественнаго быта. Здѣсь возможно величайшее разнообразіе явленій, потому что товарищества могутъ быть самыхъ различныхъ родовъ, жреческія, воинствен-

---

*) Гегель въ «Философіи права» ставитъ между семействомъ и государствомъ гражданское общество, которое тѣмъ отличается отъ государства, что основано на личномъ взаимномъ условіи его членовъ, тогда какъ государство осуществляетъ объективные законы нравственности и основывается не на договорѣ и согласіи людей (contrat social), а на своей собственной разумности. Но знаменитый философъ самъ замѣтилъ (§ 182), что гражданское общество нуждается въ государствѣ для своего существованія и предполагаетъ его прежде себя, какъ существующее. Созданіе гражданскаго общества, говоритъ онъ, принадлежитъ новѣйшему времени, которое впервые осуществило всѣ опредѣленія идеи. Уже одно то, что средній моментъ въ діалектическомъ развитіи идеи осуществляется въ дѣйствительности послѣ третьяго момента, уже одно это возбуждаетъ справедливое сомнѣніе въ вѣрности построенія. Кажется, что вовсе не нужно обращаться къ новому времени, чтобы отыскать дѣйствительную форму быта, соотвѣтствующую тому моменту, который представлялся Гегелю, какъ второй и средній между семействомъ и государствомъ. Это моментъ, обозначаемый произвольнымъ, условнымъ соединеніемъ людей, при чемъ каждый членъ соединенія имѣетъ всѣ основанія смотрѣть на себя, какъ на цѣль. Гегель не нашелъ отдѣльнаго осуществленія этого момента въ дѣйствительности, и для этого выдѣляетъ изъ современнаго государства одну его сторону, сторону гражданскаго общежитія. Но онъ, конечно, не сдѣлалъ бы этого, еслибы замѣтилъ въ дружинѣ и вообще въ товариществѣ всѣ качества, отличающія его средній (антитетическій къ семейству) моментъ условнаго эгоистическаго соединенія. Товарищество (дружина) есть дѣйствительно то, чего онъ искалъ; но онъ не могъ обратить на дружину достаточнаго вниманія, потому что не обратилъ вниманія на родъ, какъ ту среду, изъ которой и противъ которой развивается дружина. Родъ есть кровное, физическое соединеніе людей; товарищество — произвольное условное. Это двѣ крайности, которыя соединяетъ и завершаетъ государство. Оно составляетъ третью высшую степень. Отличіе его отъ товарищества, между прочимъ, показываетъ, что оно не основано на contrat social.

ныя, торговыя, ремесленныя, и могутъ стоять въ самомъ различномъ отношеніи къ массѣ народовъ, живущей въ родовомъ бытѣ, то какъ мудрецы наставители, то какъ воинственные герои, то какъ насильственные притѣснители. Самая дружина, составляющая только одинъ изъ видовъ товарищества, можетъ находиться въ весьма различномъ положеніи, смотря по тому, происходитъ ли она изъ того же народа, среди котораго дѣйствуетъ, или изъ другаго, и въ послѣднемъ случаѣ смотря еще потому, добровольно ли она призвана родами или пріобрѣла власть посредствомъ завоеванія. Отъ всѣхъ этихъ различій зависитъ будущій характеръ государства, имѣющаго произойдти изъ взаимнодѣйствія дружины и рода, и къ этимъ различіямъ еще присоединяются различія того быта, на который дѣйствуетъ бытъ дружинный, различія, отчасти поименованныя нами выше.

Все это разнообразіе явленій, окружающихъ колыбель государствъ, можетъ быть вѣрнѣе узнано на пути историческаго изученія, нежели на пути умозрѣнія. Поэтому весьма важно было бы обработать съ этой точки зрѣнія исторію отдѣльныхъ государствъ; въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ окажутся тогда совершено своеобразныя сочетанія. Въ однихъ представится постепенный переходъ отъ рода къ гражданскому обществу, при умѣренномъ и медленномъ вліяніи разрѣшающаго начала; въ другихъ гражданское общество сложится изъ борющихся, антипатическихъ элементовъ. Въ однихъ будетъ совершенно разрушена кровная, субстанціяльная основа; въ другихъ она будетъ сохранена и сообщитъ зданію, на ней возведенному, прочность и незыблемость. Въ иномъ мѣстѣ результатъ взаимнодѣйствія приметъ снова родовой характеръ; тогда государство замретъ въ окаменѣлыхъ формахъ быта, и сословія превратятся въ касты. Но найдутся и такія государства, въ которыхъ продолжительное существованіе дружиннаго быта наложитъ неизгладимую печать на народный характеръ, и феодальныя антипатіи сдѣлаются неодолимымъ препятствіемъ соединенія народа въ одно цѣлое. Всякій видитъ, что это поле необозримое, что оно столько же обширно, сколько обширна исторія человѣчества. Мы съ своей стороны попытаемся посмотрѣть съ этой точки зрѣнія на формы быта въ греческое героическое время, попытаемся осилить съ этой точки зрѣнія тѣ данныя, которыя собраны во 20–й главѣ сочиненія Грота. При этомъ мы не думаемъ однакожь представить полной характеристики греческаго героизма, исчерпать всѣ стороны, обозначающія его, какъ преддверіе греческой исторіи. Для этого

надобно было бы начать съ религіознаго состоянія того времени: мы ограничимся внѣшнею, практическою его стороною.

Во всѣхъ предпріятіяхъ и событіяхъ героическаго времени является на первомъ планѣ личность героевъ; сильное, иногда необузданное проявленіе личности составляетъ самую характеристическую черту всего народнаго быта — ясный признакъ, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ бытомъ, попреимуществу дружиннымъ. Общественные мотивы едва замѣтны въ продолжительномъ теченіи легендарныхъ повѣствованій; передъ нашими глазами постоянно находятся или личная храбрость и жестокость или личная привязанность и вражда родственниковъ и товарищей. Въ эти времена родовая связь по большой части уже рушилась, но не возникло еще понятія объ обязанностяхъ каждаго человѣка относительно другихъ, и было очень мало понятій объ обязанностяхъ человѣка къ новому обществу, котораго онъ членъ. Такія чувства не только не дѣйствуютъ у Гомера въ дѣйствительномъ мірѣ, но и не представляются мысли поэта-повѣствователя. Личныя чувства къ богамъ, къ царю или къ какому-нибудь другому лицу наполняютъ всю грудь человѣка. Изъ нихъ проистекаютъ всѣ побужденія къ благотворительности и къ внутренному ограниченію насилія, антипатіи и наклонности къ грабежу. Обрядъ клятвы, столь наглядный и столь важный въ тѣ дни, очень хорошо характеризуетъ это время. И даже въ томъ случаѣ, когда иностранецъ приходитъ какъ проситель, помощь и снисходительность, оказываемыя ему, условливаются исполненіемъ съ его стороны разныхъ священныхъ формальностей. Онъ садится на пепелъ священнаго домашняго очага и тѣмъ пріобрѣтаетъ нѣкоторое право на святилище дома и на защиту со стороны домохозяина. Общество еще не является какъ самостоятельная сила; общественныхъ законовъ, которые бы каждаго защищали въ извѣстной мѣрѣ, нѣтъ; все дѣлается по личному чувству и личнымъ побужденіямъ. Такое душевное состояніе можно лучше всего оцѣнить, противопоставивъ ему вмѣстѣ съ Гротомъ состоянію позднѣйшаго гражданина историческихъ Аѳинъ. Въ глазахъ послѣдняго стоялъ высоко и самостоятельно великій безличный авторитетъ, называемый «законы», какъ руководитель и защитникъ, независимый отъ религіозной обязанности и личныхъ симпатій. Но такого отдѣльнаго пониманія положительнаго закона и положительной безопасности мы не находимъ у Гомера, даже собственное греческое слово, означающее законъ, не встрѣчается у него. Νόμος есть слово не гомерическое; νόμος въ единственномъ числѣ встрѣчается пер-

вые у Гесіода, и то только въ двухъ мѣстахъ. Гомеръ знаетъ слова δίκη, δίκαι, Θέμις, Θέμιστες, употребленіе которыхъ могло бы быть предметомъ очень интереєной монографіи: мы въ состояніи подмѣтить постепенный переходъ отъ личной богини Θемиды, соединенной съ Зевсомъ, къ повелѣніямъ Зевса, или θемистамъ, и отъ послѣднихъ къ обычаямъ, основаннымъ на этихъ велѣніяхъ. Эти обычаи ограничиваютъ разгулъ личнаго произвола; они требуютъ вѣрности клятвѣ, помощи страннику, гостепріимства и защиты просящаго объ убѣжищѣ, но нѣтъ ничего, что́ бы налагало обязанность оставаться вѣрнымъ этимъ обычаямъ, и они дѣйствительно безпрестанно нарушаются, иногда самымъ грубымъ и безчеловѣчнымъ образомъ. Поэтъ и общество считаютъ ихъ священными, и боги наказываютъ за ихъ нарушеніе: трагическій ужасъ, проходящій по всему поколѣнію Аθаманта или Кадма, и связанный со многими поступками Геракла, Пелея и Теламона, Ясона и Медеи, Атрея, и Θіеста, основанъ на глубокомъ чувствѣ симпатіи къ священнымъ обычаямъ. Но богина Ата, Пагуба, постоянно готова затемнить умъ героя и отвлечь его отъ ихъ исполненія. Особенно часто встрѣчается убійство, иногда черезъ открытое нападеніе, иногда тайкомъ. Изгнаніе вслѣдствіе убійства или *потокъ*, какъ говорили наши предки, принадлежитъ къ частымъ случаямъ въ гомерическихъ пѣсняхъ, и грубая жестокость приписывается иногда самымъ прославляемымъ героямъ безъ видимаго неодобренія. Ахиллъ закалаетъ 12 плѣнныхъ Троянъ надъ могилой Патрокла, а его сынъ Неоптолемъ не только умерщвляетъ сѣдовласаго Пріама, но и схватываетъ за ногу ребенка Астіанакта, сына Гекторова, и сбрасываетъ съ одной изъ башень Трои. Ахиллъ, Менелай, Одиссей грабятъ, гдѣ только открывается возможность, и устраняютъ противодѣйствіе не только силою, но и хитростью. Занятіе морскаго разбойника признается, какъ уважаемое. Вообще можно сказать, что кто не въ состояніи самъ себя защитить, тотъ не находитъ защиты у общества. Все беззащитное обречено на страданія, принуждено терпѣть отъ произвола грубой силы. На двѣ черты особенно указываетъ Гротъ въ противоположность къ позднѣйшимъ аѳинскимъ законамъ. Извѣстно, что въ Аѳинахъ законъ особенно заботился о лицѣ и имуществѣ сироты. Въ Иліадѣ напротивъ того описаніе несчастнаго состоянія осиротѣвшаго юноши, лишеннаго отцовскаго наслѣдства, оставленнаго всѣми друзьями отца, умоляющаго ихъ о помощи, но грубо отталкиваемаго всѣми, принадлежитъ къ самымъ патетическимъ мѣстамъ цѣлой эпопеи (Ил. XXII, 487 — 500). Во вторыхъ, что касается

до образа дѣйствія съ трупомъ убитаго непріятеля, мы находимъ, что всѣ греческіе вожди, не говоря уже объ Ахиллѣ, ругаются надъ трупомъ Гектора и вонзаютъ въ него свои копья. Между тѣмъ во время персидскихъ войнъ считалось недостойнымъ здравомыслящаго Грека оскорблять трупъ непріятеля, даже если былъ поводъ къ отмщенію на немъ прежней обиды. Царь Павсаній не отплатилъ на трупѣ Мардонія за поруганіе Ксерксомъ трупа Леонидова. — Новый взглядъ на смертоубійство представляетъ третій примѣръ измѣнившихся понятій Греческаго народа. Убійца гомерическаго времени не опасался общественной мести и наказанія за свое преступленіе. Все, чего ему слѣдовало бояться, это личная месть родственниковъ и друзей убитаго. Для избѣжанія этой опасности онъ принужденъ былъ или бѣжать изъ своей страны или подарками купить себѣ прощеніе. Въ этомъ мы опять видимъ всемогущество личной силы и ничтожество коллективной верховной власти, которая въ послѣдствіи называлась городомъ. Въ Аѳинахъ уже Драконово законодательство порицало личную месть и присвоивало обществу право наказанія; обычай принимать плату, чтобы отказаться отъ мести, былъ совершенно устраненъ, и это одно изъ важныхъ отличій исторіи аѳинскаго уголовнаго права отъ германской, гдѣ личная месть уступила сначала не общественному наказанію, а обязанности довольствоваться платой.

Въ обычаѣ кровавой мести можно уже различить два элемента, личный и родовой. Обязанность мстить за убійство лежала и на товарищахъ, но преимущественно она лежала на родственникахъ. Опасность, соединенная съ убійствомъ, опредѣляется числомъ и силой родственниковъ убитаго; съ другой стороны многочисленность родственниковъ была большимъ ободреніемъ убійцы (Од. XVIII, 141). Но во всякомъ случаѣ обычай мести показываетъ совершенную недостаточность гражданской власти, которой предстояло ограничить грубый разгулъ физической силы и упрочить общественную безопасность, которую былъ не въ силахъ поддержать оказавшійся недостаточнымъ родовой бытъ.

Въ чистомъ родовомъ бытѣ извѣстна только общая родовая собственность. Личной собственности нѣтъ и быть не можетъ, потому что физическое лицо еще не получило характера и значенія личности и опредѣляется исключительно кровными и физическими отношеніями. Появленіе личной наслѣдственной собственности есть поэтому произведеніе начала противоположнаго родовому. Дѣйствію этого начала мы должны были приписать особенно рѣзкое проявленіе личныхъ чувствъ и наклонностей, замѣчаемое въ го-

мерическое время. Этимъ же началомъ была вызвана личная наслѣдственная собственность, опредѣленно встрѣчающаяся у Гомера. Какъ въ русской исторіи наслѣдственная собственность оказывается въ связи съ дружиннымъ бытомъ *), такъ было и въ Греціи: добыча естественно должна была оставаться въ личномъ распоряженіи добывшаго и переходить по его смерти не во весь родъ, а къ прямымъ наслѣдникамъ. Что добыча была первымъ источникомъ личной собственности, показываетъ римскій терминъ mancipium, означающій и добычу и такую собственность, отчужденіе которой было облегчено (таково первоначальное различіе между res mancipi и res nec mancipi).

Все предшествующее показываетъ, что въ гомерическое время личность уже заявила свои права и заявила ихъ сильно и грубо. Впрочемъ уже нѣкоторыя черты и изъ приведенныхъ выше свидѣтельствуютъ о сохранившемся значеніи родоваго начала. Мы переходимъ къ такимъ чертамъ, въ которыхъ послѣднее проглядываетъ еще яснѣе. Сюда относится весь строй гомерическаго общества и даже гомерической дружины.

Во главѣ общества стоитъ царь, въ которомъ тѣлесное и душевное превосходство всегда соединено съ наслѣдственнымъ правомъ, т. е. дружинныя условія съ родовыми; его окружаетъ ограниченное число вождей, которые также называются царями, также имѣютъ наслѣдственный почетъ и также отличаются доблестью; за ними слѣдуетъ масса народа, состоящая изъ вооруженныхъ свободныхъ людей, земледѣльцевъ, ремесленниковъ, и наконецъ на самой низкой степени общества стоятъ свободные наймиты (*θετы*) и купленные рабы. Самая выдающаяся черта въ гомерическомъ изображеніи царя, это его личное превосходство. Народъ съ подобострастіемъ внимаетъ голосу царя, съ ревностію принимаетъ его предложенія и повинуется его приказаніямъ; не только сопротивленіе, но и порицаніе его дѣйствій изображается у Гомера, какъ нѣчто непозволительное и ненавистное: Гомеръ представляетъ порицателя Θерсита въ смѣшномъ видѣ. Такое уваженіе къ царю основывалось на особенномъ благоволеніи боговъ, которымъ былъ осчастливленъ самъ царь и весь его родъ; очень часто оно основывалось кромѣ того и на прямомъ происхожденіи отъ боговъ. Но чтобы поддержать его, гомерическій царь долженъ былъ обладать въ необыкновенной степени разными душевными и тѣлесными свойствами. Старики, какъ Пелей и Лаэртъ,

*) См. Исторію Россіи г. Соловьева Т. I, 23.

не могутъ удержать за собою власти. «Дряхлаго старца, безъ рукъ и безъ ногъ, изнуреннаго въ силахъ», перестаютъ честить народы. Почетъ и права связаны съ предводительствомъ. Такъ Сарпедонъ убѣждаетъ Главка сражаться мужественно. «Насъ честятъ въ Ликіи и сѣдалищемъ и мясомъ и полными кубками, и всѣ смотрятъ на насъ, какъ на боговъ, и помѣстьемъ владѣемъ мы большимъ на берегахъ Ксанѳа, съ прекраснымъ виноградникомъ и пшеничною нивой; поэтому слѣдуетъ намъ стоять впереди Ликіянъ и встрѣчать жаркую битву, чтобы такъ могъ сказать какой-нибудь панцырный Ликіянинъ: не безславные владѣютъ Ликіей, наши цари и ѣдятъ жирныхъ овецъ и пьютъ вино отборное, сладкое; но и сила у нихъ бываетъ благородная, когда сражаются въ передпихъ рядахъ Ликіянъ.» (Ил. XII, 310 — 321.) Гомерическіе цари мужественны въ полѣ, мудры въ думѣ и краснорѣчивы на вѣчѣ; они одарены тѣлесною силой и дѣятельностью болѣе прочихъ людей и опытны не только въ употребленіи оружія, но и въ атлетическихъ упражненіяхъ. Даже второстепенныя ловкости приписываются имъ. Одиссей своими руками сдѣлалъ такую кровать, что

. . . между людьми и сильнѣйшій, хотя бы и рычагъ онъ
Взялъ, не шатнулъ бы ея.

Своими же руками Одиссей построилъ плотъ изъ деревъ острова Калипсы. Гомеръ описываетъ, какъ онъ выскоблилъ бревна острою мѣдью, обтесалъ по снуру, пробуравилъ, сшилъ болтами «и большими просунулъ шипами», какъ онъ устроилъ дно и палубу, поставилъ мачту съ райнами и сдѣлалъ кормило. Все это умѣли снарядить его царственныя руки. И не только работу, требующую искусства, отлично зналъ Одиссей: онъ могъ превзойдти любаго косаря и въ сельской работѣ; вотъ что онъ говоритъ Эвримаху (XVIII, 366 — 380):

Еслибъ съ тобой, Эвримахъ, привелось мнѣ поспорить работой,
Еслибъ весною, когда продолжительнѣй быть начинаютъ
Дни, по косѣ одинаково острой обоимъ намъ дали
Въ руки, чтобъ вмѣстѣ работая съ ранняго утра
Вплоть до вечерней зари, мы траву луговую косили,
Или когда бы, запрягши намъ въ плугъ двухъ быковъ круторогихъ
Огненныхъ, рослыхъ, откормленныхъ тучной травою, могучей
Силою равныхъ, равно молодыхъ, равно работящихъ,
Дали четыре намъ поле вспахать для посѣва, тогда бы
Самъ ты увидѣлъ, какъ быстро бы въ длинныя борозды плугъ мой
Поле изрѣзалъ. А если бъ войну запалилъ здѣсь Кроніонъ
Зевсъ, и мнѣ дали бы щитъ, два копья мѣдноострыхъ и мѣдный

Кованый шлемъ, чтобъ моей головѣ былъ надежной защитой,
Первымъ въ сраженьи меня ты тогда бы увидѣлъ: тогда бы
Мнѣ ты не сталъ попрекать ненасытностью жадной желудка.

Послѣдній стихъ напоминаетъ два качества, составлявшія, по свидѣтельству древнихъ, главную и необходимую принадлежность персидскихъ царей, — искусство мѣтко стрѣлять изъ лука и способность много выпить вина. У Гомера Одиссей также мѣткій стрѣлокъ: и послѣ продолжительнаго странствованія онъ могъ побѣдить всѣхъ Феакійцевъ въ бросаніи диска и сказать имъ (Од. VIII, 214 — 229):

Знайте, что я ни въ какомъ не безопытенъ мужескомъ боѣ.
Гладкимъ лукомъ и самымъ тугимъ *) я владѣю свободно,
Первой стрѣлой поражу я на выборъ противника въ тѣсномъ
Сонмѣ враговъ, хоть кругомъ бы меня и товарищей много
Было, и мѣткую каждый стрѣлу на врага бы нацѣлилъ....
Далѣ копьемъ я достигнуть могу, чѣмъ другіе стрѣлою....

Когда подобныя проявленія силы внушаютъ удивленіе, тогда легко сносится довольно много насилія, причудъ и жадности. Нравственное сужденіе не прилагается къ героямъ, ослѣпляющимъ своею силой и ловкостью. Герою всѣ повинуются непрекословно.

Это состояніе общества показываетъ интересный примѣръ того, какъ могутъ перекреститься и переплестись родовыя и дружинныя понятія. Отъ родоначальника не требуется доблести; онъ владѣетъ по праву рожденія, по праву старшинства, и владѣетъ неограниченно. Напротивъ того, отъ начальника дружины требуется прежде всего личная доблесть; только на этомъ условіи дается ему власть, и притомъ власть условная, основанная на добровольномъ повиновеніи дружины. Въ гомерическое время эти два воззрѣнія слились, и изъ нихъ образовалось нѣчто среднее. Отсюда у Гомера съ одной стороны неограниченная власть царя **), съ другой — добровольное повиновеніе ему вождей, какъ товарищей. Цари гомерическаго времени происходили отъ людей, прославившихся своею доблестью; потомки этихъ людей, они держались въ силѣ и своимъ происхожденіемъ отъ предковъ героевъ и собственною героическою доблестью, отъ нихъ же наслѣдованною. Благодаря этимъ двумъ условіямъ, они пользо-

*) Въ подлинникѣ нѣтъ словъ *и самымъ тугимъ*.—Какъ это, такъ и прочія мѣста изъ Одиссеи приведены по переводу Жуковскаго.

**) Намъ кажется, что неограниченность царской власти по понятіямъ Гомера не подлежитъ сомнѣнію. Гротъ имѣлъ, по нашему мнѣнію, полное право противорѣчить Аристотелю, который допускалъ нѣкоторыя ограниченія (ἐπί τισι ὡρισμένοις, Pol. III. 10, 1).

вались первенствомъ каждый въ своей землѣ и, какъ признанные старшіе, вступили относительно простаго народонаселенія во власть, принадлежавшую собственно родоначальникамъ. Поэтому кругъ ихъ власти обширнѣе, нежели можетъ быть кругъ власти вождя дружины относительно дружины. Нѣтъ сомнѣнія, что у нихъ было право смертной казни, хотя объ этомъ правѣ не упоминается въ теперешнемъ текстѣ Гомера. Аристотель еще читалъ въ своемъ спискѣ Иліады слова Агамемнона: *πὰρ γὰρ ἐμοὶ θάνατος* (въ моей власти смерть), которыя были вычеркнуты изъ другихъ списковъ, чтобъ устранить черту, которая казалась странною позднѣйшимъ Грекамъ. Вообще Аристотель совершенно правильно характеризуетъ власть гомерическихъ царей, основывая ее на добровольномъ повиновеніи, и производя ее въ то же время отъ семейной власти родителя. Но онъ былъ такъ далекъ по мыслямъ и времени отъ этого быта, что все-таки не можетъ понять возможности его существованія и объясняетъ его тѣмъ, что въ тѣ времена было мало случаевъ отличиться и выказать свои достоинства, и что поэтому тогда было очень немного людей, прославившихся доблестью. Дѣйствительно, если бы гомерическій бытъ условливался исключительно дружиннымъ началомъ, положеніе гомерическихъ царей было бы необъяснимо; но въ гомерическомъ бытѣ на царя, героя и его родъ были перенесены прежнія права владыки рода, и этимъ вполнѣ объясняются тѣ явленія, которыя затрудняли Аристотеля (Pol. III, 9, 2). Гомерическіе цари владѣютъ своею страной, какъ собственностью, и даже дарятъ наслѣдственные свои города (Ил. IX, 153. Од. IV, 176); это было бы невозможно, еслибы къ значенію вождя дружины не присоединилось въ нихъ значеніе прежняго владыки рода.

Взаимнодѣйствіемъ дружиннаго и родоваго быта объясняется и положеніе вождей или второстепенныхъ царей. Очень вѣроятно, что первоначальные вожди выдѣлились изъ остальнаго народонаселенія своими личными подвигами; значеніе вождей могло произойдти не столько на основаніи рожденія, сколько на основаніи силы тѣла и духа; слѣдовательно права вождей долженствовали быть по преимуществу личныя. Но въ гомерическое время мы встрѣчаемъ уже не отдѣльныхъ героевъ, добывающихъ себѣ признаніе собственною доблестью; мы видимъ героевъ, происходящихъ изъ героическихъ родовъ, а это показываетъ, что въ это время героизмъ былъ уже не новостью, и что уже успѣли выступить цѣлые роды, въ которыхъ жилъ героизмъ, какъ наслѣдственное качество. Эти героическіе

роды могли выдѣлиться изъ простыхъ родовъ, или какъ старшія линіи, или вслѣдствіе большей доблести своихъ представителей: мы этого не знаемъ, хотя послѣднее, какъ сказано, гораздо вѣроятнѣе; но достовѣрно то, что члены героическихъ родовъ вступили во время Гомера относительно народонаселенія своей страны въ права прежнихъ родоначальниковъ или старшинъ. На это указываетъ имя, которое имъ дается у Гомера γέροντες, старики, хотя они по большей части еще далеко не достигли старческаго возраста; какъ наслѣдники власти прежнихъ старшинъ, они являются представителями тѣхъ племенъ, которыми владѣютъ, и народъ, λαός, повинуется имъ, какъ владыкамъ.

Вездѣ мы встрѣчаемъ начало личнаго превосходства какъ поводъ къ новой организаціи быта, но какъ скоро новоорганизованный бытъ утверждается и пускаетъ корни, мы находимъ, что онъ опирается на древній родовой образъ жизни и отъ него заимствуетъ свою законность. Это общее замѣчаніе превосходно подтверждается героическимъ бытомъ Греціи. Какъ родъ не мыслимъ безъ владыки рода, такъ въ глазахъ Гомера всякое предпріятіе требуетъ одного начальника: не доброе дѣло, говоритъ Гомеръ, многоначаліе; пусть будетъ одна глава, одинъ царь, которому далъ первенство сынъ Кроноса криводумнаго. Поэтому царственные роды повинуются у Гомера царю, происходящему отъ рода болѣе царственнаго. Такъ у Феаковъ на островѣ Схеріи есть двѣнадцать царей, и всѣ они признаютъ однакожь тринадцатаго, Алкиноя, своимъ главою. Точно также Агамемнонъ и Менелай принадлежатъ къ роду болѣе царственному, нежели другіе ахейскіе герои, γένος βασιλευτερον, а родъ Дардана есть самый царственный у Троянъ, γένος βασιλεύτατον. Владыка такого рода властвуетъ надъ владыками прочихъ родовъ. Послѣдніе называются, какъ уже замѣчено, то царями, то стариками, и составляютъ думу главнаго царя, βουλή. Но дума не имѣетъ самостоятельной власти; мнѣніе Агамемнона у Грековъ, у Троянъ мнѣніе Гектора преобладаетъ въ ней. Дума есть совѣщательное собраніе; она даетъ царю совѣты, но не полагаетъ преграды его волѣ. Это только зародышъ будущей правительственной думы или сената.

Еще меньшее значеніе дается у Гомера вѣчу, ἀγορά. Оно является, какъ старинное учрежденіе, въ которомъ уже установились нѣкоторыя обычныя формальности. Глашатаи сзываютъ вѣче; собравшійся народъ долженъ сѣсть; стоящее вѣче признается признакомъ безпорядка или чего-нибудь особеннаго. Равнымъ

образомъ требуется, чтобы собравшійся народъ молчалъ. Царь открываетъ совѣщаніе сообщеніемъ своего предложенія; потомъ начинаютъ разсуждать вожди и старики и воодушевляютъ народъ къ ревностному исполненію царской воли. Этимъ вѣче и оканчивается; собиранія голосовъ Гомеръ не упоминаетъ; вѣче есть не болѣе, какъ средство гласности, и вызвано необходимостью времени, не знавшаго письма. Цѣль собранія — узнать мнѣнія вождей и волю царя. Поэтому иногда въ продолженіи двадцати годовъ вѣче не собирается ни разу; это бываетъ въ отсутствіе царя, какъ напр. въ Ѳеакѣ (Од. II, 25). Лучшее мѣсто, убѣждающее въ ничтожности вѣча, вторая книга Иліады; все повѣствованіе объ агорѣ, созванной Агамемнономъ, ясно показываетъ страдательный характеръ вѣча и подтверждаетъ мнѣніе Аристотеля, приведенное въ схоліяхъ къ Гомеру (Ил. IX, 17), что народъ имѣлъ только право слушать, а вожди дѣйствовать.

Вездѣ у Гомера являются на первомъ планѣ вожди; имъ онъ удивляется, ихъ подвиги прославляетъ; вся остальная масса народа составляетъ только послѣдній отдаленный фонъ картины. Она состоитъ изъ простыхъ свободныхъ людей и изъ рабовъ; между первыми отличаются особеннымъ именемъ плотникъ, кузнецъ, кожевникъ, врачъ, прорицатель, пѣвецъ, рыбакъ, глашатай, называемые всеобщимъ именемъ *δημιοεργοί*. О положеніи этихъ простыхъ свободныхъ людей говорится мало. У нихъ были въ личной собственности участки земли, и межи заботливо обозначались и ревностно охранялись (Ил. XII, 421; XXI, 405). Но большая часть земли еще не была обрабатываема и употреблялась на пастбище. Крупный скотъ былъ главнымъ имуществомъ богатаго мужа, главнымъ средствомъ для разныхъ уплатъ и главнымъ предметомъ ссоръ и распрей; хлѣбъ и мясо были почти единственною пищею всѣхъ. На помѣстьяхъ богатыхъ людей работали по большей части рабы; они же пасли ихъ стада; но въ извѣстной степени употреблялись для того и свободные безземельные люди, которые носили имя *θητοσ* и шли въ услуженіе за извѣстную плату и на извѣстное время.

Относительно рабовъ въ миѳической Греціи не замѣчается особенной суровости: всѣ классы общества стояли относительно вкуса, чувства, образованія, почти на одной и той же степени; поэтому образъ жизни раба былъ немногимъ хуже образа жизни господина. Съ нѣкоторыми рабами особенно хорошо обращались; такимъ преимуществомъ болѣе другихъ пользовались пастухи. Имъ ввѣрялся главный предметъ богатства господина; ихъ заня-

тіе удаляло ихъ изъ-подъ непосредственнаго надзора господина; поэтому пастухамъ подчиняли другихъ рабовъ и разсматривали ихъ почти какъ членовъ семейства. Глубокая, непоколебимая привязанность свинопаса Эвмея и пастуха коровъ Филетея къ семейству и интересамъ отсутствующаго Одиссея принадлежитъ къ самымъ интереснымъ чертамъ греческаго эпоса: рабство было несчастіемъ, которое въ то невѣрное время могло постигнуть каждаго; рабъ бывалъ часто по рожденію не менѣе благороденъ, какъ его господинъ. Самъ Эвмей былъ сынъ одного вождя, похищенный изъ отеческаго дома кормилицей и проданный Лаэрту финикійскими торговцами невольниковъ.

Классъ рабовъ, судьба котораго была самая жалкая, составляли невольницы. Число ихъ было больше, нежели рабовъ, и съ ними обращались строже. На нихъ лежали самыя тяжелыя, изнурительныя работы дома: они носили воду изъ источника, мололи муку въ ручныхъ мельницахъ, иногда даже толкли ее въ ступкѣ, ежели не было ручной мельницы. Впрочемъ тяжкая работа умѣрялась сообщничествомъ госпожи и ея дочерей. Рабыни обыкновенно пряли и ткали вмѣстѣ съ госпожею: Елена и Пенелопа славились за свое прилежаніе къ этой работѣ. Дочери Келея, царя элевсинскаго, ходили сами съ ведрами къ колодцу, а Навсикая, дочь Алкиноя, царя Феаковъ, помогала своимъ рабынямъ мыть платье.

Несмотря на эти работы, положеніе свободной женщины было соединено въ гомерическое время съ большимъ достоинствомъ и вліяніемъ. Правда, что существовалъ еще обычай покупать жену у родителей большими подарками, платить за нее *вѣно*, какъ говорили наши предки,—обычай, который Аристотелемъ признается за признакъ варварства и естественно долженъ былъ вести за собою беззащитность жены. Несмотря на это мы видимъ, что жены героическаго времени пользуются даже бо́льшею свободою, и имѣютъ болѣе обширный кругъ дѣйствія нежели въ исторической Греціи. Греческія легенды обязаны женщинамъ значительною частію своего интереса: Пенелопа, Андромаха, Елена, Клитемнестра, Эрифила, Іокаста, Гекаба стоятъ всѣ на первомъ планѣ картины, благодаря или добродѣтели своей, или красотѣ, или преступленіямъ и страданіямъ. Это замѣчательное явленіе встрѣчается вездѣ, гдѣ дружинный бытъ выступаетъ съ особенною силой; болѣе всего это мы видимъ въ Германіи, но видимъ также и у нашихъ предковъ, пока варяжская дружина еще не затерялась

въ общей массѣ народа *). Можетъ быть, такое явленіе условливалось частымъ отсутствіемъ господина дома, при чемъ его жена должна была заступать его мѣсто. По крайней мѣрѣ не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что высокое значеніе нѣкоторыхъ женщинъ отнюдь не происходило изъ уваженія къ женскому полу: слабый и менѣе годный къ работѣ, женскій полъ находился въ принебреженіи и принужденъ былъ покаряться физической силѣ мущинъ; тяжкая участь рабынь, въ сравненіи съ довольно сноснымъ положеніемъ рабовъ ясно, свидѣтельствуютъ о томъ.

Въ одинаковомъ почти положеніи, какъ рабы, находились свободные бѣдняки, безземельные ѳеты. Положеніе человѣка, у котораго не было ни своего участка земли, ни сильныхъ родственниковъ, который переходилъ отъ одной временной работы къ другой, было, вѣроятно, весьма и весьма незавидное. Когда Эвмей предавался надеждѣ, что его господа отпустятъ его на волю, онъ соединялъ вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренность, что они дадутъ ему участокъ земли, домъ и жену:

Все, что̀ рабу за усердье дастъ господинъ благодушный,
Поле и домъ и хозяйку, которую по сердцу самъ онъ
Выбралъ.

Безъ этихъ подарковъ отпущеніе на волю отнюдь не улучшило бы его положенія. Ѳетъ, служащій у бѣднаго землевладѣльца, приводится Ахилломъ, какъ примѣръ самаго несчастнаго человѣка. Во времена, когда знали мало обязанностей и снисходительность основывалась на одномъ только чувствѣ состраданія, въ такія времена бѣдный наймитъ былъ совершенно предоставленъ произволу своего господина. Число такихъ несчастныхъ безземельныхъ свободныхъ людей было, вѣроятно, довольно велико въ героическое время: они должны были составлять большинство простыхъ ратниковъ, слѣдовавшихъ за героемъ на войну; ими же должны были наполняться многочисленныя шайки сухопутныхъ и морскихъ разбойниковъ того времени. Они принуждены были искать подобнаго занятія уже потому, что, какъ мы видимъ изъ Гесіода, ихъ обыкновенно нанимали только на время рабочей поры, а постоянныхъ занятіи ремесленническихъ было весьма мало въ Греціи того времени.

Торговлей почти никто не занимался. Какъ въ средніе вѣки торговля находилась въ рукахъ жидовъ, такъ въ героической Греціи она была дѣломъ почти однихъ Финикіянъ. Этотъ изворотливый народъ умѣлъ извлекать выгоду изъ частыхъ въ тогдашнее время

*) См. Исторію Россіи г. Соловьева. Т. I стр. 243.

насилій и разбоевъ. Финикіянинъ привозилъ Грекамъ разные наряды и украшенія, красивыя ткани, золото, электръ, слоновую кость; въ замѣнъ онъ получалъ кожу, шерсть и рабовъ и былъ готовъ, при удобномъ случаѣ, на нечестную прибыль. Въ Одиссеѣ Финикіяне являются какъ «хитрые гости морей, финикійскіе люди»; они привозятъ къ Грекамъ «мелочи всякой въ своемъ кораблѣ чернобокомъ»; они обманывали Грековъ и обсчитывали: Финикіянинъ по Одиссеѣ

. . . обманщикъ коварный,
Злой козподѣй, отъ котораго много людей пострадало.

Отъ Финикіянъ были получены золото, мѣдь, электръ, которыми блестѣли палаты Алкиноя и Менелая; отъ нихъ же шли тѣ запасы металловъ, которые были собраны въ сокровищницахъ Одиссея и другихъ вождей. Замѣчательно, что въ гомерическое время серебро и желѣзо были еще очень рѣдки. Всѣ драгоцѣнные вещи дѣлались изъ золота и электра; оружіе — изъ мѣди, которую тогда умѣли закаливать. Рѣдкость серебра и желѣза есть явленіе, общее всей глубокой древности. Изслѣдованіе древнихъ вещей, находимыхъ на сѣверѣ Европы, дало возможность ученымъ членамъ копенгагенскаго общества антикваріевъ установить три эпохи въ употребленіи матеріаловъ для разныхъ человѣческихъ орудій. Въ самое древнее время употребляли камень, кость, дерево, кожу; во вторую эпоху пользовались уже мѣдью, или лучше бронзою, и золотомъ; наконецъ къ третьей эпохѣ относятся вещи изъ серебра и желѣза, и только на этихъ вещахъ бываютъ руны. Гомерическое время соотвѣтствуетъ второй изъ этихъ эпохъ. У Гомера серебро едва извѣстно; желѣзныя вещи употребляются только въ земледѣліи; все вооруженіе героевъ, сражающихся съ колесницъ, и пѣшихъ воиновъ ахейскихъ сдѣлано изъ «безжалостной мѣди».

Но не однимъ матеріяломъ, изъ котораго дѣлали оружіе, отличается гомерическое военное дѣло отъ позднѣйшаго греческаго: не менѣе рѣзкая противоположность видна и въ самомъ способѣ сражаться. Гоплиты или тяжело-вооруженная пѣхота исторической Греціи составляли твердую линію; они дружно нападали на непріятеля копьями и сражались, не разстраивая рядовъ. Герои Иліады и Одиссеи напротивъ того употребляли копья, какъ бросательное оружіе, которымъ они съ своею неимовѣрною силою метали въ непріятеля; у каждаго изъ нихъ была своя колесница, запряженная парою коней съ особеннымъ возничимъ; на ней они

выѣзжали вскакъ далеко впередъ отъ своихъ воиновъ и бросали копье въ выѣхавшаго также впередъ героя-непріятеля; иногда они ссакивали съ колесницы и вступали въ рукопашный бой, употребляя въ дѣло то длинный мечъ, то короткій кинжалъ; но колесница всегда оставалась вблизи ихъ, чтобы увезти ихъ изъ пылу битвы. Простая пѣхота Грековъ и Троянъ мало въ состояніи дать отпоръ разъѣзжающимъ на колесницахъ героямъ; въ битвѣ пѣшіе воины не сохраняютъ строя, не въ одно время бросаютъ свои копья и врозь нападаютъ на воиновъ непріятельскихъ, также разрозненныхъ. Иліада сдѣлала безсмертными эти нестройныя битвы; но ихъ противоположность съ непоколебимыми дружными рядами, передъ которыми разсѣялись толпы Персовъ подъ Платеей и Кунаксой, сильно выставляетъ на видъ различіе между героической и исторической Греціей. Между тѣмъ какъ въ первой рельефно выдаются немногіе блестящіе образы героевъ, а все остальное составляетъ неорганизованную безсильную массу,—въ послѣдней всѣ элементы слились въ одну строгую систему, въ которой каждый воинъ, и рядовой и офицеръ, имѣетъ свое опредѣленное мѣсто и свою обязанность, и побѣда, если одерживается, бываетъ соединеннымъ дѣломъ всѣхъ. Выдающаяся личная храбрость при такомъ устройствѣ ограничена въ своемъ проявленіи; никто не можетъ сдѣлать болѣе, какъ удержать свое мѣсто въ строю.—Въ мирномъ гражданскомъ быту мы замѣчаемъ тотъ же самый переходъ отъ какого-нибудь Геркулеса или Ахилла къ Солону и Периклу, — отъ пастыря своего народа — къ законодателю, вводящему пріятное всѣмъ государственное устройство, и государственному мужу, его поддерживающему.

Героическая тактика мало могла имѣть успѣха въ осадѣ крѣпостей. При обѣихъ большихъ осадахъ легендарнаго времени, при осадѣ Трои и Ѳивъ, взятіе города не было дѣломъ приступа. Троя была взята извѣстною хитростью, — посредствомъ деревяннаго коня; Ѳивы сдались, когда жители, потерявъ сраженіе въ полѣ, оставили городъ, по совѣту боговъ. Рѣшительное превосходство оборонительныхъ средствъ передъ наступательными было одною изъ великихъ причинъ, ускорившихъ успѣхъ гражданственности въ человѣческомъ обществѣ. Оно не только позволило лучшимъ членамъ человѣчества сохранить то, что было ими выработано, отъ разрушительныхъ нападеній племенъ болѣе грубыхъ: оно позволило также этимъ представителямъ человѣческаго успѣха получить перевѣсъ надъ своими непріятелями и даже передать имъ отчасти свои лучшіе обычаи. Это важное общее положеніе

не менѣе подтверждается исторіею древней Греціи, какъ и новой Европы. Оно показываетъ всю важность тѣхъ укрѣпленныхъ городовъ, которые такъ часто упоминаются въ героическое время и въ такомъ большомъ числѣ сохранились даже до нашихъ дней. Укрѣпленные города были убѣжищемъ возникавшей цивилизаціи и стали потомъ средоточіемъ греческой жизни историческаго времени. Особенно важно то, что гомерическіе вожди живутъ сами въ городахъ. Внѣ своего города они были готовы воспользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы пограбить, подобно феодальнымъ баронамъ среднихъ вѣковъ; но въ своемъ городѣ довольствовались тѣмъ уваженіемъ, которое питали къ нимъ простые горожане. А слѣдствіемъ этого было то, что греческій герой не сдѣлался, подобно многимъ средневѣковымъ баронамъ, не зависимымъ потентатомъ, а оставался членомъ города, хотя и господствующимъ надъ своими согражданами: въ дальнѣйшемъ развитіи изъ героическихъ родовъ могла образоваться правительственная аристократія.

Въ этой чертѣ гомерическаго быта мы уже ясно видимъ сѣмена того будущаго, которое сдѣлало Грецію Греціей. Это одинъ изъ результатовъ того совершенно особеннаго взаимнодѣйствія дружиннаго и родоваго быта, который составляетъ отличіе древнѣйшей греческой исторіи отъ другихъ. Во всѣхъ сложныхъ явленіяхъ важнѣе всего мѣра участія дѣйствующихъ началъ; ее болѣе всего долженъ стараться уловить изслѣдователь. Такъ не трудно найдти въ греческомъ героизмѣ много похожаго на соотвѣтственныя ему явленія исторіи другихъ народовъ; но *греческимъ* сдѣлало его то, что̀ ему особенно принадлежитъ, и что̀ легло сѣменемъ послѣдующаго развитія греческой гражданственности. Сюда болѣе всего относится патріархальный характеръ отношеній героевъ къ остальной массѣ народа, существованіе, хотя и въ зародышѣ, думы, вѣча и городовъ, и замѣчательное распространеніе гласности, съ которымъ стоитъ въ связи частое употребленіе слова.

Еще есть одно явленіе, заслуживающее особеннаго изученія — лучшій перлъ героической Греціи и главное ея право на безсмертіе. Это эпическая поэзія, отъ которой хотя сохранились только два произведенія, но зато такія произведенія, что совершенно достаточно могутъ показать уже въ героическихъ Грекахъ необыкновенную духовную организацію, обѣщающую будущее превосходство націи въ разныхъ отрасляхъ человѣческой умственной жизни.

О греческомъ эпосѣ говоритъ Гротъ въ 21-й главѣ. Тамъ у него собраны главныя свѣдѣнія о такъ называемомъ эпическомъ

киклосѣ, составленномъ александрійскими учеными изъ ряда эпопей, подобранныхъ по содержанію въ хронологическомъ порядкѣ, объ отношеніи эпическаго киклоса къ эпопеямъ гомерическимъ и объ общихъ данныхъ, по которымъ можно судить о древности этихъ послѣднихъ и о поэтѣ или поэтахъ, которымъ онѣ обязаны своимъ существованіемъ. Въ этой обширной главѣ высказано много ясныхъ и вѣрныхъ мыслей о тѣхъ запутанныхъ вопросахъ, которые составляютъ ея содержаніе. Мы даже позволяемъ себѣ думать, что весьма трудный вопросъ о гомерическомъ эпосѣ получилъ здѣсь такое разрѣшеніе, на которомъ наука можетъ почти успокоиться. Гротъ не могъ привести новыхъ фактовъ, которые уже всѣ исчерпаны предшествовавшими изслѣдователями. Что̀ принадлежитъ ему, это та рѣдкая ясность взгляда, которая помогла ему найдтись и опознаться въ хаосѣ противоположныхъ и не всегда ясно продуманныхъ и высказанныхъ мнѣній *).

Кто или что̀ былъ Гомеръ? къ какому времени отнести его? какія произведенія могутъ быть ему приписаны? — Еслибы мы обратились съ этими вопросами къ Грекамъ разныхъ городовъ и временъ, мы получили бы весьма расходящіеся и даже противорѣчащіе отвѣты. Послѣ драгоцѣнныхъ трудовъ Аристарха и другихъ александрійскихъ критиковъ сдѣлалось обычаемъ признавать за подлинныя произведенія Гомера только Иліаду и Одиссею. Но еще прежде александрійскаго времени въ Греціи были такъ называемые различители, хоризонты, которые, вслѣдъ за Ксенофонтомъ и Гелланикомъ, раздѣляли Иліаду и Одиссею и утверждали, что обѣ поэмы не могутъ быть произведеніемъ одного и того же автора. Между тѣмъ общее народное мнѣніе, принимаемое и нѣкоторыми учеными критиками, приписывало Гомеру, кромѣ этихъ двухъ поэмъ, еще множество другихъ, и признавало за его произведеніе не только весь эпическій киклосъ, но и сатирическое стихотвореніе Маргитъ, Батрахоміомахію и другія мелкія вещи. Извѣстный элегическій поэтъ Каллинъ полагалъ, что Гомеръ былъ авторомъ «Ѳиваиды», а изъ словъ Геродота можно заключить,

---

*) Приведемъ заглавія сочиненій о Гомерѣ, упоминаемыхъ ниже: F. A. Wolf, Prolegomena ad Homerum 1795. Payne Knight Prolegomena ad Homerum 1816. B. Thiersch Urgestalt der Odyssee. 1821. W. Müller Homerische Vorschule. 1824. 2-te Ausg. v. Baumgarten-Crusius, 1836. G. Lange Sendschreiben an Göthe. 1826. Nitsch Historia Homeri. fasc. 2. 1830—37. Welcker der epische Cyclus. 2 Bde. 1835—50. Lachmann Betrachtungen über Homer's Ilias. 1847.

что въ его время «Кипрскіе стихи» и «Эпигоны» приписывались общимъ мнѣніемъ также Гомеру. Самъ Геродотъ, который не допускаетъ этого мнѣнія, смотрѣлъ однакожь на имена Гомера и Гесіода, какъ на обнимающія собою весь греческій эпосъ, ибо иначе онъ едва ли бы произнесъ свое знаменитое сужденіе, что Гомеръ и Гесіодъ создали греческую θεογονίю.

Множество греческихъ городовъ объявляли притязаніе на славу быть мѣсторожденіемъ Гомера, и въ большей части изъ нихъ существовали разныя повѣствованія о его происхожденіи, о его родствѣ, о его скитальнической жизни. Болѣе семи городовъ присвоивали его себѣ (Смирна и Хіосъ были самые знаменитые между ними), и эти противорѣчія относительно мѣста, гдѣ Гомеръ жилъ, были еще превзойдены противорѣчіями относительно времени, къ которому его относили. Изъ восьми опредѣленій эпохи его жизни два самыя противоположныя раздѣлены пространствомъ 430 лѣтъ. Кратесъ полагалъ, что Гомеръ жилъ чрезъ 80 лѣтъ послѣ Троянской войны: Эратосѳенъ — чрезъ 100; по Аристотелю, Аристарху и Кастору, его рожденіе совпадало съ іонійскимъ выселеніемъ, между тѣмъ какъ Аполлодоръ относитъ его къ времени 100 лѣтъ спустя послѣ этого событія или 240 лѣтъ послѣ взятія Трои. По Ѳукидиду, напротивъ того, время Гомера слѣдовало вскорѣ за Троянскою войной, а Ѳеопомпъ и Эвфоріонъ считали его даже цѣлыми 500 годами моложе троянской эпохи. Таковы противорѣчія въ мнѣніи древнихъ ученыхъ по этому предмету. Самое правдоподобное и самое согласное съ общею исторіею греческаго эпоса опредѣленіе сдѣлано, по мнѣнію Грота, Геродотомъ, который признаетъ Гомера 400 годами старше себя. Въ самомъ дѣлѣ такое опредѣленіе — IX-й вѣкъ до Р. Х. — болѣе другихъ соотвѣтствуетъ характеру эпопей, обозначаемыхъ именемъ Гомера, ибо онѣ дѣйствительно должны быть однимъ столѣтіемъ старше эпохи Арктина, жившаго въ VII вѣкѣ.

Вотъ какое разногласіе господствуетъ въ отвѣтахъ, которые дали бы Греки на вопросы о лицѣ Гомера. Но въ Греціи былъ еще цѣлый поэтическій родъ (братство или цехъ), называвшій себя родомъ Гомеридовъ и жившій на островѣ Хіосѣ; члены этого рода, еслибы имъ были предложены тѣ вопросы, отвѣчали бы совсѣмъ инымъ образомъ, нежели прочіе Греки. Они сказали бы, что Гомеръ былъ не простой человѣкъ, жившій прежде нихъ какъ другіе люди, и родственной съ ними натуры, но существо божественное, или, по крайней мѣрѣ, полубожественное, покровитель и начальникъ ихъ рода. Ему приносили они языческія жертвы; въ его

возвышенномъ имени и славѣ поглащалась индивидуальность каждаго члена рода. Имена отдѣльныхъ пѣвцовъ исчезали и забывались, а слава общаго отца рода росла отъ поколѣнія къ поколѣнію, благодаря геніяльности смѣнявшихъ другъ друга его сыновъ.

Таково представленіе о Гомерѣ, жившее въ поэтическомъ родѣ Гомеридовъ; имъ легко объясняется, какимъ образомъ всѣ поэмы эпическаго киклоса могли быть приписаны одному Гомеру. Оно болѣе согласно съ характеромъ того легендарнаго времени, къ которому болѣе или менѣе относитъ Гомера общее мнѣніе всѣхъ Грековъ, и только оно въ состояніи согласить разногласія мѣстныхъ сказаній о мѣстѣ жизни Гомера. Поэтому Гротъ признаетъ, что оно заслуживаетъ наибольшаго вниманія изо всѣхъ представленій о Гомерѣ. Въ самомъ дѣлѣ существованіе поэтическаго рода Гомеридовъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Онъ существовалъ на островѣ Хіосѣ и пользовался уваженіемъ даже и въ историческую эпоху. И ежели Гомериды были еще знамениты во время Акусилая, Пиндара, Гелланика и Платона, когда ихъ производительность уже прекратилась, когда они были только хранителями сокровищъ, наслѣдованныхъ отъ давнихъ временъ, то очевидно, что положеніе ихъ за три вѣка прежде, когда они еще были вдохновенными создателями новыхъ эпическихъ повѣствованій, когда еще не было письма, и гомерическая поэзія составляла ихъ исключительное достояніе, очевидно, что положеніе ихъ въ то отдаленное время было еще возвышеннѣе, и имя ихъ родоначальника могло осѣнить собою весь греческій эпосъ повѣствовательнаго характера, между тѣмъ какъ имя Гесіода сдѣлалось такимъ же образомъ представителемъ родословнаго эпоса.

Итакъ, Гомеръ не индивидуальный человѣкъ; онъ божественный и героическій отецъ и покровитель рода Гомеридовъ; онъ виновникъ всего, что̀ совершается этимъ родомъ въ поэзіи; онъ авторъ Ѳиваиды, Эпигоновъ, Кипрскихъ стиховъ и другихъ эпопей; въ томъ же смыслѣ онъ творецъ и Иліады и Одиссеи, какъ произведеній, созданныхъ лицами, принадлежавшими къ роду Гомеридовъ.

Такое непризнаваніе исторической личности Гомера не находится однакожь ни въ какой связи съ вопросомъ — были ли Иліада и Одиссея первоначально цѣлыя эпопеи, и происходятъ ли онѣ отъ одного или отъ многихъ авторовъ.

Съ небольшимъ за полстолѣтія тому назадъ, остроумные и многоцѣнные «Пролегомены» Ф. А. Вольфа открыли критическую разработку исторіи текста гомерическихъ эпопей. Значительная часть этого сочиненія посвящена защитѣ положенія, высказаннаго

еще прежде англійскимъ критикомъ Бентли, что составныя части Иліады и Одиссеи соединены въ одно связное цѣлое въ первый разъ во время Писистрата, въ VI вѣкѣ до Р. Х. Какъ новое доказательство этого положенія, Вольфъ приводилъ то обстоятельство, имъ же впервые показанное, что въ предшествовавшія времена не могло быть писанныхъ экземпляровъ этихъ эпопей, а безъ письма, по мнѣнію Вольфа, ни самъ поэтъ не могъ бы вполнѣ обозрѣть симметріи эпопей, столь сложныхъ, какъ Иліада и Одиссея, ни преемники поэта не были бы въ состояніи сохранить того построенія, которое поэтъ далъ бы своимъ поэмамъ. Отсутствіе удобнаго способа писать, необходимо требующагося для длинныхъ рукописей, сдѣлалось такимъ образомъ у Вольфа однимъ изъ главныхъ основаній противъ первоначальной цѣльности Иліады и Одиссеи. Противники Вольфа, какъ напримѣръ Нитчъ, также обыкновенно соединяютъ вопросъ о письмѣ съ вопросомъ о цѣльности поэмъ, и, утверждая послѣднюю, стараются доказать и существованіе перваго.

Англичанину Пэнъ-Нейту (Payne Knight) принадлежитъ заслуга раздѣленія этихъ вопросовъ, и Гротъ провелъ это раздѣленіе еще съ большею послѣдовательностью. Въ самомъ дѣлѣ нельзя принять безъ доказательства, что время, не знающее письменности, не можетъ знать и большихъ эпопей: вопросъ — могли ли быть произведены и сохраняемы длинныя поэмы безъ помощи письма, — заслуживаетъ особеннаго разсмотрѣнія, и отрицательное его разрѣшеніе отнюдь не можетъ быть принято, какъ вещь, сама по себѣ разумѣющаяся.

Во всякомъ изслѣдованіи очень важно и трудно поставить, какъ слѣдуетъ, вопросъ. Мы дѣйствительно видимъ въ исторіи разныхъ особенно запутанныхъ историческихъ изслѣдованій, что въ началѣ спора вопросъ обыкновенно не бываетъ поставленъ съ должною ясностію. Только послѣ продолжительныхъ трудовъ и многократнаго разрѣшенія заданнаго вопроса удается наконецъ вполнѣ осилить его элементы и выразумѣть съ ясностію, что̀ собственно должно быть разрѣшено относительно каждаго изъ элементовъ вопроса. Тогда только настаетъ время соглашенія противоположныхъ ученыхъ партій, ибо только тогда въ разрѣшеніе вопроса вносится логическая послѣдовательность, обязательная для всѣхъ. Это время, очевидно, наступило теперь для вопроса о Гомерѣ; вопросъ уже достаточно созрѣлъ, и удовлетворительность его разрѣшенія должна отнынѣ зависѣть единственно отъ степени достаточности историческихъ данныхъ. Элементы, которые пред-

ставлялись уму Вольфа, какъ неразрывно связанные и взаимно другъ друга условливающіе, теперь могутъ быть раздѣлены и поставлены независимо одинъ отъ другаго. Уже Пэнъ-Нейтъ замѣтилъ, что разрѣшеніе вопроса о первоначальной цѣлости Иліады и Одиссеи не зависитъ отъ распространенности или нераспространенности искусства писать въ IX вѣкѣ до Р. Х. Гроту удалось освободить еще бо́льшее число вопросовъ отъ казавшейся связи ихъ съ другими вопросами. Это весьма важный шагъ въ исторіи спора о Гомерѣ: пока степень зависимости одного положенія отъ другаго еще не вполнѣ ясно сознавалась, тогда одно добытое положеніе предрасполагало къ такому или иному разрѣшенію другаго вопроса; теперь, благодаря болѣе ясной постановкѣ вопросовъ, всѣ они освѣщены одинаково-равнымъ свѣтомъ и не затемняютъ болѣе другъ друга своею тѣнью.

Гротъ совершенно отдѣляетъ вопросъ о существованіи письменности во время Гомера отъ вопроса о цѣльности гомерическихъ эпопей. На первый онъ отвѣчаетъ отрицательно. Не только въ IX вѣкѣ до Р. Х., но даже и въ VII мы находимъ еще очень мало слѣдовъ письменности въ древней Греціи. Древнѣйшая надпись, сохранившаяся до нашего времени, относится къ 40 олимпіядѣ, то-есть къ 610-му до Р. Х., и всѣ древнія надписи сохранившіяся показываютъ необыкновенную грубость и неловкость: видно, что Греки были еще весьма неопытны въ письмѣ. Матеріялы для письма въ это отдаленное время употреблялись самые неудобные; только торговля съ Египтомъ, открывшаяся въ концѣ VII вѣка, облегчила полученіе папироса. Классъ людей, привыкшихъ и имѣющихъ потребность читать, былъ весьма ограниченъ. Съ эпическими пѣснями знакомились, не читая ихъ, а слушая. Даже весьма вѣроятно, что Греки того времени отказались бы отъ возможности читать Гомера, еслибы она имъ и представилась: чтеніе не могло доставить того удовольствія, которое давалъ своимъ слушателямъ даровитый и опытный рапсодъ, свободно произносившій гомерическіе стихи и съ ловкимъ умѣньемъ оттѣнявшій каждое слово. Такъ мы читаемъ у Цезаря, что пѣсни гальскихъ друидовъ долгое время оставались незаписанными, хотя для другихъ цѣлей давно уже введено было употребленіе письма.

Преданіе не могло бы представлять себѣ Гомера слѣпцомъ, еслибы съ именемъ Гомера соединялось понятіе поэта, записывавшаго свои произведенія. Гомеръ для преданія былъ такой же пѣвецъ или аэдъ, какихъ нѣсколько упоминается въ Иліадѣ и

Одиссеѣ. Онъ пѣлъ и оживлялъ свое пѣніе аккордами простой четырехструнной лиры. Пѣсни, имъ сложенныя, становились достояніемъ подобныхъ же ему аэдовъ и потомъ, когда аэды смѣнились рапсодами, стали повторяться этими послѣдними. Рапсоды уже не пѣли, а произносили; они довольствовались одними эффектами голоса и не сопровождали произношенія звуками лиры; рапсодъ декламировалъ эпическую пѣснь и держалъ въ рукѣ лавровую вѣтвь, этотъ даръ музъ, знакъ особеннаго его призванія. Рапсоды оставались исключительнымъ органомъ древняго эпоса до самаго времени Солона, когда въ первый разъ встрѣчаются нѣкоторыя указанія на существованіе рукописей. Мы имѣемъ всѣ основанія полагать, что древнѣйшія рукописи Гомера были многимъ моложе времени Алкея и Сапфо. Въ этомъ убѣждаетъ насъ отсутствіе въ текстѣ гомерическихъ поэмъ дигаммы, которая во время сочиненія ихъ была дѣйствительнымъ звукомъ и имѣла большое вліяніе на стопосложеніе. Но когда поэмы Гомера были въ первый разъ записаны, тогда дигамма уже болѣе не выговаривалась: поэтому она не попала въ текстъ, и александрійскіе критики, знавшіе о существованіи дигаммы въ стихотвореніяхъ Алкея и Сапфо, не допускали однакожь ее у Гомера, и для объясненія частыхъ зіяній (hiatus) и другихъ метрическихъ явленій, объяснимыхъ только посредствомъ дигаммы, прибѣгали къ исправленіямъ и другимъ искусственнымъ средствамъ.

Мнѣніе, что во время Солона уже были рукописи, основано на извѣстіи Діогена Лаэртія объ изданномъ Солономъ законѣ, чтобы произведенія Гомера читались рапсодами по порядку, и притомъ ἐξ ὑποβολῆς, то-есть такъ, чтобы опредѣленный отъ государства суфлеръ слѣдилъ за вѣрностью чтенія. Еще больше вниманія обратилъ на Гомера Писистратъ. Цицеронъ и Павсаній приписываютъ Писистрату особенное попеченіе о поэмахъ Гомера. Цицеронъ (De Oratore III, 34) говоритъ, что Писистратъ привелъ перепутанныя книги Гомера въ тотъ порядокъ, въ какомъ онѣ читались во время Цицерона. Павсаній (VII, 26, 13) также упоминаетъ, что Писистратъ собралъ разсѣянныя и по частямъ въ разныхъ мѣстахъ извѣстныя рапсодіи Гомера. А одна схолія къ Плавту приводитъ и имена людей, помогавшихъ Писистрату въ этомъ дѣлѣ.

На основаніи приведенныхъ нами данныхъ, можно заключить съ увѣренностію, что Иліада и Одиссея записаны въ первый разъ около времени Солона и Писистрата, а прежде того сохранялись единственно въ памяти рапсодовъ. Вотъ тотъ выводъ, который мы

несомнѣнно въ правѣ сдѣлать изъ этихъ данныхъ; между тѣмъ какъ для опредѣленія того вида, который первоначально имѣли гомерическія рапсодіи, эти данныя совершенно безсильны, и намъ надобно искать другихъ. Все что̀ можно сдѣлать, не переходя къ новымъ даннымъ и новому кругу изслѣдованія, ограничивается обозначеніемъ предѣла, дальше котораго, судя по характеру времени и личнымъ качествамъ Писистрата, не могла простираться его дѣятельность относительно гомерическихъ поэмъ.

Вольфъ и одинъ изъ его главныхъ послѣдователей, Вильгельмъ Мюлеръ, смотрятъ обыкновенно на дѣло такъ, какъ будто бы гомерическія рапсодіи оставались до Писистрата совершенно отдѣльными и не находившимися между собою ни въ какой связи пѣснями, и Писистратъ былъ первымъ соединителемъ ихъ въ одно цѣлое. Равно и Лахманъ, которому принадлежитъ заслуга приложенія Вольфовой гипотезы къ самому подробному и въ высшей степени остроумному изученію Иліады, полагаетъ, что тѣ 16 пѣсней, на которыя, по его мнѣнію, разлагаются первыя 22 книги этой эпопеи, были сочинены и передаваемы до самаго времени Писистрата, какъ отдѣльныя независимыя рапсодіи, и что Писистрату принадлежитъ ихъ соединеніе въ одно цѣлое. Противъ этой теоріи нельзя не замѣтить, что она противорѣчитъ извѣстію объ установленіи еще Солономъ порядка рапсодій и отступаетъ довольно далеко отъ свидѣтельствъ Цицерона и Павсанія, на которыя она собственно опирается. Оба древніе писателя видятъ въ Писистратѣ только возстановителя первоначальнаго единства и порядка рапсодій (на это ясно указываютъ употребляемыя ими слова: Homeri libros confusos antea, ἔπη τὰ Ὁμήρου διεσπασμένα,) а не соединителя того, что̀ было и первоначально разрознено. Изъ ихъ словъ поэтому нельзя сдѣлать того вывода, который дѣлаютъ Вольфъ, Мюлеръ и Лахманъ. За мнѣніемъ этихъ ученыхъ остается характеръ гипотезы, не основанной на свидѣтельствахъ древнихъ и могущей опираться только на свою внутреннюю вѣроятность; но именно противъ послѣдней говоритъ весьма многое.

Писистрату было весьма естественно позаботиться объ устраненіи произвола рапсодовъ и о прославленіи аѳинскаго панаѳенейскаго праздника самою вѣрною во всей Греціи рецитаціею величайшаго памятника народной поэзіи. Но совсѣмъ другое дѣло было бы взяться за составленіе поэмы, прежде никогда не существовавшей, какъ одно цѣлое. Для этого было мало выпускать, переставлять и дѣлать небольшія вставки, называемыя на техниче-

скомъ языкѣ критиковъ интерполаціями. Простые компилаторы и интерполаторы не были бы въ силахъ составить одно обширное поэтическое цѣлое изъ пѣсней, совершенно разрозненныхъ. Для этого было бы нужно большое поэтическое дарованіе, котораго мы не знаемъ ни за Писистратомъ, ни за его помощниками. Писистратъ не былъ поэтъ и не могъ имѣть желанія заинтересовать общественное мнѣніе новыми созданіями или новыми геніяльными соединеніями прежнихъ поэтическихъ созданій; онъ былъ властитель, желавшій только придать новый блескъ главному религіозному празднику своего отечественнаго города. Впрочемъ даже, еслибы онъ и сдѣлалъ то, что̀ ему приписываютъ послѣдователи Вольфа, едвали бы его смѣлое нововведеніе понравилось Грекамъ: оно скорѣе оскорбило бы ихъ и, введенное въ Аѳинахъ волею властителя, конечно не было бы принято городами и рапсодами остальной Греціи. Еслибы 16 пѣсней, на которыя Лахманнъ разлагаетъ Иліаду, оставались раздѣльными и разрозненными до самаго времени Писистрата, онѣ вѣроятно остались бы такъ и навсегда. Кромѣ того, Ономакритъ и другіе ученые друзья Писистрата едвали бы могли устеречься отъ внесенія той или другой черты новѣйшаго быта въ тѣ многочисленныя мѣста, которыя они должны были сами сочинить, чтобы составить изъ отдѣльныхъ рапсодій одну связную поэму. Но во всей Иліадѣ и Одиссеѣ мы не находимъ ни одного новѣйшаго оттѣнка, ничего, что̀ бы указывало на великія измѣненія, происшедшія между героическимъ временемъ и эпохою Писистрата, каковы напримѣръ совершенное преобразованіе греческаго языка, чеканка монеты, искусство читать и писать, появленіе тираній и республикъ, введеніе новаго военнаго строя, улучшеніе корабельнаго дѣла и т. д. Современники Писистрата непремѣнно сдѣлали бы намекъ на что-нибудь подобное, хотя и противъ воли. Но во всемъ Гомерѣ нѣтъ ни одного такого стиха, нѣтъ ни одного стиха, который бы, по языку и содержанію, не оказался старше стиховъ Архилоха и Каллина.

Все это заставляетъ принять, что ежели гомерическія поэмы и были составлены когда-нибудь изъ разрозненныхъ пѣсней, то это должно было случиться гораздо прежде эпохи Писистрата, сравнительно новой. Въ одно цѣлое могли быть собраны разрозненныя рапсодіи только въ то время, когда еще жива была эпическая поэзія. Ежели, несмотря на всѣ противорѣчія, на всѣ слѣды первоначальной разрозненности, единство Иліады еще такъ сильно бросается въ глаза, что составляетъ до сихъ поръ всеобщее вѣрованіе массы читателей, то гораздо естественнѣе пред-

положить, что оно происходитъ изъ временъ производительной силы эпическаго генія, отъ тѣхъ пѣвцовъ или рапсодовъ IX или VIII вѣка, которые еще могли имѣть смѣлость взяться за такое дѣло и могли успѣть заинтересовать современниковъ своимъ соединеніемъ рапсодій и заставить ихъ забыть о прежнихъ разрозненныхъ пѣсняхъ.

Такому раннему соединенію пѣсней Иліады и Одиссеи отнюдь не противорѣчитъ, что онѣ обыкновенно цитуются у древнихъ писателей не какъ части Иліады и Одиссеи, а подъ своими отдѣльными наименованіями, какъ напримѣръ, Тихомахія, Долонія и др. Такія цитаты не могутъ свидѣтельствовать о несуществованіи соединенія рапсодій въ то время, когда жили писатели такъ цитующіе: до Аристарха и его товарищей Иліада и Одиссея не были раздѣлены каждая на 24 книги, и части этихъ поэмъ не были обозначены, какъ послѣ, буквами греческаго алфавита; поэтому нельзя было обратить вниманія читателя на одну изъ частей Иліады или Одиссеи, не обозначивъ этой части ея особеннымъ именемъ. Къ тому же почти всѣ эти писатели жили послѣ Писистрата, и ихъ цитаты говорятъ столько же и противъ гипотезы Вольфа.

Внутренняя невѣроятность мнѣнія, будто Писистратъ былъ первымъ создателемъ единства Иліады и Одиссеи, замѣчена уже многими, и многіе современные ученые уже удаляются отъ этого мнѣнія. Такъ Ритчель, одинъ изъ самыхъ точныхъ критиковъ нашего времени, полагаетъ (Die Alexandrin. Bibl. p. 67 — 70), что главныя части Иліады и Одиссеи были созданы однимъ поэтомъ и первоначально составляли одно цѣлое. Но это единство, по мнѣнію Ритчеля, сохранялось только въ преданіи; рапсоды пѣли отдѣльные отрывки; общей рецитаціи цѣлой поэмы нигдѣ не дѣлалось, да и не могло дѣлаться, потому что послѣдовательность частей была затеряна, и части, отдѣльно передаваемыя, потерпѣли большія перемѣны. И Солонъ еще не опредѣлилъ, по мнѣнію Ритчеля, порядка частей, онъ только ограничилъ произволъ рапсодовъ въ рецитаціи отдѣльныхъ частей. Писистратъ первый установилъ, съ помощію Ономакрита и другихъ, порядокъ рапсодій и привелъ ихъ въ одно цѣлое, которое, конечно, многимъ должно было отличаться отъ первоначальнаго цѣлаго, созданнаго древнимъ поэтомъ.

Таково мнѣніе Ритчеля, ограничивающаго, какъ и слѣдуетъ, заслугу Писистрата возстановленіемъ древней связи рапсодій. Въ такомъ опредѣленіи мѣры участія Писистрата въ судьбѣ гомерическихъ эпопей Гротъ совершенно согласенъ съ Ритче-

лемъ, но въ другихъ пунктахъ спорнаго дѣла онъ отъ него удаляется. Такъ напримѣръ Гротъ полагаетъ, что гомерическія рапсодіи читались въ извѣстномъ порядкѣ еще во время Солона (онъ основывается при этомъ на прямыхъ словахъ Діогена Лаэртія); по его мнѣнію, нѣтъ достаточнаго повода утверждать, что единство Иліады и Одиссеи было только преданіемъ, и онъ признаетъ очень возможнымъ, что и прежде Солона и Писистрата ихъ иногда читали какъ цѣлое.

Но съ другой стороны Гротъ совершенно отдѣляетъ вопросъ о единствѣ, возстановленномъ во время Солона и Писистрата, отъ вопроса о первомъ виновникѣ этого единства. Утверждая, что Писистратъ, и по времени и по характеру, не могъ быть первымъ соединителемъ гомерическихъ рапсодій, онъ допускаетъ однакожь возможность вопроса — были ли Иліада и Одиссея сочинены однимъ поэтомъ, и составляли ли онѣ и первоначально каждая одно цѣлое, или отдѣльныя части ихъ сочинены разными поэтами и только въ послѣдствіи, хотя и гораздо прежде Писистрата, слиты въ одно цѣлое. Устраненіе гипотезы, что Писистратъ былъ первымъ соединителемъ рапсодій, еще не влечетъ за собою невозможности предположенія, что Иліада и Одиссея состоятъ изъ частей, принадлежащихъ первоначально разнымъ авторамъ и даже, можетъ быть, разнымъ временамъ. Принятіе или непринятіе этого послѣдняго предположенія можетъ зависѣть только отъ изученія самыхъ эпопей и отъ знакомства съ природою эпической поэзіи вообще.

«Пролегомены» Вольфа сильно обратили вниманіе ученыхъ на необходимость разсматривать Иліаду и Одиссею въ связи съ эпохой и обществомъ, среди которыхъ онѣ возникли, и не упускать изъ виду огромнаго различія ихъ отъ искусственныхъ эпопей позднѣйшаго времени. Прежде Вольфа Гомера читали такъ же, какъ читаютъ Виргилія, Мильтона, и вообще смѣшивали народную эпическую поэзію съ искусственною. Послѣ Вольфа, и въ особенности благодаря его трудамъ, понятія совершенно перемѣнились; стали прилежно изучать проявленія народной эпической поэзіи всѣхъ временъ и разсматривать ее, какъ единственную приличную аналогію для гомерическихъ стихотвореній. Народная эпическая поэзія состоитъ по большей части изъ краткихъ безъискусственныхъ изліяній и мало знакома съ преднамѣренными и обширными комбинаціями цѣлаго ряда пѣсней по одному прежде составленному плану. Этотъ всеобщій характеръ народной эпической поэзіи былъ признанъ за форму того, чего можно ожидать

отъ гомерической эпохи, эпохи пѣвцовъ и слушателей, а не писателей и читателей. Прежнее безграничное удивленіе къ Гомеру, какъ мудрому строителю двухъ огромныхъ цѣльныхъ эпопей, замѣнилось желаніемъ разложить эти эпопеи на отдѣльныя рапсодіи, удивляться эпическому генію, проявляющемуся въ изображеніи подробностей, но вмѣстѣ съ тѣмъ подмѣчать противорѣчія и ошибки въ общемъ строѣ Иліады и Одиссеи. Такое направленіе овладѣло умами всего поколѣнія ученыхъ, слѣдовавшаго за Вольфомъ. Но въ послѣднее десятилѣтіе это направленіе начало уступать мѣсто другому. Уже Гёте въ послѣдніе годы своей жизни перемѣнилъ свое мнѣніе о Гомерѣ. Нитчъ, Отфридъ Мюллеръ, Велькеръ и другіе ученые подвергли новому пересмотру гипотезу Вольфа и отказались отъ нея въ бо̀льшей части пунктовъ. Общее мнѣніе начинаетъ теперь замѣчать, что при всей важности сравненія гомерической поэзіи съ народнымъ эпосомъ другихъ народовъ необходимо обращать вниманіе и на то, что гомерическій эпосъ стоитъ гораздо выше эпоса всѣхъ другихъ народовъ, и что къ нему нельзя прилагать мѣрило, заимствованное отъ этого послѣдняго. Въ самомъ дѣлѣ нельзя довольно часто повторять, что хотя гомерическая поэзія и есть народная поэзія, хотя языкъ, ею употребляемый, и былъ чисто народный языкъ, просторѣчіе того времени, когда она возникла, однакожь не смотря на это, ее нельзя ставить на одинъ уровень съ народною поэзіею другихъ народовъ, и было бы совершенно парадоксально требовать напримѣръ, чтобы гомерическое просторѣчіе передавалось на какомъ-нибудь новомъ языкѣ просторѣчіемъ новаго народа.

Велькеръ, Ланге и Нитчъ видятъ въ гомерическихъ эпопеяхъ новый шагъ въ исторіи греческаго народнаго эпоса. Было время, когда греческая народная поэзія состояла изъ краткихъ повѣствовательныхъ пѣсней; естественно предположить, что такихъ пѣсней было великое множество еще до времени, обозначаемаго именемъ Гомера, и мы дѣйствительно находимъ у него нѣкоторыя указанія на ихъ существованіе: но когда число ихъ сдѣлалось очень велико, тогда явились геніи соединители, которые переработали ихъ и перелили въ болѣе обширныя формы. За эпохою эпоса послѣдовала эпоха эпопеи — краткія мгновенныя изліянія проложили дорогу и приготовили матеріялъ для архитектоническихъ геніевъ, и переходъ отъ краткихъ пѣсней къ связной поэмѣ обозначилъ собою новую эпоху въ умственной исторіи націй. Къ этому-то времени должно быть отнесено, и по мнѣнію

Грота, созданіе Иліады и Одиссеи. Такое предпріятіе было впрочемъ столь необыкновенно въ исторіи народной поэзіи, что очень трудно составить себѣ понятіе о томъ, въ какой мѣрѣ поэтъ-составитель допустилъ въ свою эпопею прежнія эпическія пѣсни, каковъ былъ его первоначальный планъ, и было ли исполненіе этого плана дѣломъ одного лица, или совокупнымъ дѣломъ многихъ поэтовъ, соединенныхъ узами родоваго братства. Отвѣты на эти вопросы можно искать только въ самихъ эпопеяхъ; только изъ нихъ можетъ быть узнана относительная вѣроятность мнѣнія Вольфа, что каждая изъ двухъ эпопей была создана многими лицами.

Гипотеза Вольфа объясняетъ только одинъ рядъ явленій, замѣчаемыхъ въ эпопеяхъ Гомера; она объясняетъ только несообразности и противорѣчія, которыхъ дѣйствительно довольно много. Но она не объясняетъ другаго ряда явленій, имѣющаго также право на вниманіе; въ Иліадѣ и Одиссеѣ не менѣе можетъ быть найдено положительныхъ и неотрицаемыхъ доказательствъ согласія и связи одной части эпопеи съ другими и всеобщей симметріи цѣлаго. Только та теорія будетъ вполнѣ приложима къ эпопеямъ Гомера, которая объяснитъ не только противорѣчія частей, но и ихъ связь и симметрію. Такую-то теорію старался предложить Гротъ.

Ежели бы одна Одиссея, говоритъ Гротъ, дошла до нашего времени, то едвали бы когда-нибудь возникъ споръ о гомерическомъ единствѣ. Одиссея проникнута съ начала до конца ясными указаніями на единство. Построеніе по одному плану, сосредоточеніе вниманія на одномъ главномъ героѣ, при множествѣ искусно расположенныхъ приключеній, можетъ быть легко открыто, начиная съ 1-й до 23-й книги. Вездѣ прямо или непрямо изображается Одиссей, какъ главный герой эпопеи, какъ знаменитый опытный воинъ, въ полномъ блескѣ славы возвращающійся изъ-подъ Трои, но на своемъ возвращеніи преданный богами самымъ различнымъ и много лѣтъ длящимся несчастіямъ, которыя дотого угнетаютъ его духъ, что онъ даже отказывается отъ предлагаемаго ему Калипсой безсмертія. И по возвращеніи въ Ифаку, онъ является жертвою несправедливости и оскорбленій со стороны жениховъ, которые долгое время грабили его имущество и безчестили домъ. Но наконецъ мужествомъ и хитростью онъ добываетъ себѣ самое полное удовлетвореніе и получаетъ обладаніе тѣмъ, что было потерялъ. Всѣ лица и происшествія введены въ эпопею для этой главной цѣли, и участіе боговъ въ движеніи событій имѣетъ въ виду прямо Одиссея. Какъ ни великъ интересъ, связанный съ Пенелопой, Телемахомъ или Эвмеемъ, авторъ Одиссеи никогда не даетъ

повода смотрѣть на нихъ внѣ связи съ главнымъ героемъ. Главная катастрофа, разсказанная въ XXII книгѣ — кровопролитіе, произведенное Одиссеемъ между женихами въ томъ самомъ домѣ, который они безчестили — имѣется въ виду еще въ I-й и II-й книгѣ, предсказывается Тиресіемъ въ XI-й, Аѳиною въ XIII-й, Еленой въ XV-й и созрѣваетъ постепенно среди цѣлаго ряда приличныхъ предшествующихъ происшествій въ послѣднихъ восьми книгахъ. Весьма замѣчательно также ровное теченіе повѣствованія и событій, отсутствіе того возвышенія и пониженія тона и интереса, которые довольно замѣтны въ Иліадѣ.

Вольфъ, Вильгельмъ Мюллеръ и Бернгардъ Тиршъ могли указать только на одинъ дѣйствительный примѣръ противорѣчія. Это число дней, которые занимаетъ поѣздка Телемаха въ Пилосъ и Спарту. Поэтъ изображаетъ юнаго царя въ большой поспѣшности воротиться домой; Телемахъ отказывается отъ самыхъ настоятельныхъ приглашеній остаться подольше гостемъ Менелая, и между тѣмъ для хронологическаго соглашенія его дѣйствій съ дѣйствіями Одиссея и для объясненія встрѣчи отца съ сыномъ у свинопаса Эвмея, необходимо предположить, что Телемахъ пробылъ у Менелая не менѣе тридцати дней. На этомъ противорѣчіи Мюллеръ и Тиршъ основываютъ мнѣніе, что путешествіе Телемаха въ Пилосъ и Спарту составляло предметъ отдѣльнаго эпическаго стихотворенія, обнимавшаго первыя четыре книги Одиссеи и одну часть пятой и только въ послѣдствіи времени приставленнаго къ остальной эпопеѣ. Они подтверждаютъ это мнѣніе двукратнымъ собраніемъ боговъ въ первой и пятой книгѣ Одиссеи. Но спрашивается, могли ли приключенія Телемаха составлять предметъ отдѣльнаго стихотворенія, когда они получаютъ удовлетворительное окончаніе только въ томъ пунктѣ, гдѣ они сливаются съ приключеніями отца, то-есть при неожиданной встрѣчѣ Телемаха и Одиссея подъ кровлей Эвмея? Предположеніе, что Телемахъ былъ предметомъ независимаго отъ Одиссеи эпоса, стоитъ въ противорѣчіи съ характеромъ этого царственнаго юноши и съ тѣми событіями, въ которыхъ онъ принимаетъ участіе. Онъ вездѣ является, какъ второстепенное лицо, и его путешествіе изображается только какъ событіе, предшествующее главному событію эпопеи — возвращенію Одиссея и пораженію жениховъ. Съ другой стороны, хотя заключительная катастрофа Одиссеи была соединеннымъ дѣломъ Одиссея и Телемаха, однакожь приключенія каждаго изъ нихъ до минуты встрѣчи были различны; богиня Аѳина должна была посвящать особенное вниманіе судьбѣ каждаго

изъ нихъ въ отдѣльности: первое ея появленіе пробуждаетъ и воодушевляетъ сына, второе заступничество имѣетъ слѣдствіемъ освобожденіе отца. Этимъ совершенно объясняется двукратное собраніе боговъ въ Одиссеѣ; что же касается до противорѣчія въ числѣ дней, проведенныхъ Телемахомъ у Менелая, оно легко можетъ быть объяснено какъ неточность поэта, и мы готовы вмѣстѣ съ Гротомъ менѣе удивляться его присутствію, нежели тому, что это единственное противорѣчіе въ Одиссеѣ.

Изъ изученія Одиссеи Гротъ выводитъ слѣдующее заключеніе:

1. Эпопея, какъ мы ее знаемъ, представляетъ несомнѣнное согласіе частей и непрерывность построенія, происходитъ ли она отъ однихъ рукъ или отъ многихъ, трудившихся вмѣстѣ. Можетъ быть, это — вторичное образованіе изъ какой-нибудь прежней Одиссеи меньшихъ размѣровъ; только ежели это такъ, части меньшаго цѣлаго должны быть дотого переработаны въ новомъ и обширнѣйшемъ, что стали для насъ совершенно неразличными.

2. Содержаніе эпопеи не только не говоритъ въ пользу гипотезы Вольфа, но даже почти устраняетъ ее. Событія Одиссеи не такого рода, чтобы могли быть предметомъ отдѣльныхъ эпическихъ пѣсней, которыя въ послѣдствіи времени были бы собраны въ извѣстный намъ теперь аггрегатъ. Виновниками единства Одиссеи не могли быть простые компилаторы, какъ Писистратъ и его друзья: это были поэты, чувствовавшіе себя въ правѣ переработать найденное ими содержаніе по новому и расширенному плану. Равнымъ образомъ и время, въ которое возникла Одиссея, какъ цѣлое, не можетъ быть отдѣлено отъ древняго производительнаго, воодушевленнаго періода греческаго эпоса. Вольфъ полагалъ, что длинныя эпопеи несоединимы съ средствами времени, которому неизвѣстно искусство писать: Одиссея показываетъ, что большія эпопеи не несоединимы съ такимъ временемъ.

Что Иліада не въ такой степени составляетъ цѣлую поэму, какъ Одиссея, — съ этимъ всякій легко согласится. Иліада заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе событій и, что еще важнѣе, гораздо болѣе выдающихся дѣйствующихъ лицъ. Неопредѣленность имени, которое она носитъ, въ сравненіи съ именемъ Одиссеи, совершенно спеціяльнымъ, показываетъ съ перваго разу это различіе. Составныя части Иліады замѣтнѣе отдѣляются отъ цѣлаго и могутъ вполнѣ сохранить свою цѣну и прелесть и при отдѣльной рецитаціи. Можно также присовокупить, что Иліада не такъ ровна въ исполненіи, какъ Одиссея: часто она возвышается до гораздо бо́ль-

шей величественности, но мѣстами бываетъ вялѣе; повѣствованіе не течетъ непрерывно; иныя событія случаются безъ достаточнаго повода, и противорѣчія иногда бываютъ такъ велики, что какъ бы сами напрашиваются на наше вниманіе. Вообще Иліада имѣетъ видъ зданія, построеннаго сначала по ограниченному плану, но потомъ понемногу распространеннаго разными пристройками.

Ничто не можетъ быть въ поэзіи удачнѣе того, какъ Гомеръ въ самомъ началѣ Иліады сосредоточиваетъ все вниманіе слушателя на юномъ и гнѣвномъ героѣ Ахиллѣ и на его ссорѣ съ Агамемнономъ, и какъ всѣ военныя неудачи Ахеевъ онъ изображаетъ слѣдствіемъ просьбы Ѳетиды, чтобъ Зевсъ отомстилъ Агамемнону за ея сына Ахилла. Но событія, на которыхъ поэтъ останавливается, начиная со II-й книги до битвы Гектора и Эанта въ VII-й, какъ они ни живы и завлекательны, не содержатъ однакожь ничего, въ чемъ бы осуществилось обѣщаніе, данное Ѳетидѣ Зевсомъ. Въ этихъ книгахъ представлена блистательная общая картина Троянской войны; онѣ весьма соотвѣтствуютъ тому имени поэмы, подъ которымъ она пріобрѣла безсмертіе, но вовсе не идутъ къ извѣстному началу ея:

«Гнѣвъ, богиня, воспой Ахиллеса Пелеева сына.»

Слѣдствія гнѣва Ахиллова начинаются только съ VIII-й книги и излагаются потомъ далѣе отъ XI-й до конца. Въ этихъ книгахъ есть неотрицаемая связь между собою и съ первою книгой, но онѣразрознены промежуточными пѣснями, изображающими Троянскую войну и забывающими объ обѣщаніи воспѣвать «гнѣвъ Ахилла». Это самая разительная изо всѣхъ несообразностей Иліады, несообразность, приводящая невольно къ мысли о существованіи первоначальной Ахиллеиды, поэмы о гнѣвѣ Ахилла, въ которую послѣ были вставлены пѣсни о Троянской войнѣ. Вслѣдствіе такой вставки первоначальное имя: Ахиллеида, было по необходимости замѣнено теперешнимъ именемъ: Иліада; несмотря на то однакожь начало Ахиллеиды, не имѣющее ничего общаго съ Иліадой, осталось неприкосновеннымъ, какъ указаніе, драгоцѣнное для позднѣйшаго критика и наводящее его на слѣды древнѣйшаго вида пѣсней, составляющихъ теперешнюю Иліаду.

Рапсодіи, которыя могли первоначально ходить подъ именемъ Иліады, начинаются въ нашей теперешней Иліадѣ описаніемъ греческаго вѣча въ началѣ II-й книги. Онѣ заключаютъ въ себѣ

каталогъ или перепись кораблей, смотръ обоихъ войскъ, поединокъ Менелая и Париса, возобновленіе битвы, причиненное стрѣлою Пандара, личный обходъ войска Агамемнономъ, подвиги Діомеда, посѣщеніе Трои Гекторомъ для принесенія жертвъ, его свиданіе съ Андромахой и битву съ Эантомъ. Во всѣхъ этихъ блистательныхъ повѣствованіяхъ поэтъ знакомитъ насъ съ яркими сценами Троянской войны, но не подаетъ ни малѣйшаго повода вспомнить объ Ахиллѣ. Цѣль этихъ рапсодій совершенно другая, нежели цѣль Ахиллеиды, высказанная въ началѣ теперешней I-й книги, и, что̀ еще интереснѣе, въ нихъ замѣтна другая манера повѣствованія или лучше нѣсколько эпическихъ пріемовъ, которые удалось открыть остроумію новѣйшихъ критиковъ, преимущественно К. Лахманна. Такъ напр. между тѣмъ какъ въ одной рапсодіи сражающіеся говорятъ между собою длинныя рѣчи, въ другой — они гораздо менѣе разговорчивы; въ одной рапсодіи событіе течетъ весьма медленно, поэтъ развиваетъ каждую его фазу, въ другой видна болѣе быстрая смѣна дѣлъ и поспѣшность разсказа; наконецъ въ одной рапсодіи употребляются краткія сравненія, состоящія по бо́льшей части изъ одного слова, а въ другой поэтъ обыкновенно увлекается своимъ сравненіемъ и не ограничивается приведеніемъ только того, что̀ есть общаго въ двухъ сравниваемыхъ предметахъ. Чтобы подмѣтить всѣ эти оттѣнки, нужно было много остроумія и настойчиваго изученія — качества, которыми вообще отличаются изслѣдованія названнаго нами, недавно умершаго, берлинскаго профессора. Ученая литература обязана этому проницательному критику чрезвычайно тонкими указаніями на различія гомерическихъ пѣсней: среди кажущагося преобладанія одного неизмѣннаго эпическаго тона ему удалось подмѣтить оттѣнки и контрасты, можно сказать, микроскопическіе, впрочемъ такіе, что послѣ того, какъ они были уловлены его рѣдкимъ критическимъ чутьемъ, становится по большой части почти невозможнымъ не замѣтить ихъ. Самъ Лахманнъ основалъ на этихъ данныхъ выводъ, можетъ быть, слишкомъ поспѣшный. Онъ раздробилъ Иліаду на 16 пѣсней, изъ которыхъ каждая, по его мнѣнію, составляла нѣкогда отдѣльное самостоятельное цѣлое. Противъ такой гипотезы можно сказать очень много. Она объясняетъ только частныя противорѣчія и оставляетъ необъясненною другую важную сторону дѣла, — неоспоримое согласіе многихъ частей Иліады не только по тону и манерѣ, но и по плану. Нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что нѣкоторыя изъ указанныхъ Лахманномъ противорѣчій естественнѣе объясняются простымъ недосмотромъ

поэтовъ, не записывавшихъ того, что̀ слагали; съ другой стороны иные контрасты въ манерѣ, можетъ-быть, слѣдуетъ отнести не къ различію авторовъ, а къ различному характеру содержанія. Но все-таки заслуга микроскопическаго изученія Иліады, совершеннаго Лахманномъ, останется весьма значительною, ибо состоитъ въ открытіи множества новыхъ фактовъ, уловимыхъ только посредствомъ необыкновенной проницательности и при томъ въ самыя счастливыя минуты ученой дѣятельности. Никакое изслѣдованіе Иліады отнынѣ не обойдется безъ употребленія въ дѣло результатовъ, добытыхъ этимъ ученымъ.

Намъ кажется, что Гротъ недостаточно оцѣнилъ замѣчанія и указанія Лахманна. Онъ считаетъ Лахмановы доводы не убѣдительными, чтобы раздробить Иліаду именно на столько рапсодій, на сколько раздробляетъ ее Лахманнъ, и чтобы признать первоначальное существованіе этихъ рапсодій въ видѣ самостоятельныхъ пѣсней. Отчасти съ Гротомъ можно согласиться въ этомъ дѣлѣ: мы уже замѣтили, что не всякое противорѣчіе и не всякій оттѣнокъ въ манерѣ даютъ право признать тѣ рапсодіи, въ которыхъ они встрѣчаются, за произведенія разныхъ поэтовъ. Но съ другой стороны едвали правъ Гротъ, когда онъ полагаетъ, что вовсе нѣтъ достаточнаго основанія утверждать, вмѣстѣ съ Лахманномъ, первоначальную дробность 6-ти книгъ Иліады отъ II-й до VII-й включительно. По нашему мнѣнію, это дѣло требуетъ еще особеннаго тщательнаго изученія, и, можетъ быть, не одна изъ рапсодій, выдѣленныхъ Лахманномъ, будетъ говорить сама за себя, какъ за эпическую пѣснь, сложенную для отдѣльной рецитаціи. Особенно это относится къ упомянутымъ 6-ти книгамъ, изображающимъ отдѣльныя сцены Троянской войны.

Не признавая Лахмановой теоріи относительно первоначальной дробности 6-ти книгъ отъ II-й до VII-й, Гротъ признаетъ однакожь несомнѣннымъ, что эти 6 книгъ не находились первоначально ни въ какой связи съ собственною Ахиллеидой и вставлены въ нее руками несовсѣмъ опытными. Онъ доказываетъ это съ своею обыкновенною ясностью неоспоримымъ образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, спаи еще такъ видны и такъ ясно указаны Гротомъ, что едвали кто прочтетъ его замѣчанія и будетъ еще отрицать поразительную неловкость въ переходѣ отъ I-й книги ко II-й и отъ VII-й къ VIII-й, т. е. въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рапсодіи собственной Иліады припаяны къ Ахиллеидѣ. Мы приведемъ только самое главное. Въ I-й книгѣ Иліады Зевсъ обѣщаетъ Ѳетидѣ покарать Грековъ за оскорбленіе, нанесенное Ахиллу, и дѣйствительно,

въ началѣ II-й книги, намѣреваясь исполнить обѣщаніе, онъ поручаетъ пагубному богу сновидѣнія убѣдить Агамемнона, что боги единогласно отдаютъ Трою въ его руки, и имѣетъ въ виду этимъ ложнымъ увѣреніемъ возбудить въ царѣ Ахеевъ гибельную самонадѣянность. Древніе толкователи Иліады находились въ затрудненіи, какъ допустить подобную лживость въ высочайшемъ богѣ. Но главное затрудненіе лежитъ не въ этой лживости, которая легко объясняется общимъ представленіемъ нехристіянскихъ народовъ, что божество не чуждо враждебности и злорадія къ людямъ; — главное затрудненіе состоитъ въ томъ, что ложное сновидѣніе остается безъ всякихъ послѣдствій. Вмѣсто того, чтобы тотчасъ же призвать Ахеевъ къ оружію, Агамемнонъ собираетъ думу вождей и потомъ вѣче воиновъ, и хотя его духъ полонъ надежды на исполненіе сновидѣнія, онъ попадаетъ однакоже на странную мысль предложить Ахеямъ возвращеніе на родину, чтобы лучше испытать ихъ мужество. Ахеи являются тутъ въ самомъ жалкомъ видѣ: обрадованные было предложеніемъ царя, они скоро принуждены выслушать самыя рѣзкія укоризны Одиссея и Нестора, вождей, предварительно наученныхъ Агамемнономъ. Послѣ этой насмѣшки надъ войскомъ, дающей поводъ къ блистательному и весьма характерическому описанію военнаго вѣча, Агамемнонъ приказываетъ наконецъ идти въ бой. Здѣсь по крайней мѣрѣ мы были бы въ правѣ ожидать, что Зевсова воля будетъ исполнена, и что мы услышимъ, какъ самонадѣянность Агамемнона сдѣлалась причиною бѣдственнаго пораженія ахейской дружины. Но что̀ же вмѣсто того мы узнаемъ отъ поэта? Онъ разсказываетъ не о пораженіи Ахеевъ, какъ слѣдовало бы ожидать, а о великой славѣ, добытой ими, въ особенности благодаря геройству Діомеда; онъ удивляетъ насъ блескомъ повѣствованія, но о томъ, къ чему бы должно было идти дѣло, не помнитъ. Мало того, самъ Зевсъ въ началѣ IV-й книги забываетъ о своей волѣ и объ обѣщаніи, данномъ Ѳетидѣ въ I-й книгѣ, и разсуждаетъ только о томъ, должна ли война продолжаться или окончиться. Онъ нисколько не имѣетъ въ виду отмстить за Ахилла, и только враждебныя Троѣ богини не допускаютъ его дать Менелаю полной побѣды надъ Парисомъ. Здѣсь Зевсъ является, очевидно, какъ Зевсъ Иліады, а не Зевсъ Ахиллеиды.

Ежели начало II-й книги исполнено странныхъ несообразностей, то не менѣе неудовлетворительно и заключительное событіе VII-й книги, гдѣ изъ Иліады мы опять вступаемъ въ Ахиллеиду.

Построеніе стѣны и рва около греческаго стана предпринимается безъ достаточнаго побужденія: никакая необходимость не принуждала Нестора присовѣтовать его Грекамъ. Они находились на верху успѣха и славы; Трояне дѣлали имъ мирное предложеніе, выказывающее сознаніе слабости, а Діомедъ съ такою увѣренностью ожидалъ скорой гибели Трои, что даже отсовѣтовалъ своимъ товарищамъ соглашаться на возвращеніе Елены, еслибы и оно было предложено. Правда, что много Ахеевъ пало въ бою, какъ замѣчаетъ Несторъ, но столько же или еще болѣе Троянъ потеряло жизнь, и всѣ греческіе герои еще находятся въ полной силѣ — отсутствіе Ахилла вовсе не чувствуется.

Разсказъ о построеніи стѣны былъ, очевидно, внесенъ для соглашенія рапсодій собственной Иліады съ Ахиллеидой. Поэтъ послѣдней предполагалъ въ своихъ повѣствованіяхъ, что стѣна и ровъ уже существуютъ, и не считалъ нужнымъ объяснять причины ихъ построенія: существованіе стѣны около ахейскаго стана было дѣломъ очень естественнымъ, особенно въ то время, которое имѣлъ въ виду изобразить поэтъ Ахиллеиды, во время бѣдствій и пораженій, испытанныхъ Греками, пока Ахиллъ не принималъ участія въ битвѣ. Но совсѣмъ другое положеніе дѣлъ изображалось въ собственной Иліадѣ: блистательныя сцены борьбы, описанныя въ 6-ти книгахъ отъ II-й до VII-й, имѣли мѣсто во время счастія и успѣха; поэтъ, или поэты, описывавшіе ихъ, не имѣли никакого повода предполагать существованіе позорной стѣны; и дѣйствительно многое въ ихъ повѣствованіи основано на предположеніи, что стѣны не было. Поэтому, когда неизвѣстное намъ лицо вздумало слить рапсодіи первоначальной Иліады съ первоначальною Ахиллеидой, ему предстояла необходимость какъ-нибудь объяснить существованіе стѣны во время событій, описанныхъ въ Ахиллеидѣ, — и вотъ онъ принужденъ былъ вставить разсказъ о построеніи стѣны, хотя въ предшествующемъ положеніи дѣлъ не было къ тому ни малѣйшаго повода. Онъ отдѣлался отъ затрудненія, какъ смогъ, и не позаботился объяснить, что заставило Грековъ, обходившихся очень хорошо и безъ стѣны, приступить къ трудной работѣ ея построенія, а Троянъ, заключившихъ перемиріе только для погребенія убитыхъ, смотрѣть на эту продолжительную работу сложа руки.

За VIII-й книгой въ первоначальной Ахиллеидѣ должна была слѣдовать прямо XI-я. Это необходимо слѣдуетъ изъ того, что въ XI-й книгѣ и въ слѣдующихъ за ней встрѣчается нѣсколько мѣстъ, показывающихъ незнаніе главнаго событія IX-й книги —

раскаянія Агамемнона въ несправедливости, оказанной Ахиллу, и предложенія возвратить Ахиллу Брисеиду и дать самое полное вознагражденіе за нанесенное оскорбленіе. Слова Ахилла, не менѣе какъ слова Патрокла и Нестора въ XI-й и слѣдующихъ книгахъ, представляютъ раскаяніе Грековъ и сознаніе своей безпомощности при отсутствіи Ахилла, какъ нѣчто, имѣющее случиться еще впереди. Патроклъ и Несторъ, убѣждая Ахилла взять оружіе, ни разу не упоминаютъ о предложеніяхъ и переговорахъ IX-й книги. Кромѣ того, въ I-й книгѣ Ѳетида ничего болѣе не желаетъ, какъ чтобы ея сынъ получилъ удовлетвореніе, и чтобы былъ сломленъ передъ нимъ надменный духъ Агамемнона, а потому то, что описано въ IX-й книгѣ, было бы совершеннымъ исполненіемъ желаній Ѳетиды, и поэма должна бы кончиться. Мы готовы согласиться съ Гротомъ и въ томъ, что Ахиллъ, неудовольствовавшійся такимъ унизительнымъ для Агамемнона удовлетвореніемъ, едвали бы сохранилъ право на полную симпатію слушателей Ахилленды и едвали бы не окорбилъ своею необузданною гордостью того чувства Немесиды, унизительницы надменныхъ, которое глубоко коренилось въ душахъ всѣхъ Грековъ. Наконецъ робостъ Агамемнона, заставляющая его въ IX-й книгѣ отправить просительное посольство къ Ахиллу, не соотвѣтствуетъ степени неудачи, описанной въ VIII-й книгѣ, и несогласна съ тѣмъ мужествомъ, которое еще приписывается ему въ началѣ XI-й книги. Все это заставляетъ признать IX-ю книгу Иліады за позднѣйшее неудачное прибавленіе.

О X-й книгѣ (Долонеѣ) говорятъ нѣкоторые древніе схоліасты, что она была первоначально отдѣльною пѣснью и вставлена въ Иліаду Писистратомъ. Но Гротъ не признаетъ вѣрности этого извѣстія и полагаетъ, что Долонея никакъ не могла составлять самостоятельнаго цѣлаго. Онъ видитъ въ ней позднѣйшую приставку, авторъ которой имѣлъ въ виду сдѣлать не самостоятельную пѣснь, а продолженіе первыхъ 9-ти книгъ. Онъ соглашается, что у нея есть опредѣленное начало и опредѣленный конецъ, и что потому она могла репетироваться отдѣльно, подобно эпизоду Низа и Эвріала въ Виргиліевой Энеидѣ, но обращаетъ вниманіе на то, что все-таки она опирается на событія VIII-й книги и на 38 стихъ IX-й, и что она пополняетъ общую картину Троянской войны, не имѣя притомъ никакого вліянія на ходъ событій въ XI-й и послѣдующихъ книгахъ, авторъ которыхъ о ней не зналъ. Это показываетъ, что она сочинена не только послѣ Ахилленды, но и послѣ IX-й книги. Она хуже ихъ и по внутреннему достоинству. Ежели только вѣрить

новѣйшему нравственному чувству, она обличаетъ поэта съ духомъ менѣе возвышеннымъ, нежели какой виденъ въ остальныхъ частяхъ Иліады. Мы охотно готовы предположить, что авторъ V-й книги не унизилъ бы Діомеда, героя, такъ блистательно имъ прославленнаго, одержавшаго верхъ надъ самимъ богомъ Аресомъ — приписаніемъ ему умерщвленія только-что прибывшихъ спящихъ Ѳракійцевъ, при совершенномъ отсутствіи особенно важнаго побужденія къ тому.

Совершенно измѣняется ходъ поэмы, какъ только мы вступаемъ въ XI-ю книгу. Съ этихъ поръ передъ нами начинаетъ развиваться рядъ событій, изъ которыхъ каждое приготовляетъ собою послѣдующія, и которыя всѣ вмѣстѣ прямо ведутъ къ исходу, обѣщанному въ I-й книгѣ—къ вторичному появленію Ахилла, какъ единственному средству избавить Грековъ отъ гибели. Раны дѣлаютъ неспособными въ войнѣ одного за другимъ почти всѣхъ главныхъ героевъ Иліады: Агамемнонъ, Діомедъ и Одиссей не въ состояніи участвовать въ битвѣ, и защита вала и кораблей находится, за исключеніемъ Эанта, въ рукахъ героевъ второстепенныхъ, каковы: Идоменей, Леонтій, Полипетъ, Меріонъ, Менелай и др. Таково жалкое положеніе ахейскаго дѣла тотчасъ послѣ событій, описанныхъ въ XI-й книгѣ. Все это случилось уже утромъ того несчастнаго длиннаго дня, который тянется до половины XVIII-й книги. Послѣдовательность событій этого дня такъ быстра, что еще Гейне жаловался на нее. Лахманнъ также не одобряетъ ее, но въ то же время соглашается, что отдѣльныя рапсодіи, изъ которыхъ, по его мнѣнію, состоитъ эта часть Иліады, не могутъ быть раздѣлены съ тою точностью, какъ въ предшествующей части. Несмотря на то, онъ полагаетъ однакожь, что пѣсни, относящіяся къ Патроклу, составляли отдѣльное цѣлое. Здѣсь едва ли можно принять его мнѣніе. Кажется, надобно согласиться съ Гротомъ, что пѣсни о Патроклѣ не могли составлять самостоятельнаго цѣлаго: все значеніе этого героя въ Иліадѣ опредѣляется тѣмъ, что онъ другъ и товарищъ Ахилла; онъ находится почти въ такомъ же зависимомъ отношеніи къ Ахиллу, какъ Телемахъ къ Одиссею. Гротъ видитъ въ изображеніи Патрокла самое ловкое и художественное изобрѣтеніе, наиболѣе въ цѣлой Иліадѣ приближающееся къ нѣжной ткани Одиссеи. Патроклъ вездѣ является какъ посредникъ между оскорбленнымъ Ахилломъ и Греками; онъ выказываетъ дружественныя симпатіи къ послѣднимъ, не отказываясь отъ вѣрности къ первому. Когда Несторъ уноситъ съ поля сраженія раненаго Маха-

она, составляющаго предметъ такого живаго участія въ цѣломъ станѣ, и Ахиллъ, видя это съ своего отдаленнаго корабля, посылаетъ Патрокла узнать, въ самомъ ли дѣлѣ это Махаонъ, эта посылка даетъ Нестору возможность изобразить передъ Патроклом горестное состояніе греческаго войска, какъ побужденіе, чтобы Ахиллъ опять взялъ оружіе. Участіе сильно возбуждается въ Патроклѣ; онъ спѣшитъ представить Ахиллу настоятельную необходимость помощи, но замѣчаетъ между тѣмъ Эврипила, который, безпомощный отъ опасной раны, ползетъ по полю битвы. Благодушный Патроклъ помогаетъ раненому достигнуть палатки и подаетъ помощь его страданіямъ; но пока онъ занятъ этимъ, греческое войско совершенно отброшено, и Трояне уже готовятся зажечь корабли. Тогда Патроклъ бѣжитъ къ Ахиллу, чтобы возвѣстить ему отчаянную опасность, угрожающую имъ всѣмъ; ему удается получить позволеніе вступить въ битву во главѣ Мирмидонянъ. То, какъ изображается Патроклъ, когда онъ выступаетъ въ оружіи, контрастъ его мягкаго характера и дикости Ахилловой, естественная послѣдовательность событій, которыя дѣлаютъ его виновникомъ примиренія его оскорбленнаго друга и избавленія отъ опасности всѣхъ его соотечественниковъ, — все это показываетъ въ авторѣ первоначальной Ахиллеиды такую расчетливую ловкость, которой нѣтъ ничего подобнаго въ приставленныхъ книгахъ собственной Иліады.

Нельзя отрицать, что въ подробностяхъ повѣствованій о битвахъ у стѣны и у кораблей есть нѣкоторая запутанность, свидѣтельствующая повидимому противъ единства Ахиллеиды. Но эти частныя противорѣчія и нарушенія порядка въ разсказѣ легко могутъ быть объяснены порчею первоначальнаго текста, проходившаго черезъ столько рапсодовъ и переписчиковъ, и этимъ объясненіемъ можно удовлетвориться тѣмъ болѣе, что частныя противорѣчія не касаются послѣдовательности главнаго хода событій. Въ цѣлой Ахиллеидѣ нѣтъ ни одного эпизода, который бы можно было выпустить, не разрывая нити повѣствованія, а равно нѣтъ и противорѣчій между однимъ важнымъ происшествіемъ и другимъ. Во 12-ти книгахъ отъ XI-й до XXII-й не встрѣчается ничего, что̀ было бы сколько-нибудь похоже на противорѣчія между Зевсомъ IV-й и Зевсомъ I-й и VIII-й книги. Щитъ Ахилла, можетъ-быть, составляетъ приставку, сочиненную для прославленія того, о чемъ прежде упоминалось въ немногихъ словахъ: въ самомъ дѣлѣ описаніе щита Ахиллова такъ непропорціонально-длинно и находится въ столь малой связи съ ходомъ событій,

что едвали могло лежать въ планѣ поэта Ахиллеиды, показывающаго такъ много искусства относительно экономіи въ матеріялѣ. Едвали впрочемъ эта приставка многимъ позднѣе остальныхъ частей поэмы.

Есть еще одно важное замѣчаніе, относящееся, къ послѣдней половинѣ Ахиллеиды. Еще Вольфъ говорилъ въ «Пролегоменахъ», что никогда онъ не могъ прочесть цѣлой Иліады по порядку, чтобъ не испытать непріятнаго впечатлѣнія отъ сравнительной слабости послѣднихъ 6-ти ея книгъ. Лахманнъ распространяетъ это впечатлѣніе и на двѣ предыдущія книги и порицаетъ всѣ 8-мь книгъ, начиная съ XVII-й. Впрочемъ, если и принять сужденіе этихъ критиковъ, то на немъ еще нельзя основывать утвержденія, что болѣе слабыя послѣднія книги Иліады составляли первоначально отдѣльное цѣлое. Очень можетъ быть, что онѣ сочинены и не тѣмъ поэтомъ, которому принадлежатъ лучшія части Ахиллеиды, но все-таки то неоспоримо, что вся Ахиллеида, и въ удачной и въ менѣе удачной ея половинѣ, ясно показываетъ единство плана, а это заставляетъ заключить, что ежели и многіе поэты работали надъ нею, то они должны были работать по одному плану, и что тѣ двѣ половины, на которыя Ахиллеида распадается, сочинены не какъ отдѣльныя рапсодіи, а какъ нераздѣльныя части одной поэмы. Впрочемъ, по личному мнѣнію Грота, неравное достоинство двухъ частей Ахиллеиды можно объяснить и безъ предположенія, что онѣ сочинены разными поэтами. Неравенство можетъ происходить отъ увеличившейся трудности дѣла. Пѣсни, увѣнчивающія цѣлое, отличаются отъ предшествующихъ непосредственнымъ и постояннымъ участіемъ боговъ и богинь. Здѣсь самый предметъ приводилъ поэта къ чрезмѣрнымъ фантастическимъ образамъ, которые естественно должны были много терять, какъ скоро то отдаленіе, въ которомъ прежде являлись боги и богини, было устранено. Поэтъ, очевидно, хотѣлъ окружить появленіе на полѣ битвы Ахилла самыми необычайными и страшными обстоятельствами: ни одинъ троянскій герой не могъ устоять передъ стремительной силой гнѣвнаго Ахилла; сами боги должны низойти на равнину Трои и вступить въ личную борьбу, и Зевсъ, строго запрещавшій имъ это въ началѣ VIII-й книги, въ началѣ XX-й книги самъ ободряетъ ихъ къ непосредственному вмѣшательству. Ежели вялость XIX-й книги объясняется самою природою событія, въ ней описаннаго — примиренія Ахилла и Агамемнона, то слабость XX-й, XXI-й и XXII-й книги, въ которыхъ дѣйствуютъ боги, можетъ происходить и не отъ

слабости поэта, а отъ бо́льшей трудности и меньшей увлекательности содержанія. Необходимость удержать Ахилла на уровнѣ высшемъ, нежели даже героическая доблесть, лишила поэта средствъ дѣйствовать на симпатію слушателей.

Объ послѣднія книги Иліады, XXIII-я и XXIV-я, признаются почти всѣми критиками за позднѣйшее прибавленіе. Это мнѣніе считаетъ и Гротъ самымъ вѣроятнымъ, хотя онъ не отрицаетъ рѣшительно, что и онѣ могли лежать въ первоначальномъ планѣ Ахиллеиды. Нитчъ и О. Мюллеръ, защищающіе эти книги, утверждаютъ, что повѣствованіе, какъ Ахиллъ утолилъ свою месть поруганіемъ трупа Гектора, не могло составлять удовлетворительнаго для слушателей конца поэмы и считаютъ необходимымъ разсказъ о погребеніи труповъ Патрокла и Гектора, чтобы слушатели, видя смягченіе Ахилла въ XXIV-й книгѣ, могли возстановить къ нему свою симпатію. Но особенности послѣдней книги Иліады такъ велики, что Гротъ считаетъ невозможнымъ раздѣлять вполнѣ мнѣніе этихъ двухъ ученыхъ и полагаетъ, что гораздо правдоподобнѣе признать послѣднюю книгу Иліады за произведеніе, нѣсколько позднѣйшее, нежели первоначальная Ахиллеида, впрочемъ за произведеніе, не имѣвшее никогда самостоятельнаго значенія, а служившее ея продолженіемъ. Равнымъ образомъ, по мнѣнію Грота, нельзя оставить безъ вниманія и того, что Одиссей и Діомедъ, раненные въ Ахиллеидѣ, являются въ XXIII-й книгѣ Иліады въ полной силѣ и принимаютъ участіе въ состязаніяхъ надъ трупомъ Патрокла. Поэтъ ничего не говоритъ о ихъ чудесномъ излѣченіи, и потому находится съ поэтомъ XI-й, книги въ очевидномъ противорѣчіи, которое, конечно, скорѣе могъ позволить себѣ поэтъ, распространявшій Ахиллеиду, нежели первоначальный ея творецъ.

Таковъ въ главныхъ чертахъ взглядъ Грота на строй и составъ теперешней Иліады. Онъ соглашается, что его объясненіе не устраняетъ всѣхъ трудностей : въ тѣхъ частяхъ Иліады, которыя онъ признаетъ за первоначальную Ахиллеиду, остается еще не мало противорѣчій въ подробностяхъ и несогласія въ тонѣ, но эти погрѣшности были неизбѣжны по самому способу сохраненія гомерическихъ поэмъ. Ихъ легко объяснить изъ искаженій и интерполацій, сдѣланныхъ рапсодами и собирателями; между тѣмъ какъ гипотеза Вольфа и Лахманна, хорошо объясняющая эти противорѣчія, не въ состояніи объяснить факта еще болѣе виднаго, нежели они, именно неоспоримаго единства плана въ тѣхъ частяхъ Иліады, которыя Гротъ признаетъ за первоначальную

Ахиллеиду. Одинъ планъ и притомъ обширный планъ долженъ составлять основаніе всякой удовлетворительной гипотезы, и этому-то требованію отвѣчаетъ болѣе другихъ гипотеза Грота о первоначальномъ единствѣ Ахиллеиды. Ежели мы примемъ эту гипотезу, то древняя Ахиллеида будетъ равняться половинѣ теперешней Иліады и будетъ не менѣе связна въ своихъ частяхъ, какъ Одиссея. Но съ другой стороны, ее отдѣляла отъ безграничнаго множества событій Троянской войны только одна произвольно избранная линія, и эта особенность ея сюжета вела сама собою къ распространеніямъ. Уже по своему содержанію, Ахиллеида допускала гораздо болѣе разныхъ прибавленій, нежели такая поэма, какъ Одиссея, гдѣ рѣчь идетъ о приключеніяхъ отдѣльно дѣйствующаго или странствующаго героя. Не надобно забывать, что цѣльность гомерическихъ поэмъ не была охраняема ни печатью, ни письмомъ, и болѣе всего могла поддерживаться содержаніемъ. Характеру своего содержанія, текущаго въ совершенно отдѣльномъ руслѣ, обязана Одиссея сравнительно-лучшимъ сохраненіемъ, между тѣмъ какъ противоположныя качества Ахиллеиды естественно повлекли къ измѣненію ея первоначальнаго вида. Въ Ахиллеиду было внесено много посторонихъ пѣсней. Впрочемъ и при этомъ нельзя не замѣтить, что внесены именно такія пѣсни, которыхъ слѣдовало ожидать: поэма описывала тяжкій рядъ несчастій, приготовившихъ Ахиллу удовлетвореніе; ея пѣсни изо всѣхъ греческихъ эпическихъ пѣсней были, вѣроятно, наиболѣе проникнуты трагическимъ элементомъ и естественно возбуждали требованіе рапсодій о той же Троянской войнѣ, оставляющихъ иное впечатлѣніе. Пѣсни Ахиллеиды не могли не вызывать пѣвцовъ къ сочиненію пѣсней о побѣдахъ и блескѣ греческихъ героевъ, Агамемнона, Діомеда, Эанта и др., а такими пѣснями и была въ самомъ дѣлѣ дополнена и распространена первоначальная Ахиллеида.

Мы сказали: самое содержаніе Ахиллеиды вызывало пѣвцовъ къ сочиненію новыхъ пѣсней, ибо считаемъ вѣроятнымъ, что приставныя рапсодіи обязаны происхожденіемъ многимъ поэтамъ и не составляли первоначально одного цѣлаго. Гротъ не рѣшаетъ этого вопроса и даже склоняется къ предположенію одного поэта, говоря, что ceteris paribus, оно должно одержать верхъ. Но, сколько мы можемъ судить, исключительное положеніе эпическихъ поэтовъ гомерической эпохи побуждаетъ скорѣе къ предположенію многихъ поэтовъ не только для такихъ рапсодій, которыхъ содержаніе довольно разрозненно, каковы II — VII книги Иліады, но

и такихъ, гдѣ очевидно общее единство плана. Нѣтъ сомнѣнія, что въ родѣ Гомеридовъ, этомъ главномъ средоточіи несмѣтнаго множества греческихъ народныхъ пѣвцовъ, существовалъ обычай дѣйствовать сообща не только въ произношеніи рапсодій, но и въ сочиненіи ихъ. Члены этого рода были согласны между собою по образованію, по чувствамъ, по пріемамъ, хотя и отличались, разумѣется, по степени дарованій. Геніяльнѣйшіе изъ нихъ могли создать сообща рядъ пѣсней совершенно одного тона и руководиться при этомъ дѣлѣ общимъ планомъ одного пѣвца, еще болѣе геніяльнаго. Равнымъ образомъ они могли и распространять планъ, составленный этимъ послѣднимъ, и создавать въ общемъ гомерическомъ духѣ и тонѣ новыя пѣсни. Вотъ что говоритъ знаменитѣйшій изъ современныхъ филологовъ Бёкъ о такомъ соучастничествѣ многихъ пѣвцовъ въ произведеніи одной эпопеи: «Легко представить себѣ, какъ разные пѣвцы могли въ продолженіи времени создать рапсодіи, направленныя къ одной цѣли или къ тому, что называется единствомъ: для этого ненужно странныхъ возгласовъ, что эпопеи Гомера суть произведеніе цѣлаго Греческаго народа; для этого стоитъ только обратить вниманіе на то, что гомерическая поэзія была особенною принадлежностью рода Гомеридовъ, и что въ этомъ родѣ, соединенномъ узами религіи и искусства, дѣло, предпринятое однимъ геніяльнымъ пѣвцомъ, могло быть совершено сообща и согласно многими поэтами.» (Index Lection. 1834, p. 12) *). По нашему мнѣнію, это предположеніе Бёка — самое вѣроятное и удовле-

---

*) Съ удовольствіемъ приводимъ слова г. Буслаева, сказанныя въ статьѣ объ эпической поэзіи (Отеч. Зап. 1851. № 8, Отд. II, стр. 76): «Самъ пѣвецъ, хотя и не ясно, чувствовалъ влекущую его въ общей толпѣ цѣлаго поколѣнія, ничѣмъ неудержимую силу преданія и обычая. Онъ былъ неволенъ какъ въ содержаніи разсказа, идущемъ отъ старины, такъ и въ способѣ выраженія, употребляя общепринятыя, обычныя эпическія формы, уподобленія, эпитеты, метафоры, и вообще подчиняясь складу и ладу народной рѣчи. Потому самородная эпическая поэзія, въ теченіе столѣтій, представляетъ замѣчательную ровность языка, не нарушаемую личнымъ способомъ выраженія отдѣльныхъ пѣвцовъ и составляющую отличительный характеръ эпическаго слога. Вращаясь въ сомкнутомъ кругѣ преданій и обычая, пѣвецъ весьма естественно не могъ придавать большаго значенія своимъ личнымъ способностямъ.... Смиренное сознаніе эпическаго поэта въ невольномъ вдохновеніи художественный Грекъ прекрасно выразилъ обращеніемъ къ музѣ, чтобъ она устами пѣвца повѣдала міру о старинѣ.»

творительное изъ всѣхъ, имѣющихъ въ виду разрѣшить вопросъ объ авторствѣ гомерическихъ эпопей. Гротъ и самъ почти готовъ склониться къ этому мнѣнію, но, привыкши строго различать степени исторической достовѣрности, онъ съ другой стороны обращаетъ вниманіе читателей на то, что для рѣшенія вопроса объ авторствѣ гомерическихъ поэмъ у насъ гораздо менѣе данныхъ, нежели для вопроса о первоначальномъ строѣ ихъ, и что аналогія новѣйшей поэзіи стоитъ всегда на сторонѣ мнѣнія объ одномъ авторѣ. Впрочемъ, какъ уже замѣчено выше (стр. 97), Гротъ, можетъ-быть, высказался бы рѣшительнѣе, еслибы болѣе взвѣсилъ достоинство замѣчаній, сдѣланныхъ Лахманномъ.

Достовѣрнымъ считаетъ Гротъ только то, что Иліада и Одиссея не могутъ быть произведеніемъ одного пѣвца. Въ самомъ дѣлѣ иначе нельзя объяснить различія во многихъ указаніяхъ относительно боговъ, встрѣчаемаго въ этихъ двухъ эпопеяхъ. Такъ въ Иліадѣ вѣстница боговъ — Ирида, а въ Одиссеѣ — Гермесъ; Эолъ, владыка вѣтровъ въ Одиссеѣ, не упоминается въ XXIII-й книгѣ Иліады, гдѣ Ирида призываетъ вѣтры, какъ самостоятельныхъ боговъ, чтобы зажечь костеръ Патрокловъ; въ VIII-й книгѣ Одиссеи Афродита является женою Гефеста, но Иліада ничего не знаетъ объ этомъ сочетаніи. Поэтому-то Гротъ становится рѣшительно на сторону мнѣнія Германна (Praefat. ad Odyss. p. VII), который признавалъ несомнѣннымъ, что одно лицо не могло быть авторомъ Одиссеи и Иліады. Но, съ другой стороны, по мнѣнію Грота, рѣшительно нѣтъ достаточныхъ основаній, чтобы утверждать позднѣйшее происхожденіе Одиссеи. Уклоненія этой поэмы отъ Иліады въ нравахъ и языкѣ не столь важны, чтобы допустить такое предположеніе, ибо надобно взять въ разсчетъ различное содержаніе двухъ эпопей. Ежели сцены, изображаемыя въ Одиссеѣ, по большей части мирнаго характера и противоположны непрерывному ряду битвъ Иліады, то это слѣдуетъ приписать не высшей степени общественности и цивилизаціи въ поэтѣ и слушателяхъ Одиссеи, а тѣмъ обстоятельствамъ, въ которыхъ находится прославляемый поэтомъ герой. Нѣтъ сомнѣнія, что поэмы Арктина и Лесха (Аѳіопида, Взятіе Трои и Малая Иліада, эпопеи, не дошедшія до нашего времени), гораздо позднѣйшія, нежели Одиссея, содержали въ себѣ столько же битвъ и такія же кровопролитія, какъ Иліада. Впрочемъ и самые примѣры цивилизаціи, приводимые изъ Одиссеи, едвали имѣютъ большой вѣсъ, потому что на ряду съ ними находимъ въ Одиссеѣ изуродованіе Меланѳія и повѣшеніе Одиссеемъ рабынь — поступки, показывающіе большее

варварство, нежели любая битва Иліады. Бо́льшая ловкость и связность въ построеніи Одиссеи также не могутъ быть признаны за доказательство позднѣйшаго ея происхожденія, какъ скоро мы согласились видѣть въ Иліадѣ не первоначальную, а распространенную эпопею.

Итакъ обѣ поэмы могутъ быть отнесены къ одному и тому же времени. Мы въ правѣ разсматривать ихъ, какъ изображеніе одного и того же героическаго быта, и какъ произведеніе одной и той же эпической поэзіи, и утверждать на ихъ основаніи, что эпическая поэзія Грековъ въ отдаленное время своего процвѣтанія была въ силахъ произвести безъ помощи письма эпопеи весьма обширнаго объема. Эту замѣчательную черту мы въ правѣ признать, вмѣстѣ съ Гротомъ, за характеристическую принадлежность греческаго народнаго эпоса.

Изложивъ подробно содержаніе 21-й Гротовой главы о гомерическомъ эпосѣ, мы не можемъ не упомянуть о новомъ произведеніи англійской ученой литературы, относящемся къ этому же предмету. Мы говоримъ о сочиненіи: A critical History of the Language and Literature of Ancient Greece. By William Mure of Caldwell. 3 vols. London, 1850. Мы съ нимъ пока знакомы только по рецензіи, помѣщенной въ послѣдней на 1850-й годъ книжкѣ извѣстнаго англійскаго журнала: The Edinbourgh Review. Въ вышедшихъ трехъ томахъ оно обнимаетъ исторію греческой литературы до времени Солона. Начало перваго тома посвящено миѳическому періоду; большая половина перваго и весь второй — гомерической поэзіи; содержаніе третьяго тома составляетъ начало лирики, обозначаемое именами Архилоха и Тиртея, Алкея и Сапфо, Алкмана и Стесихора. Полковникъ Мьюръ, имя котораго почетнымъ образомъ присоединяется теперь къ именамъ епископа Тирльваля и банкира Грота, въ ряду людей практической дѣятельности, заслужившихъ лавры на поприщѣ изученія греческой древности, не менѣе этихъ двухъ ученыхъ знакомъ со всѣми произведеніями германской учености. Онъ окончилъ свое образованіе въ нѣмецкихъ университетахъ и былъ уже извѣстенъ, какъ замѣчательный путешественникъ по Греціи. Онъ употребилъ двадцать лѣтъ на приготовленіе того труда, первые томы котораго теперь изданы. Въ юности ревностный послѣдователь Вольфовой школы, онъ въ послѣдствіи совершенно перемѣнилъ мнѣніе и является теперь въ своей «Критической исторіи греческаго языка и литературы» самымъ ревностнымъ ея противникомъ. Изученіе Гомера было для него дѣломъ особенной любви:

il lungo studio e'l grande amore, какъ онъ говоритъ словами тосканскаго поэта. Въ опроверженіи Вольфовой теоріи онъ идетъ дальше Грота и, сколько можно судить по рецензіи, слишкомъ увлекается своимъ консерватизмомъ и слишкомъ мало цѣнитъ то направленіе, внесшее жизнь въ изученіе Гомера, виновникомъ котораго былъ Вольфъ. Онъ совершенно отвергаетъ не только участіе многихъ пѣвцовъ въ созданіи Иліады, но признаетъ и Иліаду и Одиссею за произведеніе одного поэта. Онъ даже идетъ еще далѣе и устраняетъ мнѣніе, что Гомеръ не писалъ свои поэмы. Послѣдній вопросъ разсмотрѣнъ у него съ подробностью въ двухъ заключительныхъ главахъ втораго тома, гдѣ онъ, по словамъ рецезента, съ большою любовью и тщательностью говоритъ объ употребленіи письма въ древнее время Греціи для литературныхъ цѣлей и для монументальныхъ надписей и старается доказать, что Гомеръ *могъ* написать свои поэмы. Впрочемъ доказательство ихъ первоначальной цѣльности ведено у него независимо отъ этого вопроса: противорѣчія и несообразности, находимыя у Гомера, объясняются имъ изъ небрежности относительно мелкихъ подробностей, которую легко предположить у геніяльнаго поэта, и которую мы находимъ еще въ большей степени у новыхъ писателей, именно у Мильтона, Сервантеса и Вальтеръ-Скотта (Мьюръ указываетъ на «Антикварія»). Этимъ опорамъ Вольфовой школы противопоставляются внутреннія доказательства единства, которыя Мьюръ заимствуетъ: 1) отъ единства плана и хода дѣйствія; 2) отъ послѣдовательности въ изображеніи характеровъ и 3) отъ однообразности стиля. Относительно перваго пункта онъ избралъ путь, на который прежніе изслѣдователи мало вступали: онъ обращаетъ вниманіе не только на вопросъ, удовлетворительно ли единство дѣйствія, и необходимы ли отдѣльныя части поэмы для хода цѣлаго, но съ особенною энергіей указываетъ на важность вопроса, могли ли отдѣльныя части поэмъ составлять когда-нибудь самостоятельное цѣлое. Особенно съ этой точки зрѣнія, которая впрочемъ, какъ мы видѣли, не чужда и Гроту, онъ показываетъ невозможность гипотезы Вольфа. Второй пунктъ изслѣдованія Мьюра обращенъ на послѣдовательную вѣрность и выдержанность характеровъ; по этому поводу Мьюръ дѣлаетъ блистательное обозрѣніе гомерическихъ характеровъ, которое, судя по выпискамъ, далеко превосходитъ все, что было писано объ этомъ предметѣ, весьма интереснымъ въ эстетическомъ отношеніи. Впрочемъ едвали слѣдуетъ видѣть въ выдержанности характеровъ важное доказательство происхожденія гомерическихъ

эпопей отъ одного поэта: во всѣхъ народныхъ эпическихъ пѣснях замѣчается выдержанность характеровъ, на столько приближающаяся къ выдержанности гомерической, на сколько могутъ быть сближены эти пѣсни съ гомерическою поэзіей. «Едва ли безпристрастный читатель (говоритъ Мьюръ 1, стр. 361) найдетъ возможнымъ, чтобы рядъ столь нѣжно обрисованныхъ характеровъ, индивидуализованныхъ съ такимъ тонкимъ искусствомъ, не только въ болѣе широкихъ чертахъ ихъ особенностей, но и въ самыхъ нѣжныхъ оттѣнкахъ чувствъ и фразеологіи, могъ быть произведеніемъ смѣси художниковъ, какъ полагаетъ школа Вольфа. Это столько же вѣроятно, какъ то, чтобы десять или двадцать ваятелей вѣка Периклова, раздѣливъ между собою по частямъ или членамъ статую Зевса, могли произвести Фидіева Зевса Олимпійскаго.» Выписываемъ это мѣсто, чтобы показать на немъ, какъ сужденія Мьюра основаны на недостаточномъ разграниченіи народной художественной дѣятельности отъ личной: Зевсъ Олимпійскій Фидія принадлежитъ совершенно другой эпохѣ, нежели эпопеи Гомера; онъ былъ выраженіемъ личной геніяльности великаго ваятеля, тогда какъ Гомеръ весь принадлежитъ тому широкому теченію народной жизни, въ которомъ отдѣльныя личности еще неразличимы. Поэтому надобно сильно ограничить значеніе выводовъ, сдѣланныхъ Мьюромъ изъ выдержанности гомерическихъ характеровъ и изъ одинаковости стиля гомерическихъ эпопей. Сколько мы понимаемъ вопросъ о Гомерѣ, въ немъ прежде всего долженъ имѣть вѣсъ народный характеръ гомерической поэзіи, не допускающій сужденій, основанныхъ на аналогіи литературныхъ или вообще художественныхъ произведеній исторической эпохи, хотя съ другой стороны не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что къ гомерической поэзіи, какъ къ болѣе совершенной, нельзя строго прилагать мѣрки, взятой отъ эпоса другихъ народовъ. Греческій эпосъ, не выходя изъ рукъ народа, не становясь достояніемъ личностей, выдѣляющихъ себя изъ общаго потока народной поэзіи, могъ возвыситься до созданія обширныхъ поэмъ, и что онъ дѣйствительно возвысился до этой степени, неизвѣстной другимъ народамъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ Иліада и Одиссея.

Впрочемъ какова бы ни была первоначальная обширность гомерическихъ эпопей, и какова бы ни была геніяльная ловкость ихъ построенія, безсмертная слава ихъ и та сила, которую онѣ имѣютъ надъ всѣмъ поздѣйшимъ человѣчествомъ, основаны не на ихъ симметріи и единствѣ, а на томъ духѣ и тонѣ, которыми онѣ проникнуты до послѣдняго стиха, и которымъ нѣтъ ничего подобнаго

ни въ какой другой поэзіи. При первомъ своемъ появленіи, онѣ были назначены доставлять наслажденіе не критикамъ и утонченнымъ цѣнителямъ, способнымъ отдать справедливость искусной экономіи и механизму цѣлой поэмы — способность, которая, по словамъ Гёте, бываетъ у самаго ограниченнаго числа людей изъ всего множества наслаждающихся произведеніями искусства; при своемъ появленіи онѣ должны были нравиться и доставлять наслажденіе людямъ простымъ, обыкновенно болѣе любующимся подробностями, нежели цѣлымъ; онѣ были изо всѣхъ поэмъ въ самомъ абсолютномъ и неограниченномъ смыслѣ популярныя; онѣ были доступны и понятны не только всякому Греку, но даже и полуварварамъ, и жители древней Ольбіи на сѣверномъ берегу Чернаго моря знали наизусть Иліаду, хотя ходили и жили по-варварски. Самый простой слушатель могъ легко почувствовать характерическое превосходство ихъ повѣствованія, и то, что̀ его плѣняло, то же самое составляетъ главную привлекательность и для новѣйшаго читателя, какъ бы ни велика была его ученость, и какъ бы ни утонченно было его эстетическое образованіе. Прямая, безсознательная неизысканная простота, движущаяся и живущая рѣчь, счастливая смѣна дѣйствія и разговора, ясное и опредѣленное изображеніе дѣйствующихъ лицъ, свѣтлое чистосердечіе, съ которымъ герои повѣщаютъ о всѣхъ движеніяхъ своего сердца и о всѣхъ своихъ слабостяхъ, обиліе живописныхъ изображеній изо всѣхъ сферъ видимыхъ и слышимыхъ явленій міра, наконецъ постоянное соединеніе боговъ и людей въ одной картинѣ и довѣрчивое признаніе во всемъ могущественной руки боговъ, — вотъ что̀ составляетъ главную прелесть гомерической поэзіи и почти совершенно заслоняетъ собою достоинства симметріи и единства, хотя критики, слѣдуя примѣру, поданному Аристотелемъ, сдѣлались слишкомъ наклонны извращать естественный порядокъ главныхъ свойствъ гомерической поэзіи. Утонченная ловкость симметріи, искусное сочетаніе частей и геніяльное построеніе цѣлаго могутъ быть предметомъ весьма интересной критики, но не эти качества должны стоять на первомъ планѣ при оцѣнкѣ гомерической поэзіи, и не имъ обязана она любовью народовъ и своею непреходящею популярностью.

II.

Die Geschichte der Römer von Fr. Dor. Gerlach und J. J. Bachofen. Erster Band, erste Abthlg: Aelteste Geschichte bis zur Gründung der Stadt. Basel. 1851.

Читайте эпическія стихотворенія разныхъ народовъ, вживитесь въ особенную атмосферу тѣхъ полумиѳическихъ эпохъ, когда народы жили одною цѣльною жизнію, полюбите народную безыскусственность и простодушіе, почувствуйте этотъ живой инстинктъ языка и эту цѣльность воззрѣнія на міръ и человѣка, которая отличаетъ собственно народный періодъ въ исторіи народовъ, и когда ваше чувство вамъ скажетъ, что вы прикоснулись наконецъ къ этой почвѣ всякаго личнаго развитія, живо ощутили ее подъ собою и приняли отъ нея новыя силы, какъ миѳическій Антей отъ матери земли: тогда возвратитесь къ Гомеру, и вы будете въ состояніи оцѣнить его по достоинству, и вы легко увидите, какъ безмѣрно онъ превосходитъ все, что сдѣлано у другихъ народовъ въ области эпоса; вы поймете, почему имя Гомера громче и популярнѣе всѣхъ другихъ именъ въ исторіи поэзіи, почему онъ отецъ и учитель всѣхъ поэтовъ. Почувствовавъ живѣе обыкновеннаго красоты гомерической поэзіи, пріобрѣтя способность вполнѣ предаться эпохѣ Гомера и жить ея жизнію, вы найдете въ себѣ средство вѣрнѣе опредѣлить значеніе Гомера и его эпохи. Нѣтъ, скажете вы сами себѣ, это не та неразрывная съ человѣческой жизнью поэзія, которая видна въ языкѣ и происходящихъ изъ него обычныхъ поэтическихъ формахъ, каковы постоянные народные эпитеты и пословицы; изобразительность Гомера не та изобразительность, которая основана на сохранившейся живости первоначальныхъ впечатлѣній, выраженныхъ разными звуками въ разныхъ языкахъ человѣческихъ; его поэзія не первобытная поэзія младенчествующихъ народовъ, въ продолженіи тысячелѣтій говорящая одними и тѣми же словами, живущая въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ, коренящаяся въ одной и той же впечатлительности

и въ однихъ и тѣхъ же воззрѣніяхъ. Нѣтъ, скажете вы съ полной увѣренностью, поэзія Гомера никакъ не можетъ быть медленнымъ дѣломъ тысячелѣтій; она не можетъ быть плодомъ первыхъ восклицаній удивленнаго и устрашеннаго міромъ человѣка-младенца. Иначе откуда бы взялась эта веселая радость, составляющая ея главную прелесть, эта живость наслажденія своими чувствами, которая ясно свидѣтельствуетъ о ихъ недавности? Такое свѣтлое веселье ни въ жизни человѣка, ни въ жизни народа не можетъ быть постояннымъ ощущеніемъ, наслѣдованнымъ отъ колыбели: оно можетъ быть только даромъ счастливой минуты, счастливаго момента въ жизни. И ежели такое веселье, такое радостное раздолье не повторилось въ эпической поэзіи ни у одного изъ прочихъ народовъ, вы придете еще къ заключенію, что оно было плодомъ особенно счастливой минуты въ цѣлой исторіи человѣчества. А ежели счастіе всегда и вездѣ измѣряется глубиною и силою того перелома, котораго даромъ оно бываетъ, вы придете къ вопросу, какой же переломъ, единственный и необыкновенный, принесъ его гомерическимъ Грекамъ и въ лицѣ ихъ всему человѣчеству?

Гомеръ, въ исторіи Греческаго народа, стоитъ на межѣ двухъ эпохъ, исторической и до-исторической. Первая принесла съ собою все богатство явленій греческой жизни въ ихъ раздѣльности и свободѣ одного отъ другаго; она дала исторіи человѣчества блистательные начатки по всѣмъ сферамъ человѣческой дѣятельности, такіе начатки, которые хотя и не имѣли въ себѣ силъ для постояннаго существованія и почти на другой же день своего происхожденія испытали слѣдствія своей коренной недостаточности, но все-таки болѣе другихъ были способны къ принятію освящающей и утверждающей Истины, и благодаря тому, стали отдаленными корнями новоевропейской христіянской образованности. Вторая эпоха напротивъ того — эпоха до-историческая — текла въ такомъ же темномъ, мрачными узами скованномъ однообразіи явленій, которымъ отличается древнѣйшая исторія Востока, и которое даетъ еще теперь восточной жизни видимый характеръ величія и чистоты. Мы имѣли случай указать еще выше (стр. 19) на тѣ миѳы греческой миѳологіи, которые относятся къ этой древнѣйшей, восточной эпохѣ доисторической жизни греческаго народа. Мы нашли въ этихъ миѳахъ грубый и суровый характеръ, рѣзко противоположный тому, что составляетъ отличіе гомерическаго взгляда на боговъ. Всматриваясь въ эти миѳы о страшномъ, пожирающемъ дѣтей богѣ Кроносѣ, о хаотическомъ смѣшеніи, за-

крывающемъ еще отъ Грековъ свѣтлый Олимпъ позднѣйшихъ греческихъ боговъ, и о томъ какъ этотъ хаотическій мракъ былъ разсѣянъ, когда послѣ побѣды Зевса надъ Кроносомъ олимпійскіе боги весело выступили изъ внутренностей всепоглащающаго бога на дневной свѣтъ греческаго солнца,—всматриваясь во всѣ эти миѳы, легко придти къ заключенію, что тотъ переломъ, который произвелъ Гомера и гомерическій взглядъ на міръ, состоялъ именно въ освобожденіи Греческаго народа отъ тѣхъ темныхъ силъ, которыя въ глубокой древности тяготѣли надъ нимъ вмѣстѣ съ прочими языческими народами. Гомерическая поэзія не можетъ быть плодомъ никакого другаго событія; единственная и несравненная, она должна быть произведеніемъ того кризиса, выше котораго не произошло ничего въ естественномъ развитіи исторіи древняго языческаго человѣчества.

Не одни Грѣки пережили тотъ великій переломъ, о которомъ мы говоримъ; черезъ кризисъ прошли и другіе народы, стоящіе въ челѣ древней исторіи: но каждый изъ нихъ прошелъ черезъ кризисъ различнымъ образомъ, и ни для одного кризисъ не былъ такъ счастливъ, какъ для Грековъ. Для Египтянъ прошедшее, съ его однообразіемъ и враждебностью къ раскрытію человѣческой природы, также умерло; они также отъ него освободились: но замираніе прошедшаго приковало къ себѣ ихъ взоры и наложило тотъ мрачный, могильный характеръ на Египетскій народъ, которымъ вѣетъ и отъ ихъ памятниковъ и отъ ихъ религіи. Египтянинъ весь углубленъ въ прошедшее, которое однакожь исчезло; онъ первый, по Геродоту, вѣритъ въ безсмертіе души; онъ болѣе заботится о кладбищахъ, этихъ знаменитыхъ египетскихъ некрополяхъ, нежели о домахъ своихъ; вся его религія состоитъ въ плачѣ нескончаемаго разставанія съ умирающимъ богомъ, прошедшаго, отходящимъ въ преисподнюю. Совершенную противоположность къ тому мы находимъ въ Индіи; здѣсь прошедшее скрылось; его нѣтъ; оно исчезло безъ слѣда и совершенно утрачено; Индіецъ весь предался движенію, которое увлекло его отъ древняго прошедшаго: но индійскому движенію недостаетъ твердой почвы; не имѣя основанія, оно не можетъ имѣть и цѣли и превращается въ безконечную смѣну происхожденій и разрушеній, знаменитыхъ индійскихъ кальпъ; народный характеръ получилъ мечтательный, фантастическій оттѣнокъ, неспособность дѣйствовать и наклонность къ безцѣльнымъ увлеченіямъ. Только Грекамъ было суждено такъ освободиться отъ власти прошедшаго, чтобы совершенно отвратить отъ него лицо свое, но сохранить однакожь связь съ

нимъ, какъ съ отдаленною и уже скрытою основой развитія. Греки вынесли изъ кризиса не мрачный взглядъ на міръ Египтянина и не мечтательно-фантастическій взглядъ Индуса: они вынесли изъ кризиса свѣтлый взглядъ Гомера; они посмотрѣли на міръ такими глазами, что впечатлѣнія, испытанныя ими и съ такою неподражаемою живостью и увлекательностью изображенныя у Гомера, останутся навсегда родственными человѣку, на какой бы степени развитія онъ ни стоялъ.

Кризисъ, произведшій Гомера, былъ всеобщій кризисъ всемірно-историческаго процесса; нигдѣ онъ не кончился такъ счастливо, какъ у Грековъ, или, лучше, только у Грековъ онъ совершенно окончился. Отсюда понятно веселье Гомера и его радость, ни съ чѣмъ несравненная; понятно, почему гомерическая поэзія не имѣетъ себѣ подобной, почему она — эпическая поэзія всего человѣчества. Много было явленій эпоса у разныхъ народовъ; но во всѣхъ этихъ явленіяхъ выражался эпическій отдыхъ одного какого-либо народа послѣ трудной борьбы его юности. Въ гомерическомъ эпосѣ отразилось эпическое состояніе всего человѣчества, то счастливое веселое довольство, которое послѣдовало за выходомъ въ лицѣ Грековъ всеобщей исторіи человѣчества изъ тысячелѣтій темнаго, тяжелаго для человѣческой природы однообразія.

Мы не выскажемъ новой, непризнанной мысли, сказавъ, что весь родъ человѣческій составляетъ въ своемъ развитіи одно цѣлое, что одно явленіе исторіи человѣчества стоитъ съ другими явленіями во внутренней связи, и что эту внутреннюю связь мы должны предполагать даже при отсутствіи внѣшнихъ сношеній. Счастливый выходъ греческаго народа на свѣтлый день разнобразія явленій не могъ не быть почувствованъ всѣми членами человѣчества. Живая связь, соединяющая цѣлый родъ человѣческій, съ такою ясностью проявляющаяся въ его исторіи, принуждаетъ насъ сказать это съ полной увѣренностью. Что̀ было достигнуто однимъ членомъ человѣчества, народомъ греческимъ, то было достигнуто черезъ него и другими членами. Кризисъ былъ пройденъ для всѣхъ, какъ скоро онъ окончился для Грековъ. Но ежели всѣ народы перестали чувствовать надъ собою тяжесть, подавлявшую развитіе, то не всѣ однакожь могли равномѣрно ощутить разрѣшеніе отъ нея. Одни, уже исполнившіе свое дѣло, продолжали отнынѣ повторять внѣшнимъ, машинальнымъ образомъ то, что̀ нѣкогда условливалось необходимостью историческаго процесса. Народные обычаи, бывшіе прежде живымъ выраженіемъ

ощущеній, превратились болѣе или менѣе въ пустой церемоніялъ и окаменѣли, какъ мертвые памятники давней эпохи. Между тѣмъ другіе народы, выработавшіе свою индивидуальность послѣ народа Греческаго, получили отъ того новаго времени, въ которое сложилась ихъ народность, силы къ раскрытію разнообразія человѣческой природы, но очевидно не могли встрѣтить этого новаго состоянія съ такою радостью, какъ его встрѣтилъ Греческій народъ, главный его виновникъ: они такъ-сказать уже родились въ этомъ новомъ состояніи и нашли себя въ немъ, какъ уже въ готовомъ. Гомерическое чувство несказаннаго довольства не могло быть ощущено ими; эпическое состояніе духа не могло явиться у нихъ въ такой силѣ, какъ у Грековъ времени Гомера. Ближайшее къ греческому, италійское племя наиболѣе показываетъ отсутствіе въ своей исторіи эпическаго времени. Какъ богатъ и обиленъ эпосъ греческій, такъ скуденъ эпосъ италійскій, если только можно говорить объ италійскомъ эпосѣ. Италійское племя несомнѣнно воспользовалось человѣческимъ характеромъ того времени, когда оно явилось въ исторіи: иначе оно не могло бы съ такимъ успѣхомъ выработать практической стороны человѣческой жизни; Римское государство съ тѣмъ римскимъ правомъ, которое переживаетъ тысячелѣтія, было бы невозможно. Но италійское племя только воспользовалось побѣдой, а не выстрадало ея; исторія его доисторической внутренней жизни коротка и проста, лишена трагическаго величія: отсюда — бѣдность италійской миѳологіи, не только сравнительно съ греческою, но и съ другими; отсюда — скудость италійской народной поэзіи и совершенное отсутствіе въ ней возвышеннаго энтузіазма. У Италиковъ не было живаго источника поэзіи — счастливо преодолѣнныхъ страданій; поэзія не могла стать душею ихъ жизни, не могла сдѣлаться для нихъ драгоцѣнностью. Поэтому они потратили на нее такъ мало силъ.

Было, правда, и у Италиковъ вѣрованіе въ воодушевляющія силы природы, въ лѣсныхъ Фавновъ и въ нимфъ Каменъ, которые возбуждаютъ человѣка къ вѣщему пѣнію, но какой видъ имѣли эти пѣсни, ясно показываетъ единственный народный размѣръ, употреблявшійся въ Италіи, такъ называемый *сатурновъ стихъ*. У него не было и тѣни той правильности, которою отличается греческій героическій стихъ (гекзаметръ); онъ былъ такъ мало выработанъ, что допускалъ самый полный произволъ и очень приближался къ прозѣ. За длиннымъ стихомъ могъ слѣдовать короткій; въ удареніяхъ не было послѣдовательности; требовалось только

присутствіе извѣстнаго ладу. Горацій называетъ сатурновъ стихъ грубымъ (horridus ille defluxit numerus Saturnius. Ep. II, I, 157); Виргилій — необработаннымъ (versibus incomptis ludunt, Georg. II, 386). Его составъ — изъ трохеевъ и ямбовъ — достаточно характезируетъ его, показываетъ его противоположность къ греческому гекзаметру: ибо трохеи и ямбы гораздо ближе къ вседневному говору, нежели дактиль. Употребленіе стиха сатурнова было согласно съ такимъ его характеромъ. Въ этомъ размѣрѣ слагались молитвы, заклинанія, надгробныя надписи, законы, но болѣе всего комическіе стихи, versus ludicri, такъ распространенные въ Италіи. Повѣствовательный элементъ почти вовсе не имѣлъ мѣста въ этихъ стихотвореніяхъ. Религія почти не знала миѳовъ; обряды и праздники рѣдко стояли въ связи съ какимъ-нибудь сказаніемъ. Между тѣмъ какъ у Грековъ даже полевыя празднества носили характеръ религіозныхъ представленій и сопровождались длинными пѣснопѣніями, въ Италіи праздничная радость выражалась болѣе въ придиркахъ и насмѣшкахъ, вызванныхъ минутою. Наклонность къ шуткѣ составляетъ вообще отличительную черту древнихъ Италиковъ: насмѣшка замѣнила у нихъ греческій энтузіазмъ. Божественныя силы, дѣйствующія въ греческомъ эпосѣ, получили у нихъ совершенно другой характеръ: онѣ и для нихъ участвуютъ во всякомъ дѣлѣ человѣка, но уже не внушаютъ ему восторга, а требуютъ исполненія мелочныхъ и часто искусственныхъ обрядовъ, сохранявшихся въ Италіи отъ глубокой древности съ бо́льшею силой, нежели въ Греціи, гдѣ они были преобразованы и приняли свободный, художественный характеръ.

Главныя силы обратились въ Италіи на практическую дѣятельность, на государство; энтузіазмъ былъ перенесенъ на любовь къ отечеству; только въ этой сферѣ мы находимъ воодушевленіе, сообщившее величественность и давшее успѣхъ трезвому, неослабному труду Римлянъ на политическомъ поприщѣ. Почти всѣ памятники древнѣйшей римской литературы имѣютъ государственное значеніе. Мѣсто греческихъ пѣсней о богахъ и герояхъ заступили пѣсни о славныхъ дѣлахъ предковъ, которыя обыкновенно пѣлись за обѣдомъ поочереди всѣми участвовавшими, то однимъ голосомъ, то въ сопровожденіи звуковъ флейты *). Похороны сопровождались также плачевною *неніей*, въ которой прославлялись дѣла

---

*) Cic. Brut. 19. Tusc. IV, 2. Varro De vita pop. Rom. II. ap. Non. 76. 33 Merc.

покойнаго. Но и эти пѣсни не имѣли изящной формы и были совершенно забыты, когда Римляне познакомились съ греческою литературой. Какъ мало Римляне были изобрѣтательны въ поэзіи, показываетъ одинаковость поэтическихъ надписей на саркофагахъ *). Только совершенная слабость историческихъ стихотвореній древняго Рима можетъ объяснить ихъ утрату при удивительной любви Римлянъ къ сохраненію всего, что̀ имѣло значеніе древняго памятника. Сколько-нибудь обширныя и художественныя пѣсни непремѣнно сложились бы въ извѣстныя группы и сохранились бы, если не до нашего времени, то по крайней мѣрѣ до послѣднихъ годовъ Римской республики. Но ни у одного изъ древнихъ писателей, дошедшихъ до насъ, нѣтъ нималѣйшаго упоминанія, которое заставляло бы предполагать существованіе въ Римѣ эпическихъ пѣсней, имѣющихъ хотя отдаленное сходство съ гомерическими рапсодіями.

Несмотря на то, Нибуръ, слѣдуя въ этомъ случаѣ знаменитому голландскому ученому 17-го столѣтія, писавшему подъ именемъ Перизонія (его настоящее имя было Voorbroeck), предполагалъ существованіе въ Римѣ обширныхъ эпическихъ пѣсней, изъ которыхъ будто бы составилась значительная часть древнѣйшей исторіи Рима, какъ мы читаемъ ее у Ливія. Онъ находилъ даже у этого послѣдняго нѣсколько слѣдовъ пѣсеннаго размѣра, именно сатурнова стиха, оставшихся отъ тѣхъ пѣсней, которыми Ливій пользовался. Однимъ словомъ, Нибуру казалось, что у Римлянъ былъ свой эпосъ, хотя и не такъ изящный какъ греческій, но не безъ большихъ поэтическихъ достоинствъ **). Но это мнѣніе великаго ученаго не выдерживаетъ критики и уже оставлено большею частію ученыхъ ***). Послѣ того какъ Готфридъ Германнъ показалъ, что у Ливія нѣтъ достовѣрныхъ слѣдовъ сатурнова стиха, остается единственною опорой Нибурова мнѣнія поэтическій характеръ самой исторіи Рима, побуждающій предполагать существованіе пѣсней, въ особенности о Ромулѣ и о Тарквиніяхъ. Но противъ такого предположенія сильно говоритъ всеобщее мол-

---

*) См. Klotz. Hdb. d. röm. Literatur. Bd. 1. Anm. 362.

**) Niebuhr's Röm. Gesch. 1, 268. 4-te Ausg. Perizonius Anim. hist. 6.

***) Wachsmuth Die ältere Gesch. des röm. Staats. Corssen Origines poësis Romanae. Krause Gesch. d. röm. Literatur I, p. 39 sqq. Bernhardy Anm. 121. Klotz, p. 372 sqq.

чаніе древнихъ о римскихъ эпическихъ пѣсняхъ, и еще сильнѣе говоритъ противъ него характеръ Римскаго народа, совершенно чуждый поэзіи. Какимъ образомъ произошли бы у Римлянъ рапсодіи, когда у нихъ никогда не было ни пѣвцовъ, ни рапсодовъ, когда у нихъ поэты были даже въ пренебреженіи? Въ VI-мъ вѣкѣ города поэтовъ звали писцами, scribae, или еще хуже — grassatores, бродягами *). Почетныя имена: *поэтъ* и *поэма* принесены въ Римъ изъ Греціи. Древнее латинское слово *carmen* означаетъ столько же пѣснь, сколько заговоръ, заклинаніе; *vates* былъ вѣщій человѣкъ, болѣе чародѣй и прорицатель, нежели поэтъ въ собственномъ, свободномъ смыслѣ слова. Греки не назвали бы высокимъ именемъ пѣсни, ἀοιδή, какое-нибудь короткое присловье, напр. *di melius*, которое Сенека (Ep. 98) называетъ carmen fortius ac justius. Они не дали бы имени поэта простому пѣвчему, cantor, коллегіи Саліевъ, который звался у Римлянъ vates **). Римскіе vates были воодушевленные прорицатели, имѣли болѣе жреческое значеніе, нежели значеніе поэтовъ. Annosa volumina vatum, вѣковые свертки вѣщихъ людей, упоминаемые Гораціемъ, были безъ всякаго сомнѣнія религіознаго содержанія. Изо всѣхъ vates упоминается по имени только одинъ, нѣкто Marcius, и то изъ времени второй пунической войны; его carmina состояли изъ совѣтовъ и повелѣній, которыя онъ давалъ Римлянамъ въ годину несчастій ***). Всѣ эти данныя сильно располагаютъ противъ мнѣнія Нибура и заставляютъ посмотрѣть съ другой точки зрѣнія на поэтическій характеръ древнѣйшей римской исторіи. Главное содержаніе ея, то, что̀ въ ней есть существеннаго, составляетъ исторія государства и права. Поэтическіе разсказы о внѣшнихъ событіяхъ слишкомъ явно носятъ характеръ фантастическихъ украшеній, безъ историческаго подтвержденія, иногда даже безъ существеннаго содержанія. Это не тѣ миѳы, которые прославилъ Гомеръ, и въ которыхъ высказалось все состояніе народнаго сознанія: такіе миѳы всегда имѣютъ извѣстную самостоятельность, которой нѣтъ въ римскихъ сказаніяхъ, украшающихъ первую книгу Ливія. Ихъ содержаніе только отчасти можно приписать народнымъ сказаніямъ; поэтическая форма ихъ всего вѣроятнѣе заимствована

---

*) Fest. s. v. scribas. Cato Orig. ap. Gell. XI, 2.

**) Capitol. Marc. 4. Bernhardy Anm. 119.

***) Liv. XXV, 12. Praecepta primus apud Latinos Marcius vates composuit, Mallius Theod. p. 95. Heus.

Ливіемъ изъ «Анналовъ» Невія или Эннія. Этимъ достаточно объясняется поэтическій колоритъ I-й книги Ливія и безъ предположенія обширныхъ народныхъ рапсодій, противъ котораго говорятъ всѣ данныя.

Слава Рима не въ той таинственной глубинѣ сознанія, изъ которой возникаютъ искусство и философія. Слава Рима — въ Римскомъ государствѣ, которое остается до сихъ поръ самымъ величественнымъ и колоссальнымъ явленіемъ политической исторіи. Увлеченіе Нибура въ вопросѣ о римской эпической поэзіи весьма понятно при томъ необыкновенномъ одушевленіи, которое сопровождало всѣ его труды, и которое преимущественно сопровождало главный трудъ его жизни — занятіе римскою исторіей. Сказавъ объ этомъ увлеченіи, мы не можемъ совсѣмъ пройдти молчаніемъ и огромныхъ заслугъ великаго ученаго. Едва ли могъ быть человѣкъ, который бы соединилъ въ себѣ болѣе условій для успѣшной обработки римской исторіи, чѣмъ Нибуръ. Сильная возбужденность времени — плодъ колоссальныхъ событій, — множество политическихъ вопросовъ, возникавшихъ въ литературѣ и жизни и требовавшихъ разрѣшенія, богато-одаренная личность съ самымъ живымъ, неистощимымъ участіемъ ко всему, что только его заслуживало, память почти безпримѣрная, ученость опирающаяся на труды цѣлыхъ столѣтій, обширная опытность государственнаго мужа, знакомая со всѣми побужденіями политической жизни, все это соединилось въ Нибурѣ, чтобы сдѣлать его творцемъ науки римской исторіи и образцемъ ученаго *). Онъ приступилъ къ темнымъ страницамъ ея, какъ человѣкъ полный жизни и вопросовъ; съ живою любовью изучалъ малѣйшія подробности; съ интересомъ современника вникалъ въ смыслъ событій и ихъ сцѣпленіе. Читая его исторію, часто не знаешь, чему болѣе удивляться, учености ли и политической проницательности, или неистощимости его симпатическаго сердца. Передъ такими силами

---

*) О его жизни см. Lebensnachrichten über B. G. Niebuhr 3 тома и рядъ статей Т. Н. Грановскаго, помѣщенныхъ въ двухъ послѣднихъ годахъ «Современника». Въ послѣднее время были изданы въ Германіи его лекціи, читанныя ими въ Бонискомъ университетѣ. До сихъ поръ вышли: курсъ римской исторіи (3 тома), курсъ древней исторіи (3 тома), курсъ географіи и этнографіи древняго міра (1 толстый томъ). Едва ли есть ученое чтеніе, болѣе привлекательное, какъ эти лекціи. Въ нихъ ясно выступаетъ вся личность великаго человѣка, и высказывается весь его умъ, все сердце. «Пропилеи» не преминутъ со временемъ ближе познакомить съ ними своихъ читателей.

не могли не уступить болѣе нежели два тысячелѣтія, отдѣляющія насъ отъ эпохи, возстановленной Нибуромъ. Въ главныхъ своихъ пунктахъ древнѣйшая исторія Рима совершено разъяснилась. Мы можемъ теперь понимать ея смыслъ лучше, чѣмъ понимали сами Римляне, и Нибуръ имѣлъ право съ совершенною добросовѣстностію приглашать молодыхъ ученыхъ къ разработкѣ позднѣйшихъ эпохъ, ибо для древнѣйшей уже было сдѣлано все, что только можно сдѣлать. Но таково величіе духа науки, далеко возвышающагося надъ всякимъ личнымъ величіемъ, что вскорѣ послѣ Нибура поднялись новые вопросы, относившіеся именно къ тому времени, въ которомъ, по его убѣжденію, ничего нельзя было сдѣлать безъ открытія новыхъ источниковъ. Въ самомъ дѣлѣ Нибуръ обратилъ все вниманіе только на государственную жизнь Рима, какъ на главную сторону римской исторіи; но какъ ни высоко стояло государство въ глазахъ Римлянина, оно все-таки не могло поглотить всѣхъ силъ народа и даже само испытывало вліяніе другихъ явленій народной жизни. Въ особенности это надобно признать относительно религіи, которая, подчиненная государству въ позднѣйшую эпоху, во времена болѣе древнія была даже главнымъ источникомъ и регуляторомъ самой государственной жизни. Это и не могло быть иначе: религія самая важная сфера человѣческой жизни; въ ней поэтому ключь къ объясненію всего великаго, произведеннаго народомъ. Отъ того-то какъ скоро Нибуромъ былъ возбужденъ всеобщій интересъ къ римской исторіи, сдѣлалось весьма естественно обратиться къ изученію римской религіи, чтобы дополнить дѣло Нибура. И въ самомъ дѣлѣ мы видимъ, что большая часть ученыхъ, послѣдовавшихъ за Нибуромъ, чувствовали влеченіе къ религіознымъ изслѣдованіямъ. Изъ этого замѣчательнаго общаго влеченія возникли труды Гартунга, Амброша, Клаузена, покойнаго профессора Московскаго Университета Д. Л. Крюкова*), всѣ посвященные

*) Hartung Die Religion der Römer, nach den Quellen dargestellt. 1836. 2 Thle. Ambrosch üb. die Religionsbücher der Römer. 1843. Idem de Sacerdotibus curialibus. 1840. Idem Studien und Andeut. im Gebiet des altröm. Bodens und Cultus 1839. Klausen de carmine fratrum Arvalium 1836. Idem Aeneas und die Penaten. 1839—40. 2 Thle. Сочиненіе Д. Л. Крюкова, вышедшее подъ псевдонимомъ: Pellegrino Andeut. üb. den ursprüngl. Religionsunterschied der röm. Patricier und Plebejer. 1842. будетъ помѣщено въ русскомъ переводѣ въ 3-й кн. «Пропилеевъ». Сюда же отчасти относится сочиненіе К. О. Мюллера: Die Etrusker. 1828. 2 Bde.

разработкѣ римской религіи. Этому же влеченію обязанъ своимъ происхожденіемъ и тотъ трудъ Герлаха и Бахофена, первая часть котораго составляетъ предметъ разсмотрѣнія настоящей статьи.

«Какъ въ царствѣ природы (говоритъ Герлахъ въ началѣ отдѣла о древнихъ сказаніяхъ Латиновъ) происхожденіе укрывается отъ взора испытателя, и только происшедшее составляетъ предметъ познаванія, такъ и въ жизни народовъ только дѣло выступаетъ явно, сокровеннаго его источника глазу смертнаго не дано открыть съ полною достовѣрностью. Изъ неразличимой глубины мгновенно всплываетъ явленіе, развитіе котораго едва можно было предчувствовать, но нельзя было наблюдать, и наполняетъ изумленіемъ и удивленіемъ души людей, для которыхъ осталось сокрытымъ его происхожденіе. Но какъ ни глубоко таятся въ нѣдрахъ земли сѣмена и корни, какъ ни неизслѣдимыми представляются причины вещей, насъ влечетъ однакожь какая-то могущественная сила очарованія къ нисхожденію въ мракъ той таинственной кузницы, гдѣ совершается работа образовательной силы, вызывающей къ бытію народы и недѣлимыхъ. Если мы и признаёмъ въ полной силѣ значительность внѣшнихъ условій жизни, если мы кладемъ на вѣсы вліяніе внѣшней природы, климата, почвы и другихъ особенностей страны, если мы даемъ извѣстное мѣсто загадочному стеченію событій, представляющемуся человѣческой близорукости, какъ случай, если мы наконецъ не оставляемъ безъ вниманія силу окружающихъ отношеній: всѣ эти вліянія и внѣшнія явленія встрѣчаются однакоже съ энергію силы, которая родственное принимаетъ, разнородное отталкиваетъ и все, притекающее совнѣ, переобразовываетъ по извѣстному закону, перерабатываетъ, приводитъ въ порядокъ и превращаетъ въ единое цѣлое. Это образовательное сѣмя, дѣйствующее въ недѣлимыхъ и народахъ, повинующееся вѣчнымъ законамъ и въ бездушномъ камнѣ, и въ обильной дѣлами жизни цѣлаго народа, эта жизненная сила, первый источникъ разнообразія явленій, есть та великая тайна исторіи народовъ, извѣдать которую стремятся всѣ ученики науки. Но такъ какъ эта сила проявляется только въ обнаруженіяхъ и дѣйствіяхъ, то послѣднія, возведенныя къ ихъ настоящему источнику, скорѣе всего откроютъ намъ начало всего богатаго потока жизни и дадутъ возможность прослѣдить его теченіе. И какъ въ древней народной жизни самою могущественною силой по справедливости считается религія, то ея правильное пониманіе будетъ путеводною звѣздой въ лабиринтѣ древ-

нѣйшихъ народныхъ сказаній. Ибо если языкъ есть основа всякаго духовнаго развитія, то религію можно разсматривать, какъ самое древнее проявленіе духовной жизни, какъ выраженіе первоначальнаго сознанія народа о его отношеніи къ міру. Отъ этого основнаго чувства исходитъ все духовное развитіе даннаго народа; въ немъ какъ въ сѣмени сокрытъ весь міръ его мыслей, предвозвѣщено своеобразное направленіе его духовной жизни. Еслибы основательному изслѣдованію удалось изобразить древнѣйшія представленія даннаго народа въ ихъ первоначальномъ видѣ, съ удаленіемъ позднѣйшихъ прикрасъ и всякихъ распространеній, — этимъ было бы весьма много достигнуто для правильнаго пониманія первоначалънаго направленія того народа.»

Мы выписываемъ эти глубокомысленныя слова, чтобы дать вмѣстѣ понятіе и о направленіи разбираемой нами книги, и о манерѣ ея изложенія. Высокій тонъ приведеннаго мѣста поддерживается на всѣхъ страницахъ этого замѣчательнаго сочиненія. Воодушевленіе, которымъ проникнуты слова автора, не падаетъ нигдѣ, о чѣмъ бы ни шла рѣчь, о характеристикѣ ли страны, о памятникахъ ли, оставшихся отъ древнѣйшей эпохи, или о миѳическихъ сказаніяхъ. Къ лучшимъ мѣстамъ книги принадлежатъ поэтическія описанія мѣстностей средней Италіи, сдѣланныя на основаніи собственныхъ наблюденій Гермаха и написанныя съ большимъ сочувствіемъ къ красотѣ страны и величію ея исторіи. Топографическіе очерки средней Италіи занимаютъ первый отдѣлъ сочиненія. За тѣмъ слѣдуютъ: обозрѣніе древнѣйшихъ сказаній Латиновъ, отдѣлъ о древнѣйшихъ переселеніяхъ италійскихъ племенъ, изслѣдованіе о троянской колоніи Энея и объ исторіи Лавиніи и Альбы, наконецъ обзоръ движенія народовъ Средней Италіи послѣ паденія Альбы. Этимъ заключается первое отдѣленіе перваго тома, обнимающее собою исторію Средней Италіи до основанія вѣчнаго города. Мы остановимся съ особенымъ вниманіемъ на собственно-миѳической части сочиненія, чтобы поставить въ параллель италійскую миѳологію съ миѳологіей Греціи, о которой было сейчасъ много говорено, при разсмотрѣніи первой части сочиненія Грота.

Италійская миѳологія была въ римской литературѣ почти совершенно заслонена вліяніемъ греческой поэзіи, составлявшей постоянный предметъ подражанія латинскихъ поэтовъ. Поэтому въ филологіи новаго времени очень долго господствовало мнѣніе, что италійская миѳологія совершенно тождественна съ греческою и отличается отъ ней только туземными именами боговъ. Зевсъ и Юпитеръ, Гера и Юнона, Афродита и Венера, Артемида и Діана;

Гефестъ и Вулканъ, Аресъ и Марсъ, Посидонъ и Нептунъ считались тождественными богами, различающимися не по миѳамъ и представленіямъ, а только по имени. Такое мнѣніе имѣло твердое основаніе въ родственности племенъ италійскаго и греческаго, являющейся и въ особенностяхъ языка и въ характерѣ исторіи. Латинскій языкъ считался сыномъ греческаго и былъ выводимъ отъ эоліійскаго діалекта; латинская миѳологія — дочерью греческой. Но болѣе настойчивое изученіе показало, что неоспоримая родственность двухъ племенъ основана не на происхожденіи одного отъ другаго, а на братствѣ ихъ; лингвистическія изслѣдованія даже привели къ убѣжденію, что латинскій языкъ сохранилъ во многомъ (напр. въ твор. на bus) формы болѣе древнія, нежели греческій, и болѣе приближается къ санскриту, общему корню индоевропейскихъ языкокъ. Что̀ оказалось относительно языка, то же оказалось и относительно миѳологіи. Сочиненіе Гартунга, заглавіе котораго приведено выше (стр. 109), познакомило съ національнымъ элементомъ римской религіи и доказало неоспоримо, что при всей родственности римской религіи съ греческою, между ними есть различія, заслуживающія вниманія. Богатство собраннаго матеріяла, показывающаго тѣ самобытные образы, въ которые сложилось въ Италіи родственное содержаніе миѳологіи греческой, составляетъ главное достоинство сочиненія Гартунга, но этому ученому не удалось осилить этого матеріяла, и отсюда проистекла удивительная запутанность и безпорядочность группировки фактовъ, доходящая до того, что при всей легкости изложенія, чтеніе книги довольно утомительно. Читатель находится какъ бы въ хаосѣ данныхъ, еще не сгруппировавшихся по закону соединенія родственнаго. Авторъ разрѣшаетъ ту связь, въ которой существовали миѳы и обряды для народнаго сознанія Римлянъ, но не видно, чтобы ему была извѣстна связь, болѣе соотвѣтствующая существу дѣла.

Чтобы устранить такую произвольную перетасовку миѳовъ (читатель извинитъ нѣсколько странное слово, соотвѣтствующее впрочемъ странности дѣла), надобно было возвратиться къ общепринятой въ древности послѣдовательности миѳовъ и, расположивъ ихъ въ установленномъ порядкѣ, потомъ уже приступить къ ихъ объясненію. Такую методу избралъ Герлахъ, изъ котораго поэтому мы заимствуемъ цѣликомъ все мѣсто, гдѣ разсказывается по древнимъ довольно скудная объемомъ латинская миѳологія.

На правомъ берегу Тибра довольно далеко отъ впаденія этой рѣки въ море, на высотѣ, издалека видной, жилъ царь и богъ

Янусъ съ женою Камезой, отъ которой вся окрестность получила имя Камезены. Къ этому царю прибылъ на кораблѣ съ моря вверхъ по теченію рѣки чужестранецъ, и также богъ, Сатурнъ, и нашелъ у Януса гостепріимную встрѣчу. Въ то время въ этихъ странахъ жило грубое и дикое поколѣніе людей, безъ закона и нравовъ, и безъ предчувствія лучшей жизни. Незнакомые съ искусствами міра, они бродили съ стрѣлою и лукомъ по своимъ дебрямъ и питались добычей охоты и грабежа и плодами лѣсныхъ деревъ. Сатурнъ научилъ ихъ обрабатывать ниву, впрягать въ плугъ быковъ, удобрять землю и получать отъ нея болѣе кроткія средства пропитанія. Онъ также ввелъ искусство водить пчелъ, сажать виноградъ и прививать дикія деревья, чтобы они приносили болѣе благородные плоды. Скоро прежняя грубость была вытѣснена силою закона и лучшаго обычая; вмѣсто непрерывныхъ распрей водворился миръ и согласіе, и всѣ равно пользовались благими жизни. Въ награду за такія заслуги, Янусъ раздѣлилъ съ пришельцемъ царство, и между тѣмъ какъ онъ самъ имѣлъ свой престолъ на горѣ, названной потомъ Яникуломъ, Сатурнъ построилъ на противулежащемъ высокомъ утесѣ городъ, получившій по немъ имя Сатурніи. Такъ царствовали они надъ страной, оба вмѣстѣ, въ добромъ согласіи, когда вдругъ Сатурнъ исчезъ. Но память его продолжала жить въ странѣ, и имя его города было перенесено на всю землю. Время, въ продолженіе котораго онъ пребывалъ среди народа, представлялось, какъ столь обильное счастіемъ и блаженствомъ, и чувство мирнаго наслажденія жизнью такъ глубоко вкоренилось въ сердцахъ людей, что сказаніе прославило время Сатурново подъ именемъ золотаго вѣка. Янусъ воздвигъ Сатурну жертвенникъ, на которомъ принесъ ему божественное поклоненіе, и учредилъ разныя жертвы и празднества, которыя подъ именемъ сатурналій сохранялись до самаго поздняго времени. Сатурнъ оставилъ сына по имени Пика, то-есть дятла, славнаго гадателя и воина, охотника и укротителя коней. Пикъ былъ знаменитъ до далекихъ краевъ страны славою своей красоты; но еще ни одна дѣва не тронула его сердца; когда онъ увидалъ чудную дочь Януса, Каненту, то-есть поющую, которую родила ему на Палатинской горѣ Венилія. Каненту, силою пѣнія очаровывавшую одушевленное и неодушевленное созданіе, избралъ себѣ Пикъ въ супруги и былъ ей преданъ вѣрною любовью. Тогда случилось въ одинъ день, что Пикъ среди охоты заблудился въ предѣлы чародѣйницы Кирки, которая, едва увидѣвъ юношу, возгорѣлась къ нему страстною любовью. Но заманки могущественной чаро-

дѣйницы не нашли доступа къ сердцу Пика; вмѣсто удовлетворенія желанію онъ отвѣчалъ ей надменностью и насмѣшкой. Кирка въ гнѣвѣ отвергнутой любви дважды обратилась къ востоку Солнца, отца своего, и дважды къ закату, трижды коснулась юноши волшебною тростью, произнесла троекратно чарующее заклинаніе, и юноша вдругъ превратился въ пестрокрыльную птицу, въ дятла, который, посвященный Марсу за свой прорицательный даръ, былъ потомъ высоко почитаемъ Сабинами. Послѣ Пика въ Сатурновой странѣ царствовалъ Фавнъ. Онъ имѣлъ супругою сестру свою Фавну или Фатую, чистота которой была такъ велика, что ее не только не видалъ прежде Фавна никакой мужъ, но и не слыхалъ ея имени. Несмотря на то однакожь, когда она однажды противъ обычая выпила полный горшокъ съ виномъ и пришла въ опьяненіе, Фавнъ билъ ее миртовыми вѣтвями дотого, что она умерла. Впрочемъ скоро онъ раскаялся въ своемъ поспѣшномъ дѣлѣ и изъ вожделѣнія по утраченной оказалъ ей божескую почесть; при жертвоприношеніяхъ ей онъ велѣлъ всегда ставить горшокъ, наполненный виномъ. И согласно съ тѣмъ, что она сама прежде предсказала о себѣ женщинамъ, женщины стали чествть ее подъ именемъ Доброй Богини, Bona Dea. Фавнъ же, хотя благочестиво соблюдалъ память супруги и оказывалъ божескую почесть отцу Пику и дѣду Сатурну, былъ однакожь болѣе наклоненъ къ веселымъ шуткамъ, преслѣдовалъ нимфъ, скрывавшихся отъ него, и занимался разными своевольными проказами. Какъ охотникъ и птицеловъ, онъ бродилъ по лѣсамъ и особенно любилъ прохладныя и тѣнистыя рощи Тибура и Авентина. Его время замѣчательно двумя важными происшествіями. При немъ прибылъ въ Лаціумъ Аркадіецъ Эвандръ, сынъ Меркурія и нимфы Карменты, и поселился на Палатинской горѣ. Своею необычайною мудростью и глубокимъ знаніемъ онъ пріобрѣлъ въ короткое время такое расположеніе и довѣріе Фавна, что этотъ уступилъ ему значительное пространство земли для раздачи его товарищамъ. Зато Эвандръ научилъ грубыхъ туземцевъ тайнѣ письма, познакомилъ ихъ съ видами хлѣбовъ, употребительныхъ въ Греціи, и далъ наставленіе, какъ сѣять и обрабатывать поле. Немепѣе и мать его Кармента явилась благодѣтельницею окрестныхъ жителей; какъ прорицательница и гадательница, много зла отвратила она отъ страны и научила смягчать гнѣвъ небожителей разными очищеніями. Но насупротивъ Палатинской горы въ глубокой мрачной пещерѣ Авентина жилъ тогда Какъ, страшное чудовище, сынъ бога Вулкана. Онъ былъ исполинскаго тѣлосложенія, пламя излетало изъ его

груди, и вся окресность трепетала отъ его грабежей и убійствъ. Горе ожидало неосмотрительнаго путника, который ступалъ ногою на Авентинскую землю. Мгновенно исполинъ устремлялся изъ засады, влачилъ свою добычу въ пещеру, и тамъ текла кровь его жертвъ. Къ тому же онъ такъ хитро закрывалъ входъ въ свою горную пещеру, что никто не могъ открыть его. Тогда счастливый случай привелъ Геркулеса на возвратномъ пути изъ далекой Гесперіи въ долину Тибра. Гоня передъ собою быковъ, добытыхъ отъ умерщвленнаго великана Геріона, онъ вступилъ на травнистые берега Тибра, и между тѣмъ какъ его быки наслаждались чуднымъ пастбищемъ, герой легъ на берегу, и отягченный усталостью и обильнымъ употребленіемъ вина, уснулъ. Этою минутой воспользовался хищникъ, сошелъ съ горы въ равнину и увлекъ восемь быковъ въ свою пещеру; при этомъ онъ употребилъ хитрость и тащилъ быковъ задомъ наперед за хвостъ, чтобы обмануть искателя лживыми слѣдами копытъ. Геркулесъ, проснувшись, замѣтилъ съ негодованіемъ похищеніе, и послѣ тщетныхъ поисковъ хотѣлъ было въ досадѣ оставить негостепріимную землю, когда мычаніе его стада вызвало отвѣтъ быковъ, заключенныхъ въ пещерѣ, и указало ему ихъ слѣдъ. Въ ярости онъ взбѣжалъ на гору, понялъ проницательнымъ глазомъ хитрость хищника, отвалилъ сильною рукой утесъ, запиравшій пещеру, и послѣ жестокой борьбы умертвилъ чудовище. Въ благодарность за счастливое открытіе онъ воздвигъ великій жертвенникъ, ara maxima, Юпитеру Инвентору, то-есть открывателю, и устроилъ большое жертвенное торжество, къ которому пригласилъ и Эвандра съ его матерью Карментою. Но такъ какъ послѣдняя не явилась, то Геркулесъ постановилъ, чтобы впредь ни одна женщина не могла присутствовать ни при жертвенномъ пиршествѣ, ни при праздникѣ. А чтобы это празднество сохранилось навсегда, онъ поручилъ заботу о немъ двумъ италійскимъ родамъ, Потиціямъ и Пинаріямъ. Но только первые явились во время; Пинаріи пришли, когда жертвенный обѣдъ былъ конченъ: отсюда обычай, что только первые получали мясо отъ жертвъ, а послѣдніе уходили съ пустыми руками.

Не однимъ освобожденіемъ отъ ужаснаго мучителя заслужилъ Геркулесъ благодарность обитателей Палатина: онъ сдѣлался благодѣтелемъ ихъ еще болѣе чрезъ уничтоженіе человѣческихъ жертвоприношеній. Когда Пеласги, изгнанные изъ своихъ жилищъ, въ бѣгствѣ обратились въ Додону, чтобы услышать голосъ бога о новомъ отечествѣ, имъ было дано слѣдующее велѣніе:

Шествуйте, Сикуловъ землю Сатурнію вы обрѣтете
И Аборигиновъ городъ Котилу, гдѣ плаваетъ островъ:
Тамъ поселясь, десятину Дельфійскому богу несите
Фебу, а головы Аду, Сатурну-отцу—человѣка.

Они переплыли въ Италію и нашли за двѣ мили отъ Реаты–Кутиліи бездонное озеро съ пловучими островами и, истребивъ Сикуловъ, начали ежегодно приносить въ жертву людей въ святилищѣ Дита (Ада) и на жертвенникѣ Сатурна. Но Геркулесъ открылъ имъ новое толкованіе оракула и научилъ приносить Диту вмѣсто живыхъ людей глиняныя куклы, а Сатурну свѣчи, ибо двусмысленность оракула позволяла такое толкованіе *).

Другое сказаніе приписывало впрочемъ отмѣну человѣческихъ жертвоприношеній римскому царю Нумѣ, который будто бы съ помощію Фавна и Пика получилъ соизволеніе на то отъ величайшаго бога. Сказаніе повѣствовало такъ: Пикъ съ своимъ сыномъ Фавномъ часто посѣщалъ одну рощу у подошвы Авентина, чтобы отдыхать тамъ въ чащѣ лѣса на краю журчащаго источника. Этимъ воспользовался царь Нума. Онъ желалъ узнать, какими очищеніями можетъ быть отвращена гибель, возвѣщенная павшею молніей. Только Фавнъ и Пикъ были въ состояніи открыть ему, какими чарами можно привлечь на землю высочайшаго бога и принудить къ сообщенію тайны. Ибо только мудрости и силѣ удается проникнуть въ тайны боговъ. Съ этою цѣлію царь отобралъ 22 юношей, не прикасавшихся къ женѣ, роздалъ имъ оковы и узы и скрылъ въ рощѣ вблизи источника, а на самомъ краю источника поставилъ два сосуда съ цѣльнымъ виномъ и медомъ. Привлеченные запахомъ вина, боги не стали утолять жажды, по обыкновенію, ключевою водой, а вкусили отъ обманчиваго дара Нумы, и скоро, утомленные, погрузились въ сонъ. Тогда юноши бросились изъ засады и наложили на боговъ оковы и узы. Проснувшись, Пикъ и Фавнъ принуждены были открыть Нумѣ то, чего онъ требовалъ. Царь тотчасъ же устроилъ на Авентинѣ жертву, привлекъ Юпитера въ свой волшебный кругъ и сталъ вопрошать его о способѣ очищенія. Долго медлилъ богъ и наконецъ проговорилъ неохотно. «Мѣсто, пораженное молніей, ты будешь очищать головою.» «Чеснока?» подсказалъ ему Нума. «Человѣческою», продолжалъ Юпитеръ. «Прядью волосъ?» возразилъ Нума. «Жизнію», провѣщалъ богъ. «Рыбы», прибавилъ поспѣшно Нума. Тогда

---

*) По гречески φῶς значитъ и человѣкъ и свѣтъ.

богъ призналъ себя побѣжденнымъ мудростью царя, далъ согласіе на этотъ способъ очищенія, и принесеніе людей въ жертву прекратилось.

Когда Геркулесъ покинулъ Италію, нѣсколько товарищей его остались въ этой странѣ, или отвергнутые имъ, въ гнѣвѣ за похищеніе быковъ, или оставленные, чтобы охранять нововоздвигнутый жертвенникъ. Они поселились на Сатурновомъ Палатинѣ и основали новый городъ. Но послѣ пробудилось въ нихъ вожделѣніе по родинѣ, и они требовали отъ товарищей, чтобы по крайней мѣрѣ по смерти трупы ихъ были отвезены въ прежнее отечество. Обѣщаніе было дано, но исполненіе показалось обременительнымъ. Стали погребать мертвыхъ, какъ обыкновенно; а чтобы хотя сколько-нибудь удовлетворить ихъ желанію, сплетали изъ осоки человѣческія куклы и бросали ихъ въ Тибръ, дабы волны этой рѣки и моря отнесли ихъ къ берегамъ Греціи. Такимъ образомъ, говорятъ, возникли жертвы Аргеевъ, состоявшія въ ежегодномъ вверженіи въ Тибръ Весталками 23 человѣческихъ куколъ изъ осоки.

Послѣ того какъ Фавнъ оставилъ землю или былъ убитъ Геркулесомъ, обладателемъ страны сдѣлался Латинъ, родившійся отъ Фавна и нимфы Марики или отъ Геркулеса и одной Фавновой дочери. Но мѣстомъ его владычества былъ уже не Яникулъ и не Сатурнія или Палатинъ, а городъ Лаврентъ, лежавшій на берегу моря среди песчаной равнины, нѣсколько ниже впаденія Тибра. Тамъ на одномъ возвышеніи, въ тѣнистой лавровой рощѣ, стоялъ его дворецъ, поддерживаемый цѣлою сотней колоннъ, основанный, по преданію, еще Пикомъ. Латинъ былъ женатъ на Аматѣ и имѣлъ отъ нея дочь Лавинію, которая матерью была предназначена въ жены Турну, сыну Давнову, князю Ардеи, но, по одному древнему предсказанію, должна была выйдти замужъ за жениха-пришельца.

Тогда-то явился у устья Тибра на 20-ти корабляхъ Эней съ бѣглецами троянскими и послалъ къ царю Латину посольство съ просьбою о гостепріимствѣ. Царь тотчасъ узнаетъ въ немъ давно предвозвѣщеннаго пришельца, уступаетъ ему 700 югеровъ (осьминниковъ) земли и обѣщаетъ свою дочь въ супруги, но Турнъ, въ соединеніи съ могущественнымъ этрусскимъ княземъ Мезенціемъ, возстаетъ противъ этого рѣшенія. Воспламеняется кровопролитная война, въ которой Эвандръ и мятежные Этруски помогаютъ Энею. Эней умерщвляетъ Турна въ поединкѣ и пріобрѣтаетъ вмѣстѣ съ невѣстой участіе въ царствѣ. Въ честь супруги онъ строитъ городъ Лавиній на мѣстѣ, которое указалъ

ему оракулъ, но вскорѣ падаетъ въ битвѣ съ Мезенціемъ, тонетъ въ священной рѣкѣ Нумиціи и получаетъ отъ народа поклоненіе, какъ отецъ и мѣстный богъ страны. Латинъ нашелъ смерть еще въ первой битвѣ съ Мезенціемъ, любовь народная сдѣлала его также богомъ защитникомъ подъ именемъ Юпитера Лаціара. Черезъ 30 лѣтъ по основаніи Лавинія царство перенесено на хребетъ Албанской горы, и тамъ на берегу озера основана Альба-Лонга, въ которой царствовалъ родъ Сильвіевъ, происходившій отъ Энея и Лавиніи, тотъ царственный родъ, отъ котораго произошли Ромулъ и Ремъ.

Таковы древнѣйшія сказанія племени Латиновъ по реставраціи, сдѣланной Герлахомъ. Мы уже замѣтили, что относительно древнѣйшей миѳологіи изслѣдователю представляются двѣ задачи: во 1-хъ, возстановить народный миѳъ, сколько можно, въ его подлинной формѣ, и во 2-хъ объяснить возстановленный миѳъ. Относительно перваго пункта о трудѣ Герлаха нельзя не замѣтить, что этотъ ученый иногда не довольно разборчиво черпаетъ изъ источниковъ разныхъ временъ. Италійская миѳологія представляетъ особенную трудность тѣмъ, что въ Италіи не было, какъ мы видѣли, эпической поэзіи, и не было слѣдовательно поэтовъ, которые сдѣлали бы для италійской миѳологіи то, что̀ сдѣлано для греческой Гомеромъ и Гесіодомъ. Свѣдѣнія объ италійской миѳологіи мы принуждены заимствовать у писателей разновременныхъ, а это приводитъ иногда въ большое затрудненіе, ибо нѣтъ ни одного подлиннаго изложенія миѳологіи, относящагося къ времени сколько-нибудь древнему, и изслѣдователь не знаетъ, что̀ отвергать въ позднѣйшихъ писателяхъ, какъ ихъ прибавленіе, и что̀ считать за народное сказаніе. Здѣсь единственное средство удержаться сколько-нибудь на вѣрномъ пути заключается въ знакомствѣ съ личнымъ воззрѣніемъ того автора, изъ котораго мы черпаемъ. Такъ напр. извѣстно, что многіе ученые Рима придерживались въ своихъ понятіяхъ о миѳологіи ученія Эвгемера (см. выше стр. 40); имѣя это въ виду и находя у такихъ писателей перенесеніе на миѳологію характера человѣческой исторіи, мы въ правѣ заключить, что черты, относящіяся къ этому направленію, скорѣе внесены писателемъ въ сказаніе, нежели заимствованы изъ народнаго вѣрованія. Таковы именно въ реставраціи Герлаха эвгемеристическія сказанія о царствованіи Януса и прибытіи Сатурна; онъ заимствовалъ ихъ у Макробія и Юстина, между тѣмъ какъ у другихъ писателей древности эти сказанія имѣютъ болѣе миѳологическій характеръ. Сравните напримѣръ

съ приведеннымъ выше мѣстомъ Герлаха о Сатурнѣ слѣдующее мѣсто Виргилія, которое также приведено Герлахомъ, но въ примѣчаніи, тогда какъ текстъ составленъ на основаніи Макробія и Юстина; это мѣсто Виргилія находится въ Энеидѣ, VIII, 314—325:

Въ древнихъ лѣсахъ тѣхъ блуждали туземные фавны и нимфы
И происшедшіе люди изъ пней и изъ твердаго дуба.
Не было права у нихъ, ни обрядовъ; они не умѣли
Игомъ быковъ сопрягать и, не зная имущества, жили,
Не собирая богатствъ; отъ деревъ и охоты питались.
Первый съ Олимпа эѳирнаго прибылъ Сатурнъ, избѣгая
Молній Юпитера, царскаго мѣста лишившись, изгнанникъ.
Онъ во едино собралъ по горамъ живущее племя;
Дикимъ законы имъ далъ и странѣ ихъ — Лаціумъ имя,
Въ память того, что ему она стала убѣжищемъ вѣрнымъ *).
Вѣкъ золотой, всѣми славимый, былъ его царства счастливый
Вѣкъ: ему въ мирѣ блаженные повиновались народы.

Далѣе надобно замѣтить, что въ самомъ народномъ вѣрованіи господствовали большія разногласія относительно нѣкоторыхъ пунктовъ сказанія. Такъ напр. не одна Канента считалась Пиковой женой (см. Овидія Met. XIV, 320), но (по Сервію ad Virg. Aen. VII, 189) и Помона, богиня садовъ. Ежели первое соединеніе существеннѣе, потому что болѣе соотвѣтствуетъ натурѣ бога, то и второе однакожь безо всякаго сомнѣнія не вымышлено Сервіемъ. Фавнъ считался сыномъ Пика, но въ то же время и Марса; Эвандръ, по главному сказанію, прибылъ, въ Италію, когда Фавнъ господствовалъ, а по другому сказанію, самое поклоненіе Фавну было принесено Эвандромъ изъ Аркадіи (Ov. Fast. V, 99). Здѣсь существенна только связь героя Эвандра съ богомъ Фавномъ; все остальное произвольно и шатко. Чтобы привести еще третій примѣръ, Латинъ, по главному сказанію, сынъ Фавна и нимфы Марики, или сынъ Геркулеса и одной дочери Фавна, а между тѣмъ Гесіодъ называлъ его сыномъ Улисса и Кирки (Serv. ad Aen. XII, 104 Theog. 1011 — 14); при этомъ Кирка одно и то же, что Марика, но мѣсто Фавна или Геркулеса заступаетъ Уликсъ.

Эти замѣчанія, основанныя впрочемъ на мѣстахъ, Герлахомъ же приведенныхъ, мы считали нужнымъ сдѣлать относительно реставраціи сказанія. Вслѣдъ за изложеніемъ возстановленныхъ миѳовъ Герлахъ переходитъ къ ихъ объясненію. Онъ начинаетъ съ

---

*) Latium, — по мнѣнію древнихъ, а latendo.

перваго бога — съ Януса, и объясняетъ его существо нѣсколько удовлетворительнѣе, нежели другіе ученые, хотя впрочемъ и его объясненіемъ нельзя удовольствоваться, послѣ того какъ Шеллингъ помѣстилъ въ Запискахъ берлинской академіи наукъ, за 1847 годъ, подробный мемуаръ объ этомъ богѣ, оставшійся, что̀ довольно странно, неизвѣстнымъ Герлаху. Мы не станемъ входить въ подробныя разсужденія объ этомъ замѣчательномъ богѣ, которому Греція не имѣла соотвѣтственнаго: это завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Мы только замѣтимъ, что этотъ богъ, стоявшій въ началѣ римской миѳологіи и римскихъ молитвъ, не можетъ однакожь быть признанъ за самаго древняго бога, потому что сравнительное изученіе миѳологіи заставляетъ отдать первое по времени мѣсто между богами всѣхъ народовъ — богу неба, греческому Урану и латинскому Целусу *). За замѣчаніями о Янусѣ у Герлаха слѣдуютъ замѣчанія о Сатурнѣ, о которыхъ мы будемъ имѣть случай говорить подробнѣе ниже, потомъ весьма краткія замѣтки о Пикѣ и Фавнѣ, представителяхъ, по мнѣнію Герлаха, туземнаго элемента въ противоположность Сатурну, Эвандру, Геркулесу и Энею, представлявшимся народному мнѣнію пришельцами изъ Греціи. Нельзя не сказать, что эти замѣтки крайне недостаточны, но ими ограничиваются авторы «Исторіи Римлянъ», чтобы перейдти потомъ къ другимъ отдѣламъ своей книги, гораздо болѣе полнымъ.

Съ представленіями объ исторіи боговъ обыкновенно сливаются въ миѳологіяхъ представленія объ исторіи народа. Вотъ что̀ сказано объ этомъ въ разбираемой нами «Исторіи Римлянъ» (стр. 89): «Всякому, конечно, очевидно, что въ сказаніяхъ заключа́ется не только древнѣйшее вѣрованіе народа, но и его представленія о своемъ состояніи въ раннія времена. Такъ въ латинскомъ сказаніи ясно выражена главная мысль, что страна достигла устроеннаго состоянія съ помощію пришельцевъ изъ чужбины. Это представленіе повторяется въ сказаніи о Сатурнѣ, Эвандрѣ, Геркулесѣ и Энеѣ. Всѣ они являются основателями болѣе мягкихъ обычаевъ, изобрѣтателями искусствъ, устроителями государственной жизни и образователями народа. При этомъ, конечно, нельзя думать объ опредѣленіи времени, хотя позднѣйшіе писатели и это пытались сдѣлать и для всякаго подобнаго сказанія искали точекъ

---

*) Весьма замѣчательно, что въ Этруріи, по Варрону, Янусъ отождествлялся съ Ураномъ, т. е. вѣроятно, мѣсто латинскаго Януса, первое въ ѳеогоніи, занималъ богъ неба. См. Лаврентія Лида περὶ μηνῶν IV, 2.

опоры въ современныхъ событіяхъ Греціи ; но даже и это направленіе показываетъ глубокое чувство связи съ Греціей, проходящее по всей римской исторіи и литературѣ.» Съ этими словами долженъ согласиться всякій, кто взглянетъ прямыми глазами на латинскую миѳологію ; мы замѣтимъ, что въ нихъ находится подтвержденіе высказаннаго нами выше (стр. 104) положенія о зависимости всей исторіи италійскихъ племенъ отъ великаго кризиса, пройденнаго греческимъ народомъ въ доисторическую эпоху : Латины дѣйствительно обязаны Грекамъ явившимся у нихъ, такъ или иначе, лучшимъ образомъ жизни ; они пожинали плоды, возросшіе на греческой почвѣ. Отсюда это чувство зависимости отъ Греціи, которое сказалось во множествѣ миѳовъ о древнихъ переселеніяхъ изъ Греціи мудрыхъ наставителей латинскаго народа. Этими миѳами обозначено существенное отношеніе Италіи къ Греціи, и они остаются въ своей силѣ, хотя имъ и нельзя давать въ строгомъ смыслѣ значенія историческихъ свидѣтельствъ.

Вслѣдъ за приведеннымъ мѣстомъ «Исторія Римлянъ» продолжаетъ: «Что боги введены въ временныя отношенія и изображены властителями страны, это основано на существѣ воззрѣній ранней эпохи, которое при всѣхъ чрезвычайныхъ событіяхъ представляло себѣ боговъ и людей такъ мало раздѣленными, что одни необходимо предполагаютъ другихъ, и ни люди не могутъ быть мыслимы дѣйствующими безъ боговъ, ни боги безъ людей. Такой образъ воззрѣнія отнюдь не должно смѣшивать съ позднѣшимъ эвгемеризмомъ, который видитъ въ богахъ простыхъ людей, нѣкогда жившихъ на землѣ. То первоначальное воззрѣніе есть живое выраженіе дѣтскаго отношенія къ богамъ, видящаго во всемъ великомъ и значительномъ дѣло божественной силы, чувствующаго божественную жизнь въ природѣ и понимающаго всякое возвышеніе человѣческаго могущества, какъ слѣдствіе божественной помощи.» Вполнѣ соглашаясь съ этими словами относительно миѳологическаго воззрѣнія на міръ вообще, мы не можемъ однакожь не замѣтить, что въ латинскомъ сказаніи, особенно такъ, какъ оно изложено Герлахомъ, нельзя отрицать нѣкоторой близости съ эвгемеризмомъ. Очень вѣроятно, что этотъ элементъ былъ сильно введенъ въ латинскіе миѳы позднѣйшими поэтами и толкователями; извѣстно, что одинъ изъ первыхъ по времени латинскихъ поэтовъ, Энній, былъ приверженцемъ эвгемеризма и даже перевелъ на латинскій языкъ Эвгемерову Historia sacra; это заставило насъ выше (стр. 118) высказать нѣсколько сомнѣній о правильности Герлаховой реставраціи латинскихъ миѳовъ: но несмотря на это, стóитъ только припо-

мнить себѣ возвышенные и колоссальные образы греческой ѳеогоніи и сравнить ихъ съ латинскими, чтобы замѣтить огромное различіе между тѣми и другими и придти къ убѣжденію, что въ латинской миѳологіи видно значительное пониженіе тона, значительное ниспаденіе боговъ съ высоты Олимпа въ среду болѣе близкую къ низменной землѣ.

Вспомните эти могущественные образы бога Урана, въ любовномъ вожделѣніи облегающаго богиню Гею (небо и земля), которая все раждаемое ею принуждена до времени скрывать въ своемъ лонѣ, и этой богини Геи, которая стонетъ отъ преполненія и научаетъ своего сына Кроноса злымъ обманомъ отмстить Урану, замыслившему нечестивое угнетеніе будущаго; вспомните возвышенные миѳы о томъ, какъ новая богиня, Рея, подъ игомъ Кроноса, уже побѣдителя, рождаетъ ему свѣтлыхъ дѣтей, Гестію, Деметру, Геру, могучаго Ада, бурнаго Посидона и мудраго Зевса, которыхъ однакожь, какъ только они выходятъ изъ священнаго чрева матери, проглатываетъ великій Кроносъ, существо еще болѣе завистливое и претительное, нежели Уранъ; какъ Реѣ, одержимой невыносимымъ страданіемъ, удается наконецъ обнуть Кроноса, подобно тому какъ Гея и Кроносъ обманули Урана, и какъ Зевсъ, оставшійся непоглощеннымъ, растетъ силой и свѣтлыми членами, побѣждаетъ своего великаго криводумнаго отца и принуждаетъ его выпустить изъ себя все потомство, всѣхъ этихъ свѣтлыхъ боговъ греческаго Олимпа. Тогда Кроносъ и Титаны съ одной стороны, Зевсъ, Олимпійцы и помогающіе имъ Сторукіе съ другой, начали ужасную борьбу боговъ, знаменитую титаномахію. Страшно, говоритъ Гесіодова Ѳеогонія, отзывалось кругомъ безпредѣльное море; земля сильно гудѣла; стонало широкое небо, потрясаемое; въ корняхъ колебался великій Олимпъ подъ стопами безсмертныхъ, и до мрачнаго тартара дошелъ тяжелый гулъ, глухіе звуки отъ ногъ, отъ несказанныхъ воинскихъ криковъ и отъ сильнаго метанья горькихъ стрѣлъ. Зевсъ явилъ всю свою силу: постоянно ходилъ онъ и бросалъ молнію, въ одно время и съ неба и съ высокаго Олимпа, сожигаемая священнымъ пламенемъ, кипѣла вся кормилица земля, и Океановы волны, и безплодное море; пламя доходило до эѳира, и самый хаосъ былъ объятъ пожаромъ. Тогда Сторукіе изъ плотныхъ своихъ рукъ триста камней разомъ бросили густою тучею и помрачили Титановъ стрѣлами и повергли ихъ въ бездну тартара. Вмѣстѣ съ ними былъ тогда низвергнутъ и Кроносъ. Зевсъ и Олимпійцы одержали великую побѣду. Страшная борьба боговъ кончилась; миръ и свѣтлая ве-

сѣлая жизнь водворилась на землѣ подъ владычествомъ Зевса, мудраго мыслителя.

Этой величественной исторіи боговъ что̀ есть подобнаго въ латинской миѳологіи? гдѣ эти громадные образы, гдѣ эта трудность борьбы и слава побѣды? Ничего этого мы не видимъ. Дѣло происходитъ на землѣ, въ размѣрахъ скорѣе обыкновенныхъ, нежели необычайныхъ; въ цѣломъ есть что-то прозаическое, недостатокъ торжественности и величія. Освободите реставрацію, сдѣланную Герлахомъ, отъ эвгемеристическихъ мѣстъ, взятыхъ изъ Макробія и Юстина, и все-таки въ ней останется много такого, что̀ будетъ показывать неоспоримое нисхожденіе миѳологіи съ вершины греческаго Олимпа въ обрабатываемую людьми равнину Лаціума, богатую холмами, но лишенную высокой и божественной Олимпійской горы.

Но если мы возьмемъ во вниманіе неоспоримую близость Латинскаго племени къ Греческому, обнаружившуюся во всей исторіи, если мы возьмемъ во вниманіе его доказанную на дѣлѣ способность къ государственной жизни и къ свободному ясному взгляду на міръ и на отношенія къ нему человѣка, намъ нельзя будетъ не сдѣлать предположенія, что Латинское племя прошло тѣ же степени до историческаго развитія, какъ и Греческое, и что ежели его миѳологія рѣзко отличается отъ греческой, такъ это происходитъ только отъ различія въ *образѣ прохожденія*. Латины и Греки прошли неоспоримо тѣ же самыя степени, только прошли ихъ, каждые, иначе: для Грековъ новая жизнь была плодомъ тяжелой, усильной борьбы; для Латиновъ она пришла сама собою, безъ особеннаго труда съ ихъ стороны, какъ плодъ всеобщей, а не ихъ племенной исторіи.

Такимъ различіемъ миѳическаго времени Италіи отъ миѳическаго времени Греціи мы старались выше объяснить отсутствіе въ Италіи эпической поэзіи, представляющей что-нибудь хотя отдаленно похожее на гомерическій эпосъ. Интересно посмотрѣть, въ какой формѣ это различіе выразилось въ самой миѳологіи. Если смѣна фазъ миѳологическаго процесса была въ Италіи, какъ мы предполагаемъ, не дѣломъ борьбы и страданій, а имѣла видъ дара, безмездно принесеннаго временемъ, то первымъ слѣдствіемъ такого характера исторіи должно быть совершенное различіе въ значеніи и силѣ переходныхъ эпохъ, обозначенныхъ въ миѳологіи преемствомъ миѳологическихъ существъ. Переходъ отъ одного бога къ другому не можетъ уже имѣть характера ожесточенной борьбы; онъ долженъ совершаться какъ-нибудь иначе. Это выводъ есте-

ственный, и онъ долженъ быть подтвержденъ дѣйствительностью, если только вѣрно то предположеніе, изъ котораго онъ выведенъ. Но съ другой стороны его согласіе съ фактами возвышаетъ достоинство гипотезы. Латинская миѳологія представляетъ намъ замѣчательнѣйшее явленіе въ этомъ отношеніи. Между тѣмъ какъ въ Греціи старые боги побѣждаются, низвергаются въ тартаръ, лишаются средствъ проявлять свою силу, въ латинской миѳологіи старые боги — исчезаютъ. Приходитъ время и приходитъ само собою, — и люди перестаютъ замѣчать бога, еще недавно ощущаемаго; онъ самъ собою скрывается и изъ дѣйствительности становится воспоминаніемъ; что̀ его удалило отъ взоровъ людей, это остается не перечувствованнымъ и неизвѣстнымъ. Исчезаніе, невидимое отхожденіе на небо есть самый обыкновенный образъ удаленія боговъ и существъ полубожественнаго характера. Такъ исчезаютъ Сатурнъ, Теберинъ, Акка Ларенція, Ромулъ и мн. др. Черта, по нашему мнѣнію, чрезвычайне замѣчательная и чрезвычайно характеристическая. Мы не можемъ не замѣтить, что изъ нея можно объяснить и римскій консерватизмъ, какъ важную особенность римскаго народнаго характера: издавна предки Римскаго народа имѣли болѣе случая привыкать къ сохраненію старины, нежели къ борьбѣ съ нею; новое приходило къ нимъ само собою.

Но старый, ревнивый богъ-поработитель, Баалъ-Кроносъ-Сатурнъ, не только исчезъ самъ собою для латинскаго сознанія, — онъ испыталъ еще на себѣ важныя измѣненія, которыя также имѣли видъ добровольныхъ уступокъ. Въ латинской миѳологіи нѣтъ сказаній о борьбѣ новыхъ боговъ съ Сатурномъ; онъ не претерпѣлъ ни отъ кого насилія, не былъ никѣмъ побѣжденъ. Ежели мы видимъ въ латинской религіи, что онъ смягчился и совершенно перемѣнилъ свой гнѣвный, враждебный человѣку нравъ, это было слѣдствіемъ одного теченія дѣлъ и хода времени. Незамѣтно, также незамѣтно, какъ онъ исчезъ, онъ и измѣнялся, и въ народномъ воспоминаніи почти совершенно утратились черты грознаго бога, а остались только черты мягкаго, милостиваго, благодѣтельнаго сущнства.

Эти замѣчанія приводятъ къ разсмотрѣнію того, что̀ сказано о существѣ Сатурна у Герлаха и Бахофена. Чтобы перейдти къ нимъ, мы повторимъ еще разъ, что общее убѣжденіе всей древности отождествляло Сатурна съ Кроносомъ и черезъ него съ Бааломъ. Это убѣжденіе заслуживаетъ бо́льшаго вниманія, потому что въ такомъ важномъ предметѣ, какъ отождествленіе двухъ

явленій древняго величайшаго бога, общее мнѣніе древности едва ли могло впасть въ ошибку. Но тѣмъ не менѣе новѣйшіе ученые, и болѣе всѣхъ Гартунгъ, считали себя въ правѣ совершенно отрицать тождество Сатурна и Кроноса. Герлахъ, который обыкновенно очень остороженъ относительно народныхъ убѣжденій древности и по большей части наклоненъ брать ихъ сторону противъ произвола новыхъ ученыхъ, въ этомъ случаѣ нѣсколько отступаетъ отъ своего всегдашняго правила и прибѣгаетъ къ весьма искусственному средству, чтобы удержать параллель между Сатурномъ и Кроносомъ. Мы уже нѣсколько разъ имѣли случай говорить, что Кронос изображается у Грековъ, какъ дикій и жестокосердый, *криводумный* богъ, угнетающій и пожирающій людей и боговъ, но побѣжденный и низвергнутый съ небеснаго престола въ тартаръ сыномъ, имѣвшимъ иные помыслы и водворившимъ лучшую жизнь на Олимпѣ и на землѣ. Но также извѣстно, что у Грековъ было и другое представленіе о Кроносѣ, какъ о милостивомъ властителѣ на островахъ блаженныхъ, какъ о богѣ правдивомъ золотаго времени. Это противорѣчіе принадлежитъ къ самымъ важнымъ фактамъ въ миѳологіи и требуетъ объясненія, согласнаго не только съ фактическими данными, относящимися къ миѳологіи и религіи Кроноса, но и со всѣмъ развитіемъ какъ греческой, такъ и остальныхъ языческихъ религій. Кронос былъ прежде Зевса первымъ и главнымъ богомъ; поэтому противорѣчіе въ воспоминаніяхъ о немъ не можетъ быть объяснено случайнымъ различіемъ мѣстныхъ сказаній. Но именно этотъ путь избираетъ, къ сожалѣнію, Герлахъ, чтобы объяснить двѣ противоположныя стороны въ греческихъ представленіяхъ о Кроносѣ. По его мнѣнію, жестокосердіе внесено въ представленіе о Кроносѣ изъ мѣстныхъ сказаній острова Крита, а древнимъ и первоначальнымъ характеромъ этого бога была милостивость и правдивость, и это-то древнее греческое представленіе находитъ онъ въ латинскомъ сказаніи. Этимъ онъ объясняетъ всѣ черты латинскаго представленія о Сатурнѣ. Дѣйствительно, для Латиновъ и Римлянъ Сатурнъ былъ существо дружественное, принесшее людямъ счастіе и блаженство, научившее ихъ земледѣлію и мирному образу жизни. Въ его храмѣ и подъ его защитой хранились государственная казна и таблицы законовъ; его кумиръ былъ внутри наполненъ масломъ. Онъ считался супругомъ богини Опсы, подательницы всякаго плодородія. Ему праздновались Сатурналіи, это воспоминаніе древней простоты и невинности, сопровождаемыя радостными кликами: io Sa-

turnalia! io bona Saturnalia! Но на ряду съ этими представленіями сохранились и въ Италіи нѣкоторыя черты, показывающія въ Сатурнѣ греческаго грознаго бога. Не говоря уже о серпѣ, составлявшемъ аттрибутъ Сатурна, общій ему съ Кроносомъ, и указывавшемъ на побѣду Кроноса надъ Ураномъ, сюда относится латинское воспоминаніе, что нѣкогда Сатурну приносились человѣческія жертвы. Ихъ учредилъ еще Фавнъ (по Лактанцію 1, 24, 9); ихъ требовалъ отъ Пеласговъ приведенный выше оракулъ (стр. 116); отъ нихъ освобождаютъ Латиновъ и Римлянъ Геркулесъ и Нума (см. тамъ же). Все это убѣждаетъ, что въ ихъ существованіи нельзя сомнѣваться. Далѣе сюда же относится извѣстіе, что ноги Сатурнова идола были обвиты шерстяными узами, извѣстіе, напоминающее финикійскій обычай налагать узы на кумиры боговъ, чтобы тѣмъ означить ихъ связанное, несвободное состояніе. Шерстяныя узы были снимаемы съ ногъ Сатурна во время праздника въ честь этого бога, и это уже совершенно достаточно показываетъ смыслъ этого обычая: онъ основанъ на представленіи страшнаго и враждебнаго, все пожирающаго бога, ничему не дающаго свободы. Что и другіе боги, можетъ-быть, носили такія же узы (Hartung II, 126), это ничего не доказываетъ противъ высказаннаго мнѣнія, потому что и въ Финикіи былъ обычай сковывать всѣхъ боговъ, а не одного Баала. Наконецъ сюда же относится несомнѣнная связь Сатурна съ Адомъ и душами умершихъ: во многихъ обрядахъ онъ являлся въ качествѣ бога преисподней, и этого нельзя объяснить вмѣстѣ съ Геракомъ значеніемъ подателя плодовъ, ибо податель плодовъ не имѣлъ бы никакого отношенія къ духамъ умершихъ и къ Ларамъ, еслибы не былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и существомъ, властвующимъ въ преисподней. А мы знаемъ, что съ праздникомъ сатурналій находились въ связи компиталіи, совершавшіяся въ честь Ларовъ и сопровождавшіяся приношеніемъ куколъ въ замѣнъ человѣческихъ жертвъ (см. Hartung I, 62, 63).

Итакъ, нѣтъ надобности ни разбивать греческаго Кроноса на два существа, одно грозное, критское, другое милостивое, общегреческое, ни придавать латинскому Сатурну одно только значеніе благодѣтельнаго бога. Напротивъ, надобно предполагать, что Сатурнъ, первоначально тождественный не только съ Кроносомъ, но и съ Бааломъ, потомъ, вслѣдствіе особеннаго хода религіознаго развитія у Латиновъ, принялъ на себя начало новаго времени и совершенно преобразился. Съ этимъ согласно, что поклоненіе Сатурну сохранило въ Римѣ гораздо большее значеніе

нежели поклоненіе Кроносу въ Греціи; согласно и то, что Сатурнъ въ Римѣ получилъ много свойствъ, составлявшихъ въ Греціи принадлежность Діониса, бога мистерій. Діонисъ былъ послѣдній изъ боговъ миѳологическаго процесса и, какъ цѣль процесса, былъ главнымъ выразителемъ того новаго начала, которое, какъ мы сказали, принялъ на себя Сатурнъ. Поэтому-то неудивительно, что римскій Сатурнъ приближается къ нему своимъ характеромъ и носитъ, какъ онъ, имя Vitisator. Къ этому же значенію Сатурна слѣдуетъ, кажется, отнести обрядъ совершать ему жертву съ непокрытою головой, обрядъ употребительный у Римлянъ еще только въ служеніи Геркулесу*). Эту мысль внушаетъ намъ то обстоятельство, что Геркулесъ есть также благодѣтельное, спасительное существо, не только въ Греціи и Италіи, но и въ Ханаанѣ, гдѣ онъ носитъ имя Мелькарта. Сатурнъ, ставши въ позднѣйшихъ представленіяхъ наставникомъ народа на пути къ лучшей жизни, сблизился черезъ это и съ Геркулесомъ, и отсюда могло произойдти введеніе упомянутаго обряда въ поклоненіе этимъ двумъ существамъ, первоначально не только различнымъ, но и противоположнымъ.

Мы ограничимся этими общими указаніями на главный характеръ латинской миѳологіи и только приведемъ въ заключеніе весьма замѣчательное мѣсто Діонисія Галикарнасскаго изъ 2-й книги его «Римскихъ Древностей», гдѣ онъ, говоря о Ромулѣ и приписывая ему, согласно своему взгляду, изобрѣтеніе большей части римскихъ религіозныхъ обрядовъ и миѳовъ, слѣдующимъ образомъ хвалитъ его: «Обряды, священныя мѣста, жертвенники, посвященія кумировъ и ихъ образы, символы, силы и дары, которыми они облагодѣтельствовали родъ человѣческій, праздники, которые слѣдуетъ совершать каждому изъ боговъ или демоновъ, и жертвы, которыми имъ пріятно быть чествуемымъ отъ людей, а равно и священныя перемирія, всенародныя сходбища, отдыхъ отъ трудовъ и все сюда относящееся онъ устроилъ согласно съ лучшими обычаями Гелленовъ: но передаваемые у нихъ мѳы, въ которыхъ есть хулы на боговъ и обвиненія, считая ихъ дурными, безполезными и неприличными, и недостойными не только боговъ, но и людей хорошихъ, устранилъ всѣ и постановилъ, чтобы люди только лучшее говорили и думали о богахъ и не приписывали имъ никакого дѣла, недостойнаго ихъ блаженной природы. Поэтому у Римлянъ нѣтъ сказаній ни о низверженіи Урана

*) См. Hartung Religion der Römer. II, 21 и 126.

мужеской силы отъ собственныхъ дѣтей, ни о пожираніи Кроносомъ своего потомства изъ опасенія козней противъ себя, ни о ниспроверженіи Зевсомъ Кроносова владычества и о заключеніи имъ собственнаго отца въ темницѣ тартара; нѣтъ у нихъ сказаній ни о войнахъ боговъ, ни о ранахъ, или оковахъ, или рабствѣ боговъ у людей; у нихъ не совершается ни одного праздненства въ черномъ одѣяніи и съ плачемъ, съ ударами въ грудь и жалобными пѣснями женщинъ о погибающихъ богахъ, какъ у Грековъ о похищеніи Персефоны и страданіяхъ Діониса и другихъ подобныхъ событіяхъ; никто у нихъ не увидитъ, даже и при теперешней порчѣ нравовъ, ни богослужебнаго изступленія, ни корибантскаго безумія, ни нищенскаго скитальничества въ честь Великой Матери, ни тайныхъ вакханалій и мистическихъ совершеній, ни всенощнаго пребыванія въ храмахъ мущинъ съ женщинами и никакихъ другихъ подобныхъ этимъ уклоненій отъ трезвой жизни: но все говорится и дѣлается относительно боговъ съ такою осмотрительностью, какой мы не находимъ ни у Гелленовъ, ни у варваровъ.»

Діонисій Галикарнасскій жилъ во время Августа и былъ болѣе замѣчательный риторъ, нежели историкъ съ особымъ призваніемъ къ дѣлу исторіи и здраво его понимающій. Въ его время восторженная сторона греческой религіи уже была искажена и подавала поводъ къ необузданному сладострастію и другимъ нарушеніямъ нравственнаго закона. Отсюда этотъ неодобрительный отзывъ о греческой религіи и греческихъ миѳахъ и предпочтеніе имъ того, что Діонисій нашелъ въ Римѣ. Мы не можемъ стать въ этомъ дѣлѣ на его сторону; мы не произнесемъ вмѣстѣ съ нимъ, судя по позднѣйшимъ искаженіямъ, обвинительнаго приговора надъ греческою религіей и миѳологіей и не отдадимъ перевѣса передъ ея трагизмомъ и восторженностью разсудительному хладнокровію Римлянъ, не знавшихъ въ религіи ни глубокихъ страданій, ни высокаго энтузіазма. Но въ то же время мы не можемъ не признать этого мѣста Діонисія за драгоцѣнное свидѣтельство самой древности о рѣзкой противоположности родственныхъ между собою по содержанію религій Греціи и Рима, и притомъ о противоположности именно такой, какая оказывается необходимымъ слѣдствіемъ указаннаго нами значенія Рима въ миѳологическомъ процессѣ.

Весь характеръ до-историческаго времени Италіи, свободнаго отъ потрясающихъ религіозныхъ переворотовъ, но зато и лишеннаго наслажденій и радостей, приносимыхъ счастливымъ окон-

чаніемъ трудной борьбы, весь характеръ миѳической Италіи сдѣлалъ невозможнымъ процвѣтаніе тамъ эпической поэзіи. Поэтому все, что̀ мы знаемъ объ этой эпохѣ италійской исторіи, заключается почти въ однихъ миѳахъ. Отсутствіе эпопей, подобныхъ гомерическимъ, оставляетъ насъ безъ свѣдѣній о бытѣ времени, непосредственно предшествовавшаго времени историческому. Мы не можемъ составить себѣ такой удовлетворительной картины этого времени, какъ та, которую представилъ Гротъ въ 20-й главѣ своего сочиненія относительно греческаго героическаго быта. Впрочемъ въ Италіи и не могло быть героической эпохи, которая бы рѣзко отличалась отъ предшествующихъ и послѣдовавшихъ. Тамъ все шло постепенно: рѣзко выдающихся явленій не было; героизму, такъ тѣсно связанному съ эпическою поэзіей, вовсе не было мѣста.

Зато ранняя трезвость Италиковъ, неодаренныхъ пылкою фантазіей Греческаго племени, могла чище сохранить преданія о внѣшнихъ событіяхъ до-историческаго времени своей страны, — и здѣсь-то мы должны отдать честь и справедливость новому, болѣе положительному и болѣе довѣрчивому къ сказаніямъ направленію, вводимому въ науку разбираемою нами «Исторіей Римлянъ», хотя мы и ограждаемъ себя отъ нѣкоторыхъ полемическихъ увлеченій этого достойнаго и почтеннаго произведенія.

Мы не желаемъ въ этой статьѣ вдаваться въ подробности относительно внѣшнихъ событій миѳическаго времени, и поэтому будемъ здѣсь весьма кратки. Начнемъ съ замѣчанія, что какъ въ Греціи однимъ изъ главныхъ отличій героическаго времени было построеніе городовъ, этихъ центровъ будущаго гражданственнаго развитія, такъ и въ Италіи на первомъ планѣ между памятниками до-исторической эпохи, весьма бѣдными при отсутствіи эпической поэзіи, стоятъ города съ ихъ громадными, переживающими тысячелѣтія стѣнами. Ни въ одной исторіи Рима не обращено такого тщательнаго вниманія на этотъ разрядъ молчаливыхъ, но самыхъ подлинныхъ и неотразимыхъ историческихъ свидѣтельствъ, какъ въ сочиненіи Герлаха и Бахофена. Здѣсь всѣ города, происходящіе изъ до-историческаго времени, раздѣлены на двѣ категоріи, изъ которыхъ одну авторы называютъ киклопическою, вторую — пеласгическою. Къ первой относятся стѣны, сооруженныя изъ многоугольныхъ необсѣченныхъ и неслаженныхъ между собою громадныхъ камней, такъ что оставшіеся промежутки наполнены мелкими камешками. Во вторую входятъ стѣны, сложенныя изъ столько же громадныхъ и многоугольныхъ утесовъ, но при

посредствѣ искусства обтесывать и пригонять камни одинъ къ другому [1]). Замѣчательно, что одинъ изъ весьма немногихъ остатковъ киклопическихъ стѣнъ еще теперь носитъ имя древнѣйшихъ обитателей Лаціума, Сикуловъ. Этотъ городокъ съ киклопическими стѣнами называется Сичиліано и лежитъ въ горахъ на ЮВ. отъ Тибура (Тиволи). Это даетъ Герлаху поводъ приписать киклопическія сооруженія Сикуламъ. Онъ подтверждаетъ кромѣ того извѣстіе Діонисія о древнемъ сикульскомъ населеніи средней Италіи нѣкоторыми лингвистическими данными [2]). Это двойное подтвержденіе такъ убѣдительно, что нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ основательности Діонисіева свидѣтельства. По Діонисію, Сикулы были отчасти изгнаны, отчасти покорены соединенными силами туземныхъ горныхъ жителей, такъ-называемыхъ Аборигиновъ, съ прибывшими изъ Греціи Пеласгами. Нибуръ отвергалъ эту часть извѣстія Діонисія и полагалъ, что Сикулы, Аборигины и Пеласги одинъ и тотъ же народъ, родственный Греческому, и что враги, вытѣснившіе ихъ, были италійскіе горцы, носившіе имя Присковъ, Касковъ или Сакрановъ и родственные Опикамъ. По его мнѣнію, Пеласгическое полугреческое племя, обитавшее на поморьѣ Лаціума, было покорено и вытѣснено горнымъ туземнымъ племенемъ, не имѣвшимъ никакого сродства съ Греческимъ народомъ. Изъ сліянія этихъ двухъ національныхъ элементовъ, пеласгическаго и италійскаго, произошло, какъ полагалъ Нибуръ, племя Латиновъ, въ языкѣ котораго онъ видѣлъ смѣсь двухъ различныхъ языковъ, и объяснялъ это явленіе подобнымъ же смѣшеніемъ саксонскаго и норманскаго элемента въ теперешнемъ англійскомъ языкѣ. Слова, означающія воинственныя

---

[1]) Сочиненія о киклопическихъ и пеласгическихъ стѣнахъ: Martelli Storia dei Siculi. Aquila. 1830. Bunsen antichi stabilimenti italici въ Annali dell' Istituto, t. VI. a. 1834. Gell the topography of Rome and its vicinity. 2 vols, London 1834. Dodwell въ разныхъ статьяхъ въ Annali и въ Bulletino, въ особенности въ Bulletino, за мартъ 1831 г., и въ сочиненіи: Views and descriptions of Cyclopian or Pelasgic remains in Greece and Italy. London 1834. Abeken Mittel-Italien vor den Zeiten der römischen Herrschaft 1843.

[2]) Слова lepus, catinum, dos, donum, mutuum, momar, nummus, greges, по Варрону, общія латинскому языку и сицилійскому нарѣчію, L. L. p. 103. Speng. Герлахъ стр. 137 присоединяетъ къ нимъ: patina (πατάνα), carcer (κάρκαρον), cubitum (κύβηττον), campus (κάμπος) и сицилійскую форму — ens, entis, а равно слова gela u secula (Zancle).

занятія, по большей части не имѣющія соотвѣтствующихъ себѣ въ греческомъ, Нибуръ приписывалъ италійскимъ побѣдителямъ; слова мирныя, корни которыхъ есть въ греческомъ, — пеласгическимъ жителямъ Лаціума, покореннымъ горцами. Но новыя лингвистическія изслѣдованія показали, что латинскій языкъ носитъ характеръ цѣльности ничуть не менѣе, чѣмъ греческій, и даже во многомъ болѣе близокъ къ санскриту, а археологическіе факты, собранные Герлахомъ, дѣлаютъ несомнѣннымъ, что именно то племя, которое сошло съ горъ, и было родственно Грекамъ. Герлахъ приписываетъ этому племени построеніе стѣнъ, относящихся къ пеласгической категоріи и совершенно сходныхъ съ множествомъ пеласгическихъ сооруженій собственной Греціи, и опирается при этомъ на то весьма важное обстоятельство, что пеласгическія стѣны находятся не только на склонахъ горъ, обращенныхъ къ низменному прибережью Лаціума, гдѣ обитали Нибуровы побѣжденные Пеласги–Сикулы, но и въ самой древней родинѣ горнаго завоевательнаго племени. Неутомимые труды новѣйшихъ изслѣдователей италіянской топографіи открыли множество пеласгическихъ стѣнъ въ самыхъ окрестностяхъ нагорной Реаты (Ріети) и по всей долинѣ Велина. Джелль, опытность котораго въ этомъ дѣлѣ внушаетъ большое довѣріе, находитъ самое полное сходство между развалинами во внутреннихъ долинахъ Апенниновъ (предполагаемыми развалинами древней Листы и Палаціума) и между стѣнами аркадійской Ликосуры и утверждаетъ, что вороты въ Арпино совершенно похожи на знаменитыя вороты въ Микенахъ. Этимъ невозвратно удаляется гипотеза Нибура, и мы принуждены принять вмѣстѣ съ Герлахохъ, что племя, сошедшее съ горъ, были Пеласги. Но какимъ образомъ они зашли въ горы Италіи, объ этомъ ничего нельзя сказать положительнаго. Преданіе говоритъ, правда, что ихъ привелъ туда оракулъ (см. выше стр. 116) изъ Греціи, и Герлахъ наклоненъ принять это преданіе: но едва ли можно рѣшиться слѣдовать преданію, не подтверждаемому въ этомъ случаѣ никакими твердыми данными.

Впрочемъ, какъ бы то ни было, достовѣрно то, что Аборигины и Пеласги сошли съ горъ, покорили Сикуловъ и построили цѣлый рядъ пеласгическихъ городовъ, достигшихъ высокаго процвѣтанія прежде основанія Рима. Этому-то переселенію обязанъ происхожденіемъ Латинскій народъ, изъ котораго потомъ подъ разными вліяніями образовался народъ Римскій, властитель свѣта. Во второй половинѣ своей книги Герлахъ старается возстановить древнѣйшую исторію Латинскаго племени. Онъ принимаетъ пересе-

леніе Энея, какъ историческій фактъ, даетъ Энеадамъ большое участіе въ усиленіи и славѣ латинскихъ царей, предполагаетъ въ Альбѣ существованіе двухъ знаменитыхъ родовъ, происходившихъ отъ Энея, царственнаго рода Сильвіевъ и жречественнаго рода Юліевъ, и приписываетъ основаніе Рима эмиграціи нѣсколькихъ членовъ альбанскаго царскаго рода и патриціата, бывшей главною причиной ослабленія и паденія Альбы. Все это содержаніе двухъ послѣднихъ отдѣловъ книги Герлаха и Бахофена чрезвычайно интересно и требуетъ тщательнаго изученія и анализа. Но именно важность и запутанность этихъ вопросовъ побуждаетъ насъ вспомнить, что статья о миѳической Греціи и Италіи не должна однакожь вырости въ цѣлую книгу.

П. Леонтьевъ.

ПОСЛѢДНЕЕ ВРЕМЯ ГРЕЧЕСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ.

I.

Государственные мужи древней Греціи въ эпоху ея распаденія. Историческое разсужденіе Ивана Бабста. Москва. 1851.

Былъ вѣкъ Перикла, гелленская цивилизація находилась въ порѣ самаго роскошнаго развитія, Аѳины на вершинѣ своего политическаго могущества, когда открылась роковая борьба, раздѣлившая всю Грецію на два одинъ другому враждебныя лагеря. Аѳиняне взялись за нее съ жаромъ, вели ее съ энергіею. На Ѳукидидѣ, знаменитомъ историкѣ великаго греческаго междоусобія, лучше всего можно видѣть, до какой стени сохранили они ясность мысли и какъ мало увлекались слѣпою страстью, когда предпринимали войну съ Спартою и ея союзниками. Въ Аѳинахъ хорошо понимали, съ какимъ опаснымъ соперникомъ надобно будетъ имѣть дѣло, и какихъ тяжелыхъ пожертвованій можетъ оно стóить народу, но въ то же самое время во всѣхъ такъ сильно было чувство неизбѣжности борьбы, что всякая отсрочка ея казалась уже безполезною. Вина пелопоннесской войны въ самомъ дѣлѣ лежала не въ Аѳинянахъ: она была въ обстоятельствахъ, въ самыхъ условіяхъ политическаго быта Греціи. Нельзя также сдѣлать имъ упрека въ недостаткѣ предпріимчивости, мужества, настойчивости, наконецъ самыхъ талантовъ, необходимыхъ для того, чтобъ съ успѣхомъ вести трудное предпріятіе. Все это было на сторонѣ Аѳинянъ, было даже и нѣчто гораздо большее — готовность защищаться до послѣдней крайности, духъ, несокрушимый самыми тяжелыми испытаніями, огонь воодушевленія, вспыхивающій послѣ самыхъ горькихъ неудачъ и пораженій — и все это было совер-

шенно напрасно: война, вспыхнувшая въ Греціи во второй половинѣ пятаго столѣтія (до Р. Х.), ни въ какомъ случаѣ не обѣщала добраго исхода. Раздѣлились между собою силы самой Греціи, и при томъ такъ, что на одной сторонѣ было высшее цивилизующее начало, оно же и начало поступанія впередъ, а на другой, прямо противъ него, наибольшій запасъ матеріяльныхъ силъ, воинственнаго навыка, дисциплины, вообще строгаго и непреложнаго чина. Соединить снова то, что̀ ужь выступило въ своей рѣзкой противоположности, накопившейся вѣками, было болѣе невозможно; борьба могла кончиться только или взаимнымъ истощеніемъ обѣихъ сторонъ, или рѣшительнымъ торжествомъ одной изъ нихъ: послѣдній результатъ былъ отнюдь не лучше перваго, потому что вся вѣроятность этого торжества была на сторонѣ спартанской. Легче было бы Аѳинамъ бороться съ Персіей, чѣмъ съ Спартой: какъ ни были исключительны Спартанцы ко всему, что̀ не было пропикнуто духомъ ихъ учрежденій, сами они, впрочемъ, вмѣстѣ съ Аѳинянами, принадлежали къ той же самой греческой національности, и геній гелленизма также присутствовалъ и въ нихъ, хотя между ними онъ развился лишь въ одну сторону (откуда и взялась ихъ исключительность). Преимущества, какими Аѳиняне по справедливости могли гордиться передъ другими Греками, были однако не тѣ, которыя даютъ рѣшительный перевѣсъ въ спорѣ съ оружіемъ въ рукахъ. Одни патріотическія усилія также не рѣшали дѣла: патріотизмъ былъ и на сторонѣ Спартанцевъ. При ровномъ почти воодушевленіи съ обѣихъ сторонъ, успѣхъ всего скорѣе могъ остаться за тѣми, которые болѣе были обезпечены самою мѣстностью, и которыхъ духъ и устройство болѣе благопріятствовали единству дѣйствія. Но аѳинское развитіе давно ужь прожило тотъ моментъ, въ которомъ субстанціяльное господствуетъ надъ индивидуальнымъ; подвижность, свойственная іоническому характеру, рано вывела Аѳины на ту дорогу, на которой становится возможнымъ полное проявленіе личности; причемъ, къ сожалѣнію, не исключаются и самыя ея злоупотребленія. На аѳинской почвѣ были возможны такія явленія, какъ Ѳемистоклъ и Периклъ, но зато она же способна была породить и Алкивіада. Натура демоническая, Алкивіадъ способенъ былъ привязать къ себѣ судьбу цѣлаго народа; зато этотъ народъ долженъ былъ послѣдовать и за всѣми прихотями его геніяльнаго своенравія и раздѣлить съ нимъ какъ его возвышеніе, такъ и паденіе. Только съ Алкивіадомъ могъ еще подняться Аѳинскій народъ послѣ периклова вѣка, но зато ни съ кѣмъ не могъ

онъ и пасть такъ глубоко, какъ съ нимъ. Гражданская энергія Аѳинянъ, правда, была почти такъ же неистощима, какъ ихъ философствующая мысль всеобъемлюща; они въ состояніи были оправиться даже и послѣ алкивіадовскаго паденія; но при этомъ безпрестанномъ переходѣ отъ возвышенія къ паденію и наоборотъ, въ аѳинской системѣ нападенія и обороны часто выпадали значительные промежутки, которые спартанская олигархія, вообще болѣе послѣдовательная, а главное, болѣе обезпеченная своимъ строгимъ чиномъ противъ разныхъ превратностей, неизбѣжныхъ при широкомъ индивидуальномъ развитіи, умѣла обращать въ свою пользу, причемъ много помогло ей еще и то обстоятельство, что аѳинскій союзъ никогда не представлялъ одной сплошной массы, но, разбитый по частямъ, подверженъ былъ нападенію во многихъ пунктахъ. Не говоримъ о тѣхъ физическихъ бѣдствіяхъ, отъ которыхъ Аѳины столько разъ осуждены были терпѣть во время самой войны, хотя и независимо отъ нея; казалось, одна аѳинская язва въ состояніи была истощить физическія и нравственныя силы народа, однако и она не убила въ немъ всей бодрости духа. Истинное несчастіе Аѳинъ заключалось въ той непримиримой ненависти, которую Спарта воспитала въ своихъ гражданахъ къ аѳинскимъ учрежденіямъ. Противъ ненависти, какъ противъ страсти, самое одушевленіе — средство невѣрное: ненависть неусыпнѣе и неутомимѣе его; она не успокоивается, пока не нашла себѣ полнаго удовлетворенія; она неразборчива на средства, лишь бы они достигали своей цѣли, и было время, что ненависть Спартанцевъ къ Аѳинянамъ мало-по-малу привела ихъ къ сближенію и потомъ къ формальному союзу съ Персіею, природнымъ врагомъ цѣлой Греціи. Этотъ союзъ Спартанцы, конечно, не замышляли какъ предательство: но, по своимъ послѣдствіямъ, онъ былъ почти равенъ измѣнѣ важнѣйшимъ интересамъ греческой національности. Противъ спартанскаго оружія и персидскаго золота вмѣстѣ не устоять было Аѳинамъ, ужь истощеннымъ усиліями столькихъ лѣтъ; но, подготовляя паденіе стѣнъ аѳинскихъ, кому готовили Спартанцы наибольшее торжество, какъ не старымъ врагамъ геллензма, для котораго Аѳины искони были самымъ вѣрнымъ убѣжищемъ?

Бо́льшаго несчастія не могло быть для Греціи, какъ извѣстный всѣмъ исходъ пелопоннесской войны. Печальныя послѣдствія этого событія до сихъ поръ еще недовольно оцѣнены историками. Не въ томъ, конечно, состояло главное несчастіе, что Аѳины лишились своей гегемоніи, и что надолго были сокрушены матеріяльныя и

нравственныя силы, которыми держалось ихъ политическое значеніе, но въ томъ всего болѣе, что гегемонія окончательно переходила въ спартанскія руки. Когда, подъ звуки спартанскихъ трубъ, пали разрушенныя «долгія стѣны» и вслѣдъ за ними стѣны Пирея, и тираннія Тридцати утвердилась въ беззащитныхъ Аѳинахъ, чтобъ подъ эгидою спартанскаго оружія начать свои кровавыя преслѣдованія, не нужно было спрашивать, чего хотѣла Спарта посредствомъ своей гегемоніи: вездѣ, сначала въ Аѳинахъ, а потомъ и во всей Греціи, хотѣла она ввести свой исключительный законъ, хотя бы для того необходимо было ей принести въ жертву тысячи мирныхъ гражданъ. Аѳинскій олигархическій терроръ долженъ былъ пройдти, вслѣдъ за спартанскою гегемоніею, и черезъ всѣ другія мѣста, которымъ дорога была ихъ автономія. Такъ какъ противодѣйствіе Аѳинъ кончилось, то новая гегемонія могла безпрепятственно распространять свое вліяніе и расширять его гораздо далѣе, чѣмъ куда распространялось вліяніе прежней, которая всегда имѣла передъ собою опаснаго совмѣстника. Конечно, поравнять всю Грецію въ участи съ Мессеніей было болѣе невозможно: Греки такъ долго жили подъ закономъ общаго гелленскаго развитія, такъ свыклись съ своею независимостью, что не потерпѣли бы подобнаго угнетенія. Но довольно было и того, что спартанская гегемонія всюду приносила съ собою и свое тлѣтворное вліяніе. Куда только она ни появлялась, подъ видомъ ли гармоста или цѣлаго спартанскаго гарнизона, равновѣсіе между политическими партіями тотчасъ нарушалось, право и обычай уступали мѣсто грубому насилію, и олигархія могла безнаказанно свирѣпствовать надъ своими противниками и опустошать своими прокламаціями цѣлые города и селенія. Спасенія не было нигдѣ, кромѣ политическаго отступничества; твердость правилъ и неподкупность перестали быть добродѣтелью. Патріотизмъ перераждался въ жажду мщенія; гибло гражданское чувство, лишенное своихъ лучшихъ опоръ, наконецъ вовсе утратившее свою цѣль и оправданіе, и равнодушіе къ гражданской чести и продажность вмѣстѣ съ презрѣніемъ къ клятвамъ и жадностью къ богатству вторгались всюду, гдѣ только Спартѣ удавалось ниспровергнуть прежнія основы политическаго быта. Не вездѣ это зло возникало вновь подъ сѣнью спартанскаго владычества: Спарта такъ же дѣятельно воспитывала его у себя дома и во многія мѣста пересаживала его какъ уже готовое. Подъ тѣмъ же самымъ вліяніемъ мало-помалу сглаживалось и чувство той глубокой внутренней противоположности, которая прежде отдѣляла Грецію отъ Персіи гораздо

рѣзче, чѣмъ физическія границы: увлеченная своею ненавистью къ Аѳинамъ, Спарта первая рѣшительно переступила эту грань; она не переставала опираться на персидское золото и персидскихъ сатраповъ и послѣ, для порабощенія цѣлой Греціи, и примѣръ ея не могъ остаться безъ послѣдователей. Съ того времени вошло въ несчастный обычай между Греками, что, искалъ ли кто изъ нихъ преобладанія надъ другими, или хотѣлъ только высвободить себя изъ-подъ стѣснительной власти гегемона, непремѣнно прибѣгалъ къ союзу съ Персіею, или по крайней мѣрѣ старался задобрить ее въ свою пользу. Было время, когда раздѣленная Греція собиралась и становилась подъ одно знамя, чтобъ сдѣлать отпоръ вооруженной Персіи: теперь же ее добровольно приглашали участвовать въ раздѣленіяхъ Грековъ, и она являлась какъ посредствующая сила между ними и безъ войны предписывала имъ свои условія! Падала гордость народа, терялось чувство его достоинства... Много говорено было о сикофантіи; но сикофантія была зло болѣе мѣстное, а отъ спартанской порчи терпѣли честь и нравы цѣлой греческой народности.

Не на столько, впрочемъ, потерпѣли они, чтобъ между Греками не осталось болѣе мѣста никакому живому и благородному чувству, или чтобы Греки навсегда могли помириться съ спартанскимъ самовластіемъ. Вообще было бы большою ошибкою равнять время такъ-называемаго упадка въ Греціи съ эпохою глубокаго растлѣнія нравовъ въ римскомъ обществѣ временъ имперіи. Различныя причины въ разныхъ мѣстахъ произвели и явленія, хотя и сходныя между собою въ нѣкоторыхъ общихъ чертахъ, но недопускающія почти никакого параллелизма по той степени, какую занимаетъ каждое изъ нихъ въ историческомъ развитіи соотвѣтствующей ему народности. Вездѣ утверждая свое исключительное самовластіе, Спарта всюду воспитывала неменѣе непримиримую ненависть къ своему владычеству. Какъ еще много было здороваго, неиспорченнаго въ Грекахъ, можно измѣрять въ нихъ самою силою этого чувства. Съ окончанія пелопоннесской войны, реакція противъ спартанской гегемоніи становится самымъ живымъ нервомъ греческой исторіи, и дѣйствія, подобныя безпощадному разрушенію Мантинеи и предательскому занятію Кадмеи, вели лишь къ тому, что то же самое чувство съ энергіею пробуждалось въ самыхъ отсталыхъ народахъ Греціи. Правда, начинающееся отсюда движеніе имѣетъ видъ движенія обратнаго, ибо не столько устремлено къ будущему, сколько направлено противъ нѣкоторыхъ результатовъ предшествующаго

историческаго хода; впрочемъ, оно въ то же время было и поступательное, ибо только черезъ освобожденіе отъ спартанской гегемоніи Грецiя могла снова начать свое свободное развитіе. Тамъ, гдѣ всего сильнѣе было воспоминаніе о прежней самостоятельности, то-есть въ Аѳинахъ, и движеніе началось ранѣе; но Аѳины были слишкомъ изнурены матеріяльно и нравственно въ предшествующей борьбѣ и, возобновивъ ее еще разъ, довольствовались почти только своимъ собственнымъ освобожденіемъ. Другіе города-государства должны были позаботиться сами о себѣ и вмѣстѣ о цѣлой Греціи. И такова была сила ненависти, воспитанная спартанскимъ владычествомъ, что, когда главные представители гелленизма оказались не въ состояніи принять на себя дѣло освобожденія Греціи отъ внутренняго врага, за него энергически возстали тѣ, которые до сего времени обыкновенно считались самыми отсталыми въ ряду участниковъ гелленской цивилизаціи. Тѣ самые Ѳивяне, охотники хорошо попить и поѣсть, у которыхъ даже въ самую эпоху національной борьбы съ Персіею недостало патріотизма, чтобъ стать вмѣстѣ съ Аѳинянами и Спартанцами противъ общаго врага, нашли въ себѣ теперь довольно предпріимчивости и довольно мужества, чтобъ подать сигналъ другимъ народамъ къ ниспроверженію спартанской гегемоніи и отважиться на неравную борьбу съ нею, хотя бы только своими домашними силами. Пусть все предпріятіе скорѣе было дѣломъ избранныхъ вождей, нежели самого народа: эти вожди въ самомъ дѣлѣ были высокаго закала и достойны стать наравнѣ съ самыми первыми именами исторической Греціи; тѣмъ не менѣе, однако, остается неоспоримою и заслуга народа, который умѣлъ отвѣчать героическому одушевленію своихъ предводителей. Усиліе было въ высокой степени благородно, планъ былъ превосходный и вполнѣ достойный народа, который принималъ на себя предводительство въ начинавшейся борьбѣ за независимость — выгнавъ спартанскіе гарнизоны изъ своей земли, тотчасъ потомъ подать руку на союзъ съ старыми и новыми жертвами спартанскаго властолюбія, съ Мантинейцами и Мессенцами, и дѣйствовать заодно съ ними противъ Спарты. Мантинейская битва положила конецъ ненавистной гегемоніи. Благодаря Ѳивамъ, Грецiя опять могла вздохнуть свободно послѣ многолѣтняго внутренняго порабощенія.

Мантинейскою битвой открываетъ г. Бабстъ свое сочиненіе, чтобъ потомъ кончить его битвою при Херонеѣ или началомъ македонскаго владычества въ Греціи. Между тѣмъ и другимъ событіемъ проходитъ съ небольшимъ двадцать лѣтъ, но въ этотъ

промежутокъ времени совершается въ Греціи весьма важный переворотъ, вслѣдствіе котораго она теряетъ свою политическую независимость. Время занимательное во многихъ отношеніяхъ. Здѣсь Греція окончательно раздѣлывается съ старымъ порядкомъ вещей; здѣсь же должно искать и зачатковъ новой политической жизни, если только она еще возможна была для тѣхъ, которые пережили аѳинскую и спартанскую гегемонію; наконецъ, тутъ же накопляются условія, вслѣдствіе которыхъ Греція, вмѣсто того, чтобъ выйдти на новую дорогу, такъ скоро лишилась своей политической самостоятельности и сдѣлалась добычею сторонняго завоевателя. Вопросы представляются во множествѣ, и ученая любознательность никакъ не можетъ пожаловаться на недостатокъ матеріяла для разработки. Г. Бабстъ избралъ преимущественнымъ предметомъ своего изслѣдованія дѣятельность «государственныхъ мужей» того времени, ихъ образъ мыслей и политику, ибо въ нихъ сосредоточивается политическая жизнь эпохи, ими наиболѣе выражается и опредѣляется самый характеръ ея. Впрочемъ, не ограничиваясь одними только біографическими очерками, авторъ представилъ жизнь и дѣятельность избранныхъ имъ великихъ людей Греціи извѣстной эпохи въ связи съ общимъ ходомъ историческихъ событій, такъ что сочиненіе его есть, въ собственномъ смыслѣ, историческое. Изображая государственныхъ мужей Греціи въ эпоху ея распаденія, г. Бабстъ искусно группировалъ около нихъ всѣ важнѣйшія явленія современной греческой жизни и не оставилъ ихъ безъ оцѣнки. Мы почти могли бы сказать, что русская историческая литература пріобрѣла въ книгѣ его обстоятельную исторію того времени, основанную большею частію на изученіи подлинныхъ свидѣтельствъ и разсказанную весьма живымъ и бойкимъ языкомъ.

Взявъ мантинейскую битву точкою своего отправленія, авторъ по этому поводу разсказываетъ главныя обстоятельства жизни Эпаминонда и всю исторію такъ-называемой ѳивской гегемоніи; затѣмъ, къ слову о послѣдней, онъ обозрѣваетъ историческій ходъ гегемоніи въ Греціи вообще и наконецъ переходитъ къ состоянію Спарты послѣ борьбы ея съ Ѳивами, чтобъ показать на ней первый разительный примѣръ начинавшагося повсюду упадка и разложенія прежнихъ нравовъ и учрежденій. Эта группа историческихъ явленій греческой жизни составляетъ первую главу сочиненія. Прекрасно въ цѣломъ изложены авторомъ внѣшнія событія жизни Эпаминонда и внутреннія черты его характера; умно и вѣрно оцѣнена вся его дѣятельность. Нельзя много

противорѣчитъ автору, когда онъ называетъ всю ѳивскую гегемонію созданіемъ Эпаминонда; лишь высказанное мимоходомъ мнѣніе о пиѳагорейской школѣ, къ которой онъ принадлежалъ по своему воспитанію и частію по самому образу жизни — мнѣніе, будто «устройство ея было философскимъ возсозданіемъ старинныхъ дорическихъ государственныхъ учрежденій», представляется довольно одностороннимъ, хотя и имѣетъ за себя авторитетъ Шлоссера и О. Мюллера.* Не такъ легко, по нашему мнѣнію, можно согласиться съ возрѣніемъ на ѳивскую гегемонію вообще и ея значеніе въ исторіи Греціи.

«Мантинейская битва (такими словами начинаетъ авторъ свое изслѣдованіе на стр. 1.) была окончательною кровавою борьбой Грековъ *за гегемонію*. Въ послѣдній разъ пытались они рѣшить оружіемъ, кому изъ нихъ выпадетъ на долю честь стать *во главѣ* Гелленовъ, и никогда еще не сходились они другъ противъ друга такими грозными массами, какъ на поляхъ мантинейскихъ». Намъ кажется, что, приступая къ своему изслѣдованію, г. Бабстъ нѣсколько поспѣшно повторилъ въ самомъ началѣ это старое понятіе о ѳивской гегемоніи, какъ бы по наслѣдству переходящее изъ одного учебника въ другой. Въ томъ убѣжденіи, что каждое историческое явленіе лучше всего объясняется изъ предшествующаго состоянія, мы нарочно предпослали нашему разбору обозрѣніе хода событій въ предыдущемъ періодѣ греческой исторіи, чтобъ тѣмъ прочнѣе утвердить свое мнѣніе о важнѣйшихъ явленіяхъ послѣдующей ея эпохи. Гнетъ спартанской гегемоніи, какъ мы видѣли, былъ самымъ чувствительнымъ зломъ, отъ котораго терпѣла Греція со времени исхода пелопоннесской войны. Подъ этимъ гнетомъ она забыла даже о своей противоположности съ Персіею, и съ того времени всѣ усилія ея естественно устремлялись къ тому, чтобъ посредствомъ низверженія спартанскаго ига возстановить въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ прежнюю политическую самостоятельность. Не сознаніе превосходства силъ, какъ было въ первыя времена гегемоніи аѳинской и потомъ спартанской, заставляло отваживаться на опасную борьбу, а тяжелое чувство притязательнаго сторонняго преобладанія; собирали силы не для того, чтобъ посредствомъ ихъ сплотить всю Грецію въ новое, болѣе прочное единство, но чтобъ тѣмъ сильнѣе разбить старое, и въ прежнемъ политическомъ раздѣленіи найдти прежнюю не-

---

*) См. Очерки древнѣйшаго періода греческой философіи въ 1-й кн. Пропилеевъ, Отд. I-й, стр. 321.

зависимость. Сначала Аѳины, а потомъ и самыя Ѳивы дѣйствовали по одному и тому же побужденію. И съ чего бы взяли Ѳивяне искать для себя гегемоніи, когда они сами такъ много терпѣли отъ спартанской? Не въ томъ ли прежде всего состояла ихъ задача, чтобъ собрать достаточныя силы, которыя бы можно было противопоставить чужому, уже укоренившемуся преобладанію? У Аѳинянъ были по крайней мѣрѣ воспоминанія о той великой политической роли, которую они еще недавно играли въ Греціи; Ѳивяне не могли похвалиться даже и отдаленными преданіями подобнаго рода. Итакъ въ своей кровавой борьбѣ съ Спартою они сражались не *за* гегемонію, а прямо *противъ* нея, рѣшали вопросъ не о томъ, кому стать въ главѣ Гелленовъ, а о томъ, быть ли еще Грекамъ подъ спартанскою гегемоніей, или у нея должны быть подрѣзаны и самые корни. Различіе, по нашему мнѣнію, весьма немаловажное. Завязавшись разъ въ борьбу съ Спартою, Ѳивы, впрочемъ, не могли раздѣлаться съ нею лишь своими домашними средствами. Истинно-великіе люди, которые руководили всѣмъ движеніемъ и, такъ-сказать, воплощали его въ себѣ, хорошо понимали, что Ѳивамъ нельзя остановиться на томъ пунктѣ, которымъ Аѳины кончили свое противодѣйствіе спартанскому преобладанію. Никогда бы Спарта не простила Ѳивамъ ихъ отложенія, еслибъ сама не лишена была средствъ вредить имъ. Спартанскій союзъ могъ быть разрушенъ только силами другаго, по крайней мѣрѣ равносильнаго союза; а чтобы сдѣлать ударъ еще чувствительнѣе, надобно было проникнуть во внутреннія убѣжища перваго, перенести войну въ самый Пелопоннесъ и тамъ найдти себѣ союзниковъ между тѣми, которые до сего времени стояли подъ спартанскимъ знаменемъ. Вождямъ ѳивскимъ, предпринявшимъ освобожденіе Ѳивъ, надобно было, однимъ словомъ, также прибѣгнуть къ гегемоніи своего рода, не какъ къ послѣдней цѣли всего предпріятія, но какъ къ необходимому *средству* для достиженія главной цѣли. Союзъ, составленный Эпаминондомъ противъ Спарты, дѣйствительно имѣлъ *видъ* гегемоніи, потому что этимъ именемъ привыкли означать въ Греціи всякое значительное соединеніе народныхъ силъ подъ однимъ политическимъ и военнымъ началомъ; но какъ по своимъ побужденіямъ, такъ и по цѣлямъ, вообще по своему внутреннему значенію, онъ рѣшительно отдѣлялся отъ прежнихъ гегемоній и принадлежалъ, въ исторіи греческихъ народныхъ союзовъ, къ особенной категоріи. Всѣ замѣчаютъ, что такъ-называемая третья гегемонія, въ отличіе отъ другихъ, была весьма непродолжительна, не замѣча-

ютъ лишь того, что это не только внѣшнее ея отличіе отъ двухъ первыхъ, но и внутреннее: составившись подъ гнетомъ спартанскаго преобладанія, ѳивскій союзъ распадался самъ собою, какъ скоро сокрушеніемъ спартанской гегемоніи прекращалось это внѣшнее давленіе на него; другихъ вяжущихъ элементовъ въ немъ не было. Самая смерть Эпаминонда, какъ событіе болѣе или менѣе случайное, если и ускорила распаденіе ѳивскаго союза, то развѣ лишь нѣсколькими годами, потому что цѣль его была уже достигнута, и возстановленіе спартанской гегемоніи въ прежней ея силѣ было болѣе невозможно.

Что г. Бабстъ самъ былъ довольно близокъ къ этому понятію о ѳивской гегемоніи, какъ ее обыкновенно называютъ, доказательствомъ могутъ служить его же собственныя слова (стр. 40—41). Мы совершенно согласны съ авторомъ въ томъ, что «вызванныя разъ на политическое поприще, Ѳивы не могли уже остановиться», равно какъ и въ томъ, что Эпаминондъ имѣлъ слишкомъ много государственнаго смысла, чтобы не понять этого», но мы не видимъ, чтобъ онъ довольно-опредѣленно мотивировалъ эту необходимость для вождей ѳивскихъ идти обычнымъ путемъ гегемоніи. Принявъ здѣсь тѣ же самыя побужденія, какими нѣкогда руководствовались Ѳиняне и потомъ особенно Спартанцы, г. Бабстъ необходимо долженъ былъ совершенно смѣшать и самыя цѣли трехъ политическихъ союзовъ. Такимъ образомъ неудивительно, что подконецъ Эпаминондъ у него не только идетъ тою же самою дорогою, какою прежде шли Ѳины и Спарта, но что и главная цѣль его есть та же самая, то-есть «достиженіе гегемоніи». Намъ кажется, что это положеніе принято авторомъ скорѣе на вѣру прежнимъ историкамъ, чѣмъ какъ слѣдствіе строгаго критическаго анализа. Отсюда же и другая несообразность, состоящая въ томъ, что въ заключеніе своихъ словъ о такъ-называемой ѳивской гегемоніи г. Бабстъ принужденъ выражать сомнѣнія слѣдующаго рода: «къ чему бы повела эта послѣдняя гегемонія, Богъ знаетъ; но врядъ ли привела бы она Грековъ къ главной цѣли». По нашему мнѣнію, подобныя недоумѣнія не могутъ здѣсь имѣть мѣста. Ѳивская гегемонія, какъ принято называть извѣстную борьбу Ѳивъ съ Спартою, вела, очевидно, къ освобожденію отъ стѣснительнаго спартанскаго преобладанія, и едва ли нужно прибавлять, что она и достигла своей искомой цѣли. Свою задачу она выполнила весьма удовлетворительно, а другой — мы не въ правѣ въ ней предполагать. Не можемъ также пропустить безъ замѣчанія и того нѣсколько исключительнаго воззрѣнія автора на

государство, по которому гегемонія является у него какъ бы единственнымъ «символомъ государственной формы». Кромѣ указаннаго нами мѣста, это мнѣніе проглядываетъ и во многихъ другихъ мѣстахъ книги; можно бы даже сказать, что оно составляетъ одно изъ капитальныхъ ея основаній. Но въ такомъ случаѣ было бы прямымъ заключеніемъ, что какъ скоро Греки жили внѣ гегемоніи, они жили и внѣ государства. Однако неужели все внутреннее устройство Спарты, Аѳинъ, Коринѳа и другихъ центровъ греческой жизни и цивилизаціи, съ ихъ особеннымъ законодательствомъ и со всѣми учрежденіями, оставалось только городовымъ, и ничего болѣе? Неужели самая политическая автономія, которою они пользовались, не возвышала ихъ надъ простыми городами? Мы понимаемъ, что объемъ государства могъ расширяться, и государственная форма совершенствоваться, путемъ ли гегемоніи, или какимъ инымъ способомъ, но не видимъ причины, почему бы «государственная форма» исключительно принадлежала лишь тому политическому состоянію, въ которомъ соединяются подъ однимъ началомъ многіе хотя и одноплеменные города.

Вообще мы могли бы сдѣлать упрекъ автору, что онъ въ своихъ требованіяхъ не всегда соображается съ условіями самой эпохи, которая составляетъ предметъ его изслѣдованія и временемъ слишкомъ замѣтно смотритъ на нее съ точки зрѣнія послѣдующей исторіи. Такой способъ историческаго воззрѣнія, если и можетъ существовать, не можетъ, впрочемъ, замѣнить собою настоящаго историческаго прагматизма, въ натурѣ котораго — объяснять послѣдующее предыдущимъ, а не наоборотъ. Сказавши, что въ новыхъ борьбахъ, которыя возникли въ Греціи одна за другою послѣ Анталкидова мира, масса народа грубаго удалялась отъ дѣлъ и давала болѣе простора отдѣльнымъ личностямъ, г. Бабстъ продолжалъ (стр. 39—40):

Теперь, когда масса коснѣла въ совершенной апатіи, когда вся энергія ея исчезла, она бросалась въ объятія первой сильной личности, ожидая отъ нея спасенія и обновленія. И въ это время, по бурному морю потрясенной во всѣхъ своихъ основаніяхъ и разлагавшейся жизни Греціи попадаются намъ, то на томъ, то на другомъ концѣ горизонта, искусные и отважные пловцы, пытающіеся спасти свое судно и привести его въ безопасную пристань. Далеко оставили они за собой родной берегъ, возврата нѣтъ, а впереди нѣтъ конца безбрежному морю. Но во имя чего же выступали эти кормчіе, во имя чего же выступала личность, пытавшаяся спасти погибавшую Грецію? Во имя ли единства ея, во имя ли новыхъ теорій государственныхъ? Нѣтъ, ни для того,

ни для другаго не было почвы въ Греціи. Ей недоставало центра, около котораго могли бы собраться всѣ раздробленныя и разъединенныя части ея; не было наконецъ учрежденій, на которыя могли бы опереться формы государственныя. Всѣ узы были здѣсь чисто мѣстныя, и сплавить безчисленныя дробныя части въ единое цѣлое не было никакой возможности. Всѣ формы общественныя были также непосредственны, какъ непосредственны всѣ чистые продукты природы. Нѣтъ, великія личности, выступившія въ этотъ періодъ греческой исторіи, были явленіями чисто мѣстными. Не во имя новыхъ началъ стали онѣ дѣйствовать — нѣтъ, это было только болѣзненное стремленіе поддержать разваливающіяся основы древняго быта. Ни одна изъ нихъ не выступила во имя цѣлой Греціи и ея единства, но каждая преслѣдовала эгоистическія племенныя цѣли. Почти всѣ онѣ, — памъ стоить только назвать Демосѳена, Ликомеда, Эпаминонда, — выступали съ требованіями на господство своего племени; каждая изъ нихъ практическою цѣлью своею имѣла возрожденіе нравственныхъ основъ древняго быта. Разбить эту старину могъ только человѣкъ, совершенно свободный отъ ея преданій. И въ то же время эти личности, держась боязливо старины, были невольно увлечены историческимъ движеніемъ и, поддерживая повидимому древній бытъ, сами того не замѣчая выходили изъ него. Такое горькое противорѣчіе встрѣчаемъ мы въ нихъ всѣхъ, но нигдѣ, можетъ-быть, такъ поразительно, какъ въ Эпаминондѣ, въ этомъ послѣднемъ гегемонѣ греческомъ, ибо, по справедливости, его, а не Ѳивы, можно считать третьею гегемоніей Греціи.

Этимъ изображеніемъ брошена сильная тѣнь на великихъ людей Греціи въ эпоху ея распаденія. Всѣ они пытались спасти Грецію, но никто изъ нихъ не попалъ на настоящую дорогу, потому что всѣ были увлечены только «болѣзненнымъ стремленіемъ поддержать разваливающіяся основы древняго быта». Упрекъ былъ бы вполнѣ заслуженный, еслибъ авторъ *напередъ* потрудился доказать намъ, что требованіе политическаго единства и новыхъ государственныхъ теорій дѣйствительно лежало въ ближайшихъ современныхъ обстоятельствахъ Греціи, что великіе ея люди этой эпохи въ самомъ дѣлѣ хлопотали только о томъ, чтобъ поддержать то, что уже сгнило и валилось само собою. Но изъ внутреннихъ современныхъ отношеній, сколько мы знаемъ, выходила прежде всего потребность освобожденія отдѣльныхъ греческихъ народовъ отъ стѣснительной спартанской гегемоніи: это была вопіющая нужда времени, Греки не могли приняться ни за что, не отдѣлавшись напередъ отъ своего внутренняго врага. Стремленіе же высвободить отдѣльныя части Греціи изъ-подъ одной политической гегемоніи хотя отнюдь не исключало возможность противоположнаго ей союза, впрочемъ, по самой натурѣ своей, не могло тот-

часъ переродиться въ теорію крѣпкаго политическаго единства всей Греціи. Едва ли также можно скрыть истину существовавшихъ отношеній подъ общимъ выраженіемъ, будто великіе люди Греціи въ эпоху ея распаденія имѣли своею практическою цѣлью возрожденіе нравственныхъ основъ древняго быта.

Отъ великихъ людей Греціи въ эпоху ея распаденія мы бы хотѣли, чтобъ они создали новую государственную теорію, и чтобъ ихъ главною задачей было единство Греціи. Легко дѣлать *намъ* подобныя требованія, когда мы знаемъ положительно, что за эпохой распаденія слѣдовало время македонскаго владычества, которое могло быть отвращено только дружнымъ усиліемъ всѣхъ Грековъ. Но откуда бы взялись подобныя мысли у тѣхъ, которые не могли и предвидѣть катастрофы, извѣстной подъ именемъ македонскаго завоеванія? Говоримъ — катастрофы, потому что она совершилась прежде, чѣмъ Греки могли приготовиться къ ней, какъ слѣдуетъ, даже прежде, чѣмъ они поняли мыслью всю великость опасности, угрожавшей имъ съ этой стороны. Какъ въ самомъ дѣлѣ было узнать въ Филиппѣ съ самаго начала будущаго завоевателя Греціи? На основаніи какихъ разсчетовъ можно было предполагать, что преемникомъ ему будетъ Александръ Великій? А что̀ совершается внѣ разсчетовъ, того не можетъ угадать напередъ и самая тонкая проницательность. Предшествующее состояніе Греціи вовсе не располагало государственныхъ людей ся къ политическому единству. Для того времени это единство̀ могло представляться имъ не иначе, какъ подъ извѣстною уже формою гегемоніи, а гегемонія стала ненавистна Грекамъ со времени спартанскаго владычества. Что̀ бы ни говорили объ Исократѣ, ему нельзя отказать въ здравомыслiи, хотя онъ и не могъ похвалиться ни проницательностью, ни тонкимъ практическимъ смысломъ. Можетъ-быть, онъ слишкомъ увлекался своими миролюбивыми идеями, когда говорилъ противъ морскаго владычества, но онъ былъ совершенно правъ, когда проклиналъ гегемонію, «какъ единственную причину упадка Греціи, истощившую ея силы и сдѣлавшую ее игрушкой въ рукахъ царя персидскаго» (стр. 98). Авторъ изслѣдованія, нѣсколько ниже возвращаясь еще разъ къ этому задушевному убѣжденію Исократа, гласно выражаетъ свое неодобреніе. «Исократъ (говоритъ онъ) не видѣлъ возможности поднять Аѳины; онъ понималъ, что время гегемоніи прошло; онъ, равно какъ и вся партія, надѣялся миромъ и внутреннимъ порядкомъ успокоить Аѳины; передъ ихъ глазами лежала во всей ея наготѣ грустная картина разлагающейся жизни

аѳинской, и *всѣ*, въ томъ числѣ и Исократъ, виновницей всему считали гегемонію, тогда какъ она была торжествомъ генія аѳинскаго, ибо только въ гегемоніи и чрезъ гегемонію Греки сдѣлались великимъ историческимъ народомъ. Такъ часто въ годину бѣдствій люди святотатственно посягаютъ на великіе результаты своей исторіи, и малодушно проклинаютъ свои собственныя созданія» (стр. 150). Но авторъ забываетъ, что та же самая гегемонія, которая нѣкогда возвысила Аѳины и сдѣлала Грековъ великимъ историческимъ народомъ, потомъ была одною изъ главныхъ причинъ паденія Греціи, то-есть ея матеріяльнаго и нравственнаго истощенія. Точнѣе сказать, была сначала гегемонія аѳинская, за нею послѣдовала спартанская, и современникамъ Исократа естественно было судить по тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя оставила въ нихъ послѣдняя. Ея несчастные результаты имѣли они преимущественно въ виду, когда проклинали гегемонію вообще. Что́ жь было тутъ святотатственнаго или малодушнаго? И не одинъ Исократъ, такъ думали всѣ, которые не были нечувствительны къ великимъ потерямъ, понесеннымъ Греціею подъ спартанскою гегемоніею. Довольно сказать, что подъ нею Греція утратила прежде столько острое чувство своей противоположности съ Персіей.

Впрочемъ, по плану г. Бабста, аѳинскіе государственные люди и ихъ политическія теоріи въ эпоху распаденія Греціи принадлежатъ уже ко второй группѣ. Завершивъ первую группу весьма подробною картиною внутренняго упадка Спарты, онъ начинаетъ вторую изображеніемъ аналогическаго состоянія въ Аѳинахъ, хотя здѣсь были въ дѣйствіи совсѣмъ инаго рода пружины. Авторъ воспользовался средствами, которыя находятся въ распоряженіи у науки, для обстоятельнаго разъясненія этого отдѣла внутренней аѳинской исторіи. Классическая монографія Бёка (Die Staatshaush. d. Athener.) служила ему главнымъ пособіемъ для изложенія экономическаго состоянія Аѳинъ въ данную эпоху; но онъ не пренебрегалъ также и подлинными показаніями ближайшихъ современныхъ свидѣтелей и многія весьма характеристическія черты заимствовалъ прямо изъ Ксенофонта, Исократа, Лисія, Демосѳена. Только непосредственное знакомство съ главными писателями эпохи могло сообщить автору ту полноту и живость пониманія, которыя составляютъ одно изъ самыхъ видныхъ отличій его сочиненія. Недовольствуясь одною внѣшнею стороною фактовъ, онъ вездѣ старается понять и раскрыть внутреннія отношенія описываемой имъ эпохи, вообще смотритъ на явленія, какъ на указателей внутренняго процесса, который совершался въ общественной жизни

того времени — способъ историческаго воззрѣнія, который тѣмъ больше ускользаетъ, чѣмъ больше отдаляются отъ подлинныхъ источниковъ. Личному таланту автора принадлежитъ еще умѣнье соединять многіе отдѣльные факты въ одной общей картинѣ. Въ приложеніи ко внутреннему состоянію Аѳинъ послѣ пелопоннесской войны, этотъ способъ и это искусство удались ему всего болѣе. Картина вышла широкая и весьма занимательная какъ въ цѣломъ, такъ и во всѣхъ подробностяхъ. Намъ пришлось бы выписать слишкомъ много, еслибъ мы захотѣли передать читателямъ эту картину во всей ея полнотѣ: возьмемъ для образца, отрывокъ, въ которомъ собраны признаки начинавшагося политическаго упадка въ Аѳинахъ (стр. 69 — 73):

«Въ Аѳинахъ совершалось, въ эту эпоху, то же самое явленіе, какое мы видѣли въ Спартѣ и повсемѣстно въ Греціи — совершенное разложеніе ихъ общественнаго быта. Не одна утрата матеріяльнаго благосостоянія подѣйствовала такъ гибельно на общество аѳинское. Оно само носило въ себѣ зародышъ разложенія и смерти. Войны, политическія распри истребили самую здоровую и свѣжую часть гражданъ; кладбища наполнились гражданами, а фратріи и списки гражданъ людьми, не принадлежавшими государству. «Всѣ лучшіе роды погибли, говоритъ Исократъ, пересмотримъ списки, и мы увидимъ, что стали совершенно другими людьми.» Для пополненія числа гражданъ принимались теперь метойки, даже рабы. Щедро раздавалось право гражданства иностранцамъ, и эта новая толпа, безъ историческихъ воспоминаній, бѣдная, голодная, наполняла площадь аѳинскую, сидѣла въ судахъ, требовала содержанія, праздниковъ, высказывала такія же гордыя притязанія, какъ и старый, славный демосъ аѳинскій, не имѣя ни патріотизма его, ни одной изъ его доблестей. Они дрались за жеребій сидѣть въ судѣ и въ народномъ собраніи, и засѣдали здѣсь, словно бараны, въ мантіи и съ посохомъ въ рукѣ, за три обола. Они думали, что все могутъ дѣлать, что всѣмъ управляютъ, а между тѣмъ они были игрушкой въ рукахъ демагоговъ, которые дѣлали изъ этой толпы все, что̀ хотѣли. Въ народномъ собраніи нельзя было уже встрѣтить стариннаго порядка благочинія и прежней разсудительности. Страсти, прихоть и гнѣвъ преобладали.

«Прежде, бывало, говоритъ Эсхинъ, начинали говорить старшіе, а потомъ уже вызывалъ бирючъ прочихъ Аѳинянъ; теперь же никакой бирючъ не могъ удержать шума и крика въ собраніи. Ничто не въ состояніи было удержать этой толпы оть буйства и криковъ.» Не даромъ говоритъ Демосѳенъ, что толпа—вещь самая непостоянная, и сравниваетъ ее съ морскими вѣтрами. Не для дѣлъ государственныхъ собирались граждане аѳинскіе на площадь, а за новостями. Что̀ новаго? что̀ новаго? было постояннымъ вопросомъ. «Скажи ему, что̀

хочешь — онъ всему вѣрилъ. Вслѣдъ затѣмъ, онъ озадачивалъ тотчасъ же оратора вопросомъ: что̀ намъ теперь дѣлать? «Я бы отвѣтилъ вамъ, говоритъ Демосѳенъ, не дѣлать того, что̀ вы дѣлаете.» При совѣщаніяхъ, толпа ловила всякій удобный случай пошутить и посмѣяться. «Предки наши, говоритъ Исократъ, не любили шутовства остряковъ и шутовъ считали въ то время глупцами; теперь слывутъ они умницами.» Ораторы представляютъ намъ множество примѣровъ безчинства въ народномъ собраніи. Когда Демосѳенъ разъ всталъ, чтобы говорить рѣчь къ народу, Эсхинъ и Филократъ стали съ обѣихъ сторонъ и начали кричать, прерывать его, смѣяться надъ нимъ, ко всеобщему удовольствію народа. Въ другой разъ Филократъ обратился къ собранію и сказалъ, что удивляться нечему, ежели онъ несогласенъ въ убѣжденіяхъ съ Демосѳеномъ, потому что Демосѳенъ пьетъ одну воду, а онъ одно вино. Но ничто не могло сравниться съ безстыдствомъ Тимарха, этого развратника изъ развратниковъ аѳинскихъ. Онъ явился разъ пьяный въ народное собраніе, раздѣлся донага, и сталъ дѣлать такія непристойныя тѣлодвиженія, что скромные люди закрыли глаза руками, со стыда, что въ Аѳинахъ есть такіе правители. Дома забывалось обыкновенно все, что̀ говорилось и рѣшалось въ собраніи. «Всѣ люди, говоритъ Демосѳенъ, имѣютъ обыкновеніе прежде совѣщаться и потомъ уже дѣйствовать, мы же, наоборотъ: прежде дѣйствуемъ, а потомъ уже совѣщаемся.» И эта толпа, безъ правилъ, безъ смысла политическаго, безъ патріотизма, рѣшала теперь дѣла государственныя. Подозрителенъ всегда былъ демосъ, но въ минуты критическія становился онъ еще вдвое подозрительнѣе. Инстинктивно предчувствуя свою несостоятельность, онъ всего трусилъ, вездѣ видѣлъ враговъ своихъ, вездѣ ему чудились олигархи. Слово лаконистъ производило все еще магическое дѣйствіе, хотя въ Аѳинахъ никто уже въ это время и не думалъ о приверженцахъ Спарты, ихъ почти и не было, но подъ этимъ именемъ разумѣлъ народъ все, чего онъ только опасался. Это было то же, что когда-то слово акобитъ въ Англіи. Лучшіе люди оставляли площадь и удалялись отъ дѣлъ государственныхъ, или шли на чужбину искать въ службѣ иноземныхъ государей дѣятельности и добычи. А между тѣмъ площадь и народъ оставались въ рукахъ демагоговъ, льстившихъ толпѣ, потакавшихъ ея прихотямъ, смотрѣвшихъ на государство, какъ на средство къ собственному обогащенію, обкрадывавшихъ казну государственную. «Съ смертью Эпаминонда, говоритъ Юстинъ, пала добродѣтель аѳинская. Когда онъ погибъ, и не съ кѣмъ болѣе было бороться, Аѳиняне въ лѣни, въ пирахъ, въ забавахъ расточали доходы государственные, употребляемые прежде на арміи и на флотъ. Они больше уважали теперь хорошихъ стихотворцевъ, нежели дѣльныхъ вождей.» Въ самомъ дѣлѣ, прежде остатокъ отъ государственныхъ расходовъ сберегался на случай войны: теперь требовалъ народъ, подстрекаемый демагогами, чтобы эти деньги употреблялись для за-

бавы народной. Демагогъ Агиррій былъ такъ любимъ народомъ за подобное потаканіе его прихотямъ, что, послѣ смерти Ѳрасибула, былъ выбранъ стратегомъ, хотя самъ онъ былъ человѣкъ изнѣженный, ростовщикъ, и сидѣлъ нѣсколько разъ въ тюрьмѣ. «Панаѳенеи, Діонисіи, празднуются всегда вовремя, говоритъ Демосѳенъ, флоты же наши вѣчно опаздываютъ.» Всѣ доходныя мѣста покупались. «Смертная казнь положена, правда, за подкупъ, говоритъ Исократъ, а мы выбираемъ между тѣмъ въ полководцы тѣхъ, которые явно подкупаютъ народъ. Мы не заботимся ни о благоденствіи государства, ни о сохраненіи его; мы говоримъ одно, а дѣлаемъ другое, хулимъ предложеніе и принимаемъ его, выдаемъ себя за мудрѣйшихъ изъ Грековъ, а выбираемъ въ сановники такихъ людей, которымъ не повѣрилъ бы никто даже собственнаго имущества своего.»

Авторъ показываетъ, что разложеніе простиралось и гораздо далѣе, что оно, какъ зараза, проникло и въ сферу частнаго аѳинскаго быта и вездѣ производило свойственное ему разрушительное дѣйствіе. По его словамъ, «закулисная аѳинская жизнь» того времени «поражаетъ глубиною разврата, не уступающаго разврату временъ Римской имперіи» (стр. 76). Слѣдующія за тѣмъ очень сильныя и рѣзкія черты въ самомъ дѣлѣ свидѣтельствуютъ не въ пользу аѳинскихъ нравовъ. Тотчасъ видно, что старыя основы, на которыхъ держался общественный и частный бытъ въ Аѳинахъ, были большею частью подорваны, и что стараться поддержать прежній авторитетъ ихъ надъ нравами было бы дѣломъ достойнымъ только лицемѣрія. Впрочемъ, мы не можемъ принять мысль автора въ ея крайнемъ опредѣленіи. Эпохи упадка, какъ и эпохи благосостоянія политическаго и нравственнаго, имѣютъ многія общія черты, несмотря на различія времени и мѣста; но бываютъ между ними и существенныя отличія, которыя не допускаютъ совершеннаго параллелизма. Есть дѣйствительно паденія въ исторіи, которыя не предполагаютъ за собою почти никакой возможности возрожденія. Они измѣряются преимущественно однимъ важнымъ признакомъ: нравственное растлѣніе и умственная апатія бываютъ такъ велики, что даже избытокъ матеріяльныхъ средствъ не спасаетъ политическій организмъ отъ гибели; внутренній червь подточилъ уже всѣ дѣятельныя и производительныя силы. Поразительный примѣръ такого паденія мы имѣемъ въ римскомъ обществѣ послѣдняго историческаго періода, когда безпутства, повторявшіяся изъ поколѣнія въ поколѣніе, занимали народъ лишь какъ особеннаго рода сценическія представленія, не возбуждая въ немъ никакого чувства омерзѣнія. Упадокъ въ Греціи, въ Аѳинахъ особенно, представляетъ нѣкоторую аналогію съ римскимъ; впро-

чемъ, едва ли можетъ сравниться съ нимъ въ глубинѣ нравственнаго развращенія. Ужь самое это патріотическое одушевленіе, къ которому еще способны были Аѳиняне, и котораго не вовсе чужды были и другіе ихъ современники, говоритъ противъ такого сильнаго нареканія на аѳинскіе нравы. Еще не смертною болѣзнью страдало то общество, среди котораго время отъ времени возникали такіе высокіе дѣятели, какъ Эпаминондъ, Пелопидъ, Демосѳенъ. Тамъ едва ли можно говорить о «глубинѣ разврата», гдѣ чувство долга еще могло быть вдохновителемъ если не великихъ дѣлъ, то великихъ начинаній, гдѣ было мѣсто самоотверженію, гдѣ еще умирали добровольною смертью, не потому, чтобъ тяготились жизнію, но потому, что не хотѣли пережить чести и независимости роднаго города. Въ то же самое время, какъ разлагались въ Греціи основы прежняго общественнаго быта, въ ней уже являлись дѣйствующими элементы вновь образующейся жизни Многое, что̀ прежде вѣсило какъ нравственный авторитетъ, утратило свое значеніе въ глазахъ даже лучшихъ Грековъ: Сократъ заслужилъ себѣ подобный упрекъ прежде многихъ другихъ; но это не значитъ, безъ сомнѣнія, чтобы, сойдя со старыхъ основаній, они совершенно потеряли всякій упоръ подъ ногами. Отвергая традиціонную почву, лучшіе умы Греціи вездѣ старались утвердить на мѣсто прежнихъ другія, болѣе разумныя начала. Комедіи Аристофана прекрасно изображаютъ подвижность аѳинскаго народнаго характера, страсть Аѳинянъ къ нововведеніямъ, непостоянство ихъ политики; но было бы крайне односторонне смотрѣть на современниковъ Аристофана только съ его точки зрѣнія, или видѣть все его глазами: въ такомъ случаѣ и въ Сократѣ мы не увидѣли бы ничего болѣе, кромѣ софиста, ищущаго сбить съ толку аѳинское легкомысліе, и не замѣтили бы ни его нравственнаго характера, ни великаго значенія историческаго. Нашъ авторъ, отдавая должную справедливость высокимъ достоинствамъ Эпаминонда, какъ умственнымъ, такъ и нравственнымъ, замѣчаетъ, однако, въ его поведеніи и образѣ дѣйствій «разрывъ личности съ обществомъ и нравственность, вытекающую не изъ условій всего быта, *а родившуюся сознательно и отчетливо* въ головахъ лучшихъ людей умиравшей Греціи» (стр. 9). Разрывъ дѣйствительно былъ, но онъ столько же служилъ признакомъ упадка, сколько и начинавшагося возрожденія. Нравственность, родившаяся сознательно, неужели имѣетъ такъ мало цѣны въ сравненіи съ непосредственною, что по ней можно узнавать только отжившее, а не возникающее вновь?

Впрочемъ, самъ авторъ, указавъ на параллелизмъ между двумя эпохами, отдаленными по времени и мѣсту дѣйствія, не развиваетъ параллели во всей подробности. Съ своей стороны, нисколько не оспаривая вѣрныхъ основаній автора, которыя заставляютъ его видѣть въ данномъ времени эпоху упадка, мы желали бы только, чтобъ, вмѣстѣ съ несомнѣнными симптомами разложенія, болѣе выставлены были на видъ и признаки жизненныхъ силъ, которыя еще носила въ себѣ Грецiя, и которыя даже во время упадка отличали ее отъ Рима въ соотвѣтствующую эпоху. Изложеніе же г. Бабста явно клонитъ къ тому, чтобъ указать, что, еслибы не подоспѣло македонское владычество, Грецiя погибла бы и уничтожилась сама собою, лишь силою своего внутренняго разложенія. Это значитъ, по нашему мнѣнію, превращать катастрофу, всегда болѣе или менѣе случайную, въ необходимое историческое явленіе.

Гораздо удачнѣе вышла во всѣхъ отношеніяхъ частная характеристика современныхъ государственныхъ людей, которые жили и дѣйствовали въ Аѳинахъ — Эвбула, Исократа, Ксенофонта. Здѣсь авторъ вполнѣ равенъ своему предмету. Богатый матеріялъ взятъ прямо изъ сочиненій тѣхъ самыхъ лицъ, о которыхъ идетъ рѣчь, и изъ него составленъ мастерской очеркъ какъ ихъ жизни и дѣятельности, такъ и самаго образа мыслей и политики. Въ особенности это относится къ Исократу и Ксенофонту, о которыхъ до сихъ поръ еще не установилось твердое историческое сужденіе. Въ новой исторической литературѣ всего болѣе не посчастливилось Исократу. Извѣстно, какъ не снисходителенъ къ нему Нибуръ въ своихъ «Чтеніяхъ о древней исторіи». Возвращаясь нѣсколько разъ къ знаменитому аѳинскому оратору, онъ вездѣ клеймитъ его не совсѣмъ почетнымъ названіемъ «ритора», или даже, что̀ еще хуже, «отца всѣхъ риторовъ», понимая подъ этими словами краснорѣчиваго говоруна, который, впрочемъ, по своей ограниченности, не имѣлъ ни малѣйшаго смысла для пониманія дѣйствительности. Г. Бабстъ открыто беретъ Исократа подъ свою защиту (стр. 99 — 100). Не соглашаясь съ авторомъ во всѣхъ оттѣнкахъ его мысли, мы, впрочемъ, готовы здѣсь отдать преимущество его сужденію передъ нибуровскимъ. Очень понятно, почему Нибуръ не могъ быть безпристрастенъ къ Исократу. Уже какъ натура въ крайней степени непрактическая, Исократъ не могъ привязать къ себѣ симпатію новаго историка. Въ то время, когда надобно было дѣйствовать живымъ словомъ, увѣщаніемъ, если не оружіемъ, онъ тщательно вырабатывалъ

свои рѣчи, занимался отдѣлкою ихъ слога, и этотъ плодъ своихъ усильныхъ трудовъ назначалъ — для чтенія! Сверхъ того, онъ былъ поборникомъ мира въ такую пору, когда, по мнѣнію Нибура, настояла потребность вновь возбудить уснувшій воинственный жаръ Аѳинянъ. Наконецъ, увлеченный своею любимою мыслью объ общемъ ополченіи противъ Персіи, онъ хотѣлъ сдѣлать посредникомъ, между враждовавшими Греками, Филиппа Македонскаго, и поставить его же во главѣ всего предпріятія, по своей недальновидности нисколько не предугадывая въ немъ самаго опаснаго врага независимости Греціи. Все это дѣйствительные недостатки Исократа — въ нѣкоторыхъ онъ признается и самъ передъ своими читателями; но едва ли справедливо будетъ не хотѣть видѣть изъ-за нихъ и самыхъ достоинствъ оратора, которыя, однако, заслужили ему весьма почетное имя въ Греціи. Несомнѣнно, вопервыхъ, то, что въ Исократѣ жило искреннее и горячее желаніе добра своему отечеству. Умъ его, медленный отъ природы, нескоръ былъ и въ соображеніи тѣхъ средствъ, которыя могли вывести Грецію изъ ея крайняго положенія, и иногда, по недостатку проницательности, попадалъ даже прямо на ложную дорогу; но никто не будетъ утверждать, что Исократъ писалъ только для слога или для славы оратора. Видно по всему, что рѣчи его не были плодомъ вдохновенія, зато вездѣ чувствуется, что словамъ всегда предшествовало строгое размышленіе, и что ораторъ не прежде выговаривалъ мысль, какъ когда она становилась его глубокимъ убѣжденіемъ. Что̀ же общаго между человѣкомъ постоянныхъ убѣжденій и — риторомъ? Безъ страстнаго увлеченія, Исократъ, ка̀къ понималъ дѣло, та̀къ и говорилъ о немъ; какъ не могъ онъ подавить въ себѣ художественнаго инстинкта, который требовалъ отъ него изящной формы при изложеніи мыслей, такъ не могъ и восполнить доброю волею недостатокъ практическаго такта, практической способности вообще, которыхъ не было въ природныхъ его свойствахъ. Если въ дѣятельности Исократа не было ничего геніяльнаго, то также мало было въ ней и безчестнаго. Жизнь его чиста отъ упрека; вліяніе его на современниковъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Только въ двухъ пунктахъ мы не можемъ согласиться съ г. Бабстомъ, относительно Исократа: первое, чтобъ ясное пониманіе тогдашней дѣйствительности непремѣнно должно было выражаться признаніемъ, что «дѣло проиграно, и политическое поприще Греціи кончено», и второе, чтобъ Исократъ, вызывая Филиппа Македонскаго на предводительство Греками въ общемъ походѣ противъ

Персіи, готовъ былъ передать ему и самую диктатуру надъ ними (см. стр. 113). Намъ кажется, что только излишнее увлеченіе автора своею собственною мыслью могло до такой степени измѣнить въ его глазахъ тотъ идеалъ, къ которому постоянно стремился аѳинскій ораторъ, имѣя въ виду возвышеніе Греціи и возрожденіе ея къ новой жизни.

Также много изученія принесено авторомъ для того, чтобъ сдѣлать по возможности полный и вѣрный очеркъ всей дѣятельности и политическаго направленія Ксенофонта. Сначала г. Бабстъ разсказываетъ жизнь его, останавливаясь преимущественно на главныхъ ея эпизодахъ, на участіи въ походѣ Кира Младшаго, на знаменитомъ отступленіи 10,000 Грековъ, на пребываніи Ксенофонта во Ѳракіи, потомъ переходитъ къ политическимъ его сочиненіямъ, чтобъ по нимъ опредѣлить и самыя его государственныя стремленія. Изложеніе очень живо, сужденіе отличается ясностью и опредѣлительностью. Едва ли только будетъ справедливо смотрѣть, вмѣстѣ съ авторомъ, на Ксенофонта, какъ на «дополненіе» къ Исократу, на томъ основаніи, что будто бы первый «доказалъ то, о чемъ *можетъ-быть* думалъ и Исократъ, но не рѣшался и не имѣлъ смѣлости высказать» (стр. 115). Это значило бы принять положительный выводъ изъ недоказаннаго предположенія. Можетъ–быть, тайныя мысли Исократа сходились съ политическими убѣжденіями Ксенофонта, а можетъ–быть и нѣтъ; въ сочиненіяхъ его скорѣе можно найдти доказательства противнаго; мысль же о необходимости диктатуры скорѣе принадлежитъ самому г. Бабсту, нежели Исократу, лишь предполагаемому виновнику. Сколько намъ извѣстенъ политическій образъ мыслей Исократа и Ксенофонта, справедливость скорѣе требовала бы отличить ихъ одного отъ другаго, какъ представителей двухъ различныхъ системъ, а не смѣшивать между собою. Ксенофонтъ высказывался слишкомъ ясно, чтобъ можно было имѣть какое–нибудь сомнѣніе въ его убѣжденіяхъ. Какъ историкъ, онъ нерѣдко жертвовалъ имъ самою истиною историческаго изложенія, по своему усмотрѣнію выставляя на видъ одни факты и едва упоминая о другихъ, которые не покорялись его воззрѣнію, какъ на это нѣсколько разъ указываетъ Нибуръ въ «Чтеніяхъ». Энтузіазмъ, свойственный возвышенному стремленію къ идеалу, былъ вовсе незнакомъ сухой и холодной натурѣ Ксенофонта. Между тѣмъ, какъ Исократъ мечталъ о томъ, чтобъ великимъ національнымъ предпріятіемъ пробудить уснувшій духъ народный, Ксенофонтъ старательно вырабатывалъ для Греціи первыя правила

той политики, которая гораздо позже, опредѣлившись полнѣе въ иной странѣ, назвалась макіавеллическою. «Есть, по моему мнѣнію (говоритъ у него Симонидъ Гіерону сиракузскому), обязанности, которыя могутъ дѣлать тебя ненавистнымъ, есть, однакожь, и другія, пріобрѣтающія любовь: хвала и награда заставляютъ любить; хула, принужденіе и наказаніе возбуждаютъ ненависть. «*Поэтому ты долженъ награждать и дарить самъ, а наказаніе и принужденіе предоставить другимъ*» (см. Госуд. люди Греціи, стр. 137). Макіавель, въ послѣдствіи, почти тѣми же словами высказывалъ ту же самую мысль *). Неужели Исократъ, который, находясь въ глубокой старости, не хотѣлъ однако пережить порабощенія Греціи, могъ втайнѣ мыслить то же самое, что Ксенофонтъ высказывалъ вслухъ, какъ свое твердое убѣжденіе? Впрочемъ, безъ отношенія къ Исократу, характеристика Ксенофонта, какъ писателя и политика, принадлежитъ къ самымъ удачнымъ эпизодамъ въ сочиненіи Г. Бабста.

Много весьма интересныхъ подробностей содержитъ въ себѣ третья глава, въ которой авторъ переноситъ вниманіе читателя на сѣверъ Греціи и на происходившія тамъ историческія явленія. Въ этой новой группѣ Ѳессалія и ея политическій бытъ составляютъ первый, самый видный предметъ изслѣдованія. Чтобъ перейдти отъ такъ-называемой ѳивской гегемоніи и послѣдовавшаго за нею политическаго распаденія къ македонскому владычеству въ Греціи, авторъ не могъ поступить послѣдовательнѣе. Съ одной стороны, Ѳессалія не вовсе чужда была греческаго образованія, съ другой, она же была тою посредствующею территоріей, на которой впервые встрѣчалась собственно греческая политика съ македонскимъ вліяніемъ. Поэтому г. Бабстъ былъ совершенно въ правѣ — изложивъ внутреннее состояніе собственной Греціи, перевести потомъ свое изслѣдованіе на Ѳессалію и обозрѣть съ тою же обстоятельностью главныя условія ея политическаго быта. Ксенофонтъ, Діодоръ, Исократъ, Демосѳенъ, частію же Ѳукидидъ, Плутархъ и Полибій опять были призваны имъ въ пособіе, чтобъ извлечь изъ нихъ положительныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ переворотахъ, происходившихъ въ то время въ Ѳессаліи, и о господствующихъ стремленіяхъ князей ея. Не

---

*) Mach. Il principe, c. 19: i principi debbono le cose di carico farc administrare ad altri, e quelle di grazie a lor medesimi. Ксенофонтъ, очевидно, служилъ здѣсь прямымъ источникомъ Макіавелю.

часто можно встрѣтить подобное обстоятельное и отчетливое изложеніе хода событій въ странѣ, довольно удаленной отъ свѣта исторіи, какою была Θессалія того времени. Даже безъ отношенія къ общей исторіи Греціи, эти страницы сочиненія г. Бабста сами по себѣ составляютъ нѣкотораго рода пріобрѣтеніе въ нашей исторической литературѣ. Недостаточныя свѣдѣнія, которыя находимъ о томъ же предметѣ въ историческихъ учебникахъ, пополняются ими самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Но проходя одно за другимъ важнѣйшія явленія политической жизни въ Θессаліи, авторъ, съ свойственнымъ ему историческимъ тактомъ, не могъ не остановиться съ особеннымъ вниманіемъ на одномъ изъ нихъ, которому досталось быть сильнымъ орудіемъ почти всѣхъ переворотовъ, совершавшихся тогда на сѣверѣ Греціи. Это были греческіе наемники, которыми преимущественно держались князья θессалійскіе. Явленіе, впрочемъ, не было исключительно мѣстное: оно возникло въ самомъ центрѣ Греціи и, какъ справедливо замѣчаетъ нашъ авторъ, было также однимъ изъ необходимыхъ слѣдствій разложенія греческой жизни. Слѣдовательно, значеніе этого явленія было повсемѣстное, общее для цѣлой Греціи, и въ такомъ смыслѣ разсматриваетъ его г. Бабстъ въ своемъ сочиненіи. Предметъ, вполнѣ достойный вниманія историка. Взявъ вопросъ о наемникахъ въ связи съ другими современными явленіями, г. Бабстъ успѣлъ объяснить посредствомъ его многое и въ общей сложности греческой исторіи послѣднихъ ея временъ. Нѣкоторые изъ добытыхъ имъ результатовъ стóятъ того, чтобъ наука усвоила ихъ себѣ для своего употребленія. Особенно важенъ одинъ изъ нихъ, кратко выраженный авторомъ въ слѣдующихъ словахъ: «Наемники и образованная ими македонская фаланга завоевали Востокъ для образованности греческой» (стр. 167). Подробное раскрытіе этого положенія читатели найдутъ въ самой книгѣ г. Бабста, къ которой мы ихъ и отсылаемъ.

Довольно замѣчательно, что, видя въ греческихъ наемникахъ одинъ изъ главныхъ симптомовъ совершавшагося тогда разложенія стараго общественнаго быта, авторъ, впрочемъ, не отвергаетъ въ этомъ явленіи и другой стороны, которая столько же была обращена къ будущему, сколько первая — къ прошедшему (стр. 170—171):

«Въ явленіи наемниковъ стирались рѣзкія противоположности между племенами греческими. Здѣсь Беотіецъ знакомился ближе съ Аѳинянином, послѣдній съ Спартанцемъ. Общимъ отечествомъ, роднымъ

очагомъ былъ для нихъ лагерь; здѣсь они собирались и толковали о своихъ дѣлахъ, какъ на любой городской площади. Замѣчательно, какъ Грекъ оставался всегда вѣренъ себѣ, и какъ онъ въ лагерную жизнь переносилъ и государственное устройство свое, и политическую жизнь. Собранія лагерныя напоминаютъ намъ живо народныя вѣча въ городахъ греческихъ. Мы встрѣчаемъ здѣсь и совѣтъ и вѣче. Первый составляли начальники, второе — простые наемники. Мы не будемъ подробно описывать составъ того и другаго, ибо имѣли уже случай привести выше подобное совѣщаніе, со всѣми его подробностями, происходившее въ войскѣ Кира Младшаго, когда ему предложили вступить въ службу къ Сейту. Это мѣсто рисуетъ лучше всего отношенія между начальниками и наемными ихъ воинами. Наемныя войска представляли самую пеструю толпу, и чѣмъ толпа была пестрѣе, тѣмъ было лучше, ибо ея не связывали никакія убѣжденія. Солдаты возили съ собою часто женъ и любовницъ, и этотъ обычай доведенъ былъ въ послѣдствіи до крайности, какъ это мы можемъ видѣть изъ нѣкоторыхъ извѣстій о Харесѣ, у котораго были постоянно въ войскѣ гетеры. Теперь взошло въ обычай надписывать на взятой добычѣ не имя города, а имя полководца. Много надо было имѣть энергіи, много такта, чтобы сдерживать эти буйныя толпы; отъ того-то и образовались такіе суровые и крѣпкіе характеры, какіе мы видимъ въ знаменитыхъ греческихъ кондоттьерахъ.»

Въ подвижномъ лагерѣ наемниковъ также происходилъ своего рода процессъ. Здѣсь подъ однимъ знаменемъ сходились Греки различнаго происхожденія, которыхъ дотолѣ разводила племенная вражда. Чѣмъ больше, въ предѣлахъ однообразнаго дружиннаго быта, стирались между ними рѣзкія племенныя противоположности, тѣмъ больше должно было выступать наружу чувство общаго національнаго единства. Сходились Аѳинянами, Спартанцами, Беотійцами, расходились — Греками. Что̀ незамѣтно приготовлялось внутри городовъ путемъ сознательнаго мышленія, то же самое вочью совершалось въ лагерѣ наемниковъ посредствомъ матеріяльнаго соприкосновенія и уравненія всѣхъ интересовъ подъ закономъ одной дисциплины. Упадокъ нравовъ чувствовался въ ополченіи наемниковъ, можетъ-быть, еще болѣе, чѣмъ въ городахъ: это было неизбѣжное слѣдствіе состоянія самаго общества, изъ котораго они выходили; изъ наемничнаго лагеря, конечно, нельзя было вынести большой нравственности, но точно также, находясь въ немъ, нельзя было не отрѣшиться и отъ узкаго чувства племеннаго соперничества. Такимъ образомъ, лагерь наемниковъ, по своему составу, былъ какъ бы зародышемъ общаго греческаго ополченія, которому недоставало лишь возвышенныхъ побужденій, чтобы направить свои усилія къ одной цѣли

и заслужить себѣ имя національнаго. Другой вопросъ: кому именно досталась высокая честь облагородить стремленія греческихъ наемниковъ и указать достойное поприще ихъ подвигамъ? но мы пока говоримъ не о событіяхъ, совершившихся въ послѣдствіи, а о направленіи, которое имъ предшествовало.

Изобразивъ въ немногихъ, но весьма рельефныхъ чертахъ жизнь и дѣятельность знаменитыхъ предводителей наемныхъ дружинъ, Ификрата, Хабрія, Харидема и Тимоеея, изъ которыхъ двое первые считаются и творцами новой военной тактики въ Греціи, авторъ переходитъ къ разрѣшенію послѣдняго узла въ своемъ изслѣдованіи: гдѣ и какимъ образомъ возросла та политическая сила, которой назначено было собрать распавшіяся части Греціи и соединить ихъ подъ одною диктатурой? Нѣтъ нужды говорить, что дѣло идетъ о Македоніи. Если преимущественнымъ назначеніемъ первыхъ трехъ главъ было — показать, что Греція собственными силами не могла выйдти изъ своего несчастнаго состоянія, то очень естественно, что въ послѣдней главное вниманіе автора обращено на оправданіе необходимости македонской гегемоніи. Мы имѣли уже случай сказать выше наше мнѣніе о началѣ македонскаго владычества въ Греціи: вопреки г. Бабсту, мы думаемъ, что оно было катастрофой, то-есть такимъ событіемъ, котораго нельзя было предвидѣть издали, и которое совершилось прежде, нежели можно было приготовиться къ нему надлежащимъ образомъ. Обзоръ македонской исторіи, сдѣланный г. Бабстомъ въ послѣдней главѣ его сочиненія, внушаетъ намъ еще болѣе смѣлости утверждать прежде принятое нами мнѣніе. Изъ этого обзора ясно видно, что политическое могущество Македоніи было прямо созданіемъ Филиппа, и что, даже при самомъ вступленіи его на престолъ, Македонія представляла собою совершенное ничтожество, по своему крайнему безсилію. «Ничтожество Македоніи (слова самого г. Бабста) было такъ велико, что на нее не обращалъ никто вниманія, и почти каждый городокъ имѣлъ болѣе значенія на политическихъ вѣсахъ Греціи, нежели этотъ несчастный клочокъ земли, отрѣзанный отъ моря, окруженный сильными сосѣдями, разоряемый варварами, раздираемый внутренними безпокойствами». Хотя въ немногихъ словахъ, здѣсь, впрочемъ, очень вѣрно обозначено внутреннее состояніе страны, и показана тайна ея слабости. Могла ли Греція предчувствовать, что, прежде нежели пройдетъ и одно поколѣніе, эта самая Македонія, благодаря уму и политическому искусству одного человѣка, сдѣлается самымъ опаснымъ врагомъ ея независимости?

Лишь съ того времени, какъ Филиппъ вмѣшался во внутреннія дѣла Греціи, могли понимать Греки всю великость опасности, которая угрожала имъ съ этой стороны; но тогда было ужь поздно думать о скоромъ соединеніи всѣхъ силъ, раздѣленныхъ многолѣтнею внутреннею враждой, и катастрофа неизбѣжно должна была совершиться. Неизбѣжность ея признаемъ, но не видимъ достаточныхъ причинъ доказывать вмѣстѣ необходимость македонскаго владычества для Греціи, какъ единственнаго возможнаго для нея выхода изъ того состоянія, въ которомъ она находилась послѣ своего распаденія. Неизбѣжное въ исторіи отнюдь не есть всегда разумно-необходимое. Въ другое время, если представится случай, мы надѣемся раскрыть эту мысль гораздо подробнѣе.

Къ числу самыхъ живыхъ и удачныхъ мѣстъ книги принадлежитъ также очеркъ нравственнаго характера Филиппа и всей его политической дѣятельности. Гораздо менѣе можно удовлетвориться тою частью изложенія, гдѣ авторъ, приступая къ исторіи послѣдней войны Филиппа съ Греціею, касается вопроса объ аѳинской политикѣ того времени и главныхъ ея представителяхъ. Дѣлая это замѣчаніе, мы имѣемъ въ виду не столько факты, сколько самое воззрѣніе автора. Пунктъ, на которомъ онъ останавливается съ особеннымъ вниманіемъ, составляютъ извѣстныя отношенія между Демосѳеномъ и Эсхиномъ, соперниками по таланту, которыхъ еще болѣе раздѣляло политическое разногласіе. Г. Бабстъ открыто беретъ сторону Эсхина, если не для того, чтобъ прямо унизить передъ нимъ Демосѳена, то, по крайней мѣрѣ, чтобъ очистить память его отъ многихъ тяжелыхъ обвиненій, которыхъ Демосѳенъ былъ главнымъ органомъ. Благородно всякое усиліе поднять несправедливо опозоренное имя въ исторіи, очистить незаслуженно запятнанную честь человѣка, который заслуживалъ бы нашего уваженія. Но какъ скоро дѣло касается лица историческаго, критика всегда въ правѣ спросить у апологіи: какими средствами и изъ какого матеріяла хочетъ она составить новую репутацію для стараго имени? Хорошо, если возстановляется то, что̀ дѣйствительно заслужено, если матеріялъ почерпается изъ самой жизни лица, которое нуждается въ оправданіи его образа мыслей и дѣйствій: въ такомъ случаѣ апологія идетъ прямымъ путемъ къ своей цѣли. Иное дѣло, когда, за недостаткомъ подобнаго матеріяла, она принуждена бываетъ довольствоваться доказательствами слабости противнаго мнѣнія, или, что̀ еще хуже, вести оправданія одного лица, выставляя равносильныя обвине-

нія противъ другихъ. По признакамъ этого рода рѣдко нельзя бываетъ заключить, что апологистъ находится на ложной дорогѣ. Такими средствами можно скорѣе уронить давно заслуженную репутацію, чѣмъ утвердить новую. Впрочемъ, послушаемъ самого г. Бабста (стр. 221—223):

«Политическій характеръ Эсхина заклейменъ позорнымъ именемъ измѣнника и человѣка продажнаго И древній и новый міръ произносили, въ одинъ голосъ, проклятіе надъ главой великаго соперника Демосѳена, и единственно потому, что онъ былъ соперникомъ послѣдняго, что онъ противился благороднымъ, но не практическимъ планамъ бойца проиграннаго дѣла. На долю людей государственныхъ приходится нерѣдко такая горькая участь. Нерѣдко слава, доброе имя, благословеніе и проклятіе потомства зависятъ отъ болѣе или менѣе блестящей обстановки драмы, разыгрывающейся на сценѣ всемірной исторіи, отъ большей или меньшей коллизіи, въ которой стоитъ личность съ неумолимымъ рокомъ, дробящимъ ее. Сострадаешь послѣднимъ Римлянамъ, сражающимся на поляхъ Филиппи за проигранное дѣло, хотя передъ судомъ исторіи правы не они, а Октавіанъ. Но вѣдь сродно же человѣку сожалѣніе о падающемъ бойцѣ: ибо ничто не можетъ быть выше, ничто не можетъ возбудить столько интереса или польстить столько нашей гордости, какъ борьба великой личности съ неизмѣнными путями исторіи. Ни въ какихъ борьбахъ, можетъ-быть, не раскрываетъ личность столько энергіи, столько силы и доблести. Оттого-то на порогѣ каждой новой эпохи являются сильные и могучіе характеры; на нихъ отживающій вѣкъ возлагаетъ послѣднія свои надежды, и они на плечахъ своихъ несутъ все бремя тяжкой борьбы. Такою глубоко трагическою личностью былъ Демосѳенъ, и его величавый образъ заслонилъ собой Эсхина, который въ борьбѣ съ нимъ былъ покорнымъ слугой новаго порядка вещей, наступившаго для Греціи, измѣнявшаго ея формы, а потомство, изъ симпатіи къ нимъ, изъ ненависти къ сокрушителямъ Геллады, заклеймило, въ лицѣ Эсхина, вѣчнымъ позоромъ партію, противную послѣднему бойцу за самобытность Греціи. За Демосѳеномъ повторяемъ мы дружно всѣ обвиненія, возводимыя имъ на Эсхина, единственно за Демосѳеномъ, потому что другихъ обвиненій не знаемъ. Говорятъ, онъ бралъ деньги съ Филиппа, но неужели жь мы будемъ судить государственныхъ людей Греціи этой эпохи и опредѣлять степень ихъ нравственности большею или меньшею суммой, переходившею черезъ изъ руки? Всѣ почти брали деньги. Развѣ Демосѳена не обвиняли въ подкупѣ, развѣ онъ не прельстился золотомъ Гарпала, развѣ Александръ не нашелъ въ Сузѣ переписку его съ царемъ персидскимъ, и счетъ деньгамъ, полученнымъ имъ отъ царя? Брали деньги и тотъ и другой, одинъ въ полномъ убѣжденіи, что Македоніи суждено быть гегемономъ Греціи, что Греція сама возродиться не можетъ, другой, утѣшая себя сомнительною надеждой, что

авось не прошелъ еще часъ кончины. Къ тому же, всѣ обвиненія Демосѳена подкрѣпляются очень слабыми доводами. Эсхинъ опровергаетъ его на каждомъ шагу и выходитъ послѣ перваго обвиненія совершеннымъ побѣдителемъ. Только, когда Демосѳену удалось разъяснить народу, что̀ такое Филиппъ Македонскій, и что̀ отъ него грозитъ Греціи, тогда кредитъ Эсхина пошатнулся, и послѣ рѣчи Демосѳена о вѣнкѣ онъ долженъ былъ идти въ изгнаніе. Глубокой личной ненависти не было между обоими великими противниками; она кончилась, когда не за что̀ было бороться. Мы привели уже выше отзывъ Эсхина о Демосѳенѣ. Когда Эсхинъ отправлялся въ изгнаніе, онъ былъ въ крайней нуждѣ. Демосѳенъ пришелъ съ нимъ проститься, когда Эсхинъ уже садился на корабль, чтобы плыть въ Малую Азію, и далъ ему значительную сумму денегъ на путевыя издержки.»

Что̀ же нашелъ авторъ сказать въ пользу Эсхина, его политики и образа дѣйствій? Если оставить въ сторонѣ отрицательные доводы, которыми бросается тѣнь подозрѣнія на противника его, Демосѳена, то остается только положеніе, что Эсхинъ былъ «покорнымъ слугой новаго порядка вещей, наступившаго для Греціи, измѣнявшаго ея формы!» Не велика честь для кого бы то ни было, тѣмъ болѣе для государственнаго мужа и даровитаго оратора! Въ томъ–то и состоитъ нравственное величіе характера и подвига Демосѳена, что и съ малыми средствами онъ не отчаявался еще отвратить эту бѣду, грозившую Греціи, и на опасную борьбу приносилъ всѣ силы своего таланта. Нашъ авторъ, заранѣе расположивъ свое мнѣніе въ пользу такъ-называемаго имъ новаго порядка вещей въ Греціи, конечно, не могъ не принять сторону оратора, который употреблялъ всѣ усилія, чтобъ склонить къ нему своихъ согражданъ; но намъ кажется, что Эсхина едва ли можно оправдать даже съ этой точки зрѣнія. Въ то время, когда дѣйствовалъ Эсхинъ, новый порядокъ вовсе еще не наступилъ, благодѣтельное вліяніе его на Грецію, если оно и было когда–нибудь, тогда еще не началось и не могло быть ничѣмъ оправдано; если и позволительно было призывать его, то развѣ какъ бѣду, которой нельзя было миновать, или прямо изъ корыстныхъ видовъ. Очевидно, что здѣсь не было мѣста ни горячему патріотизму, ни высокому воодушевленію. Но вѣрный своей основной мысли, авторъ хотѣлъ, во что̀ бы то ни стало, поднять Демосѳенова противника. Что̀ же вышло? Главное обвиненіе опровергнуть ему не удалось, и чтобъ ослабить силу его, онъ принужденъ былъ распространить это же самое обвиненіе и на Эсхинова соперника: бралъ деньги Эсхинъ; но вѣдь въ томъ же обвиняютъ и Демосѳена. Эсхинъ не оправданъ, какъ бы слѣдовало, а между тѣмъ

и на безсмертнаго поборника греческой независимости брошена безъ нужды и правды тѣнь подозрѣнія! Мы сомнѣваемся, чтобъ подобное употребленіе апологіи могло принести пользу наукѣ.

Херонейскою битвой и послѣдовавшею вскорѣ за нею смертью Филиппа, авторъ заключаетъ свое изслѣдованіе. Ограничивъ свою задачу лишь эпохою распаденія, г. Бабстъ не могъ выбрать лучшаго момента для того, чтобъ заключить свой прекрасный трудъ. Разбирая его, мы имѣли въ виду преимущественно общее воззрѣніе автора на данную эпоху. При внимательной филологической повѣркѣ, нашлось бы также и нѣсколько недосмотровъ въ самыхъ подробностяхъ, на что̀ уже указано было автору на публичныхъ возраженіяхъ и что̀ могло бы служить признакомъ излишней поспѣшности въ работѣ. При всемъ томъ мы не можемъ не отдать должной справедливости таланту г. Бабста и его превосходному способу изложенія, которые даютъ его книгѣ видное мѣсто въ нашей исторической литературѣ.

П. Кудрявцевъ.

II.

Ликургъ Аѳинскій. Разсужденіе Михаила Стасюлевича, маг. всеобщей исторіи. Съ приложеніемъ хронологической и генеалогической таблицъ. Санктпетербургъ. 1851.

Вопросъ о причинахъ и значеніи паденія греческой независимости такъ важенъ, и его рѣшеніе такъ трудно, что читатели вѣроятно не осудятъ насъ, если мы скажемъ о немъ еще нѣсколько словъ, чтобы принести и съ своей стороны лепту въ этомъ дѣлѣ, живо интересующемъ всякаго друга исторіи. Мы начнемъ съ того, что, по нашему мнѣнію, неоспоримо показано въ предыдущей рецензіи, т. е., что паденіе Греціи, за которымъ слѣдовало македонское владычество, не было совершенное, безнадежное паденіе, что успѣхъ Македоніи былъ неожиданный успѣхъ, и побѣда Филиппа—горестная, неизбѣжная катастрофа, а отнюдь не такое завершеніе греческой исторіи, которое было бы можно назвать достиженіемъ ея цѣли. Твердо стоя на этомъ несомнѣнномъ, по нашему мнѣнію, положеніи, мы предлагаемъ себѣ вопросъ, не было ли однакожь чего-нибудь внутренно-разумнаго въ томъ плачевномъ событіи, что столько прекраснаго и благороднаго погибло въ борьбѣ съ эгоистическою политикой Филиппа Македонскаго? Эта смерть греческой самостоятельности, носящая на себѣ всѣ признаки преждевременной смерти, была ли она дѣломъ чистаго случая, или могутъ быть показаны ея внутреннія основанія? Далекіе отъ обычая — правдой и неправдой преобразовывать всякое приключеніе въ разумно-необходимое историческое событіе, и потому спокойно обходя вопросъ о *необходимости* подчиненія Греціи Филиппу, мы не можемъ однакожь обойдти вопроса о его *возможности*. Мы отнюдь не устраняемъ изъ исторіи случая со всею его неразумностью, но не отрицаемъ и того, что неразумное можетъ имѣть силу только противъ неразумнаго, и потому приходимъ къ вопросу, что̀ же было въ политическихъ отношеніяхъ Греціи такого, что̀ особенно отличалось неразумною слѣпотою и заслуживало претерпѣть такое сокрушительное несчастіе? Такъ какъ здѣсь дѣло идетъ только о политическихъ отношеніяхъ, а не о внутреннемъ корнѣ всей греческой жизни, то отвѣтъ на предложенный

нами вопросъ легокъ и можетъ быть только одинъ. То, чего мы ищемъ, что̀ сдѣлало возможнымъ успѣхъ Филиппа и гибель греческой независимости, это очевидно — разъединеніе Греціи, это тѣ племенныя антипатіи и лишенныя разумнаго основанія ненависти, которыя повсюду и во всѣ времена составляютъ источникъ бѣдствій въ исторіи человѣчества. Вообще въ жизни человѣческой легко замѣтить мгновенное превращеніе самаго лучшаго въ самое худшее. Воодушевленіе и страсть, развитіе личности и завистливый эгоизмъ, любовь къ отечеству и безсмысленная племенная ненависть очень часто соприкасаются. Такъ и въ греческой исторіи обособленіе Греческихъ городовъ, которое было торжествомъ начала свободнаго разнообразія, повело къ партикуляризму, а черезъ него и къ неминуемому паденію. Патріотизмъ, который произвелъ еще много прекраснаго въ пелопоннесскихъ и ѳивскихъ войнахъ, былъ однакожь далеко не тотъ патріотизмъ, дружно защищавшій дѣло всемірной исторіи, который далъ Грекамъ побѣду при Марафонѣ. Въ этотъ промежутокъ времени много слѣпой страсти и ненависти примѣшалось къ патріотизму греческихъ городовъ; разъединеніе и антипатіи пріобрѣли великую силу, и Греки, забывая о своей близости и по крови и по гелленизму, стали вовлекать въ свои дѣла ту самую Персію, которая за пятьдесятъ лѣтъ была для нихъ представительницею варварскаго Востока. Внутреннія ненависти сдѣлались сильнѣе антипатіи къ варварамъ, и какъ скоро это произошло, Греція уже была лишена возможности защищать свою независимость. Она должна была достаться въ руки перваго сильнаго и хитраго врага. Извѣстно, что этотъ врагъ явился въ лицѣ Филиппа Македонскаго, что Филиппъ принудилъ Грековъ забыть свои старыя распри въ повиновеніи новому члену гелленскаго міра. По историческимъ основаніямъ своей возможности, успѣхъ Филиппа имѣлъ глубоко-разумное значеніе. Его неожиданность увеличила тяжесть наказанія за духъ раздора, ослѣпившій Грецію.

Но какъ ни было разумно событіе, орудіе, избранное исторіею для его осуществленія, все-таки не можетъ по одному тому заслуживать симпатіи. Филиппъ Македонскій вовсе не былъ и не хотѣлъ быть соединителемъ и примирителемъ Греціи. Это роль Демосѳена. Филиппъ же дѣйствовалъ не противъ разъединенія, а самъ пользовался разъединеніемъ, чтобы одержать верхъ надъ Греціей. Дѣлать его представителемъ новаго лучшаго порядка вещей тѣмъ болѣе странно, что этого лучшаго порядка вовсе не видно послѣ Херонейской побѣды. Новое полусоюзное и полуго-

сударственное устройство, предложенное Греціи Македоніей, было въ своемъ родѣ гораздо ниже, гораздо менѣе государственно, нежели прежнее городское устройство въ своемъ родѣ *). Послѣднее было въ своемъ родѣ совершенно; между тѣмъ какъ первое было только зародышемъ отдаленнаго, въ древнемъ мірѣ недостигнутаго будущаго. Прежніе греческіе города–государства, какъ города – государства, были непревосходимы; прелесть художественности окружала формы жизни, господствовавшія въ лучшихъ изъ нихъ; гражданину было въ нихъ жить легко и привольно, и онъ радовался, чувствуя, что живетъ по–человѣчески. Противъ этого–то веселаго, разнообразнаго быта выступала Македонія безо всякихъ утѣшительныхъ обѣщаній, съ единственнымъ требованіемъ подчиненія себѣ. На сторонѣ ея требованій стояла, правда, всеобщая историческая необходимость обобщенія и была залогомъ ихъ успѣшности; но понятно, что Греку не легко было податься этой исторической необходимости, которая была для Греціи не что иное, какъ необходимость погибнуть. Грекъ долженъ былъ съ негодованіемъ смотрѣть на теченіе событій, подмывавшихъ самую основу греческой національности. Благородныя натуры, натуры чисто греческія, должны были съ трагическимъ энтузіазмомъ становиться противъ теченія, въ твердой рѣшимости не уступать ему, еслибы даже и усматривали его непобѣдимую силу. Этимъ объясняется явленіе великихъ, трагическихъ личностей въ эпоху, непосредственно предшествующую паденію Греціи; явленіе такихъ восторженныхъ и энергическихъ противниковъ неумолимаго теченія дѣлъ, какимъ является Демосѳенъ — этотъ предста-

---

*) Говоря: *менѣе государственно*, мы употребляемъ терминъ *государственный* и *государство* въ его общепринятомъ вѣковомъ значеніи (πολιτεία, der Staat). Мы разумѣемъ подъ государствомъ вмѣстѣ съ цѣлымъ свѣтомъ такое непроизвольное соединеніе людей, которое даетъ имъ возможность жить по–человѣчески, и продолжаемъ раздѣлять государства, по образу правленія, такъ, какъ они раздѣляются въ тѣхъ учебникахъ географіи, по которымъ мы всѣ учились. Мы также не боимся, вслѣдъ за г. Кайдановымъ, называть Аѳины и Спарту государствами, знаменитыхъ политическими подвигами гражданъ этихъ городовъ мы зовемъ вмѣстѣ съ заглавнымъ листомъ книги г. Бабста государственными мужами, и потому никакъ не имѣемъ смѣлости сказать, что Аѳины и Спарта были «сильно втиснуты въ формы городоваго естественнаго устройства, не оторвались еще отъ нихъ и не дошли до сознанія формы государственной». («Гос. мужи» стр. 38.)

витель падающей Греціи, этотъ герой патріотизма, память котораго будетъ всегда однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ достояній исторіи человѣчества. Мы не въ силахъ не принимать сторону этихъ величественныхъ героевъ падающихъ; съ участіемъ слѣдимъ мы за ихъ судьбою; съ удивленіемъ смотримъ на ихъ усилія. Правда, что мы не можемъ отрицать и разумнаго хода исторіи, требовавшаго паденія Греціи, ибо партикуляризмъ, бывшій главнымъ двигателемъ тогдашнихъ событій, по самой своей природѣ обреченъ на уступки, съ ходомъ исторіи все болѣе и болѣе возрастающія; но это-то и придаетъ въ нашихъ глазахъ цѣлой эпохѣ характеръ трагическій.

Для Греціи македонское владычество и на самомъ дѣлѣ имѣло характеръ явленія разрушительнаго. Греція, какъ Греція, въ македонское время низко упала. Въ греческой національности происходитъ процессъ разложенія; всѣ сферы жизни, въ которыхъ характеристически проявлялась греческая національность, носятъ на себѣ ясный характеръ упадка, и отъ него остаются свободными только такія развитія, которыя, по существу своему, отрицаютъ національную ограниченность, какъ напримѣръ, философія. Поэтому Демосѳена и людей его образа мыслей нельзя упрекать даже въ неблагоразуміи или въ мечтательности; они не мечтали о возстановленіи какой-то старины, давно прошедшей и невозвратимой никакими усиліями; они заботились о національности, тогда еще сильной и неотжившей своего вѣка. И что могъ представить имъ въ замѣну ея новый порядокъ вещей, объявлявшій притязанія на все для нихъ драгоцѣнное? въ Македонянахъ они видѣли полуварваровъ; въ ихъ первенствѣ они видѣли свое порабощеніе и потерю независимости; въ приверженцахъ македонскаго владычества — людей, равнодушныхъ къ отечеству и его славѣ. Они не могли не видѣть ясно, что успѣхи Филиппа зависѣли отъ изнеможенія Греціи въ безплодныхъ междоусобныхъ войнахъ, отъ апатіи, распространившейся между Греками, отъ недостатка прежняго согласнаго одушевленія, отразившаго Персовъ съ такимъ неожиданнымъ успѣхомъ. И мы даже, люди, смотрящіе на греческую исторію не ограниченными глазами Грека, даже и мы не можемъ не назвать македонскаго времени временемъ упадка. Оно было явленіемъ позднѣйшимъ, долженствовавшимъ замѣнить собою время прежнее, но оно никакъ не стояло выше его. Всякое позднѣйшее явленіе въ развитіи бываетъ непремѣнно основою другаго явленія, высшаго, нежели прежнее, но не всякое позднѣйшее явленіе есть уже само по себѣ высшее. Въ этомъ смыслѣ маке-

донское время было неоспоримо временемъ паденія Греціи. И не только въ македонскомъ времени мы замѣчаемъ упадокъ, но находимъ его начатки уже и въ цѣломъ IV-мъ столѣтіи, подготовившемъ македонское владычество.

Г. Бабстъ, сколько намъ кажется, довольно близокъ къ этому взгляду: онъ называетъ эпоху, съ которой имѣетъ дѣло, эпохой распаденія, причемъ слово: *распаденіе*, очевидно, употреблено вмѣсто: *паденія*, ибо оно иначе нисколько не соотвѣствовало бы дѣлу. Но авторъ сочиненія, заглавіе котораго выписано въ началѣ этой статьи, высказываетъ мнѣніе, рѣшительно противоположное нашему. Нельзя болѣе расходиться во взглядѣ, какъ расходимся мы съ г. Стасюлевичемъ. Онъ прямо и рѣшительно ставитъ IV столѣтіе выше V. Вотъ что̀ говоритъ онъ объ этомъ вопросѣ:

«Обыкновенно считаютъ IV столѣтіе до Р. Х. временемъ паденія Греціи. Основаніе такого мнѣнія лежитъ въ томъ внѣшнемъ сравненіи, которое дѣлается между V и IV столѣтіями, а причина въ случайной потерѣ историческихъ источниковъ послѣдняго и въ исключительномъ обращеніи вниманія новѣйшихъ ученыхъ на время Геродота и Θукидида. Но разсматривая внутреннее значеніе того и другаго періода, мы легко убѣдимся, что если V столѣтіе заслуживаетъ особеннаго изученія, то только потому, что оно произвело IV столѣтіе (стр. 42). Въ IV столѣтіи мы не видимъ болѣе ни аристократовъ, ни демократовъ *). Теперь родилось новое понятіе πολιτῆς (слѣдуетъ читать: πολίτης) и сообразное съ нимъ государственное устройство πολιτεία **). Но опредѣливъ отношеніе гражданъ между собою, IV столѣтіе рѣшило и другой важный вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ греческихъ государствъ. IV-му столѣтію предстояло рѣшить задачу соединенія Греціи въ одно цѣлое сообразно съ тѣмъ развитіемъ, котораго достигли въ Греціи понятія о политическомъ устройствѣ. До сихъ поръ, соединеніе достигалось подчиненіемъ мелкихъ государствъ тому или другому городу, сначала какъ метрополіи, потомъ какъ гегемону. Задачею государственныхъ людей IV столѣтія сдѣлалось достиженіе такого соединенія, при которомъ сохранялось бы равенство членовъ. Одни изъ такихъ государственныхъ людей считали лучшимъ средствомъ къ такому соединенію утвержденіе монархіи, въ которой отдѣльныя греческія государства,

---

*) А что̀ же значатъ безпрестанныя перемѣны въ аѳинскомъ государственномъ устройствѣ въ концѣ IV столѣтія?

**) Это не было государственное устройство именно IV столѣтія. Что̀ значитъ πολιτεία, было бы здѣсь неумѣстно объяснять; сослаться можно на Аристотеля Pol. III, 5, 2; IV, 5, 9, V, 6, 4.

хотя и теряли свою самостоятельность, но зато сохраняли между собою равенство, какъ провинціи одного и того же государства. Поборники монархическаго начала обратились къ Македоніи, думая чрезъ нее осуществить свою идею соединенія Греціи въ одно цѣлое.» (Стр. 46 — 49).

Такое изображеніе греческой исторіи можетъ казаться весьма привлекательнымъ по своей логической послѣдовательности, и, дѣйствительно, оно вѣрно обозначаетъ *одну* сторону дѣла. Но оно никакъ не соотвѣтствуетъ *всему* ходу событій, не исчерпываетъ *всей* греческой исторіи, не изображаетъ ея со *всѣхъ* сторонъ. Оно было бы вполнѣ вѣрно только въ томъ случаѣ, еслибъ единственною задачею греческой исторіи было объединеніе Греціи. Но этого нельзя никакъ допустить. Напротивъ, всякій, старающійся понять греческую исторію со стороны ея специфическаго отличія, по необходимости приходитъ къ тому убѣжденію, что собственною задачею греческой національности было осуществленіе того самаго полнаго и разнообразнаго обособленія, которое мы видимъ въ VI и V столѣтіи. Разнообразіе, обособленіе — вотъ *собственно греческое* явленіе въ греческой исторіи. Когда оно начинаетъ искажаться и, искажаясь, уступать силѣ обстоятельствъ, тогда начинаетъ падать, начинаетъ портиться греческая національность. Мы говоримъ: *портиться*, потому что это слово всегда означаетъ такую перемѣну въ какой-нибудь цѣнной вещи, которая состоитъ въ уничтоженіи качества, дающаго ей специфическое значеніе, и составляющаго ея спеціяльную цѣнность. Порча не есть уничтоженіе, и испортившаяся вещь переходитъ въ другую или разлагается на многія, происходящія изъ нея, и потому представляющія собою явленіе, сравнительно позднѣйшее и высшее. Но когда измѣненіе произошло вполнѣ, прежней вещи ужь нѣтъ, и ежели она имѣла цѣну для насъ, мы говоримъ, что она испортилась. Возьмемъ для объясненія того, что̀ мы хотимъ сказать, самый простой примѣръ изъ обиходной жизни. Когда вино становится кисло и переходитъ въ уксусъ, всѣ мы говоримъ, что оно начинаетъ портиться, и не обращаемъ вниманія на то, что и уксусъ можетъ имѣть цѣнность. Въ химическомъ процессѣ уксусная кислота есть явленіе позднѣйшее, и ежели угодно высшее, нежели алкоголь. Но для того, чтобъ произошло это высшее явленіе, алкоголь долженъ перестать существовать, и вино должно испортиться. Уксусъ имѣетъ свою пользу и значеніе, но онъ не можетъ произойдти безъ порчи вина. Точно то же замѣчается и въ явленіяхъ историческихъ. Въ дан-

номъ случаѣ, напримѣръ, мы въ правѣ утверждать, что безъ порчи греческой національности македонское владычество было бы невозможно. Мы соглашаемся, что соединеніе Греціи имѣло великое историческое значеніе, но не можемъ скрыть отъ себя и того, что то его явленіе, которое имѣло мѣсто въ дѣйствительности, находится въ тѣсной связи съ упадкомъ греческой національности, и полагаемъ, что время его явленія, IV-е столѣтіе, по справедливости называлось и, конечно, будетъ называться временемъ паденія Греціи.

Можно выразить отношеніе IV-го столѣтія къ V-му, сказавъ, что V-е столѣтіе есть время высшаго процвѣтанія греческой національности, а IV-е — время новаго движенія, имѣвшаго окончательною, но еще не сознаваемою тогда, цѣлію — вывести исторію изъ изящныхъ, но тѣсныхъ предѣловъ греческой національности. Это было ужь движеніе не въ греческой исторіи, а изъ греческой исторіи, и могло вести только къ разложенію собственно греческаго быта, а отнюдь не къ процвѣтанію его. Процвѣтаніе Греціи имѣло мѣсто въ V-мъ столѣтіи, и это столѣтіе едвали «только потому имѣетъ цѣну, что произвело IV-е». Едвали время персидскихъ войнъ, время Перикла, Фидія, Софокла и Сократа не заслуживаетъ вниманія ужь и само по себѣ. Едвали и въ политическомъ отношеніи это столѣтіе не стоитъ выше того столѣтія, которое началось правленіемъ Тридцати, а окончилось учрежденіемъ въ Аѳинахъ двухъ новыхъ филъ изъ низкой лести къ Антигону и его сыну, которое видѣло порабощеніе Греціи и ея постыдное уничиженіе даже передъ сыномъ Антигоновымъ. Мы не можемъ также согласиться съ г. Стасюлевичемъ и въ томъ, будто бы причиною недостаточной оцѣнки IV-го столѣтія со стороны новѣйшихъ ученыхъ была случайная потеря его историческихъ источниковъ (стр. 42). «Пятое столѣтіе, говоритъ г. Стасюлевичъ, совершенно затмило его по богатству своихъ источниковъ: персидскія и пелопоннесскія войны въ исторіи Греціи занимаютъ первое мѣсто, хотя, по своему внутреннему значенію, онѣ должны стоять далеко позади въ сравненіи съ ѳиванскими и македонскими войнами IV-го столѣтія. Вся причина предпочтенія первыхъ послѣднимъ заключается въ томъ, что большее число историковъ IV-го столѣтія совершенно утрачены, между тѣмъ какъ почти единственный историкъ V-го столѣтія, Ѳукидидъ, дошелъ до насъ въ совершенной цѣлости и сосредоточилъ на себѣ вниманіе новѣйшихъ ученыхъ» (стр. 2 и 3). Мы позволимъ себѣ въ противность этимъ словамъ утверждать, что еслибъ и всѣ до

одной книги Θеопомпа и Эфора, историковъ IV-го столѣтія, дошли до насъ, все таки V-е столѣтіе было бы для многихъ привлекательнѣе нежели IV-е столѣтіе. Самъ г. Стасюлевичь приводитъ (хотя довольно страннымъ образомъ) слова Нибура. «Извѣстный Нибуръ, занимавшійся, впрочемъ, исключительно исторіею Рима (?!), высказалъ ясно, съ свойственнымъ ему остроуміемъ, всю важность и значеніе исторіи Греціи въ IV-мъ столѣтіи и, быть можетъ, ужь увлеченный восторгомъ (!), сказалъ очень рѣзко на одной изъ своихъ историческихъ лекцій: wehe den Thoren, die griechische Geschichte schreiben wollen, wo wir Thukydides haben, aber sie von da an zu schreiben, wo er sie geschlossen, das ist ein lohnendes Geschäft. Dies ist nicht eine Geschichte, die mit Forschung über Verfassung zu schreiben ist, sondern pragmatisch mit Kenntniss der Welt und der Menschen (стр. 7)». Нибуръ очевидно хотѣлъ сказать, что безумно было бы браться за дѣло, сдѣланное Θукидидомъ, потому что Θукидида превзойти невозможно, но что гораздо успѣшнѣе и благодарнѣе можетъ быть предпріятіе писать исторію съ того времени, на которомъ Θукидидъ остановился. Нибуръ и не думалъ утверждать превосходства IV-го столѣтія надъ пятымъ; онъ только говоритъ, что писать исторію того времени, которое не было обработано такимъ великимъ историкомъ, какъ Θукидидъ, гораздо легче, нежели браться за исторію пелопоннесской войны. Онъ никакъ не согласился бы съ г. Стасюлевичемъ, что IV-е столѣтіе въ политическомъ значеніи стоитъ выше V-го; какъ будто для предупрежденія недоразумѣній, въ самомъ томъ мѣстѣ, которое приводитъ г. Стасюлевичь, и въ самыхъ словахъ, имъ приведенныхъ и нами выписанныхъ, онъ прибавляетъ, что исторія IV-го столѣтія имѣетъ болѣе психологическій, нежели политическій интересъ, и тѣмъ высказываетъ мнѣніе, прямо противоположное мнѣнію г. Стасюлевича, полагающаго, что IV-е столѣтіе и въ политическомъ отношеніи болѣе важно, нежели V-е.

Потеря историковъ IV-го столѣтія, Θеопомпа, Эфора и другихъ, въ самомъ дѣлѣ очень чувствительна и, конечно, не одинъ ужь ученый горевалъ о ней; но и этимъ историкамъ, какъ всему IV-му столѣтію, г. Стасюлевичь даетъ, если мы не ошибаемся, слишкомъ большое значеніе. На словахъ Діонисія Галикарнасскаго онъ основываетъ свое заключеніе, что въ отношеніи къ наукѣ исторія Θеопомпа стоитъ гораздо выше Θукидидовой и другихъ историковъ V-го столѣтія (стр. 6). Трудно понять, что здѣсь значатъ слова: *въ отношеніи къ наукѣ;* по крайней мѣрѣ Діонисій

хвалитъ Θеопомпа не за научность его исторіи, а за ея прагматизмъ. Θеопомпъ, по словамъ галикарнасскаго ритора, изслѣдуетъ сокровенныя причины поступковъ, даже самыя мысли дѣйствующаго лица и его внутреннія движенія, замѣтныя весьма немногимъ; онъ умѣетъ открывать всѣ тайны мнимой добродѣтели и замаскированнаго порока. Эти слова только показываютъ, что характеръ исторіи Θеопомпа былъ прагматическій; заключать о научномъ достоинствѣ Θеопомповыхъ сочиненій они не даютъ никакого права. А прагматическую, и при томъ въ такомъ тѣсномъ смыслѣ прагматическую, исторію г. Стасюлевичь, конечно, не поставитъ выше исторіи художественной, какова Θукидидова. Кромѣ того, мы никакъ не можемъ одобрить заключеній о достоинствѣ какого-нибудь потерянnаго сочиненія, основанныхъ на сужденіи одного только древняго писателя, тогда какъ есть сужденія другихъ писателей, которыя также надобно брать въ разсчетъ. А это-то именно и случилось съ г. Стасюлевичемъ при опредѣленіи достоинства Θеопомпа. Такъ Цицеронъ въ первой главѣ De legibus говоритъ: «И у Геродота, отца исторіи, и у Θеопомпа нѣтъ счету баснямъ.» А отъ Страбона (1, стр. 43) мы узнаемъ, что Θеопомпъ передѣлывалъ миѳы по своему, конечно, подводя ихъ подъ свою прагматическую мѣрку. Такіе два свидѣтеля заслуживаютъ всякаго вниманія, и изъ словъ ихъ можно вывести только невыгодное заключеніе о научномъ достоинствѣ прагматическихъ исторій Θеопомпа, въ противность мнѣнію г. Стасюлевича, будто бы *въ отношеніи къ наукѣ* исторія Θеопомпа стоитъ гораздо выше Θукидидовой. Странно также, что г. Стасюлевичь, придавая *такое* значеніе Θеопомпу, какъ будто забылъ, что Θеопомпъ былъ риторъ насквозь (въ нашемъ значеніи слова *риторъ*), что онъ прославился похвальнымъ словомъ Мавсолу, писалъ похвальныя слова Филиппу и Александру Македонскому, что онъ былъ терпимъ на родинѣ только по волѣ послѣдняго и т. д.

Не будучи въ состояніи согласиться съ авторомъ «Ликурга Аѳинскаго» вообще о значеніи IV столѣтія въ Греческой исторіи, мы не можемъ раздѣлять и его мнѣнія о греческихъ партіяхъ этого столѣтія. Мы знаемъ въ это время въ Греціи двѣ партіи: одну — національную, патріотическую, благородную; другую — македонскую. Первая дѣйствовала съ увлеченіемъ и энтузіазмомъ на защиту греческой независимости; вторая видѣла, можетъ-быть, несбыточность этихъ усилій и изъ холоднаго благоразумія принимала сторону сильнаго, пользовалась его милостями, позволяла себя подкупать. Окончаніе борьбы было въ пользу послѣдней

партіи, но своимъ успѣхомъ она не воспользовалась ни для чего великаго. Ее всѣ называютъ партіею македонскою, а въ ея представителяхъ, въ Эсхинѣ, Филократѣ, Демадѣ, Фокіонѣ видятъ приверженцевъ иностраннаго владычества. Но г. Стасюлевичъ не одной этой партіи даетъ иностранное имя, онъ дастъ иностранное имя и притомъ имя, еще хуже македонскаго звучавшее для Грека, и партіи патріотической. Онъ называетъ ее персидскою партіею. «Если можно поставлять Эсхину въ укоръ его привязанность къ Македонянамъ, то отчего же должно быть снисходительнѣе къ Демосѳену? спрашиваетъ онъ на страницѣ 53; чѣмъ лучше его сношенія съ Персами сношеній Эсхина съ Македонянами? Какъ Эсхинъ могъ получать деньги отъ Македоніи для поддержанія своей партіи, такъ точно могъ получать деньги отъ Персовъ и Демосѳенъ. Какъ Эсхина обвиняла противная партія такъ партія македонская, обвиняла и Демосѳена въ измѣнѣ отечеству». Удивляемся этимъ словамъ, подводящимъ все подъ одинъ уровень, и энтузіазмъ, и эгоизмъ, и патріотизмъ, и равнодушіе къ отечеству, чтобъ не сказать предательство. Нужно ли замѣчать для внимательнаго и образованнаго читателя, что было огромное различіе между сношеніями Демосѳена съ Персами и сношеніями Эсхина съ Македоніей? Демосѳенъ получалъ отъ Персовъ субсидіи не для того, чтобъ увеличивать въ Греціи число приверженцевъ персидскаго владычества, которыхъ въ Греціи вовсе не было; онъ пользовался персидскими субсидіями для поддержанія въ Греціи патріотической партіи, для приготовленій къ войнѣ противъ Македоніи. Персы могли давать ему свои деньги изъ опасенія, чтобъ Македонія не усилилась чрезмѣрно; они могли бояться соединенія Греціи подъ предводительствомъ Филиппа. Персы имѣли свой интересъ, когда отпускали деньги въ распоряженіе людей партіи Демосѳена; но эти люди брали и употребляли персидскія деньги не въ интересѣ Персіи, а въ интересѣ Греціи. Ставить ихъ на одну доску съ тѣми, которые получали деньги отъ Филиппа, чтобы служить Филипу и мѣшать дѣлу Демосѳена — это значитъ дѣлать величайшую несправедливость, какую только можетъ сдѣлать историкъ. Мы не можемъ не напомнить здѣсь г. Стасюлевичу одушевленныхъ словъ автора «Аббата Сугерія». «Исторія можетъ быть равнодушна къ орудіямъ, которыми она дѣйствуетъ, но историкъ не имѣетъ права на такое безстрастіе. Съ его стороны, оно было бы грѣхомъ, признакомъ умственнаго или нравственнаго безсилія. Мы не можемъ устранить случая изъ отдѣльной и общей жизни, но нельзя его допустить тамъ, гдѣ

дѣло идетъ объ оцѣнкѣ людей, на которыхъ лежитъ великая ответственность исторической роли. Приговоръ долженъ быть основанъ на вѣрномъ, честномъ изученіи дѣла. Онъ произносится не съ цѣлью тревожить могильный сонъ подсудимаго, а для того, чтобъ укрѣпить подверженное безчисленнымъ искушеніямъ нравственное чувство живыхъ, усилить ихъ шаткую вѣру въ добро и истину. Да будетъ воздано каждому по заслугамъ: признательность разнороднымъ труженикамъ, въ потѣ лица работавшимъ на человѣчество, удовлетворившимъ какому-нибудь изъ его требованій; строгое осужденіе людямъ, обманувшимъ современниковъ счастливою отвагою или геніяльнымъ эгоизмомъ. Въ возможности такого суда есть нѣчто глубоко утѣшительное для человѣка. Мысль о немъ даетъ усталой душѣ новыя силы для спора съ жизнью.»

Съ тяжелымъ чувствомъ нравственнаго неудовольствія прочли мы тѣ страницы въ книгѣ г. Стасюлевича, гдѣ онъ говоритъ о Демосѳенѣ и о такъ-называемой имъ персидской партіи. Ежели въ книгѣ г. Бабста Демосѳенъ показался намъ не вполнѣ оцѣненнымъ, то здѣсь мы нашли его униженнымъ, опозореннымъ. Мы не можемъ удержаться, чтобъ не привести нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ о Демосѳенѣ несравненнымъ Нибуромъ. Они хотя сколько-нибудь возстановятъ передъ русскою публикой это великое имя.

«Аѳины были въ состояніи усталости и апатіи, когда явился «Демосѳенъ. Онъ не хотѣлъ возвращаться въ прошедшее; онъ «не оплакивалъ того, что хорошія времена минули: онъ принялся «за дѣло съ горячею любовью и вѣрностью къ своему народу, «какъ онъ его нашелъ. Онъ не прогуливался праздно по городу, «декламируя о добромъ старомъ времени Перикла, Софокла, Со«лона или даже Ѳесея, и не произносилъ заклинаній, чтобъ вы«звать его опять, но съ отважнымъ мужествомъ взялся за насто«ящее и не остановился съ робостью передъ задачею — при не«благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ совершить дѣло самое «трудное. Величайшій геній онъ употребилъ на переработку «найденнаго въ благороднѣйшую форму. Большая часть его со«временниковъ подчинились гнету настоящаго; онъ выступилъ «противъ нихъ, старался возвысить свой народъ надъ настоя«щимъ и поднять его на свой уровень. Благороднѣйшее зрѣлище, «говорилъ одинъ древній стоикъ, это — великій мужъ въ борьбѣ «съ судьбою· такимъ никто не былъ болѣе, нежели Демосѳенъ»*.

*) Vorträge über alte Geschichte, II, S. 405.

«Ежели кто стоитъ какъ трагическій герой въ исторіи, такъ «это онъ, съ раннихъ поръ видящій нужное, замѣчающій вокругъ «себя пагубныя ошибки и всеобщее поспѣшное стремленіе къ «гибели, но не могущій пробиться впередъ и съ горестью усма- «тривающій приближеніе несчастія, прежде нежели оно наступи- «ло, между тѣмъ какъ другіе еще обманываютъ себя надеждами «или живутъ легкомысленно. Эту горькую чашу предусмотрѣнія, «при чистѣйшей любви къ отечеству, выпилъ Демосѳенъ до дна. «Такой мужъ, конечно, не можетъ быть веселъ, и потому-то по «всѣмъ его рѣчамъ проходитъ черта грусти, печальной серіозно- «сти; веселаго духа въ немъ никогда не было. Въ рѣчахъ Цице- «рона, особенно тотчасъ послѣ консульства, есть много веселья, «есть особенное глубокое счастіе; у Демосѳена мы этого никогда «не находимъ. Но въ томъ-то именно и состоитъ его величіе, «что онъ тѣмъ неменѣе неутомимъ, что̀ никакое несчастіе, ника- «кое оскорбленіе не въ состояніи его совратить съ пути. Каждое «мгновеніе онъ усматриваетъ, что̀ должно быть сдѣлано, и начи- «наетъ снова совѣтовать, настаивать, заклинать.»

«Когда онъ въ первый разъ явился въ народномъ собраніи, онъ «нашелъ народъ, испорченный демагогами и избалованный лестью. «Съ такимъ народомъ мало можно было сдѣлать хорошаго. Медлен- «ными успѣхами, которые онъ сдѣлалъ своимъ терпѣніемъ, та- «лантомъ и любовью къ отечеству, онъ пріобрѣлъ мало-по-малу «довѣріе цѣлаго народа, такъ что тысячи необразованныхъ людей «слѣдовали за нимъ, какъ дѣти за отцемъ. Его рѣчь увлекала лю- «дей, и силою таланта, которымъ Богъ его одарилъ, онъ управ- «лялъ ими. Онъ былъ великій администраторъ: изслѣдовать его «планы составляетъ одно изъ величайшихъ наслажденій.

«Онъ долженъ былъ бороться противъ самыхъ ожесточенныхъ «нападеній тѣхъ людей, которымъ была противна его роль, и про- «тивъ низкихъ интересовъ толпы. И тысячи бѣдняковъ воодуше- «вилъ онъ отказаться отъ денегъ, которыя они получали отъ го- «сударства, и употребить ихъ на защиту отечества; народъ, от- «выкшій отъ военной службы, одушевилъ онъ къ вооруженію, и «Аѳиняне снова стали привыкать къ оружію, чтобъ отстаивать «родину. Это поистинѣ значитъ болѣе нежели то, что̀ сдѣлалъ «Александръ, когда онъ съ 30,000 воиновъ проникъ до Инда. Во- «ины Александра были обязаны повиноваться своему вождю; Де- «мосѳенъ произвелъ величайшее самоотверженіе чрезъ возбуж- «деніе возвышенныхъ чувствъ» *).

*) Vorträge über alte Geschichte II, S. 337 — 340.

Около Демосѳена образовался цѣлый кружокъ превосходныхъ людей, поддерживавшихъ дѣло, за которое онъ сталъ дѣйствовать — людей, которые были болѣе или менѣе даровиты, но которые всѣ заслуживаютъ того, чтобъ исторія упомянула о нихъ съ теплымъ участіемъ. Ихъ имена встрѣчаются всѣ рядомъ въ требованіи Александра о выдачѣ ему аѳинскихъ ораторовъ (то-есть государственныхъ людей, руководителей Аѳинянъ). Замѣчательное мѣсто между ними занималъ тотъ государственный мужъ, котораго г. Стасюлевичь выбралъ спеціяльнымъ предметомъ своей диссертаціи, и на которомъ мы должны остановить наше вниманіе.

Ликургъ былъ, по рожденію, аѳинскій аристократъ. Онъ принадлежалъ къ древнему жреческому роду Этеобутадовъ, производившему себя отъ Бута, сына Пандіонова и внука Эрихѳонія, этого знаменитаго миѳическаго существа, рожденнаго Землею отъ бога Гефеста, и воспитаннаго Аѳиною, главною богинею Аттики. Но какъ многіе знатные роды въ Аѳинахъ, Этеобутады стояли на сторонѣ демоса, и Ликургъ уже изъ преданій своего рода вынесъ привязанность къ партіи народной. Отецъ его былъ казненъ Тридцатью. Надобно полагать, что желчь съ ранняго времени вкоренилась въ его сердцѣ. «Смертельнымъ ядомъ, а не чернилами пишетъ онъ свои рѣчи», говорили о немъ софисты, ему современные. Обстоятельства поддерживали въ немъ эту раздражительность; она перешла у него въ строгую суровость къ себѣ, въ суровость и притязательность къ другимъ. Онъ любилъ быть обвинителемъ, accusatorem factitavit, говоритъ о немъ Цицеронъ. Онъ преслѣдовалъ людей, которыхъ считалъ вредными, съ крайнимъ озлобленіемъ, и въ этомъ отношеніи уподоблялся иногда аѳинскимъ сикофантамъ, этимъ знаменитымъ ябедникамъ, столько извѣстнымъ изъ Аристофана. Борьба за доброе дѣло переходила у него въ слишкомъ большую придирчивость къ лицамъ, въ такую придирчивость, отъ которой умѣлъ остаться свободнымъ Демосѳенъ, вообще бравшій дѣло въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Но нравственная чистота побужденій не подлежитъ въ Ликургѣ сомнѣнію. Мѣткое сужденіе удивительнаго по своей впечатлительности аѳинскаго народа назвало Ликурга за придирчивость ибисомъ, за нравственную чистоту — справедливымъ, именемъ, которое было дано Аристиду.

Авторъ «Жизнеописанія X ораторовъ», мнимый Плутархъ, разсказываетъ, что Ликургъ, будучи человѣкомъ богатымъ, носилъ и зимою и лѣтомъ одно и то же верхнее одѣяніе *) и обувался

*) Г. Стасюлевичь ошибочно пишетъ *плащъ:* плащъ, по-гречески,

только въ такіе дни, когда это было необходимо. Его постель состояла изъ кожи и подушки, чтобъ встать раньше. День и ночь онъ обдумывалъ свои слова, потому что не имѣлъ дара говорить безъ приготовленія. По таланту, онъ стоялъ гораздо ниже Демосѳена. Единственная его рѣчь, дошедшая вполнѣ до нашего времени, рѣчь противъ Леократа, причисляется по справедливости къ превосходнѣйшимъ произведеніямъ древняго краснорѣчія. Но въ ней виденъ трудъ, встрѣчаются нѣкоторыя преувеличенія, отъ которыхъ рѣдко удается освободиться людямъ, которымъ все достается только послѣ большихъ усилій. Леократъ подвергся обвиненію Ликурга за то, что когда Аѳиняне, послѣ Херонейской битвы, приготовлялись къ защитѣ своего города, Леократъ тайно оставилъ Аѳины и отправился съ наложницей на островъ Родосъ. Обвиненіе было заслуженное, но, конечно, всякій замѣтитъ нѣкоторое преувеличеніе въ слѣдующемъ мѣстѣ, которое мы позволяемъ себѣ привести: «Можетъ быть, скажетъ онъ, что онъ не виновенъ въ измѣнѣ, потому что ему не были поручены ни морскіе арсеналы, ни городскія ворота, ни станъ, ни вообще что-нибудь, принадлежащее государству. Я же думаю, что начальники этихъ учрежденій были бы виновны въ предательствѣ одной части вашихъ силъ, а онъ выдалъ цѣлый городъ; что тѣ, измѣняя, сдѣлали бы преступленіе только противъ живыхъ, а онъ и скончавшихся, и храмы, находящіеся въ нашей странѣ, лишилъ почестей, на которыя они имѣютъ право издревле; что городъ, преданный тѣми, хотя и въ рабствѣ, но могъ бы быть обитаемъ, а этотъ человѣкъ такъ его оставилъ, что онъ лишился бы всѣхъ своихъ жителей» (то-есть ежели бы всѣ послѣдовали примѣру Леократа). Нѣтъ сомнѣнія, что Демосѳенъ не счелъ бы за нужное придумывать такую тираду, грѣшащую противъ здраваго смысла своею очевидною парадоксальностью. Впрочемъ, это только одна частность; при изысканности и парадоксальности нѣкоторыхъ доказательствъ, въ рѣчахъ Ликурга всегда была сила благороднаго и честнаго убѣжденія и доказательства неотрицаемыя. Защищая самого себя противъ обвинителей, онъ всегда выходилъ побѣдителемъ; большая часть людей, обвиненныхъ имъ, были осуждены судьями, и, по словамъ мнимаго Плутарха, уже одно приведеніе его мнѣнія было большою помощью для обвиняемаго. Въ основаніи его обвиненій не бывало

χλαμύς; это — платье, которое носили только въ дорогѣ и въ походахъ, въ городѣ въ плащѣ никто не ходилъ. Ἱμάτιον значитъ верхнее одѣяніе, носившееся сверхъ хитона и соотвѣтствующее римской тогѣ.

ошибки, и невинныхъ онъ никогда не преслѣдовалъ. Онъ не старался въ своихъ рѣчахъ понравиться судьямъ или народу ловкимъ словомъ. Онъ дѣйствовалъ нравственною энергіей; страшная строгость была главнымъ характеромъ его краснорѣчія. До насъ дошелъ чрезвычайно энергическій отрывокъ изъ его рѣчи противъ Лисикла, предводителя Аѳинянъ подъ Херонеей. «Ты предводительствовалъ, Лисиклъ, и тысяча гражданъ пали, двѣ тысячи сдѣлались военноплѣнными, тропей воздвигнутъ противъ нашего города, цѣлая Геллада обращена въ рабство, и все это случилось подъ твоимъ предводительствомъ и военачальствомъ — и *ты* смѣешь жить? и *ты* смѣешь смотрѣть на свѣтъ солнечный, попирать своими ногами нашу площадь, ты, сдѣлавшійся памятникомъ стыда и укоризны отечеству!»

Страшная строгость къ другимъ и немного изысканная, можетъ-быть, суровость въ собственной жизни не дѣлали, однакожь, Ликурга человѣкомъ грубымъ. Какъ истый Аѳинянинъ, онъ любилъ искусство и науку. Въ молодости онъ слушалъ Платона и потомъ былъ въ связи съ Исократомъ. Авторъ «Жизнеописаній» расказываетъ, какъ онъ, въ качествѣ государственнаго казначея, наказалъ одного собирателя податей за грубое обращеніе съ философомъ Ксенократомъ. Мы знаемъ, что по его предложенію Аѳиняне поставили бронзовыя статуи поэтовъ Эсхила, Софокла и Эврипида, и опредѣлили публичное сохраненіе списковъ съ ихъ трагедій. Онъ же предложилъ устроить въ Пиреѣ въ честь Посидона состязаніе киклическихъ хоровъ и состязаніе комедовъ въ день хитровъ (во время анѳестерій). Имъ былъ достроенъ театръ Діониса, отдѣланъ Панаѳенейскій стадій и Ликейскій гимнасій съ садомъ, его окружавшимъ. Ему же приписывается окончаніе одеона, крытаго зданія для музыкальныхъ концертовъ. Онъ былъ человѣкъ весьма образованный и начитанный въ поэтахъ; любилъ, и иногда некстати, приводить въ своихъ рѣчахъ стихи и миѳы. Рѣчь противъ Леократа наполнена цитатами изъ разныхъ поэтовъ; ораторъ декламировалъ въ ней передъ судьями цѣлыя мѣста изъ Эврипида и Тиртея. Особенный, почти жреческій характеръ придаютъ ей частыя воззванія къ богамъ и миѳы; Этеобутадъ проглядываетъ ясно въ такихъ мѣстахъ.

Мы сдѣлали эти общія замѣчанія о Ликургѣ въ дополненіе къ разсужденію г. Стасюлевича, въ планъ котораго, къ сожалѣнію, не входила общая характеристика этой оригинальной личности. Г. Стасюлевичь раздѣлилъ свое сочиненіе по слѣдующимъ рубрикамъ. Въ первой части у него говорится о происхожденіи Ликурга

и его родословной, о времени его рожденія и смерти и его частной жизни. Затѣмъ во второй слѣдуютъ: a) политическій характеръ исторіи Греціи въ IV столѣтіи до Р. Х. и мѣсто, которое занималъ Ликургъ въ государствѣ по своей политикѣ; b) обзоръ политической дѣятельности Ликурга: 1) дѣятельности его, какъ оратора говорящаго, 2) дѣятельности его какъ оратора дѣйствующаго, и притомъ: a) какъ посланника, b) какъ администратора. Послѣднее подраздѣленіе подраздѣляется еще на три: 1) о времени управленія Ликурга финансами, 2) о характерѣ его управленія и 3) о количествѣ приходовъ и расходовъ при Ликургѣ. Наконецъ, самое послѣднее изъ этихъ послѣднихъ подраздѣленій, раздѣлено еще на три, рубриковку которыхъ мы не выписываемъ.

Самый основательный отдѣлъ книги г. Стасюлевича, по нашему мнѣнію, первый. Рядъ ближайшихъ предковъ Ликурга выведенъ весьма правдоподобно изъ сличенія противорѣчащихъ извѣстій мнимаго Плутарха и Стратокловой псефисмы. Мнѣніе, что не дѣдъ, а отецъ Ликурга умерщвленъ Тридцатью, безъ сомнѣнія гораздо вѣроятнѣе другаго, защищаемаго Н и с с е н о м ъ. Этимъ опредѣляется и годъ рожденія нашего оратора. Ежели отецъ его умерщвленъ въ 404 году до Р. Х., то Ликургъ долженъ родиться или въ этомъ году или прежде, но никакъ не послѣ 403 года. Годъ смерти можетъ быть также опредѣленъ только приблизительно: мы знаемъ, что въ 326 году Ликурга не было въ живыхъ. Впрочемъ, г. Стасюлевичь идетъ слишкомъ далеко, полагая, что Ликургъ умеръ именно въ 326 году; онъ умеръ не позже этого года, но могъ умереть въ 327 и въ 328. Г. Стасюлевичь останавливается на 326 году, потому что этотъ годъ понадобится ему при дальнѣйшихъ предположеніяхъ; но надобно помнить, что на этомъ году нельзя ничего основывать.

О дѣтствѣ Ликурга ничего неизвѣстно. Мнимый Плутархъ сообщаетъ намъ, что онъ былъ слушателемъ Платона и потомъ, познакомившись съ Исократомъ, обратилъ на себя вниманіе политическою дѣятельностью. Это мѣсто г. Стасюлевичь понялъ неточно. По его мнѣнію, «вступивъ на политическое поприще, Ликургъ подружился съ Исократомъ» Но этого мнимый Плутархъ не говоритъ: у него сказано, что, послѣ знакомства съ Исократомъ, Ликургъ сталъ заниматься государственными дѣлами, а не наоборотъ (это не все равно). Кромѣ того, Плутархъ разумѣетъ вообще политическія занятія, а не въ спеціяльномъ смыслѣ государственную службу. Поэтому заключеніе г. Стасюлевича, что Ликургъ по-

знакомился съ Исократомъ послѣ того, какъ сдѣлался казначеемъ, то-есть на 61 году жизни, совершенно произвольно. Но въ другомъ отношеніи толкованіе этого мѣста у г. Стасюлевича не только произвольно, но и ошибочно. Мнимый Плутархъ говоритъ: сталъ заниматься политическими дѣлами ἐπανῶς, то-есть замѣчательнымъ образомъ, обращая на себя вниманіе. А г. Стасюлевичъ переводитъ (стр. 56): вступилъ на политическое поприще и при томъ *явно*. Такого смысла никакъ нельзя здѣсь давать слову ἐπιφανῶς, и тѣмъ страннѣе умозаключеніе г. Стасюлевича, что прежде Ликургъ принималъ участіе въ государственныхъ дѣлахъ не явно, то-есть не лично.

Но какъ бы то ни было, Ликургъ вступилъ на государственное поприще уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Онъ сдѣлался ораторомъ. Это даетъ поводъ г. Стасюлевичу къ отступленію о значеніи оратора. «Исторія Греціи въ IV стол. такъ мало еще обращала на себя вни-«манія новѣйшихъ ученыхъ (говоритъ онъ на стр. 58), что здѣсь «нельзя коснуться ни одного событія безъ предварительныхъ объ-«ясненій. Потому и теперь, приступая, къ описанію дѣятельно-«сти Ликурга, какъ оратора, мы должны прежде вообще изслѣдо-«вать значеніе оратора въ Греціи, и въ особенности значеніе его «въ IV стол.» Вопросъ чрезвычайно интересный, и мы съ нетерпѣніемъ стали искать его разрѣшенія на страницахъ разсужденія. Мы думали найдти объясненіе того замѣчательнаго явленія, что 10 ораторовъ упоминаются въ это время, какъ формальные чиновники, какъ нѣчто въ родѣ римскихъ трибуновъ (см. Niebuhr Vorträge etc. II. стр. 441), но, къ удивленію, увидѣли, что авторъ и не подозрѣваетъ существованія тѣхъ трудностей, разрѣшенія которыхъ мы ожидали, и что его «изслѣдованіе» не повело ни къ какому другому результату, кромѣ того общеизвѣстнаго и всѣми повторяемаго положенія, что ораторами назывались въ Греціи вообще государственные люди. Г. Стасюлевичъ продолжаетъ: «Нѣкоторые ученые, занимавшіеся спеціально жизнеописаніемъ Ли-«курга, оставляя безъ вниманія изслѣдованіе о значеніи оратора въ «IV стол., придумали, для объясненія нѣкоторыхъ извѣстій о дѣйстві-«яхъ Ликурга, особыя государственныя должности, которыя будто бы «занималъ Ликургъ, и которыхъ на дѣлѣ никогда не существовало. «Такъ Ниссенъ, основываясь на извѣстіи Лжеплутарха, утвер-«ждаетъ, что Ликургъ занималъ двѣ особыя должности, которыя «вмѣняли ему въ обязанность городской карауль (φυλακὴ τοῦ ἄστεος) и арестованіе злоумышленниковъ (τῶν κακούργων τὰν σύλληψιν).» Дѣйствительно, извѣстіе объ этихъ двухъ занятіяхъ очень затрудни-

тельно, но объясненіе г. Стасюлевича, по крайней мѣрѣ относительно перваго изъ нихъ, легко только повидимому. Г. Стасюлевичь понимаетъ подъ φυλακὴ τοῦ ἄστεος заботу о безопасности государства и полагаетъ, что она лежала на Ликургѣ, уже просто какъ на ораторѣ. Безопасность государства была, конечно, предметомъ заботъ каждаго оратора, даже каждаго гражданина, но φυλακὴ τοῦ ἄστεος не можетъ означать заботы о безопасности государства: этому противится значеніе обоихъ греческихъ словъ, изъ которыхъ первое значитъ караулъ, а второе городъ, не въ политическомъ смыслѣ соединенія гражданъ (для этого употребляется слово πόλις), а въ территоріяльномъ (поэтому Греки говорили τὸ ἄστυ τῆς πόλεως, замѣчательное выраженіе, которое можно найдти въ рѣчи Ликурга противъ Леократа 6, 3). Φυλακὴ τοῦ ἄστεος ничего не можетъ значить кромѣ городской караулъ, и ученые объясняли эти слова такъ, а не иначе, конечно по другой причинѣ, а не потому, чтобы они не обратили вниманія назначеніе оратора въ IV-мъ столѣтіи.

Мы говорили выше о характерѣ Ликургова краснорѣчія и замѣтили, что авторъ «Ликурга Аѳинскаго» не представилъ его характеристики въ этомъ отношеніи. Древность знала 15 писанныхъ рѣчей Ликурга; до нашего времени дошла только одна изъ нихъ, именно рѣчь противъ Леократа. Но нѣтъ сомнѣнія, что Ликургъ говорилъ гораздо болѣе 15 рѣчей; онъ только издалъ въ свѣтъ 15 рѣчей. Много псефисмъ и законовъ было принято по его предложенію, конечно, не безъ предварительныхъ преній. Г. Стасюлевичь исчисляетъ на стр. 70 и 71 законы Ликурга такъ, какъ они исчисляются обыкновенно, но ему не удалось объяснить того (втораго, по его счету) закона, о которомъ мнимый Плутархъ говоритъ особенно небрежно. Законъ этотъ у мнимаго Плутарха гласитъ такъ: «никто изъ Аѳинянъ, ни изъ живущихъ въ Аѳинахъ не смѣетъ купить (у г. Стасюлевича ошибочно и противъ смысла, и противъ языка: *продать*) въ рабство свободнаго человѣка изъ военноплѣнныхъ, безъ показаній (у г. Стасюлевича противъ смысла: *безъ согласія*) прежняго господина». Г. Стасюлевичь поясняетъ этотъ законъ такъ: «въ этомъ законѣ подъ именемъ свободнаго должно разумѣть вольноотпущеннаго, иначе будетъ противорѣчіе между понятіемъ свободнаго и условіемъ не продавать его безъ согласія прежняго господина». Но спрашивается, съ какою цѣлью, въ чью защиту такой законъ могъ быть выданъ? Цѣлая исторія должна была случиться съ человѣкомъ, который бы удостоился благодѣяній этого курьознаго закона. Вопервыхъ, это дол-

женъ быть вольноотпущенный; вовторыхъ, онъ долженъ попасться въ военноплѣнные; втретьихъ, его долженъ купить и привезти въ Аѳины не кто другой, какъ аѳинскій гражданинъ или человѣкъ, постоянно живущій въ Аѳинахъ; привезетъ его куда-нибудь въ другой городъ иностранецъ или даже Аѳинянинъ и продастъ Аѳинянину: тогда случаї не подойдетъ подъ законъ, и Аѳинянинъ, привезшій его въ Аѳины не съ тѣмъ, чтобы продавать его, а чтобы пользоваться его трудомъ, будетъ невозбранно владѣть имъ. Вчетвертыхъ, прежній господинъ, отпустившій его на волю, непремѣнно долженъ быть человѣкъ чувствительный и запретить продажу; не сжалится онъ надъ нимъ и дозволитъ продажу, или возьметъ себѣ денегъ за позволеніе, — и военноплѣнный не только останется рабомъ того, кто его привезъ, но будетъ даже проданъ другому, несмотря на то, что онъ былъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, законнымъ порядкомъ отпущенъ на волю. Но пусть соединятся всѣ благопріятныя обстоятельства: и тогда, какое благодѣяніе испытаетъ продаваемый отъ Ликургова закона, если только понимать его такъ, какъ понимаетъ г. Стасюлевичь? Онъ только не будетъ проданъ другому и, слѣдовательно, останется у своего прежняго владѣльца. Подлинно такое благодѣяніе, для котораго великій ораторъ могъ не пожалѣть своего времени, могъ не пощадить усилій! Но дѣло въ томъ, что не *продавать* было запрещено Аѳинянамъ военноплѣнныхъ, а было запрещено *покупать* ихъ отъ кого бы то ни было, такъ что этимъ всякая торговля военноплѣнными была прекращена, конечно, на сколько это зависѣло отъ Аѳинъ. А для того, чтобы отличить военноплѣннаго отъ настоящаго раба, рожденнаго въ рабствѣ, или отъ купленнаго варвара, было постановлено требовать при каждой продажѣ показанія со стороны прежняго владѣльца, то-есть продающій раба долженъ былъ объявить, у кого онъ самъ купилъ продаваемаго раба, и прежній господинъ долженъ былъ подвердить своимъ показаніемъ (подтвержденіемъ, γνώμη) объявленіе продающаго. Такимъ образомъ, у торговцевъ была отнята всякая возможность продавать военноплѣнныхъ, и была приняты мѣра, чрезвычайно важная въ то время безпрестанныхъ войнъ и вполнѣ достойная Ликурга. Мы не сомнѣваемся, что и мнимый Плутархъ не иначе понималъ смыслъ закона, но, по своей обычной неловкости въ выраженіи мыслей, передалъ его неточно и сбивчиво. Слѣдовало сказать: «никто изъ Аѳинянъ не смѣетъ купить военноплѣннаго и на этотъ конецъ не смѣетъ вообще купить раба, не отобравъ показаній прежняго владѣльца». Мнимый Плутархъ сказалъ; «никто изъ Аѳинянъ не

смѣетъ купить военноплѣннаго, безъ показаній прежняго владѣльца». О вольноотпущенныхъ мнимый Плутархъ, конечно, и не думалъ.

Мы останавливаемся на тѣхъ мѣстахъ, которыя намъ кажутся неточными и невѣрными, и входимъ въ полемику съ г. Стасюлевичемъ, не по какому другому побужденію, какъ только изъ желанія блага русской наукѣ. Мы не сдѣлали бы этого, еслибы не видѣли въ его книгѣ многихъ условій, требующихъ для научной обработки древней исторіи. Но отдавая полную справедливость этимъ достоинствамъ, совершенно одобряя спеціяльность избранной имъ темы, съ удовольствіемъ замѣчая ученый характеръ его пріемовъ и полноту матеріяла, собраннаго изъ источниковъ и новыхъ сочиненій *), мы потому самому, что желаемъ видѣть въ немъ полезнаго дѣятеля, не можемъ умолчать о той невыдержанности и о погрѣшностяхъ противъ собственныхъ правилъ, которыя при нѣсколько большемъ вниманіи и нѣсколько болѣе удовлетворительномъ употребленіи филологическихъ средствъ могли бы быть устранены. Еще немного усилій въ филологическомъ изученіи и поболѣе заботы о вѣрномъ историческомъ пониманіи эпохи и о литературной формѣ и оживленности изложенія, и мы привѣтствовали бы разсужденіе г. Стасюлевича, какъ утѣшительное, серьозное явленіе въ русской ученой литературѣ. Теперь же передъ нами только надежда, что мы будемъ поставлены въ будущемъ въ такое положеніе, а въ настоящемъ — обязанность откровенно продолжать начатый нами рядъ замѣчаній.

До сихъ поръ, слѣдуя за г. Стасюлевичемъ, мы говорили о Ликургѣ, какъ объ ораторѣ, и оставили нетронутою ту сторону его дѣятельности, которая наиболѣе его прославила. Читатель понялъ, что мы хотимъ теперь говорить о его финансовомъ управленіи. Ликургъ исправлялъ въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ должность верховнаго финансоваго чиновника. Мѣры и операціи, предпринятыя имъ, были такъ успѣшны, что государственные доходы во время его управленія неимовѣрно возвысились. Аѳины получили средство вести войну съ Филиппомъ, а множество сооруженій въ городѣ и драгоцѣнныхъ вещей, сдѣланныхъ Ликургомъ для храмовъ Акрополя, могли даже напомнить гражданамъ о блистательномъ времени Перикла. Демосѳенъ возстановилъ духъ Аѳинскаго народа; Ликургъ возстановилъ государственную казну. Онъ по

---

*) Опущена только Мейерова жизнь Ликурга.

справедливости заслуживаетъ имя перваго финансоваго человѣка въ древности.

Мы не станемъ входить въ подробное изложеніе самаго дѣла, тѣмъ болѣе, что вопросы, относящіеся къ аѳинскимъ финансамъ, не приведены еще въ ясность и даже едва ли когда будутъ удовлетворительно рѣшены, по недостатку свидѣтельствъ, сохранившихся отъ древности. Наиболѣе наука обязана въ этомъ дѣлѣ знаменитому берлинскому ученому Бёкку, который въ своемъ сочиненіи: «Die Staatshaushaltung der Athener». 2 Bde. 1817, (нов. изд. 1851) съ удивительною ясностью ума и рѣдкимъ у филологовъ знаніемъ финансоваго дѣла, изъ разрозненныхъ данныхъ, которыя мы находимъ у древнихъ писателей и въ надписяхъ, составилъ общую картину аѳинскихъ финансовъ. Въ этомъ сочиненіи къ Ликургу особенно относятся *семь* страницъ перваго тома, именно: 465 — 472 (по старому изданію), которыми г. Стасюлевичь и пользовался, какъ видно изъ частыхъ ссылокъ. Но мы никакъ не могли объяснить себѣ того мѣста, которое мы нашли у него на стр. 110: «Но нельзя ли отыскать, какъ вообще былъ ве-«ликъ приходъ аѳинскаго государства до Ликурга, а не одинъ при-«ходъ съ союзниковъ? Этотъ вопросъ, сколько намъ извѣстно, ос-«тавался совершенно нерѣшеннымъ; по крайней мѣрѣ его не рѣ-«шаетъ Бёккъ. Намъ удалось отыскать въ одной рѣчи Демосѳена, «читанной въ 341 г., слѣдовательно въ началѣ Ликургова управле-«нія, одно мѣсто, которое рѣшаетъ этотъ вопросъ съ совершен-«ною точностью». Затѣмъ г. Стасюлевичь приводитъ мѣсто изъ подложной IV филиппики (которая, какъ подложная, стало-быть не была читана въ 341 году). Это мѣсто не только было извѣстно Бёкку; онъ даже его привелъ въ нѣмецкомъ переводѣ на одной изъ тѣхъ семи страницъ, которыя относятся къ предмету изслѣдованія г. Стасюлевича, именно на стр. 467. Объясненіе же этого мѣста у Бёкка основано на знаніи финансоваго дѣла и едва ли можетъ быть опровергнуто. Считаемъ обязанностью не умолчать, что мы были удивлены и тѣмъ, что̀ говорится у г. Стасюлевича на стр. 80. Здѣсь дѣло дѣло идетъ о срокѣ управленія Ликурга финансами. Діодоръ опредѣляетъ его двѣнадцатью годами; мнимый Плутархъ и псефисма — тремя пентаэтеридами, что собственно все равно, потому что пентаэтеридой называлось у Грековъ четырехлѣтіе. Такъ эти мѣста Діодора, мнимаго Плутарха и псефисмы понималъ и Бёккъ. Но г. Стасюлевичь противорѣчитъ знаменитому ученому; ему показалось, что пониманіе Бёкка не совсѣмъ правдоподобно и несогласно со многими извѣстіями древнихъ. «Такъ за-

«конъ о таміяхъ, сохранившійся у Лжеплутарха, положительно запре-
«щаетъ отправлять эту должность долѣе *пяти* лѣтъ. Такъ какъ этимъ
«закономъ совершенно опровергается все стараніе Бёкка доказать
«что званіе таміи было четырехлѣтнимъ, то онъ и видитъ здѣсь
«ошибку Лжеплутарха и не хочетъ принять въ соображеніе даже и
«того обстоятельства, что у греческихъ писателей встрѣчается
«особое выраженіе для четырехлѣтняго періода времени: τετραετία
«(см. Арріан. Епикт. III, и Кириллъ Іерус. Катих. XII, 8)».
Мѣста Арріана и Кирилла Іерусалимскаго, которыя г. Стасюлевичъ употребляетъ въ опроверженіе Бёкка, не только говорятъ за этого ученаго, но даже имъ самимъ приведены въ свою пользу, какъ доказательство того, что слово τετραετία встрѣчается только у весьма позднихъ писателей (см. Böckh, I, стр. 178). Они дѣйствительно могутъ только показать, что слово τετραετία употребляется у позднѣйшихъ писателей, и не могутъ опровергнуть всеобщаго въ Греціи употребленія слова пентаэтерида въ значеніи четырехлѣтія. А потому и редакція, которую даетъ закону о таміяхъ мнимый Плутархъ, должна считаться перепначенною этимъ писателемъ по небрежности.

Составивъ себѣ ошибочное, по нашему убѣжденію, понятіе о времени продолженія должности государственнаго казначея, г. Стасюлевичъ не могъ успѣшно опредѣлить и годовъ казначейства Ликургова. Вотъ его таблица:

344 — 339 Ликургъ, 1-я пентаэтерида.
339 — 334 Демадъ.
334 — 329 Ликургъ, 2-я пентаэтерида.
329 — 327 Ликургъ, начало 3-ей пентаэтериды.

Но изъ источниковъ, употребленныхъ г. Стасюлевичемъ, извлекаются, какъ твердые пункты, только три года: именно 342, когда былъ казначеемъ Ликургъ, по Рутилію Лупу стр. 100; 336, когда казначеемъ былъ Демадъ, по Плутарху стр. 818; 334, когда казначеемъ былъ Ликургъ, по надписи, изданной Уссингомъ, стр. 66. Взявъ во вниманіе послѣднія два числа и даржась мнѣнія о пятилѣтнемъ продолженіи казначейства, г. Стасюлевичъ долженъ былъ придать къ числу 334 число 5, и такимъ образомъ у него вышло число 339 для начала Демадова казначейства. Это число онъ и принялъ въ свою таблицу. Но г. Стасюлевичъ, очевидно, не спросилъ себя, могъ ли Демадъ быть казначеемъ въ 336 году? Иначе онъ вспомнилъ бы, что Демадъ, человѣкъ партіи македон-

ской, не могъ быть казначеемъ въ тотъ годъ, когда дѣлались самыя энергическія вооруженія противъ Филиппа, что онъ даже не былъ въ это время въ Ἀθηναχъ, а находился подъ Херонеей въ лагерѣ Филиппа. Поэтому Демадъ могъ быть казначеемъ только отъ 338 до 334 года, и этимъ только можетъ подтверждаться мнѣніе, что должность казначея давалась въ Аѳинахъ на 4 года, а не на 5, какъ утверждаетъ г. Стасюлевичъ. Отъ 338 года до 342 будетъ опять 4 года, и въ это время былъ казначеемъ Ликургъ, а далѣе 342 года свѣдѣнія, которыми пользовался г. Стасюлевичъ, нейдутъ.

Поэтому на основаніи данныхъ, принятыхъ г. Стасюлевичемъ за достовѣрныя, мы могли бы составить только слѣдующую таблицу, нисколько не противорѣчащую четырехлѣтнему продолженію казначейства:

342 — 338 Ликургъ.
338 — 334 Демадъ.
334 — 330 Ликургъ.
330 — 327 Ликургъ.

Но и эта таблица не можетъ быть принята, потому что данныя, по которымъ она составлена, не имѣютъ полной достовѣрности. По нашему убѣжденію, Демадъ былъ казначей кассы ѳеорика и упоминается у Плутарха, какъ таковой (см. Böckh, 2-е изд. стр. 229), а слѣдовательно не могъ занимать мѣсто главнаго казначея, не соединимаго съ званіемъ казначея ѳеорика. Такимъ образомъ, второй твердый пунктъ въ опредѣленіи лѣтъ казначейства ускользаетъ отъ насъ. Что же касается до надписи, изданной Уссингомъ, то самъ Уссингъ еще въ 1848 году (Z. f. A. № 62) взялъ назадъ свое чтеніе и призналъ чтеніе К. О. Мюллера за единственно вѣрное, а по чтенію К. О. Мюллера въ надписи упоминается не Ликургъ, а Ликурговъ сынъ Габронъ. Такимъ образомъ только одинъ 342 годъ остается вполнѣ достовѣрнымъ, а упоминаніе Габрона, какъ казначея, прежде смерти Ликурга, придаетъ нѣкоторую вѣроятность извѣстію мнимаго Плутарха, что Ликургъ управлялъ нѣсколько лѣтъ аѳинскими финансами подъ именемъ людей, ему приближенныхъ.

Относительно количества аѳинскихъ доходовъ при Ликургѣ достовѣрно только то, что они возвысились при немъ до 1200 талантовъ въ годъ, и что всего черезъ руки Ликурга прошло 18,900 талантовъ. Извѣстіе мнимаго Плутарха, будто бы до Ликурга аѳин-

скіе государственные доходы доходили только до 60 талантовъ — совершенная басня, и почти столько же невѣроятно извѣстіе подложной IV филиппики, принимаемое г. Стасюлевичемъ, что въ 341 году они возвышались только до 130 талантовъ. Нѣтъ сомнѣнія однакожь, что Ликургу удалось значительно увеличить средства Аѳинскаго государства, и что продолжительная, чрезвычайно полезная государству служба Ликурга пріобрѣла ему всеобщее уваженіе народа Аѳинскаго. Неоднократно онъ былъ почтенъ вѣнкомъ и по смерти удостоился погребенія на общественный счетъ (не въ саду философа Меланѳа, какъ говоритъ г. Стасюлевичь, а въ томъ мѣстѣ, гдѣ послѣ былъ садъ этого философа, ученика Карнеадова).

Этимъ мы оканчиваемъ нашъ разборъ докторскаго разсужденія г. Стасюлевича, хотя мы не говорили о многомъ, о чемъ говорится въ этомъ разсужденіи. Но это многое, какъ напр. родословная Этеобутадовъ, не имѣетъ никакого отношенія къ Ликургу. О каталогѣ та́мій, приложенномъ въ концѣ книгѣ, мы только замѣтимъ, что этотъ полезный трудъ подлежитъ большимъ измѣненіямъ, особенно послѣ того, что̀ сказано въ новомъ изданіи Бёкка, стр. 232 и 233.

П. Леонтьевъ.

ГОТФРИДЪ ГЕРМАНЪ. *

Іоганъ Готфридъ Якобъ Германъ родился въ Лейпцигѣ 28-го ноября 1772 года. Отецъ его, занимавшій мѣсто сеніора въ Schöppenstuhl этого города, былъ человѣкъ обыкновеннаго ума и характера, но добръ и прямъ, за что̀ пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Мать его, урожденная Плантье изъ Галле, происходила изъ семейства, выселившагося изъ Франціи. Она отличалась удивительною живостью характера, которую сохранила вмѣстѣ съ необыкновенною памятью до 90 лѣтъ въ полной силѣ и свѣжести; была оригинальна и занимательна даже въ мелочахъ, въ обращеніи бойка и вспыльчива. Но съ этими качествами Француженки соединяла она черты характера чисто нѣмецкія — необыкновенную теплоту душевную, строгую нравственность и твердую, непреклонную волю. Она–то и имѣла самое рѣшительное вліяніе на воспитаніе сына, походившаго на нее столько же всѣми главными чертами характера, сколько и наружнымъ видомъ. Ребенокъ родился столь слабымъ, что сомнѣвались, будетъ ли онъ жить; при нѣжномъ здоровьѣ онъ развивался медленно, такъ что сталъ ходить

---

*) Заимствуемъ эту характеристику перваго гелленіста нашего столѣтія изъ рѣчи, говоренной проф. Яномъ 28-го января 1849 года въ большой залѣ (Aula Maxima) Лейпцигскаго университета, по порученію академическаго сената. Мы сообщаемъ ее почти вполнѣ съ нѣкоторыми опущеніями, не относящимися впрочемъ къ характеристикѣ Германа, какъ ученаго. *Ред.*

и говорить не прежде какъ по третьему году и притомъ прежде по-французски чѣмъ по-нѣмецки; въ послѣдствіи имѣлъ онъ рѣшительное отвращеніе отъ французскаго языка.

Скоро обнаружился пылкій характеръ мальчика въ кипучей живости, а также въ вспыльчивости и упрямствѣ, съ которыми не могло даже сладить строгое обращеніе не менѣе вспыльчивой матери; его первый учитель Риттеръ, человѣкъ съ умомъ, но въ высшей степени странный и причудливый, не могъ ни обуздать его, ни пробудить въ немъ охоты къ ученью. Ребенокъ не хотѣлъ ничего знать о книгахъ, то и дѣло веселился въ шумныхъ играхъ и твердо рѣшился быть солдатомъ, съ чѣмъ его родители не были никакъ согласны. Такъ достигъ онъ двѣнадцатилѣтняго возраста, когда попалъ на руки къ человѣку, который, какъ Германъ самъ постоянно говорилъ съ сердечною благодарностію, умѣлъ его обуздать и привязать къ себѣ и наставилъ на путь, котораго онъ болѣе не покидалъ. Карлъ Давидъ Ильгенъ былъ человѣкъ крѣпкаго, сильнаго характера, закаленный въ суровой школѣ лишеній и трудовъ, съ твердою волей, которую онъ рѣзко выражалъ и приводилъ въ исполненіе съ неприклонною строгостью; его высокій ростъ, значительныя черты лица, громкій голосъ, суровость, положительность — все способствовало снискать ему уваженіе и почтительность. Отъ мальчика, непривыкшаго ни уступать кому бы то ни было, ни сидѣть за книгами, требовалъ онъ безусловнаго послушанія и дѣятельнаго труда. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ отдѣлаться отъ докучливыхъ требованій, ребенокъ увидѣлъ, что борьба будетъ ему не подъ силу, и тотчасъ отдался совершенно своему учителю. Строгая справедливость Ильгена, истинное добродушіе, неподдѣльная веселость и теплое, живое участіе къ ребенку, скрытое подъ суровостію, скоро доставили ему довѣренность и любовь ученика. Съ такою же ловкостію умѣлъ онъ направить всю силу и подвижность его характера отъ игръ, занимавшихъ его до этихъ поръ, къ ученью. Ильгенъ самъ вступилъ въ университетъ съ основательными и обширными знаніями, которыми онъ былъ одолженъ болѣе своимъ собственнымъ занятіямъ, чѣмъ своимъ учителямъ. Онъ сумѣлъ пробудить охоту учиться и въ своемъ ученикѣ, находившемъ постоянно въ каждой представляющейся трудности побужденіе къ новой дѣятельности, но вмѣстѣ съ тѣмъ не далъ онъ его подвижности обратиться въ поверхностность. Многимъ не занимались: по-гречески прочтены были въ теченіи 2-хъ лѣтъ (1784—1786) двѣ главы изъ Достопамятностей Ксенофонта и 4 пѣсни изъ Иліады. Болѣе всего долженъ

былъ мальчикъ самъ искать и находить : грамматики не было, онъ самъ составилъ себѣ грамматику языка гомерическаго ; потомъ обсуждали все самымъ точнымъ образомъ, во всемъ требовался отчетъ, тщательно взвѣшивались основанія. Ученикъ, подъ твердою рукой учителя принужденный сдерживать нетерпѣливую живость, съ своей стороны платилъ ему за это, приставая къ нему съ вопросами, сомнѣніями, такъ что стоило большаго труда удовлетворять его. Такъ образовалась между ними тѣсная связь, не ограничивавшаяся часами ученья.

Въ старости говорилъ Германъ постоянно съ радостнымъ одушевленіемъ о счастіи, которое онъ нашелъ въ этомъ ученьѣ, послужившемъ основаніемъ вѣрной дружбѣ, связывавшей ученыхъ въ продолженіе цѣлой жизни и запечатлѣнной со стороны Германа прекрасными словами воспоминанія объ умершемъ другѣ. Въ два года сдѣлалъ Германъ такіе успѣхи, что могъ поступить въ университетъ (1786) ; онъ не только имѣлъ основательныя свѣдѣнія въ греческомъ и латинскомъ языкахъ , но научился работать, думать самъ, обсуживать и не бояться ни препятствій, ни усильныхъ трудовъ.

По волѣ своего отца долженъ онъ былъ посвятить себя юриспруденціи и слушалъ даже лекціи въ этомъ факультетѣ ; но наклонность его и труды обращены были постоянно на древніе языки. Исключительное занятіе этими послѣдними не давало въ то время надежныхъ видовъ доставить себѣ безбѣдное обезпеченіе; и только съ великимъ трудомъ могли уговорить отца позволить сыну оставить юриспруденцію и посвятить себя совершенно филологіи. Особливо помогло въ этомъ дѣлѣ ходатайство Рейца; Германъ былъ ему родня и этимъ самымъ такъ сблизился съ нимъ, что, и какъ человѣкъ и какъ ученый, Рейцъ имѣлъ самое рѣшительное вліяніе на его образованіе. Какъ высоко стоялъ Рейцъ, это можно видѣть не столько изъ его сочиненій, которыхъ немного, сколько изъ почтительной признательности его друзей и учениковъ. Предъ чистотою его характера и глубиною знанія преклонялся даже Ф. А. Вольфъ, не очень склонный оказывать подобнаго рода уваженіе. И Германъ , въ характерѣ котораго одною изъ рѣзкихъ чертъ была почтительная привязанность къ тѣмъ, которыхъ онъ любилъ, и благодарная память о нихъ, постоянно выказывалъ свое глубокое уваженіе къ нему и воздвигъ ему не одинъ прекрасный памятникъ своей любви. Въ портретѣ глубокоуважаемаго учителя своего, который онъ набрасываетъ, вы узнаете опять тѣ черты, которыя столь благородно и прекрасно являются

намъ въ немъ самомъ. Какъ Рейцъ опредѣлилъ направленіе его занятій, далъ первый толчокъ его значительнѣйшимъ ученымъ трудамъ: такъ равно былъ онъ самымъ благотворнымъ образцомъ для его нравственнаго образованія. Конечно должно считать великимъ счастіемъ судьбы, что Герману опять достался учитель, которому могъ онъ предаться всею душой; учитель, который угадалъ, что̀ ему дано въ этомъ ученикѣ, и обратилъ на него всю любовь и стараніе, который былъ способенъ постигнуть цѣльнаго человѣка и образовать его. Ибо это именно и дѣлаетъ Германа истинно великимъ явленіемъ, что въ немъ никакъ не возможно раздѣлить человѣка и ученаго, значенія научнаго и нравственнаго достоинства, что всякій ученый трудъ его есть вмѣстѣ съ тѣмъ каждый разъ и нравственное дѣло, что въ каждомъ проявленіи его должны мы любить и уважать цѣльнаго, гармоническаго человѣка, человѣка въ полномъ значеніи слова.

Фридрихъ Вольфгангъ Рейцъ былъ человѣкъ незапятнанной чистоты и благороднѣйшей простоты характера, безкорыстный, готовый на пожертвованіе, безо всякихъ притязаній и самой строгой любви къ истинѣ. Какъ ученый, отличался онъ точностью и опредѣленностью своего знанія, всегда утвержденнаго на основательномъ изслѣдованіи и добросовѣстной оцѣнкѣ, недовольствовавшейся эмпирическимъ наблюденіемъ, но стремившейся проникнуть до основъ каждаго явленія. Его занятія были столь же объемлющи, сколько основательны въ частностяхъ; не одни древніе языки, въ которыхъ онъ, какъ о немъ говорили, имѣлъ jus de non appellando, но и исторія древнихъ народовъ, ихъ древности и образовательное искусство были предметомъ его изслѣдованій. По предложенію русскаго правительства готовился онъ къ археологическому путешествію въ Грецію, которое, къ его сожалѣнію, осталось безъ исполненія. Его лекціи, которыя онъ приготовлялъ съ удивительною добросовѣстностью, были образцовыми по обдуманности, ясности изложенія, которое особенно въ латинской рѣчи было удивительно точно и мѣтко; по методѣ, взвѣшивавшей съ точною осторожностью все, что̀ принадлежало къ дѣлу, и оставлявшею въ сторонѣ все излишнее. Однимъ словомъ можно сказать поистинѣ, что Рейцъ сдѣлалъ все, чего можетъ достигнуть свѣтлый, тонкій умъ въ соединеніи съ самымъ усиленнымъ трудомъ, безъ геніяльности. Онъ былъ учителемъ Германа не только на своихъ лекціяхъ; и въ короткомъ домашнемъ кругу былъ онъ преимущественно способенъ не затушить сильно пылающій огонь въ своемъ ученикѣ, а умѣрить его и

развить въ юношѣ то, что безъ такого вліянія было бы, можетъ-быть, менѣе развито. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что чистое и прямое стремленіе къ истинѣ лежало столь же глубоко въ природѣ Германа, какъ и рвеніе къ усиленному труду и удовольствіе побороть трудности со всѣмъ напряженіемъ силъ: но при необычной остротѣ взора, при легкости, съ которою онъ безпрестанно находилъ новое, при страшной потребности дѣятельности, которая безостановочно гнала его впередъ, ничего не могло быть спасительнѣе, вліянія человѣка, который отдавалъ полную справедливость всѣмъ его блестящимъ и счастливымъ дарованіямъ и радовался имъ, но удерживалъ его на каждомъ шагу, требовалъ во всемъ точнаго отчета, какой умѣлъ давать онъ самъ, и такимъ образомъ пріучалъ его къ необходимости обращать при каждомъ изслѣдованіи вниманіе на подробности и вещи незначительныя. При рѣшительномъ отвращеніи ко всему чисто эмпирическому, лежавшемъ въ природѣ Германа, это бы не удалось Рейцу, если бы онъ, благодаря своему основательному философскому образованію, не удовлетворялъ въ равной степени потребности раціональнаго знанія въ своемъ ученикѣ и не указывалъ ему постоянно истинною цѣлью изслѣдованія не только вещь, но основаніе и внутреннюю связь вещей. По своему и безъ притязаній обходился онъ съ ученикомъ просто, скорѣе какъ другъ и сотрудникъ чѣмъ какъ учитель, что̀ должно было только увеличить его вліяніе на пылкій нравъ юноши. Какъ сильно было это вліяніе, видно изъ того, что бо́льшая часть ученыхъ задачъ, которыя предположилъ себѣ Германъ, были предприняты по побужденію Рейца. Не говоря уже о метрикѣ и грамматикѣ, самыхъ значительныхъ плодахъ ученія Рейца, мы знаемъ, что онъ слушалъ у Рейца лекціи объ Агамемнонѣ Эсхила, Облакахъ Аристофана, Піитикѣ Аристотеля, Біонѣ и Мосхѣ, а также и о Rudens Плавта. Какъ ни было впрочемъ сильно вліяніе Рейца на Германа, его собственныя наклонности были столь опредѣленны, онъ имѣлъ столь вѣрное чутье того, къ чему былъ призванъ, что вліяніе было лишь по стольку возможно, по скольку оно, сообразно съ его природою, развивало въ немъ родственные элементы. Германъ во всю свою жизнь не принимался ни за что̀, что̀ бы не было согласно съ его внутреннею природой, и потому никогда не тратилъ по пустому времени и силъ: онъ былъ приведенъ и Рейцомъ не къ историко-антикварнымъ трудамъ, которыми этотъ прилежно занимался, а поддался вполнѣ вліянію своего учителя только въ области древнихъ языковъ. Онъ превосходилъ его

свѣжестію и глубиною чувства къ внутренней жизни и красотѣ языка и риѳма, геніяльною свободой и творческою силою, словомъ всѣмъ, чему нельзя научиться. Впрочемъ только Рейца и можно назвать поистинѣ учителемъ Германа, ибо хотя Германъ слушалъ и другихъ доцентовъ, но ни оба Эрнести, экзегеты довольно посредственные, ни Хр. Дан. Бекъ со своими болѣе разнообразными чѣмъ строго методическими лекціями, въ филологическомъ обществѣ котораго онъ принималъ участіе, не могли много развить его. Столь же мало находило удовлетворенія стремленіе Германа къ философскому образованію въ лекціяхъ Цезаря и Платнера. Ильгеномъ и Рейцемъ былъ онъ пріученъ строго мыслить, доходить самому до основъ каждой вещи и не признавать ничьего авторитета. Онъ даже былъ до такой степени склоненъ къ скептицизму, что въ продолженіе нѣкотораго времени принималъ всякую традицію за ложную, чтобы изслѣдовать каждую истину самому, помимо посторонняго вліянія. Умѣренный эклектицизмъ Платнера столь же мало могъ быть ему по сердцу, какъ и его вычурный, важный способъ изложенія, а между тѣмъ все-таки онъ посѣщалъ его лекціи и такъ тщательно записывалъ, что это даже поразило Платнера, хорошо знакомаго съ Германомъ домашнимъ образомъ. Ближайшія свѣдѣнія однако показали, что Германъ записывалъ не то, что̀ слышалъ на лекціяхъ, а свои возраженія. Случайно попались ему въ руки сочиненія Канта, которыя онъ изучалъ съ несказаннымъ прилежаніемъ. Онъ принялъ намѣреніе отправиться въ Іену къ Рейнгольду, что̀ и исполнилъ, защитивъ публично 17 октября 1793 года свою диссертацію de fundamento juris puniendi. Магистромъ былъ уже онъ съ 19 декабря 1790 года. Полгода занимался онъ въ Іенѣ исключительно философіей Канта, но то, чего онъ ожидалъ отъ Рейнгольда, не было вполнѣ удовлетворено. Стремленіе этого ученаго популяризовать систему и дѣлать ее общедоступною, не сходилось съ природою Германа, которая со всею пылкостію искала проникнуть въ глубину и хотѣла не устранять препятствія, но преодолѣвать ихъ. Такимъ образомъ и здѣсь долженъ онъ былъ большею частію руководствовать самъ себя и возвратился изъ Іены вполнѣ посвященнымъ, хотя и независимымъ приверженцемъ Кантовой философіи, которую онъ преподавалъ въ лекціяхъ о Кантовой Kritik der Urtheils-Kraft (1795) и логикѣ (1798), и которая наложила особенный отпечатокъ на его научное изложеніе метрики и грамматики. Впрочемъ, какъ ни глубока была въ Германѣ потребность, нашедшая удовлетвореніе въ философіи Канта; сколько ни было

для него внутреннею необходимостію основать на ней свои ученыя изслѣдованія : все-таки можно быть безпристрастнымъ и сказать прямо, что существенная и прочная заслуга этихъ изслѣдованій заключается не въ ихъ зависимости отъ Кантовой системы. Можно даже утверждать, что какъ ни рѣзко, какъ ни характеристично выступалъ въ духовной организаціи Германа логико-раціональный элементъ ; какъ ни вѣрно то, что Германъ былъ ясный, тонкій мыслитель: несмотря на то качество собственно-философическаго систематическаго мышленія не лежало въ его природѣ. Это выходитъ уже изъ того, что даже и въ указанныхъ сочиненіяхъ философская система представляетъ скорѣе форму для изслѣдованій, чѣмъ образуетъ истинный корень ихъ, а также и изъ того, что въ послѣдствіи онъ все болѣе и болѣе оставлялъ эту форму. Этимъ впрочемъ не отрицается значительное вліяніе перваго занятія философіей на все его образованіе ; дѣло только въ томъ, что она не передѣлала его. Безъ сомнѣнія, логико-раціональная способность его была этимъ занятіемъ далѣе развита и очищена, и иное воззрѣніе, имѣвшее основаніе въ его природѣ, выработано, можетъ-быть, въ твердый принципъ. Сюда относится рѣзкое различеніе мышленія и чувствованія, знанія и вѣры , котораго онъ держался теоретически и практически, выхваляя искусство незнанія, которое постоянно уясняетъ себѣ, что̀ можно знать и чего нельзя и отчего нельзя. Также и на нравственное его образованіе можно безъ всякаго сомнѣнія допустить значительное вліяніе Кантовой философіи, которое она подобнымъ же образомъ имѣла на самыхъ благородныхъ людей Германіи. Быть строго требовательнымъ къ самому себѣ ; подчиняться долгу съ полнымъ самоотверженіемъ; безъ боязни исповѣдывать и исполнять то, что̀ признано за право — все это сдѣлалось его нравственнымъ убѣжденіемъ ; но это убѣжденіе выходило и изъ его природы , и потому-то онъ прилагалъ его къ дѣлу безъ принужденія и усилія , съ теплымъ снисхожденіемъ къ другимъ.

Хотя Германъ занимался съ самымъ усильнымъ прилежаніемъ учеными трудами, которымъ онъ былъ весь преданъ, несмотря на это, онъ никакъ не былъ сухимъ кабинетнымъ труженникомъ. Наклонности и любви къ напряженнымъ тѣлеснымъ упражненіямъ удовлетворяли его далекія прогулки, путешествія пѣшкомъ, особливо же верховая ѣзда, до которой онъ былъ страстный охотникъ. Родители его считали его слабымъ для верховой ѣзды и потому не позволяли ему этого; онъ привелъ ихъ въ ужасъ, когда однажды поѣхалъ провожать ихъ въ гости къ своему дѣду вер-

хомъ. Но дѣдъ похвалилъ его словами: «дѣло, дѣло, дружокъ». Это пристрастіе къ лошадямъ не оставляло его до преклонныхъ лѣтъ. Онъ готовъ былъ всегда смотрѣть на хорошую лошадь и хвалить ее; онъ даже набросалъ характеристическіе рисунки лошадей, хотя впрочемъ никогда не рисовалъ. Не довольствуясь тѣмъ, что былъ смѣлымъ и ловкимъ ѣздокомъ, онъ прошелъ цѣлый курсъ верховой ѣзды и достигъ въ ней до чистаго мастерства. Съ удовольствіемъ, какого онъ не выказывалъ при своихъ ученыхъ успѣхахъ, разсказывалъ онъ, какъ одинъ кавалерійскій офицеръ однажды спросилъ его, не служилъ ли онъ въ конницѣ. Какъ серіозно и основательно занимался онъ этимъ дѣломъ, ясно изъ того, что онъ не только отвелъ искусству верховой ѣзды мѣсто въ своемъ философскомъ построеніи искусствъ, но и въ поздніе годы еще хвалилъ правило одной старинной школы верховой ѣзды: «кто хочетъ быть хорошимъ ѣздокомъ, тотъ прежде всего долженъ быть честнымъ человѣкомъ»; ибо, чтобы хорошо сидѣть на лошади, надобно имѣть чистую совѣсть и быть тверду и спокойну самому въ себѣ; точно также какъ старикъ Катонъ первымъ условіемъ годности въ всякомъ дѣлѣ и знаніи полагалъ быть честнымъ vir bonus. Отъ частой верховой ѣзды вся наружность Германа получила особенный характеръ: осанка, походка тотчасъ изобличали ѣздока, равно какъ и одежда, особенно ботфорты и шпоры, коихъ онъ не снималъ со времени своей студенческой жизни. Этимъ, правда, странно поражалъ онъ, также какъ тѣмъ, что по полученіи степени магистра распростился навсегда съ косою и парикомъ. «А что, думаете вы такъ всюду и пройдти съ своими шпорами?» спросилъ его однажды Платнеръ. Но подобнаго рода вещи не сбивали его съ толку.

Съ Германомъ были тѣсно связаны дружбой много горячихъ и талантливыхъ товарищей по занятіямъ: Эрнстъ Платнеръ, Гейнротъ, Клавдіусъ, Фолькманъ, Менцель, единственный человѣкъ, съ которымъ Германъ былъ на ты. Большею частію сходились они въ саду Бозе; тамъ нерѣдко въ лунныя ночи гуляли они, сочиняли и критиковали стихи, горячо спорили, причемъ Германъ постоянно былъ готовъ возражать, защищать парадоксы и горячо принимать сторону беззащитнаго и подвергшагося нападкамъ. Французская революція доставляла пищу для живаго разговора, причемъ Германъ большею частію являлся менѣе восторженнымъ поклонникомъ французской республики, чѣмъ нѣкоторые изъ его друзей. Этотъ кружокъ частію разсѣялся, частію разорвались узы, связывавшія его; позднѣе вступилъ Германъ въ дружескія отно-

шенія къ молодежи, именно къ ученикамъ. Онъ охотно бывалъ въ кругу женщинъ, пылкій, остроумный молодой человѣкъ нравился имъ пріятною любезностію обращенія и истиннымъ рыцарствомъ; при ближайшемъ знакомствѣ любилъ онъ шутить съ ними, причемъ порядкомъ докучалъ имъ, всегда съ самою простодушною веселостью и откровенностью. Но помимо этого легкаго обращенія былъ онъ для женщинъ рыцаремъ-защитникомъ, внушалъ имъ увѣренность найдти въ немъ твердую защиту, и со многими вступилъ въ близкія дружескія связи, въ которыхъ былъ прямъ и вѣренъ.

По возвращеніи изъ Іены, защитилъ онъ въ Лейпцигѣ, 18 октября 1794 г., диссертацію de poeseos generibus для полученія права преподаванія, и началъ въслѣдующемъ году свои чтенія о Кантовой Urtheils-Kraft и Антигонѣ Софокла. Успѣхи его, какъ преподавателя и писателя, были столь рѣшительны, что уже въ 1797 г. ему дали мѣсто экстраординарнаго профессора, которое онъ вскорѣ послѣ смерти отца занялъ, 28-го марта 1798 г., вступительною рѣчью въ честь Рейца. Тотчасъ же, при первомъ выступленіи на поприще, онъ принялъ самымъ опредѣленнымъ образомъ то направленіе, которому остался твердо вѣренъ до конца жизни. Эта вѣрность самому себѣ не вытекала ни изъ ограниченности, ни изъ недостатка подвижности: она была слѣдствіемъ внутренняго побужденія, направляющаго всѣ истинно-геніяльныя натуры съ непреодолимою силою къ тому, что̀ составляетъ ихъ истинное призваніе. Многіе могутъ послѣдовать этому внутреннему голосу только послѣ борьбы и лишеній и часто при этомъ теряютъ лучшія свои силы; Германъ былъ счастливѣе. Онъ былъ столь здоровъ духомъ, столь согласенъ самъ съ собою, что можно сказать, что онъ никогда не колебался; какъ въ нравственной, такъ и въ ученой жизни взвѣшивалъ онъ все добросовѣстно; но безъ мечтательности, безъ борьбы, безъ раздвоенія рѣшался на то, что̀ было сообразно съ его природою; и когда навязывалось ему что-либо чуждое, онъ освобождался отъ того быстро и безъ всякихъ сомнѣній. Областью его ученыхъ трудовъ былъ языкъ. Заслуга его на этомъ поприщѣ заключалась въ томъ, что онъ смотрѣлъ на языкъ не какъ на аггрегатъ внѣшнихъ явленій, расположенныхъ въ извѣстномъ порядкѣ по отвлеченнымъ правиламъ, а какъ на живой продуктъ человѣческаго духа, — продуктъ, который слѣдуетъ тѣмъ же самымъ необходимымъ законамъ, какъ и духъ нашъ, и можетъ быть постигнутъ только изъ этихъ законовъ; но онъ признавалъ также въ равной степени художественную сво-

боду и красоту языка и старался уяснять ее. Эти оба элемента, строгая законосообразность мысли и свободное художественное чувство и творчество, нераздѣльно господствующія въ языкѣ, равно рѣзко отпечатлѣвались на душѣ Германа, но находились между собою въ совершенномъ равновѣсіи и производили эту непреодолимо-увлекательную гармонію его существа. Эта заслуга доставляетъ ему не только самое почетное мѣсто въ его наукѣ, но также отводитъ ему оригинальное и значительное мѣсто въ общей исторіи германскаго развитія. Съ тѣхъ поръ какъ Винкельманъ изъ области образовательныхъ искусствъ извлекъ свое живое воззрѣніе на древность, величайшіе и благороднѣйшіе умы германскаго народа черпали изъ этого источника, и образованіе германской литературы стоитъ съ тѣхъ поръ въ непрерывной взаимной связи съ изученіемъ древности. Хотя Германъ не дѣйствовалъ, какъ великіе писатели Германіи, непосредственно на развитіе литературы, но съ тѣхъ поръ какъ онъ раскрылъ художественное воззрѣніе на языкъ, на риѳмы и чрезъ то на античную поэзію, посредственно онъ много содѣйствовалъ воздвигнуть великое зданіе германской литературы, и мысль дать ему мѣсто между Лессингомъ и Кантомъ есть счастливая мысль.

Германъ засталъ обработку древнихъ языковъ чисто эмпирическою. Голландскіе и англійскіе филологи, отличавшіеся своимъ прилежаніемъ, тщательностію, а также и остроуміемъ, не пошли далѣе отдѣльныхъ наблюденій, изъ которыхъ извлекались правила, прилагавшіяся механически и оставлявшія въ затруднительныхъ случаяхъ безъ всякой помощи. Нѣмецкая филологія отчасти не могла оправиться отъ долгой зависимости отъ ѳеологіи, отчасти, вслѣдствіе вліянія Гейне, чуждалась изысканій въ области языка. Германъ питалъ природное отвращеніе ко всему чисто-эмпирическому и хотя допускалъ значеніе результатовъ, достигнутыхъ этимъ путемъ, но неохотно и почти насильно. Онъ самъ никогда не позволялъ себѣ пренебрегать точнымъ наблюденіемъ и тщательнымъ изслѣдованіемъ подробностей, но нисколько не цѣнилъ такой трудъ, потому что смотрѣлъ на полученный такимъ образомъ фактическій результатъ, только какъ на фундаментъ для вопроса объ основаніи, единственнаго собственно важнаго; какъ скоро этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ, предварительная работа не обращала на себя его вниманія; что нужно было для цѣли, то онъ сообщалъ и притомъ, гдѣ было нужно, вполнѣ, а все прочее, что̀ касалось мелкихъ замѣчаній и объясненій, онъ устранялъ: ни въ его характерѣ было хвалиться необходимымъ приготовленіемъ

къ ученой работѣ. Оттого рѣзкое отличіе его сочиненій въ противоположность къ богатой полнотѣ, считавшейся нѣкогда необходимымъ результатомъ основательной учености, составляетъ соблюденіе тѣсныхъ предѣловъ необходимаго. Безъ всякихъ околичностей онъ обращался постоянно къ самому основанію вещи. Какъ не признавалъ онъ никогда авторитета какъ такого, такъ равно не допускалъ онъ также и авторитета правилъ, отвлеченныхъ изъ примѣровъ, и притомъ тѣмъ болѣе, чѣмъ сложнѣе были эти правила, чѣмъ болѣе насчитывалось въ нихъ подраздѣленій и примѣровъ. Въ этомъ онъ видѣлъ вѣрнѣйшее доказательство того, что еще не достигли истиннаго основанія, которое всегда просто и ясно. А потому всегдашнею его задачею было — отыскать законъ мышленія, заключающій въ себѣ явленіе языка, необходимый какъ законъ природы и непреложный, и чрезъ то самое главное условіе истинной свободы, заключающейся въ признаніи необходимыхъ границъ. Это воззрѣніе не позволяло ему смотрѣть на языкъ, какъ на матеріялъ къ философскимъ абстракціямъ, но онъ открывалъ въ полномъ теченіи его роскошной жизни скрытые источники. Система греческаго языка, которой онъ положилъ основаніе въ сочиненіи de emandanda ratione grammaticae graecae (1801), не докончена; можетъ-быть помѣшало кончить это сочиненіе требованіе обработать книгу Вигера de praecipuis graecae distionis idiotismis (1802) и можетъ-быть замѣчанія, здѣсь приложенныя, болѣе сдѣлали въ публикѣ для правильнаго изученія языка греческаго; нежели могла бы сдѣлать философски построенная система.

Тонкое чутье Германа и вѣрный тактъ его въ отношеніи къ явленіямъ языка во всѣхъ его многообразныхъ переливахъ, какъ они условливаются различіемъ времени, родовъ слога индивидуальности писателей, находили сильную помощь въ его манерѣ работать. Эта метода была проста, какъ вся природа и характеръ Германа. Заниматься многимъ, разнообразнымъ въ одно и то же время, было для него невозможно, но однимъ чѣмъ-нибудь занимался онъ вполнѣ. Такъ читалъ онъ одного писателя, большею частію скоро, чтобы быть всегда подъ полнымъ, свѣжимъ вліяніемъ цѣлаго; но зато читалъ нѣсколько разъ сряду, чтобы при каждомъ новомъ повтореніи постоянно имѣть въ виду что-нибудь новое, съ цѣлію узнать писателя ясно и точно до самыхъ мельчайшихъ особенностей. Этотъ способъ укрѣплялъ его память, прекрасную отъ природы: въ чтеніяхъ своихъ о піитикѣ нерѣдко приводилъ онъ на память примѣры, часто цѣлыя длинныя мѣста,

и не изъ однихъ только древнихъ поэтовъ; съ Гомеромъ былъ онъ такъ знакомъ, что, по его собственнымъ словамъ, могъ бы написать на память всю Иліаду, кромѣ каталога и нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ мѣстъ, гдѣ могъ ошибиться въ формулахъ. Зато онъ никогда не составлялъ себѣ обширныхъ замѣтокъ и выписокъ, которыя называются у ученыхъ adversaria и collectanea; каждое изслѣдованіе приводило его опять къ источникамъ. Оттого его сочиненія никогда не оставляютъ впечатлѣнія чего-нибудь составленнаго изъ отрывковъ, напротивъ чувствуешь, что отъ нихъ вѣетъ самою древностью; Германъ могъ справедливо говорить о себѣ, что того, что̀ онъ знаетъ, не пріобрѣлъ онъ кропотливою работой. Талантъ и изслѣдованія его, обращенныя исключительно на языкъ, опредѣлили также и его воззрѣніе на филологію, которому онъ постоянно слѣдовалъ. Ибо хотя Рейцъ принялъ въ кругъ своихъ занятій историческія изслѣдованія; хотя Гейне и Вольфъ значительно расширили область филологіи: Германъ все-таки признавалъ занятія языкомъ за настоящій центръ ея, онъ видѣлъ въ нихъ единственное средство къ познанію древняго міра, равно какъ въ языкѣ вообще—благороднѣйшій продуктъ человѣческаго духа и въ литературѣ древнихъ—высшее достояніе искусства человѣческаго. Что другія стороны древности также достойны изслѣдованія, онъ этого не отрицалъ, но частію видѣлъ онъ въ нихъ одни результаты изслѣдованій области языка, частію считалъ нужнымъ соблюдать различіе между филологіей и исторіей *). Во всякомъ случаѣ былъ онъ въ правѣ, если столь же мало допускалъ расторженіе филологіи на чистую и реальную, какъ и то, чтобы занятіе предметами историческими служило оправданіемъ недостаточному знанію языка и неметодическому занятію. Что̀ же касается до того, что тѣми частями древностей, которыя не связаны непосредственно съ языкомъ, онъ самъ занимался только при случаѣ и не признавалъ ихъ въ полномъ самостоятельномъ ихъ значеніи, то это имѣло основу въ особенности его ума. Его художническій талантъ и интересъ были устремлены на языкъ, и именно на поэзію; къ другимъ искусствамъ, къ образовательному, а равно и къ музыкѣ, хотя онъ не былъ вовсе не воспріимчивъ, но никогда не пользовались

*) Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ Германъ не былъ правъ. Теперь, когда отношеніе филологіи къ исторіи болѣе уяснилось, едва ли кто будетъ отрицать, что филологія, и исторія не могутъ и не должны быть отдѣляемы. Филологія, не переходящая въ исторію, есть трудъ, не достигающій своей цѣли. Исторія, не опирающаяся на филологію, есть зданіе, на пескѣ строимое. ***П. Л.***

они его участіемъ въ достаточной степени. Въ такомъ же точно отношеніи находился онъ и къ историческимъ изслѣдованіямъ: онъ не отрицалъ ихъ значенія, и замѣчательные труды, какъ напр. Нибура, изучалъ и уважалъ, но это не было настоящею его стихіей; его привлекало и удовлетворяло логическое развитіе исторіи въ его общихъ чертахъ. Зато, какъ скоро шло дѣло о какомъ-нибудь явленіи въ области языка, въ немъ высказывался тонкій историческій смыслъ. Хорошо характеризуетъ эту сторону въ нашемъ ученомъ участіе, которое онъ принималъ въ Вольфовомъ вопросѣ о твореніяхъ Гомера, живо затронувшемъ его. Онъ едва коснулся предварительныхъ историческихъ изысканій, съ которыхъ началъ Вольфъ изслѣдованіе вопроса, но тотчасъ обратилъ вниманіе на внутреннія основанія вопроса, которыя подтверждаютъ необходимость допустить различныхъ поэтовъ; указывалъ на противорѣчія, на различія въ поэтической обработкѣ, въ языкѣ, размѣрѣ стиха, словомъ, одинъ вглянулъ на вопросъ въ томъ смыслѣ, въ которомъ теперь Лахманъ приблизилъ его къ рѣшенію. Извѣстно, что онъ дѣлалъ подобныя изслѣдованія также о гомерическихъ гимнахъ и Гесіодѣ. Но прекраснѣйшій памятникъ въ этомъ родѣ — это его разсужденіе объ Орфеѣ, образецъ топкой наблюдательности и такта. Здѣсь путемъ метрическаго и филологическаго изслѣдованія дошелъ авторъ до результатовъ несомнѣнной вѣрности для исторіи литературы. Столько же его характеризуетъ отношеніе, въ какомъ онъ находился къ миѳологіи. Его взгляды на сущность и значеніе миѳа содержатъ много истиннаго и мѣткаго, но все это чисто раціональныя представленія о главнѣйшихъ вопросахъ миѳологіи, при чемъ фантазіи не предоставлено почти ничего, и авторъ не очень вдается въ конкретное историческое развитіе. При обработкѣ отдѣльныхъ частей тотчасъ выступаетъ на первый планъ языкъ, и главнымъ средствомъ для толкованія миѳовъ служитъ этимологія; ею владѣетъ Германъ съ такимъ совершенствомъ, что и помимо научнаго результата, одна уже геніяльная смѣлость латинскихъ переводовъ греческихъ миѳологическихъ именъ доставляетъ истинное наслажденіе. Впрочемъ, конечно, важность этимологіи въ миѳологическихъ изслѣдованіяхъ признана столько же, сколько не подлежитъ никакому сомнѣнію, что именно здѣсь открыты изслѣдованію самые различные пути.

Оцѣнка художественнаго въ языкѣ необходимо должна была навести Германа на тотъ элементъ, который преимущественно способенъ къ художественной формѣ, на риѳмъ, и Германъ справедливо признанъ всѣми основателемъ метрики. Одинъ только Бентли,

по собственному признанію Германа, понималъ ритмъ древнихъ столь же хорошо, какъ и ихъ языкъ, но подобно поэту онъ высказывалъ лишь одно то, что̀ чувствовалъ, и предоставлялъ другимъ развивать это чувство. Никто не сдѣлалъ послѣдняго, ибо никто не чувствовалъ такъ, какъ Бентли. Было потеряно даже значеніе обыкновенныхъ метровъ, и Бентлеевы правила слыли вздорными вымыслами. Только къ концу прошедшаго столѣтія болѣе дѣятельное изученіе греческихъ трагиковъ обратило вниманіе на ихъ метры, но, какъ въ грамматическихъ вопросахъ, дошли и здѣсь только до эмпирическаго исчисленія слоговъ, и то лишь въ однихъ только простѣйшихъ размѣрахъ. Даже Рейцъ, которому Германъ обязанъ побужденіемъ заниматься метрикою, а равно признаніемъ и уваженіемъ къ великому примѣру Бентли, даже самъ Рейцъ стоялъ еще на этой точкѣ, и Порсонъ отличавшійся, какъ критикъ, остроуміемъ, тщательностію и основательностію, не пошелъ въ метрикѣ, на которую онъ первый опять направилъ занятія, далѣе эмпирическихъ наблюденій самаго обыкновеннаго. Съ геніяльною смѣлостью проложилъ здѣсь дорогу Германъ. Онъ изслѣдовалъ всю область древней поэзіи и въ кажущемся произволѣ свободнаго лирическаго размѣра открылъ мѣру и законъ. Оставивъ авторитетъ древнихъ грамматиковъ, онъ проникнулъ въ сущность метра и опредѣлилъ отсюда необходимые общіе законы метрики. Опираясь на самое тщательное и тонкое наблюденіе, онъ объяснилъ отдѣльные размѣры и ихъ употребленіе, соединеніе ихъ въ большія группы, достигающее въ строфической композиціи высшей своей цѣли; онъ указалъ на строгую законосообразность и вмѣстѣ геніяльную смѣлость въ метрическомъ искусствѣ древнихъ и слѣдилъ за развитіемъ его въ его отдѣльныхъ слѣдахъ. Въ самомъ началѣ, въ сочиненіи de metris (1796), онъ поставилъ твердою рукою цѣлое, въ существенныхъ пунктахъ, оконченное зданіе метрики; но въ частностяхъ не переставалъ трудиться надъ этою задачею своей жизни, постоянно исправляя и улучшая ее. Онъ старался провести свой вглядъ на самой трудной задачѣ, Пиндарѣ. Гейне, не совсѣмъ знакомый съ грамматическою и метрическою критикою, просилъ его заняться этимъ поэтомъ, и подъ его смѣлою и художественно-опытною рукой, изъ тѣхъ стиховъ, которые много-много считались вольными рядами стопъ, возникло роскошное разчлененіе хорической лирики (1798). Столь же много важнаго указалъ онъ и въ языкѣ Пиндара и своими геніяльными эмендаціями, какихъ до сихъ поръ не бывало, проложилъ тотъ путь, по которому позднѣе пошелъ далѣе Бёкъ.

Этимъ трудомъ занялъ онъ окончательно свое мѣсто въ ученомъ мірѣ. Не только товарищи его по занятіямъ удивлялись тому новому свѣту, который онъ пролилъ, но даже въ публикѣ эти труды, съ тѣхъ поръ какъ его метрика явилась по-нѣмецки (1796), встрѣтили общее вниманіе и участіе. При общемъ возрожденіи поэтической дѣятельности, явилось тогда стремленіе приблизиться къ образцамъ древности и въ самой окончености формы. При такихъ условіяхъ, что̀ могло быть принято лучше метрики древнихъ? Преимущественно Гёте, занимавшійся тогда Ахиллеидою и Еленою и стремившійся глубже войдти въ сущность размѣра античнаго стиха, принималъ самое живое участіе въ этомъ предпріятіи. Прибывши въ Лейпцигъ (1800), онъ явился разъ вечеромъ неожиданно въ комнату удивленнаго Германа. Въ разговорѣ, завязавшемся между ними о метрикѣ, Гёте просилъ его написать метрику нѣмецкаго языка, но Германъ отклонилъ эту просьбу замѣчаніемъ, что создать нѣмецкую метрику есть дѣло Гёте. Дружескія отношенія, завязавшіяся такимъ образомъ, были поддерживаемы какъ перепиской такъ и личными свиданіями, именно въ Карлсбадѣ, гдѣ они встрѣтились въ 1820 году. Извѣстно, какъ высоко цѣнилъ Германа Гёте и съ какимъ участіемъ слѣдилъ за его трудами; легко понять, какую радость доставляло личное свиданіе этимъ обоимъ мужамъ, съ природой столько греческой и во многихъ отношеніяхъ столько родственной.

Какъ глубоко и истинно Германъ чувствовалъ существо древнихъ языковъ, и какъ вѣрно можно назвать его въ этомъ дѣлѣ художникомъ, лучше всего видно изъ того, какъ вполнѣ онъ ими владѣлъ и какъ выражался на нихъ. Кто слышалъ, какъ Германъ читалъ трагическій хоръ или какую-нибудь изъ одъ Пиндара, тотъ былъ поражаемъ одушевленіемъ, силою и ясностію чтенія, въ которомъ тонкое чувство прекраснаго въ риѳмахъ сливалось съ вѣрнымъ пониманіемъ содержанія. Слушающій, несмотря на то, что не могъ отдать себѣ отчета, бывалъ очарованъ и увлеченъ прелестію этого мелодическаго языка. Но если это было непосредственно связано съ личностью Германа и было извѣстно только лично знавшимъ его, то его мастерское знаніе латинскаго языка извѣстно всѣмъ, и можно прямо утверждать, что никто не превосходилъ его въ этомъ дѣлѣ, и даже едва ли найдется кто-нибудь ему равный. Онъ говорилъ и писалъ на латинскомъ языкѣ не какъ на усвоенномъ и чужомъ, но какъ на своемъ родномъ, и если допустить, что въ Римѣ такъ на этомъ языкѣ никогда не говорили (иногда допускалъ онъ маленькія небрежности въ вы-

раженіи, для исправленія которыхъ не нужно какого-нибудь Германа), то все-таки остается не менѣе вѣрнымъ, что его языкъ есть столько же чисто античный языкъ, сколько индивидуальное выраженіе характера Германа поистинѣ стиль его. Стóитъ только прочитать хоть одно предложеніе, чтобы явился предъ вами Германъ, какъ онъ есть, съ его голосомъ, движеніемъ, однимъ словомъ — какъ живой. Все, что́ хвалятъ въ римскомъ языкѣ, его мужественная сила, важность, достоинство, ясность и выразительность, острота и шутка, все это столько же принадлежитъ и къ качествамъ Германа и самымъ рѣзкимъ образомъ отпечатлѣно на его слогѣ. Но болѣе всего видно на немъ столь же вѣрное чувство ритмическаго теченія рѣчи и расположенія словъ, сколько и тончайшихъ оттѣнковъ выраженія, смотря по тому, что должно быть выражено, а въ этомъ и заключается всегда вѣрнѣйшее мѣрило того, что человѣкъ чувствуетъ живое въ языкѣ. Это особенно видно въ его стихахъ, которые въ самомъ дѣлѣ можно назвать стихами, и въ которыхъ размѣръ и образъ выраженія удивительнымъ образомъ гармонируютъ между собою и съ содержаніемъ. Немногія греческія стихотворенія, написанныя имъ въ шутку, какъ напримѣръ драгоцѣнные переводы изъ Шиллерова Валленштейна, доказываютъ достаточно, въ какой степени владѣлъ онъ и этимъ языкомъ. Но онъ не оставилъ безъ вниманія и своего роднаго языка, ибо хотя въ торжественныхъ случаяхъ онъ говорилъ болѣе полатини, однако и нѣмецкій слогъ его, необыкновенно простой и безъ всякихъ украшеній, отличается ясностью, краткостью и внутреннею силою выраженія. Онъ не былъ преданъ древнимъ языкамъ до той степени односторонности, чтобы оказывать совершенное равнодушіе къ новѣйшимъ поэтамъ. Болѣе всѣхъ, какъ и должно ожидать, уважалъ онъ Лессинга, потомъ Гёте, который казался ему единственнымъ Грекомъ между Нѣмцами, и Шиллера, стоявшаго для него въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще выше; Клопштока и Уца помнилъ онъ по юношескимъ воспоминаніямъ. На древненѣмецкую поэзію онъ также обратилъ вниманіе по поводу личныхъ отношеній *). Французскій, англійскій и италіянскій языки онъ

*) Авторъ имѣетъ здѣсь въ виду связь Германа съ Морицемъ Гауптомъ, извѣстнымъ германистомъ и филологомъ. Мнѣ лично извѣстно, что близость съ Гауптомъ (который женатъ на дочери Германа) была не только поводомъ къ изученію древне-нѣмецкой поэзіи, но навела Германа и на занятія санскритскимъ языкомъ и вообще лингвистикой. Эти занятія Германъ предпринялъ, будучи уже 70-лѣтнимъ старцемъ. *П. Л.*

зналъ, но изъ литературы ихъ занимали его постоянно только Шекспиръ и Дантъ. При такомъ рѣзкомъ направленіи къ поэзіи, можетъ удивить одна наклонность Германа, сильно занимавшая его внѣ его собственныхъ трудовъ, — это страсть къ математическимъ задачамъ и особенно къ разрѣшенію трудныхъ и запутанныхъ вычисленій. Онъ не только трудился съ особенною любовью надъ этого рода задачами изъ области древней литературы, но и задавалъ себѣ совершенно-самостоятельныя большія задачи, очевидно привлеченный строгостью и точностью математическаго метода.

Труды Германа по языкамъ и метрикѣ имѣли, конечно, цѣль и удовлетвореніе сами въ себѣ, но практическое свое приложеніе находили они въ обработкѣ древнихъ писателей, къ полному пониманію которыхъ они должны были проложить путь. Древнихъ писателей Германъ обрабатывалъ болѣе критически. Это дѣлалъ онъ не потому, чтобы въ этомъ полагалъ все занятіе филолога. Онъ признавалъ и высказывалъ, что критика и толкованіе необходимо пополняютъ другъ друга, не могутъ быть мыслимы раздѣльно и приводятъ къ совершенному пониманію только въ тѣсной связи и взаимнодѣйствіи; но такъ какъ онъ, въ своихъ сочиненіяхъ, главнымъ образомъ обращалъ вниманіе въ ту сторону, гдѣ нужно было устранять трудности, помогать и исправлять: то естественно въ практикѣ критика должна была являться у него на первомъ планѣ. Никогда однако не занимался онъ критикой ради ея самой, никогда не предлагалъ конъектуры (гадательнаго исправленія мѣста), потому только что она была остроумна и казалась вѣрною, или что ее можно было подкрѣпить бездною учености: это противорѣчило простотѣ и истинѣ его характера. Этимъ также отличался онъ отъ прежнихъ филологовъ, для которыхъ главнымъ дѣломъ было высказать свою ловкость въ техникѣ, умѣнье владѣть ученымъ аппаратомъ; если они были виртуозами, то Германъ и въ этомъ отношеніи явилъ въ себѣ художника. Его критика въ сущности была художническая. Дипломатическою критикой, какъ она выработана Беккеромъ и Лахманомъ, этою критикой, которая тщательнымъ сравненіемъ и оцѣнкою рукописей хочетъ возстановить традицію текста и, крѣпко держась ея, шагъ за шагомъ ищетъ приблизиться къ первоначальному подлиннику, онъ не занимался. Частію зависѣло это, конечно, отъ того состоянія, въ которомъ дошли до насъ тѣ писатели, которыми онъ преимущественно занимался, но нельзя не сказать и того, что такой критическій трудъ противорѣчилъ его природѣ. Ему каза-

лось, что при этомъ родѣ критики слишкомъ много даютъ мѣста матеріяльному и техническому; онъ тщательно обращалъ вниманіе на рукописи и подвергалъ ихъ критикѣ, такъ же какъ и всѣ другіе, но онъ смотрѣлъ на нихъ болѣе какъ на вспомогательныя орудія, которыми свободно дѣйствуетъ критикъ въ дѣлѣ своего искусства. Его критика была дивинаторною : посредствомъ тонкаго и осмотрительнаго испытанія убѣдившись въ дѣйствительности порчи, а равно и въ томъ, въ чемъ она состоитъ, онъ переносился на мѣсто писателя, и самъ снова творилъ. Оттого его предположенія часто смѣлы и при сравненіи съ чтеніемъ рукописей невѣроятны, но всегда таковы, что писатель могъ бы такъ написать, и часто хотѣлось бы, чтобы писатель такъ написалъ ; этихъ столько же геніяльныхъ, какъ и несомнѣнно вѣрныхъ поправокъ — безчисленное множество, и какъ часто подтверждали ихъ позднѣйшія открытія! Здѣсь нельзя привести примѣра разительнѣе Плавта , на которомъ издатель «торжествовалъ самый блестящій тріумфъ, какой только можетъ торжествовать врожденный геніяльный даръ дивинаціи, стоящій выше всѣхъ историческихъ условій.» Дѣло въ томъ, что Германъ вѣрнымъ взглядомъ своимъ не только усмотрѣлъ ложность и обманчивость повидимому твердо уже установленной традиціи текста Плавтова, но и, не поддавшись ея обманчивой темнотѣ, открылъ истинную сущность языка и стихосложенія Плавта и указалъ прямой путь къ ихъ возстановленію. И все это было потомъ подтверждено новыми открытіями Ричля въ рукописяхъ. — Хотя занятія Германа обнимали весь циклъ древнихъ писателей , онъ однако обратился съ особенною любовью къ Грекамъ, именно поэтамъ. О заслугахъ его въ этой области можно сказать, что критическая обработка греческихъ поэтовъ основана имъ, и что въ отдѣльныхъ частяхъ, взять ли эпическихъ, лирическихъ или драматическихъ писателей, онъ сдѣлалъ для нихъ болѣе, чѣмъ какой–либо другой филологъ. Эта многосторонность выступаетъ и въ его сочиненіяхъ, но источникомъ этого въ Германѣ не была собственно охота писать. Задачами литературными, которыя онъ себѣ предположилъ, были, кромѣ метрики и грамматики, собственно только изданія Эсхила и Плавта, кои остались неконченными. Съ Плавтомъ его такъ сказать формально обручилъ уже Рейцъ, и изданіе комедіи Trinummus (1800) можно считать первымъ извѣщеніемъ о предпринятомъ трудѣ ; послѣ Германъ уступилъ свои права на этого писателя другому болѣе молодому сопернику , но изданіемъ Бакхидъ (1845) показалъ , что какъ и въ былые годы свѣжа и сильна сохранилась въ немъ любовь

юности. Надъ изданіемъ Эсхила, предвѣстникомъ котораго было изданіе Эвменидъ (1799), надъ такъ часто обѣщаннымъ изданіемъ и оставшимся предметомъ ожиданій, онъ работалъ непрерывно до конца своей жизни и не могъ вдоволь натрудиться надъ возможнымъ усовершенствованіемъ этого труда жизни. За нѣсколько дней до смерти передалъ онъ изданіе Эсхила, какъ завѣщаніе, рукѣ одного близкаго родственника. Другія его изданія обязаны почти всѣ своимъ происхожденіемъ внѣшнимъ поводамъ, которыми служили большею частію его лекціи; многочисленныя разсужденія были часто вызываемы лежавшею на немъ обязанностью писать отъ лица университета программы. Эта обязанность находила его всегда готовымъ представить, какъ зрѣлый плодъ своихъ непрерывныхъ занятій, какое-нибудь совершенно самостоятельное изслѣдованіе, образцовое по методической обработкѣ предмета и привлекательности изложенія. Къ этому должно еще присоединить великое число рецензій, написанныхъ большею частію противъ его воли, по желанію писателей, просившихъ его высказать свое сужденіе, рецензій, изъ коихъ многія имѣли продолжительное значеніе въ наукѣ, и ни одна не была лишена оригинальности содержанія.

При такой многосторонней, продолжительной литературной дѣятельности Германъ приходилъ въ соприкосновеніе съ большею частію своихъ товарищей по занятіямъ; эти отношенія были чаще всего доброжелательными и дружескими, но нерѣдко также и полемическими. Германъ, въ характерѣ котораго рѣшительность была соединена съ живостію и прямотою, былъ непрочь поспорить, отзывался о мнѣніяхъ и взглядахъ другихъ прямо, не стѣсняясь ничѣмъ, и защищалъ свое убѣжденіе горячо. Это запутало его въ полемики, иногда продолжительныя, веденныя съ жаромъ. Мы не хотимъ принимать на себя роль судей, а того менѣе поднимать давно забытые споры, но можемъ и даже обязаны сказать здѣсь, что полемика Германа была всегда направлена противъ вещи, но никогда противъ лица. Въ сужденіи о лицахъ былъ онъ мягокъ и снисходителенъ, и даже самый сильный споръ никогда не доводилъ его до ожесточенія. Но онъ не давалъ этой снисходительности къ лицамъ превращаться въ пристрастное сужденіе о вещахъ. При рѣшительности его характера ему было, конечно, естественно не понять какой-нибудь личности съ совершенно другою организаціей и быть къ ней не совсѣмъ справедливымъ; но когда это случалось съ нимъ, то случалось безсознательно. Скорѣе напротивъ велъ онъ себя истинно порыцарски въ томъ отно-

шеніи, что смотрѣлъ на противника какъ на равнаго себѣ, вслѣдствіе чего неравенство выступало иногда, разумѣется, еще рѣзче. Обращать вниманіе на внѣшнія отношенія въ томъ случаѣ, когда дѣло шло о наукѣ, никогда ему не приходило въ голову; оттого тонъ его полемики, открытый, рѣшительный, сильный и, гдѣ онъ считалъ нужнымъ, строгій, былъ всегда одинаковъ, какъ въ то время, когда онъ выступилъ молодымъ человѣкомъ противъ великаго тогда авторитета Порсона, такъ и въ то время, когда онъ самъ уже былъ великимъ авторитетомъ. Впрочемъ, авторитетомъ былъ онъ лишь въ глазахъ другихъ, самому же ему никогда бы не пришло на мысль считать себя за авторитетъ: онъ стремился неуклонно впередъ, и цѣль истинной учености стояла въ глазахъ его столь высоко, что самого себя онъ едва причислялъ къ ученымъ. Его чистая и строгая любовь къ истинѣ, являвшаяся и въ рѣдко встрѣчающейся въ ученыхъ готовности взять назадъ мнѣніе, признанное за ложное, примирила его и сдружила съ большею частію литературныхъ противниковъ. Порсонъ, пораженный смѣлостью нападенія, направилъ на слабыя стороны врага, генеяльности котораго онъ не понялъ, ѣдкую, презрительную насмѣшку, но былъ совершенно удивленъ какъ достоинствомъ, такъ и тонкостію его отвѣта, и съ особеннымъ удовольствіемъ читалъ его не задолго до смерти своимъ друзьямъ. Эльмсли сдѣлался также изъ горячаго противника другомъ его, и вообще англійскіе ученые, которые сначала были задѣты его нападками на людей, безусловно признаваемыхъ ими за авторитеты, питали къ нему въ послѣдствіи уваженіе и дружбу, Самуилъ Парръ даже завѣщалъ ему въ знакъ уваженія, какъ первому критику своего времени, по англійскому обычаю, траурное кольцо. Дружелюбное пріятельское расположеніе Германа къ его нѣмецкимъ противникамъ прерывалось только на время; одну вражду, которую прекратила смерть, погасилъ самъ Германъ благороднымъ признаніемъ отшедшаго въ вѣчность.

Кто знакомъ съ Германомъ изъ однихъ его сочиненій, тотъ имѣетъ, правда, опредѣленный и вѣроятно въ главныхъ чертахъ вѣрный образъ его, но полное впечатлѣніе доставляла только самая личность. То именно и отличало Германа отъ большей части писателей, что онъ имѣлъ личность, что онъ столько же былъ великъ, какъ человѣкъ, сколько и какъ ученый. Оттого-то его вліяніе, какъ преподавателя, было столь значительно и благодатно, оттого имѣлъ онъ не однихъ только слушателей, но и учениковъ. Отъ преподавателя требовалъ онъ трехъ условій: во 1–хъ, преподаватель долженъ доставить матеріялъ для ученыхъ занятій, во 2–хъ, показать путь и

методу въ теоріи и практикѣ и, въ 3-хъ, внушить своимъ ученикамъ любовь къ наукѣ. Всего менѣе онъ придавалъ значеніе первому условію, здѣсь долженъ былъ всякій ученикъ работать самъ, но тѣмъ блистательнѣе выполнялъ онъ оба другія. Онъ читалъ о метрикѣ, грамматикѣ и другихъ филологическихъ наукахъ, но какъ въ своихъ сочиненіяхъ, такъ и въ лекціяхъ имѣлъ главнымъ образомъ въ виду занятіе писателями. Кругъ тѣхъ писателей, о которыхъ онъ читалъ, необыкновенно великъ; средоточіе составляли трагики, Пиндаръ и Гомеръ. Но кто ожидалъ при этомъ какого-нибудь практическаго приложенія критики съ грамматическими или метрическими трактатами, тотъ обманывался. Пониманіе писателя было цѣлью, къ которой по прямой дорогѣ шелъ Германъ; самого писателя никогда не слѣдовало, по его мнѣнію, терять изъ виду. Механическое пониманіе онъ уже предполагалъ въ слушателяхъ, или кратко намекалъ на него въ трудныхъ мѣстахъ, но болѣе всего имѣлъ въ виду, чтобы слушатели постоянно строго слѣдили за теченіемъ мыслей писателя и ясно понимали особенность выраженія его, и это почти незамѣтно, безъ всякаго многословія, вытекало у него изъ самаго способа объясненія. Толкованіе шло, не прерываясь; только, гдѣ было нужно, онъ останавливался для подробнѣйшаго истолкованія или исправленія труднаго мѣста. Такимъ образомъ на практикѣ онъ научалъ имѣть въ виду всегда дѣло и не считать посторонняго за главное. Когда онъ подробно объяснялъ трудное мѣсто, то было истиннымъ наслажденіемъ видѣть, съ какою ясностію и остротою взгляда открывалъ онъ ошибку, указывалъ, что̀ должно быть сказано сообразно съ связью мыслей, и вдругъ подобно паденію свѣтлой молніи находилъ истинное или по крайней мѣрѣ прекрасное и подходящее къ дѣлу; все это дѣлалось съ такою живостію, силою и изяществомъ выраженія, что о Германѣ можно сказать словами древняго поэта: «Скорая Пейѳо (богиня убѣжденія) царила на его устахъ; онъ очаровывалъ слушателя, и одинъ онъ оставлялъ жало въ сердцѣ.» Впрочемъ, безграничное уваженіе къ нему учениковъ имѣло основаніе болѣе глубокое, чѣмъ въ удивленіи, которое они питали къ великому мастеру своего искусства. Свѣжая, здоровая натура, не знавшая ничего неестественнаго, темнаго или поддѣльнаго; исполненная одушевленія преданность своему дѣлу; чистая любовь къ истинѣ; нравственная строгость; не сознающая своего величія простота и искренность, высказывавшіяся во всемъ существѣ Германа, въ каждомъ его жестѣ и словѣ, имѣли непреодолимую власть надъ юношескими умами. И какъ всякое замѣчательное явленіе, дѣй-

ствовалъ онъ этимъ вліяніемъ большею частію безсознательно на самыя разнообразныя натуры; онъ ободрялъ боязливаго, удерживалъ опрометчиваго, подгонялъ лѣниваго, заставлялъ человѣка поверхностнаго быть болѣе внимательнымъ; единство и ясность его нравственнаго характера принуждали каждаго входить внутрь себя и искать внутренняго согласія съ собою, чтобы слѣдовать, и въ наукѣ и въ жизни, образцу учителя. Онъ дѣлалъ своихъ учениковъ не только искусными, но и нравственными людьми....

Какъ однако глубоко ни былъ уважаемъ Германъ своими учениками, онъ былъ близокъ къ нимъ, какъ человѣкъ. Во всемъ внѣшнемъ видѣ его была какая-то любезная дружественность, увлекавшая всякаго, и нельзя было не чувствовать, что она была отъ души и искрення. Никто изъ слушавшихъ его не забудетъ дружескаго привѣтствія, которымъ онъ отвѣчалъ на поклонъ собравшихся въ аудиторіи слушателей, когда быстрыми шагами шелъ онъ сквозь ихъ ряды къ каѳедрѣ. Кто приходилъ къ нему, всегда находилъ его готовымъ слушать и помогать, угодить и оказать участіе въ дѣлѣ всякаго рода; прекраснымъ доказательствомъ гуманности его, а вмѣстѣ и гибкости ума, служитъ та черта, что онъ, будучи всегда занятъ, принималъ во всякое время посѣтителя и былъ въ состояніи, прервавъ работу, обратиться къ нему со всѣмъ участіемъ, по уходѣ же, снова, какъ будто его не прерывали, продолжать занятіе. Поводъ сблизиться съ нимъ, какъ ученику, болѣе всего подавало участіе въ обществѣ, котораго онъ былъ руководителемъ. Въ самомъ уже началѣ своей академической дѣятельности учредилъ онъ собранія съ цѣлію упражненія какъ въ въ латинскомъ стилѣ и диспутахъ (1795), такъ и въ занятіи древними писателями (1796). Очень скоро отсюда возникло общество, называвшееся сначала филологическимъ (1801), а позднѣе греческимъ (1805), подъ которымъ именемъ оно достигло извѣстности, не ограничивавшейся одною Германіей, и въ самомъ дѣлѣ стало разсадникомъ нѣмецкой филологіи; здѣсь, въ непосредственномъ соприкосновеніи съ отдѣльными лицами, дѣйствовала личность Германа со всею полнотою силы и любезности. Онъ требовалъ отъ сочленовъ трудолюбія и прилежанія; они должны были сдѣлать что-нибудь оригинальное и значительное; онъ давалъ имъ полную свободу развиваться самимъ изъ себя, но серіозно и съ любовью наблюдалъ за ними. Никогда не искалъ онъ дать имъ почувствовать свой авторитетъ, который признавался въ немъ тѣмъ охотнѣе, чѣмъ менѣе онъ его добивался и имъ пользовался. По живости, свѣжести и чистотѣ характера, и въ самой старости еще юноша,

онъ пріобрѣлъ довѣренность и любовь молодежи, и никто изъ тѣхъ, кто познакомился съ нимъ, не оставлялъ его; ученики были его вѣрными друзьями, а людей своей партіи онъ не желалъ имѣть никогда.

Германъ сильно былъ привязанъ къ Лейпцигу, въ которомъ родился, воспитывался, къ которому крѣпко привыкъ вслѣдствіе многихъ отношеній, и никогда не могъ его оставить. Когда онъ отказался отъ ректорства въ Шульпфортѣ и предложенія отправиться въ Киль, ему дали въ 1803 мѣсто ординарнаго профессора краснорѣчія, къ которому въ 1809 г. прибавлена была каѳедра поэзіи; позднѣе онъ отказался отъ приглашенія въ только-что основанный Берлинскій университетъ, хотя его положеніе въ Лейпцигѣ было, конечно, хорошо, но никакъ не блестящее и не соотвѣтствовало его славѣ и дѣятельности. Его долгая жизнь дала ему много ученыхъ почестей: у него были почетные дипломы отъ трехъ факультетовъ и многихъ ученыхъ обществъ; бездна книгъ посвящена была ему учениками и друзьями въ знакъ благодарности и уваженія. Но самымъ живымъ и обильнымъ образомъ высказалась эта благодарность 19 декабря 1840 года, когда Германъ праздновалъ юбилей своего магистерства; это было торжество, которое праздновалъ не только университетъ, но и цѣлый городъ: со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ слоевъ общества поднесены были Герману подарки и поздравленія; сотни гостей пировали на роскошномъ обѣдѣ; но особенное и прикраснѣйшее значеніе праздника состояло именно въ томъ, что онъ устроенъ былъ не столько въ честь славнаго ученаго, сколько въ честь человѣка, любимаго и уважаемаго всѣми. Другія отличія тоже были у Германа, только онъ ихъ никогда не искалъ и цѣнилъ лишь по стольку, по скольку они могли имѣть значенія; оттого онъ никогда не принималъ титуловъ и не хотѣлъ казаться, чѣмъ бы то ни было; свои ордена надѣвалъ онъ въ торжественныхъ случаяхъ; особенно радовалъ его кавалерійскій саксонскій крестъ за гражданскія заслуги, дарованный ему въ то самое время, какъ былъ учрежденъ (1816). Германъ смотрѣлъ на него, какъ на знакъ личнаго расположенія короля, заслуженнаго искреннимъ уваженіемъ къ нему. Свою должность считалъ онъ дѣломъ священнымъ и всегда благородно и добросовѣстно исполнялъ ее. Саксонецъ по родинѣ, онъ горячо любилъ Германію и былъ сыномъ ея въ настоящемъ смыслѣ этого слова....

Жизнь Германа, хотя она протекла въ бурныя времена, не отмѣчена никакимъ особенно достопримѣчательнымъ, непосредственно имѣвшимъ къ нему отношеніе, событіемъ; невозмути-

мость ея и тишина были прерваны только двумя путешествіями въ Швейцарію (1815 и 1825) и болѣе частыми путешествіями въ Карлсбадъ, которыя онъ предпринималъ довольно регулярно въ теченіе многихъ лѣтъ и большею частію верхомъ. Все почти время употреблялъ онъ на ученыя занятія. Не смотря на пылкость темперамента, Германъ отличался самымъ стойкимъ прилежаніемъ, которое тѣмъ удивительнѣе, что онъ очень рѣдко позволялъ себѣ отдыхать на механическихъ трудахъ и держалъ въ постоянномъ напряженіи дѣятельность своего духа. Для него сдѣлалось постоянною привычкою работать до полуночи, и если отнимали у него время бесѣды съ знакомыми, то онъ сидѣлъ еще позднѣе; иногда случалось даже, что онъ вовсе не ложился и не чувствовалъ однако на другое утро никакой усталости или утомленія. За то онъ обладалъ въ высшей степени счастливою способностью прерывать, по желанію, занятія и находить тотчасъ же сонъ. Но сонъ отнимало у него душевное волненіе. Поэтому онъ никогда не читалъ и не писалъ писемъ вечеромъ. Тѣмъ болѣе онъ ихъ писалъ днемъ, ибо отвѣчать тотчасъ же на каждое письмо было для него закономъ, а онъ велъ очень обширную переписку. Своей свѣжестью въ особенности былъ онъ обязанъ правильному и сильному движенію, которое ему доставляла верховая ѣзда и ходьба пѣшкомъ. Кромѣ этого находилъ онъ развлеченіе только въ обществѣ друзей и въ домашней жизни съ семействомъ, къ которому былъ привязанъ всею любовью своего теплаго сердца.

Сентября 29-го 1803 года праздновалъ онъ свою свадьбу съ Вильгельминою Швегрихенъ, дочерью одного лейпцигскаго купца, человѣка строгаго и вполнѣ благороднаго образа мыслей. Тихій, кроткій характеръ ея, умѣрявшій кипучую живость и горячность мужа, ея простота и совершенное отсутствіе притязаній не давали поверхностному наблюдателю оцѣнить ее вполнѣ, но и на такого не могла она не произвести пріятнаго впечатлѣнія добротою чистаго сердца и кротостью. Душа ея отличалась глубиною и не легко высказывалась, но неподкупное, ясное чувство твердой нравственности выражалось въ каждой чертѣ всего ея существа, всегда ровнаго, — даже въ необыкновенно твердомъ и красивомъ очеркѣ. При нѣкоторой застѣнчивости предъ чужими и въ свѣтѣ, находила она удовлетвореніе въ тихомъ, безмятежномъ кругу домашнихъ занятій, и строгая въ исполненіи своего долга, счастливая полнымъ самопожертвованіемъ, жила только счастіемъ другихъ. Германъ зналъ и цѣнилъ въ женщинѣ то скромное достоинство, которое пріобрѣтается большею частію только жертвами и

награждается лишеніемъ. «Вотъ, говорилъ онъ одному близкому пріятелю, толковали столько о заслугахъ мною будто бы оказанныхъ, а о заслугахъ жены моей, которыя гораздо выше и пріобрѣтены съ большимъ трудомъ, нѣтъ и рѣчи.» Жена Германа пользовалась не только нѣжною его любовью, но также въ полной степени уваженіемъ и довѣренностію. Она всѣми мѣрами старалась сдѣлать ему домашнюю жизнь покойною и пріятною и удалять отъ него всѣ заботы по этой части. А это не было легкой задачей, ибо средства были сначала ограниченны, а военное время приносило все новыя и новыя тягости, такъ что едва можно было справиться. Однако она умѣла все дѣло устроить такъ, что у мужа была постоянно необходимая ему верховая лошадь, и онъ не подозрѣвалъ, какимъ вслѣдствіе этого лишеніямъ и ограниченіямъ добровольно подвергала себя жена его. Она съ своей стороны находила подпору въ постоянной свѣжести его духа и увѣренности, которая ничего не знала о внѣшнихъ нуждахъ; необходимое, думалъ онъ, какъ-нибудь да найдемъ, а что за тѣмъ, объ этомъ нечего думать. И позднѣе, когда онъ лишился большей части своего состоянія, веселое спокойствіе его не было возмущено ни на часъ. Германъ былъ въ высшей степени независимъ отъ внѣшнихъ потребностей, крайне умѣренъ въ чувственныхъ наслажденіяхъ, хотя вовсе ими не пренебрегалъ; такъ, курить—обратилось у него въ привычку. Точно такъ же простъ, какъ его характеръ и все его существо, былъ и его наружный видъ, а равно и вся обстановка. Покрой платья его оставался одинъ и тотъ же въ продолженіи многихъ лѣтъ; съ утра до вечера былъ онъ въ ботфортахъ и со шпорами; стулъ у него былъ простой, плетеный, и только въ послѣдніе дни жизни сидѣлъ онъ, да и то по просьбѣ своихъ, въ креслѣ. Онъ смотрѣлъ на всякое удобство, какъ на неудобство, и презиралъ всякаго рода изнѣженность; помощь и послугу старался онъ отъ себя удалить и въ мелочахъ умѣлъ самъ себѣ помочь, иногда довольно оригинально и съ нѣкоторой ловкостью въ рукодѣльи. Попеченія домашнихъ своихъ о себѣ онъ дѣлалъ тяжелыми лишь тѣмъ, что никогда не допускалъ ихъ до себя, и благодарный уже за ихъ готовность услужить, забывалъ о себѣ. Его истинное согласіе съ женою ясно видно особенно изъ довѣренности, съ какою онъ поручилъ ей воспитаніе дѣтей. Онъ охотно занимался дѣтьми, внучатами, игралъ съ ними, заботился объ ихъ удовольствіяхъ и забавахъ, и хоть иногда пугала ихъ его живость и горячность, они все-таки обходились съ нимъ откровенно и дружески. На безотвязныя требованія ихъ

былъ онъ необыкновенно терпѣливъ, хоть бы они мѣшали ему въ занятіяхъ, и всегда съ готовностію входилъ въ ихъ дѣтскіе интересы. Въ этихъ случаяхъ высказывалась вся его мягкость и доброта. Но въ воспитаніе дѣтей мѣшался онъ рѣдко. Онъ былъ тѣхъ мыслей, что истинная сила воспитанія лежитъ въ семейной жизни, въ которой основою служитъ любовь и чувство долга, и въ сношеніи съ нравственно-образованными людьми, и что она дѣйствуетъ всего чище въ незамѣтномъ вліяніи материнской любви. Всякое покушеніе родителей на индивидуальность дѣтей почиталъ онъ вреднымъ.

Истинно счастливая семейная жизнь его не избѣжала горестныхъ испытаній. Германъ потерялъ двухъ сыновей, одного въ нѣжномъ дѣтскомъ возрастѣ, другой же умеръ внезапно, будучи студентомъ. Но самый тяжелый ударъ былъ нанесенъ ему потерею жены (1841), которая такъ глубоко потрясла его душу, что нѣсколько времени казались сокрушенными его силы, но и это горе пересилила его крѣпкая натура. Германъ нетолько нашелъ въ себѣ опять равновѣсіе, но къ нему даже возвратилась прежняя сила и свѣжесть.

Въ знакомствахъ Германа смерть жены произвела незамѣстимую пустоту. Не имѣя особенной потребности въ обществѣ, Германъ стоялъ въ короткихъ отношеніяхъ со множествомъ товарищей по службѣ и друзей, но въ многихъ связяхъ служила посредницей его жена. Онъ самъ очень рѣдко ходилъ къ кому-либо безъ особенной причины, хотя никогда не отказывался отъ приглашеній, которыя случались часто. Находясь въ обществѣ, онъ совершенно ему предавался, былъ всегда въ веселомъ расположеніи духа, интересовался всякаго рода разговоромъ, живо принималъ въ немъ участіе и разсказывалъ охотно, живо и характеристично, въ мѣткихъ словахъ и съ движеніями необыкновенно выразительными, но всегда пріятными. Онъ былъ всегда одинаковъ, всегда свободенъ отъ принужденности и претензій, всегда готовъ явиться передъ другими такимъ, какимъ былъ. Тѣмъ сильнѣе было впечатлѣніе, которое онъ оставлялъ. Кто приходилъ къ нему съ мыслію о знаменитомъ человѣкѣ, того могло поставить въ затруднительное положеніе отсутствіе всякаго повода выказыть ему свое уваженіе; казалось, что Германъ, въ своей непритворной скромности, совсѣмъ и не догадывался, съ какимъ чувствомъ благоговѣнія къ нему приближались. Но сколько онъ былъ простъ, столько онъ былъ врагомъ всяго пренебреженія принятой формы; чего требовало приличіе и вѣжливость, то исполнялъ онъ какъ нѣкотораго

рода долгъ. Внѣшній видъ его отличался изящностію и пріятностію; пріемы, напоминавшіе отчасти время его молодости, были живымъ выраженіемъ душевной теплоты, одушевлявшей все его существо и отражавшейся въ его благородныхъ чертахъ лица, которое, впрочемъ, чувствуя близость чего-нибудь дурнаго и низкаго, было способно принять выраженіе глубочайшаго пре-зрѣнія.

Невозмутимое здоровье его духа, внутреннее единство его характера имѣли необыкновенную силу на его сложеніе, отъ природы нѣжное, а простота и умѣренность жизни еще болѣе подкрѣпляли эту силу. Рѣдко онъ бывалъ серіозно боленъ, и тѣлесные недуги, какъ напримѣръ долгій мучительный кашель, преодолѣвалъ терпѣніемъ и не давалъ имъ никакого вліянія на расположеніе духа. Иногда онъ не могъ противостоять своей наклонности къ геройскому домашнему лѣченію, которую онъ наслѣдовалъ отъ своей матери. Такъ во время пребыванія своего въ Іенѣ онъ избавился отъ ужаснаго ревматизма тѣмъ, что болѣе чѣмъ 12 часовъ ходилъ взадъ и впередъ въ хорошо натопленной комнатѣ безъ отдыху, сначала едва переступая съ ужасными мученіями, а потомъ все скорѣе и скорѣе. До глубокой старости оставался онъ крѣпокъ тѣломъ и свѣжъ духомъ. Онъ сталъ правда спокойнѣе, не не слабѣе; быстрая походка, живость во всѣхъ движеніяхъ. громкій голосъ, блескъ глазъ — все свидѣтельствовало о свѣжей еще силѣ, и не давало родиться мысли, что и этому человѣку положенъ предѣлъ. Тѣмъ горестнѣе стало опасеніе, когда въ послѣдніе дни 1848-го года онъ захворалъ болѣзнью, грозившею сдѣлаться серіозною и надолго приковать его къ ложу мученій, чего однако по милости Божіей не случилось. Онъ самъ угадалъ яснымъ взглядомъ близость своей кончины и ждалъ ее съ полнымъ спокойствіемъ. Онъ былъ слишкомъ здоровъ духомъ, чтобы не любить жизнь, представлявшую ему столь богатое и чистое содержаніе, но былъ готовъ разстаться съ нею. Его единственною заботою было облегчить заботу своихъ близкихъ. И потому съ непоколебимою стойкостію переносилъ онъ страданія, которыя скоро лишили его сна; не давалъ окружающимъ замѣтить, сколь тяжки они были; расположеніе духа его нисколько не измѣнилось и оставалось по прежнему веселымъ и спокойнымъ; въ минуты облегченія тотчасъ живо пробуждались духовные интересы, и до послѣдняго дыханія больной не измѣнилъ себѣ ни въ чемъ. Постоянно старался онъ облегчить попеченія своихъ домашнихъ, сожалѣлъ о безпокойствѣ ихъ, котораго былъ причиною, и за каждый

знакъ любви высказывалъ свою благодарность. Если никого нельзя назвать счастливымъ прежде послѣдняго дня жизни, то Германа поистинѣ можно назвать такимъ, ибо послѣдніе дни его наложили печать совершенія на долгую, богатую содержаніемъ и чистую жизнь. Отходящій годъ исполнилъ и то желаніе, которое одно оставалось: въ послѣдній день его переселился Германъ спокойно и быстро въ вѣчность.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Переводы, разборы и описанія памятниковъ, изслѣдованія, характеристики, очерки.

стран.

Эдипъ царь, трагедія Софокла, переводъ съ греческаго въ стихахъ *С. Д. Шестакова*. 3

Объ Эдипѣ царѣ Софокла. Опытъ анализа *П. Н. Кудрявцева*. 71

Софоклъ и его значеніе въ греческой трагедіи *С. Д. Шестакова*. 103

О началѣ римской комедіи *Н. М. Благовѣщенскаго*. . . . 140

Ателланы *Н. М. Благовѣщенскаго*. 155

Римскія женщины по Тациту (Агриппина младшая) *П. Н. Кудрявцева*. 181

Древнія Римлянки. Внѣшняя обстановка древнихъ Римлянокъ: женское отдѣленіе въ римскомъ домѣ; одежда Римлянокъ, обувь, наряды, украшенія, румяны, уборка волосъ, прислуга и проч. *П. В. Тихоновича*. 219

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Свѣдѣнія о трудахъ новѣйшихъ ученыхъ по части классической древности.

Миѳическая Греція и Италія:

I. Grote History of Greece T. I. II. *Рец. Издателя*. . 1

II. Gerlach und Bachofen Geschichte der Römer Bd. I. *Рец. Издателя*. 100

Послѣднее время греческой независимости:

I. Бабста Государственные мужи древней Греціи въ эпоху ея распаденія. *Рец. П. Н. Кудрявцева*. 133

II. Стасюлевича Ликургъ Аѳинскій. *Рец. Издателя*. . 162

Готфридъ Германъ *Отто Яна*. 186

ВАЖНЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Отд. I. стр. 33. въ примѣчаніи схема дохмія напечатана такъ:

Слѣдовало быть:

Отд. II, стр. 69, стр. 24 напечатано: хоризонты, которые вслѣдъ за Ксенофонтомъ и т. д. Слѣдуетъ читать: вслѣдъ за Ксеноном̀ъ.